РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

АКВИЛОН

МОСКВА

ISTORICHESKAIA GEOGRAFIIA

VOLUME 3

edited by
Irina G. KONOVALOVA

АКВИЛОН

MOSCOW 2016

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 3

Ответственный редактор
И.Г. КОНОВАЛОВА

АКВИЛОН

МОСКВА 2016

УДК 913. 1
ББК 63. 3
И 73

РЕДКОЛЛЕГИЯ

д.и.н. И.Г. Коновалова (отв. ред.),
к.и.н. А.А. Фролов (отв. секретарь),
к.геогр.н. В.Э. Булатов, чл.-корр. РАН М.Д. Бухарин,
к.и.н. Т.П. Гусарова, д.и.н. И.Н. Данилевский,
к.и.н. Ф.С. Корандей, д.и.н. Е.А. Мельникова,
д.и.н. М.С. Петрова, д.геогр.н. В.Н. Стрелецкий,
д.и.н. Ар.А. Улунян, д.геогр.н. Л.С. Чекин,
к.и.н. А.С. Щавелев

И 73 ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 3 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2016. — 544 с.

В третьем томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные истории и историографии западноевропейской и русской географии и картографии IX–XVIII вв.; античным и средневековым источникам по исторической географии поствизантийской Италии, Древней Руси, Прибалтики и Дании; исторической географии Тверского уезда и Ухтомской волости XVI–XVII вв.; исторической топонимике; роли историко-географических концептов в современной общественно-политической публицистике; применению ГИС-технологий в исторических исследованиях; истории окружающей среды. В сборнике также представлены рецензии на новейшие зарубежные издания и хроника наиболее заметных научных событий в области исторической географии в 2014–2016 годах.

Издание представляет интерес не только для специалистов по исторической географии как таковой, но предназначено и для историков, географов, страноведов, историков географии и картографии, культурологов.

Научное издание

© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Институт всеобщей истории РАН, 2016
© Издательство «Аквилон», 2016

ISBN 978-5-906578-20-4
ISSN 2307–8200

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИИ И КАРТОГРАФИИ

П. Готье-Дальше
Ученые географические представления, конструирование и освоение пространства в Средние века……. 8

Л.С. Чекин
География спасения и астрономическая география: Формы актуализации северо-востока обитаемого мира в западноевропейской географической литературе и на картах IX–XIII веков……... 43

Н.В. Николенкова
Русская географическая терминология во «Ввождении в Космографию»: Лингвистический аспект …….... 108

Е. Стшельчик
Из новых польских трудов по истории географии…….. 146

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

А.В. Подосинов
Острова в Балтийском море в античной литературе от Гомера до Иордана……... 187

А.Б. Челунов
Структура поселений и феномен инкастелламенто в поствизантийской Северо-Восточной Италии VIII–X веков…….. 215

А.С. Щавелев
Известие о «северных скифах» («росах») в трактате «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого…….. 236

Т.Н. Джаксон
О «потерявшем ориентацию» авторе «Саги о Кнютлингах»……..... 251

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.С. Кутаков, Ю.В. Степанова
Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке…. 280

А.Л. Грязнов
«В Пошехонье на Ухтоме» и Ухтомская волость: XVI – начало XVII века…….. 318

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА

М.Д. Бухарин
История названий Аравии: Так называемая Первая Аравия…….. 347

И.Г. Коновалова
Рецепция античных топонимов в арабской географии: Сведения об озере *Тирмā* в сочинениях ал-Идриси, Ибн Саʿида и Абу-л-Фиды….. 366

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ар.А. Улунян
«Линия Феодосия I»: Историческая география в современной албанской общественно-политической публицистике……... 385

ИСТОРИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В.В. Хапаев
История землетрясений в Крыму: Эволюция историографических парадигм……... 405

ГИС-ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.А. Фролов, А.А. Голубинский
Веб-картографический ресурс «Источники по исторической географии Бежецкого Верха»……. 440

РЕЦЕНЗИИ

Koelsch W.A. Geography and the Classical World. Unearthing Historical Geography's Forgotten Past. London; New York: I.B. Tauris, 2013. 352 p. (Tauris Historical Geography Series) (*Ф.С. Корандей*)…… .. 456

Seegel, S. Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire. Chicago; London: University of Chicago Press, 2012. 368 p. (*Л.С. Чекин*)…… 465

Historical atlas of Poland in the 2nd half of the 16th century : voivodeships of Cracow, Sandomierz, Lublin, Sieradz, Łęczyca, Rawa, Płock and Mazovia / Ed. by Marek Słoń, transl. by A. Staszewska and M.A. Brozyna. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2014. 4 vol., xxix + 1597 p. (Geschichte — Erinnerung — Politik, 6) (*А.А. Фролов*).. 472

Историја и географија: Сусрети и прожимања. Тематски зборник радова / Главни и одговорни уредник др Софија Божић. Београд: Colorgrafx, 2014. 840 с. (Библиотека «Зборници радова» / Институт за новију историју Србије, бр. 11) (*И.Г. Коновалова*)……. 483

ХРОНИКА

XVI международная конференция по исторической географии. Лондон, 5–10 июля 2015 г. (*И.Г. Коновалова, А.А. Фролов*)…… 491

26th International Conference on the History of Cartography. Antwerp, July 12 to 17, 2015 (*Chet Van Duzer*)…… 502

Центрально-Европейская конференция по исторической географии. Прага, 31 августа – 2 сентября 2016 г. (*И.Г. Коновалова*)…… 506

Первая всемирная конференция Ассоциации исследований приграничья (*М.Е. Проскурякова, В. Кайсто*)……... 512

Международная научная конференция «Геоинформационные системы и технологии в исторических исследованиях» (*А.А. Фролов*)……. 519

XIX Всероссийская научная конференция «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI веков» (*А.А. Фролов*)…… 523

Сокращения……... 526

Abstracts…….. 527

Contents……. 536

Об авторах…….. 539

П. Готье-Дальше

УЧЕНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, КОНСТРУИРОВАНИЕ И ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация: В статье рассмотрено несколько примеров использования ученых географических представлений в разные периоды Средневековья. Эти представления, нередко восходящие к античной географии, использовались по самым разнообразным поводам: при определении национальных идентичностей, в церковных или политических мероприятиях по разграничению территорий, при утверждении действенного суверенитета над новообретенными территориями или символической власти над всем обитаемым миром, при разработке иконографических программ для церковных или светских монументальных сооружений, а также в проповедничестве. Показано, что, отнюдь не будучи чисто книжными явлениями, предназначенными для ученого меньшинства, представления о физической географии и о географии человека формировали контексты для осмысления и для действия в различных практических областях[1].

Ключевые слова: география, Средние века, национальная идентичность, распределение территорий, суверенность, проповедование.

[1] Статья была впервые представлена в виде одного из вступительных докладов XXXVII Конгресса Общества историков-медиевистов в сфере государственного высшего образования (Мюлуз, 2006) и впоследствии издавалась на французском и итальянском языках (Gautier Dalché 2007; Gautier Dalché 2007–2008; Gautier Dalché 2013: 77–103). Для настоящей публикации в текст внесены незначительные изменения.

1. Каролингская империя: ученая география на службе идентичности
2. Ученая география на службе делимитации границ
Ordinatio ecclesiae Valentinae
Аранская долина
«Нации» в Констанце и Базеле
Вопрос о Канарах
3. Ученая география в контексте архитектурных памятников
Пространство и суверенность
Пространство и история спасения
4. Использование географии в проповедях
Заключение: постоянство и динамизм

Хронист Эрнуль рассказывает, что под конец XII века Рено Шатильонский отправил пять хорошо оснащенных галер на Красное море, «чтобы исследовать и узнать, что за люди живут на этом море с другой стороны». Хронист добавляет, что одна из райских рек — Нил — впадает в это море, прежде чем появиться в Египте[2]. Сопоставление двух сообщений наводит на мысль, что причиной экспедиции послужили не только стратегические соображения и что любопытство властелина Трансиордании если и не было вызвано, то по крайней мере подпитывалось мыслью о существовании реки, исходящей из неведомого края[3]. Перед нами пример расхожего ученого представления, которое повторялось в многочисленных географических текстах со времен поздней античности и наконец оказало воздействие на реальность.

Однако географические представления средневековья в том виде, в каком мы обнаруживаем их в текстах и на картах, порой воспринимаются как чисто книжные абстракции, не связанные с реальным пространством, воспроизводящиеся без критики и без учета того, что мы бы назвали практическим опытом. Причины, подвигнувшие стольких авторов переписывать устаревшие описания и рисовать грубые *mappae mundi*, иногда кажутся безна-

[2] Sandoli 1983: 426.

[3] Согласно книге Бытия (2, 10–14), река, орошающая Рай, разделяется на четыре реки, протекающие через различные области мира, — Тигр, Евфрат, Фисон и Гихон. Идентификация последних двух рек занимала умы комментаторов с первых лет христианства. Обычно Фисон и Гихон считались Гангом и Нилом.

дежно непостижимыми. Не идет ли речь о выдумках, относящихся к воображаемому, о поводах для символических построений, об интеллектуальных играх немногих представителей духовенства? Все эти распространенные интерпретации приводят к апориям, и ни одна из них не способна объяснить существование, характеристики и социальную эффективность столь обширного корпуса географических описаний и карт, которые, в свою очередь, служили основой для всевозможных произведений с пространственной тематикой. Занимающую нас проблему следует рассматривать с учетом этого документального корпуса, стараясь не прибегать к упрощенным объяснениям и сразу же приходящим на ум очевидным иллюстрациям — например, открытие мира, последовавшее за путешествиями миссионеров в XIII и XIV вв. или же за Великими географическими открытиями. Действительно, было бы нетрудно показать, что первооткрыватели XV в. создавали свой во многом новый мир, исходя из тех же предпосылок, что и Рено Шатильонский, при помощи тех же ученых представлений, но переработанных и составленных в ином порядке. Но выбор такого материала не кажется мне продуктивным, поскольку он уводит от решения нескольких проблем. Историография Великих географических открытий до сих пор часто опирается на анахронизм, предполагающий, что сегодняшнее понимание отношений между теорией и опытом является самоочевидным, и искажающий интерпретации, вследствие чего Колумб оказывается героем нашего современного эмпиризма. А ведь речь идет о такой области знания, тексты которой, в том числе и теоретические, весьма близки к тому, что и для нас, нынешних, является учеными географическими представлениями. В других случаях из жизни средневековья совсем не так легко обнаружить реальную связь между понятиями из рукописных трактатов, доступных небольшому числу клириков, и представлениями и деяниями большинства людей, и особенно тех из них, кто не имел непосредственного знакомства с кодифицированной ученостью.

Итак, придется прежде всего сосредочить внимание на наиболее однообразных и отдаленных от «практики» документах и по возможности выяснить, как они влияют на восприятие пространства, помогают определить его суть и качества и в итоге приводят к практическим последствиям. К сожалению, нельзя

нарисовать подробную картину очень объемного явления, документальные свидетельства которого хотя и обильны, но при этом довольно разрознены. Поэтому мне показалось более наглядным и полезным задействовать сведения из разных веков и интеллектуальных сред, с тем чтобы продемонстрировать, насколько разнообразными могут быть ситуации, где выявляет-ся влияние ученых представлений. Преимущество этого подхода заключается и в том, что он позволит избежать обобщающих конструкций, претендующих на то, чтобы дать определение специфически средневекового восприятия пространства. Три серии примеров затронут сперва определение пространства, связанного с идентичностью; затем делимитацию границ; наконец, включение картографии в монументальные схемы с целью утвердить суверенитет или разработать историю спасения.

1. Каролингская империя: ученая география на службе идентичности

Первая часть этого очерка приводит нас в Рецию первой половины IX в., в окрестности Боденского озера, к автору, который был наставником Карла Лысого — Валафриду Страбону. Его поэзия иллюстрирует аспект каролингского возрождения, которому уделялось недостаточно внимания, а именно часто упоминающиеся в контексте пространственных сопоставлений географические названия, вычитанные у античных *auctores*[4]. Изобилие этих названий зачастую оценивалось как проявление необузданной лексической эрудиции, как чисто языковая игра, как посредственная имитация поэзии Вергилия. Такое упрощение упускает смысл того, что, конечно, является приемом ухищренным, но и преследующим определенные цели. Немаловажно, что этот прием возрождается в историческом контексте, где претензия на универсальность империи, то есть на контроль над всем *orbis terrarum*, сталкивается на востоке с конкуренцией Византии и с реальностью мусульманских завоеваний. Упоминание и Индии, и острова Туле, то есть крайних пределов обитаемого мира, в одной поэме во славу того или иного властителя — помимо того, что это топос, который обильно заимствовался

[4] См. его стихотворение *Ad episcopum Ferendarium* (Walahfridus Strabo 1884: 400).

у чтимого каролингскими поэтами Венанция Фортуната, и помимо очевидных реминисценций из Вергилия — имеет как следствие идеологическую легитимацию претензий на всемирное господство, возобновление, в целом, идеологии века Августа, опиравшейся на похожие литературные практики[5].

Но из того, что античные топонимы использовались в идеологических целях в поэзии двора, не следует, что эти названия всерьез воспринимались как отражающие конкретные пространственные реалии. Именно этот момент можно прояснить с помощью свидетельства Валафрида. В переработке жития святого Галла, заказанной аббатом Гозбертом, уже в начале предисловия — что придает этому факту особое значение — он позволяет себе экскурс о двух особенностях географии своей родной Реции, тесно связанных между собой в представлении каролингских ученых: о ее названии и расположении. Поводом для такого развития темы служит присутствие в обрабатываемом им тексте слова *Altimania* для обозначения страны, в которой обитают алеманны и свевы (то есть совр. швабы):

> К тому же, когда я недавно внимательно читал это житие, я нашел, что автор сего труда довольно часто называет Альтиманией землю, в которой мы, алеманны и свевы, обитаем. Но, поискав происхождение этого названия, я не нашел упоминания о нем ни у одного из авторов, знание которых дошло до нас. Если я не ошибаюсь, это название было выдумано нашими современниками из-за возвышен-ности данной области. Согласно подлинным авторам, та часть Алемании и Свевии, которая находится между Пенинскими Альпами и южным берегом Дуная, называется Рецией, а то, что к северу от Дуная, причисляется к Германии. И чтобы не считалось, что мы высказываем наши собственные мнения, мы призываем себе на помощь нескольких свидетелей. Когда Павел Орозий, слова которого пользуются всеобщим доверием, пишет о географии, он заявляет среди прочего следующее [*следует цитата из «Истории против язычни-*

[5] См. Curtius 1979: 160. Седулий Скотт часто употребляет этот штамп, как например в поэме Карлу Лысому — новому Карлу Великому: “Ille suum nomen misit trans Indica regna: / Huius fama nitens Thylen adusque uolat. / Sic utrumque replet totius climata mundi / Nomen Caesareum claraque pompa ducum” (Sedulius Scottus 1896: 182), либо как в другом сочинении, адресованном Лотарю: “India quos tremuit, seruiuit et ultima Thyle, / Hos superas equidem religione pia” (Sedulius Scottus 1896: 234).

> *ков»*]. Поскольку Норик принадлежит баварцам, и его северные пределы создаются Дунаем и Германией, Реция, которая входит в состав того же целого, обязательно имеет к северу те же самые границы. Солин тоже в «Полигисторе», где он упоминает Галлию, определяет следующим образом эти области, находящиеся на одном и том же пространстве земли [*следует цитата из «Собрания достопамятных сведений»*]. Если Реция находится только под Альпами, как считают многие, где же тут логика, если мы должны преодолевать их высоты, чтобы попасть из Галлии в Норик, вместо того, чтобы туда пройти напрямую через великую Рецию?[6]

Обычно считается, что подобные изложения свидетельствуют о чисто литературном характере каролингской и средневековой географии и указывают на нерациональное восприятие пространства. Но внимательное прочтение позволяет показать, что ситуация немного сложнее и что мы имеем дело с утонченными рассуждениями, которые возникают одновременно в интеллектуальных и социальных контекстах, предопределяющих размышления о пространстве в эту эпоху. Принятие любой другой позиции основывалось бы (не обязательно осознанно) на выводах, априори предопределенных характерными для нас привычками к размышлению о пространстве, и уводило бы от цели.

---

[6] “Porro dum pridem ipsum opus perlegerem, inueni ab auctore eiusdem conscriptionis terram quam nos Alamanni uel Sueui incolimus, Altimaniam sepius nominari; sed ipsius nominis originem quaerens, apud nullum scriptorum, quorum adhuc notitia nos respersit, eius reperi mentionem: nisi fallor enim, ab alto situ prouinciae idem uocabulum a modernis confictum est. Nam iuxta scriptores authenticos pars Alamanniae uel Sueuiae inter Alpes Penninas et meridianum latus Danubii sita Rhetia dicitur; porro quod est ad septentrionalem plagam Histri, Germaniae deputatur. Et ut non nostra dicere existimemur, aliquos rei testes asciscimus. Paulus Orosius, in cuius dictis fides omnium concordat, de situ terrae scribens, haec inter cetera ponit [...]. Cum Noricus regio sit Baioariorum et eius septentrionalis terminus Danubius et Germania, necesse est Rhetiam, quae simul ponitur, eisdem finibus aquilonem uersus terminari. Solinus quoque in Polyhistore, ubi Galliae facit mentionem, has prouincias uno terrarum tractu positas his uerbis designat [...]. Si Rhetia solummodo infra Alpes est, ut multi uolunt, quae consequentia est, ut Noricum a Gallia pergentes, asperitatem Alpium transcendamus et non potius per maiorem Rhetiam recto itinere Noricum usque tendamus?” (Walahfridus Strabo 1902: 280–282).

Итак, отправная точка размышлений Валафрида — название страны, не закрепленное традицией, поскольку оно не встречается ни у одного автора. Неправильно было бы воспринимать этот подход как следствие подлежащей осуждению интеллектуальной лени или же излишнего доверия, уделяемого *scriptores*, то есть писаному слову в ущерб тому, что мы называем «опытом». Ведь для ученого каролингской эпохи описание пространства — это прежде всего вопрос обозначения. Страны, области, провинции являются для него сущностями, которые имеют значение благодаря своим именам. В этом сказывается образованность, основанная на приоритете грамматики, а также на представлении о реальности, у которого очень давние неоплатонические корни и которое возродилось благодаря интеллектуальной плодотворности трудов Исидора Севильского. Смысл и действенная ценность любого явления, что бы оно из себя ни представляло, определены происхождением названия, которое и раскрывало сущность их природы[7]: в этом заключалась и сама цель энциклопедии Исидора, справедливо озаглавленной «Этимологии». Но, с другой стороны, данное название не встречается у Орозия и Солина, *scriptores authentici* — у тех, чья истинность подтверждается не только их древностью, но и главным образом их географическими описаниями. Эти описания относятся к тому состоянию цивилизации и знания, которое в области географии дало результаты, считавшиеся безупречными благодаря факту завоевания всего *orbis terrarum* и власти над ним[8]: география идет по следам завоевания. Поэтому легитимность слова *Altimania* невелика.

Рассуждение Валафрида берет начало в том же ментальном контексте. В связи с этим он сталкивается с дилеммой: с одной стороны, название страны, соответствующее реальности; а с другой — отсутствие этого названия у представителей безупречной древнеримской географии. Их названия провинций и стран, для нас устаревшие, продолжали существовать как категории,

[7] “Nam dum uideris unde ortum est nomen, citius uim eius intellegis” (Etymologiae: I, 29, 2); ср. в общем смысле Curtius 1979: 495–500 (XIV) — “Etymology as a category of thought”.

[8] Об этой основе конструкции представления о пространстве в период поздней античности и средневековья см.: Gautier Dalché 2003a: 139 и далее, а также Gautier Dalché 2008: 29–66.

способные эти места идентифицировать. Хуже того, согласно описаниям тех же *scriptores authentici*, Реция — древнее, римское название страны святого Галла и Валафрида — является частью того же *tractus*, то есть того же «неизменного» (ne varietur) целого, что и Норик с Паннонией, которое неизбежно характеризуется теми же самыми границами и рельефом, выводимыми Валафридом из слов и из структуры «аутентичных» текстов, независимо от соответствия этих текстов действительности или, точнее сказать, тому, что было бы для нас соответствием географического текста действитель-ности. Согласно Орозию, Реция, Норик и Паннония, пред-ставляя из себя одно целое, ограничены на севере Дунаем, который их отделяет от Германии. Согласно же Солину, можно легко перебраться из Галлии во Фракию через Рецию, Норик и Паннонию, не преодолевая высокогорья. Так, если «Реция» соответствует только равнинной местности *infra Alpes*, как же объяснить, что для перехода из Галлии в Норик необходимо преодолеть Альпы вместо того, чтобы пройти по *maior Rhetia* (то есть по Реции более протяженной, чем сами Альпы, и позволяющей проход по равнине)?

Видно, что для Валафрида сложность заключается в примирении современного названия и названия римской провинции, переданного традицией, — *Alamannia* (или *Altimania*) и *Rhetia*. Но ошибкой было бы интерпретировать подобные изыскания согласно нашим собственным умственным привычкам: его рассуждения не ограничиваются ассоциацией бессодержательных названий. Он принимает во внимание *situs provinciae*, но также и недавнее заселение, нарушившее римскую территориальную структуру, а также лингвистические нормы, варьирующие в соответствии с происхождением народов:

> Итак, поскольку свевы, смешанные с аламаннами, обосновались в части Германии по ту сторону Дуная, в части Реции между Альпами и Дунаем и в части Галлии по берегам Соны, мы будем производить название отечества от названия его обитателей, дабы сохранить правду древних наименований, и назовем его Аламаннией и Свевией. По сути есть два слова, обозначающие один народ; соседние народы, гово-

> рящие по-латыни, обозначают нас первым именем, тогда как варвары нас называют вторым[9].

Итак, край, в данное время населенный «алеманнами и свевами», более обширен, чем Реция, которая является одновременно и равнинной, и горной. Название *Altimania* имплицитно выделено для горной части *maior Rhetia*. Валафрид предался таким рассуждениям не потому, что название страны *Altimania* неверно[10], а для того, чтобы «сохранить истинность древних названий», и особенно названия римской провинции *Rhetia*.

С другой стороны, если он предпочел термины *Alamannia* или *Suevia* названию *Altimania*, то потому, что название региона происходит от наименования его тогдашнего населения. Помимо необходимости того, чтобы *происхождение* названия страны в точности соответствовало его основной сути, ясно, что такое решение отражает интерес Валафрида к народу, к которому он сам принадлежит, а также желание дать этому народу возможность существовать *в географическом тексте*, не умаляя при этом значение названий, происшедших из традиции, априорно формирующей контекст пространственных представлений о личной идентичности. Именно топографическое содержание античного текста, подчеркивая характер местности, состоящей одновременно из гор и равнин, организует рассуждение о современном пространстве и позволяет прийти к выводу о равнозначности названий.

Я задержался на данном примере по двум причинам. Он — далеко не исключение. Того же результата можно было бы достичь исходя и из других текстов, таких, как описание Эйнхардом расширения франкского королевства[11]. Мы имеем дело с фи-

---

[9] “Igitur quia mixti Alamannis Sueui partem Germaniae ultra Danubium, partem Rhetiae inter Alpes et Histrum partemque Galliae circa Ararim obsederunt, antiquorum uocabulorum ueritate seruata, ab incolis nomen patriae diriuemus et Alamanniam uel Sueuiam nominemus. Nam cum duo sint uocabula, unam gentem significantia, priori nomine nos appellant circumpositae gentes, quae Latinum habent sermonem; sequenti usus nos nuncupat barbarorum” (Walahfridus Strabo 1902: 282).

[10] Подобную интерпретацию см.: Lozovsky 2006: 345. Значимость этого фрагмента «Жития святого Галла» была отмечена в кн.: Preisendanz 1927: 5.

[11] Einhardus 1911: 12, 15.

нальной точкой размышлений каролингской эпохи, еще в большей мере проясняющих для нас посредническую роль ученых знаний, которые были распространены среди элит благодаря хорошо засвидетельствованному преподаванию географии. С другой стороны, этот пример имеет и парадигма-тическую ценность. «Книжные» знания, всегда проявляясь как некое хорошо выстроенное целое, обусловливают размышления о пространстве, которое предстает в виде крупных региональных образований, определяемых границами относительно друг друга. Каролингские интеллектуалы и все те, на кого воздействовала их ученость, то есть все каролингское аристократическое общество, только таким образом и представляли себе реальное пространство, в котором осуществлялась всевозможная деятельность их социального мира.

2. Ученая география на службе делимитации границ

Для периода XIII – начала XV в. можно привести три примера, когда ученая география принималась во внимание в ходе мероприятий по разграничению и распределению территорий в церковном либо в светском контексте. Все они касаются Иберийского полуострова, будь то вопрос о принадлежности Валенсийской епархии после ее отвоевания, или проблема установления границы с Францией, или же спор между кастильской и португальской коронами о владычестве над Канарскими островами. География, задействованная в этих операциях, — чрезвычайно банальна, а ее источниками служат либо «Этимологии» Исидора Севильского, либо «Образ мира» Гонория Августодунского (начало XII в.). И та, и другая энциклопедии включают раздел, описывающий провинции земного круга согласно их границам. Между текстами седьмого и двенадцатого веков нет ни одного существенного содержательного изменения. При этом в последнем примере, относящемся к владению Канарами, идет речь о морской карте, которая сама является плодом ученой деятельности.

Ordinatio ecclesiae Valentinae

Вследствие отвоевания Валенсии Иаковом I в 1236 г. возникло соперничество между архиепископами Толедо и Таррагоны по поводу того, к какой провинции должна была принадле-

жать епархия, недавно возвращенная в состав христианского мира. В результате по решению папы Григория IX началось разбирательство[12]. Документы, принесенные обеими тяжущимися сторонами и представлявшие из себя весьма специфическое целое, разделялись на два типа. Были рукописи соборов, подробно описанные (цвет чернил, украшения, заметки на полях), а также церковное разделение Испании, атрибутированное Константину и представленное согласно четырем арабским рукописям[13]. Две из них были анонимные, третья приписывалась Разису, четвертая — некоему Абибе Капазахаби, «который был сведущим в их законе», по мнению иудея и араба, вызванных, чтобы ее перевести[14]. Это древнее разделение было обновлено перераспределением епархий полуострова в VII в. при вестготском короле Вамбе[15]. Сюда присоединялись два документа, посвященные чисто описательной географии: отрывок из «Естественной истории» Плиния Старшего (I в. н.э.), перечисляющий народы и поселения (oppida) провинции *Hispania citerior*, в которой находилась римская колония Валенсия, и отрывок из «Этимологий» Исидора Севильского (XIV.4.28–30), характеризующий *Hispania* согласно ее этимологии, природным границам, ремесленному производству, рекам и ее римскому административному членению. Итак, соперничая с юридическими текстами, описательная география имела не меньший авторитет. Оба отрывка, в сознании тех, кто их привлекал в качестве доказательства своих претензий, должны были продемонстрировать принадлежность Валенсии к *Hispania citerior*. Обратим внимание на то, что различие между *Hispania citerior* и *Hispania ulterior*, возникшее в I в. до н.э., было уже полностью устаревшим. Значение, приписы-

[12] Martorell 1912. Обильные материалы дела обстоятельно изложены в 14-й главе в кн.: Burns 1967.

[13] О нем также известно из книги ал-Бакри «Китаб ал-Масалик ва-л-мамалик» (Levi-Provençal 1938: 42, n. 2; издание и перевод там же, с. 246-249).

[14] Имеется в виду Хроника Разиса, которая содержит описание Иберийского полуострова и теперь известна лишь в кастильском переводе португальской версии (Catalan 1975). Автор сообщения, уточняющий по поводу Разиса, что он «составил много книг о физике», путает его со знаменитым врачом.

[15] Vazquez de Parga 1943.

вавшееся подобного рода текстам, явствует и из следующего факта: о фрагменте из Исидора сказано, что он восходит к нескольким рукописям Сан-Милланского монастыря, «которые дают те же чтения». Итак, считалось, что ученая география привносила в правовую сферу подлинные документы, содержание которых подтверждалось непротиворечивостью рукописей.

Аранская долина

Вопрос о принадлежности Аранской долины был долгое время основным предметом споров между Францией и Арагоном. В 1312 г. в докладе, составленном французами во время переговоров между представителями обеих сторон, юридические аргументы были вновь связаны с географическими. Дело в том, что для французов оба королевства разделялись Пиренейским хребтом, считавшимся линией соприкосновения двух гидрографических бассейнов:

> Там, где эти реки стекают в сторону Гаскони, земля принадлежит Французскому королевству, а там, где они стекают в сторону Испании и Каталонии, она относится к испанским королевствам, согласно Исидору и древним хроникам[16].

Привлечение текста Исидора здесь — явление более общего порядка, чем в случае с *Ordinatio ecclesiae Valentinae*, но ссылка дается все на тот же фрагмент «Этимологий»: согласно севильскому епископу, *Hispania* замыкается Пиренеями. Понятие о линии водораздела подкрепляется элементом описательной географии, взятым у автора, чья древность придавала ему должную достоверность. Таким образом, специалисты по международному праву, приставленные к этому делу, были знакомы со способом разделения пространства, предлагавшимся описательной географией; для них это разделение являлось очевидным условием рационального и эффективного осмысления пространства.

Этот тип рефлексии, исходящий из уже существовавших ученых схем, можно сопоставить с наставлениями, которые содержатся в канцелярском формуляре Одара Моршена, секретаря

[16] “Prout dicta flumina decurrunt versus Wasconiam est de regno Francie et prout decurrunt uersus Yspaniam seu Cataloniam est de regnis Yspanorum, secundum Ysidorum et antiqua cronica” (Lauer 1920: 29).

Карла VII. География, преимущественно феодальная, которая в нем обнаруживается, — сложна, точна и предлагает организованный взгляд на пространство королевства. Хотя в нем нет явной ссылки на ученую географию, она всегда прослеживается на заднем плане в размышлениях воспитанников университета, которые при необходимости могут на нее сослаться[17]. Так, около 1295 г. автор исследования на тему прав короля Франции на Лион отвечает враждебно настроенному городскому духовенству, опираясь на административный документ, «Провинциал» курии, в котором лионская церковь фигурирует в качестве первого престола Галлии (Gallie prima sedes), и прибегая таким образом к ученому понятию «Галлии»[18]. В более общем смысле труды занятых административными делами авторов — «Императорские досуги» Гервазия Тильберийского, маршала Арльского королевства при Оттоне IV, или «Книга сокровищ» Брунетто Латини, канцлера Флоренции, — обнаруживают ту же смесь описательной ученой географии с церковной или гражданской[19]. Эти два типа географической культуры, сосуществующие в трудах одних и тех же лиц, будь они духовными или светскими, принципиально никогда не противопоставляются.

«Нации» в Констанце и Базеле

Соборы пятнадцатого столетия, собирая аудитории, воспитанные на одних и тех же авторах и разделяющие одни и те же понятия, дали немало случаев совершенно естественного внедрения географических понятий в аргументацию.

В Констанце участники подразделялись на четыре «нации»: итальянцев, французов, немцев и англичан, каждая из которых могла включать в себя несколько королевств. Голосование осуществлялось группами, а не индивидуально[20]. В своем *De ecclesiastica potestate*, прочитанном первого октября 1416 г., Петр д'Альи оспорил право Англии одной составлять целую нацию и предложил ее причислить к немецкой; эта мысль была развита

[17] Desjardins 1997.

[18] Kern 1911: 199.

[19] Gervasius 2002: 176–346, 520–528; Brunetto Latini 1863: 151–173 (I, iv, 122–125).

[20] Общая проблематика в кн.: Loomis 1939: 508–527; из более новых работ см. Schmidt 1999: 476–484.

третьего марта следующего года в специальном докладе. Для французов английская нация включала лишь одно *regnum particulare* и не могла быть равной Италии, Галлии, Испании, или Германии, которые, будучи образованиями намного более обширными, включали в себя ряд регионов и провинций[21]. По той же схеме, ссылаясь на размер страны и ее политические составляющие, ответил один из официальных нотариев собора, англичанин Томас Полтон — возможно, будущий епископ Винчестерский[22]. В докладе, представленном в конце марта 1417 г., он предпринял попытку продемонстрировать, что Англия была больше, чем Франция, а также, при помощи надуманных аргументов, связанных с церковной географией, что она включала большее количество епархий. Тем самым он предоставляет нам данные, происходящие из ученой географии и выдвинутые в ходе дискуссии. Сторонники французской точки зрения опирались на *mappa mundi*, которая, по их мнению, доказывала, что Франция более чем в шесть раз превосходила по величине Английское королевство, и на которой виньетка, представлявшая один город Париж, занимала большую, чем это королевство, площадь[23]. Возможно, как мы увидим в дальнейшем, дело было не только в коварстве французов. Изменчивый масштаб изображений в ту эпоху осознавался всеми. Преувеличенный размер Парижа на карте отражал не его настоящие размеры, а лишь значение, приписываемое городу. Как бы то ни было, факт принятия в расчет подобной карты сам по себе не рассматривался Томасом Полтоном как нелегитим-ный. Символическая функция того или иного аспекта карты достаточно владела умами для

[21] Mansi 1784: 1022–1031; Hardt 1699: 57–75.

[22] Genet 1984.

[23] “Unde audent Domini sic scribentes scribere, regnum Franciae sex et plures quotas portiones facere ad regnum Angliae? Aestimatur enim, quod sicut nonnulli eisdem fauentes pro singulari gloria in mappa mundi ciuitatem Parisiensem plus occupare de loco pingunt quam totum regnum Angliae, sic, ut uidetur, praesumere uellent, sic scribentes inaequalitatem inter regna praedicta in terrae continentia et ceteris qualitatibus” (Hardt 1699: 91–92). Из этого отчета не видно, что Париж был в центре данной *mappa mundi*. Так же ничто не позволяет угадать в этом пассаже аллюзию на слова Ансо Шокара, предлагавшего перенести резиденцию папы в Марсель, так как, по его мнению, этот южный город расположен в самом центре мира (Genet 1984: 69).

того, чтобы, по крайней мере в глазах отдельных людей, заинтересованных в подобной точке зрения, данное изображение казалось реалистичным и естественным.

Дабы разрешить спор в пользу англичан, Томас Полтон предложил оригинальное членение Европы, объективным преимуществом которого, по его мнению, была бы возможность избежать всяческих предрассудков. Согласно этому предложению, народы Европы определялись бы по строго географическим критериям так, чтобы ни одно королевство не чувствовало себя оскорбленным из-за привычного распределения народов и государств. Венгрия, Богемия, Польша и Германия составили бы восточную нацию, Франция и Испания — западную, Англия, Уэльс, Шотландия с Ирландией, Дания, Швеция и Норвегия — северную, а Италия, Кипр и Крит вместе с греками католического вероисповедования — южную[24]. Принцип данного примирительного членения восходил к натурфилософскому трактату Альберта Великого, в котором, с чисто описательной целью, четырехчастное членение применялось ко всему земному кругу[25]. Речь тут идет о явной тенденциозной манипуляции текстом, причем Томас Полтон прикрывается авторитетом известного ученого. Но главное тут не в нравственных мотивациях участников. Альберт, в свою очередь, всего лишь воспроизвел космографию VII в., которая систематически использовала этот классификационный принцип, чтобы описать совокупность обитаемого мира, разделенного на четыре части по четырем сторонам света[26]. Итак, идея строго географического членения, которую можно назвать современной, восходит в конечном итоге к продукту культуры и школы поздней античности. Похоже, что эта мысль представляла собой повтор ранее высказанного анонимного мнения; намерением было исключить всякую связь

[24] Hardt 1699: 76–101.

[25] “Volumus autem in hac descriptione praecipue imitari descriptionem, quae facta est sub Augusto Caesare, qui primus mandauit ‘ut totus orbis describetur’; ... ipse descriptionem perfici fecit per quattuor partes habitabiles... Hae tamen tres partes orbis simul iunctae in quattuor quartas nostram habitationem diuidunt, quartam [Asia, Europa, Africa] uidelicet orientalem et quartam occidentalem et duas reliquas, quae sunt aquilonaris et meridiana” (Albertus Magnus 1980: 29, 30).

[26] Pseudo-Aethicus 1878: 71–103; см. особенно 72.

между нациями собора и королевствами[27]. Такое членение укрощало претензии каждого из королевств. «Хотят они того или нет, французы и испанцы в Европе относятся к западу; англичане, датчане, шведы, норвежцы, шотландцы и ирландцы — непременно к северу»[28]. Кроме того, у такого членения было преимущество того, что оно было основано на принципе, вечном в силу своей объективности.

Спустя некоторое время в Сиене и затем в Базеле кастильский гуманист Альфонсо де Санта-Мария воспротивился английским претензиям на первенство[29]. Географические аргументы занимали лишь малое место в этих дискуссиях, но они — той же природы. Англичане пользовались теми же текстами и теми же доводами, что и Томас Полтон, но Альфонсо де Санта-Мария без труда отразил претензии противной стороны по поводу относительных размеров и богатств Англии и Кастилии, приведя, согласно «Этимологиям» Исидора Севильского, данные о незначительной окружности Англии и вспомнив старое античное клише, описывающее Британские острова как *alter orbis* — то есть как простые предместья Европы[30].

---

[27] Согласно Schmidt 1999: 483, этот аноним был итальянцем.

[28] “Quid uelint nolint Franci et Hispani, ipsi necessarie sunt occidentales in Europa, Anglici, Daci, Suecici, Norwidi, Scoti et Yberi necessarie aquilonares” (Hardt 1699: 102).

[29] Относительно англичан см. Genet 1984: 61; о кастильцах см. издание речи в: Blanco 1894: 122–129, 211–217, 337–353, 523–542 и более современное в: Etcheverria Gatzelumendi 1992. Описательный анализ: Alvarez Palenzuela 1992: 55–62 и Parra García 2002 (географические аргументы на с. 476). Мне не удалось свериться с Fernández Gallardo 1994.

[30] «И хотя это заключение опирается на достаточные доказательства, но для его дополнительного подкрепления — чтобы нельзя было сказать, что в его основе нет слов авторитета — оно доказывается словами Исидора, который в IX книге «Этимологий» говорит об Англии, что она — в океане и отделена от нас морем, как бы располагаясь вне ойкумены. И он отсылает к Вергилию, сказавшему: “британцы, отделенные от всего мира”. Также в XIV книге он выражается следующими словами — “Британия, остров в океане, простирается по ту сторону моря, отделенная от всего мира”. Итак, собственно говоря, она находится вне мира и таким образом является, как я уже сказал, как бы предместьем мира» (Et licet hec ratio satis probata existat, ne tamen dicatur quod non habet fundamentum auctoritatis expresse, ad maiorem corroboracionem, probatur per dictum Ysidori, qui in IX libro Ethimologiarum dicit de Anglia quod est intra occeanum, interfuso mari,

Эти дебаты поучительны и вне контекста простых административных вопросов. Ученая география являлась естественной предпосылкой для таких разговоров. Исходя именно из данных географии, эти дискуссии в итоге приводили к решениям, которые упорядочивали обжитое пространство соборных наций, а следовательно, в обязательном порядке, и «реальное» пространство, отмеченное положительными либо отрицательными смыслами.

Вопрос о Канарах

Альфонсо де Санта-Мария, тем временем взошедший на престол бургосского епископа, вмешался в 1437 г. в другое территориальное разбирательство, между Португалией и Кастилией по поводу Канар[31]. Король Португалии привел геокартографический аргумент, опираясь на правовые нормы, относящиеся к владению островами: в некоем источнике, который он назвал *cosmographia*, и на морских картах того времени Канары были близки к Африке, завоевание которой шло начиная с момента взятия Сеуты его отцом[32]. Вероятно, этот довод был уточнен

---

quasi extra orbem posita. Et allegat Virgilium dicentem toto diuisos orbe Britanos. Item in libro XIII dicit hec uerba: Britania occeani insula interfuso mari toto orbe diuisa patet. Ergo quod, propriissime loquendo, extra orbem est et sic quasi quoddam suburbium orbis, ut dici.). Ссылки даются на «Этимологии» IX.2.102 и XIV.6.2.

[31] Имеется в виду не речь, произнесенная в Базеле в 1435 г., как часто утверждается, а письмо, адресованное послу короля при Святом Престоле, чтобы помочь в защите прав Кастилии. Данный текст часто цитируется; ссылка на географию и на карты отмечается редко (описательный анализ см.: Alvarez Palenzuela 1992: 86–91; никакого упоминания особенностей аргументации не дается в: O'Callaghan 1993). Культурный факт использования карт в юридическом диспуте не замечен рядом выдающихся историков португальской картографии, которые ограничиваются дискуссиями о происхождении и типе представленной карты (самый недавний пример: Marques 1987: 78).

[32] Король Португалии оскорблен, «потому что острова примыкают скорее к Африке и более приближены к ней, что отлично видно из космографии и морских законов, и правдивее даже говорить, что они являются частью Африки» ([...] quia preffate insule adiacent magis et appropinquant Africe quemadmodum per cosmografiam et maritimas prescriptiones luculenter uideri potest, ymo uerius porcio quedam Africe sunt). (Прошение к Евгению IV в августе 1436 г., см. Witte 1953: 715–716.)

португальцами: согласно Альфонсо де Санта-Мария, некоторые из них утверждали, что острова были ближе к берегам Португалии, нежели к любым берегам кастильского королевства, и в качестве доказательства они предъявили некую *carta maris*, на которой было видно, что мыс Святого Викентия выступает далеко в океан, и черта, проведенная в сторону Канар от мыса, была короче черты, проведенной от кастильского Алгарви[33].

Ответ бургосского епископа держится на двух пунктах, связывающих две традиции ученой географии: «Этимологии» Исидора Севильского и карту. Во-первых, Исидор утверждал, что Мавритания Тингитанская относится к Испании[34], хотя в нее и не включена и хотя, в силу обстоятельств, южные ее пределы плохо известны. Показательно, каким образом здесь рассматриваются источники географических знаний. Севильский епископ,

---

[33] «[...] была предъявлена морская карта, из которой очевидно, что угол Португалии, называемый мысом Святого Викентия, сильно выступает в океан. По сути эти два угла, а именно тот, который называется Финистерре в Галисии, и тот, который называется мысом Святого Викентия в Португалии или Алгарви, выступают в море заметно более сильным образом, нежели остальные края света, которые находятся на карте. И при учете прямых линий, проведенных от угла мыса Святого Викентия и земель Кастилии, которые находятся в нашем Алгарви и в этом регионе до самых Канарских островов, некоторым казалось, что эти острова больше соседствуют с этим углом мыса Святого Викентия и ближе к нему, чем к любой другой земле Кастилии» ([...] inducebatur *carta maris* secundum quam patet quod ille angulus Portugalie qui dicitur finis seu caput sancti Vincentii facit magnum ingressum in occeano. Nam isti duo anguli, uidelicet ille qui dicitur finis terre in Gallitia et ille qui dicitur caput sancti Vincentii in Portugallia seu Algarbio ingrediuntur mare aliquanto longius quam alie terre finitime *que sunt in rota*. Et consideratis lineis rectis et protensis ab angulo sancti Vincentii et a terris Castelle que sunt in Algarbio nostro uel per illam contractam et protensis usque ad insulas Canarie uidebatur aliquis quod ille insule essent propinquiores seu uiciniores illi angulo sancti Vincentii quam alicui terre Castelle). (Marques 1944: 298; этот документ датирован, по-видимому неверно, 1435 годом). Упоминание термина *rota* показывает, что речь, собственно говоря, идет не о морской карте, но о хорошо известном типе круглых *mappae mundi*, на который оказали воздействие методы морской картографии; далее он заключает: “ex situ earum per mappam mundi uel cartam maris” (Marques 1944: 302).

[34] Etymologiae XIV.4.29. Эта кажущаяся аберрация происходит от диоклетиановой организации империи.

а также Жан Бальби в своем «Католиконе» одобрены «многими другими, когда они говорят о разделении земель» (alii quamplures cum de divisione terrarum loquuntur) и соответственно подразумевается, что их идеи известны всем. Но Исидор пользовался наибольшим авторитетом «среди древних мудрецов и наставников, которые описали разделение земель» (inter antiquos sapientes et doctores qui diuisiones terrarum scripserunt), ведь он тот, «кого благодаря его книгам все признают заслуживающим доверия» (qui... ab omnibus in libris suis reputetur autenticus), особенно в области права[35]. Несмотря на трудности полного и конкретного знания о Тингитании из-за исторических перемен, повлиявших на самую суть народов, городов и местностей, а именно на их названия; несмотря на присутствие мусульман, отсутствие культурных связей и войну, познать эту провинцию можно по ее описанию, сделанному энциклопедистом. В результате из рассмотрения ее границ делается вывод, что речь идет о стране, в которой находятся город Фес и прилегающие регионы, а также Танжер. Во-вторых, при рассмотрении расположения Канар слева от Мавритании, «исходя из их места на карте мира или на морской карте» (ex situ earum per mappam mundi uel cartam maris), демонстрируется, что они к ней близки настолько, что их можно назвать ее частью точно так же, как Сицилия является частью Италии[36]. На деле аргумент о близости не имеет значения, поскольку в римском праве он применяется только к владению речными островами. Но, чтобы исчерпать вопрос, Бургосский епископ углубляется в исследование фактов на той же карте: при учете всего оказывается возможным, что острова все-таки ближе к кастильской Андалусии, что следовало бы подтвердить измерением циркулем на карте.

На этом я оставляю дискурс Альфонсо де Санта-Мария, в котором географические размышления о текстах и карте опираются на право[37]. Мы по ходу дела увидим, что географические

[35] Marques 1944: 299. Исидор — testis omni exceptione maior (300).

[36] Marques 1944: 300–302.

[37] И еще: так как аллювиальным наносом владеет тот, кому принадлежит побережье, напротив которого он появился по причине его протяженности и так как мыс Святого Викентия очень узок, он может соответствовать лишь очень маленькой части островов (Marques 1944: 317). Следо-

тексты и карты рассматриваются обеими сторонами как источники точных сведений о реальном положении дел в пространстве. Иногда случается, что аргументы географического характера, представленные на церковных соборах, клеймятся как безрассудные, «метафизические» или «мифические», что является неосознанным анахронизмом, происходящим из современного восприятия географии[38]. Чтобы понять их настоящую функцию, нужно интересоваться не их содержанием и его отношением к конкретной (для нас) пространственной действительности, а использовавшимися перцептивными и интеллектуальными процедурами. Аргументы свидетельствуют в первую очередь об общей культуре, делавшей возможными дебаты, в которых все участники разделяли одни и те же базовые понятия, полученные в университете. Эта культура обусловливает характер рассуждений о пространстве, будь то в практической, непосредственной перспективе, или же, на более общем уровне, для обоснования национальных интересов.

3. Ученая география в контексте архитектурных памятников

Приведенные выше ученые понятия были доступны не только клирикам, воспринимавшим их благодаря университетскому образованию. Это станет ясным, когда мы займемся иной сферой. Некоторые *mappae mundi* были представлены в монументальных ансамблях, как светских, так и церковных[39]. Не следует воспринимать картографические изображения, выставленные публично, как всего лишь украшения. Их содержание было обдумано, они были организованы в соответствии с иконографическими программами, наделявшими их точными значениями, что естественным образом влекло за собой последствия идеологического характера для тех, кто эти изображения разглядывал.

вало бы уточнить, был ли знаком кастильскому послу трактат Бартоло да Сассоферрато по этому вопросу (Tractatus de fluminibus seu Tyberiadis).

[38] Напр., Heimpel 1994: 5; Miethke 2002: 153.

[39] В данном случае меня вдохновили две новаторские статьи Марши Капфер (Kupfer 1994; Kupfer 1991).

Пространство и суверенность

Начиная с поэтического описания пола в покоях графини Адели, дочери Вильгельма Завоевателя, которое сочинил в начале XII в. Бодри де Бургёй, имеются многочисленные свидетельства об изображениях земного круга, которые можно было увидеть в королевских резиденциях[40]. Главная функция этих изображений — восхвалять знания суверена. Она непосредственно вытекает из мощной и продолжительной традиции, согласно которой суверен является одновременно и инициатором военных завоеваний, и источником географического знания, то есть порядка, наведенного в разнообразии земных пространств, которые подчинены его власти силой оружия. Связь между сувереном-упорядочивателем и изображением мира берет начало в двух позднеантичных вторичных продуктах имперской идеологии — в «Космографиях» Юлия Гонория и псевдо-Этика[41], из которых следует, что Цезарь либо Август приказал осуществить общее описание земного круга, разослав геометров во все стороны света в то самое время, когда родился Христос, то есть в начале последнего этапа истории спасения. Благодаря своим политическим и религиозным аспектам, этот вымысел сохранялся в качестве необходимого условия географического знания на протяжении всего средневековья[42]. Так, в XII в. английский клирик Роберт Криклейдский преподнес Генриху II краткое изложение «Естественной истории» Плиния Старшего, текста, наполненного учеными и, конечно, уже устаревшими понятиями, вместе с аргументацией, напрямую вытекающей из такой мысли: как властелин обширного пространства, Плантагенет не мог не быть осведомлен о частях света, над немалой частью которого он господствовал сам[43].

Начиная с этой эпохи, в ряде рыцарских романов часто встречаются нарративные иллюстрации связи между оружием и наукой, повторяющейся темой которых оказывается походный

[40] Baudri de Bourgeuil 1998.

[41] Вторая из них является источником членения мира по четырем сторонам света, включенная Альбертом Великим в его De natura loci и цитированная Томасом Полтоном в ходе Констанцского собора (Iulius Honorius 1878: 21–55; Pseudo-Aethicus 1878: 71–103).

[42] Gautier Dalché 2005; Gautier Dalché 2008.

[43] Rück 1902: 265; Robert de Crickelade 2003: 1–3.

шатер суверена, украшенный космографическими и географическими изображениями. Самый показательный пример — из «Романа об Александре», в котором завоеватель объясняет своим воинам изображения, украшающие шатер. Например, в венецианской версии:

> En l'autre pan aprés, qui vousist esguarder,
> Veïst il mapamondi enseigner e mostrer...
> Al'x. li reis i vait souvent garder
> Quant il gist en son tref per son cors deporter,
> Li doçe per o lui per son sen escouter[44]...

Для мирской аудитории эти фикции демонстрировали идеологию всезнающей власти, черпая естественность и убедительность из своих древних истоков.

Монументальные карты выражали также смыслы иного порядка. Так, при Генрихе III в Вестминстерском и Винчестерском дворцах имелись две *mappae mundi* в местах с мощным символическим зарядом. В Вестминстере карта находилась в спальне короля и была видна с его постели. Мы не знаем, как она выглядела; но она сопровождалась надписью, восславляющей мудрость и милосердие. Таким образом, изображение напоминало одновременно об объеме знаний короля, об ограниченности владения земным благом и о благе духовном, ожидаемом в награду за праведное поведение. В большом зале Винчестерского дворца присутствие колеса Фортуны на стене, вероятно, той, напротив которой находилась *mappa mundi*, иллюстрировало эфемерную природу власти, осуществляемой над земными пространствами[45]. Ученые представления, благодаря тому, что содержащие их *mappae mundi* располагались во властных местах и включались в более или менее сложные программы, придавали земному владычеству эсхатологическое или моральное значение.

---

[44] « В другой же части желавший поглядеть / увидел бы поучительную и наглядную карту мира... / Царь Александр часто ходит на нее посмотреть / когда в своем шатре он ложится, чтобы отдохнуло его тело; / при нем — двенадцать витязей, готовых внять его совету...» (La Du 1937: 161 [V. 3441–3451]).

[45] Kupfer 1994: 277–279.

Пространство и история спасения

Под конец XV столетия английский гуманист по имени Джон Роус мимоходом заявил в своей «Истории королей Англии», что все городские и сельские церкви имели по одной *mappa mundi*[46]. В этой ремарке, несомненно, есть некоторое преувеличение; но она свидетельствует о том, сколь важным был в то время данный тип изображений, имевших ученое происхождение, и призывает к изучению их роли в церковном контексте.

Украшение церковных строений играет двойную роль — демонстрации обществу ученых понятий о пространстве земного круга и организации данного пространства при посредстве идеологических схем. Среди других менее знаменитых памятников, на которых картографические темы представлены в более или менее полной мере, достаточно вспомнить тимпан Везле и полы собора Сан-Сальваторе (ныне — часть собора Иоанна Крестителя) в Турине. В Везле порталы, посвященные Рождеству и Воскрешению, находятся по обе стороны центрального изображения Пятидесятницы и народов, обретающих слово Христово, среди которых и чудовищные племена — важный элемент *mappae mundi* начиная с XII в. В Турине мозаика пола включает колесо Фортуны в круге океана, заполненного островами, у которых надписаны имена[47]. Подобные полы с географической и космографической тематикой, возникшие в восточном Средиземноморье в эпоху поздней античности, изображают земной круг, а церковь представляют вселенную. Церковное пространство таким образом по вертикальной оси воспроизводит структуру вселенской машины, *machina universitatis*; верующие ощущают создаваемые им тождества — между церковью и земным кругом, между пасторским служением и проповедью Евангелия среди народов, и, в более общем смысле, между литургией и историей спасения, разворачивающейся в земном мире.

Еще одна романская постройка помогает уточнить эти идеологические эффекты. Церковь в Шаливуа-Милон в 40 км от Буржа, являвшаяся одновременно центром прихода и храмом монастыря Сен-Сюплис-де-Бурж, была во второй четверти XII в.

[46] John Rous 1716: 4.
[47] Kitzinger 1973.

украшена более систематически — в отличие от туринской напольной мозаики, где присутствуют только отдельные элементы картографического происхождения. На южной стене церкви в Шаливуа-Милон напротив паперти, с которой заходили верующие, была карта мира диаметром в шесть метров. Согласно частичным описаниям, предшествовавшим ее исчезновению, карта была окружена океаном и представляла взору рай, виньетки городов и изображения чудовищных племен и сказочных или экзотических животных — все характеристики, связывающие ее с картами мира XII–XIII вв. Это изображение вовсе не было изолированным, но вступало в резонанс с фресками хора, изображающими сцены жизни Христа. Таким образом, литургия упорядочивалась по горизонтальной оси между двумя пространственными полюсами — нефом и хором, соответствующими двум полюсам истории спасения — Творением и Грехопадением, Воплощением и Страшным судом. Пространственное распределение фресок устанавливало два ряда практических соотношений: между верующими мирянами и земным грешным миром на карте, находящейся перед их глазами; между духовенством и искуплением через таинства, совершающиеся в апсиде. Карта отождествляла церковь со спасаемым миром; история спасения воспроизводилась в церковном пространстве[48].

Не придавая чрезмерного значения ремарке Джона Роуса, мы все же вправе приписать общую ценность заключениям, выведенным из нескольких предыдущих наблюдений. В средневековом христианском мире было совсем не сложно согласовывать ученые географические представления карт с общими понятиями о земном пространстве, воспроизведенными в церковных зданиях. *Mappae mundi* не наделены сами по себе символической ценностью, но, координируя свое воздействие в пространстве церкви, они создают более обширное пространство, в котором проявляется символический смысл.

4. Использование географии в проповедях

Данные рассуждения остаются несколько обобщенными, хотя они и основаны на монографических исследованиях. По-

[48] Здесь я употребляю две формулировки Марши Капфер (Kupfer 1991: 566, 567).

скольку мы рассматриваем еще и практическое освоение пространства, стоило бы дополнительно взглянуть на сферу практики, что позволило бы конкретно оценить влияние перцептивных схем, порожденных монументальными картинами, которые опирались на ученые представления. Возможности для этого отчасти дает деятельность проповедников.

В XIII в. появились особые трактаты, из которых проповедники могли отбирать поучительные истории или примеры природных явлений, подлежащих религиозной интерпретации. Так, в одном из первых, «Трактате о различных материях, пригодных для проповеди» Этьена де Бурбона, грешники поставлены в ряд с акефалами, с монокулами, с моноподами, населявшими края карт мира[49]. В книге «О свойствах вещей» Бартоломея Английского собраны краткие изложения, связанные с географией земного круга. Они были широко распространены, как и описания, содержащиеся в «Компендии диковин» (начало XIV в.) Арнольда Льежского. Таким образом, ученые понятия о космографии и географии были известны более широкой публике, легитимированы словом проповедников и закреплены включением в картину пространства, насыщенного духовными ценностями. Чисто космографические концепции, благодаря присущему им аллегорическому потенциалу, особенно подходили для подобных операций. В своих проповедях на народном языке, произнесенных в начале XIV в., доминиканец Джордано да Ривальто отождествляет два неподвижных полюса, вокруг которых, согласно философам, движется небо, с двойной природой Христа:

> Говорится, что существуют два неподвижных полюса, на которых держится и вращается все небо целиком. Ведь закономерно, что неподвижное принимает свое движение от движущегося. Это два полюса, от которых происходит всякое движение небес. Эти два полюса — устойчивы, а все остальное строение небес движется. Каковы эти два полюса, эти две точки опоры, на которых все держится? Они оба —

[49] Étienne de Bourbon 2002: 336 (I, viii). Источником здесь является «Образ мира» Гонория Августодунского, так же как и для сравнения зверя центрокоты со смертью (Étienne de Bourbon 2002: 276 [I, vii]).

> во Христе: один — это божественная, а другой — человеческая природа Христа[50].

В ряде проповедей по второй главе книги Бытия, произнесенных в Пизе между 1307 и 1310 гг., он определяет духовный смысл географического представления о реках, вытекающих из земного рая. Географическая реальность рая оставалась плодотворной темой на протяжении всего средневековья и очень часто воспроизводилась с помощью всевозможных изобразительных и нарративных средств. В проповедях Джордано духовный смысл строго базируется на *storia*, на буквальном смысле, выявленном ссылками на авторитет Солина, автора III в. Река, вытекающая из рая, *есть* божественная любовь, а свойства четырех рек, которые она порождает, *являются* различными свойствами, приписанными разным видам любви: любви к Богу, к душе, к ближнему, к телу. Таким образом, величайшая ширина Физона (Ганга) *есть* божественная любовь, распространяющаяся на все на свете.

> Мы пока будем говорить лишь об этой первой реке, называемой Физоном, и эта река — самая широкая, которая существует в мире. И говорят, что она в Индии, и что она имеет ширину в двадцать миль. И десять величайших рек впадают в эту реку, почти таких же и столь же больших. Она несет золото, и золото выходит оттуда, то есть рудник, откуда добывают золото. А еще там находят драгоценные камни. И рядом с этой рекой – разнообразные народы, и разнообразные змеи, и разные прочие животные. И все это сказал Сирион — великий мудрец [...]. Так же как эта река широко простирается — как вы слышали, на расстояние

[50] “Due poli, dicono che sono, i quali sono immobili, sopra i quali poli si sostiene e volga tutto’l cielo; imperochè conviene che le cose, che si muovono, abbiano il loro movimento dalle cose immobili. Questi sono due poli, onde viene tutto’l movimento del cielo. Questi due stanno fermi, e tutto l’altro corpo del cielo si volga. Quali sono questi poli, e questi due bilichi, sopra i quali ogne cosa sta? Questi sono amendue in Cristo: l’uno si è la Deitade e l’altro è l’umanita di Cristo” (Giordano da Rivalto 1739: 80). Тема двух полюсов развита с космографической точки зрения в энциклопедии Брунетто Латини (Brunetto Latini 1863: 147 [I, iii, 120]).

двадцати миль, такова и любовь Божья, потому что она распространяется на все на свете[51].

По поводу местонахождения рая коснемся также и космографических вопросов, обсуждавшихся в орденских школах и на факультетах искусств на основе трудов Аристотеля и его комментаторов[52]. Джордано довелось читать довольно продолжительный курс об обитаемости земного шара и о пространстве, занимаемом ойкуменой на сфере — курс практический, ибо Джордано пользовался яблоком, которое он разрезал перед своими слушателями на четыре куска («[...] мир — круглый и может быть разделен, как это яблоко, сначала вот так [...], а потом вот так»[53]); он говорил о крайних точках земного круга, который простирается от Индии до острова, знакомого неким пизанцам (che alquanti pisani sanno). Это — один из Канарских островов, посещаемый итальянскими купцами, то есть один из античных «Счастливых островов». Через них проходит начальный меридиан обитаемой земли, разделенной сетью меридианов и параллелей, которые демонстрируют влияние небесных явлений на земной шар[54].

Немногим более века спустя Бернардин, проповедуя «на сиенском поле» (sul campo di Siena), воспользовался теми же доводами, смешивая космографию с практикой: Мария сравнивается со звездой, на которую указывает игла компаса, позволяющая вместе с морской картой избежать опасности морепла-

[51] “Ma ora non diremo se non di questo primo fiume, ch’è chiamato Fison, e questo fiume è lo maggiore che sia nel mundo. E dicesi ch’elli è in India e è ampio .xx. miglia. E entrano in quello fiume .x. grandissimi fiumi, quasi cosi grandi e altrettanto. Anco mena oro e fassi quinde, overo la vena unde si fa l’oro. E anco vi si trovano le pietre presiose. E sono apresso di quello fiume diversità di genti e diversi serpenti e altri animali diversi. E questo dice Syrio, uno grande filosofo [...] Si como questo fiume si stende alla lunga, come voi avete udito, bene per .xx. miglia, cosi è l’amore divino, pero che a tutte le cose del mondo si stende” (Giordano da Pisa 1999: 95–119 [X–XIII]; о Физоне см. с. 95–97; данные взяты у Солина, названного «Сирионом», — Solinus 1895: 184–189 [52.6–33]).

[52] См. Gautier Dalché 2003b.

[53] “[...] lo mondo è ritondo e puotesi dividere come la mela, in prima cosí [...] e poi cosí”.

[54] Giordano da Pisa 1999: 132 (XVI).

вания и «идти к спасению» (andare a salvamento)[55]. В другой проповеди, против «ненавистного греха мужеложства», он прибег к максимально точному картографическому примеру. Дело в том, что Бернардин проповедовал перед Палаццо Публико, где зал городского совета был украшен фресками Амброджо Лоренцетти, среди которых, под изображением кондотьера Гвидориччо да Фольяно, находилась «вращающаяся карта» (mappamundus volubilis)[56]. Эта карта мира была *volubilis* потому, что круг мог вращаться вокруг центральной оси так, чтобы приблизить к взгляду те области, которые хотелось бы рассмотреть, а еще, может быть, чтобы показать изменчивость всего людского, в особенности власти, представив карту как колесо Фортуны, часто связываемое с монументальными картографическими изображениями. Проповедник, комментируя 57-й псалом, изобличающий «неблагочестивых», которые «заблудиша от чрева», отсылает слушателей к изображению Италии на карте мира, которое «само как живот» (sta proprio como uno ventre) — все итальянцы испорчены этим грехом:

> ‘Заблудиша от чрева’, — сказал Давид итальянцам. Скажика, а видел ли ты, какова Италия на карте? Задумайся об этом — она в точности как живот. И согрешили все итальянцы[57].

Космографическое и географическое пространство, о котором образно рассуждают Джордано Пизанский и Бернардин Сиенский — это именно реальное пространство, знакомое в теории и на практике их слушателям. Точные соответствия, установленные между разными частями этой реальности и духовными реалиями, насыщают это пространство символическими ценностями и способствуют построению сугубо христианского пространства, в котором всякий предмет наделен смысловым потенциалом и подлежит интерпретации при помощи очевидных аналогий. Роль ученых представлений заключается именно в

[55] Bernardino da Siena 1989: 830 (XXIX, 39–43).

[56] См. Kupfer 1996. Нет никакой возможности узнать, каковой была географическая составляющая этой исчезнувшей карты; ничто не доказывает, что имелась в виду морская карта (Bolzoni 2002: 175).

[57] Bernardino da Siena 1989: 1145 (XXXIX).

том, чтобы сформулировать эти точные и реальные соответствия.

Заключение: постоянство и динамизм

Представленные примеры бесспорно показывают, что ученые географические представления были в средневековье в определенной мере действенными. Во-первых, благодаря самой их форме: географические описания определяли структуру географического пространства как совокупность частей, разделенных природными границами и характеризуемых изначально закрепленным названием (см. свидетельство Валафрида Страбона). Во-вторых, через их содержание: конкретные элементы физической или человеческой географии постоянно формировали рамки восприятия и действия в разных областях практики. Их публичное экспонирование в монументальном контексте, их повторение на народном языке и их распространение, особенно посредством проповеди, позволяют заключить, что, отнюдь не будучи чисто книжными явлениями, предназначенными для ученого меньшинства, они представляли из себя широко распространенные схемы восприятия.

Помимо того приходится настаивать на двух характеристиках этих представлений: на их удивительном постоянстве, а также и на их динамизме. В 1482 г., спустя три века после экспедиции Рено Шатильонского, упомянутой в начале данной статьи, фламандский паломник Йос ван Гистеле подходил к Синайской пустыне. Автор повествования сообщает нам, что, согласно некоторым, эта пустыня простирается «вплоть до места под названием Toridasona, сопредельного с земным раем»[58]. Захватывающая смесь размышления о христианской ойкумене с банализацией космографической эрудированности! Вышеупомянутая *Toridasona*, по сути, не есть ничто иное, чем выжженная солнцем климатическая зона между двумя тропиками, называвшаяся *torrida zona* в текстах по натурфилософии и обозначенная на бесчисленных схемах в рукописях. Данный случай раскрывает в первую очередь долговечность таких представлений, но ошибка, которую он в них добавляет, так же, как это часто бывает, наде-

[58] Цитирую (частичный) перевод Р. Бауэнса-Прео (Bauwens-Préaux 1976: 6).

лена смыслом: она демонстрирует их сильное опрощение в контекстах, отдаленных от размышлений о природе земного шара.

Такое практическое постоянство описательной географии, разработанной в основном в античности, без сомнения вытекает отчасти из того факта, что Церковь скопировала свое административное устройство с пространственных образцов позднеантичной империи, дабы утвердить и поддержать свое единство перед лицом разнообразия государств[59]. Таким образом, имеется очевидная параллель между «Провинциалами» римской Церкви, перечисляющими названия античных провинций, и учеными географическими описаниями, которые иногда объединяются в одних и тех же рукописях или в одних и тех же текстах. Но из-за тесного союза между администрированием и географическим знанием, в свою очередь легитимизированным воспоминаниями о Римской империи, возникала серьезная проблема. Начиная с XII в. высказывалась озабоченность плохой адаптацией античных пространственных моделей к политическим изменениям, что влекло за собой реальные трудности. Вслед за канонистами в XIII в. над этой проблемой начали размышлять авторы географических трактатов. Но это не повлекло за собой исчезновение античного наследия; напротив, такая напряженность снабдила ученые представления мощной динамикой, порождавшей вопросы и исследования. С этой точки зрения невозможно рассуждать о *едином* средневековом представлении о пространстве, ввиду многочисленности конструкций, в которых могли быть использованы ученые понятия.

Перевел с французского П.Л. Чекин

БИБЛИОГРАФИЯ

Albertus Magnus 1980 — *Albertus Magnus*. De natura loci / Ed. P. Hossfeld. Münster, 1980 (Sancti doctoris Ecclesie Alberti Magni opera omnia. T. V.2). P. 1–46.

[59] Вопрос, бегло здесь упомянутый, убедительно анализируется в кн.: Schmidt 2002.

Alvarez Palenzuela 1992 — *Alvarez Palenzuela V.A.* La situación europea en época de concilio de Basilea: Información de la embajada de reino de Castilla // Archivos leoneses. 1992. Vol. 46. P. 55–62.

Baudri de Bourgeuil 1998 — *Baudri de Bourgeuil.* Carmen 124 « Adelae comitissae » // Baudri de Bourgeuil. Poèmes. T. I / Ed. J.-Y. Tilliette. Paris, 1998. P. 23–31.

Bauwens-Préaux 1976 — *Bauwens-Préaux R.* Voyage en Égypte de Joos van Ghistele 1482–1483. Paris, 1976.

Bernardino da Siena 1989 — *Bernardino da Siena*. Prediche volgari sul campo di Siena 1427 / Ed. C. Delcorno. Milano, 1989. T. 2.

Blanco 1894 — *Blanco F.* Discurso de Alfonso Garcia de Santa María en el concilio de Basilea sobre la precedencia de asiento castellana sobre Inglaterra // La Ciudad de Dios. 1894. T. 35. P.122–129, 211–217, 337–353, 523–542.

Bolzoni 2002 — *Bolzoni L.* La rete delle immagini: Predicazione in volgare dalle origini a Bernardino da Siena. Torino, 2002.

Brunetto Latini 1863 — *Brunetto Latini*. Li livres dou Tresor par Brunetto Latini / Ed. P. Chabaille. Paris, 1863.

Etienne de Bourbon 2002 — *Étienne de Bourbon.* Tractatus de diversis materiis predicabilibus / Ed. J. Berlioz. Tournhout, 2002.

Burns 1967 — *Burns R.* The Crusader Kingdom of Valencia: Reconstruction on a Thirteenth-Century Frontier. Cambridge (Mass.), 1967. Vol. 1.

Catalan 1975 — *Catalan D.* Cronica del Moro Rasis: Versión del Ajbar Muluk al-Andalus de Ahmad ibn Muhammad ibn Musa al-Razi 889–955 romanzada para el rey don Dionis de Portugal hacia 1300 por Mahomad, alarife, y Gil Perez. Madrid, 1975.

Curtius 1979 — *Curtius E.R.* European Literature and the Latin Middle Ages. London, 1979.

Desjardins 1995 — *Desjardins M.* Les savoirs des notaires et secrétaires du roi et la géographie de la France d'après le Manuel d'Odart Morchesne et un index de chancellerie // Ecrit et pouvoir dans les chancelleries médiévales: espace français, espace anglais. Actes du colloque international de Montréal, 7–9 septembre 1995 / Ed. K. Fianu, D.J. Guth. Turnhout, 1997. P. 87–97 (FIDEM. Textes et études du Moyen Age. Vol. 6).

Einhardus 1911 — Einhardi Vita Karoli Magni / Rec. G. Waitz, curavit O. Holder-Egger. Hannoverae; Lipsiae, 1911 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum).

Etcheverria Gatzelumendi 1992 — *Etcheverria Gatzelumendi M.V.* Edición crítica del discurso de Alfonso de Cartagena «Propositio super

altercatione praeminentiae sedium inter oratores regum Castellae et Angliae in concilio Basiliense: versiones en latín y castellano. Madrid, 1992.

Fernández Gallardo 1994 — *Fernández Gallardo L.* Alonso de Cartagena en Basilea (nuevas observaciones sobre el conflicto anglo-castellano) // Archivos Leoneses. 1994. Vol. 48. P. 9–91.

Gautier Dalché 2003a — *Gautier Dalché P.* Principes et modes de la représentation de l'espace géographique durant le haut Moyen âge // Uomo e spazio nell'alto Medioevo. Spoleto, 2003. P. 119–150 (Settimane di studio del Centro italiano sull'alto Medioevo. T. 50).

Gautier Dalché 2003b — *Gautier Dalché P.* Le paradis aux antipodes ? Une *Distinctio divisionis terre et paradisi delitiarum* (XIVe siècle) // Liber largitorius: Études d'histoire médiévale offertes à Pierre Toubert par ses élèves / Ed. D. Barthélemy, J.-M. Martin. Genève, 2003. P. 615–637 (EPHE. Sciences historiques et philologiques. Hautes études médiévales et modernes. T. 84).

Gautier Dalché 2005 — *Gautier Dalché P.* La fortune de « mappa » au Moyen Age // Les vocabulaires techniques des agrimensores latins : Actes du colloque international (Besançon, 12–21 sept. 2002) / Ed. D. Conso, A. Gonzales, J.-Y. Guillaumin. Besançon, 2005. P. 163–171.

Gautier Dalché 2007 — *Gautier Dalché P.* Représentations géographiques savantes, constructions et pratiques de l'espace // Construction de l'espace au Moyen Âge: pratiques et representations. Paris, 2007. P. 13–38.

Gautier Dalché 2007–2008 — *Gautier Dalché P.* Rappresentazioni geografiche dotte, costruzioni e pratiche dello spazio nel Medioevo / Traduzione di M. Milanesi // Geographia antiqua. 2007-2008. Vol. 16-17. P. 137–151.

Gautier Dalché 2008 — *Gautier Dalché P.* L'héritage antique de la cartographie médiévale : les problèmes et les acquis // Cartography in Antiquity and the Middle Ages: Fresh Perspectives, New Methods / Ed. R.J.A. Talbert, R.W. Unger. Leiden, 2008. P. 29–66.

Gautier Dalché 2013 — *Gautier Dalché P.* L'espace géographique au Moyen Âge. Firenze, 2013.

Genet 1984 — *Genet J.-P.* English Nationalism: Thomas Polton at the Council of Constance // Nottingham Medieval Studies. 1984. Vol. 28. P. 60–78.

Gervasius 2002 — *Gervase of Tilbury*. Otia imperialia: Recreation for an Emperor / Ed. S.E. Banks, J.W. Binns. Oxford, 2002 (Oxford Medieval Texts).

Giordano da Pisa 1739 — Prediche del beato Giordano da Rivalto dell'ordine dei Predicatori / Ed. D. Manni. Firenze, 1739.

Giordano da Pisa 1999 — *Giordano da Pisa.* Prediche sur secondo capitulo del Genesi / Ed. S. Gratarola. Roma, 1999.

Hardt 1699 — *von der Hardt H.* Rerum universalis concilii Constantiensis de praeclaro apparatu et incomparabili pompa magni hujus concilii. Frankofurti; Lipsiae, 1699.

Heimpel 1994 — *Heimpel H.* Sitzordnung und Rangstreit auf dem Basler Konzil: Skizze eines Themas // Studien zum 15. Jahrhundert: Festschrift für Erich Meuthen / Hrsg. von J. Helmrath, H. Müller. München, 1994. B. I. S. 1–9.

Iulius Honorius 1878 — Iulii Honorii Cosmographia / Rec. A. Riese. Heibronnae, 1878. P. 21–55 (Geographi Latini minores).

Kern 1911 — *Kern F.* Acta imperii Angliae et Franciae ab a. 1267 ad a. 1313 (N. 270). Tübingen, 1911.

Kitzinger 1973 — *Kitzinger E.* World Map and Fortune's Wheel: A Medieval Mosaic Floor in Turin // Proceedings of the American Philosophical Society. 1973. Vol. 117. P. 343–373.

Kupfer 1991 — *Kupfer M.* The Lost Mappamundi at Chalivoy-Milon // Speculum. 1991. Vol. 66. P. 540–571.

Kupfer 1994 — *Kupfer M.* Medieval World Maps: Embedded Images, Interpretive Frames // Word and Image. 1994. Vol. 10. P. 262–288.

Kupfer 1996 — *Kupfer M.* The Lost Wheel Map of Ambrogio Lorenzetti // Art Bulletin. 1996. Vol. 78. P. 286–310.

La Du 1937 — The Medieval French Alexander. T. I: Text of Arsenal and Venice Versions / Ed. M.S. La Du. Princeton; Paris, 1937.

Lauer 1920 — *Lauer P.* Une enquête au sujet de la frontière française dans le val d'Aran sous Philippe le Bel // Comité des travaux historiques et scientifiques. Bulletin de la section de géographie. 1920. Vol. 35. P. 17–38.

Levi-Provençal 1938 — *Levi-Provençal E.* La péninsule Ibérique au Moyen Age d'après le Kitab ar-rawd al-mi'tar fi habar al-aktar d'Ibn abd al-Munim al-Himyari. Leiden, 1938.

Loomis 1939 — *Loomis L.R.* Nationality at the Council of Constance // American Historical Review. 1939. Vol. 44. P. 508–527.

Lozovsky 2006 — *Lozovsky N.* Roman Geography and Ethnography in the Carolingian Empire // Speculum. 2006. Vol. 81. P. 325-364.

Mansi 1784 — *Mansi J.D.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Venetiis, 1784. T. 27.

Marques 1944 — *Marques J.M. da Silva.* Descobrimentos portugueses. Lisboa, 1944.

Marques 1987 — *Marques A. Pinheiro.* Origem e desenvolvimento da cartografia portuguesa na época dos descobrimentos. S.l., 1987.

Martorell 1912 — *Martorell F.* Fragmentos inéditos de la «Ordinatio Ecclesiae Valentinae» // Escuela Española de arqueología e historia en Roma: Cuadernos de trabajo. 1913. T. 1. P. 81–127.

Miethke 2002 — *Miethke J.* Raumerfassung und Raumbewußtsein auf dem allgemeinen Konzilien des Spätmittelalter: Die Repräsentanz der Regionen in der Entwicklung der Geschäftsordnung vom 13. zum 15. Jahrhundert // Raumerfassung und Raumbewußtsein im späteren Mittelalter / Hrsg. von P. Moraw. Stuttgart, 2002. S. 127-154.

O'Callaghan 1993 — *O'Callaghan J.F.* Castille, Portugal, and the Canary Islands: Claims and Counterclaims // Viator. 1993. Vol. 24. P. 287–309.

Parra 2002 — *Parra García L.* Propositio super altercacione praeminentiae sedium inter oratores regum Castellae et Angliae in concilio Basilensi, o los argumentos de Alfonso de Cartagena por la preeminencia de España // Cuadernos de filología clásica: Estudios latinos. 2002. Vol. 20. P. 463–478.

Preisendanz 1927 — *Preisendanz K.* Erdkundliche Spuren im Kloster Reichenau. Karlsruhe, 1927.

Pseudo-Aethicus 1878 — *Pseudo-Aethicus.* Cosmographia / Ed. A. Riese. Heilbronn, 1878 (Geographi Latini minores).

Robert de Crickelade 2003 — *Robert de Crickelade.* Roberti Crickeladensis Defloratio Naturalis historiae Plinii Secundi / Ed. B. Naf. Bern, 2003 (Lateinische Sprache und Literatur des Mittelalters).

Rous 1716 — *Rous John*. Historia regum Angliae / Ed. T. Hearnius. Oxford, 1716.

Rück 1902 — *Rück K.* Das Exzerpt der Naturalis Historia des Plinius von Robert von Cricklade // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Klasse der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften. Jg. 1902. München, 1903. S. 195–285.

Sandoli 1983 — *de Sandoli S.* Tempore recuperationis Terrae Sanctae // Itinera Hierosolymitana Crucesignatorum (saec. XII–XIII). T. III / Ed. S. de Sandoli. Jerusalem, 1983.

Solinus 1895 — C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium / Rec. Th. Mommsen. Berolini, 1895.

Schmidt 1999 — *Schmidt H.-J.* Kirche, Staat, Nation: Raumgliederung der Kirche im mittelalterlichen Europa. Weimar, 1999.

Schmidt 2002 — *Schmidt H.-J.* Raumkonzepte und geographische Ordnung kirchlicher Institutionen im 13. Jahrhundert // Raumerfassung und

Raumbewusstsein im späteren Mittelalter / Ed. P. Moraw. Stuttgart, 2002. P. 87–125.

Sedulius Scottus 1896 — Sedulii Scotti Carmina // Poetae Latini aevi Carolini. T. III / Rec. L. Traube. Berolini, 1896. P. 151–240 (Monumenta Germaniae Historica).

Vazquez de Parga 1943 — *Vazquez de Parga L.* La División de Wamba: Contribuición al estudio de la historia y geografía eclesiasticas de la Edad Media española. Madrid, 1943.

Walahfridus Strabo 1884 — *Walahfridus Strabo*. Ad episcopum Ferendarium // Poetae Latini aevi Carolini. T. II / Rec. E. Duemmler. Berolini, 1884. P. 400–401 (Monumenta Germaniae Historica).

Walahfridus Strabo 1902 — Vita sancti Galli confessoris // Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici / Ed. B. Krusch. Hannoverae; Lipsiae, 1902. P. 280–337 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. T. IV).

Witte 1953 — *de Witte C.-M.* Les bulles pontificales et l'expansion portugaise au XVe siècle // Revue d'histoire ecclésiastique. 1953. Vol. 48. P. 715–716.

Л.С. Чекин

ГЕОГРАФИЯ СПАСЕНИЯ И АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ФОРМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА ОБИТАЕМОГО МИРА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И НА КАРТАХ IX–XIII ВЕКОВ

Аннотация: В статье систематизирована информация о Древней Руси и соседних странах в западноевропейской географической литературе и на картах, где эта информация дается либо в контексте истории спасения человеческого рода, либо в связи с установлением соотношения между небесным сводом и земным шаром. Описаны пути взаимодействия «традиционных», восходящих к географической литературе поздней античности, и «новых» сведений, отразивших географическую ситуацию, топонимию и этнонимию древнерусской эпохи.

Ключевые слова: Павел Орозий, Гервазий Тильберийский, Бартоломей Английский, Роджер Бэкон, Эбсторфская карта мира, Скифия, топонимы, архаизация, вариативность.

0. Введение
1. Всеобщие землеописания
   1.1. География спасения
   1.2. Астрономическая география
2. Другие жанры географической литературы: региональные описания; морские карты и портоланы; дорожники и описания путешествий
3. Эволюция всеобщего землеописания в IX–XIII веках
4. Древняя Русь во всеобщих землеописаниях XIII века

В хрониках и анналах, в духовных и светских жизнеописаниях, в дипломатической переписке, в эпических памятниках западноевропейского средневековья рассыпано немало свидетельств, отражающих историческую и географическую реаль-

ность Древней Руси и соседних стран. Самые ранние сведения о народе *рос* появляются в Бертинских анналах под 839 г.; самое раннее свидетельство о принятии хазарами иудаизма приведено Христианом из Ставло в комментарии на Евангелие от Матфея (около 870 г.). Совокупность таких свидетельств позволяет, казалось бы, заключить, что уже ко времени возникновения Древнерусского государства западноевропейцы были осведомлены о географической и этнической ситуации в регионе к северу и востоку от государства франков.

Образ региона, складывавшийся в географической литературе, не соответствует этому заключению. Западноевропейские географы черпали свои сведения в основном из сочинений позднеримских авторов. Способы и формы землеописания, освященные надежными древними авторитетами и отшлифованные поколениями средневековых интерпретаторов, представлялись вечно истинными и незыблемыми. Новым сведениям предстояло найти свое место в уже сложившейся системе географических представлений, что оказалось возможным далеко не сразу.

В настоящей статье будет показано, как эволюционировала эта система. Ее исследованием автор занимался в 1980-х гг. на примере географической литературы и карт XII–XIII вв.[1]. С тех пор было опубликовано немало источников и трудов, посвященных средневековой географии, в том числе появились работы об актуализации западноевропейских сведений о Восточной, Центральной и Северной Европе[2]. В результате стало возможным привлечь сведения о Древней Руси и соседних странах, содержащиеся в значительно более обширном корпусе нарративных и картографических источников.

1. Всеобщие землеописания

Географические представления средневековья систематизировались в виде всеобщих землеописаний и карт мира. Рассматривавшийся в них комплекс проблем можно условно разделить на «географию спасения», представлявшую описываемый мир как арену человеческой истории, и «астрономическую географию», занимавшуюся установлением соотношений между

[1] Чекин 1986; Chekin 1991.
[2] Strzelczyk 1991; Strzelczyk 2004b; Gautier Dalché 2008.

небесным сводом и земным шаром[3]. Всеобщие землеописания могли представлять собой самостоятельные трактаты, входить в труды энциклопедического характера, во всемирные хроники, в сборники компутистических материалов (посвященных вычислению даты Пасхи). Нередко такие сочинения задумывались и использовались как учебные пособия, формируя географический кругозор средневекового человека. Их картографические аналоги, карты мира (*mappae mundi*) могли донести традиционную модель мира и до не-книжных людей.

Географическая проблематика затрагивалась и в литературе других жанров. Немногочисленные региональные описания («Баварский географ», Адам Бременский), записки путешественников к монголам, первые лоции Черного моря могли быть более открыты новой информации, но и они часто ориентировались на тот же преобладающий «фон» традиционных знаний, сформированный всеобщими землеописаниями. Этот фон видоизменялся на протяжении средневековья. В конце древнерусского периода детальные изображения Руси появились в жанровых рамках всеобщих землеописаний — в энциклопедиях Гервазия Тильберийского и Роджера Бэкона, в трактате «Описание земель» и на Эбсторфской карте мира.

1.1. География спасения

Универсальная картография и всеобщие землеописания западноевропейского средневековья решали две основные задачи, которые и определили характер содержащейся в них конкретной информации.

Задачи эти — сохранение позднеантичной географической традиции и демонстрация истории спасения. Всеобщее землеописание и карты мира зафиксировали этническую и политическую ситуацию Римской империи, где посреди объединенной императором Августом ойкумены явился Христос. Античные географические данные служили основой для размышления об

[3] В современной литературе в том же значении может употребляться противопоставление между «хорографией» и «географией», хотя некоторые авторы «хорографией» предпочитают называть региональное описание в противоположность всеобщему. См.: Hiatt 2010: 18–19.

отношении человека к Богу, показывая арену, на которой разворачивается драма спасения рода человеческого[4].

У каждого народа была своя роль в это драме, поэтому так важны знание народов и мест их обитания, идентификация древних и новых этнонимов. Землеописание было тесно связано с историографией: пространство средневековой карты или нарративного описания Земли не синхронно, оно «всевременное». На средневековых картах соседствуют изображения Адама в земном Раю и Страшного суда, «всемирная хроника» как бы проецируется на картографическую плоскость. При этом у географии, создававшейся раннесредневековыми писателями и путешественниками, был заметный, а иногда и преобладающий эсхатологический аспект. Концы мира, периферийные области, соотносились с концом света (который, впрочем, должен пониматься не только в мрачном ракурсе последних скорбей, но и в свете апостольской миссии — проповеди Евангелия до конца Земли)[5].

Основным источником географических знаний в средние века были труды римских авторов: Плиния Старшего, Юлия Солина, Амвросия Феодосия Макробия, Марциана Капеллы; переписывались и перерабатывались малые трактаты, восходящие к «Хорографии» Марка Випсания Агриппы («Разделение круга земель», «Измерение провинций», «Космография» Юлия Гонория). Наиболее авторитетным образцом всеобщего землеописания оказалось географическое вступление к «Истории против язычников» испанского монаха Павла Орозия (около 417 г.).

В своем труде Орозий изложил всемирную историю с целью защиты и оправдания христианства. Библейских сведений в географическом вступлении почти нет. Значение Орозия для христианской картины мира в том, что он сделал всеобщее землеописание неотъемлемой частью и «пространственным фоном» всемирной хроники[6]. Еще в середине XII в. Оттон Фрайзингенский в географическом введении к своей хронике, сохранившей много оригинальной информации о современных ему событиях, в том числе в Восточной Европе, считал достаточным вкратце

[4] См. von den Brincken 1968; Gautier Dalché 1991.
[5] Чекин 2012.
[6] Мельникова 1998: 54–58.

рассказать о членении ойкумены и отослать читателя за дальнейшими сведениями к непререкаемому древнему авторитету: кто хочет узнать о провинциях частей света, географических условиях и областях, «пусть читает Орозия»[7].

Образцами средневековых энциклопедий, включивших в себя всеобщее землеописание, стали два труда Исидора Севильского (ум. в 636 г.) — «Книга о природе вещей» и «Этимологии». В «Этимологиях» была решена задача собрать воедино все знание, представив античное наследие в соответствии со Священным писанием, тогда как более ранняя «Книга о природе вещей» ограничилась естественнонаучной проблематикой. Впоследствии авторы энциклопедий могли придерживаться различных принципов организации материала (так, в XII в. «Образ мира» Гонория Августодунского, а в XIII в. крупнейшая средневековая энциклопедия Винсента Бовэзского включили в себя и всемирную хронику). Но конкретные землеописательные разделы Исидора, в том числе посвященные территориям, соответствующим современному понятию Восточной Европы, нередко цитировались практически без изменений.

Самые ранние из сохранившихся средневековых западноевропейских карт мира датируются VIII в. Большинство карт приложено в качестве иллюстраций к нарративным сочинениям. Чаще всего их можно встретить в списках трех античных произведений — «Фарсалии» Лукана, «Югуртинской войны» Гая Саллюстия Криспа и «Комментария ко Сну Сципиона» Амвросия Феодосия Макробия. Картами иллюстрируются «Комментарий к Апокалипсису» Беата из Лиебаны, энциклопедии («Этимологии» и «Книга о природе вещей» Исидора Севильского, «Цветистая книга» Ламберта Сент-Омерского), средневековые исторические произведения («Поэма об Александре» Готье Шатильонского, «Великая хроника» Матфея Парижского), компутистические сборники, труды, излагающие положения астрономической географии. Лишь несколько карт не связаны с рукописными кодексами, в том числе нижнесаксонская Эбсторфская карта XIII в. (утрачена в 1943 г.) и английская Херефордская карта, созданная Ричардом Хальдингамским около 1290 года.

[7] Otto Frisingensis 1912: 36–38.

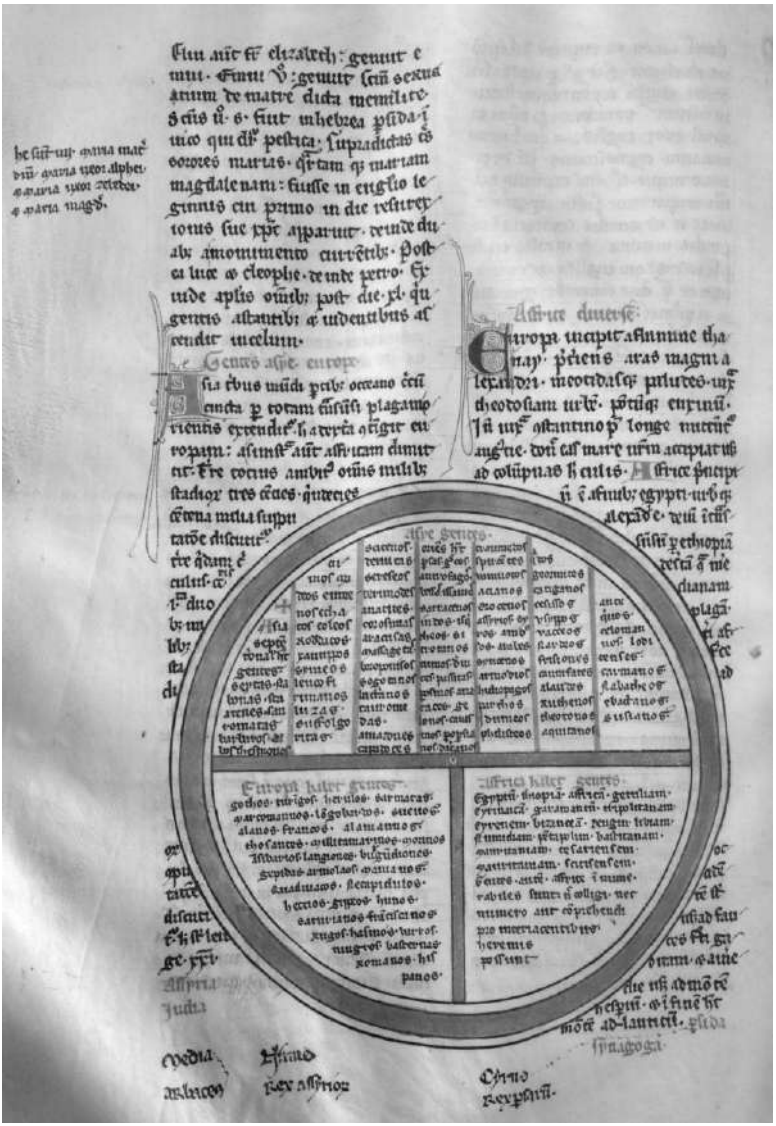
Источниками для создателей карт мира нередко являются нарративные всеобщие землеописания. Существуют всеобщие землеописания, основанные на определенной карте мира, либо служащие руководством по созданию карты мира. Непосредственная связь с картографией для нарративного землеописания не обязательна. Но с двенадцатого века, с распространением карт и большей детализацией изображения ойкумены на этих картах, увеличивается их влияние на структурную организацию нарративных географических описаний[8].

Есть и явления, переходные между нарративным описанием и картографией — это сухие перечни названий народов, областей, городов, которые могут графически оформляться в виде последовательного нарративного текста или, как на карте из лейденской рукописи «Цветистой книги» Ламберта Сент-Омерского[9] (Илл.1) в виде «картографического» круга.

При анализе конкретного нарративного или картографического памятника непосредственный источник его традиционных сведений не всегда можно установить с достаточной степенью точности. Во-первых, позднеантичные авторитеты заимствовали целые фрагменты описания Земли у своих предшественников. Во-вторых, в средневековье появлялись основанные на античной традиции новые авторитетные труды, в свою очередь служившие источниками для современников.

Так, землеописание в «Образе мира» Гонория Августодунского (начальная редакция 1110 г., переработки 1123, 1133 и 1139 гг.) представляет собой компиляцию сведений Орозия и Исидора. В свою очередь «Образ мира» Гонория, наряду с Исидором и Орозием, послужил источником землеописания в «Императорских досугах» (1209–1214 гг.) Гервазия Тильберийского. В анонимном староиспанском «Образе мира» (1223 г.) основная часть информации (по подсчетам издателей, более 80%) восходит к «Образу мира» Гонория и к «Этимологиям» Исидора (из этих двух источников взяты и все сведения о Восточной Европе)[10]. Всеобщее землеописание Гонория послужило основным источником для поэмы «Карта мира», написанной на старофран-

[8] Gautier Dalché 2006.
[9] Лейден, Bibliotheek der Rijksuniversiteit, VLF 31, fol. 123v.
[10] Bull, Williams 1959: 15–16, 134.



Илл. 1.

Лейден, Bibliotheek der Rijksuniversiteit, VLF 31, fol. 123v. Около 1290 г. Диаметр 140 мм. Фотография выполнена автором, печатается с разрешения библиотеки.

цузском языке Пьером Бовэзским в первой половине XIII в. и переработанной в начале XIV в. англо-нормандским поэтом Пьером де Гарбеле («Разделение мира»)[11].

На Эбсторфской карте можно примерно вычленить сведения Гервазия Тильберийского, Гонория Августодунского, Исидора Севильского, Павла Орозия, Юлия Солина (III в.), Плиния Старшего (I в. н.э.) и других авторов, тексты которых нередко сходны. И не всегда ясно, восходит данная конкретная легенда, например, к Плинию непосредственно, или через посредство Солина, либо к Плинию или Солину через посредство целой цепочки средневековых географов. Географы и картографы имели в своем распоряжении обширную сумму сведений, заимствованных, непосредственно или опосредованно, у многих античных и средневековых авторитетов. Из этой суммы цитат и заимствований они и извлекали нужный им материал, организовывая его в новых географических сочинениях и на картах.

Большинство переходящих из сочинения в сочинение и с карты на карту цитат и заимствований являются развернутыми определениями традиционных топонимов и этнонимов. На картах мира такие тексты могут появляться в сокращенном виде либо в иконографической форме, однако чаще всего их несложно реконструировать. Вероятно, отдельные топонимы или этнонимы на картах воспринимались как принадлежащие некоему конкретному фрагменту нарративного текста. Традиционная информация всеобщего землеописания и универсальной картографии может быть представлена как набор древних фрагментов — воспроизводимых знаков, которые, организуясь в различные комбинации, создают средневековые нарративные и картографические тексты[12].

Многим топонимам и этнонимам во всеобщем землеописании сопутствует их этимологическое толкование. Традиции этимологизирования были заложены в античности, но в средневековье оно стало универсальным познавательным методом, «формой мышления», если воспользоваться словами Э. Курциуса, и далеко выходило за пределы чисто лингвистических разы-

[11] Hamilton 1928.

[12] Эти клише можно соотнести с пословицами и поговорками (паремиями). Ср. Пермяков 1988.

сканий. Оно демонстрировало читателям «происхождение» и «силу» вещей, и не случайно самое значительное энциклопедическое сочинение раннего средневековья названо «Этимологии»[13]. К этому сочинению и восходят этимологические сведения, использовавшиеся в описании Скифии. Среди этимонов нередко встречаются имена мифических и исторических персонажей, первых царей и прародителей народов. Общим местом стало этимологизирование Скифии и Готии от имени Магога, сына Иафета[14], Танаиса от скифского царя Тана (Таная)[15]. Для нас исидоровские методы этимологизирования не всегда очевидны[16]. Например, сарматы (*Sarmatae*) получили имя от своей страсти к оружию (*armati*, «вооруженные»)[17]. Остров Фула (Туле, у Исидора *Thile*) получила имя «от солнца», так как во время зимнего солнцестояния за этим островом дня уже не бывает. Согласно тому, как поняла этот раздел О. Спевак, этимология в данном случае основана на паронимической аттракции, созвучии названия острова и сопровождающего этот остров определения *ultima*, «крайняя»[18].

Композиция всеобщего землеописания предусматривает введение, посвященное строению мира и разделению обитаемых земель, а затем последовательное описание частей света и островов Средиземного моря и Океана. Границей между Европой и Азией в античной и средневековой географии считалась река Танаис (Дон). Также часто упоминается Каспийское море, считавшееся одним из четырех заливов Мирового океана. Танаис и Каспий являются важнейшими структурными элементами средневекового землеописания и основой самых распространенных картографических схем. Одна из этих схем, схема Т, делит круг обитаемых земель на три неравные части. При восточной ориентации ойкумены верхнюю половину занимает Азия, две нижние четверти — Европа и Африка, а границы между частями света

[13] Curtius 1948: 448–492.

[14] Isidorus 1911: XIV.3.31; Isidore 2011: 34–35; Bartholomaeus 1483 (15.71); Vincentius 1590: 411 (Spec. Nat. 32.6); Vincentius 1591: 9v, 10 (Spec. Hist. 1.66, 68).

[15] Isidorus 1911: XIII.21.24; Honorius 1982: 59 (1.21); Vincentius 1590: 56v (Spec. Nat. 5.39).

[16] Об этих методах см.: Spevak 2009.

[17] Isidorus 1911: IX.2.93.

[18] Isidore 2011: 102–103 (XIV.6.4), n. 371.

образуют подобие буквы Т (ср. уже упоминавшуюся лейденскую карту, Илл. 1 и французскую карту конца XII в. из списка «Фарсалии» Лукана[19], Илл. 2). Другая схема показывает четыре залива мирового океана, вливающиеся в ойкумену: с запада Средиземное море, с юга Индийское море или Персидский залив и Красное море, с севера Каспийское море. Такие карты, как, например, известная в отечественной литературе Санкт-Петербургская зональная карта конца X – начала XI в.[20], чаще ориентированы на север (Илл. 3).

Во всеобщем землеописании Павла Орозия о границе между Европой и Азией повествуется более подробно. Там говорится о Рифейских горах, протянувшихся от Сарматского океана, о реке Танаис, которая начинается в этих горах и течет мимо алтарей Александра Великого, расположенных в пределах робасков[21]. Танаис пополняет Меотийские болота (Азовское море), которые вливаются в Эвксинский Понт возле города Феодосии[22]. Нарративные землеописания, следующие за Орозием, называли Рифейские горы, Меотийские болота, город Феодосию и другие объекты, расположенные близ границы между частями света, во вступительных словах к описанию всей ойкумены, Европы и Азии. Показаны эти объекты и на более подробных картах[23].

Область на крайнем северо-востоке обитаемого мира в античности и средневековье определялась общим названием «Скифия». На французской карте конца XII в. из списка «Фарсалии» Лукана это название — одно из всего восьми географи-

---

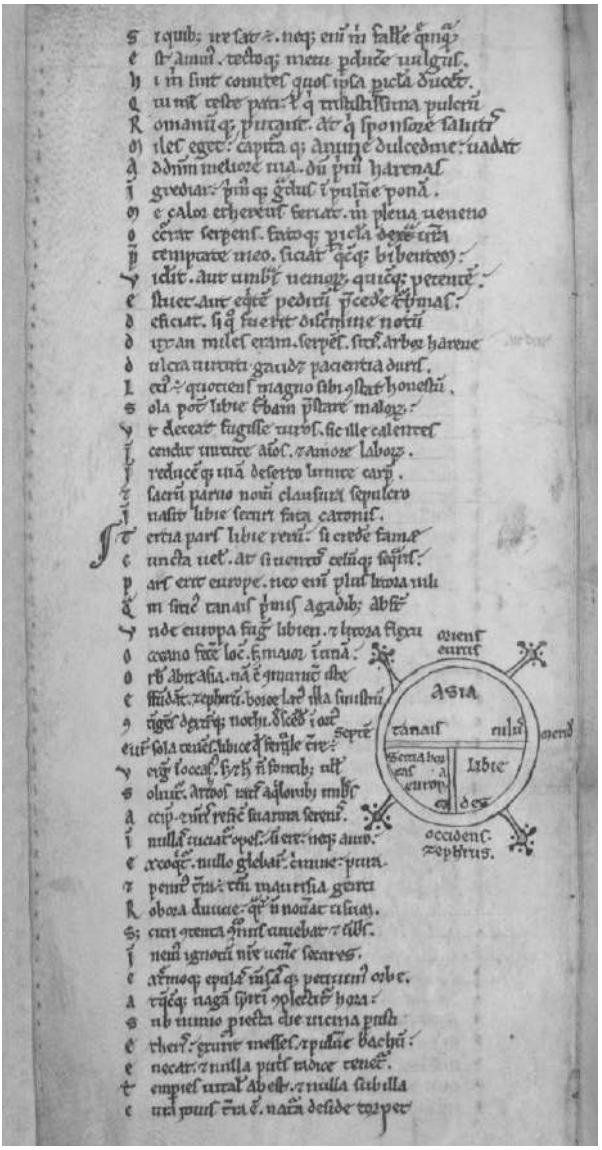
[19] Париж, Bibliothèque Nationale, Latin 8268, fol. 68v. См.: Gautier Dalché 1998: 134 (n° 49); Чекин 1999: 90–91; Chekin 2006: 31 (I.2). Вынесенные за пределы земного круга четыре солярных символа, выделенные желтым, по-видимому, показывают северо-восток, юго-восток, юго-запад и северо-запад, то есть соответственно летний и зимний восход и зимний и летний закат.

[20] Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, Lat. Q.v.XVII, № 3, f. 1. См.: Рамм 1951: 250–270; Чекин 1999: 90–91; Chekin 2006: 98–99, 401 (VII.2.8).

[21] Сюжет об алтарях, вероятно, указывает на древнее отождествление реки Танаиса-Дона с Яксартом (Сырдарьей), тогда как в племенном названии робасков, возможно, сохранилось древнейшее (иранское) название Волги. См.: Подосинов 2007; Подосинов 2010.

[22] Orosius 1882: 10 (I.2.4–6).

[23] См. Чекин 1999; Chekin 2006 (по указателям).



Илл. 2.

Париж, Bibliothèque Nationale, Latin 8268, fol. 68v.
Конец XII в., Франция. Диаметр 30 мм.
Фотография предоставлена библиотекой.

ческих названий в пределах земного круга[24] (Илл. 2). Исторические места расселения скифов — Причерноморье и Средняя Азия, но имя это было распространено на все земли от Кавказа до Северного океана и от Индии до Германии. Поскольку Каспийское море в средние века до путешествия Гильома Рубрука к монголам считалось заливом Северного океана, то нас не должно удивлять и представление о Причерноморье и прикаспийских

Илл. 3.

Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека,
Lat. Q.v.XVII, No. 3, fol. 1. Конец X или начало XI в. Диаметр 178 мм.
Фотография М.В. Скомороха, печатается с разрешения библиотеки.

[24] См. выше, прим. 19. Названия восходят к соответствующим строкам «Фарсалии», 9.411–420, где говорится, в частности, о «Скифском Танаисе».

областях как о крайнем севере. По мере расширения знаний о Северной Евразии «расширялась» и территория Скифии[25].

Нередко имя Скифии требовало конкретизирующего определения. Верхняя Скифия начиналась у Восточного океана, простиралась к северу от Кавказа и Индии на запад, до Каспийского моря или, согласно другой точке зрения, до Меотийских болот. Нижняя Скифия располагалась между Танаисом и Данубием. В некоторых случаях употреблялась даже своя форма хоронима для каждой из двух «Скифий», что может объясняться стремлением разделить две области орфографически. В староиспанском «Образе мира» для азиатской и европейской Скифии используются термины соответственно *Escoçia* (*Eschocia*) и *Ticia* (*Tiçia*), причем вместо «нижней» европейская Скифия получает определение «великая» (*Ticia la maor*, *Ticia la mayor*)[26]. На картах имя Скифии чаще всего наносится единожды, причем заметного предпочтения ни Европе, ни Азии не оказывается[27].

Из географической номенклатуры во всеобщем землеописании представлена античная гидронимика. Кроме Танаиса, сохранились античные названия рек Гипанис (Южный Буг или Кубань) и Меотис (название, использовавшееся в «Космографии» Юлия Гонория вместо «Гипанис»), Борисфен (Днепр) и более новые формы названия Днепра («Данапер» и т.п.), начавшие замещать античное название «Борисфен» в шестом веке. Помимо города Феодосии представлен Херсон (место ссылки римских пап Климента и Мартина I).

Описание Скифии могло включать сопоставления с египтянами или эфиопами, населяющими противоположную крайнюю область ойкумены. Противопоставление скифов и эфиопов про-

[25] Этот процесс часто трактуется как «перенос» скифских реалий на север (см., напр., Valtonen 2008: 145), но следует иметь в виду, что крайний север был «скифским» изначально.

[26] Bull, Williams: 70, 71, 78, 79, 101 (A48, 82; B46, 65, 66, 183). Ср. итальянский перевод «Образа мира» Гонория Августодунского, где Нижняя Скифия названа *Sitia la Minore*, тогда как Верхняя Скифия зовется *Magathia*, в соответствии с исидоровской этимологией Скифии от Магога, сына Иафета, *Magath* в нашем источнике. В другом месте итальянский переводчик назвал азиатских скифов более обычным именем, *scit[e]*. Перевод известен в рукописи XIV в. См. Chiovaro 1977: 113, 118, 143 (22, 23, 27).

[27] См. соответствующие таблицы в: Chekin 1991.

водилось еще Гесиодом и Эсхилом и основывалось, по-видимому, на выделении ионийскими учеными трех широтных полос ойкумены: в северной помещалась Скифия, в центральной Иония, в южной Египет или Эфиопия[28]. О скифо-египетских войнах уже знал Геродот (1.105, 2. 103–104); западноевропейские ученые могли почерпнуть информацию об этом у Юстина и Орозия[29]. Юстин, в частности, отмечал, что между скифами и египтянами долго шел спор о древности происхождения (древнее оказались скифы), а также, что у скифов суровее климат, поэтому их тело и ум тверже, чем у египтян[30]. Связь между Скифией и Египтом, основывавшаяся на традиции подобных сопоставлений, была закреплена и благодаря композиции землеописания у Орозия и Гонория Августодунского, где Скифия следовала почти сразу же за Египтом.

Помимо собственно скифов, географам были известны различные «скифские» народы, названия которых восходят к геродотовской традиции. На востоке Европы из таковых указывались каллипиды, невры; «скифами» назывались и аланы. Функционально к хорониму и этнониму «Скифия / скифы» близки «Сарматия / сарматы (савроматы)». Об их сближении свидетельствовал уже Плиний в «Естественной истории» (4.81): «Имя скифов повсюду переходит в имена сарматов и германцев, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдаленные страны и почти не известны прочим смертным»[31]. По наблюдению В. Коваленко, Скифия и Сарматия на протяжении средних веков являлись взаимозаменяемыми «понятиями без установленных границ»[32]. В наших источниках сарматы упоминались и в Европе, и в Азии, однако гораздо реже, чем скифы и Скифия. Много большую популярность этноним «сарматы» и хороним «Сарматия» приобрели в XV в. благодаря переводу на латинский язык птолемеевой «Географии».

---

[28] Пьянков 1997: 128–130.

[29] Iustinus 1972: 19–20 (2.3); Orosius 1882: 63–64 (I.14); Vincentius 1591: 13 (Spec. Hist. 1.96); Brunetto Latini 1948 (1.30.1).

[30] Iustinus 1972: 16–18 (2.1); о древности также Vincentius 1591: 13 (Spec. Hist. 1.96); о разнице климатов также Lambertus 1968: 288 (142v).

[31] Латышевъ 1904: 172 (перевод И.П. Цветкова).

[32] Kowalenko 1954: 356.

Хронологический диапазон этнонимов, заполнявших традиционную карту Нижней Скифии — от Геродота до эпохи Великого переселения народов. Позднеантичные имена здесь преобладали в отличие от Верхней Скифии, этническая карта которой, разработанная древнегреческой наукой, перешла в наследство средневековью без существенных изменений.

Согласно Орозию, самой восточной областью Европы была Алания, западнее Алании находилась Дакия, «где и Готия», а затем следовала Германия[33]. У Исидора Севильского перечислялись Алания, Дакия, «где и Готия» в качестве областей Нижней Скифии. Готия выступала как синоним Дакии (или название ее части), поскольку, во-первых, готы прошли через Дакию во время описанного Орозием Великого переселения, а во-вторых, поскольку они были отождествлены с древними обитателями Дакии, гетами. Формула «Дакия, где также и Готия» нередко встречается в картографии. Но Алания, Дакия и Готия могли упоминаться и в качестве трех отдельных областей Нижней Скифии[34].

Само название Скифии было синонимичным идее варварства. Согласно Исидору Севильскому, Нижняя Скифия называлась также Barbarica из-за населявших ее варварских народов[35]. Одна из самых ранних средневековых карт, Альбийская карта второй половины VIII в., определила область между Каспийским и Черным морями как страну «варваров». Это альтернативное название вполне соответствовало семантике скифского топонима и этнонима у античных авторов, для которых скифы воплощали дикость и варварство[36].

Такая семантика стала частью «скифского наследства», переданного этнографической литературой средневековья народам севера и северо-востока Европы. Стандартные этнографические характеристики населения Скифии включали такие качества, как жестокость, кровожадность, глупость (невежественность), при-

[33] Orosius 1882: 21–22 (I.2.53).

[34] Ср. Edson 2008; Baumgärtner 2010. Об актуализации готов и Готии см. Чекин 2014.

[35] Isidorus 1911: XIV.4.3; Isidore 2011: 53; Bartholomaeus 1483 (15.50, 147); Vincentius 1590: 411v (Spec. Nat. 32.9), Vincentius 1591: 10 (Spec. Hist. 1.71).

[36] Подосинов 1984: 16.

вычка к сырой и нечистой пище, в том числе к человеческому мясу. Другой распространенный тип стандартной характеристики — благородный варвар: бескорыстный, умеренный, миролюбивый, идеализировавшийся древними философами как противовес развращенной цивилизации[37]. Противоречивы и сведения о природных условиях приполярных областей. Упоминая страну Птерофорон за Рифейскими горами, говорили о царивших там вечных холодах. Зато в области гипербореев, живущих у мирового полюса, мягкий климат, плодоносящие деревья и живительный воздух.

Основное направление, откуда варвары нападали на средиземноморскую цивилизацию (скифы, сарматы, готы, гунны, авары) — это север и северо-восток. У Каспийского моря, которое представлялось заливом Северного океана, ждали приближения конца света ужасные народы гог и магог, которых сатана, согласно книге Откровения, соберет перед концом света с «четырех углов земли» (Откр. 20, 7). В пророчествах Иезекииля упоминался Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала, находившийся в земле Магог (Иез. 38, 2; 39, 1). В книге Бытия (10, 2) также есть Магог, но там он — один из сынов Иафета. Из этих библейских стихов развилась легенда, ставшая важным элементом в христианских и мусульманских представлениях о Севере — легенда о великом воинстве, собравшемся в ожидании конца света. В некоторый момент эта легенда объединилась с мотивом варварских племен, запертых Александром Македонским за некоей стеной, горой или воротами. Легенда о гоге и магоге и Александровых вратах прошла многие стадии развития в исламских и христианских традициях, и она нередко привлекалась для описания таких народов северо-востока, как готы, гунны, авары или монголы. В таких случаях образ гога и магога не обязательно сохранял эсхатологическую коннотацию, но всегда представлял собой квинтэссенцию дикости, обозначал варвара, нарушавшего все и всякие законы и табу.

Некоторые карты вслед за Этиком Истрийским показывали на северо-востоке мифическую реку ада Ахеронт, таким образом выделяя это направление как особо неблагоприятное[38]. Вместе

[37] Riese 1875; Широкова 1979.
[38] Ср. Herren 2011: 225.

с тем образ севера оставался амбивалентным не только благодаря блаженным гипербореям и благородным варварам античности. Ведь наследниками варваров ощущали себя авторы и читатели всемирных хроник, возводившие свою генеалогию к готам и другим германских племенам, которые вышли, согласно готскому историку сер. VI в. Иордану, с острова Скандзы; а ирландцам и шотландцам этногенетические легенды приписывали происхождение из Скифии[39].

1.2. Астрономическая география

На протяжении всего средневековья карта и всеобщее землеописание оставались проводником естественно-научных идей. Комплекс проблем, связанных с астрономической географией, определил структуру нескольких категорий средневековых карт мира и жанров нарративного землеописания.

Из античной астрономической географии средневековье унаследовало идею о шарообразности Земли и о широтной зональности. Широтная зональность земного шара представляла собой проекцию полюса мира и зон небесного свода на землю. Обычно выделялись пять тепловых зон[40]. Две крайние зоны, северная и южная, считались необитаемыми по причине холодов, срединная зона необитаемой из-за жары, а две умеренные обитаемыми: северная содержала в себе ойкумену, а существование людей в южной умеренной зоне представляло собой особую теологическую проблему (если все люди произошли от Адама, то каким же образом кому-то из них удалось пересечь экваториальную зону, считавшуюся слишком жаркой).

Учение о широтной зональности легло в основу средневековых так называемых зональных карт мира, многие из которых сохранились в качестве иллюстраций в списках «Комментария ко Сну Сципиона» (около 430 г.) Амвросия Феодосия Макробия. Большинство «макробиевых» карт показывают восточное полушарие с арктическим и антарктическим полюсами и представляют собой чисто схематические иллюстрации учения о зонах. Вероятно, в процессе развития жанра первоначальная схема была дополнена более детальным изображением известной земли[41].

[39] Ср. Kochanek 2004.
[40] См.: Дитмар, Чернова 1967.
[41] Ср. Gautier Dalché 1994: 713–722; Hiatt 2007.

По крайней мере с IX в. на этих картах показывалось Каспийское море как один из заливов Мирового океана, наряду со Средиземным (вместе с Эвксинским Понтом), Индийским и Красным морями.

На более подробных картах присутствовали также Рифейские горы, Танаис, Меотийское болото, которые могли оказаться в пределах холодной необитаемой зоны. На Санкт-Петербургской зональной карте в «северной холодной необитаемой» зоне находится все Северное Причерноморье (Илл. 3). Сам Макробий столь далеко на юг границу не проводил, но подчеркивал близость к северной зоне Меотийского болота и «областей, по которым текут Танаис и Истер» и считал эти приграничные местности, «угнетенные почти вечной зимой», крайне сложными для жизни[42]. Карта первой половины XII в., созданная в Германии или в примаасских областях, даже обыгрывала созвучие слов *polus* и *palus Meotis*[43].

Идея о связи небесной и земной сфер легла и в основу учения о семи и более широтных полосах-климатах, на которые подразделялась ойкумена[44]. Раннесредневековой западной традиции это учение было известно прежде всего из трудов Плиния и Марциана Капеллы. Климаты характеризовались продолжительностью самого длинного дня и углом склонения Солнца, который вычислялся с помощью гномона, вертикально поставленного шеста, отбрасывавшего в полдень тень определенной длины. Наиболее популярные раннесредневековые описания климатов принадлежали Бэде Достопочтенному, который в своей «Книге о природе вещей» использовал труды обоих предшественников, и Гонорию Августодунскому, источником которого была книга Бэды Достопочтенного. У Бэды восемь пронумерованных климатов, а также два дополнительных на юге и два на севере. Восьмой климат «идет от Танаиса, через Меотийское озеро и [области] сарматов, даков, проходит по части Германии и Галлии. Максимальная продолжительность дня 16 часов».

[42] Macrobius 1970: 121 (2.7.20).

[43] Paris, Bibliothèque nationale, Latin 6622, f. 59v; Avril, Rabel, Delaunay 1995: 122, pl. CVII; Gautier Dalché 1998: 125 (n° 25); Чекин 1999: 94; Chekin 2006: 104 (VII.2.34). Северный полюс назван Palus Meotis, южный просто Palus.

[44] См.: Щеглов 2005.

К северу от восьмого климата первый дополнительный климат идет через область гипербореев и Британию, максимальная продолжительность дня 17 часов. Второй дополнительный климат, «скифский», проходит от Рифейских гор к Фуле. День и ночь длятся по шесть месяцев[45].

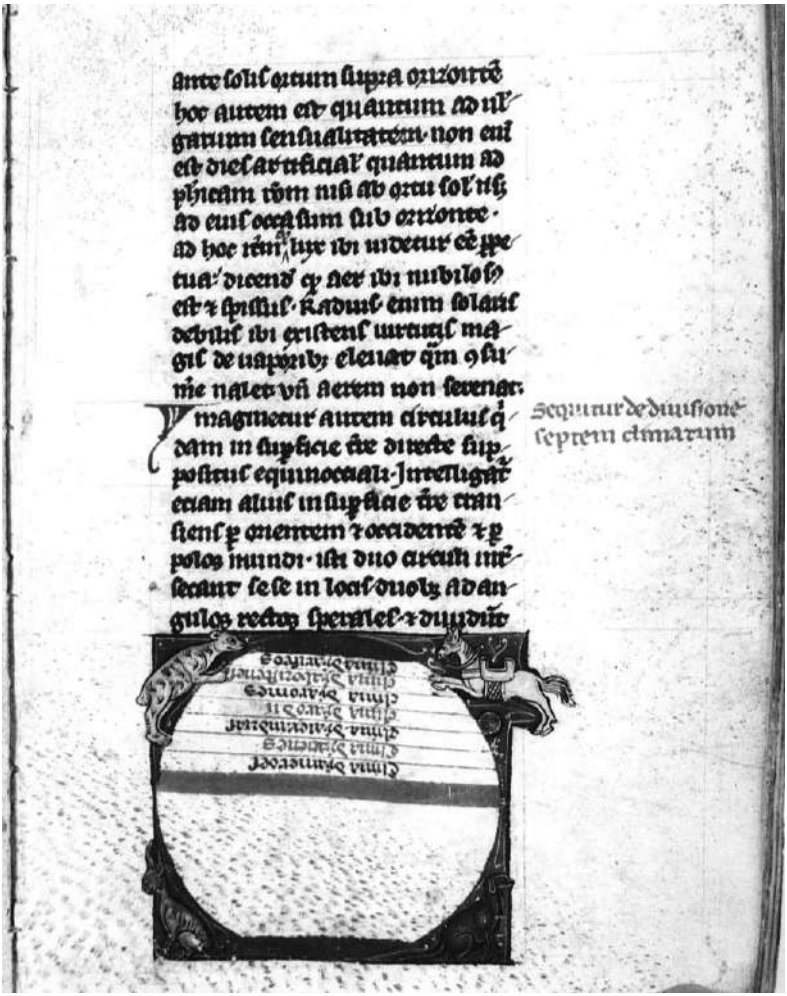
Другие версии теории климатов демонстрировали определенную степень арабского влияния. Парижский ученый Иоанн Сакробоско в трактате «О сфере» (около 1230 г.) изложил основы греческой астрономии и географии, дошедшие до западноевропейских ученых благодаря переводам с арабского языка в XII в. В частности, он говорил о том, что наш обитаемый мир содержится в пределах одной четверти земного шара, но занимает не всю эту четверь, так как страны ближе к экватору необитаемы по причине жары, а страны возле полюса — по причине слишком больших холодов. Обитаемый мир разделяется на семь климатов, которые Иоанн описал, называя градусы широты, длину самого долгого дня посередине и по краям данного климатического пояса, а также ширину данного климата в милях. Климатам были даны названия: *Dyameroes, Dyacienes, Dyalexandrios, Dyarodu, Dyaromes, Dyaboristenes, and Dyaripheos*, различные варианты которых сохранились в тексте и на иллюстрирующих сочинение Сакробоско картах[46], например, на северофранцузской карте второй половины XIII в.[47] (Илл. 4). Все эти имена сочетают греческий предлог «через» с названием места, через которое проходит данный климат: *διὰ Μερόης, διὰ Συήνης, δι᾽ ᾽Αλεξανδρείας* и т.д. Их этимология была не всегда ясна для средневековых писцов, которые иногда считали необходимым добавить пояснение, *a Roma civitate*, «по городу Риму», к имени пятого климата *Dyaromes*.

Шестой климат назван по реке Борисфен (греческое название Днепра; через его устье проводил свой седьмой климат Пто-

[45] Beda 1975: 230–231 (47.32–40). Анализ данных «Естественной истории» Плиния (6.219) см.: Пьянков 1997: 145–152; Подосинов, Скржинская 2011: 200–201, 356–357.

[46] Chekin 2006: 204–206 (XV.2.1, XV.2.2, XV.2.3).

[47] Мюнхен, Bayerische Staatsbibliothek, CLM 10273, fol. 56; см.: Chekin 2006: 205 (XV.2.1).



Илл. 4.

Мюнхен, Bayerische Staatsbibliothek, CLM 10273, fol. 56.
Вторая половина XIII в., север Франции. Диаметр 47 мм.
Фотография предоставлена библиотекой.

лемей). В середине шестого климата самый долгий день продолжается пятнадцать с половиной часов, а «высота полюса», то есть угол наклона небесной сферы, характеризующий географи-

ческую широту — сорок пять и две пятых градуса. В начале его (и конце пятого климата) широта сорок три с половиной градуса, в конце (и в начале седьмого) сорок семь и одна четвертая градуса, а общая ширина «борисфенского» климата 212 миль. К северу от него находится седьмой климат, названный по Рифейским горам. В середине «рифейского» климата самый долгий день продолжается шестнадцать часов, широта сорок восемь и две трети градуса, а общая ширина 185 миль. На северной границе рифейского климата, в конце обитаемого мира, широта пятьдесят с половиной градусов, а самый долгий день шестнадцать и одна четверть часа. В дополнение Сакробоско отметил, что территории на крайнем севере за седьмым климатом, хотя там и существуют многочисленные острова и человеческие поселения, все же не могут считаться отдельным климатом, так как условия для жизни там слишком суровые[48].

Благодаря переводам с арабского языка в инструментарий астрономов-астрологов средневековья с XII в. входили и таблицы координат. Текст «Географии» Птолемея на латинском Западе не был доступен до начала XV в., но математическая концепция гомогенного пространства, обоснованная в этом труде, была в принципе известной. Идею создания карты на основе координат разрабатывал, в частности, Роджер Бэкон. Для построения карт пока не хватало географических объектов с выверенными координатами[49].

Ко времени появления полного текста «Географии» в Западной Европе граница «обитаемого мира» отодвинулась далеко к северу от пределов, которые полагал ойкумене Птолемей: уже вскоре после перевода «Географии» Птолемея ее карты пришлось дополнить неизвестными Птолемею сведениями о Северной Европе (1427 г.). Все же к концу XV в. века «География» Птолемея стала обязательным контекстом для рассуждений о древнем и современном пространстве, знаком триумфа гуманистической культуры, а карта Птолемея стала ментальной картой западных европейцев[50].

[48] Thorndike 1949: 110–112.
[49] Sezgin 2005: 203–226; Gautier Dalché 2009: 118–142.
[50] См. Gautier Dalché 2009: 219, 230–231.

2. География Древней Руси в литературе других жанров

Помимо всеобщего землеописания, географические сведения о Руси, Восточной и Северной Европе можно найти в нарративных произведениях других жанров.

Региональные описания также могли иметь античные аналоги или опираться на античные источники, но были в гораздо большей степени открыты для нового материала. Известно только два раннесредневековых региональных описания, затрагивающих территорию Древнерусского государства. Ко второй половине IX в. относится рукопись «Описания городов и областей к северу от Дуная», получившая в науке условное название «Баварский географ». Памятник, составленный в миссионерских или военных целях, распадается на две неравные части. В первой с севера на юг перечисляются племена, располагающиеся вдоль восточных пределов Восточно-Франкского королевства. Во второй части названы более отдаленные племена в глубине Восточной Европы, в том числе хазары и руссы; возможно, порядок их перечисления был определен расположением торговых путей. Для многих племен дано количество принадлежащих им городов. Считается, что образцом послужили позднеримские описания провинций, однако заимствованных из античной традиции этнонимов почти нет (за исключением «данаев», то есть датчан, в начале списка племен первой части и «свевов», то есть швабов, в поздней приписке в конце текста). По предположению А.В. Назаренко, часть сведений восходит к информации о славянских народах, собранной в ходе моравской миссии Кирилла-Константина и Мефодия. Многие из славянских по форме этнонимов второй части однозначной идентификации не поддаются[51].

Региональное описание в заключительной, четвертой книге «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» (1070-е гг.) Адама Бременского рассказывает о Скандинавии, островах Балтийского моря, южном и восточном побережьи Балтики с целью дать представление о новообращенных народах, находившихся в то время в юрисдикции Гамбургско-Бременской архиепископии, и о миссионерских перспективах на сопредельных территориях. Адам опирался на идеи античных географов, на замечания

[51] Назаренко 1993: 7–51.

о Скандинавии и Балтике в источниках каролингского времени («Жизнь Карла Великого» Эйнхарда и «Житие Ансгария» Римберта) и во многом на личный опыт и сообщения современников — в том числе датского короля Свена Эстридсена. Уникальным в его ментальной карте является отождествление Балтийского моря и Меотийских болот, из чего следует как идея о морском пути из Скандинавии в Грецию, так и перенос на север античной северопричерноморской номенклатуры[52]. Труд Адама по адаптации северной географии к римским географическим моделям был продолжен в XII в. в географических экскурсах анонимной «Истории Норвегии» и «Деяний данов» Саксона Грамматика[53].

Морские карты и портоланы представляют собой новый жанр, по-видимому, не связанный с античными периплами и возникший благодаря развитию международной торговли в итальянских городах с XII в. В этих документах последовательно описывается средиземноморское и атлантическое побережье, задаются направления и приводятся расстояния между пунктами. Сохранившиеся карты и нарративные лоции-портоланы датируются временем не ранее конца XIII в., однако сходные пособия использовались и до того, судя по ряду текстов, в частности, связанных с крестовыми походами[54]. Наиболее весомым аргументом в пользу существования этих источников в XII в. является датированная около 1200 г. пизанская «Книга о расположении берегов и о форме нашего Средиземного моря», возможно, основывавшаяся на морской карте и портолане, данные которых дополнены информацией традиционного всеобщего землеописания. В книге, в частности, рассказывается об Эвксинском понте, который определяется как *mare Albanorum, id est Russorum* — «море албанов, то есть руссов»[55]. Топонимика Понта небогата и свидетельствует о пока редких поездках европейских торговцев (однако упоминается Судак,

[52] Bjørnbo 1909; Назаренко 2010: 122–151; Джаксон 2014.
[53] См. Mortensen 2005.
[54] См. Gautier Dalché 2002.
[55] Gautier Dalché 1995: 138, 139. Определение моря как «русского» соответствует сведениям древнерусских и восточных источников X–XIV вв.; в западноевропейской литературе это определение ввели историки Первого крестового похода (Эккехард из Ауры, Альберт Ахенский), см. Soloviev 1959.

Soldadia). Русы идентифицируются с албанами позднеантичных географов, а половцы — с соседями албанов амазонками[56].

Дорожники и описания путешествий в раннее средневековье представлены записками паломников (самый ранний образец жанра, «Путешествие в святую землю» паломницы Эгерии, относится еще к концу IV в.). Следы дорожников исследователи находят во всеобщем описании и на картах мира, обычно в изображении Западной Европы и пути в Палестину. Античная карта мира, задачей которой было дать систематическое изображение дорожной сети, так называемая Певтингерова таблица, сохранилась в списке конца XII – начала XIII в., но считается, что она, за исключением искажений переписчика, достаточно точно передает редакцию V в. н.э. (промежуточный экземпляр предполагается и для IX–X вв.)[57].

Западноевропейских описаний реальных путешествий по Восточной Европе, содержащих последовательное изложение географии региона, до XIII в. не известно. К VIII в. (вскоре после 727 г.) относится путешествие вымышленное, описанное в «Космографии» Этика Истрийского[58]. Это сочинение представлено как перевод путевых заметок некоего греческого философа, который якобы сам объездил большую часть описываемых земель вплоть до островов Северного океана и пустынных местностей на краю Скифии у Каспийского моря. Описание Скифии и Кавказа в «Космографии» основано, в частности, на «Истории» Павла Орозия и пророчествах псевдо-Мефодия Патарского, а также на сведениях, вероятно, не зависящих от древней традиции, но в любом случае сдобренных немалой толикой нарочитой фантазии. Судя по количеству сохранившихся списков и упоминаний в библиотечных каталогах, Этик завоевал в средние века большую популярность. В XII–XIII вв. по мере росте интереса к северо-восточному региону данные Этика попадают на карты, а также в труд Роджера Бэкона «Великое сочинение».

Наибольший подъем интереса к Восточной Европе приходится на время монголо-татарских завоеваний, которые к середине XIII в. вызывали смешанную реакцию западноевропейцев.

---

[56] Gautier Dalché 1995: 138–141.

[57] Подосинов 2002: 290–295.

[58] Strzelczyk 1993; Strzelczyk 2004a; Herren 2011 (издание с переводом на английский); ср. Gautier Dalché 2012.

Слухи о христианском вероисповедании монголов позволяли организаторам крестовых походов надеяться на их военную помощь. Завоевание монголо-татарами исламской Азии открывало и новые перспективы для международной торговли. Вместе с тем монгольские нашествия, в особенности разорение Центральной Европы в 1241–1242, вселили ужас и толковались как свидетельство о наступлении времен антихриста, что подкреплялось и сведениями, приходившими из Руси, в частности, донесением «русского архиепископа Петра»[59], свидетельствовавшего о татарах перед папой и кардиналами в Лионе в 1245 г. (о чем, в частности, сообщает «Великая хроника» Матфея Парижского).

К 1230-м гг. относятся поездки венгерского доминиканца Юлиана в поисках «Великой Венгрии», прародины венгров. Во время второго путешествия Юлиан провел в Северо-Восточной Руси зиму 1237–1238 гг., собирая сведения о татарах. В 1245 г. папа Иннокентий IV направил четыре посольства к монголам. Для исторической географии Руси важна миссия, возглавленная францисканцем Иоанном де Плано Карпини, которая отправилась через Краков, Киев, Сарай, затем, огибая с севера Каспий и Арал, — в Сыр-Орду, где Карпини присутствовал при провозглашении Гуюка великим ханом (24 августа 1246 г.) и видел князя Ярослава Всеволодовича. В Лион Карпини возвращался также через Киев. От миссии Карпини сохранился целый ряд материалов, в том числе записка его спутника, Бенедикта Польского, и две редакции «Истории монгалов» самого Карпини. Некоторые из известий о Руси (например, о запустении Киева после 1240 г.) вошли только во вторую редакцию, которая некоторыми исследователями признается более тенденциозной, чем первая, и их корректность и даже принадлежность Карпини иногда ставятся под сомнение. Из переработок и сокращений важен труд францисканца C. de Bridra (C. de Bridia) «Сообщение о тартарах» (1247), включивший ряд дополнений из неизвестных источников. Вариант второй редакции был использован доминиканцем Винсентом Бовэзским в исторической части его энциклопедии «Великое зерцало» (около 1255 г.), который, впрочем не внес никаких изменений в части труда, посвященные всеобщему землеописанию.

[59] О нем см.: Толочко 1990.

Посланников к монголам отправлял и французский король Людовик IX Святой, в их числе францисканца Гильома (Вильгельма) де Рубрука. В 1253–1255 гг. Рубрук проплыл Черным морем из Константинополя в Судак, затем проехал на север в Укек, ставку Сартака, оттуда спустился по берегу Волги в Сарай к Батыю, который отправил его в Каракорум. На обратном пути Рубрук пересек Нижнюю Волгу и через Дербент прошел в Закавказье и Малую Азию. Посольство Рубрука описано в его книге «Путешествие в восточные страны», а также в «Великом сочинении» Роджера Бэкона.

Записки путешественников к монголам привнесли немало новых и достоверных сведений о географии Восточной Европы, но и их авторы во многом опирались на древнюю географическую традицию. В этих произведениях, в частности, в корпусе текстов, связанных с миссией Карпини, можно различить и мифологические сведения, которые восходили к монголо-татарским и русским информантам, и которые подверглись влиянию античной традиции (представленной в сирийском «Романе об Александре» и в «Откровении» псевдо-Мефодия Патарского) еще до контакта с западными европейцами, в центральноазиатских этногенетических мифах и в устной культуре древнерусского духовенства[60].

3. Эволюция всеобщего землеописания в IX–XIII веках

Всеобщее землеописание было наиболее консервативным из всех видов географической литературы, отразившей территорию северных и восточных «варварских» областей, но и оно значительно эволюционировало в течение средневековья. Основными этапами эволюции всеобщего землеописания были реструктуризация античного наследия в каролингское время, взаимодействие древней традиции и новых данных в XII в. и, наконец, появление подробных разделов о Северной и Восточной Европе, основанных на новых источниках, в XIII веке[61].

Для географов девятого века север и восток стали приоритетными направлениями. Оттуда исходила смертельная угроза степных кочевников и «номадов моря» — норманнов, и там за-

[60] Горелов 1998; Чекин 2000; Jackson 2001: 355–360; влияние русских источников недооценивается в книге Юрченко 2002.

[61] Ср. Gautier Dalché 2008.

вязывались новые политические отношения с варварскими народами и племенами. Туда устремились миссионеры: благодаря возрождению империи как на западе, так и на востоке завершение основной задачи, проповеди Евангелия по всей Земле, казалось близким и осуществимым. В Моравии и в Болгарии миссионерские усилия латинян и византийцев способствовали не только противоборству, но и взаимопроникновению идей и знаний.

В IX в. каролингские ученые собирали и систематизировали позднеантичные географические сведения в духе возрождавшейся имперской программы[62]. Переработка в основном затрагивала структуру всеобщего землеописания. Так, целью структурных изменений в землеописании, предложенных Дикуилом в трактате «Об измерении круга земель» (825 г.) и анонимом, от имени которого сохранился лишь инициал *G.*, в трактате «О положении земного круга» (между 856 и 870 гг.), было показать географический фон норманнской угрозы[63].

Сопоставляя противоречащие друг другу сведения древних авторитетов, Дикуил пытался очистить их от возможных ошибок переписчиков: ложные сведения для него прежде всего сведения неисправных списков[64]. Дикуил обратился и к новому опыту ирландских отшельников на североатлантическом острове, вероятно, в Исландии, которую он идентифицировал с известным из античной традиции островом Фула. Дикуил, в частности, привел свидетельства ирландских отшельников о полярном дне. К XI в. подобные свидетельства, по-видимому, помогли уточнить данные Плиния и Беды о продолжительности летнего дня на широте Фулы[65].

Каролингские ученые редко включали новые топонимы и этнонимы во всеобщее землеописание (в отличие от регионального описания «Баварского географа»). Считалось, что все народы были известны древним авторитетам, а при необходимости можно было установить соответствие новых и древних имен[66]. В том случае, когда усиливавшиеся международные контакты

[62] Lozovsky 2006.
[63] Gautier Dalché 1983.
[64] Мельникова 1998: 60–64.
[65] Horst Roseman 1987.
[66] Ср. Gautier Dalché 2003: 142–146.

заставляли нарекать ту или иную группу новым этнонимом, географы структурировали хаос новых данных, перенося на варваров унаследованные от Рима представления о территориальной и лингвистической этничности. В отличие от своих римских и греческих предшественников, раннесредневековые наблюдатели организовывали хаотический мир варваров в соответствии с телеологической концепцией истории: как мир территориальных групп, которые могли быть обращены в христианство.

Традиционное землеописание являлось вполне актуальным инструментом, позволявшим преобразовать варварскую массу в систему территориальных групп, и поновлению мог подвергаться даже наиболее авторитетный труд «последнего географа античности» Павла Орозия. Н. Лозовской удалось обнаружить глоссы в датирующемся концом девятого века санкт-галленском списке Орозия (Stiftsbibliothek, 621), где даются новые имена для Мезии (*Uulgaria*) и Паннонии (*Ungria*)[67]. Но самой смелой переработкой Орозия явился его древнеанглийский перевод, появление которого связано с просветительскими усилиями короля Англии Альфреда, правившего в 871–899 гг.[68]. Смелость этой переработки объясняется, в частности, тем, что перевод уже сам по себе предполагает поиск новых форм: «подобно мореплавателям на их судах, родной язык осваивает новые пространства и расширяет географические представления англосаксов»[69]. Одного этого объяснения конечно, недостаточно: многочисленные переложения всеобщего землеописания на испанский, французский, немецкий языки в XII–XIII в. не вносили существенных новшеств в его содержание.

Древнеанглийское географическое описание исправляет и дополняет оригинальный текст Орозия, основываясь, непосредственно или опосредованно, на разнообразных латинских ис-

[67] Lozovsky 2006: 341; Lozovsky 2013: 71–72. Эти глоссы написаны «ранним» почерком, датировавшимся временем от конца IX до XI в. (Lozovsky 2013: 69, n. 9).

[68] Свидетельство Уильяма Мальмсберийского об авторстве короля Альфреда в настоящее время не признается вполне достоверным из-за лингвистических и стилистических отличий перевода Орозия от «альфредианского канона», т.е. англосаксонских переводов, в которых с большей вероятностью предполагается личное участие короля Альфреда, см. Bately 2003; Valtonen 2008: 259–279.

[69] Valtonen 2008: 274.

точниках, и включает ряд уникальных и плохо идентифицируемых названий. Так, к востоку от Дона названа земля албанов, которым дается англосаксонский эквивалент: *Liubene*. Удовлетворительного истолкования этому этнониму нет[70].

Древнеанглийский перевод Орозия содержит и записи устных рассказов о путешествиях на север и северо-восток норвежца Оттара и англосакса Вульфстана, и такое использование устных источников сопоставимо с методом работы Дикуила, также ссылавшегося на рассказы монахов, плававших по Атлантике[71]. В рассказах Оттара и Вульфстана названы германские, славянские и финские этнонимы по южному и восточному побережью Балтийского моря и по северному побережью Европы. О Древнерусском государстве эти путешественники не знали, но Оттар, доплывший, по-видимому, вокруг Кольского полуострова до Белого моря, рассказал о земле справа от корабля. Она была необитаема, если не считать стоянок рыбаков, птицеловов и охотников, все они были финны (то есть саамы). Часть побережья он назвал необитаемой «землей терфиннов» — это название сопоставляют с русским обозначением юго-восточного берега Кольского полуострова «Терский берег». Путешествие его закончилось в устье некоей реки, по одной стороне которой земля была заселена беормами — хорошо известными из скандинавских источников бьярмийцами[72]. На эту землю путешественники ступить не решились. Но Оттару удалось расспросить бьярмийцев, говоривших почти на том же языке, что и саамы; «многое поведали ему бьярмийцы как о своей родной земле, так и о близлежащих землях; но он не знал, насколько правдивы эти рассказы, потому что сам этого не видел»[73].

С десятого века повышенное внимание к областям севера отражается и на картах мира. Изображение северных гор — Ри-

---

[70] Предполагая, что форма может основываться на испорченном чтении этнонима *Albani*, Дж.М. Бэйтли не исключает и возможность реального этнонима, например, «ливы», особенно если предположить неверную идентификацию этого этнонима с албанами (ср. актуализацию этнонима «албаны» у Адама Бременского). См. Bately 1972: 49.

[71] Ср. Valtonen 2008: 126. Сведения Дикуила о продолжительности летнего дня на Фуле на с. 124 охарактеризованы неверно.

[72] См. Джаксон 2000: 277–278.

[73] Матузова 1979: 13–35 (цитируемый перевод на с. 24); Мельникова 1998: 62–65; Valtonen 2008: 356–386.

фейских и, вероятно, Гиперборейских — на карте, в составлении которой, возможно, участвовал Аббон Флёрийский (около 945–1004 гг.)[74], может объясняться историческими и эсхатологическими интересами[75]. В написанном им «Житии Эадмунда» Гиперборейские горы являются локусом мирового зла: оттуда вышли норманны, которые предстают у Аббона орудием дьявола, и оттуда выйдут народы, которые составят войско антихриста[76]. Не позднее XI вв. на карты мира проникают новые сведения: изображение Скандинавского полуострова на Англосаксонской карте и других картах Эбсторфско-Херефордского типа указывает на практический опыт и устные сообщения скандинавских мореплавателей X или XI в. как на вероятный источник новой информации, заставившей отказаться от античного взгляда на Скандинавию как на систему островов[77].

Землеописание трансформируется под влиянием новой информации, причем новая информация часто не противоречит традиционной, а сплавляется с ней воедино. Возможно это, в частности, и потому, что традиционные названия на картах и в списках нарративных землеописаний характеризуются достаточно широкой вариативностью[78].

Вариативность позволяет системе в принципе развиваться и на собственной основе, то есть не в результате взаимодействия с чужеродными элементами. Выше на примере анонимного староиспанского «Образа мира», созданного около 1223 г. в Кастилии, было показано, что этимон может раздваиваться, образуя два формально разных топонима (*Escoçia* и *Tiçia* для обозначения соответственно Верхней и Нижней Скифии). Возможно и противоположное явление, формальное сближение одного имени с другим (как в случае этнонима «гог», преобразовавшемся в «гот» в том же тексте)[79]. Менее знакомые переписчику топо-

---

[74] Берлин, Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, Phillipps 1833, fol. 39v. См.: Gautier Dalché 1996.

[75] Ср. Чекин 1999: 95–97; Chekin 2006: 104–106 (VII.3.1).

[76] Abbo Floriacensis 1890: 9; Zettel 1977: 194.

[77] Чекин 2001: 44–85.

[78] О вариативности как факторе развития системы см.: Солнцев 1984.

[79] Bull, Williams 1959: 58–59 (A10, B11). Данный фрагмент, в котором формы *Goth / Got* употребляются вместо *Gog et Magog*, восходит к Гонорию Августодунскому: Honorius 1982: 53 (1.10). Идентификация

нимы могут заменяться общеизвестными. Так в рукописи XII в. из Северной Италии появился остров Скифия, по-видимому, вместо острова Скай в архипелаге Внутренние Гебриды — как объясняет П. Готье-Дальше, в данном случае «переписчик заменил известным именем термин, который для него не имел значения»[80].

Одним из проявлений нормальной вариативности может стать и новое имя, которое незаметно «прорастает» из традиционного в результате формальных орфографических изменений, проникает в традиционную фразу, не изменяя содержательного контекста. Вероятно, такую модернизацию можно усмотреть в трансформации «области Свевия, названное по горе Свев»[81] в «tierra Suetia (Sueçia), названную по горе Suetio (Sueçia)», предположив, что испанскому географу было знакомо название Швеции[82]. С точки зрения функционирования системы не столь важно, являлась ли непосредственной причиной таких преобразований воля автора, или же перед нами случайная «техническая» ошибка. В конечном счете неустойчивость и подвижность некоторых топонимов, известных средневековому географу из давней книжной традиции, объясняется их семантической недостаточностью[83].

Сохраняющиеся во всеобщем землеописании традиционные сведения не всегда можно отграничить от новых топонимов, оформленных в традиционную орфографическую оболочку, которая принадлежала устаревшему, не отражавшему новой географической и этнической реальности термину. Подобная «архаизация» новых имен анализировалась на примере византийской литературной традиции, где она, согласно выводам

гога и магога с готами, предложенная Амвросием Медиоланским (*Gog iste Gothus est*) критиковалась Иеронимом; ср. тезис о происхождении хоронимов Скифия и Готия от Магога, сына Иафета (Isidorus 14.3.31; Isidore 2011: 35; Bull, Williams 1959: 70–71 [A48, B46]). См. также: Anderson 1932: 9–12; Andersson 1963.

[80] Gautier Dalché 2010: 8.

[81] Honorius 1982: 59 (1.23): “regio Suevia, a monte Suevo dicta”.

[82] Bull, Williams 1959: 78–79 (A83, B66). То же и в итальянской рукописи XIV в. — *tierra Suecia* названа по горе *Suecia*. См.: Chiovaro 1977: 119 (23). Ср. перевод латинского хоронима «Скифия» как «Швеция» или «Великая Швеция» в древнескандинавской литературе: Gahrn 2008.

[83] Чекин 1989.

М.В. Бибикова, носила системный характер[84]. В наших источниках этноним «вандалы» мог в определенных случаях указывать на вендов или поляков, «гунны» на венгров. Под именем гирканов могли скрываться хазары. Албаны, обитавшие в древние времена в восточном Закавказье, идентифицировались Адамом Бременским с весью, в англосаксонском переводе Орозия — с загадочными «лиубенами», а на итальянских морских картах и в портоланах с русью. Амазонки, которые соседствуют с албанами во всеобщем землеописании, оказываются куманами (половцами).

В приведенных выше примерах архаизация основывается на предполагаемых общности происхождения, единстве территории, сходных характеристиках новой и древней этнической группы. Эти основания почти не просматриваются в двух архаизированных топонимах, применявшихся к Руси — «Рутения» и «Галатия». Все же трудно предположить, что отдаленное фонетическое сходство само по себе было достаточным для формального сближения Руси именно с аквитанскими рутенами и малоазиатскими галатами, которое мы наблюдаем в энциклопедиях Гервазия Тильберийского и Бартоломея Английского. С большой осторожностью относясь к попыткам найти основу географических названий Галич и Галиция в реальности кельтских миграций[85] или установить реальные этимологические связи между древнейшими формами имени «русь» и аквитанскими рутенами[86], возможно допустить существование не дошедших до нашего времени средневековых этногенетических легенд, позволявших географам провести такое сближение.

Итак, традиционные этнонимы переосмыслялись применительно к реалиям средневековья, сохраняя традиционную форму[87]. Но следует подчеркнуть, что это переосмысление не было обязательным. Источники продолжали упоминать и древних гуннов, вандалов, гирканов, албанов и амазонок, аквитанских рутенов и малоазиатских галатов, не пытаясь найти им аналоги в современной действительности. Поэтому в неясных контек-

[84] Бибиков 1980; Бибиков 1981; Бибиков 1982.
[85] Трубачев 1983: 253.
[86] Pritsak 1986. Впрочем, словоупотребление географов XII–XIII в. автор в зависимость от предложенной им этимологии не ставит.
[87] См. также примеры в статье Liman 1987.

стах приходится допускать возможность альтернативного истолкования географических и этнических названий.

В традиционной картографической формуле, «Дакия, там же и Готия» на место Готии на карте, описанной в конце XII в. английским автором, предположительно Роджером из Ховедена, стала Русь («Дакия, которая также Русь»)[88]. Сходные формулы есть на Солийской и Херефордской картах[89]. Была ли при этом переосмыслена «Дакия» — римская провинция, которая в результате нашествия готов стала, по указанию Орозия, также и Готией? Поскольку этот хороним нередко применялся и для обозначения Дании, предлагалось интерпретировать таким же образом и первый компонент данной формулы[90]. В данном случае необходимости такой интерпретации нет, в формуле все-таки можно усматривать чисто литературную «Дакию». Однако в Грамоте кельнского архиепископа Райнальда городу Медебаху от 1165 г. А.В. Назаренко справедливо предполагает то же «спаянное ассонансом топонимическое клише» (*in Datia vel in Rucia*), которое уже актуализируется для обозначения Дании и Руси как двух оконечностей балтийского торгового ареала[91].

Взаимозаменяемые на картах гидронимы Аланус и Леманус восходят к Исидору Севильскому, которой объяснял этимологию этнонимов «аланы» и «алеманны»[92]. Но изображение соответствующей реки заставляет связать название Леманус с греческими, тюркскими или восточнославянскими формами слова «лиман», которое сперва прилагалось к устью Днестра или общему устью Днепра и Южного Буга, а на картах было перенесено на сам Днепр или Днестр[93]. В меньшей степени поддаются

[88] Gautier Dalché 2005: 162 (Expositio mappae mundi 3.174: Dacia que et Ruscia).

[89] Chekin 2006: 139 (X.7: Dascia et Russia), 165 (X.12.23: Dacia, hec et Rusia), 222.

[90] См.: von den Brincken 1968: 170; Woodward 1987: 328. Из ошибочного прочтения картографической легенды как *Dacja sive Russia* был сделан вывод о русском происхождении воеводы князя Польши Болеслава III Кривоустого, силезского палатина Петра (род которого выводился из Дании): Cetwiński 1974: 432.

[91] Назаренко 2010: 258–259, сн. 4.

[92] Isidorus 1911: IX.2.94.

[93] Chekin 2006: 209–210. В украинской балладе «Самійло Кішка» река Ліман является синонимом Днепра, см.: Schramm 1973: 106, Anm. 263.

идентификации реки Клитерон и Ахеронт, связывавшиеся в античности с подземным миром. В том, как они представлены на картах, А.В. Подосинов видит общее допущение о существовании некоей большой реки восточнее Танаиса, возможно, Волги[94].

Наиболее влиятельное землеописание после Орозия и Исидора, входящее в энциклопедический «Образ мира» Гонория Августодунского (начальная редакция 1110 г., переработки 1123, 1133 и 1139 гг.), упоминает новые хоронимы в «Нижней Германии», то есть Северной Европе («Дания», «Норвегия») и в Юго-Восточной Европе («Болгария»)[95]. Описание Нижней Скифии в «Образе мира» традиционно и лаконично. В Европе «на севере находятся Рифейские горы и река Танаис, названный по имени царя Танаиса, и Меотийские болота, вливающиеся в великое море близ города Феодосии. От реки Танаиса к югу, до Дуная простирается Нижняя Скифия. В ней находятся провинции Алания, Дакия, Готия»[96]. Русь упоминается не в землеописательном разделе, а в составе всемирной истории при изложении событий первой четверти X в.: «крещены русы, поляки и венгры»[97].

В обширной энциклопедии Ламберта Сент-Омерского «Цветистая книга» (1112–1121 гг.), важнейшее место в которой занимает апокалиптическая тематика, содержится несколько землеописательных разделов и карт. Новаторство в организации материала (Ламберту принадлежит самая ранняя сохранившаяся карта Европы) сочетается с традиционностью содержания. На карте Европы изображается Скандинавский полуостров, обозначенный, по-видимому, синонимичными терминами Скандза и Норвегия, но Руси у Ламберта нет. Зато одна из карт мира, опирающаяся на текст «Космографии» псевдо-Этика (осуществленная в V–VI вв. переработка «Космографии» Юлия Гонория), называет и аквитанских рутенов, и ругов — этнонимы, употреб-

[94] Ср. Подосинов 2007: 93–97.
[95] Honorius 1982: 60 (1.24).
[96] Honorius 1982: 59 (1.21, 22).
[97] Honorius 1982: 150–151 (3.38): “Ruzi, Polani et Ungari facti sunt Christiani”.

лявшиеся для архаизированного обозначения Руси, но у Ламберта новым содержанием не наполнившиеся (Илл. 1)[98].

Всеобщие землеописания, содержащие исключительно традиционную информацию о Нижней Скифии, продолжают появляться на протяжении всего XII в. По мере усиления трансконтинентальных контактов и расширения географического кругозора позднеантичные общие места сохраняют свое значение во всеобщем землеописании, выполняя задачу показать арену действия исторических событий, *loca in quibus gestae sunt*[99]. Они влияют на характер и восприятие новой информации на протяжении всего средневековья, не исчезают они окончательно и в новое время.

Даже «чисто» традиционный знак, включенный в средневековое землеописание, уже не может указывать на то же самое содержание, что и его античный аналог[100]. Иными словами, мы имеем дело со средневековым прочтением древних текстов, суть которого неясна, когда оно не сопровождается формальными преобразованиями. Но система традиционных сведений постепенно видоизменяется, и в пространстве варварства проступают очертания Древней Руси и сопредельных народов и государств.

4. Древняя Русь во всеобщем землеописании XIII века

Первые подробные описания Древней Руси, отразившие новую информацию, появляются в XIII в.: труды Гервазия Тильберийского, Роджера Бэкона, трактат «Описание земель» и Эбсторфская карта мира позволяют говорить о «географическом открытии» Древней Руси западными европейцами[101]. Перестройку всеобщего землеописания следует трактовать как результат процесса, начатого «возрождением XII в.» и характеризовавшегося подъемом университетов, знакомством с арабской

[98] Репродуцируемая карта ранее, по-видимому, не публиковалась; ср. карты в других списках «Цветистой книги», отличающихся незначительными разночтениями, в кн.: Чекин 1999: 171–173, илл. 66; Chekin 2006: 185–187, 479–480 (группа XIII.1).

[99] Green 1943: 491.

[100] Ср. Arentzen 1984: 27, 133.

[101] В связи с этим оказывается неверным предположение о том, что в XIII в., вследствие «феодальной раздробленности Руси и татарской неволи», «интерес западных книжников к Руси не только не возрос, а, пожалуй, снизился» (Алпатов 1973: 21).

научной литературой и такими тенденциями в средневековой науке о природе, как стремление объяснять факты исходя из естественных причин, привлечение новых наблюдений наряду со ссылками на авторитеты[102]. Активное освоение географического пространства как в пределах Западной Европы (расширение обрабатываемых земель, улучшение системы коммуникаций), так и вне ее (крестовые походы, дипломатические и религиозные миссии, расширение торговли) поднимало интерес к географической проблематике. Открылись и новые источники географической информации о Руси. Во-первых, Тевтонский орден перенес крестоносные идеи из Палестины в Прибалтику. В результате стала хорошо известной политическая и этническая структура Прибалтики[103], но через Прибалтику доходили и сведения о других северных и восточных землях. Во-вторых, во всеобщем землеописании отразился интерес к монгольским завоеваниям, побочным результатом которого оказалось и знакомство западноевропейцев с народами, покорившимися монголо-татарам.

Новые сведения о Восточной Европе вошли в энциклопедический трактат «Императорские досуги» (*Otia imperialia*, 1209–1214 гг., дополнения до 1219 г.?), написанный англо-нормандским ученым и политическим деятелем Гервазием Тильберийским (начало 1150-х–1220-е гг.?). Эти сведения содержатся во второй книге трактата, где землеописание переплетено со всемирной хроникой. Они основаны, в частности, на устных сообщениях современников. В Англии Гервазий узнал о торговом пути через Норвегию на Русь; сведения о Юго-Западной Руси и о прибалтийских народах он, возможно, получил в Болонье от Винцентия Кадлубка[104], а информация о половцах дошла из Латинской империи.

Сведения о реке Танаис, Меотийских болотах, Нижней Скифии у Гервазия необходимы как элемент повествовательного зачина, с них согласно традиции начиналось описание Европы. Гервазий подробно рассказал и о гидрографии Нижней Скифии. В Меотийские болота впадает не только Танаис, но и две другие реки: Алан и Лентул. Название Лентул, которое Гер-

[102] Мельникова 1998: 113–127.
[103] См.: Tamm 2009.
[104] Kętrzyński 1903; Strzelczyk 2006.

вазий отнес к срединной из трех рек, Исидор упомянул как имя полководца эпохи Августа: «сарматы ездили вооруженные по широким степям, пока Лентул не отогнал их от Данубия»[105], причем в непосредственном соседстве с разделом, в котором возводятся к соответствующим рекам этнонимы «аланы» и «алеманны» (см. выше в связи с упоминанием этих рек на картах). Если оба гидронима по форме и традиционны, за ними явно скрываются новые реалии. Части Нижней Скифии Готия и Дакия также обрели новое значение благодаря их соположению с вариантом традиционного топонима «Скандза»: «Первая часть [Нижней Скифии], как мы уже сказали, Алания; за ней Дакия и Готия. Затем напротив Дакии к северу Скатанавия, остров в океане, с которого, говорят, бургунды вышли во времена императора Тиберия»[106].

Впоследствии в той же главе Гервазий не раз возвратился к описанию Восточной Европы; перечисляя встречающиеся на пути области и народы, он «подошел» к Руси и с северо-запада, и с юго-запада, но уже не упомянул ни Нижней Скифии, ни ее областей. Однако в самом конце описания Земли Гервазий дал краткий заключительный перечень областей ойкумены, где вновь радикально переработал картину Нижней Скифии: «На севере, начиная от реки Танаис, первая область Европы называется Нижняя Скифия. Она разделяется на Аланию, Готию и Скатанавию. Затем широко простираются к океану Рутения, Полония и Дакия (меж ними — острова)»[107].

Русь для Гервазия — единая страна, простирающаяся от Польши, Венгрии и причерноморских степей до «Норвежского моря». Гервазий использовал и термин «Рутения» как синоним Руси, который позволил энциклопедисту процитировать строки римского поэта Лукана о рутенах аквитанских. Но Гервазий вполне осознавал многозначность этого хоронима, о чем свидетельствует перечисление различных Рутений в другом месте «Императорских досугов» в легендарной истории короля Артура, на которое исследователи пока, кажется, внимания не обращали. Гервазий рассказал о собравшихся при дворе Артура ко-

[105] Isidorus 1911: IX.2.93.
[106] Gervase of Tilbury 2002: 236–238 (2.7).
[107] Gervase of Tilbury 2002: 522 (2.25).

ролях «подчиненных островов», среди которых «король Ирландии, король Исландии, король Готланда, король Оркнейских островов, король Норвегии, король Дании и князь рутенов (во Фландрии; однако некоторые называют Рутенией Русь, а также есть еще Рутенский город в Нарбонской провинции, который подчиняется епископу Буржа)»[108].

Этнографическая характеристика рутенов-руси включила любопытное сообщение о холопах, отправлявшихся своими хозяевами за границу, вероятно, по торговым делам. Оно исследовалось в отечественной историографии[109].

Рядом с русью упомянуты кочевники степной зоны: «Между Грецией и Русью располагаются геты, плакты и кораллы, весьма свирепое племя язычников, которое употребляет в пищу сырое мясо»[110]. Первый и третий этнонимы, по-видимому, восходят к «Письмам с Понта» Овидия (4.8)[111]. Второй из этих этнонимов, в котором узнается имя половцев[112], сохранился и в других вариантах (планты, планеты), восходящих к особым редакциям труда Гервазия, причем вариант «планеты» сопоставим с геродотовским термином *πολυπλάνητον*, «многоблуждающий», который применил к половцам Евстафий Фессалоникийский[113].

Те же народы названы и в рассказе о придунайских областях: там наряду с гетами и кораллами говорится о «куманах», которые «поклоняются чему угодно, что бы ни появилось перед их глазами рано утром». Это упоминание подкрепляет идентификацию «плактов-планетов» с куманами, то есть половцами[114]. Наконец, в разделе, посвященном амазонкам, Гервазий перенес

---

[108] Gervase of Tilbury 2002: 426 (2.17): “dux Ruthenorum (hoc est Flandrensium; alii tamen Russiam Ruteniam nominant; sed in prouincia Narbonensi ciuitas Ruthenensis est, Bituricensi archiepiscopo subiecta)”. Под рутенами во Фландрии понимается население Рюгена, а под *ciuitas Ruthenensis* — Родез.

[109] Пашуто, Шталь 1972.

[110] Gervase of Tilbury 2002: 244 (II.7): “Inter Russiam et Greciam sunt Gete, Placti [*var.* Planti, Planeti] et Coralli, paganorum gens ferocissima, carnibus crudis utens pro cibis”.

[111] Kętrzyński 1903: 154.

[112] Zeuss 1837: 672 (в сноске); Kętrzyński 1903: 158.

[113] См.: Скржинская 1985: 261.

[114] Gervase of Tilbury 2002: 240 (II.7): “Illinc uersus septentrionem sunt Cumani, adorantes quicquid illis mane occurrit primo. Illic Gete et Coralli”.

традиционную этнографическую характеристику легендарных воительниц на половецких женщин: «Такого рода женщин латиняне, живущие в краях константинопольских, называют куманами»[115].

Гервазий сравнил степных язычников с прибалтийскими племенами, характеристика которых более позитивна: обитатели Ливонии представляют собой «весьма добронравное племя язычников»[116]. Как отметил А. Поппе, среди информаторов Гервазия могли быть миссионеры, которые и сообщили, что перспективы миссии на севере были более оптимистичны, чем в Северном Причерноморье[117]. Позднее с подобной идеализацией балтийских язычников сочеталось скептическое отношение к политике крестоносцев, которое можно усмотреть у Роджера Бэкона и у других авторов[118].

Из городов Руси Гервазию были известны Киев, Галич и Владимир Волынский, формы названий которых близки к упоминавшимся в польских источниках[119]. Также он назвал две реки «между Польшей и Руссией», «название которых в переводе с их местного языка означает *Aper* и *Armilla*» — то есть «вепрь» и «наплечный браслет», и которые, как предположил С. Кентжиньский, означают Вепш и Нарев (правые притоки Вислы; гидроним Нарев похож на польское слово *naramiennik*, наплечник)[120].

Новым шагом в развитии энциклопедической литературы стало сочинение францисканца Бартоломея Английского «О свойствах вещей» в девятнадцати книгах, написанное около 1248 г. в Магдебурге. Описание земли содержится в книгах XIV (о топографии, в основном о горах) и XV (об областях мира). Однородные факты в соответствующих книгах, в том числе географических, перечислены в алфавитном порядке; при пользовании географическими книгами читателю необходима мен-

[115] Gervase of Tilbury 2002: 228 (II.5): “Huiusmodi uiragines in partibus Constantinopolitanis Latini Cumanas nominant”.

[116] Gervase of Tilbury 2002: 244–246 (II.7): “Sed et inter Polloniam et Liuoniam sunt pagani, qui Iazuienses dicuntur. Exhinc uersus septentrionem est Liuonia gens paganorum probissima”.

[117] Поппе 1972.

[118] Ср. Górski 1983; Urban 1988.

[119] Kętrzyński 1903: 172.

[120] Kętrzyński 1903: 158; ср. Грушевський 1905: 369–370.

тальная карта, помогающая локализовать упоминаемый материал[121].

В XV книге, где перечисляются различные области мира, Бартоломей пообещал говорить только о странах, упомянутых в Библии, но в действительности многое рассказал о современном ему мире, давая характеристику населения и природных ресурсов[122]. Во всеобщем землеописании Бартоломей уделил большое внимание областям Прибалтики, занятым крестоносцами. О Руси ему было известно мало — он знал две страны под названиями Галлация и Рутия или Рутена, но соотношение между ними не вполне ясно, в частности, и потому, что сведения о Галлации (Галицкой Руси) соединены с традиционными данными о малоазийской Галатии. О языке рутенов Бартоломей сообщил, что он такой же, как и у других славянских народов, как южных, так и западных. В главах о Ревалии и Виронии (Рявала и Вирумаа) Бартоломей упомянул пограничную реку Нарву, отделявшую земли, которые в то время входили в Датскую Эстляндию, от новгородских земель (население которых Бартоломей назвал ногардами, мегардами, нориками и рутенами)[123]. Нижняя Скифия осталась для Бартоломея условным землеописательным ориентиром. Говоря о Лектонии, Ливонии, Самбии, Швеции, он назвал их провинциями Нижней Скифии, Ревалию определил как граничащую с Нижней Скифией, а Зеландия оказалась у него к западу от Скифии Верхней (?)[124].

К славянам в энциклопедии Бартоломея перешла часть «скифского наследства», заключавшаяся в обязательном сопоставлении с южным пограничьем ойкумены. Бартоломей в восьмой книге, посвященной космологии и астрономии, указал на различие между областями славян и эфиопов: они находятся в разных климатах, потому там несходно влияние планет[125].

---

[121] Таким же образом организован материал в энциклопедии последней четверти IX в. *Liber glossarum*, вероятно, созданной в Корби. См. Gautier Dalché 2003: 131–132.

[122] Thorndike 1929: 424; Darby 1933: 325.

[123] Матузова 1979: 69–96.

[124] Bartholomaeus 1483 (15.87, 88, 126, 134, 153, 174).

[125] Bartholomaeus 1483 (8.22). Несколькими фразами выше Бартоломей ссылался на «философа Мишалата», то есть Машаллаха ибн Атари, писавшего около 770 года. Библиографию латинских текстов, имевших хождение под его именем, см: Carmody 1956: 23–38.

Энциклопедия Бартоломея Английского продолжала оставаться справочным пособием до начала нового времени, оказывая значительное влияние и на картографию, в том числе на морские карты[126].

Вскоре после Бартоломея Английского Русь также упомянул Рудольф Эмский (ум. в 1254 г.) в землеописательном введении к стихотворной немецкоязычной «Всемирной хронике», которую он писал в конце своего жизненного пути по поручению Конрада IV. Географическое введение основано на «Образе мира» Гонория Августодунского, но в описании Европы содержится немало оригинального материала. Так, перекладывая описание Фракии, поэт вместо реки Эвр (Марица) назвал Днепр, «протекающий через Русь» (*der Nepper, der durch Riuzen gât*)[127]. В Европе Рудольф выделил основные языковые регионы, германский, греческий, «венедский» (*windischiu lant*) и романский, и упомянул Русь в ряду венедских земель: Богемия, Моравия, Польша, Русь (*daz lant ze Riuzen*), Ливония, Пруссия[128].

Монгольский набег на Центральную Европу был воспринят как исполнение нагнетавшихся всю первую половину XIII в. эсхатологических ожиданий. Матфей Парижский (около 1200–1259), монах, историк и картограф в Сент-Олбансе (Англия), сформировал свою историческую концепцию под влиянием вычислений Иоахима Флорского (ум. в 1202 г.), который предсказывал пришествие антихриста по истечении двадцати пяти полустолетий после Рождества Христова, в 1250 г. Нашествие монголо-татар 1241–1242 гг. расценивалось как один из «знаков» близкого конца света, и в этом народе Матфей Парижский увидел гога и магога. Среди других знаков близящегося Страшного суда было появление в Св. Земле хорезмийцев, захвативших Иерусалим и перерезавших крестоносцев в 1244 г., и активность странствующих монахов, которые, как казалось Матфею, завершили миссию Церкви, донеся слово Евангелия до краев

[126] Ср. Moritz 1967: 68–69, о влиянии Бартоломея на карте Далорто (1330) и в Каталанском атласе (1375). Номенклатура первой подробной печатной карты, в книге *Rudimentum noviciorum*, впервые изданной в 1475 г., по большей части восходит к Бартоломею (см.: von den Brincken 1983: 398–429; Campbell 1987: Fig. 26–28).

[127] Doberentz 1882: 190 (1019).

[128] Doberentz 1882: 192 (1131).

земли. Готовясь к светопреставлению, Матфей, включивший в созданную им «Великую хронику» один из популярных текстов об антихристе и гоге и магоге — пророчества Сивиллы, даже собирался завершить свой труд именно на событиях 1250 года. Неудивительно, что гог и магог показаны и на картах Матфея Парижского.

Около 1247–1258 гг. Джон Уоллингфордский, сотрудник Матфея Парижского, создал оригинальную климатическую карту, которая, в отличие от большинства климатических карт, не преследует чисто астрономические задачи, а предваряет вводное рассуждение к всемирной истории[129]. Джон Уоллингфордский отметил Русь в шестом климате и по соседству с ней, в пятом климате, землю половцев — Куманию. Эти хоронимы, вероятно, являются свидетельством того же интереса к монголо-татарским завоеваниям, характерного для «Великой хроники» Матфея Парижского. Отметим также соположение Руси и Кумании, с которым мы уже встречались в пизанской «Книге о расположении берегов и о форме нашего Средиземного моря» около 1200 года.

Народам гог и магог уделяли внимание и другие современники Матфея, в том числе великий английский естествоиспытатель Роджер Бэкон, поставивший задачу определить, откуда они придут на погибель миру[130].

Для Бэкона основной источник географического знания — достоверный опыт, как свой, так и достойных доверия очевидцев. В описании земель, покоренных монголо-татарами в Европе и Азии, он в основном следовал книге Гильома де Рубрука о путешествии в восточные страны в 1253–1255 гг. Но Бэкон с не меньшим доверием относился и к другому «очевидцу», Этику Истрийскому, автору «Космографии». Традиционные сведения античных авторов Бэкон использовал в меньшей мере и опроверг некоторые из их воззрений, опираясь на очевидцев. В частности, ссылаясь на опыт Гильома де Рубрука и других путешественников к монголо-татарам, Бэкон указал, что Каспийское море не является заливом Океана, но образовано многими крупными реками. Плиний и другие авторитеты в этом случае «не

[129] См.: von den Brincken 1973; Чекин 1999: 184–187; Chekin 2006: 202–203, 495 (XV.1).

[130] Bacon 1897: 365.

располагали достоверным опытом, ни своим, ни чужим, но писали по слухам»[131].

Бэкон отмечал, что величайшей из земель, покоренных татарами, была земля половцев — они обитали от Дуная до земли, где пребывает татарский хан, то есть в степном поясе Евразии. Но татары всех уничтожили, кроме тех, кому удалось бежать в Венгерское королевство. Европейскую часть Кумании Бэкон идентифицировал с Аланией древних географов и называл ее западной Аланией, а азиатскую часть (к востоку от Танаиса-Дона) — верхней Албанией (названия Алания и Албания у него, по-видимому, взаимозаменяемы)[132].

Великая Руссия для Роджера Бэкона — одна из земель северной Европы, причем земель мало известных. Он поместил ее к северу от Кумании и к западу от Танаиса (Дона). К северу от Руси живут счастливые гипербореи, описание которых полностью взято из античной традиции. На западе же границами Руси являются Польша и «Левковия». В свою очередь названы границы Левковии (Эстония, Ливония, Земгаллия, Курония, Пруссия и Польша), которые позволяют идентифицировать ее как Литву. Прибалтийские области и Русь Бэкон противопоставил прочим европейским землям по признакам меньшей известности (областями, которые «известны», notae, Бэкон не интересовался) и иного вероисповедания (пруссы, курши, ливы, эсты, земгалы и литва — язычники, так же как и куманы и истребленные татарами аланы, а русские — схизматики)[133]. Рассказывая о церковном обряде русских, Бэкон также упомянул о славянском языке: на нем говорят «на Руси, в Польше, в Богемии и во многих других странах».

Земли к востоку от Танаиса стали известны Бэкону благодаря путешествию Рубрука. Сразу за Танаисом на севере живут язычники моксель (мокша), затем магометане мердуим (по-

[131] Bacon 1897: 305, 354, 365–366.

[132] Соответствующие фрагменты см. в кн.: Матузова 1979: 189–234.

[133] Bacon 1897: 358–360, ср. Gautier Dalché 2008: 74–75. Следует поправить перевод в кн.: Матузова 1979: 213. Вместо: «И так вот выглядят наиболее известные северные области в Европе» надо: «И так вот выглядят заслуживающие упоминания северные области в Европе». Согласно Бэкону, эти области не *notae* (каковое определение он применяет к Англии и Испании), но *notabiles*.

видимому, эрзя). Оба народа находятся в зависимости от татар, хотя моксель и пытается от татар освободиться, помогая полякам и немцам. К востоку от мердуим находится река Этилия — это Волга, упомянутая Рубруком под ее тюркским названием.

В Поволжье Роджер Бэкон назвал Великую Булгарию, из которой происходят южноевропейские болгары, и упомянул две соседние с ней страны, из которых происходят современные ему народы Юго-Восточной Европы. От переселенцев из страны Паскатир (то есть Башкирия), она же Великая Венгрия, происходят жители Венгрии, а из более загадочной Великой Балхии вышли валахи (население Великой Балхии татары «называют ныне илак, что значит то же, что и блак»).

Вслед за Рубруком Бэкон рассказывал о Северном и Южном Кавказе, описывал земли татар и других народов Центральной и Восточной Азии. Он прибегал и к традиционному знанию (о сходных с гипербореями арумфеях, которые помещаются к северу от мокши «рядом с полюсом»), но только в тех случаях, когда это знание не противоречило наблюдениям Рубрука.

Как уже упоминалось выше, связанные с монголами тексты содержатся в энциклопедии Винсента Бовэзского «Великое зерцало», в том числе и рассказ о путешествии Плано Карпини, прошедшего по территории Руси. Энциклопедия Винсента, перерабатывавшаяся и дополнявшаяся до 1256–1259 гг. — наиболее основательное из средневековых произведений этого рода. Она сохраняла свое значение до начала нового времени, ведь через ее посредство можно было получить доступ к огромному числу самых разнообразных источников. Энциклопедией Винсента пользовался Дж. Чосер[134]; сведения о монголо-татарах были заимствованы в «Истории северных народов» Олауса Магнуса[135].

Подход двух «энциклопедистов», Винсента и Бэкона, к новому материалу различен. Винсент, как охарактеризовал его методику Г. Газман, в основном ограничивался компилированием источников, объединяя близкие по тематике фрагменты, а свою позицию выражал через отбор материала и его композиционную

[134] Ullman 1933: 323.
[135] Granlund 1951: 251.

организацию[136]. Бэкон открыто проверял и сравнивал данные разных авторов, делая выводы на основании чужих наблюдений[137]. Новый материал у Бэкона органично вошел в землеописание, тогда как Винсент не использовал новую информацию для переработки географических разделов энциклопедии, а целиком вынес ее в конец третьей части «Великого зерцала», посвященной всемирной хронике.

В латинском географическом тексте, известном в историографии как «Описание земель», внимание к новым данным было также отчасти мотивировано татарской угрозой. Текст был составлен между 1255 и 1260 гг. в качестве введения к несохранившемуся трактату о происхождении татар. В частности, он содержит описание границ западной и восточной церквей. Территории обеих церквей начинаются на юге: западной в Италии, восточной в Греции. В юрисдикцию восточной церкви входят Греция, Сербия, Болгария и Русь. Русская земля (в рукописи описка — «Прусция»), «касаясь части Хунгарии, в том же северном направлении обходит Полонию, Йетузию, Латувонию, затем направляется между севером и летним закатом, проходя Летию, Ливонию и Эстонию. И так дотягивается до запада, до язычников карилов, которые граничат с королевством нортманнов»[138].

Границы Русской земли в этом трактате названы почти в той же последовательности, как и в памятнике древнерусской литературы «Слово о погибели Русской земли», где перечислены соседи и данники Руси в первой половине XIII века: «Отселе до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець, от немець до корелы, от корелы до Устьюга, где тамо бяху тоимици погании, и за Дышючимъ моремъ;

[136] Guzman 1974.

[137] Например, с целью определить местоположение Нахичевани, Бэкон собрал сведения Рубрука о времени, затраченном на различные переходы, и на основе этих сведений произвел собственные расчеты: Bacon 1897: 363.

[138] Ср. Чекин 1993: 219; неточности в истолковании прибалтийских топонимов исправлены в статье Mugurēvičs 1995: 23.–30. lpp.; летний закат следует понимать как «северо-запад», см.: Freibergs 1989.

от моря до болгарь, от болгарь до буртасъ, от буртасъ до чермисъ, от чермисъ до моръдви»[139].

Оба памятника, «Описание земель» и «Слово о погибели Русской земли», совпадают как в широком понимании термина «Русская земля», так и в перечислении западных соседей Русской земли, включая исходную точку и направление этого перечисления. Оба называют Венгрию, Польшу (от угоръ и до ляховъ), землю ятвягов, Литву (от ятвязи до литвы), орденские земли Летию, Ливонию и Эстонию (до немець), и землю корелы (от немець до корелы). По сравнению со списком пограничных народов в «Слове», в «Описании земель» отсутствуют чехи. Восточной границы христианской церкви латинский автор не знал — все, что восточнее Руси и Греции между Средиземным морем и северным океаном, относилось к восточной церкви.

Западная граница Русской земли анонимному автору «Описания земель» была известна из личного опыта. Он сообщил о том, что «с товарищем» начал крестить ятвягов, рассказал о своем присутствии при коронации великого князя литовского Миндовга в 1235 г. и на крестинах некоего прусского вождя в 1255 г., где крестным отцом был чешский король Пшемысл Оттокар II. Предлагались различные идентификации автора (ни одна из которых не получила заметного преобладания в литературе[140]); не исключено, что идеи о границах восточной церкви сформировались у автора в результате общения с русским духовенством.

В XIII в. новые сведения о Руси проникли и в картографию. Имя Руси упоминается на четырех западноевропейских картах: Солийской и Херефордской в составе формулы «Дакия и Русь», на карте Джона Уоллингфорского (по соседству с Куманией) и, наконец, на нижнесаксонской Эбсторфской карте мира, которая дает наиболее детальное описание региона (Илл. 5, 6).

---

[139] Бегунов 1965: 157. Об этой этногеографической панораме см. Чекин 2011.

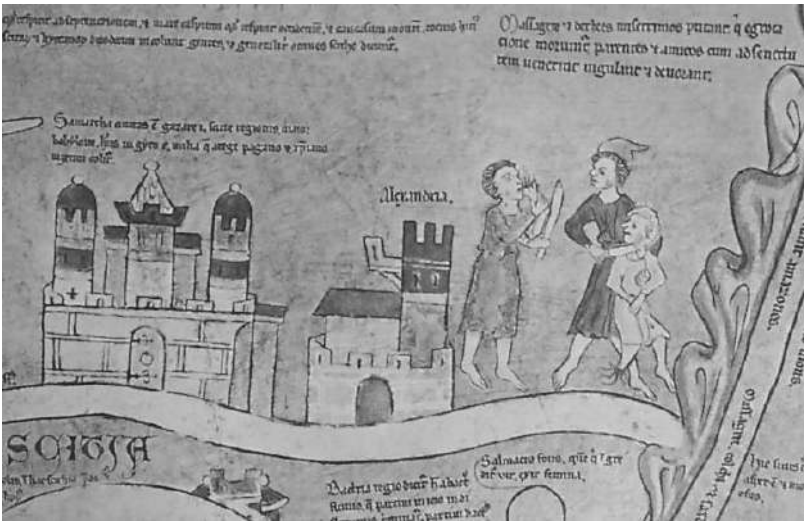
[140] Обзор гипотез см. в кн: Łatyszonek 2006: 25–35, где, впрочем, не учтена работа Freibergs 1999, в которой за автора памятника признается Яцек Одровонж (св. Гиацинт).

Илл. 5.

Эбсторфская карта мира, л. 8 (фрагмент).
Из книги: *Sommerbrodt E.* Die Ebstorfer Weltkarte. Hannover, 1891.

До своей гибели в 1943 г. Эбсторфская карта была самой большой и подробной средневековой картой мира (358 х 356 см, около 1600 легенд в пределах земного круга). Из книжных источников в описании северо-восточного региона наиболее полно отразился Этик Истрийский, а из более близких ко времени создания карты — Адам Бременский, в том числе схолии к его «Истории Гамбургской церкви». На карте представлено большинство сюжетов, характерных для средневекового образа Скифии. Есть и уникальные трактовки — например, изображение «Гиперборейских гор» в дельте Дуная. Конечно, подобные случаи непривычной локализации могут являться и отражением незнакомой нам архаической традиции.

В изображении Восточной Европы на Эбсторфской карте прежде всего привлекают внимание фигуры лося (*elles*) и дикого быка (*urus*), упоминавшиеся античными географами среди фауны Германии, а Адамом Бременским помещенные в Рифейских



Илл. 6.

Эбсторфская карта мира, л. 4 (фрагмент).
Из книги: *Sommerbrodt E.* Die Ebstorfer Weltkarte. Hannover, 1891.

горах и в Швеции[141] (Илл. 5). Следует учесть данные У. Руберга, заметившего, что лось и дикий бык — единственные животные в европейской четверти карты, если не считать геральдических львов при виньетках Рима и Брауншвейга (тогда как всего животных изображено и упомянуто на карте около 100)[142]. Скорее всего, конкретное место среди древнерусских городов для лося и дикого быка было определено требованиями художественного пространства карты, которое было несколько свободнее «на краю» Европы, чем, например, в Германии. По наблюдению Куглера, их взаимное расположение сопоставимо с другой парой животных, повернутых друг к другу — северным оленем (*parandrum*) и жирафом (*camelopardalis*), которые показаны в Эфиопии[143], а также с двумя северными оленями на несколько

[141] Solinus 1895: 96–97 (20.5–6), Adam von Bremen 1917: 267 (4.32); в том же разделе Адам сообщает и о зубрах, которых ловят «в Склавонии и на Руси».
[142] Ruberg 1991: 321.
[143] Kugler 2007: 192.

более поздней (вторая половина XIV в.) консоли в клуатре Эбсторфского монастыря[144]. Орнаментальный характер изображений лося и дикого быка не позволяет утверждать, что перед нами новые сведения о животном мире именно Древней Руси.

Среди восточноевропейских реалий, не возводимых к известным источникам, выделяются по крайней мере три хронологических пласта информации. Во-первых, данные о Хазарии, попавшие в протограф в X–XI вв.; во-вторых, информация о реках и городах Руси, восходящая к источнику не позднее последних десятилетий XII в.; в-третьих, младший пласт информации (после 1201 г.), связанный с завоеваниями крестоносцев в Прибалтике.

Карта дает детальные сведения о Самархе (*Samarcha*) — это город в скифской области Хазарии, он больше Вавилона, 100 миль в окружности, управляется двумя царями, язычником и христианином (Илл. 6). Сопоставление карт эбсторфско-херефордского типа показывает, что легенда о Самархе (или, по крайней мере, сам топоним), относится к достаточно древнему пласту информации и проникла в картографическую традицию не позднее начала XII века.

Какой же конкретно хазарский город мог скрываться под названием «Самарха»[145]? Из известных нам названий «кандидатами» могли бы являться либо Семендер, старая столица Хазарии на Каспийском море, либо хазарская колония на Черном море, которую византийцы называли Таматарха, арабы — «еврейский С-м-куш», хазарский царь Иосиф — «С-м-к-р-ш», и который соответствует Тмуторокани восточнославянских источников. Обе гипотезы, к сожалению, мало надежны, поскольку включают допущение целого ряда фонетических и палеографических изменений[146].

Помимо самого топонима, на Эбсторфской карте даны сведения о размерах Самархи и о системе управления в городе. При хазарской идентификации Самархи можно принимать в расчет размеры анонимных хазарских городов, которые даются в пись-

[144] Hahn-Woernle 1989: 98. Abb. 82, 83; ср. с. 96.

[145] Разбор традиционного истолкования Самархи как Самарканда не дает удовлетворительного объяснения привязке этого города к Хазарии; см.: Чекин 2005: 354–357; ср. Kugler 2007: 92.

[146] См. подробнее: Чекин 2005: 358–359.

ме хазарского царя Иосифа. Размеры эти, несомненно, завышены (50 х 50, 8 х 8 и 3 х 3 парса). Издатель письма П.К. Коковцов, предполагал, что автором двигало желание представить свои города столь же значительными, как Рим и Константинополь, о размере которых на Востоке ходили фантастические слухи (13 х 13 и 12 х 12 фарсахов соответственно). Интересно, что размер второго из названных царем Иосифом городов примерно совпадает с фантастическим размером Самархи. Следовательно, данные о гигантских размерах Самархе по крайней мере не противоречат ее определению как хазарского города.

Наконец, Эбсторфская карта сообщает о том, что в Самархе одновременно правят два царя, христианин и язычник. Сообщение соответствует тому, что известно о политической и религиозной ситуации в Хазарии, которая характеризовалась как двоевластием кагана и бека, так и сосуществованием разных конфессий. Возможно, на карте отразились достаточно древние хазарские реалии, которые предшествовали принятию верховными правителями Хазарии иудаизма (до 870 г.).

Другие пласты информации на Эбсторфской карте включают сведения о реках и городах Руси (*Rucia regio*), проникшие в картографическую традицию не позднее последних десятилетий XII в., и, наконец, сведения XIII в. (после 1201 г.), связанные с завоеваниями крестоносцев в Прибалтике («Рига, город Ливонии» и прибалтийские области Земгалия, Курляндия, Самбия и Пруссия). Сведения о реке Леманус (*Lemanus*) вероятно, особого происхождения, но могут относится как к «хазарскому», так и к «древнерусскому» пласту информации (выше уже говорилось об этой реке, название которой связано со словом «лиман») (Илл. 5).

«Древнерусский» и «прибалтийский» пласт ранее не разграничивались[147]. Появление на карте русских городов и прибалтийских названий обычно приписывалось одним и тем же факторам: пушной торговле, а также активности миссионеров и крестоносцев, которая отразилась прежде всего в изображении Риги[148]. Рига, форпост немецкого «натиска на восток», показана

[147] Нижеследующие положения были высказаны в статье Chekin 1992.

[148] Arbusow 1943.

по-иному, чем города Руси: она выделяется как важнейший город Восточной Европы. Такая картина не могла возникнуть ранее 1201 г., когда ливонский епископ Альбрехт сделал Ригу своей резиденцией.

Иной источник данных карты о древнерусских городах предложил Армин Вольф. Немецкий исследователь спроецировал на карту генеалогическое древо брауншвейгского герцога Оттона Дитяти и предположил, что подбор немецких и других европейских городов на карте в основном представляет места жительства родственников Оттона. Более того, этот подбор городов, по мнению Вольфа, лучше всего соответствует семейной ситуации Оттона в 1239 г. Вольф объяснил упоминание Полоцка тем, что там родилась бабушка Оттона Софья, а упоминания Киева и Новгорода исследователь связал с имеющими отношение к этим городам фактами биографии прабабки Оттона Ингеборг. Функция же Смоленска, где предки Оттона невест не искали, остается неясной[149].

Анализ гипотезы Вольфа не входит в задачи настоящей статьи[150], но следует по крайней мере указать, что появление на Эбсторфской карте русских городов вовсе не обязательно имеет отношение к семейной истории Оттона Дитяти. Как заметила Т.Н. Джаксон, тот же подбор древнерусских городов, что и на карте, дает скандинавское географическое сочинение, датированное, согласно Е.А. Мельниковой, временем между 1170 и 1190 гг.[151]. По мнению Джаксон, это совпадение между немецкой картой и скандинавским трактатом следует объяснять ростом внешней торговли древнерусских городов с конца XII в. в связи с увеличением феодальной раздробленности. Вместе с тем, отмеченный Мельниковой общий интерес трактата к церковной географии Скандинавии позволяет предположить, что анонимный автор знал четыре города прежде всего благодаря

[149] Wolf 1991. В недавней работе Вольф видоизменил свою позицию: теперь он допускает возможность и более поздней датировки Эбсторфской карты, в том случае, если прототип датируется временем около 1239 г. или более ранним (что ему нужно, в частности, для допущения авторства Гервазия Тильберийского). Полоцк в системе аргументации остался, но другие древнерусские города исчезли, см. Wolf 2012: 10.

[150] См. возражения в кн.: Kugler 2007: 63–64.

[151] Глазырина, Джаксон 1987: 37.

наличию в них епископских кафедр (помимо древнерусских и скандинавских городов в трактате упоминаются только два города, Рим и Константинополь)[152]. Важно отметить, что между Русью и Скандинавией в первой половине XII в. существовали определенные церковные отношения, тогда как к концу века Русь все более воспринималась скандинавами как языческая и враждебная[153].

Сходство между двумя подборами городов тем более не случайно, что в обоих источниках города организованы попарно. Согласно древнескандинавскому тексту, «Гардарики находится на востоке Европы. Там Киев и Новгород, Полоцк и Смоленск». На Эбсторфской карте Киев находится на той же реке, что и Новгород, Полоцк на той же реке, что и Смоленск. Причем Полоцк и Смоленск поменялись местами: на карте Смоленск показан ближе к морю, тогда как в реальности он дальше. Если мы будем читать названия городов по рекам, от устьев к истокам, то последовательность будет точно та же, что и в древнескандинавском тексте.

Река, на которой стоят Полоцк и Смоленск, названа *Duna*, Двина. Торговый путь из Смоленска в Висбю мог идти через Полоцк, с волоком между верховьями Днепра и бассейном Западной Двины[154]. Поэтому они и показаны на одной реке, названной «Двина» информантом. Киев и Новгород стоят на реке, стекающей с небольшой горы близ устья Дуная и впадающей в Северный океан. Эта река названа *Olchis qui et Wolkans*. Первая форма, *Olchis*, сходна с загадочным северо-восточным оронимом у Этика Истрийского[155], вторая, вероятно, более точно отражает звучание реального гидронима (судя по расположению

[152] Мельникова 1986: 55.
[153] Lind 1990.
[154] Усачев 1961: 210.
[155] Miller 1896: 25; Herren 2011: 134–135. Этик также рассказывал о народе *Olches* (Herren 2011: 28–29); К. Хиллковитц производил этот этноним от слова *alces* (лось) (Hillkowitz 1973: 9. Anm. 8; 11, 65, 68). В связи с этим комментатор Эбсторфской карты обращает внимание на изображение лося (*elles*) (Kugler 2007: 192), но если этимология Хиллковитца и справедлива (ср. Löwe 1975: 123–124), то вряд ли она была столь прозрачна для средневекового картографа, чтобы повлиять на форму гидронима или изображение зверей.

на ней городов, перед нами контаминация Волхова и Днепра)[156]. Ошибочно расположив Киев и Смоленск «не на тех» реках, картограф тем не менее выказал верное знание торговых путей, проходящих через Восточную Европу. Названия рек подтверждают, что он при этом смотрел на торговые пути с северо-запада: побережье Балтики ему было знакомо лучше, чем внутренние районы. Итак, в том виде, в котором эта картина представлена на Эбсторфской карте, она типологически, если не генетически, близка скандинавской географии и выявляет «взгляд на Русь», который направлен с побережья Балтийского моря.

Исходя из соображения о том, что в выборе городов сыграло роль наличие в них епископских кафедр, датировать подбор городов на Эбсторфской карте следует временем после возникновения Смоленской епархии в 1136 году. Однако остается неясным, одновременно ли появились все детали картины Древней Руси в картографической традиции.

Первая Псалтырная карта (1260-е гг., вероятно, Вестминстерское аббатство), во многом сходная с Эбсторфской картой, хотя и значительно меньшего размера (диаметр 95 см) показывает на территории Нижней Скифии реку *Olcus*[157]. В данном случае эта река — один из левых притоков Дуная, но сходство названия с гидронимом Эбсторфской карты позволяет предположить что этот гидроним, а, возможно, и названия городов Киева и Новгорода присутствовали уже в прототипе обеих карт. Если река *Vlca*, упомянутая Гуго Сен-Викторским в 1130–1135 гг. в описании карты мира («река Улка течет в океан»)[158], также идентична реке Ольхис / Волканс Эбсторфской карты, то, возможно, следует либо удревнить всю картину русских рек и городов, либо предположить, что создавалась она постепенно.

В таком случае может оказаться, что «открытие Руси» произошло в универсальной картографии почти на столетие раньше, чем в нарративном всеобщем землеописании.

[156] Miller 1896: 25; Нидерле 1900: 361.
[157] Miller 1895: 38–42.
[158] Gautier Dalché 1988: 153 (текст), 178 (комментарий).

БИБЛИОГРАФИЯ

Алпатов 1973 — *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII вв.). М., 1973.

Бегунов 1965 — *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Бибиков 1980 — *Бибиков М.В.* Византийская этнонимия: Архаизация как система // Античная балканистика: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980. С. 70–72.

Бибиков 1981 — *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГ. 1980 г. М., 1981. С. 5–151.

Бибиков 1982 — *Бибиков М.В.* К изучению византийской этнонимии // Византийские очерки. М., 1982. С. 148–159.

Глазырина, Джаксон 1987 — *Глазырина Г.В.; Джаксон Т.Н.* Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.

Горелов 1998 — *Горелов Н.С.* Легенда о запертых народах и предания о происхождении татар // Вестник Восточного института. СПб., 1998. Т. 4. № 2 (8). С. 94–116.

Грушевський 1905 — *Грушевський М.* Історія України–Руси. Т. 2. XI–XIII вік. Вид. 2. У Львові, 1905.

Джаксон 2000 — *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 2000.

Джаксон 2014 — *Джаксон Т.Н.* Скифия Адама Бременского. Формирование образа // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 152–170.

Дитмар, Чернова 1967 — *Дитмар А.Б., Чернова Г.А.* Развитие идеи широтной природной зональности в античной науке и ее отражение в географии раннего средневековья // Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1967. № 4. С. 127–134.

Латышевъ 1904 — Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ / Собр. и изд. В.В. Латышевъ. Т. 2. Латинскіе писатели. СПб., 1904. Вып. 1.

Матузова 1979 — *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. IX—XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

Мельникова 1986 — *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.

Мельникова 1998 — *Мельникова Е.А.* Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV вв. М., 1998.

Назаренко 1993 — *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

Назаренко 2010 — Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., перевод и комм. А.В. Назаренко. М., 2010.

Нидерле 1900 — *Нидерле Л.* Рецензія // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1900. Май, іюнь. Ч. 329. С. 354–362 (Рец. на: *Miller K.* Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1895–1898).

Пашуто, Шталь 1972 — *Пашуто В.Т., Шталь І.В.* Забуте повідомлення про рабство у червонорусів (XI–XII ст.) // Український історичний журнал. 1972. № 3. С. 86–89.

Пермяков 1988 — *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.

Подосинов 1984 — *Подосинов А.В.* Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // ДГ. 1983 г. М., 1984.

Подосинов 2002 — *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Подосинов 2007 — *Подосинов А.В.* Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // Т. Н. Джаксон, Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. Русская река. Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 11–97.

Подосинов 2010 — *Подосинов А.В.* Александр Македонский на Дону? (Пространство пути и пространство карты в античной географии) // ДГ. 2009 г. М., 2010. С. 264–284.

Подосинов, Скржинская 2011 — *Подосинов А.В.; Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.

Поппе 1972 — *Поппе А.* Ще раз про повідомлення Гервазія Тільберзького // Український історичний журнал. 1972. № 3. С. 79–80.

Пьянков 1997 — *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М., 1997.

Рамм 1951 — *Рамм Б.Я.* Новонайденный ленинградский экземпляр макробиевой карты и его научное значение // Ученые записки

ЛГУ. Сер. исторических наук. 1951. Вып. 18. № 130. С. 250–270.

Скржинская 1985 — *Скржинская Е.Ч.* Половцы. Опыт исторического истолкования этникона (Из архива ученого) / Подг. к печати Н.Ф. Котляр // Византийский временник. 1985. Т. 46. С. 255–276.

Солнцев 1984 — *Солнцев В.В.* Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.

Толочко 1990 — *Толочко О.П.* Петро Акерович – гаданий митрополит всея Русі // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 45–54.

Трубачев 1983 — *Трубачев О.Н.* Языкознание и этногенез славян // IX Международный съезд славистов. Языкознание. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 231–270.

Усачев 1961 — *Усачев Н.Н.* К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII–XIV вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 203–224.

Чекин 1986 — *Чекин Л.С.* Традиционные и новые сведения в западноевропейской географии XII–XIII вв. // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 157–163.

Чекин 1989 — *Чекин Л.С.* Об античных топонимах в средневековой литературе // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 257–260.

Чекин 1993 — *Чекин Л.С.* «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века. 1993. Т. 56. С. 206–225.

Чекин 1999 — *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999.

Чекин 2000 — *Чекин Л.С.* Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 691–716.

Чекин 2001 — *Чекин Л.С.* Первые карты Скандинавского полуострова // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. М., 2001. С. 44–85.

Чекин 2005 — *Чекин Л.С.* Самарха, город Хазарии // Хазары. Khazars / Под ред. В. Петрухина и др. Иерусалим; М., 2005. С. 346–371.

Чекин 2011 — *Чекин Л.С.* Этногеографическая панорама в «Слове о погибели Русской земли» // История наук о Земле. Сборник статей. М., 2011. Вып. 4. С. 33–40.

Чекин 2012 — *Чекин Л.С.* Эсхатологическая география в IX в. (конец земли и обращение последних народов) // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. Т. 1. М., 2012. С. 81–109.

Чекин 2014 — *Чекин Л.С.* Крымские готы в западноевропейской картографии до начала XVIII в. // Книга картины Земли: Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М., 2014. С. 285–304.

Широкова 1979 — *Широкова Н.С.* Идеализация варваров в античной литературной традиции // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 5. Античный полис. Л., 1979. С. 124–138.

Щеглов 2005 — *Щеглов Д.А.* Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 243–265.

Юрченко 2002 — *Юрченко А.Г.* Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингис–хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., Евразия, 2002.

Abbo Floriacensis 1890 — Abbonis Floriacensis Passio Sancti Eadmundi // Memorials of St. Edmund's Abbey / Ed. by Th. Arnold. London, 1890. Vol. 1. P. 1–25.

Adam von Bremen 1917 — *Adam von Bremen*. Hamburgische Kirchengeschichte / Hrsg. von B. Schmeidler. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1917 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 2).

Anderson 1932 — *Anderson A.R.* Alexander's Gate, Gog and Magog and the Inclosed Nations. Cambridge, Mass., 1932.

Andersson 1963 — *Andersson H.* Gothus, Gog och Magog // Scandia. 1963. B. 29. S. 155–156.

Arbusow 1943 — *Arbusow L.* Aus der Entstehungsgeschichte des Baltischen Kartenbildes // Ostland. Monatsschrift des Reichskommissars für das Ostland. März 1943. Heft 1.9. S. 13–17.

Arentzen 1984 — *Arentzen J.-G.* Imago Mundi Cartographica: Studien zur Bildlichkeit mittelalterlicher Welt- und Ökumenekarten unter besonderer Berücksichtigung des Zusammenwirkens von Text und Bild. Munchen, 1984.

Avril, Rabel, Delaunay 1995 — Manuscrits enluminés d'origine germanique. Vol. 1: Xe–XIVe siècle / Ed. F. Avril, C. Rabel, I. Delaunay. Paris, 1995.

Bacon 1897 — The Opus majus of Roger Bacon / Ed. by J.H. Bridges. Oxford, 1897. Vol. 1.

Bartholomaeus 1483 — *Bartholomaeus Anglicus.* De proprietatibus rerum. Nurenberge, 1483.

Bately 1972 — *Bately J.M.* The relationship between geographical information in the Old English Orosius and Latin texts other than Orosius // Anglo-Saxon England. 1972. Vol. 1. P. 45–62.

Bately 2003 — *Bately J.M.* The Alfredian Canon Revisited: One hundred years on // Alfred the Great / Ed. by T. Reuter. Aldershot, 2003. P. 107–120.

Baumgärtner 2010 — *Baumgärtner I.* Völker und Reiche in Raum und Zeit : Zur Vorstellungswelt mittelalterlicher Universalkarten // Völker, Reiche und Namen im frühen Mittelalter / Hrsg. von Matthias Becher; Stefanie Dick. München 2010. S. 359–394.

Beda 1975 — *Beda Venerabilis.* De natura rerum liber / Cura et studio Ch.W. Jones // Bedae Venerabilis Opera. Pars I. Opera didascalica. Turnholti, 1975. T. 1 (Corpus Christianorum. Series Latina. T. 123A).

Bjørnbo 1909 — *Bjørnbo A.A.* Adam af Bremens Nordensopfattelse // Aarbøger for nordisk Oldkyndlighed og Historie. 1909. S. 120–244.

von den Brincken 1968 — *von den Brincken A.-D.* Mappa mundi und Chronographia: Studien zur "Imago mundi" des abendländischen Mittelalters // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1968. Bd. 24. S. 118–186.

von den Brincken 1973 — *von den Brincken A.-D.* Die Klimatenkarte in der Chronik des Johann von Wallingford – ein Werk des Matthaeus Parisiensis? // Westfalen. 1973. B. 51. S. 47–56.

von den Brincken 1983 — *von den Brincken A.-D.* Universalkartographie und geographische Schulkenntnisse im Inkunbelzeitalter (Unter besonderer Berücksichtigung des "Rudimentum Noviciorum" und Hartmann Schedels) // Studien zum städtischen Bildungswesen des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit / Hrsg. B. Moeller, H. Patze, K. Stackmann. Göttingen, 1983. S. 398–429.

Brunetto Latini 1948 — *Brunetto Latini.* Li livres dou Tresor / Ed. by F.J. Carmody. Berkeley, 1948.

Bull, Williams 1959 — *Bull W.E.; Williams H.F.* Semeiança del mundo: A Medieval Description of the World. Berkeley; Los Angeles, 1959.

Campbell 1987 — *Campbell T.* The Earliest Printed Maps 1472–1500. Berkeley; Los Angeles, 1987.

Campbell 1956 — *Carmody F.J.* Arabic Astronomical and Astrological Sciences in Latin Translation: A Critical Bibliography. Berkeley; Los Angeles, 1956.

Cetwiński 1974 — *Cetwiński M.* Piotr Włostowic czy Piotr Rusin? // Sobótka. 1974. T. 29. S. 429–443.

Chekin 1991 — *Chekin L.S.* Lower Scythia in Western European Geographical Tradition at the Time of the Crusades // Harvard Ukrainian Studies. 1991. Vol. 15. P. 289–339.

Chekin 1992 — *Chekin L.S.* Cities of Rus on the Ebstorf Map // Scando-Slavica. 1992. Vol. 38. P. 98–107.

Chekin 2006 — *Chekin L.S.* Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, text, translation, and commentary. Turnhout, 2006.

Chiovaro 1977 — *Chiovaro F.* L'Ymagine del mondo (Firenze, Bibl. Naz. Cod. Palat. 703). Napoli, 1977.

Curtius 1948 — *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948.

Darby 1933 — *Darby H.C.* Geography in a Medieval Text-Book // Scottish Geographical Magazine. 1933. Vol. 49. P. 323–331.

Doberentz 1882 — *Doberentz O.* Die Erd- und Völkerkunde in der Weltchronik des Rudolf von Hohen-Ems // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1882. B. 13. S. 29–57, 165–223.

Edson 2008 — *Edson E.* Dacia ubi et Gothia. Die nordöstliche Grenze Europas in der mittelalterlichen Kartographie // Europa im Weltbild des Mittelalters: Kartographische Konzepte / Hrsg. von I. Baumgärtner; H. Kugler. Berlin, 2008. S. 173–189.

Freibergs 1989 — *Freibergs G.* Ad orientem hiemalem: The Saga of a Circuitous Quest for the Origins of a “very unusual post-Classical construction” // Terrae Incognitae. Vol. 21. 1989. P. 1–7.

Freibergs 1999 — *Freibergs G.* The Descriptiones Terrarum: Its Date, Sources, Author and Purpose // Christianity in East Central Europe. Late Middle Ages. Lublin, 1999. P. 180–201.

Gahrn 2008 — *Gahrn L.* Svitjod det Stora // Scandia. 2008. B. 68. S. 5–22.

Gautier Dalché 1983 — *Gautier Dalché P.* Tradition et renouvellement dans la représentation de l'espace géographique au IXe siècle // Studi Medievali. 1983. 3a serie. T. 24. P. 121–165.

Gautier Dalché 1988 — *Gautier Dalché P.* La ‘Descriptio mappe mundi’ de Hugues de Saint-Victor. Paris, 1988.

Gautier Dalché 1991 — Gautier Dalché P. L’espace de l'histoire: Le rôle de la géographie dans les chroniques universelles // L’historiographie médiévale en Europe. Paris, 1991. P. 287–300.

Gautier Dalché 1994 — *Gautier Dalché P.* De la glose à la contemplation. Place et fonction de la carte dans le manuscrit du haut Moyen Age // Testo e immagine nell'alto medioevo, 15–21 aprile 1993. Spoleto, 1994. P. 693–771 (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. T. 41).

Gautier Dalché 1995 — *Gautier Dalché P.* Carte marine et portulan au XIIe siècle: Le Liber de existencia riveriarum et forma maris nostri Mediterranei. Rome, 1995.

Gautier Dalché 1996 — *Gautier Dalché P.* Mappemonde dessinée à Fleury vers l'an mil // Autour de Gerbert d'Aurillac, le Pape de l'an mil. Album de documents commentés / Réunis sous la direction d'Olivier Guyotjeannin et Emmanuel Poulle. Paris, 1996. P. 3–5 (Matériaux pour l'histoire publiés par l'École des chartes. Vol. 1).

Gautier Dalché 1998 — *Gautier Dalché P.* Mappae mundi antérieures au XIII siècle dans les manuscrits latins de la Bibliothèque nationale de France // Scriptorium. 1998. T. 52. P. 102–161, pl. 21–32.

Gautier Dalché 2002 — *Gautier Dalché P.* Portulans and the Byzantine World // Travel in the Byzantine World / Ed. by R. Macrides. Aldershot, 2002. P. 59–71.

Gautier Dalché 2003 — *Gautier Dalché P.* Principes et modes de la représentation de l'espace géographique durant le haut Moyen Age // Uomo e spazio nell'alto medioevo, 4–8 aprile 2002. Spoleto, 2003. P. 117–150 (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. T. 50).

Gautier Dalché 2005 — *Gautier Dalché P.* Du Yorkshire à l'Inde: une "géographie" urbaine et maritime de la fin du XIIe siècle (Roger de Howden?). Genève, 2005.

Gautier Dalché 2006 — *Gautier Dalché P.* Maps in Words: The Descriptive Logic of Medieval Geography, from the Eighth to the Twelfth Century // The Hereford World Map. Medieval World Maps and their Context / Ed. by P.D.A. Harvey. London, 2006. P. 223–242.

Gautier Dalché 2008 — *Gautier Dalché P.* Représentations géographiques de l'Europe – septentrionale, centrale et orientale – au Moyen Age // Europa im Weltbild des Mittelalters: Kartographische Konzepte / Hrsg. von I. Baumgärtner; H. Kugler. Berlin, 2008. S. 63–79.

Gautier Dalché 2009 — *Gautier Dalché P.* La Géographie de Ptolémée en Occident (IVe–XVIe siècle). Turnhout, 2009.

Gautier Dalché 2010 — *Gautier Dalché P.* Eucher de Lyon, Iona, Bobbio: Le destin d'une mappa mundi de l'antiquité tardive // Viator. 2010. Vol. 41. P. 1–22.

Gautier Dalché 2012 — *Gautier Dalché P.* La *Cosmographia* d'Aethicus Ister: À propos d'une édition récente // Archivum latinitatis medii aevi. 2012. T. 70. P. 237–255.

Gervase of Tilbury 2002 — *Gervase of Tilbury.* Otia imperialia. Recreation for an Emperor / Ed. and transl. by S.E. Banks; J.W. Binns. Oxford, 2002.

Górski 1983 — *Górski K.* The Author of the "Descriptiones Terrarum": A New Source for the History of Eastern Europe // The Slavonic and East European Review. 1983. Vol. 61. P. 254–258.

Green 1943 — *Green W.M.* Hugo of St. Victor: De tribus maximis circumstantiis gestorum // Speculum. 1943. Vol. 18. P. 484–493.

Granlund 1951 — *Granlund J.* Kommentar // Olaus Magnus. Historia om de nordiska folken. Stockholm, 1951. D. 5.

Guzman 1974 — *Guzman G.G.* The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin // Speculum. 1974. Vol. 49. P. 287–306.

Hahn-Woernle 1989 — *Hahn-Woernle B.* Die Ebstorfer Weltkarte. Ebstorf, [1989].

Hamilton 1928 — *Hamilton G. L.* Encore un plagiat médiéval: "La Mappemonde" de Pierre de Beauvais et les "Divisiones mundi" de Perot de Garbelai // Mélanges de linguistique et de littérature offerts à M. Alfred Jeanroy. Paris, 1928. P. 627–638.

Herren 2011 — *Herren M.W.* The Cosmography of Aethicus Ister. Edition, Translation and Commentary. Turnhout, 2011.

Hiatt 2007 — *Hiatt A.* The Map of Macrobius before 1100 // Imago Mundi. 2007. Vol. 59. Pt 2. P. 149–176.

Hiatt 2010 — *Hiatt A.* Beowulf off the map // Anglo-Saxon England. 2010. Vol. 38. P. 11–40.

Hillkowitz 1973 — *Hillkowitz K.* Zur Kosmographie des Aethicus. Frankfurt am Main, 1973. Teil 2.

Honorius 1982 — *Honorius Augustodunensis*. Imago mundi / Ed. V.I.J. Flint // Archives d'histoire doctrinale et litteraire du Moyen Age. 1982. Année 57. T. 49. P. 7–153.

Horst Roseman 1987 — *Horst Roseman Chr.* Hour Tables and Thule in Pliny's *Natural History* // Centaurus. 1987. Vol. 30. P. 93–105.

Isidore 2011 — *Isidore de Séville.* Étymologies. Livre XIV. De Terra / Texte établi, traduit et commenté par Olga Spevak. Paris, 2011.

Isidorus 1911 — Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum Libri XX / Ed. W.M. Lindsay. Oxford, 1911.

Iustinus 1972 — M. Iuniani Iustini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi / Ed. O. Steel. Stutgardiae, 1972.

Jackson 2001 — *Jackson P.* Medieval Christendom's Encounter with the Alien // Historical Research. 2001. Vol. 74. Issue 186. P. 347–369.

Kętrzyński 1903 — *Kętrzyński S.* Ze studyów nad Gerwazym z Tilbury (Mistrz Wincenty i Gerwazy — Provinciale Gervasianum) // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. 1903. Ser. 2. T. 21. Ogólnego zbioru t. 45. S. 152–189.

Kochanek 2004 — *Kochanek P.* Die Vorstellung vom Norden und der Eurozentrismus. Eine Auswertung der patristischen und mittelalterlichen Literatur. Mainz, 2004.

Kowalenko 1954 — *Kowalenko W.* Bałtyk i Pomorze w historii kartografii (VII–XVI w.) // Przegląd zachodni. 1954. T. 10. Z. 7/8. S. 353–389.

Kugler 2007 — Die Ebstorfer Weltkarte. Kommentierte Neuausgabe in zwei Bänden / Hrsg. von H. Kugler; unter Mitarbeit von S. Glauch, A. Willing. Berlin, 2007. Bd. 2.

Lambertus 1968 — Lamberti S. Audomari canonici Liber floridus / Ed. A. Derolez. Ghent, 1968.

Łatyszonek 2006 — *Łatyszonek O.* Od Rusinów Białych do Białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006.

Liman 1987 — *Liman K.* „Graecia", „Latium", „Campania", „Ruthenia" i inne starożytne pojęcia geograficzne w łacińskich źródłach średniowiecznych // Meander. 1987. R. 42. Z. 9–10. S. 407–420.

Lind 1990 — *Lind J.H.* The Martyria of Odense and a Twelfth-Century Russian Prayer: The Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. P. 1–21.

Löwe 1975 — *Löwe H.* Salzburg als Zentrum literarischen Schaffens im 8. Jahrhundert // Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde. 1975. B. 115. S. 99–143.

Lozovsky 2006 — *Lozovsky N.* Roman Geography and Ethnography in the Carolingian Empire // Speculum. 2006. Vol. 81. P. 325–364.

Lozovsky 2013 — *Lozovsky N.* Classical History and Geography in Medieval St Gall // Mapping Medieval Geographies: Geographical Encounters in the Latin West and Beyond, 300–1600 / Ed. by K.D. Lilley. Cambridge, 2013. P. 65–82.

Macrobius 1970 — *Ambrosius Aurelius Theodosius Macrobius.* Commentarii in Somnium Scipionis / Ed. J. Willis. Leipzig, 1970.

Miller 1895 — *Miller K.* Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. H. 3. Die kleineren Weltkarten. Stuttgart, 1895.

Miller 1896 — *Miller K.* Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. H. 5. Die Ebstorfkarte. Stuttgart, 1896.

Moritz 1967 — *Moritz E.* Die Entwickelung des Kartenbildes der Nord- und Ostseeländer bis auf Merkator. Mit besonderer Berücksichtigung Deutschlands. Amsterdam, 1967.

Mortensen 2005 — *Mortensen L.B.* The Language of Geographical Description in Twelfth-Century Scandinavia // Filologia Mediolatina: Rivista della Fondazione Ezio Franceschini. 2005. N° 12. P. 103–121.

Mugurēvičs 1995 — *Mugurēvičs Ē.* Ģeogrāfiskais traktāts "Descriptiones terrarum" un tā informācija par Austrumbaltijas tautām 13.gadsimta vidū // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1995. Nr. 7/8 (576/577). 23.–30 lpp.

Orosius 1882 — Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII / Rec. C. Zangemeister. Vindobonae, 1882 (Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. T. 5).

Otto Frisingensis 1912 — Ottonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus / Rec. A. Hofmeister. Hannoverae; Lipsiae, 1912. P. 36–38 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 45).

Pritsak 1986 — *Pritsak O.* The Origin of the Name Rūs/Rus' // Passé turco-tatar. Présent soviétique: Etudes offertes à Alexandre Bennigsen. Paris, 1986. P. 45–65.

Riese 1875 — *Riese A.* Die Idealisierung des Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur. Frankfurt am Main, 1875.

Ruberg 1991 – *Ruberg U.* Die Tierwelt auf der Ebstorfer Weltkarte im Kontext mittelalterlicher Enzyklopädik // Ein Weltbild vor Columbus. Die Ebstorfer Weltkarte. Interdisziplinäres Colloquium 1988 / Hrsg. von H. Kugler; E. Michael. Weinheim, 1991. S. 319–346.

Schramm 1973 — *Schramm G.* Nordpontische Ströme. Göttingen, 1973.

Sezgin 2005 — *Sezgin F.* Mathematical Geography and Cartography in Islam and their Continuation in the Occident. I. Historical Presentation / Trans. by G. Moore; G. Sammon. Frankfurt am Main, 2005. Pt 1.

Solinus 1895 — C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium / Rec. Th. Mommsen. Berolini, 1895.

Soloviev 1959 — *Soloviev A.* Mare Russiae // Die Welt der Slaven. 1959. Jg. 4. H.1. S. 1–12.

Spevak 2009 — *Spevak O.* Isidore de Séville: Le livre XIV des *Etymologiae* et la tradition étymologique // Revue des études latines. 2009. Vol. 87. P. 231–248.

Strzelczyk 1991 — *Strzelczyk J.* Der Prozeß der Aktualisierung Polens und Osteuropas im Verständnis der gelehrten Kreise des 13. Jahrhunderts (mit besonderer Berücksichtigung der Otia imperialia des Gervasius von Tilbury und der Ebstorfer Weltkarte) // Ein Weltbild vor Columbus. Die Ebstorfer Weltkarte, Interdisziplinäres Colloquium 1988 / Hrsg. von H. Kugler; E. Michael. Weinheim, 1991. S. 146–166.

Strzelczyk 1993 — *Strzelczyk J.* Drogi i bezdroża wiedzy o świecie w Europie wczesnośredniowiecznej. Aethicus z Istrii i jego *Kosmografia* // Kwartalnik Historyczny. 1993. R. 100. Z. 4. S. 5–25.

Strzelczyk 2004a — *Strzelczyk J.* Drogi i bezdroża wiedzy o świecie w Europie wczesnośredniowiecznej. Aethicus z Istrii i jego Kosmografia // J. Strzelczyk. Średniowieczny obraz świata. Poznań, 2004. S. 65–84, 291–292.

Strzelczyk 2004b — *Strzelczyk J.* Proces aktualizacji obrazu Polski i Europy Wschodniej w świadomości XIII-wiecznych kręgów uczonych (ze szczególnym uwzględnieniem *Otia imperialia* Gerwazego z Tilbury i mapy świata z Ebstorfu) // J. Strzelczyk. Średniowieczny obraz świata. Poznań, 2004. S. 186–205, 294–296.

Strzelczyk 2006 — *Strzelczyk J.* Ut ab ipsis indigenis accepi – Zur Frage nach dem polnischen Gewährsmann des Gervasius von Tilbury // Kloster und Bildung im Mittelalter / Hrsg. von N. Kruppa; J. Wilke. Göttingen, 2006. S. 385–399.

Tamm 2009 — *Tamm M.* A New World into Old Words: The Eastern Baltic Region and the Cultural Geography of Medieval Europe // The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier / Ed. by A.V. Murray. Aldershot, 2009. P. 11–35.

Thorndike 1929 — *Thorndike L.* A History of Magic and Experimental Science During the First Thirteen Centuries of Our Era. New York, 1929. Vol. 2.

Thorndike 1949 — *Thorndike L.* The Sphere of Sacrobosco and Its Commentators. Chicago, 1949.

Ullman 1933 — *Ullman B.L.* A Project for a New Edition of Vincent of Beauvais // Speculum. 1933. Vol. 8. P. 312–326.

Urban 1988 — *Urban W.* Roger Bacon and the Teutonic Knights // Journal of Baltic Studies. 1988. Vol. 19. P. 363–370.

Valtonen 2008 — *Valtonen I.* The North in the Old English Orosius: A Geographical Narrative in Context. Helsinki, 2008.

Vincentius 1590 — *Vincentius Belvacensis.* Speculum majus. T. 1. Speculum naturale. Venetiis, 1590.

Vincentius 1591 — *Vincentius Belvacensis.* Speculum majus. T. 4. Speculum historiale. Venetiis, 1591.

Wolf 1991 — *Wolf A.* Ikonologie der Ebstorfer Weltkarte und politische Situation des Jahres 1239 // Ein Weltbild vor Columbus: Die Ebstorfer Weltkarte. Interdisziplinäres Colloquium 1988 / Hrsg. von H. Kugler; E. Michael. Weinheim, 1991. S. 54–119.

Wolf 2012 — *Wolf A.* The Ebstorf Mappamundi and Gervase of Tilbury: The Controversy Revisited // Imago Mundi. 2012. Vol. 64. Pt 1. P. 1–27.

Woodward 1987 — *Woodward D.* Mappae mundi // The History of Cartography / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; London, 1987. Vol. 1. 286–370.

Zettel 1977 – *Zettel H.* Das Bild der Normannen und der Normanneneinfälle in westfränkischen, ostfränkischen und angelsächsischen Quellen des 8. bis 11. Jahrhunderts. München, 1977.

Zeuss 1837 — *Zeuss K.* Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837.

Н.В. Николенкова

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ВО «ВВОЖДЕНИИ В КОСМОГРАФИЮ»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Статья посвящена описанию структуры предисловия к переводу «Атласа Блау», сделанному в 1650-е годы в Москве кружком Епифания Славинецкого. В ряде списков это предисловие носит название «Ввождение в Космографию». Мало изученный лингвистами, этот текст является ценным источником по истории языка. Мы покажем, что целый ряд научных терминов, которые обычно считаются введенными в оборот в начале XVIII в., впервые употреблены почти на 50 лет ранее в тексте «Ввождения в Космографию». Кроме того, Славинецкий и его помощники предвосхитили развитие русской научной терминологии, предложив разные варианты передачи иностранных лексем.

Ключевые слова: космография, география, церковнославянский язык XVII в., язык науки, термины, перевод.

Переводные средневековые тексты под общим названием «кос/змографии» никогда не находились в центре внимания лингвистов. Наибольший интерес вызывает «Христианская Топография» Козьмы Индикоплова в связи с постановкой вопроса о русских переводах домонгольского периода[1]. Об объеме переведенных сочинений географического содержания лингвисты до сегодняшнего времени узнают в первую очередь из классической работы А.И. Соболевского[2], в которой ученый давал и свою характеристику языка этих текстов.

---

[1] См. Соболевский 1987: 4–5; Пичхадзе 2011: 30–31.

[2] Соболевский 1903: 52–67.

В 50-е годы XX в. в исследованиях С.М. Глускиной поднимается вопрос о сделанном в начале XVII в. (предположительно в 1637 г.) в Москве переложении «Атласа» Меркатора[3]. Исследовательница убедительно доказала, что полный текст этой космографии представляет собой не дословный перевод с латинского издания 1613 г., а переработку оригинала. Впоследствии он был еще раз изменен русскими книжниками и стал известен как «Космография» в 76 главах[4]. Интересные наблюдения Глускиной, однако, не были востребованы лингвистами: так, найденные ей в переводе новые для литературного языка этого времени лексемы не зафиксированы в Словаре русского языка XI–XVII веков[5].

В последние годы лингвисты использовали данные космографий, не ставя своей задачей комплексный анализ их языка. Так, данные некоторых оригинальных и переводных текстов включались в работы по топонимике; акцентуированная рукопись XVI в. «Космографии» Мартина Бельского оказывается предметом разбора А.А. Зализняка как отражающая систему южновеликорусского ударения соответствующего периода; В.М. Живов использовал один из списков «Космографии» Ортелия для сопоставления с другими текстами XVII в., созданными в пределах гибридного регистра церковнославянского языка[6]. Общее мнение, что космографии в лингвистическом отношении принадлежат эпохе XVII в. и не связаны с дальнейшим развитием языка, в том числе языка науки, оказало влияние на отсутствие существенного интереса к отмеченным еще Соболевским переводам. Даже авторы специальных работ, посвященных космографиям или их переводчикам, продолжают допускать ошибки и недочеты при описаниях[7].

---

[3] См., например, Глускина 1954.

[4] Список издан ОЛДП, СПб., 1878–1881, № 21, 57, 68.

[5] См., например, СлРЯ XI–XVII 19, 1994.

[6] См. Барандеев 2010; Зализняк 2010; Живов 2004. На основании исследования этого источника В.М. Живов в своих работах регулярно говорит о «гибридном книжном языке», представленном в «переводах космографий» (Живов 2000: 573).

[7] См. Барандеев 2003; Румянцева 2012. О характере ошибок будет сказано ниже, мы постараемся исправить недочеты этих публикаций.

В середине XX в. интерес к переводным космографиям был отмечен у историков науки. Привлекаемые в качестве материала для описания истории научной мысли в России, сами тексты не рассматривались как содержащие новые для XVII в. научные знания географического и астрономического характера. В основе большинства описаний «лежат одни и те же космологические представления», «произвольная интерпретация библейского рассказа и комментирование его»[8]. Поэтому лингвистические исследования, связанные с изучением языка русской науки, обошли своим вниманием космографии. К примеру, в учебном пособии об истории русского литературного языка тема «язык естественнонаучной литературы» и вопрос о формировании терминологии (в том числе географической) связаны только с языком Петровской эпохи[9].

Именно поэтому лингвистические исследования относят начальный этап формирования языка русской географической науки к первой трети XVIII в. и связывают его с публикацией текста, обычно и называющегося первым научным сочинением, в названии которого также впервые использован сам термин «география»: «Географиа или краткое земнаго круга описание»[10]. С другим географическим сочинением — переводом «Географии генеральной» Варения — связан в тот же период отказ от церковнославянского как книжно-письменного языка светской культуры и науки (известное пожелание Петра I переделать перевод «не высокими словами славенскими, но простым русским языком»[11]).

---

[8] Райков 1947: 49, 52.

[9] Камчатнов 2005: 285–288. Справедливости ради заметим, что в этом учебном пособии все же есть информация о переводе в XVII в. географических текстов, а на с. 251 цитируется фрагмент как раз из исследуемого нами перевода Атласа Блау. Правда, в тексте главы учебника постоянно говорится о «грекофилах», выполняющих переводы, «буквальном следовании греческому оригиналу», «греческой грамматике», так что студенты филологических факультетов высших педагогических учебных заведений, которым адресован учебник, не узнают из этого раздела, с какого языка был выполнен перевод.

[10] Барандеев 2010: 13; География 1710.

[11] Живов 1996: 91–92, 99–100.

Давно известен, хотя и привлекал незаслуженно мало внимания, перевод огромного труда с описанием различных стран и земель, составленного голландскими картографами Вильгельмом и Иоанном Блау[12] в Амстердаме в первой половине XVII в., *Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus*[13]. Русский (точнее, церковнославянский) перевод носит название **Позорище всеѧ вселенныѧ или Атласъ новый въ немже начертаніꙗ и ѡписаніѧ всѣх странъ издана сꙋть** (Илл. 1[14]). В 1987 г. была опубликована статья Н.А. Казаковой, целиком посвященная этому памятнику[15]. Целый ряд наблюдений, сделанных в этой работе, подтвердились и нашими исследованиями: можно утверждать, что это первое по-настоящему научное географическое сочинение, попавшее в XVII в. в Московскую Русь и воспринятое именно как научное.

Во-первых, в первой главе вступления излагается учение Коперника (единственное свидетельство о знакомстве в России XVII в. с гелиоцентрической системой[16]). Во-вторых, язык перевода существенно отличает его от космографических сочинений, большая часть которых переведена на русский язык (с ук-

---

[12] Здесь необходимо заметить, что в трудах Соболевского и ссылающихся на него исследователей было принято написание «*Блеу*». Современные специалисты в области истории географии и картографии предпочитают использовать написание «Блау», из лингвистов именно такое написание впервые употребляет С.М. Глускина (Глускина 1954: 80). Сами переводчики Атласа используют форму «Влаевъ».

[13] Blaeu 1645; в нашем исследовании мы пользуемся латинским текстом, хранящимся в ГИМ — № 54000/ГО-5683/1, по-видимому, находившемся в XVIII–XIX вв. в частном хранении. Также издание размещено в электронном виде [режим доступа: http://bdh-rd.bne.es/, дата обращения — 10.09.2016].

[14] Фотографии листов рукописи Син. 19 изготовлены и предоставлены Государственным Историческим музеем (договор № 890 от 23.10.2015).

[15] Казакова 1987; хочется заметить, что данная работа очень долго была нам, к сожалению, недоступна. Мы хотим выразить огромную благодарность сотрудникам СПбИИ РАН и особенно М. Румынской за любезно предоставленный и высланный нам скан статьи. Привлечение этой работы в самый последний момент позволило отметить, что наши наблюдения во многом совпали со сделанными 30 лет назад, именно поэтому о целом ряде фактов мы позволим себе говорить как о практически доказанном.

[16] См. Райков 1947: 117–132; Райнов 1940: 438–440.

раинизмами и полонизмами), а язык этого текста оказывается «ученым церковнославянским»[17].

ПОЗОРИЩЕ
ВСЕЯ ВСЕЛЕННЫЯ
НАЙ
АТЛАСЪ
НОВЫИ
ВЪ НЕМЪЖЕ
НАЧЕРТАНІЯ И ОПИСАНІЯ
ВСѢХЪ СЪ ГРАНЪ
ИЗДАНІЙ СВѢТЪ

Илл. 1.

Церковнославянский перевод Большого Атласа Блау.
Рукопись ГИМ. Син. 19. Л. 1.

Внимание к переводу Большого Атласа Блау было привлечено еще в 40-е годы XIX века. В декабре 1846 г. Н. Абрамовым сделан доклад в Императорском Русском Географическом обществе об исследовании им рукописи, относящейся к началу второй половины XVII столетия и «писанной монахом Епифанием Славеницким» (так!). По сообщению Н. Абрамова, «в собрании Русского Географического общества 8 января 1847 г. эта

[17] Соболевский 1903: 61.

древняя рукопись признана “очень замечательною”»[18]. Дальнейшее, хотя и крайне поверхностное изучение текста подтвердило и «замечательность» его, и авторство Славинецкого. Это в свою очередь побудило Ф.И. Буслаева включить ряд фрагментов из перевода Атласа Блау в свою Хрестоматию (в примечаниях ученый отмечает, что пользовался черновиком, который «почитается за собственноручный автограф Епифания Славинецкого»[19]). В хрестоматии использованы два фрагмента из главы «Европа», вне всякого сомнения переведенной именно Славинецким.

В наше время на факт наличия рассматриваемого нами перевода ссылаются довольно часто — и в общих обзорах Космографий, и в общих описаниях деятельности Епифания Славинецкого и его соратников, и в работах, посвященных времени патриарха Никона[20]. Однако сведения даются крайне общо, к тому же в последних работах о патриархе Никоне допускаются грубые ошибки, свидетельствующие об отсутствии знакомства с самими рукописями. В указанном труде (Никон 2004), к примеру, сообщается о том, что «рукописи (принадлежащие Никону — *Н. Н.)* содержат многочисленные рисунки». Однако в беловом экземпляре (рукопись Син. 19) рисунков нет. Причем это указано еще в описаниях рукописей, сделанном в 1970-е гг.: «рисунков и чертежей не дано»[21]. В более поздниках списках с оригинального перевода действительно есть некоторые схемы, они опубликованы в соответствующей главе книги Райкова, откуда, по-видимому, авторы труда о Никоне и взяли сведения.

Еще больше неточностей содержит недавняя статья В.С. Румянцевой[22]. В ней автограф Славинецкого, рукопись Син. 779 названа «списком Космографии 1670». Похожие неверные сведения ранее, в середине XX в., были опубликованы в книге М.С. Боднарского «Очерки по истории русского земле-

[18] Абрамов 1866: 96–97.

[19] Буслаев 2004: 1185–1190. Эта публикация в библиографии Барандеева (Барандеев 2003) не упомянута.

[20] См. Белоброва 1988: 493; Белоброва, Матвеева 1992: 111; Панченко 1992: 312; Никон 2004: 918–919; Кузьминова, Литвинюк 2008.

[21] Протасьева 1970: 109.

[22] Румянцева 2012: 276.

ведения», в которой автор не ссылается на источники и ничем не подтверждает свои выводы; на эту ошибку еще в 1954 г. указала С.М. Глускина[23]. Остальные сведения Румянцевой о переводе Атласа Блау также неверны: указанная ей рукопись Син. 127 не относится к наследию Славинецкого (это также космография 1670 г., по водяным знакам относящаяся к 1681 г.), а собственноручная запись патриарха Никона на рукописях почему-то названа «дарственной». Работа с рукописями *de visu* Румянцевой не проводилась, о чем может свидетельствовать лист использования материала отдела рукописей ГИМ.

Таким образом, необходимо констатировать, что со времен Буслаева и Соболевского в изучении перевода Атласа лингвистами ничего сделано не было, подробное филологическое описание перевода отсутствует, а ссылки историков до сих пор ошибочны. Начатое нами изучение текста и сопоставление его с латинским оригиналом показывает, что Атлас Блау в его церковнославянском переводе является ценным лингвистическим источником[24]. Переводчики относились к оригиналу как к научному сочинению и, работая над переводом, впервые пытались расширить сферу применения книжного языка. Это, безусловно, была попытка сделать церковнославянский языком науки, закончившаяся в Петровскую эпоху отказом от такого расширения сферы «старого книжного» языка и созданием русского литературного языка нового типа.

В данной статье нам хотелось бы представить некоторые результаты работы, рассказать о том, как, по нашему мнению, переводился Атлас, а также представить часть этого сборника, наиболее интересную интересную как в историко-географическом, так и в лингвистическом отношении.

***

Латинский оригинал *Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus* составлялся Вильгельмом и Иоанном Блау (отцом и сыном) в Амстердаме в период с 1631 по 1665 гг. Первое издание было изготовлено как дополнение к «Атласу» Меркатора с заго-

[23] Глускина 1954: 81–82.

[24] См., например: Николенкова 2010; Николенкова 2013.

ловком *Appendix Theatri A. Ortelli et Atlantis G. Mercatoris*[25]. В Россию попало издание 1645 года — роскошные тома в полный лист, с высоким качеством печати, в переплете из белой кожи были в собрании книг патриарха Никона. При описи «домовой казны» патриарха в числе его личного имущества показаны «семь книг в белых кожах, большие, печатные на Латинском языку… книга описание всеа земли, книга описание ж всех частей поморские земли, две книги козмографии третье части, одна с прибавкою, книга вторая часть земли козмографие ж, две книги четвертой части той же козмографии»[26]. Именно такой вид имеют тома Атласа Блау. Еще одно упоминание об этом издании встречаем в рукописи Син. 424[27], где помещена составленная в 1675 г. Евфимием Чудовским «Опись книг письменных и печатных, взятых в патриаршую казну из Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и его Иверского подворья в Москве» (лл. 345–420 — черновой вариант, беловик на лл. 422–452). На л. 392/441об. в описи отмечено **Описаніе ра^{з}ны^{х} гд^{с}ртвъ ꙁемель се^{д}мь кни^{г} на латинскомъ ꙗꙁыкѣ печа^{т}ныꙗ.** Латинский оригинал представляет собой отпечатанные в два столбца описания определенной земли, внутри описания помещена соответствующая карта.

Сравнив издания 1631 и 1645 гг., мы можем с уверенностью утверждать, что перевод был сделан именно с последнего[28]. При этом, как нам кажется, известное утверждение, что Епифанием Славинецким были переведены главы «Европа» и «Азия» основано на некритическом предположении лингвистов, что латинские издания за это время не подвергались правке. На самом деле именно в издании 1631 г. главы «Европа» и «Азия» идут подряд, далее следуют «Африка» и «Америка», а затем

---

[25] См. Багров 2004: 208; Blaeu 1631. Мы пользовались латинским текстом, хранящимся в Отделе картографии РГБ; во время работы экземпляр не имел регистрационного номера. Пользуясь случаем, хотим поблагодарить сотрудников отдела за возможность поработать с изданием.

[26] ПКН 2009: 453.

[27] Рукописи Синодального собрания находятся в Отделе рукописей ГИМ.

[28] В указанной статье (Казакова 1987) исследовательница приходит к тому же выводу, но не привлекает другие печатные издания Атласа.

описания отдельных частей: Исландия, Испания, Италия и т.д. Есть в издании и введение, *Introductio ad Geographiam*, но текст его не совпадает с изданием 1645 г. (оно меньше, меньше размещено в нем схем и таблиц).

В издании 1645 г. главы «Европа» и «Азия» разделены и находятся в разных томах, перевод «Европы» сделан Епифанием Славинецким, как и описание северных и центральных европейских областей (Исландия, Дания, Швеция, Пруссия, Московия и т.д.). Глава «Азия» и описания отдельных частей Азии (Индия, Палестина, Турция и т.д.) содержатся в третьем томе и переведены Арсением Сатановским.

Есть расхождения и в самих текстах, свидетельствующие о тщательности работы Блау над каждым изданием отдельно. Вот фрагмент главы «Европа»[29]:

издание 1631		издание 1645
Gallia paret Christianissimo Regi Lodovico XIII Henrici magni filio. Germania Imperatoori Ferdinando Austriaco, cui uxor Eleonora Mantuæ Ducis filia. Norvegia & Dania subjectæ sunt Christiano IV Frederici F. Sueciam habet bello ac militia clarus Gustavus Caroli filius. Poloniæ & Lithuaniæ præest Sigismundus.		Gallia paret Christianissimo Regi Lodovico XIV Lodovici XIII filio. Germania Imperatori Ferdinando III Austriaco, cui uxor, Hispaniarum regis filia. Norvegia & Dania subjectæ sunt Christiano IV Frederici F. Sueciam habet Christina Gustavi Magni filia. Poloniæ & Lithuaniæ præest Vladislaus IV.
…at quæ pars Hispaniarum regi partet, Archiducem agnoscit Isabellam Philippi II filiam		…pars altera Hispaniarum Regi partet, Gubernator est Regis nomine, Franciscus de Melo

[29] Набор латинского текста произведен в полном соответствии с оригиналом. Безусловно, в оригинале были ошибки и опечатки, но в нашу задачу не входит их исправление, ведь переводчики работали с этим источником. Для лингвиста важным окажется и передача переводчиками опечаток, и вызванное этим непонимание текста. Выделения в латинском тексте (курсив, разрядка) перенесены из издания, подчеркивания наши.

Есть и другие текстологические расхождения: скажем, последний абзац главы «Европа» в издании 1631 г. короче, чем в издании 1645 г., и содержит краткий пересказ фрагмента из книги Страбона, тогда как издание 1645 г. приводит цитату, выделяя пространный текст курсивом.

В использовании Славинецким и его товарищами именно издания 1645 г. можно убедиться из следующего фрагмента перевода: **Галліа повинꙋетсѧ Хрістіанственнѣишемꙋ Царю Лꙋдовикꙋ д҃і, Лꙋдовіка г҃і сынꙋ. Германіа повелителю Фердінандꙋ г҃ Аѵстріакꙋ, емꙋже жена Іспанскагѡ Царѧ дщерь. Норвегіа, и Даніа покорены сꙋ^т^ Хрістіанꙋ д҃ Фрідеріка Фрідерікꙋ** (!). **Свекію имать Хрістіана, Гꙋстава великагѡ дщерь. Полоніи и Літваніи пре^д^стателствꙋе^т^ Владисла^в^ д҃… Часть дрꙋгаѧ Іспанскомꙋ Царю повинꙋетсѧ. Правитель есть царскимъ именемъ Франкіскъ де Мело**[30]» (лл. 21об–22).

О церковнославянском переводе мы можем сказать следующее: работа над ним велась во второй половине 50-х гг. XVII в. (на переплете беловика первого тома — рукопись Син. 19 — есть дата 7167 (1659 г.); еще одну дату позволяет назвать бумага черновика третьей части — 1660 г. (лилия в гербовом под короной щите[31]). Латинский оригинал был разделен между Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей Чудовским. Они перевели текст в черновом варианте: эти переводы содержатся в рукописях Син. 779 (Славинецкий, первая часть), Син. 781 (Сатановский, третья часть), 780 (Исайя, вторая часть) и 41 (Исайя, четвертая часть). Их полное описание, а также фотоснимок листа 107 рукописи Син.779 — автографа Епифания Славинецкого — содержится в описании рукописей Синодального собрания, сделанном Протасьевой.

Черновые экземпляры Син. 779, 781 и 780 переписаны набело — соответственно Син. 19, Син. 112 и Син. 204. Беловой экземпляр последнего тома (Син. 41) сделан не был.

---

[30] Все цитаты даются по рукописям с максимальным сохранением орфографии, кроме передачи диакритических знаков; большая часть цитат — по рукописи Син. 19 (если отсутствуют существенные разночтения в других списках).

[31] Протасьева 1970: 110.

Беловые экземпляры Син. 19 и Син. 112 очень похожи оформлением, кроме того, Син. 19 писан одним почерком — русской четкой скорописью, и этот же почерк отмечен в части Син. 112 с листа 71 (на это указывает еще Соболевский[32]). Наше исследование позволяет утверждать, что этот почерк принадлежит московскому писцу, а не кому-то из кружка Славинецкого, об этом свидетельствует сопоставление орфографии черновых и беловых списков[33]. А так как беловик Син. 204 писан русским полууставом разных рук, с использованием киноварных заголовков, то можно с уверенностью утверждать: перевод Атласа Блау делался сначала по заказу московских властей, как минимум церковных. А не получил этот текст распространения, так как рано попал в личное собрание Никона.

Беловые рукописи Син. 19 и Син. 112 имеют на первых листах вкладную патриарха Никона (собственноручную) в Ново-Иерусалимский монастырь с датой 1661: «Лета 7169 сию книгу [положилъ[34]] в дом святаго живоноснаго Воскресения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа новаго Иерусалима смиренный Никон божиею милостию патриарх…» (Илл. 1–3, внизу есть фрагменты этой записи). На лл. 1–9 рукописи Син. 204 вкладная в Ново-Иерусалимский монастырь от 1666 г.: «… (1666) положил книгу Италию святейший Никон патриарх в дом живоначального Христова Воскресения…».

Таким образом, можно предположить, что работа над самими переводами шла практически одновременно во второй половине 50-х гг. XVII в., беловой экземпляр первого и второго тома сделан в 1658–1659 гг., чуть позже началась работа над третьим томом, беловик же четвертого тома — описание Англии — не был приготовлен.

Объем текста весьма значителен. Объем черновых экземпляров — 2301 лист. Беловые экземпляры содержат 1105 листов беловика (общий объем перевода при расчете рукописей в лист

---

[32] Соболевский 1903: 62.

[33] См. подробно: Николенкова 2015.

[34] Запись дана по: Протасьева 1970: 44–45, она процитирована при описании № 625 (Син. 1003, Юрьевское евангелие). В Син. 1003, действительно, слово «положил» отсутствует. Однако в копиях записи, сделанных с оригинальной позднее, слово «положил» есть.

вместе с черновиком Син. 41 составит 1729 листов**)**. На сегодняшний момент автор статьи подробно исследовала перевод первого тома, что позволило сделать ряд интересных лингвистических наблюдений, менее подробно исследован том, переведенный Сатановским.

Илл. 2.

Церковнославянский перевод Большого Атласа Блау.
Рукопись ГИМ. Син. 19. Л. 3.

Основной текст Атласа Блау представляет собой описание отдельных стран и частей света, построенное по одной схеме: границы, основные города, основные водные артерии, религия, форма правления, основные сведения из истории, природные ресурсы. Так построена, к примеру, глава «Исландия» в первом томе. Переводчики абсолютно точно сохраняют структуру каждой главы, повторяются даже подзаголовки глав, в печатном тексте вынесенные на поля, а в рукописях включенные по модели глосс. Перевод максимально пословный, Славинецкий и его помощники стремятся повторить и совсем незнакомые русскому

читателю модели, к примеру стихи или структурированные списки. Остается лишь пожалеть, что никакого влияния на развитие русской географической мысли (точнее, именно на структуру построения географического текста) эти страноведческие главы не оказали, ведь текст остался неизвестен в XVIII в., во время бурного развития географии как самостоятельной науки.

Илл. 3.

Церковнославянский перевод Большого Атласа Блау.
Рукопись ГИМ. Син. 19. Л. 7.

Особое положение в тексте занимает вступление — «Вхождение в Космографию», в котором содержатся общие сведения астрономического характера, основы общей географии и рассказ об освоении различных частей земли (главы «**Ѡ разнствѣ между Космографіею, Географіею, и Хорографіею**», «**Ѡ зонахъ или Поясахъ, и ѡ различныхъ именахъ жителеи земныхъ**», «**Ѡ величествѣ земли и раздѣленіи странъ по долготѣ и широтѣ**», «**Ѡ плаваніихъ древ-**

ничъ же и новѣишихъ». Объем вступления в рукописи Син. 19 — 18 листов, в черновом варианте (Син. 779) текста вступления нет, то есть черновик утрачен.

Текст «Ввождения в Космографию» (далее ВВК. — *Н. Н.)* получил широкое распространение во второй половине XVII и начале XVIII в., причем характер распространения показывает, что данный перевод постепенно начинает восприниматься в одном ряду с другими научными сочинениями.

Наиболее ранний список ВВК содержится в рукописи Син. 642 — Сборник богослужебного содержания, в четверть, разный почерк, большей частью скоропись, 284 листа, вторая половина XVII в., ВВК на лл. 161–193об[35]. Данный сборник содержит тексты, распространившиеся как раз при патриаршестве Никона: в начале приплетена печатная статья с чином освящения воды (напечатана в Москве, 1655), далее — фрагменты октоиха, месяцеслова, ирмосы, «кои не обретаются в новом ирмологии печатном» (то есть издания 1657), л. 126–160об — «Дамаскина архиерея Студита собрание от древних философов о некихъ собствах естества животных» (перевод изданной на греческом в Венеции в 1643 книги).

К концу XVII – началу XVIII в. относят три рукописи, хранящиеся в РНБ: Q.XVII.31, Q.XVII.6 и Соф. 1510[36], еще один список хранится в РГБ (ф. 722 № 315[37]), по филиграням бумаги рукопись датирована не ранее 1691; но скорее всего рукопись написана после 1700 г. — на полях есть запись **по новомꙋ календарꙋ се есть написано** (л. 13об). Восприятие ВВК как научного текста особенно ярко видно по составу рукописей Q.XVII.6 и Соф. 1510 — вступление к Атласу оказывается в окружении «Диалектики» (без названия, с началом «азъ есмь диалектика») и

[35] Горский, Невоструев 1917, III, 2: 467–470, № 563; в описании содержится ссылка на намерение авторов сопоставить текст с Син. 19, но замысел не был осуществлен; рукопись не отмечена в Соболевский 1903. В работе Казаковой (Казакова 1987) этот список упомянут.

[36] См. Калайдович, Строев 1825: 287; Абрамович 1905: XIV; БНСС: 987.

[37] Этот список не упомянут в Казакова 1987:172, поэтому мы приписываем его обнаружение себе.

«Математики», «Риторики» и некоего «медицинского наставления».

Несмотря на довольно подробные характеристики рукописей в описях, самая ранняя из которых относится к 1784 г., текст ВВК остался не изучен, а нами при детальном анализе обнаружены разночтения списков. Так, рукопись Q.XVII.31 содержит большие лакуны (к примеру, на лл. 7–7об. отсутствует большой фрагмент главы 5; на л. 10 нет фрагмента главы 8; есть пропуски меньшего объема и в других главах); в рукописи Q.XVII.6 перепутаны листы (на л. 7 об. начинается глава 3, потом на л. 8 расположено продолжение главы 6, связный текст идет далее до л. 15об, а с л. 16 возвращаются главы 3, 4 и 5). Описи указывают на полную идентичность этой рукописи и списка Соф. 1510, что не совсем точно: в последнем страницы не перепутаны, есть отличия в количестве чертежей, присутствуют и текстовые разночтения.

Сопоставление всех указанных выше рукописей и латинского оригинала свидетельствует о том, что ближе всего к утраченному черновику рукописи текст из Син. 642, небольшие расхождения с латинским оригиналом (в первую очередь пропуски) есть в Син. 19, остальные списки имеют разночтения разного рода, в том числе свидетельствующие об их создании без обращения к латинскому оригиналу[38]:

Лат. текст	Син. 642	Син. 19	Q.XVII.31	Q.XVII.6 Соф. 1510
Geographia, hoc est, descriptio terræ, exponit totius terræ situm in genere (гл. I[39])	**Географіа, се есть, ѡписаніе земли, изѧвлѧетъ всеѧ земли положеніе *роднѣ.* и изрѧднѣиши хъ еѧ частеи**	**Географіа, се есть, ѡписаніе земли, изѧвлѧетъ всеѧ земли положеніе *роднѣ* и изрѧднѣиши хъ еѧ частеи**	= Син. 642	= Син. 642

[38] Надо заметить, что рисунки и схемы требуют отдельного изучения.

[39] В латинском оригинале первые листы вступления (Introdutio) идут без нумерации.

	— на полях глосса **вродѣ** (л. 162)	(без исправления на полях – л. 1)		
Tertium ad latit. Graduum 30 erit *Peraguaicum* (глава VI)	**Третіе есть к҆ широтѣ степенемъ л҃ перагꙋаское** (л. 171)	(фраза пропущена)	**Третіе е^ст^ к҆ широтѣ степене^и^ л҃ е^ст^ перꙋгꙋанское** (л. 8об)	= Син. 642 В Соф.1510 **перꙋаганское**

Подобных разночтений отмечено достаточно много, но наибольшее число отличий зафиксировано при сопоставлении рассмотренных выше рукописей и РГБ ф. 722 № 315 (все цифры, например, записаны словами; есть разница в передаче ряда терминов, есть отступления от латинского оригинала и т.д.; описание этих разночтений должно стать еще предметом отдельного анализа).

Наша гипотеза об истории разных списков такова: сделанный с латинского оригинала черновик не сохранился (по-видимому, он был сделан раньше, чем основной перевод[40]); больше всего черновику соответствуют списки Син. 642 и Син. 19; далее текст ВВК с несохранившегося черновика или с иного его списка переписывали без сверки с латинским оригиналом, при этом вносились различные изменения. Оснований считать какие-либо из сохранившихся списков парой «протограф — антиграф» у нас нет. Наиболее близки рукописи Соф. 1510 и Q.XVII.6 (совпадает в том числе характер оформления и использования киновари); первый из них следует считать более ранним. Между ними, скорее всего, лежит какой-то дефектный экземпляр (возможно, не один).

Гипотеза о существовании черновика перевода, отделенного от основной массы рукописей (Син. 779, 780, 781, 41 — черновики), подтверждается тем, что списки представляют собой абсолютно идентичный фрагмент, в котором ВВК завершается описанием одной из частей Земли с одинаковым началом: **Но**

[40] Николенкова 2010: 94–95.

времѧ есть, да к҆ра^{з}дѣленны^{м} мира частемъ пойдемъ. Полъ ар҆ктицкій, или ось сѣвернаѧ.

Надо отметить, что при последующем переписывании первоначальный текст понимали не все, в него вносились исправления, еще сильнее затемняющие смысл и без того сложного перевода. Приведем такой довольно забавный пример:

	Син. 642; Син. 19; Соф. 1510; Q.XVII.31	Q.XVII.6
Guilielmus enim Barendsonius, qui, postquam per fretum Nassovicum iter versus Sinas perfici posse negavit, non ob glaciem solum, sed præcipue quod ex variis observationibus comperit, non mare illud, sed sinum duntaxat esse (4)	**Гвильгелмъ бо барендсоній** (вариант ***бобарендсоній***) **иже внегда чре^{з} потокъ той нас҆совицкій пꙋть творити к синамъ немощно быти гл҃а, не лда ради, но наипаче ꙗко ѿ многи^{х} винъ сразꙋмѣ, не ꙗкѡ морѣ есть оно, но нѣдро.**	**Гвильгелмѣ баба рентъсоній, иже внегда чре^{з} потокъ той нас҆совецкій пꙋть творити к синамъ немощно быти гл҃а, не лда ради, но наипаче ꙗко ѿ многи^{х} винъ сразꙋмѣ, не ꙗкѡ морѣ есть оно но нѣдро** (л. 44об)

Автор перевода верно прочел имя и фамилию путешественника и перевел в полном соответствии с латинским оригиналом. Переписчики, не видя латинского издания, сначала превратили «Барендсония» в «Бобарендсония», а потом, увы, сделали его «бабой» со странным прозвищем «Рентсоний». Неизвестно, как продолжалась бы далее порча имени.

Теперь расскажем о содержании ВВК и о тех особенностях, которые остались вне внимания первых исследователей.

Первая глава носит название «**Ѡ разнствѣ междꙋ Космографіею, Географіею, и Хорографіею**». Традиционно термин *география* относят к началу XVIII века. По мнению большинства терминологов, наиболее ранняя фиксация термина *география* отмечается в переводном памятнике 1685 года «Орбис Терарум» (по рукописи ГПБ, Q.IV.52): «Сие имянуется «еография», еже изыскивати и ведати всю поднебесную»[41]. В Космографии 1670 года, наиболее исследованном памятнике, понятия *география и*

[41] Барандеев 2010: 14.

еография расположены на полях в качестве глосс. Однако словарь русского языка XI–XVII вв. лексему не стал включать в словник. Термин зафиксирован и в лексиконах, например в Лексиконе Е.Славинецкого (на латинском с переводом): «geographia — землеписание»[42]. «Прочное терминологическое положение» термин *география* начинает занимать с XVIII в., что «было закреплено в названии первой научной печатной книги собственно географического содержания — “Географиа или краткое земнаго круга описание”»[43].

Однако привлечение перевода ВВК позволяет не только уточнить результаты, но и изменить представления о времени появления слова в языке. В ВВК не только есть сам термин, но и дано его истолкование:

Географіа, се есть, есть (!), ѡписаніе ꙁемли, иꙁѧвлѧетъ всеѧ ꙁемли положеніе [в родѣ] и иꙁрѧднѣишихъ еѧ частеи в лици, каковы сꙋть страны, Црс҆тва, Славнѣишыѧ грады, морѧ, рѣки, горы над Морскіѧ*, островы…	*Geographia,* hoc est, descriptio terræ, exponit totius situm in genere, & præcipuarum ejus partium in specie, quales sunt Regiones, Regna, celebriores Urbes, Maria, Fluvii; famosa promontoria*[45], Insulæ <…>
Географіа паки раꙁдѣлѧетсѧ на двѣ части, сирѣчь, на Хорографію и Топографію[44], ꙗже оубѡ реченіѧ, аще и тожде имѣютъ ꙁнаменованіе, ѡбычнѡ обаче Хорографіею раꙁꙋмѣетсѧ ѡписаніе частное нѣкоеѧ страны, ꙗко же есть, Іспаніи, Італіи, Германіи, и	G e o g r a p h i a rursum distinguitur in duas partes, nempe C h o r o g r a p h i a m & T o p o g r a p h i a m. Quæ quidem vocabula etsi eandem habeant significationem, plerumque tamen per *Choragraphiam* intelligitur descriptio particularis cujusdam

[42] Німчук 1973: 208.

[43] Барандеев 2010: 15.

[44] В составе Словаря русского языка XI–XVII вв. нет еще изданных томов на всю букву «Т» и на «Х», однако в материалах Срезневского (Срезневский 1989) обоих слов нет. Рукопись Син. 745 не имеет авторства, но по целому ряду лингвистических признаков мы считаем, что она списана с перевода, сделанного кем-то из кружка Славинецкого.

[45] Заметим, что выделенное * написание также свидетельствует о переводе с издания 1645 года: раздельное написание «над морскія» точно соответствует написанию *pro|montoria* на стыке строк на листе. В списках ВВК мы видим в основном слитное написание церковнославянского прилагательного.

про҃: со всѣми грады, селы, лѣсы, горами, и рѣками вней содержащимисѧ, кромѣ в҆ѕглѧдꙋ странъ порꙋбежныхъ, или всеѧ ѕемли ѡкрꙋженіѧ: Топографіею же собственное и частное ѡписаніе частеи Хорографіи: ꙗкоже есть града нѣкоегѡ, села, града, вежи, или иныѧ частицы, в҆неиже и малѣишихъ вещеи совершенное воспоминаніе бываетъ (л. 1)	regionis, ut Hispaniæ, Italiæ, Germaniæ, & c. cum omnibus Urbibus, Pagis, Sylvis, Montibus & Fluviis ea contentis, sine respectu regionum conterminarum, aut totius terræ ambitus: per *Topographium* vero propria & particularis descriptio partium Chorographiæ, ut Urbis cujusdam, Pagi, Arcis, Turris, aut alterius particulæ, in qua vel minimarum rerum exacta habetur ratio.

Обратим внимание, что в XVII в. лексемы *хорография* и *топография* употребляются, хотя и не зафиксированы пока в словарях. К примеру, рукопись Син. 745 содержит «Историю Иудейской войны» Флавия с прибавлением «Хорографии или топографии Святой Земли», переведенной с латинского и польского[46]. В этом тексте указанные термины специально не объясняются, хотя рукопись в этой части обильно глоссирована, неизвестные слова дополнительно объяснены.

Далее по тексту ВВК переводчик пробует перевести слово *географы*, создавая модели **странописцы**, **страносписатели**, **ѕемлесписатели**, но само название науки *география* переводу не подлежит, так же как и прилагательное от данного корня. Некоторые примеры, позволяющие видеть, как в процессе перевода уточнялось и конкретизировалось словоупотребление, показаны ниже:

Латинский текст	Церковнославянский перевод (основной текст по Син. 19)
Veteres Geographi Globum Terræ distribuerunt in *Zonas, Climata, & Parallelos.* (глава 5)	**Древніи странописцы крꙋгъ ѕемный раѕдѣлѧхꙋ на ѕоны, клими, и Параллели** (л.4об.; по другим спискам — **ѕемлесписатели)**

[46] Так указано в заглавии; А.И. Соболевский (Соболевский 1903: 69) указывает на наличие для текста как латинского, так и польского источника.

Tabulis Geographicis (глава 7)	чертежа^{х} Географскихъ (л. 7)
cum cramben hanc toties recoxerint Geographi (л. 1об)	за еже оуже многажды Географшмъ ш семъ веществовати (л. 10об)
Verum horum loco quæstiones aliquot Geographicas fubjungere libet (л. 2)	Но в сихъ мѣсто вопросы нѣкіи Географскіи приложити не неврѣсноть быти мнитсѧ (л. 10об)
… Wilhelmi Camdeni doctissimi Geographi, Angli (л. 2)	Вілгелма Кадема мѫдрѣишагш землесписателѧ Аглічанина (л. 10об.; по другим спискам — землеописатели)
Quid proprie Insula sit. Strabo lib. I (!) Geogr. cap. I (л. 2)	Что есть своиственнѣ островъ? Страбо вѣКнизѣ а Географъ, Гла^{в}: а (л. 11)
Cur tractum terræ ab Occasu in Ortum Cosmographi longitudinem appellant, à Septentrione vero in Austrum latitudinem (л. 2)	Чесоради землесписатели протѧженіе земли ѿ запада кѵвостокѫ долготѫ нарицаютъ, ѿ Сѣвера же кѵгѫ широтѫ (л. 11об)
Veteres Geographi <…> At à recentibus Geographis…. (л. 2)	Древніи землесписатели <…> Но новіи Географи (л. 11об)

Таким образом, наш памятник предлагает использование лексемы *географ* на 40–45 лет ранее отмеченного в словаре русского языка XVII века[47].

Наиболее интересным для исследователей науки оказывается тот фрагмент 1 главы, где находится рассказ о системе Коперника — он оказывается первым в русской письменности упоминанием имени ученого. «Райков констатировал, что в его (Атласа. — *Н. Н.*) первой главе излагаются две схемы устройства вселенной <…> и, следовательно, с перевода «Нового атласа» Блау следует начинать историю распространения в России гелиоцентрических представлений» [48].

[47] СлРЯ XVIII отмечает первое использование слова «географ» только для 1701 года.

[48] См: Казакова 1987: 163, также Райков 1947: 117–132; Райнов 1940: 438–440. Приведенные Райковым фрагменты первой главы по рукописям Q.XVII.31 и Q.XVII.6 (Райков 1947) соответствуют тексту Син. 19.

Вот как выглядит этот текст в переводе Славинецкого: **Иже вторагѡ сѹть разѹмѣнїа, еже древле Пиѳагореи, Аристархъ Самїнскїи, и прочїи многѡ прежде лѣтъ Аристотелевыхъ, Гиппархи и Птоломеи держахѹ, и юже прежде лѣтъ близъ ста в҃ Мїръ паки произведе Ніколаи Коперникъ, и нн҃ѣ изящнѣишїи вси маѳїматїки подражаютъ: Солнце [аки дѹшѹ Мїра и оуправителя Вселенныа, ѿнегоже земла и вси Планїти свѣтлость свою пріемлютъ] полагаютъ на средѣ мїра недвижимо, по приписанїи начертанїа[49] Меркѹрїа же на первомъ кр҃гѣ, аки Солнцѹ ближнѧгѡ в҃ п҃ днехъ теченїе свое ѿ запада на востокъ совершати, и Венерѹ на дрѹгом҃ кр҃гѣ теченїе свое в҃ ѳ҃ м҃цен. Землю [ѩже имъ свѣтило Мїра или Планета есть, ѩкѡ прочїи] гл҃ютъ на третїемъ нб҃си кѹпнѡ с лѹною [ѩже окрестъ земли аки в҃ Єпїцїкли (глосса кр҃гѣ) движетсѧ, разстоѧнїемъ к҃з҃ днеи и ѕ҃ часѡвъ] в҃ Лѣто едино естественное, теченїе совершати окрестъ Солнца, имже разсѹждаютсѧ части года, ѩкѡ же Весна, Лѣто, есень, зима. Кромѣ движенїа годовагѡ, причитаютъ земли ѡбращенїе дневное окрестъ своеѧ оси, ѿ Запада на востокъ имже всѧкими к҃д҃ часы, во всѣхъ своихъ частехъ единою, къ Солнцѹ и ѿ Солнца подвиженна ѡбитателемъ вселенныа день и нощь приноситъ. На нб҃си четвертѡ м҃ Марсъ теченїе свое совершаетъ в҃ двѣ лѣтѣ. На пѧтомъ юпїтр҃ в҃ лѣтъ в҃і҃. На шестѡ м҃ Сатѹрнъ в҃ лѣтъ л҃.** Далече вышше **Нб҃съ Планїтныхъ полагаютъ кр҃гъ звѣздъ недвижимыхъ, никаково же движенїе имѹщїи** (лл. 1об–2)[50].

---

[49] В Q.XVII.6 добавлено «по приписании начертания, изобразуемыя на другой стране листа сего» (Райков 1947: 128). В Син. 19 изображений нет.

[50] Латинский текст: “Qui alterius sunt sententiæ, quam olim Pythagoræi, Aristarchus Samius, aliique, diu ante ætatem Aristotelis, Hipparchi ac Ptolemei, tenuerunt, quamque ante annos circiter 100 in scenam denuo produxit Nicolaus Copernicus, & hodie quoque præstantissimi quiq, Mathematicorum sequuntur; solem (tanquam animam Mundi & rectorem universi, à quo Terra & omnes Planetæ lumen suum mutuantur) ponunt in centro Mundi immobilem, juxta schema appositum: Mercurium vero in sphæra prima, seu Soli proxima, intra 80 dies cursum suum ab occasu in ortum conficere & Venerem in secunda sphæra cursum suum mensibus novem. Terram (quæ iis luminare mundi aut planeta est ut alii) ajunt in tertio cœlo simul cum Luna (quæ circa terram tanquam in

Мы не сомневаемся, что немногие современники могли понять сложный (как по структуре, так и по смыслу) текст. Имена античных математиков и философов не были известны большинству образованных людей. Однако заметим, что, переписывая этот фрагмент, его не изменяли: вероятно, нужда в новых научных сведениях во второй половине XVII в. все же появляется в обществе.

В самом переводе хочется обратить внимание на лексему **изѧщнѣишїи**. Значение «превосходный, самый лучший, выдающийся» отмечалось у прилагательного в первых славянских переводах[51], потом на долгое время лексема практически исчезла из письменности, а ее возвращение в церковнославянский язык (и далее, уже с новым значением — в русский литературный XVII в.) связывается с широким ее употреблением именно в творчестве Славинецкого и его школы. Обратим внимание еще на одну деталь перевода: в двух разных значениях употреблено у Славинецкого слово *лето* («лето как время года» и «год»). Поскольку материал Атласа являлся для киевского переводчика своего рода материалом для лингвистических экспериментов, ниже мы покажем, как изящно (в значении, вошедшим в язык

Epicyclo movetur, spatio dierum 27, horarum 6) intra annum naturalem unum periodum conficere circa solem, per quam discernuntur tempestates anni, ut Ver, Æstas, Autumnus, Hyems. Præter motum annuum adscribunt terræ conversionem diurnam circa proprium axem ob occasu in ortum, per quam singulis 24 horis omnibus suis partibus semel ad Solem & à Sole mota, incolis universis diem adfert & noctem. In cœlo quarto Mars absolvit suum cursum intra annos duos: in quinto Iupiter annis 12, in sexto Saturnus annis 30. Longè supra cælos Planetarum collocant sphæram stellarum fixarum omni motu carentem". В вольном переводе начало текста можно понять так: «Вторая точка зрения, которую прежде высказывали Пифагор и Аристарх Самосский — еще ранее Аристотеля, Гиппарха и Птоломея — и которую не более ста лет назад опять повторил Николай Коперник, точка зрения которого сегодня преобладает у математиков (математических географов/астрономов): Солнце есть душа мира и правитель Вселенной, от него земля и все планеты получают свет, оно неподвижно расположено в центре мира, далее на первом круге — Меркурий и т.д.» (Переложение наше. — *Н. Н.;* нам кажется, что смысл текста понятен, но сложная синтаксическая конструкция начала фразы требовала разъяснения).

[51] СлРЯ XI–XVII 6 1979: 220.

после смерти Славинецкого, то есть в современном) он в результате решил эту проблему.

Необходимо заметить, что авторы текста и переводчики вслед за ними не говорят о том, что учение Коперника верно и современно. Рассуждения о двух системах — гео- и гелиоцентрической заканчиваются следующим пассажем:

Quænam è duabus illis opinionibus sit veritati consentanea, & cum genuina mundi dispositione conveniat, hoc loco nolumus decernere, sed rerum cœlestium peritis relinquimus disquirendum.	**Кое ѿ двоихъ сихъ разꙋмѣніи есть истиннѣ приличнѣишее, и с природнымъ расположеніемъ Міра согласꙋетсѧ? На мѣстѣ семъ не хощемъ оуставлѧти, но в҆ вещехъ нб҃сныхъ искꙋснымъ ѡставлѧемъ любопрѣтісѧ.**

Глава 2 носит название **Ѡ великом҆ Крꙋзѣ Нб҃номъ и егѡ раздѣленіи**. В этой главе впервые в русском литературном языке в терминологическом значении употребляется лексема *Ось*, традиционно соотносимая с именем Ломоносова[52]:

Primo attribuitur sphæræ Axis transiens per centrum globi terreni.	**Первѣе причитаетсѧ великомꙋ Крꙋгꙋ Ось проницающаѧ сквозѣ средꙋ крꙋга земнагѡ** (л. 2).

Рискнем предположить, что и *круг земной* как передача латинского *sphæra* и *globus* в нашем переводе также употреблен впервые[53]. Начинаются поиски церковнославянского варианта для латинского *polus*:

---

[52] См.: Меншуткин 1937: 132–134, как словосочетание «ось земная». СлРЯ XI–XVII 13 1987: 173 дает только значение ‘стержень, на котором вращается колесо’. СРЯ XVIII приводит уже значение ‘воображаемая прямая линия, проходящая через центр фигуры/центр кажущегося вращения небесной сферы’ и считает началом научного, терминологического употребления «Географию генеральную», «Арифметику Магницкого» и труды М.В. Ломоносова. Оговоримся опять, что наш случай фиксации термина на 50 лет старше.

[53] СлРЯ XI–XVII не отмечает подобного употребления. Однако становится ясно, что в качестве материалов для словаря космографии не использовались, поэтому автор данной статьи намерена продолжать изучать сочинения, переведенные с латинского в XVII веке.

Extrema Axis puncta vocantur Poli Mundi, quia totus mundus circa ea convertitur. Unum dicitur Polus Arcticus απὸ της αρκτυ ab *Ursa* sidere vicino, alterum Polus Antarcticus, quasi Arctico opposites.	**Концевыи же оси краи нарицаютсѧ Поли Міра, ꙁане весь Міръ окрестъ ихъ крꙋгообращаетсѧ. Єдинъ гл҃етсѧ Поль Арктіцкіи, сирѣчь Сѣверныи, ѿ Медвѣдицы ꙁвѣꙁды ближниѧ дрꙋгіи же Поль Антарктіцкіи, сирѣчь Полꙋденныи, аки Арктіцкомꙋ противоположеный**

Заметим, что в этой и последующих главах мы встречаем еще целый ряд слов, впервые зафиксированных именно в нашем переводе и отсутствующих в СлРЯ XI–XVII, среди них **сфера** (sphæra), **параллель** (parallelos, по спискам — **паралелль**, что опять говорит об отсутствии латинского экземпляра у целого ряда книжников-копиистов), как глосса в главе 3 встретилось *solstitia*, что вызывает следующий перевод: **ꙗкѡ оубѡ начало Барана и Коꙁерожца гл҃ются Сл҃нцестоѧніѧ или предѣлы солнечныѧ аки бы Сл҃нце стоѧло в нихъ недвижимѡ.**

Много раз в латинском тексте употреблен **діаметеръ** (diameter), отмечаемый в словаре только в значении «доля или мера вышины или ширины»[54]. К этому слову, как и выше к слову «география», дается определение: **Діаметеръ черта ѿ верхꙋ ꙁемли прѧмаѧ даже до глꙋбины конца сквоꙁѣ ꙁемлю проходѧщаѧ** (л. 6об); **Діаметеръ или прѧмаѧ черта была бы двѣ тмѣ миль неметскихъ** (л. 2). Отметим, что при передаче этих терминов писцами, не знающими латыни и не имеющими оригинала, естественно, допускались ошибки. Скажем, рукописи Q.XVII.31, Q.XVII.6 и Соф. 1510 дают такое чтение вместе приведенного примера на *диаметр*: **Аще ꙋбѡ посемꙋ пред҆написанію ꙁемлѧ и на всѧ҆к годъ окрестъ солнца подвиꙁаласѧ вкрꙋꙁѣ еѧ же циркꙋл, или прѧмаѧ черта была бы двѣ т҆мы миль** (лл. 2об, 5об, 34об). Можно предположить, что при переписывании неверно была соотнесена глосса,

[54] СлРЯ XI–XVII 4 1977: 243; в СлРЯ XVIII как географический термин фиксируется с 1703 г. Отметим, что в ранних славянских переводах использовалась лексема *премерение* (Баранкова, Мильков 2001: 440).

поэтому два не очень понятных пока термина (*диаметр* и *циркуль*) оказались перепутаны.

Вводя новую научную терминологию, переводчик ВВК не отдает предпочтение только грецизмам. В качестве второго иностранного языка, на который ориентируется автор перевода, начинает выступать и латинский, чему, безусловно, способствовали создаваемые в то же время Славинецким и Арсением Сатановским латино-славянские лексиконы. Наиболее показательный пример — употребление в ВВК лексемы **горизонъ**, хотя словари фиксируют только грецизированный вариант *оризонт*[55]. Написание с начальным «г» и сочетании с «нт» в основе, по данным СлРЯ XVIII, фиксируется с 1701 г., да и тогда авторы сбиваются на прежнее с начальным «о» (такое употребление зафиксировано в «Географии генеральной» Варения). Переводчик ВВК противопоставляет грецизированный и латинизированный вид термина, так как в тексте ему попадаются фрагменты, где в латинском тексте употреблен грецизм с указанием на происхождение:

Polus Arcticus, alias *Borealis* dictus à vento Borea, qui ex illa mundi plaga spirat, est iste, qui habitantibus in septentrionali Mundi hemisphærio, ut nobis, conspicuous est, & supra horizontem attollitur. Antarcticus, feu Australis, à vento Austro, est qui Boreali nostro hemisphærio nunquam cernitur, sed perpetuo latet depressus sub Horizonte.	**Поль Арктіцкіи, иначе Вореискіи, нареченъ ѿ Вѣтра Вореа, и^же ѿ оноѧ страны Міра вѣетъ, есть тои, иже живꙋщим҆ на сѣвернои Міра части, ꙗкѡ же намъ, видимъ е^ст, и вышше Горізона возноситсѧ. Антарктіцкіи, или Полꙋденный ѿ вѣтра Австра, е^ст иже на нашои Вореискои или полꙋнощнои странѣ николиже видимъ е^ст, но приснѡ невидимъ затѣсненъ по^д Горізономъ** (л. 2об)
Circulus visum nostrum circumcirca ad cœlum terminans, Græcis dictus *οριζων* Latinis Finitor aut Terminator visus, dividit cœlum & totam sphæram in duas partes æquales, unam superam & conspicuam,	**Крꙋгъ зреніе наше ѿвсюдꙋ к҆Нб҃си ѡпредѣлѧѧи, ѿГрекѡвъ наречен҆ Орізон҆, ѿ Латінов҆ же Кончитель или ѡпредѣлитель зрѣніѧ, раздѣлѧетъ Нб҃о и весь Крꙋгъ великіи на двѣ части равныѧ, на**

[55] СлРЯ XI–XVII 13 1987: 68. *Горизонт* – еще одно слово, стойко связанное с именем Ломоносова.

alteram inferam & visui nostro inconspicuam.	**единꙋ вышнюю и видимꙋю, на дрꙋгꙋю же нижнюю и видѣнію нашемꙋ неѧвленнꙋю** (л. 3об)
Horizon *apparens* seu *visibilis*, dicitur spatium Terræ aut Maris, quod undique in orbem ab oculis potest conspici & apprehendi: quod ab utraque cœli parte non multò longius extenditur, quam ad duo milliaria communia.	**Горізонъ зрителный или видимый, нарицаетсѧ мѣсто широкое земли и морѧ, еже ѿвсюдꙋ окрестъ очима зрѣти и постигнꙋтисѧ можемъ, еже ѿ обоеѧ страны Нб҃а, немного боліе двꙋхъ миль общи протѧзаетсѧ** (л. 3об–4)

Отметим, что ниже, в 3-й главе, содержится большой фрагмент, рассказывающий о типах/видах горизонта: **Трегꙋбымъ онъ образомъ разсꙋждаетсѧ, Маѳиматицки, естественнѣ и зрителнѣ** (л. 3об.). Наиболее сложно и для авторов латинского текста, и для переводчиков объясняется *математический горизонт*: **Горізонъ Маѳиматицкіи разꙋмо**м **паче нежели очима постижимъ, раздѣлѧетъ Нб҃о на двѣ части пресѣченнѣ равныѧ, на ѧвленнꙋ, сирѣчь: и крыющюсѧ: егѡже Пѡли сꙋть Зениѳъ и Надир**[56], **се е**ст, **точки Нб҃а, на**д **главою и ногами нашими прѧмѡ оустроенны, среда же таѧжде с҆средою земли**[57].

Думается, что читатели ВВК XVII в. получали из перевода наиболее полное представление о географических/астрономических понятиях. Заметим, что содержащиеся в Географии 1710 г. сведения намного менее точные и полные, хотя, как было отмечено выше, среди лингвистов именно с этой публикации принято начинать отсчет «научных» географических текстов.

---

[56] Лексема *зенитъ* отмечена в СлРЯ XI–XVII 5 1978: 382 в значении ‘гниль, тлен’; как географический термин зафиксирована лишь с 1709 года. Термин *надир* фиксируется СРЯ XVIII лишь с 1719 года. Наше употребление — абсолютно терминологическое — снова на 50 лет опередило фиксацию.

[57] Латинский текст: “Horizon Mathematicus, intellectu magis quam oculis comprehensibilis, dividit cœlum in duas partes præcisè æquales, apparentem nempe & latentem: ejusque Poli sunt Zenith & Nadir, id est, puncta cœli vertici & pedibus nostris è directo obversa, & centrum idem cum centro Terræ”.

В главе 3 «**Ѡ четырехъ крꙋгах҆ болшихъ**» мы встречаем перечень зодиакальных знаков (**ꙁодіа**): “Aries, Taurus, Gemini, Cancer, Leo, Virgo, Libra, Scorpius, Sagittarius, Capricornus, Aquarius, Pisces”. Этот перечень, безусловно, известен (в греческом варианте) начиная с давних времен. Однако обращение к древнерусским космологическим сочинениям показывает, что определенного устойчивого списка знаков зодиака к XVII в. не сложилось. Вот какой разнообразный набор зафиксирован в памятниках XV–XVI веков[58]:

Разные «Шестодневцы»		«Rationale Divinorum officiorum» (XV в.)
РГБ, Муз.№ 921	РГБ. Тр. № 762	
а҃ овень	**ѡвенъ**	Овен
в҃ тоурь сирѣ҇ч юнець	**юнець**	Юнец
г҃ близнець	**близнець**	Близнец
д҃ ракь	**ракъ**	Рак
е҃ ле(в)	**левъ**	Лев
ѕ҃ дѣва	**дв҃а**	Дева
ꙁ҃ ꙗремь	**ꙗрем҆**	Вѣсы
и҃ скорпіѧ	**скорпіѡ**	Скорпия
ѳ҃ стрѣлець	**стрелець**	Стрелец
і҃ коꙁіи рогъ	**коꙁіирогъ**	Козорог
аі҃ водникъ	**водоліатель**	Водолѣй
ві҃ вельрьъбь	**рыбы**	Рыбы

В переводе Славинецкого (л. 3) есть стандартные чтения: **Близнецъ**, **Ракъ**, **Левъ**, **Дѣва**, **Скорпіа**, **Стрѣлецъ**, **Рыбы**, но отмечены и новые варианты перевода: **Баранъ**, **Быкъ**, **Вага**, **Коꙁерогъ**, **Водникъ** (Илл. 2). В разных списках ВВК можно найти разночтения: так, есть варианты **Вѣсы** (**Ваги**), **Коꙁорожꙋцъ**, **Коꙁерожец҃**. Интересно, что в этом перечне мы сталкиваемся с авторский вариантом, не совпадающим во многом ни с традицией, ни с представленным в созданных Славинецким и Сатановским в 50-е гг. XVII в. словарях: Aries = «овен»; Taurus = «юнецъ»; Libra = «вага»; Scorpius = «скорпея»; Capricornus = «козорожец»; Aquar-

[58] См.: Мильков 2004: 74, 86; Романова, Ромодановская 2012: 41. Отметим, что издание трактата “Divinorum…” осуществлено в гражданице, поэтому мы также вынуждены использовать этот шрифт.

ius = «Водолея знаменіе нб(с)ное», но в «Лексіконе словенолатинском» Славинецкого и Сатановского отмечаем «водникъ, водолей» = Aquarius[59].

В словаре XI–XVII вв. отмечены такие употребления для знаков зодиака: *весы* (лексема *вага* зафиксирована словарем, но не в значении ‘знак зодиака’); *водолей* (лексема *водникъ* однократно отмечена как ‘род сосуда для ношения воды'); *овенъ/ овьнъ, козорогъ/ козерогъ/ козорожецъ*[60] и др. Однако СлРЯ XI–XVII крайне поверхностно включает в словник рукописные источники XVII в.; в одном из Азбуковников конца этого периода (Син. 353) в толковом алфавите (словаре иностранных слов) мы обнаружили такой список: **овенъ**, **юнецъ**, **близнецъ**, **ракъ**, **ле(в)**, **дѣва**, **таремъ**, **скорпіѧ**, **стрѣлецъ**, **козінрогъ**, **водолін**, **рыбы** (л. 66), что практически совпадает со списками рукописей XV–XVI вв. Таким образом, даже на фоне рукописей того же периода предложенный Славинецким вариант чтения зодиакальных знаков отличается.

Мы считаем, что наши переводчики предлагают свою версию для некоторых знаков зодиака, вероятно, также в стремлении сменить «космографическую» старую терминологию новой, «географической». Однако распространение ВВК все же оказалось не столь сильным, чтобы существенно видоизменить прежнюю традицию.

Глава 4-я в Син. 19 оказывается без названия, в остальных списках название стоит — «**ѡ четырехъ кр҃гахъ меншихъ**». Это еще раз подтверждает нашу точку зрения, что черновой вариант не отразился полностью в основном массиве перевода Атласа Блау, черновик перенесен в рукопись Син. 19 с определенными дефектами. Глава 5-я носит название «**ѡ зонахъ или Поясахъ, и ѡ различныхъ именахъ жителеи земныхъ**».

В этой части ВВК не может не вызывать интерес введение понятий «тропики», «зоны», «поясы» в дополнение к «полю» («полюсу»), причем латинский текст содержит схемы и объяс-

[59] См. Німчук 1973: 89, 91, 112, 254, 364, 393, 434, 478. Лексиконы изданы в гражданской орфографии, мы повторяем шрифт издания.

[60] СлРЯ XI–XVII 2 1975: 9, 121, 253, 255; там же 7 1980: 228; там же 12 1987: 222.

нения к ним. Славинецкий и его соратники аккуратно переводят эти объяснения, к примеру: **Тропікъ Раковъ прикасаѧисѧ Зодіакꙋ**, GH, **въ точцѣ** H, **идѣже ѕѣлѡ ѿстꙋпаетъ ѿ Равнителѧ** CE. GK. (л. 4об; такие же переведенные описания без схем видим на л. 2об — Илл. 2, и 6об — Илл. 3). Схем, напомним, в беловом списке Син. 19 нет. Однако мы предполагаем, что в черновике или одном из списков черновика, сделанном с привлечением латинского оригинала, они были.

Здесь же переводчик начинает широко использовать свой вариант для передачи латинской лексемы *Æquator*. В главе 3-й была предложена транслитерация с переводом: **Єѧ же ради вины тоиже крꙋгъ инымъ именемъ нарицаетсѧ Єкваторъ, или равнитель** (л. 3)[61]. Слово оказалось востребованным и в начале XVIII века — картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. фиксирует его употребление в Географии 1710 года: «Сеи же кругъ паки нарицается и екватор, или равнитель…»[62].

Пятая глава в определенном смысле совмещает космографии прошлого и географии будущего (оговоримся, что мы все же выступаем с позиции лингвиста). Сначала рассказано о типах жителей Земли, которых латинские авторы делят так: **Періеки**, **Антеки**, **и Антіподы** (*Periæcos, Antæcos, & Antipodes).* Наиболее «экзотичными» выглядят в описании последние: **Антіподы, иже ѡбитаютъ на противо положенныхъ Параллелахъ, и на ра҃ныхъ Полꙋденнагѡ полкрꙋгахъ, се есть, иже противо полагаютсѧ прѧмѡ, и ноги имѣютъ к нашим҃ ногамъ прѧмѡ ѡбращенныѧ** (л. 5)[63]. В рукописи Q.XVII.6, в которой встречаются не только копии (не совсем точные) латинских схем, но и собственные иллюстрации, принадлежащие руке писца, мы находим рисунок с антиподами (л. 21об.), где они изображены в полном соответствии с данным выше описанием.

---

[61] Латинский текст: “Eandem ob causam idem circulus alio nomine vocatur *Æquator*”.

[62] Николенкова 2013: 604.

[63] Латинский текст: “*Antipodes*, qui habitant in oppositis parallelis, & diversis Meridiani semicirculis, hoc est, qui opponuntur è diametro, pedesque habent pedibus directè obverses”.

Ниже идут разъяснения, которые носят вполне научный характер:

Cum Periœcis nostris communicamus tempestates anni, ut Veris, Æstatis, Autumni & Hyemis: temperiem aeris; incrementa & decrement dierum & noctium: eandemque Zonam inhabitamus. Differimus ab iis in eo, quod nobis sit meridies, cum illis est media nox; & viceversa. Antœcis nostris, nobisque, communis est meridies & media nox: sed discrimen in tempestatibus anni: nostra enim æstas ipsorum est hyems; nobisque longissimi dies, sunt illis brevissimi: & occupamus quidem utrique Zonas temperatas, sed diversæ conditionis ac denominationis. Antipodibus omnia nobis contraria accidunt: ut tempestates anni, dies ac noctes. Sol enim ubi æstate nobis longissimam præbet diem, ipsis brevissimam fert noctem, hyememque. Eundem cum illis habemus Horizontem, sed oppositum: & quoties Sol, Luna, stellæque apud nos oriuntur, occidunt apud illos, & contra.	С періеки нашими общіѧ имѣемъ части Лѣта, ꙗкѡ есть Весна, Лѣто, Єсень, и ꙁима: и раствореніе воꙁдꙋха: оумноженіѧ и оумаленіѧ днеи и нощей: и на тоиже странѣ жителствꙋе^{м}. Раꙁликꙋемъ ѿ нихъ симъ, ꙗкѡ намъ есть Полꙋдне, внегда им҆ есть Полнощь. и противнѣ. Антекѡмъ нашимъ и на^{м} обще есть Полꙋдне и Полнощь: но раꙁнство в҆частѣхъ лѣта. наше бѡ Лѣто, ихъ ꙁима есть. и намъ должаишіи дніе, имъ сꙋ^{т} кратчаишіи, живемъ обаче обои на страна^{х} мѣрнѡ растворены$^{н х}$, но раꙁличнагѡ оучиненіѧ, и именованіѧ. Антіподомъ всѧ намъ противнаѧ прилꙋчаютсѧ, ꙗкѡже части Лѣта, дніе и нощи. Солнце бо идѣже намъ Лѣтомъ должаишіи подае^{т} день, имъ Зимою кратчаишіи приноситъ и ꙁимꙋ. Тойже оными имѣемъ Горіꙁонъ, но противоположенъ: и елижды Сл҃нце, Лꙋна, и ꙁвѣꙁды оу нас҆ восходѧтъ, оу нихъ ꙁаходѧтъ, и противнѣ (лл. 5–5об.)

Хотелось бы обратить внимание еще на следующий момент: в церковнославянском тексте мы видим первую попытку (хотя и не до конца последовательную) разделения лексем *лето* и *Лето*. Лишь в Грамматике Смотрицкого, изданной в Москве в 1648 г., впервые для церковнославянского языка было сформулировано правило употребления прописных букв. При этом рукописные памятники второй половины XVII и начала XVIII в. демонстрируют пренебрежение этим предписанием, по-прежнему сохраняется стремление к употреблению строчных букв. Однако Славинецкий пытается разделить употребление: ‘Период года’ передается церковнославянизмом *Лето*, в этом

же предложении «Лето» оказалось использовано второй раз как перевод *Æstas*. В другом предложении *annus* и *Æstas* также переведены как *лето*, но первое написание дано со строчной, а второе — с прописной (“sed discrimen in tempestatibus anni: nostra enim æstas ipsorum est hyems” = **но разнство в҆частѣхъ лѣта. наше бѡ Лѣто, ихъ зима есть**). Такие попытки разделить омонимы для письменности середины XVII в. оказываются уникальными, мы считаем это одним из показателей стремления кружка Славинецкого определить параметры для церковнославянского как языка формирующейся науки. Хотя появляющийся принцип только намечен, мы должны сказать, что наш перевод относится к числу немногочисленных рукописей XVII и даже начала XVIII в., где прописные буквы в принципе используются[64].

Глава 6 носит название «**Ѡ Климатахъ, и Параллелахъ**». Лексема *климат* в СлРЯ XI–XVII есть, однако ее терминологическое употребление, «каждая из климатических областей или зон, на которые условно делили земную поверхность», отмечено лишь в тексте «Арифметики» Магницкого (1703 г.)[65], то есть в научном тексте, более позднем по времени. По определению Атласа, «климы» и «параллелы» раздлеляются так: **Клима нарицаютъ широтꙋ земли, двѣма крꙋги ко Равнителю ѡбѧтыми, такѡ, ꙗкѡ ѿ единагѡ к҆дрꙋгомꙋ долгота ѕѣлѡ растетъ полчасомъ. Параллели же гл҃ютъ, междꙋ нимиже день должаишіи растетъ четвертію часа: ꙗкѡ такѡ всѧкое Клима два в҆себѣ содержитъ Параллели** (л. 5об)[66].

Далее описываются *климы*, по 7 с каждой стороны экватора, названия которых даны по центральному городу, находящемуся в этом поясе, к примеру: **Четвертое** Διαροδυ **чре҃з Родъ островъ морѧ межиземнагѡ. Пѧтое** Διαρομης **чре҃з Римъ**. Противоположные климатические зоны также имеют греческие названия:

---

[64] См. Николенкова 2014: 98–99.

[65] СлРЯ XI–XVII 7 1980: 171–172.

[66] Латинский текст: “*Clima* vocant spatium terræ binis circulis Æquatori Parallelis comprehensum, ita ut ab uno ad alterum longitude diei maxime crescat per dimidiam horam. *Parallelos* dicunt, intra quos dies longissima augetur quadrante horæ: ut ita quodlibet Clima duos in se comprehendat Parallelos”.

Которыѧ же климы такоже подрѹгои странѣ Равнителѧ накланѧютсѧ ќюгѹ, тѣми же имены именѹемы сѹть, приложенѹ реченію, αντι, **противъ**: **ѩкѡже** αντιδιαμερους, αντιδιασυναις, αντιδιαλεξανδρειας (л. 5об.). Необходимо обратить внимание, что переводчики кружка Славинецкого («грекофилы», как их называют) хорошо владели греческим языком, поэтому греческий текст оригинала остается без изменений. Писцы списков не демонстрируют такого знания греческого языка, поэтому пишут названия кириллицей, например, в Q.XVII.6: **діамеросъ**… **діародонъ**… **діарома**… **діаворіѳенеосъ** (л. 23 об.). Транслитерация греческих написаний, вероятно, была сделана в одном из промежуточных списков.

В этой и следующей главах («**Ѡ величествѣ земли и раздѣленіи странъ по долготѣ и широтѣ**») мы встречаемся с лексемами *долгота* и *широта* в их терминологическом употреблении. Слова эти известны словарям, однако зафиксировано нетерминологическое значение «длина»[67]. Источники, изданные в последние годы, показывают, что слова употреблялись в этих значениях и в текстах, рассказывающих «о земном устроении»[68]. В нашем случае термин определяется в оригинале и переводится на церковнославянский:

Longitudo alicujus loci est arcus Æquatoris terrestris comprehensus inter duos semimeridianos, ab uno Polo ad alterum traductos	**долгота нѣкоегѡ мѣста есть лѹкъ равнителе**^{м} **земный содержамыи сѧ между двома Кроугы Полѹденными, ѿ единагѡ Пола ќдрѹгомѹ преведенными**
Latitudo est arcus ejusmodi semimeridiani, inter *Æquatorem* & locum datum. Numeratur ea ab Æquatore versus alterutrum Terræ Polum per 90 gradus, diciturque Septentrionalis in locis quæ ab Æquatore recedunt ad	**Широта е**^{ст} **такова же пол Полѹденнагѡ лѹкъ, между равнителе**^{м}**, и мѣстомъ даннымъ: Числитсѧ она ѿ Равнителѧ ќ обоемѹ земли Полю, ч̄ степенми, и гл̄ется Сѣвернаѧ на мѣстѣхъ, ѩже наклонѧютсѧ ќполѹночи ѿ**

[67] СлРЯ XI–XVII 4 1977: 300.

[68] Например: **земли растоаніе есть ѿ въстока даже до запада стадіе 25 тъмь, ѿ сѣвера же до полудніа** 12 **и пол тъмы. Двоицеж бо есть длъгота широка нежели широты.** См. ЭРИ 2003: 142.

Septentrionem, & Australis in locis quæ ab eo tendunt ad meridiem.	**Єкватора, и Полꙋденнаѧ намѣстех҆, ꙗже оудалѧютсѧ к҆ югꙋ**[69].

Далее в тексте описывается, каким образом определяется положение города на карте: **наприкла**[д] **Римъ, Венеціа, Парісъ, положены сꙋть междꙋ м҃ и н҃ степенеи широтою, и бꙋдꙋтъ на Климатѣ є҃ й. Амстердам҆ и Лондінъ междꙋ н҃ и ѯ҃ степене широтою, и бꙋдꙋтъ по**[д] **Климатомъ ѕ҃ мъ. Гоа восточныѧ Індіи на в҃ мъ. Островъ Зеилан҆ и Гвінеа напервомъ.**

Наконец, глава 9-я посвящена рассказу «**Ѡ различных҆ земли мѣрахъ**». Вопрос о выборе слова для обозначения меры длины встает еще при изучении первых переводов. Убедительно доказано, что в русских переводах в данном значении использовалась **вьрста**, тогда как в переводах, связанных с южнославянской территорией, преобладала лексема **попьрище**[70]. Но в нашем тексте переводчику необходимо решение для перевода главной меры длины — мили:

Romani olim distantias locorum mensurarunt per mille passus, unde nomen *milliari.* Singula mille passuum intervalla juxta vias publicas distinguebant lapidibus, aut aliis indicibus, unde lapides quoq; *milliaria* dicti; ut ad decimum lapidem, quasi ad decies millenarium passum.	**Римлѧне древле мѣстъ ра**[з]**стоѧніѧ размѣрѧхꙋ тысѧщею степенеи, ѿнюдꙋже и** [2]**милѧ имѧ**[1] **содержитъ**[71]. [**аки рещи, милле, сіе бѡ знаменꙋетъ, тисѧща**]. **Всѧкоеже тисѧщи степенеи разстоѧніе, поболши**[х] **дорогахъ раздѣлѧ каменіемъ, или иными знаменіи, ѿкꙋдꙋ и Камени звани бѧхꙋ мили. Гл҃ахꙋ бо пꙋтшествꙋющіи к҆десѧтомꙋ каменю приходити, аки к҆десятои мили.**

Далее автор дает определения разным национальным мерам расчета расстояний: скажем, греки мерят расстояния в *ста-*

[69] Этот фрагмент текста можно прочитать на л. 6об (Илл. 3). На той же Илл. 3 (л. 7) можно прочитать главу 8 и начало **Скрыжали сказꙋющей имена лв҃ вѣтромъ.**

[70] Пичхадзе 2011: 109.

[71] В остальных списках порядок «**имѧ милѧ**». Вероятнее всего, так было в черновике.

диях, **и осмь стадіи чинятъ милю Римскую**. Персы измеряют расстояния в мере **перазангъ**, **ѿ нихже всякая содержаше л҃ стадіи.** Египтяне имеют «схени», французы и испанцы «левки», хотя, как отмечает автор текста, наиболее употребительны по всей Европе именно «мили». На Руси (в Московии) **разстоянія мѣстъ числятъ верстами** (“Russi aut Moscovitæ distantias numerant per spatia quæ lingua vernacula dicunt *Vorest* aut *Worest*”).

Надо сказать, что эта глава не повлияла на дальнейшее изложение информации о разных расстояниях между объектами: городами, реками, горными вершинами. В латинском тексте регулярно употребляется «миля», в церковнославянском переводе чаще всего использована архаичная в принципе лексема **поприще**. Выбирая последнее словоупотребление, переводчики избавляют себя от необходимости следить за употреблением правильного названия меры расстояния в зависимости от территории.

Кроме того, в этой главе дана таблица расчета «единого степени» великого круга земли, что позволяет наглядно увидеть различия между разными мерами расстояний в европейских землях:

е҃і҃		Немецкихъ	
з҃і҃ и полъ		Гіспанскихъ	
к҃	**МИЛЬ**	Францꙋзскихъ	Чинятъ единъ
н҃		Скотскихъ	Степень
ѯ҃		Англінскихъ	великагѡ Крꙋга на земли
ѯ҃і҃		Італіанскихъ	
п҃		Рꙋскихъ	

На этом нумерованные главы ВВК заканчиваются. Далее начинаются главы, в которых нумерации нет, есть только названия, одновременно начинается фолиация арабскими цифрами.

Мы очень кратко описали текст, которые лингвистами должен быть признан первым научным географическим сочинением, на 50 лет предваряющим «Географию краткую» 1710 г. и имеющем отклики в текстах — как самостоятельных, так и в переводах — XVIII века. Необходимо признать, что исследование ВВК позволяет по-иному оценить формирование языка науки в Московской Руси. В середине XVII в. им мог стать (и стано-

вился) церковнославянский, расширяющий зону своего функционирования и видоизменяющийся при этом. Признание успехов этого направления развития привело к тому, что в начале XVIII в. географический текст на церковнославянском языке оказывается опубликован (а переведен, по всей видимости, в конце XVII в.). Однако, как известно, вмешательство властных сил в лице Петра I прерывает развитие церковнославянского как языка науки. В Новое время языком географии становится русский язык нового типа, однако мы увидели, что некоторые находки языка XVII в. все же оказались востребованы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамов 1866 — Космография, относящаяся к началу второй половины XVII стол. Перевод с иностранного монаха Епифания Славинецкого. Сообщено Н. Абрамовым // Известия императорского Географического общества. 1866. Т. 2. № 3.

Абрамович 1905 — *Абрамович Д.И.* Описание рукописей Санкт-Петербургской Духовной Академии. Софийская библиотека. СПб., 1905. Вып. 1.

Багров 2004 — *Багров Л.* История картографии. М., 2004.

Барандеев 2003 — *Барандеев А.В.* Русские космографии XVI–XVII вв.: библиография // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 105–111.

Барандеев 2010 — *Барандеев А.В.* История географических названий: Русская топонимия в терминах. М., 2010.

Баранкова, Мильков 2001 — *Баранкова Г.С., Мильков В.В.* Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001 (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. II).

Белоброва 1988 — *Белоброва О.А.* Космография // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1 (А–К). С. 493–494.

Белоброва, Матвеева 1992 — *Белоброва О.А., Матвеева Е.Н.* Арсений Сатановский (Корецкий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 1 (А–З). С. 110–112.

БНСС — Библиотека Новгородского Софийского собрания, Ф. 728, часть V. Опись РНБ. СПб, б.г.

Буслаев 2004 — *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 2004.

Виноградов 1982 — *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. М., 1982.

География 1710 — География, или Краткое земнаго круга описание. М., 1710.

Глускина 1954 — *Глускина С.М.* «Космография» 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник АН СССР. М.–Л., 1954. Т. III: История географических знаний и географических открытий. С. 79–99.

Горский, Невоструев 1917 — [*Горский А.В., Невоструев К.И.*] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855–1869, 1917. Отд. I–III.

Живов 1996 — *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Живов 2000 — *Живов В.М.* О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д.Апресяна. М., 2000. С. 573–581.

Живов 2004 — *Живов В.М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв. М., 2004.

Зализняк 2010 — *Зализняк А.А.* Акцентная система южновеликорусской рукописи XVI века «Космография» Мартина Бельского // Труды по акцентологии. М., 2010. Т. I. С. 709–803.

Казакова 1987 — *Казакова Н.А.* Русский перевод XVII в. труда Блау “Theatrum orbis terrarium sive Atlas novus” // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. XVII. С. 161–178.

Калайдович, Строев 1825 — [*Калайдовичь К., Строевъ П.*] Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ тайнаго совѣтника, сенатора, двора Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго каммергера и кавалера графа Ѳедора Андреевича Толстова. Съ палеографическими таблицами почерковъ съ XI по XVIII вѣкъ. М., 1825.

Камчатнов 2005 — *Камчатнов А.М.* История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М., 2005.

Кузьминова, Литвинюк 2008 — Епифаний Славинецкий // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 552–556. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/190087.html, дата обращения — 10.09.2016].

Меншуткин 1937 — *Меншуткин Б.Н.* Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1937. № 1.

Мильков 2004 — *Мильков В.В.* Космологические концепции и сведения в книжности Древней Руси // Древнерусская космология. СПб., 2004. С. 26–153.

Николенкова 2010 — *Николенкова Н.В.* Церковнославянский перевод Атласа Blaeu: нерешенные вопросы // Вестник Московского университета. 2010. Сер. 9: Филология. № 6. С. 86–98.

Николенкова 2013 — *Николенкова Н.В.* Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Blaeu) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 590–609.

Николенкова 2014 — *Николенкова Н.В.* Написание географических названий в истории русского литературного языка: практика письма и предложения Я.К.Грота // Труды Института русского языка им. В.В.Виноградова. М., 2014. Вып. 2. С. 97–106.

Николенкова 2015 — *Николенкова Н.В.* Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки (в печати).

Никон 2004 — *Никон,* Патриарх. Труды / Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В.В. Шмидта. М., 2004.

Німчук 1973 — «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського / Підгот. до вид. В.В. Німчук. Київ: 1973.

Панченко 1992 — *Панченко А.М.* Епифаний Славинецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 (А–З). С. 309–313.

Пичхадзе 2011 — *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

ПКН 2009 — [Сочинения Григория Скибинского]. Переписная книга домовой казны патриарха Никона. (текст по изд.: Переписная книга домовой казны патриарха Никона, составленная в 7166 году по велению царя Алексея Михайловича // Рязань, 2009. С. 337–482 (ВОИДР. М., 1852. Кн. 15).

Протасьева 1970 — *Протасьева Т.Н.* Описания рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). М., 1970.

Райков 1947 — *Райков Б.Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания. М.; Л., 1947.

Райнов 1940 — *Райнов Т.* Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу. М.; Л., 1940.

Романова, Ромодановская 2012 — “Rationale Divinorum officiorum” Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в. / Издание подготовлено А.А. Романовой и В.А. Ромодановской. М.; СПб., 2012.

Румянцева 2012 — *Румянцева В.*С. Епифаний Славинецкий в Москве // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках. М., 2012. С. 270–281.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 — наст. вр.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–1991. (Вып. 1–6); СПб., 1992 — наст. вр. (Вып. 7 и далее) — Электронный ресурс [режим доступа: http://feb-web.ru/feb/sl18/, доступ свободный].

Соболевский 1897 — *Соболевский А.И.* О древних русских переводах в домонгольский период. М., 1897.

Соболевский 1903 — *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

Срезневский 1989 — *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. В 3-х тт. М., 1989.

Успенский 2002 — *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е. М., 2002.

ЭРИ — Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2003.

Blaeu 1631 — Appendix Theatri A. Ortelli et Atlantis G. Mercatoris, continens tabulas geographicas diversarum Orbis regionum, nunc primum editas cum descriptionibus. Amsterdami, 1631.

Blaeu 1645 — Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptiones omnium Regionum. Editae a Guiljel. et Ioanne Blaeu. Amsterdami, 1645.

Е. Стшельчик

ИЗ НОВЫХ ПОЛЬСКИХ ТРУДОВ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИИ

Аннотация: Обзор посвящен важнейшим исследовательским тенденциям и достижениям польских историков античной и средневековой географии и картографии. Менее детально затрагивается также история географии более поздних периодов (до XVIII в. включительно).

Ключевые слова: Польша, историография, картография, путешествия, история географических открытий.

Помимо любопытных, но спорадичных проявлений интереса к географии в старой Польше, из которых прежде всего следует назвать хорографическое вступление к великому историографическому труду (Annales seu cronicae inclyti Regni Poloniae) Яна Длугоша[1], а также «Описание Сарматии Азиатской и Европейской» Матвея Меховского, первым и на долгое время единственным польским ученым, проводившим источниковедческие изыскания по старинной европейской гео- и картографии[2], был Иоахим Лелевель, который в эмиграции опубликовал в 1852–1857 гг. пятитомную «Географию Средних веков» вместе с атласом (1849)[3] — издание, трудно доступное сегодня, хотя в 1967 г. в Амстердаме и вышел его репринт. Этот труд, при всех обу-

[1] Szelińska 1980.

[2] В кратком обзоре польских трудов по истории географии Юзеф Бабич (Babicz 1973) выделил три этапа. Первый связан с Иоахимом Лелевелем, второй, охватывающий примерно вторую половину XIX в. и начало XX в., — прежде всего с Вацлавом Налковским и Францишком Буяком, третий — с Болеславом Ольшевичем (1893–1972) и более поздними исследователями (в особенности Каролем Бучеком), многие из которых вышли из «школы» Ольшевича или были с ней связаны.

[3] Lelewel 1849–1857.

словленных временем и обстоятельствами его создания недостатках метода и композиции, является одним из немногих, заложивших основы современного изучения античной и средневековой географии, и в любом случае превосходит подобные выходившие в то время труды (в частности, вышедший несколько ранее компендиум португальского ученого де Сантарема). Он в большой степени учитывает и географию мусульманского мира[4]. После восстановления Польшей независимости (1918) новые достижения были скромными. В межвоенный период следует отметить сборник трудов Францишека Буяка[5], в котором основную ценность представляет история географической мысли в Польше эпохи Средневековья и Ренессанса, тогда как обширный раздел о средневековых морских картах считался устаревшим уже во время опубликования книги; а также ряд ценных статей Болеслава Ольшевича, особенно цикл, касающийся истории военной картографии в старопольский период[6].

После Второй мировой войны изучение истории гео-, карто- и этнографии значительно активизировалось[7]. В нижеследующем обзоре я постараюсь обратить внимание на важнейшие исследовательские тенденции и достижения[8]. В основном обзор ограничивается историей античной и средневековой географии, а более поздние эпохи, которые заслуживали бы особого рассмотрения, обсуждаются менее детально. Начну с перечисления нескольких обширных и полезных, хотя и далеко не во всем удовлетворяющих современным требованиям обобщающих трудов, созданных польскими авторами, — Станислава Нова-

[4] Современного детального разбора «Географии» Лелевеля не существует. Ср. Warnka 1878, Staszewski 1963, Olszewicz 1967.

[5] Bujak 1925.

[6] См. библиографию трудов Ольшевича: Drozdowska 1961.

[7] Библиографию польских трудов в области истории гео- и картографии за 1945–1969 гг. составил Б. Ольшевич, а за 1970–1990 гг. ее продолжила Веслава Вернерова (Olszewicz 1971; Wernerowa 1978; Wernerowa 1982; Wernerowa 1986; Wernerowa 1992).

[8] Я не учитываю большинство достаточно многочисленных переводов работ иностранных авторов на польский язык, даже если они существенны для развития польской историографии. Библиографическая сводка в конце настоящего обзора включает также ряд работ, не упоминаемых в тексте.

ковского, Юзефа Сташевского, Юзефа Бабича и Войчеха Валчака и Анджея Пискозуба[9]. Сначала речь пойдет о польской историографии географии эпохи Античности, затем Средневековья и (в ограниченном объеме) Нового времени, причем в каждом случае сперва будут представлены издания и переводы источников по истории географии, а затем важнейшие монографии и работы, посвященные отдельным конкретным вопросам. Вследствие значительного пересечения проблематики будут затронуты, в необходимых пределах, некоторые смежные области исследования[10].

***

Что касается издания текстов, то стоит начать с переведенной с русского языка важной антологии «Античная география»[11], тем более что она включила много текстов, до того времени не существовавших в польском переводе (некоторые из них и до сегодняшнего дня заново не переводились). Ею пользовались несколько поколений польских ученых. Из многочисленных переведенных позднее трудов античных авторов, где речь идет о гео- и этнографии, следует упомянуть, в более или менее хронологическом порядке, труды Скилака Кариандского[12], Геродота Галикарнасского, Плиния Старшего, Тацита («Германия» — упоминаю только новейшее двуязычное издание с обширным предисловием и комментарием)[13], Помпония Мелы (из нескольких переводов называю последний, 2011 г.), Арриана Флавия[14]. Особо следует упомянуть хорографию Павла Орозия, но я скажу о ней ниже в связи с известной, обширной и важной англосаксонской интерполяцией, автором которой или инициатором был король Альфред Великий (конец IX в.).

---

[9] Nowakowski 1965; Staszewski 1966; Babicz, Walczak 1968; Piskozub 1994.

[10] Однако я не затрагиваю, несмотря на очевидные связи с географической мыслью, проблематику астрономическую (в том числе биографию и труды Николая Коперника) и астрологическую, которая потребовала бы отдельного обсуждения.

[11] Bodnarski 1957.

[12] Skylaks z Karyandy 2005.

[13] Tacyt 2008.

[14] Klinger 1948.

Обобщающие обзоры греческой географии есть в книге Станислава Витковского, а также в недавно опубликованной «Литературе Древней Греции»[15]. Античную и раннесредневековую географию эрудированно представила Ванда Вольска-Коню в обширной статье для *Reallexikon für Antike und Christentum*[16].

А вот подборка польских исследований по истории античной географии: Ежи Шнайдер о периегезе в греческой литературе[17]; Мариан Плезиа о Гекатее Милетском[18]; Марек Винярчик о Гекатее Абдерском[19]; Рох Кнаповский о Пифее из Массалии[20]; Эдвард Шнайдер и Ян Стебновский об античной картографии[21]; Юзеф Сташевский и Божена Стшелецка о «Географии» Птолемея и ее средневековой рецепции[22]. Греческой утопией — в том числе и с географической точки зрения — занялся М. Винярчик[23].

Заслуживают внимания монография Тадеуша Лопошко о мореходстве и первооткрывателях в древности[24] и Станислава Дуцина об античном искусстве навигации[25]. В столь же популярной форме Ежи Стшельчик представил процесс «открытия Европы» в древности[26].

Отдельной проблемой, особенно живо дискутировавшейся в польской исторической науке, являются сведения о польских землях — и шире о Центральной и Восточной Европе — в древнем мире. Не упоминая более старых работ, назову в связи с этим труды Бронислава Билиньского, Казимежа Тыменецкого, Хенрика Ловмяньского, Ежи Коленды[27]. Однако следует отме-

[15] Witkowski 1927; Podbielski 2005; Wróbel 2005.
[16] Wolska-Conus 1976.
[17] Schnayder 1946.
[18] Plezia 1959–1960.
[19] Winiarczyk 2006.
[20] Knapowski 1958.
[21] Schnayder 1955; Stebnowski 1960.
[22] Staszewski 1959; Strzelecka 1960.
[23] Winiarczyk 2010.
[24] Łoposzko 1977.
[25] Ducin 1997.
[26] Strzelczyk 1970a.
[27] Biliński 1940–1946; Biliński 1947a; Biliński 1947b; Biliński 1948; Biliński 1952–1953; Biliński 1961; Tymieniecki 1951; Łowmiański 1963; Kolendo 1998.

тить, что большинство старых разработок этой проблемы грешат приверженностью некогда господствовавшей в польской науке теории автохтонности славян.

***

В отношении раннего средневековья следует отметить, что усилия исследователей распределялись неравномерно. Относительно много внимания уделялось паломничествам, особенно в Святую Землю, но также в Рим и в Сантьяго-де-Компостела. С методологической точки зрения заслуживает упоминания монография Антония Яцковского о географии паломничеств, а также посвященный разным аспектам этих странствий краковский журнал *Peregrinus Cracoviensis*. Значительную роль сыграли сборники трудов, явившиеся результатом специальных научных конференций: «Паломничества в культуре средневековой Европы», *Peregrinationes*, «Святая Земля в действительности и легенде средних веков», «Сам-треть, в компании или со свитой?», а также труды Александры Витковской[28]. Из важных переводов следует упомянуть собрание древнейших описаний паломничеств в Святую Землю[29], содержащее, в частности, тексты Бурдигальского итинерария, Эгерии[30], Анонима из Пьяченцы и рассказ епископа Аркульфа «О святых местах», записанный Адамнаном, а также соответствующие фрагменты «Церковной истории» Сократа Схоластика, письмо 108 св. Иеронима и критику паломничеств св. Григорием Нисским (письмо II). Издания обычно сопровождаются компетентными и полновесными предисловием и комментарием. Из отдельных исследований упомяну работы Марка Старовейского и Тадеуша Пикуса. Ежи Стшельчик занялся «Космографией» загадочного автора, скрывавшегося под именем Этика из Истрии, а также представил «Житие Виллибальда», написанное монахиней Хугебурк из Хайденхайма (VIII в.), часть которого является очень интересным описанием паломничества в Италию, Святую Землю и Еги-

[28] Pielgrzymki w kulturze średniowiecznej Europy 1993; Peregrinationes 1995; Ziemia Święta w rzeczywistości i legendzie średniowiecza 1996; Samotrzeć 2012; Witkowska 1974; Witkowska 2009.

[29] Iwaszkiewicz 1996; см. также другие труды этого автора.

[30] Переводы итинерария Эгерии появлялись и ранее (Szołdrski 1970). См. также Starowieyski 1978; Starowieyski 1995; Pikus 1981.

пет[31]. Занятия более поздними паломничествами были не столь плодотворны. Польского издания дождались хождение игумена Даниила (XII в.)[32] и анонимный путеводитель по Святой Земле XIV в., озаглавленный "Loca peregrinationis Terre Sancte"[33]. Среди монографических описаний назову труды Войчеха Мрука и Халины Маниковской[34].

Из описаний непаломнических путешествий необычайно важным для исследователей происхождения польского государства является отчет Ибрагима ибн Якуба — еврейского путешественника, состоявшего на службе кордовского халифа. В дополнение к критическому изданию Тадеуша Ковальского[35] следовало бы назвать многие работы польских авторов, но ограничусь материалами сравнительно недавней специальной научной конференции[36]. Благодаря в основном Тадеушу Левицкому польская наука располагает многими трудами по арабской географии и картографии, в том числе посвященными описаниям путешествий[37], а также собраниями основных текстов («Арабские источники», издание продолжено другими исследователями[38]; «Еврейские источники»[39] — к сожалению, это издание продолжено не было). «Описание Китая и Индии», приписываемое «купцу Сулейману» и датируемое 851 г., и дополнение к этому документу, принадлежащее перу Абу Зайда ас-Сирафи (около 916 г.), появились в польском переводе Анджея Заборского под заглавием «Чудесный мир Индийского океана»[40]. Странствие Вениамина Тудельского было проанализировано Рафалом Витковским, который включил в свой труд перевод его фрагментов[41]. Кроме того, более широкими вопросами арабской

[31] Strzelczyk 1993a; Strzelczyk 1996.
[32] Daniel 2003; см. Poppe 1973.
[33] Mruk 2004.
[34] Mruk 2001; Manikowska 2008.
[35] Ibrahim ibn Jakub 1946.
[36] Zaborski 2008.
[37] Важнейшие труды Т. Левицкого указаны в Szkice z dziejów polskiej orientalistyki 2010: 93–96.
[38] Źródła arabskie 1956–1988.
[39] Źródła hebrajskie 1956.
[40] Zaborski 1998.
[41] Witkowski 2008.

географии занимались Мария Ковальска, Эльжбета Орловска, Уршула Левицка-Раевска и Здзислав Пентек.[42] Отчет о путешествии Ибн Баттуты первой половины XIV в., который иногда сравнивают с книгой Марко Поло, был опубликован в переводе на польский язык с надлежащим научным аппаратом[43].

Если взглянуть на европейскую цивилизацию с другой, западной стороны, то следует назвать легендарное ирландское «Плавание святого аббата Брендана», польский перевод которого опубликовал Ежи Стшельчик[44]. Из-под его пера вышла также статья об ирландском географе IX в. Дикуиле[45].

Не менее важны исследования отчетов Вульфстана и Оттара, сохранившиеся в виде интерполяций в приписываемом королю Альфреду Великому англосаксонском переводе хорографии Павла Орозия[46], а также четвертой книги «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского[47]. Ольгерд Гурка в 1916 г. опубликовал пионерское — принимая во внимания год издания — и по сию пору единственное монографическое исследование и издание важного анонимного источника начала XIV в. францисканского происхождения, «Описание Восточной Европы»[48]. Бохдан Малыш проанализировал и опубликовал дневник, написанный во время посольства чешского короля Йиржи из Подебрад во Францию в 1464 году[49].

Если «Описание мира» Марко Поло было иссследовано и переведено со старофранцузского языка уже в 1954 г.[50], перевода более ранних — францисканских и доминиканских — латиноязычных отчетов о путешествиях к монголам пришлось ждать

---

[42] Kowalska 1973; Orłowska 2000; Lewicka-Rajewska 2004; Pentek 2010.

[43] Ibn Battuta 1962.

[44] Strzelczyk 1992.

[45] Strzelczyk 1973.

[46] Labuda 1961a. S. 11–90; Labuda 1961b. S. 5–118; Linderski 1964. Однако польского перевода самого труда Орозия пока нет, за исключением фрагментов в работах Герарда Лябуды (Labuda 1961b: 58–89 — англосаксонская и латинская версии хорографии) и Казимежа Обрыцкого (Obrycki 1984).

[47] Koczy 1934, G.Witkowski 1995, Wirski 1998.

[48] Górka 1916.

[49] Małysz 2004.

[50] Marko Polo 1954.

долго. В 1988 г. появился перевод двух самых ранних сообщений[51], в 1993 г. — перевод отчетов посланников папы Иннокентия IV Иоанна де Плано Карпини, Бенедикта Поляка и C. de Bridia[52], и наконец в 2007 г. — «Описание путешествия» Вильгельма де Рубрука[53]. Вопрос об «Истории татар» таинственного C. de Bridia (имя автора, впрочем, скорее читается de Bridra), часто поднимавшийся в связи с так называемой картой Винланда (см. ниже), обсуждался польскими исследователями уже вскоре после открытия этого памятника[54]. Польская наука также живо откликнулась на опубликованный М.Л. Колкером в 1979 г. до того времени неизвестный анонимный трактат «Описания земель» с отчасти уникальными сведениями о деятельности миссионеров среди балтийских народов[55].

Александер Гейштор занялся анонимным испанским географическим текстом XIV в. «Книга знаний», в основном с точки зрения польской проблематики[56]. Бронислав Геремек исследовал географические и апокалиптические взгляды выдающегося богослова и писателя Якуба из Парадыжа, изложенные в созданном в 1440-х гг. трактате «О зле этого мира во все эпохи»[57].

Путешествие померанского герцога Богуслава X (конец XV в.) в Германию, Святую Землю и в Рим представил в специальной монографии Эдвард Рымар[58]; Петр Радзиковский издал сперва по-польски, а затем в немецком оригинале «Описание путешествия» Николая Поппеля (фон Попплау), которого некоторые старые авторы считали поляком[59]; София Ковальска осуществила исследование и критическое издание трактата Николая Розембарского 1499 г. о происхождении татар[60]. Часть

[51] Dwa teksty 1988.
[52] Strzelczyk 1993b.
[53] Wilhelm z Rubruk 2007.
[54] Grabski 1968; Plezia 1970; см. также Krawiec 2008.
[55] Górski 1981, Ochmański 1985, Stopka 1987, Strzelczyk 1988, Wenta 2001.
[56] Gieysztor 1965.
[57] De malis huius saeculi per omnes aetates. Опубликован в кн.: Jakub z Paradyża 1978: 103–273.
[58] Rymar 2004.
[59] Radzikowski 1996; Radzikowski 1998.
[60] Kowalska 1993.

старопольских описаний путешествий была опубликована в антологии польской мемуарной литературы XVI в.[61], а некоторые из них ранее или позднее появились в отдельных изданиях, в частности, старейшее описание Святой Земли Анзельма Поляка[62].

«Повествование о диковинах города Рима», написанное автором XII в., о котором известно лишь его имя, «мастер Григорий», было дважды переведено на польский язык[63]. В 2013 г. в польском переводе вышло «Путешествие» Джона Мандевиля (XIV в.), неизменно вызывающее споры в отношении его аутентичности и достоверности, но пользовавшееся чрезвычайным влиянием в Средневековье и последующие времена[64]. Перевод основных источников по проблеме так называемого Царства пресвитера Иоанна появился в 2006 г.[65]. Сочинения Христофора Колумба вышли в польском переводе в 1970 г., дорожные заметки Франческо Петрарки — в 2009 г., а диалог «Об Этне» гуманиста Пьетро Бембо (1470–1547) — в 1997 году[66].

Самый полный на сегодняшний день аналитический обзор средневековых сообщений, касающихся Польши (а частично и соседних стран и народов), содержится в двух монографиях Анджея Феликса Грабского[67]. Наиболее содержательными монографиями о морской и океанической истории поляков (в том числе, конечно, и о путешествиях) мы обязаны Ежи Пертеку[68]. Начальным этапам польских представлений и знаний о море посвящены монографии Леха Мокжеского и Эдмунда Котарского, а также подготовленная Котарским антология «Держаться

[61] Antologia pamiętników polskich 1966.
[62] Szulc 2006.
[63] Pawłowski 1988; Wolf 2012.
[64] Jan z Mandeville 2013; см. также Kaliszuk 1998.
[65] Strzelczyk 2006; см. также: Soszyński 2002. Следует упомянуть, что «Письмо попа Иоанна» было опубликовано благодаря Иполиту Ковнацкому уже в 1823 г. (List popa Jana 1823). Хотя это издание, мягко говоря, далеко не соответствовало научным стандартам, но в любом случае оно на несколько десятилетий опередило издания Г. Опперта и Ф. Царнке.
[66] Kolumb 1970; Petrarka 2009; Bembo 1997.
[67] Grabski 1964; Grabski 1968.
[68] Pertek 1957; Pertek 1981.

моря»[69]. Антоний Кучиньский составил обширную антологию свидетельств польских путешественников и исследователей на других континентах, начинающуюся с эпохи Средневековья[70]. Заслуживает упоминания справочник Вацлава Слабчиньского, «Польские путешественники и исследователи», а также составленный Вацлавом и Тадеушем Слабчиньскими «Словарь польских путешественников»[71].

В изучении теоретической географии Средневековья заслуги польской науки не столь велики. Существуют переводы некоторых раннехристианских и средневековых шестодневов (трактатов, в которых толкуется начало Книги Бытия). В них нередко содержатся заслуживающие внимания космо- и географические рассуждения. Это относится, в частности, к «Шестодневу» св. Амвросия (IV в.)[72]. Есть несколько важных исследований и изданий, касающихся взглядов Иоанна Скотта Эриугены, Абеляра, Тьерри из Шартра и Роджера Бэкона[73]. Научным изданием «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова (VI в.) и фундаментальными исследованиями этого сложного памятника мы обязаны Ванде Вольской-Коню[74]. Из сочинений энциклопедического характера следует отметить неполный, но репрезентативный перевод «Большого труда» Роджера Бэкона и полный перевод «Сокровищницы знания» Брунетто Латини[75]. «Императорские досуги» Гервазия Тильберийского до сих пор в польском переводе не появились, однако, прежде всего благодаря сведениям о Юго-Восточной Европе и Польше, а также возможному (хотя чаще и отрицаемому в новейшей литературе) авторству Гервазия в отношении знаменитой Эбсторфской карты мира или в любом случае связям между обоими памятниками, вошли в научный оборот уже в начале XX в. благодаря пионер-

[69] Mokrzecki 1983; Kotarski 1978; Trzymajmy się morza 1985.
[70] Kuczyński 1994.
[71] Słabczyński 1973; Słabczyńscy 1992.
[72] Ambroży 1969.
[73] Kijewska 1999; Liana 1996; Frankowska 1969; Roger Bacon 2006. Проблематика очень обширна, но я ограничиваюсь упоминанием только нескольких фундаментальных тем, связанных с богословскими и философскими аспектами средневековой космологии.
[74] Wolska 1962; Wolska-Conus 1968; Wolska-Conus 1990.
[75] Roger Bacon 2006; Latini 1992.

ской, и не только для польской историографии, работы Станислава Кентжиньского[76], а более чем через полстолетия стали предметом ряда исследований[77]. В книге «Старопольские хорографии» Дариуш Ротт занялся в основном средневековыми описаниями, а в последнем разделе дал только краткий «обзор дальнейших судеб жанра»[78].

Античная и средневековая картография в польской науке пока не представлена обобщающим исследованием. Можно назвать работы Ф. Буяка (см. выше), Яна Стебновского[79] и Ю. Сташевского (см. выше), а из более новых работ — Войчеха Иваньчака, Е. Стшельчика и Эдварда Шнайдера. Последний из названных авторов в основном занимался немногочисленными средневековыми *mappae mundi* польского происхождения либо связанными с Польшей[80]. Упомянутая выше (опубликованная вместе с «Историей татар» C. de Bridra) нашумевшая карта Винланда рассматривалась в работах Леона Кочего, Э. Шнайдера и Анны Васько; на сегодняшний день явно доминирует взгляд о ее неаутентичности[81]. Образом польских земель в средневековой картографии занимался Владыслав Коваленко[82]. Подчеркну научную ценность монографии Крыстыны Залевской-Лоркевич и статьи Рышарда Кнапиньского, в которых обсуждаются иконографические и идеологические аспекты *mappae mundi*[83].

Иначе обстоит дело с изучением картографии Польши и Великого княжества Литовского. Начало положили ценные труды Болеслава Ольшевича, опубликованные в межвоенный период, а после Второй мировой войны вышли обобщающие монографии (и множество специальных работ) Карола Бучека, который исследовал польскую картографию до конца Речи Посполитой, и Станислава Александровича, который подобным образом

---

[76] Kętrzyński 1903.

[77] Staszewski 1962; Staszewski 1966; Strzelczyk 1970; Strzelczyk 1991; Strzelczyk 2003.

[78] Rott 1995.

[79] Stebnowski 1960.

[80] См. также: Puckalanka 1968.

[81] Koczy 1970; Koczy 1969; Schnayder 1974; Waśko 1993.

[82] Kowalenko 1954.

[83] Zalewska-Lorkiewicz 1997; Knapiński 1996.

представил картографию Великого княжества Литовского[84]. Кроме того, Юлиан Янчак провел монографическое исследование старой картографии Силезии, Мечислав Стельмах — Западного Поморья, а Ян Шелига — побережья Гданьского Поморья[85]. Но достижения в этой области следовало бы осветить в следующей части данного обзора, так как они в основном касаются Нового времени.

Специфическую проблематику «странствований в потустороннем мире», для занятий которой важный импульс дала известная монография Жака Ле Гоффа «Рождение чистилища»[86], рассмотрел Яцек Сокольский, как в отношении польских[87], так и древнехристианских и раннесредневековых латинских памятников[88].

Среди наиболее интересных достижений польской науки в исследовании взглядов и образов, имеющих отношение к знанию о мире и «любопытству к миру» в средневековой Польше при широком сопоставлении с другими традициями, следует назвать монографию Адама Кравеца[89]. Я бы отметил познавательное значение упомянутой выше монографии Халины Маниковской о «больших паломничествах» в Святую Землю, Рим и Сантьяго-де-Компостела, а также книги Войчеха Иваньчака о Нюрнберге как центре географической мысли и знания на рубеже Средних веков и Нового времени, которая была переведена на немецкий язык[90].

***

Литература раннего Нового времени, как уже говорилось в начале статьи, будет представлена более пунктирно, особенно принимая во внимание значительно большее количество публикаций. Переходя от Средневековья к Новому времени, важно отметить серию переводов «экзотических» повествований

[84] Buczek 1963; Alexandrowicz 2012.
[85] Janczak 1979; Stelmach 1991; Szeliga 1982.
[86] Le Goff 1981; польский перевод: Le Goff 1997.
[87] Sokolski 1990.
[88] Sokolski 1995 (обстоятельное предисловие и семь текстов в польском переводе). К сожалению, пока был опубликован только первый том.
[89] Krawiec 2010a.
[90] Iwańczak 2005a.

о путешествиях, опубликованных в конце XX в. гданьским издательством *Novus Orbis*. В нее вошли следующие памятники: Антонио Пигафетта, «Рассказ о кругосветном путешествии Магеллана»[91]; Альвизе де Кадамосто, «Путешествие в Африку»[92]; Педро Писарро, «Рассказ об открытии и завоевании королевства Перу»[93]; «Письма об открытии Америки»[94]; Альваро Вельо, «Рассказ о путешествии Васко да Гамы в Индию»[95]; Эрнан Кортес, «Письма о завоевании Мексики»[96]; Гашпар да Круш, «Трактат о делах и особенностях Китая»[97]. Вне серии вышел трактат о Тибете иезуита Антонио де Андраде[98], причем следует указать, что это издание, помимо обширных вступления и комментария, было обогащено старопольским (1628 г.) переложением португальского трактата, которые выполнил польский иезуит Фридерик Шембек. Ростислав Жерелик изучил и опубликовал на польском, немецком и латинском языках описание города Вроцлава Бартоломея Штайна[99].

Если о путешествиях польского средневековья сохранилось мало известий и прежде всего мало текстов того времени, то в период XVI–XVIII вв. литература такого рода в Польше пережи-вала расцвет. Из работ общего характера или существенных с точки зрения методологии отмечу труды Хенрика Барыча, Алойзы Сайковского, Антони Мончака, Филипа Воланьского и Адама Кухарского[100]. Станислав Липко исследовал преподавание географии в школах Комиссии народного образования (вторая половина XVIII в.). Историко-литературные аспекты старопольских сочинений географического характера затронуты в работах Романа Кшывого, Марека Прейса, Дариуша Ротта и

[91] Pigafetta 1992.
[92] Ca'da Mosto 1994.
[93] Pizarro 1995.
[94] Kieniewicz 1995.
[95] Velho 1996.
[96] Cortés, 1997.
[97] Cruz 2001.
[98] Andrade 2004.
[99] Żerelik 1995.
[100] Barycz 1969; Sajkowski 1973; Sajkowski 1991; Mączak 1978; Mączak 1984; Mączak 1998; Mączak 2000; Wolański 2002; Kucharski 2007; Kucharski 2014.

Ханны Дзехчиньской[101]. «Географические знания о Силезии эпохи Возрождения» являются предметом монографии Тересы Богач[102], а вопрос о знаниях об Америке в ту же эпоху осветили Ромуальд Врублевский и — в широком контексте старопольской культуры — Януш Тазбир[103].

Мачей Форыцкий систематизировал и проанализировал данные о Речи Посполитой в знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Даламбера[104].

Переходя к конкретным старопольским запискам о путешествиях и не стремясь к полноте, начну с путешествий на мусульманский и более далекий Восток. Ряд переводов литературы о путешествиях вошел в двухтомную антологию о. Ежи Носовского «Польская полемическая антиисламская литература XVI, XVII и XVIII вв.»[105]. Следуя в более или менее хронологическом порядке, начну с издания отчетов о посольствах в Персию (армянина Сефера Муратовича), Турцию (Александра Пясечиньского) 1588 и 1630 гг. и дневников посольств Збигнева Любенецкого 1640 г.[106], Войцеха Мясковского 1640 г.[107] и Рафала Лещиньского 1700 г.[108]. Особую группу составляют труды о польских миссионерах на Дальнем Востоке, из которых упомяну обобщающую монографию Дук Ха Нгуена и труды Эдварда Кайданьского о миссионере и исследователе китайского языка и культуры Михале Бойме (ум. в 1659 г.)[109]. Особое место занимает монография Йоанны Василевской-Добковской о том, как знания и опыт миссионеров в Азии отразились в искусстве польских иезуитов XVII и XVIII веков[110].

---

[101] Krzywy 2001; Krzywy 2013; Prejs 1999; Rott 1993; Rott 1995; Dziechcińska 1991.

[102] Bogacz 1990.

[103] Wróblewski 1977; Tazbir 1973; Tazbir 2001.

[104] Forycki 2010.

[105] Nosowski 1974.

[106] Walaszek 1980.

[107] Przyboś 1985.

[108] Poselstwo Rafała Leszczyńskiego 1998.

[109] Duc Ha Nguyen 2006; Kajdański 1988; Kajdański 1999; см. также коллективный труд Studia Boymiana 2004.

[110] Wasilewska-Dobkowska 2006.

О других маршрутах поляков, в том числе в целях образования или обретения утонченных манер и вкусов, идет речь в работах о странствии Яна Гейденштейна по Бельгии, Франции и Италии (1631–1634)[111], путешествии королевича Владислава Вазы по Западной Европе (1624–1625)[112], «путешествии по школам» Станислава Любомирского (это источниковедческое исследование с добавлением финансовой отчетности о путешествии, составленной Яном Гембчинским)[113], «Путешествии Яся Луговского в школы в чужих краях, 1639–1643»[114], «Дорожном дневнике» с записями о европейском путешествии Яна и Марека Собеских (1646–1648) и наставлении отца путешественников Якуба Собеского[115], «Дневнике путешествия по Европе в 1677–1678 гг.» Теодора Биллевича[116], а также в монографии Марека Братуня, посвященной учебе за границей и образовательным путешествиям Михала Ежи Вандалина Мнишека (1762–1768)[117]. Более широк диапазон материалов в монографиях Мариана Хахая о заграничном образовании Радзивиллов в XVI – первой половине XVII в.[118], Анны Маркевич об образовательных путешествиях во времена Яна III Собеского[119], Малгожаты Камецкой о путешествиях польской шляхты с целью образования во Францию в саксонскую эпоху[120], Дороты Жолонджь-Стшельчик об учебе польской и литовской молодежи в немецких университетах в XVI – первой половине XVII в.[121], Мариана Павлака об университетских занятиях молодежи из Королевской Пруссии в XVI–XVIII вв.[122], Здзислава Петшика о польско-литовских путешествиях в Страсбург (1538–1621)[123].

[111] Pietrzyk 2005.
[112] Przyboś 1977.
[113] Czapliński, Długosz 1969.
[114] Muszyńska 1974.
[115] Gawarecki 2013.
[116] Billewicz 2004.
[117] Bratuń 2002.
[118] Chachaj 1995.
[119] Markiewicz 2011.
[120] Kamecka 2012.
[121] Żołądź-Strzelczyk 1996.
[122] Pawlak 1988.
[123] Pietrzyk 1997.

Упомянем еще две публикации путевых записок XVIII в., авторами которых были женщины: «Описание странствия и авантюр моей жизни» Регины Саломеи Русецкой-Пильштыновой[124] и дневник «Мое путешествие в Италию» (1785–1786) Катажины Сосновской-Платеровой[125].

Менее богато представлены труды и издания, посвященные взгляду извне, то есть путешествиям иностранцев по Польше. Здесь можно упомянуть исследование и издание с параллельным переводом реляции Луиджи Бевилаква, флорентийского посланника к европейским дворам (в том числе польскому) в 1609 г., осуществленное Войцехом Тыгельским[126]; «Историческое описание Польши» Гаспара де Тенде (XVII в.) и «Историю Польши» Бернарда О'Коннора[127]; описания Украины Эрика Лассоты (конец XVI в.) и Гийома Боплана (1640)[128]; отчет о путешествии боярина Бориса Шереметева через Польшу и Австрию в Рим и на Мальту (1697–1698)[129]; частичный перевод «Книги путешествий» османского путешественника и писателя XVII в. Эвлии Челеби[130]; работу Фридерика Шульца «Путешествие инфлянтца из Риги в Варшаву и по Польше в 1791–1793 гг.», то есть в последние годы шляхетской Речи Посполитой[131]. Обширная монография уже упоминавшегося В. Тыгельского об итальянцах в Польше в XVI–XVII в. затрагивает иные, но также интересные с нашей точки зрения темы[132]. Самое раннее появившееся в Польше описание Исландии Даниела Веттера (опубликовано в Лешне в 1638 г.) представил современному читателю Дариуш Ротт[133].

[124] Pilsztynowa 1957.
[125] Platerowa 2013.
[126] Tygielski 2000.
[127] Gaspard de Tende 2103; O'Connor 2012.
[128] Lassota, Beauplan 1972.
[129] Sielicki 1975.
[130] Ewlija Czelebi 1969.
[131] Schulz 1956.
[132] Tygielski 2005.
[133] Rott 1993.

«Образу мира и Англии первых Стюартов в календарях первой половины XVII в.» посвящена монография Якуба Басисты[134].

Научная литература о старопольской картографии обильна и заслуживала бы особого детального обзора. Выше я уже ссылался на обобщающие труды Карола Бучека и Станислава Александровича и несколько региональных монографий. В дополнение к ним назову лишь монографию Януша Голаского, осветившую начало крупномасштабной картографии[135]. Также следует упомянуть некоторые издания памятников старой польской или связанной с Польшей картографии[136].

Перевел с польского Л.С. Чекин

БИБЛИОГРАФИЯ

Alexandrowicz 2012 — *Alexandrowicz S.* Kartografia Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII w. Wyd. 3. Warszawa, 2012 (первые два издания выходили под другим названием: Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII w. I wyd. Poznań 1971; II wyd. Poznań 1989).

Ambroży 1969 — *Ambroży św.* Hexameron / Tłum. W. Szołdrski, wstęp J.S. Bojarski, oprac. W. Myszor. Warszawa 1969 (Pisma starochrześcijańskich pisarzy. T. 4).

Ameisenowa 1959 — *Ameisenowa Z.* The globe of Martin Bylica of Olkusz and Celestial maps in the East and in the West. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1959 (Monografie z dziejów nauki i techniki. T. 11).

Andrade 2004 — *Andrade A. de.* Niedawne odkrycie Wielkiego Kataju albo Państw Tybetu / Przekł. i oprac. I. Kania, wstęp M. Mejor. Kraków, 2004.

Antologia pamiętników polskich 1966 — Antologia pamiętników polskich XVI wieku / Red. R. Polak, oprac. S. Drewniak, M. Kaczmarek. Wrocław etc., 1966.

Babicz 1973 — *Babicz J.* Trzy etapy badań nad historią geografii w Polsce // Studia z dziejów geografii i kartografii / Red. J. Babicz. Wrocław, 1973. S. 11–23; тот же текст на французском, s. 24–36.

[134] Basista 1994.
[135] Gołaski 1969.
[136] Łopatecki, Walczak 2011; Katalog dawnych map 1978.

Babicz, Walczak 1968 — *Babicz J., Walczak W.* Zarys historii odkryć geograficznych. Warszawa, 1968.

Baczkowski — *Baczkowski K.* Kilka uwag o recepcji odkrycia Ameryki w Europie w końcu XV i w pierwszych dziesięcioleciach XVI w. // Europa-Ameryka od X do XX w. W pięćsetną rocznicę pierwszej wyprawy Krzysztofa Kolumba / Red. K. Baczkowski. Kraków, 1993. S. 35–51 (Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. T. 108).

Baranowski 1950 — *Baranowski B.* Znajomość Wschodu w dawnej Polsce do XVIII w. Łódź, 1950.

Barycz 1969 — *Barycz H.* Z dziejów polskich wędrówek naukowych za granicę. Wrocław etc., 1969.

Basista 1994 — *Basista J.* Anglia, świat i gwiazdy. Obraz świata i Anglii pierwszych Stuartów w kalendarzach 1603–1640. Kraków, 1994 (Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. T. 109).

Bembo 1997 — *Bembo Pietro.* O Etnie / Przekł. i oprac. I. Mikołajczyk. Toruń, 1997.

Bieńkowski 1985 — *Bieńkowski T.* Wiedza przyrodnicza w Polsce w wieku XVI. Wrocław etc., 1985 (Monografie z dziejów nauki i techniki. T. 134).

Biliński 1940–1946 — *Biliński B.* Drogi świata starożytnego ku zachodnim ziemiom polskim i problem Odry u Ptolemeusza // Eos. 1940–1946. T. 41. Z. 2. S. 157–196.

Biliński 1947a — *Biliński B.* Drogi świata starozytnego ku ziemiom słowiańskim w świetle starożytnych świadectw literackich // Archeologia. 1947. R. 1. S. 138–168.

Biliński 1947b — *Biliński B.* Najstarsze świadectwa starożytne o Wiśle // Eos. 1947. T. 42. Z. 2. S. 192–209.

Biliński 1948 — *Biliński B.* Zachodnia granica Prasłowiańszczyzny wedle Pomponiusza Meli // Archeologia. 1948. R. 2. S. 129–138.

Biliński 1952–1953 — *Biliński B.* Kalisia Ptolemeuszowa // Archeologia. 1952–1953. R. 5. S. 101–121.

Biliński 1961 — *Biliński B.* Dwa świadectwa antyczne: Kalisia Ptolemeusza i Halisii Tacyta // Osiemnaście wieków Kalisza. T. 2. Kalisz, 1961. S. 7–40.

Billewicz 2004 — *Billewicz T.* Diariusz podróży po Europie w latach 1677–1678 / Wyd. M. Kunicki-Goldfinger. Warszawa, 2004.

Bober 1973 — Breviarus de Hierosolyma / Tłum. A. Bober // Częstochowskie Studia Teologiczne. 1973. S. 263–266.

Bodnarski 1957 — Geografia antyczna / Zestawił M.S. Bodnarski. Warszawa 1957 (перевод с русского издания 1953 г.).

Bogacz 1990 — *Bogacz T.* Wiedza geograficzna o Śląsku w dobie odrodzenia. Wrocław etc., 1990.

Bratuń 2002 — *Bratuń M.* „Ten wykwintny, wykształcony Europejczyk". Zagraniczne studia i podróże edukacyjne Michała Jerzego Wandalina Mniszcha w latach 1762–1768. Opole, 2002.

Buczek 1960 — *Buczek K.* Maciej Miechowita jako geograf Europy wschodniej // Maciej z Miechowa 1457–1523. Historyk, geograf, lekarz, organizator nauki / Red. H. Barycz, Wrocław etc., 1960. S. 75–164.

Buczek 1963 — *Buczek K.* Dzieje kartografii polskiej od XV do XVIII w. Zarys analityczno-syntetyczny. Wrocław; Warszawa, 1963 (то же на английском: The History of Polish Cartography from the 15th to the 18th Century. Wrocław etc., 1966).

Bujak 1925 — *Bujak F.* Studja geograficzno-historyczne. Warszawa etc., 1925.

Bystroń 1930 — *Bystroń J.S.* Polacy w Ziemi Świętej, Syrii i Egipcie 1147–1914. Kraków, 1930.

Bzinkowska 1993 — *Bzinkowska J.* Kartograficzny obraz nowo odkrytych ziem na mapach z czasów Kolumba // Europa-Ameryka od X do XX w. W pięćsetną rocznicę pierwszej wyprawy Krzysztofa Kolumba / Red. K.Baczkowski. Kraków, 1993. S. 53–64, ill.12. (Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. T. 108).

Ca'da Mosto 1994 — *Ca'da Mosto Alvise da.* Podróże do Afryki. Przeł. J. Szymanowska, wstęp i przypisy M. Tymowski. Gdańsk, 1994.

Chachaj 1995 — *Chachaj M.* Zagraniczna edukacja Radziwiłłów od początku XVI do połowy XVII wieku. Lublin, 1995.

Chachaj 1998 — *Chachaj M.* Związki kulturalne Sieny i Polski do końca XVIII wieku. Staropolscy studenci i podróżnicy w Sienie. Sieneńczycy i ich dzieła w Polsce. Lublin, 1998.

Cortés 1997 — *Cortés Hernán.* Listy o zdobyciu Meksyku / Przeł. M. Mróz, R. Tomicki, oprac. R. Tomicki. Gdańsk, 1997.

Cruz 2001 — *Cruz Gaspar da.* Traktat o sprawach i osobliwościach Chin / Oprac. J. Kieniewicz. Gdańsk, 2001.

Czapliński, Długosz 1969 — *Czapliński W., Długosz J.* Podróż młodego magnata do szkół (Studium z dziejów kultury XVI i XVII w.). Warszawa, 1969.

Czarnowski 1956 — *Czarnowski S.* Argonauci na Bałtyku. Konwencja a rzeczywistość w kształtowaniu się greckich poglądów geograficznych

// *Czarnowski S.* Dzieła. Warszawa 1956. T. 3. S. 242–260 (статья впервые опубликована в 1937 г.).

Daniel 2003 — Ihumena Daniela z ziemi ruskiej pielgrzymka do Ziemi Świętej / Przekł. K. Pietkiewicz, red. J. Grzembowska, K. Pietkiewicz, Poznań, 2003.

Dąbrowski 1962 — *Dąbrowski J.* Polacy w Anglii i o Anglii. Kraków, 1962.

Drozdowska 1961 — *Drozdowska A.* Bibliografia prac Bolesława Olszewicza (1910–1959) // Studia i Materiały z Dziejów Nauki Polskiej. 1961. Ser. C. T. 4. S. 15–33.

Duc Ha Nguyen 2006 — *Duc Ha Nguyen.* Polscy misjonarze na Dalekim Wschodzie w XVII–XVIII wieku. Warszawa, 2006.

Ducin 1997 — *Ducin S.* Sztuka nawigacji w starożytnej Grecji i w Rzymie. Lublin, 1997.

Dwa teksty 1988 — Dwa teksty do historii Węgier i Tatarów w XIII wieku / Przeł. G.Wodzinowska-Taklińska, oprac. L. Krzywiak // Studia Historyczne. 1988. T. 31. Z. 2. S. 281–306.

Dziechcińska 1991 — *Dziechcińska H.* O staropolskich dziennikach podróży. Warszawa, 1991.

Dzieje Świętego Tomasza 2002 — Dzieje Świętego Tomasza Apostoła / Przekł i oprac. L. Rzymowska. Wrocław 2002 (Księgi osobliwe. T. 2).

Ewlija Czelebi 1969 — *Ewlija Czelebi*. Księga podróży / Wybór, tłum. Z. Abrahamowicz, A. Dubiński, S. Płaskowicka-Rymkiewicz. Warszawa, 1969.

Forycki 2010 — *Forycki M.* Chorografia Rzeczypospolitej szlacheckiej w Encyklopedii Diderota i d'Alemberta. Poznań, 2010.

Frankowska 1969 — *Frankowska M. Scientia* w ujęciu Rogera Bacona. Wrocław etc., 1969 (Monografie z dziejów nauki i techniki. T. 55).

Frankowska-Terlecka 1984 — *Frankowska-Terlecka M. Skarbiec wiedzy* Brunetta Latiniego: Trzynastowieczna myśl encyklopedyczna jako wyraz tendencji do upowszechniania wiedzy. Wrocław etc., 1984.

Gaspard de Tende 2013 — *Gaspard de Tende.* Relacja historyczna o Polsce / Tłum. i red. T. Fałkowski, wprowadzenie M. Forycki. Wilanów, 2013.

Gawarecki 2013 — *Gawarecki Sebastian.* Diariusz drogi. Podróż Jana i Marka Sobieskich po Europie 1646–1648. *Sobieski Jakub.* Instrukcja synom moim do Paryża / Oprac. M. Kunicki-Goldfinger. Warszawa, 2013.

Geremek 1984 — *Geremek B.* Geografia i apokalipsa: pojęcie Europy u Jakuba z Paradyża // Mente et litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków średnich. [Ks. pam. dla B. Kürbis]. Poznań, 1984. S. 253–261.

Gieysztor 1965 — *Gieysztor A.* Polska w „El libro del conoscimiento" z połowy XIV w. // Przegląd Historyczny. 1965. T. 56. S. 397–412.

Gołaski 1969 — *Gołaski J.* Kształtowanie się mapy wsi w Polsce do końca XVIII w. Studia nad genezą wielkoskalowej informacji kartograficznej. Wrocław etc., 1969 (Monografie z dziejów nauki i techniki. T. 60).

Górka 1916 — Anonymi descriptio Europae Orientalis / Ed. O. Górka. Cracoviae, 1916.

Górski 1981 — *Górski K.* „Descriptiones terrarum" (nowo odkryte źródło do dziejów Prus w XIII w.) // Zapiski Historyczne. 1981. T. 46. Z. 1. S. 7–16.

Grabski 1963 — *Grabski A.F.* W przeddzień najazdu mongolskiego na Europę — węgierskie kontakty z ludami Powołża 1231–1237 // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki Humanist.-społeczne. 1963. Ser. I. T. 30. S. 33–59.

Grabski 1964 — *Grabski A.F.* Polska w opiniach obcych X–XIII w. Warszawa, 1964.

Grabski 1968a — *Grabski A.F.* Polska w opiniach Europy Zachodniej XIV–XV w. Warszawa, 1968.

Grabski 1968b — *Grabski A.F.* Nowe świadectwo o Benedykcie Polaku i najeździe Tatarów w 1241 r. // Sobótka. 1968. T. 23. S. 1–13.

Ibn Battuta 1962 — *Ibn Battuta.* Osobliwości miast i dziwy podróży 1325–1354 / Red. A. Zajączkowski, tłum. T. Majda, H. Natorf, koment. T. Majda. Warszawa, 1962.

Ibrahim ibn Jakub 1946 — Relacja Ibrahima ibn Ja'kūba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekrīego / Wyd. T. Kowalski, współpraca J. Kostrzewski, K. Stołyhwo, K. Moszyński, K. Nitsch. Kraków, 1946 (Pomniki Dziejowe Polski [Monumenta Poloniae Historica]. Ser. II. T. 1)

Isaczenko 1975 — *Isaczenko A.G.* Rozwój myśli geograficznej, przeł. M.Dorywalski, J.Kolasińska, Warszawa, 1975. (Перевод с русского издания 1971 г.).

Iwańczak 1990a — *Iwańczak W.* La cartografia tra Medioevo e Rinascimento. La lezione delle mappe // Prometeo. 1990. T. 8. Nr 30. P. 92–102.

Iwańczak 1990b — *Iwańczak W.* Entre l'espace ptolemaïque et l'empirie: les cartes de Fra Mauro // Médiévales. 1990. T. 18. S. 53–69.

Iwańczak 1990c — *Iwańczak W.* Tradycjonalizm i nowoczesność w kartografii średniowiecznej // Polski Przegląd Kartograficzny. 1990. T. 22. Z. 4. S. 123–133.

Iwańczak 1991 — *Iwańczak W.* Na progu czasów nowożytnych — kartograficzny obraz świata w twórczości Fra Mauro // Przegląd Historyczny. 1991. T. 82. Z. 1. S. 21–33.

Iwańczak 1993 — *Iwańczak W.* Średniowieczne czy renesansowe — o mapach Giovanniego Leardo // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1993. Nr 3. S. 381–390.

Iwańczak 1996a — *Iwańczak W.* Giovanni Leardo — cartographe médiéval ou de la renaissance? // In memoriam Josefa Macka (1922–1991) // Red. M. Polívka, F. Šmahel. Praha, 1996. S. 229–243.

Iwańczak 1996b — *Iwańczak W.* Wybrane zagadnienia wyobraźni kartograficznej średniowiecza // Wyobraźnia średniowieczna / Red. T. Michałowska. Warszawa, 1996. S. 105–117.

Iwańczak 1997 — *Iwańczak W.* Polska na mapie świata Fra Mauro — obraz umowny czy rzeczywisty? // Literatura i kultura polskiego średniowiecza. Człowiek wobec świata znaków i symboli / Red. P. Buchwald-Pelcowa, J. Pelc. Warszawa, 1997. S. 65–75.

Iwańczak 1999 — *Iwańczak W.* Bedeutung und Funktion grosser städtischer Zentren in kommentierten Landkarten des 15. und 16. Jahrhunderts // Berichte und Beiträge des Geisteswissenschaftlichen Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas. Leipzig, 1999. S. 181–191.

Iwańczak 2001 — *Iwańczak W.* The Role of the Town in Medieval and Early Modern Cartography // The Southern African Journal of Medieval and Renaissance Studies. 2001. Vol. 11. P. 1–11.

Iwańczak 2002 — *Iwańczak W.* "Jabłko ziemskie" Martina Behaima // Imago narrat. Obraz jako komunikat w społeczeństwach europejskich / Red. S. Rosik, P. Wiszewski. Wrocław, 2002. S. 29–51.

Iwańczak 2003 — *Iwańczak W.* Johannes Schöner — twórca globusów // Źródło. Teksty o kulturze średniowiecznej ofiarowane Bronisławo-wi Geremkowi / Red. W. Brojer. Warszawa, 2003. S. 189–215.

Iwańczak 2005a — *Iwańczak W.* Do granic wyobraźni. Norymberga jako centrum wiedzy geograficznej i kartograficznej w XV i XVI wieku. Warszawa, 2005; перевод на немецкий язык: Die Kartenmacher. Nürnberg als Zentrum der Kartographie im Zeitalter der Renaissance. Darmstadt, 2009.

Iwańczak 2005b — *Iwańczak W.* Horyzont geograficzny dziejopisarstwa czeskiego czasów Karola IV na przykładzie Kroniki Pulkawy // Źródła kultury umysłowej w Europie Środkowej ze szczególnym uwzględnieniem Górnego Śląska / Red. A. Barciak. Katowice, 2005. S. 56–71.

Iwańczak 2005c — *Iwańczak W.* Rola tekstu na mapie średniowiecznej // Tekst źródła: krytyka, interpretacja / Red. B. Trelińska. Warszawa, 2005. S. 137–149.

Iwańczak 2007 — *Iwańczak W.* Granice na mapach średniowiecznych // Per secula ad tempora nostra. Sborník prací k šedesátým narozeninám prof. Jaroslava Pánka / Red. J. Mikulec, M. Polivka. Praha, 2007. S. 171–181.

Iwańczak 2008a — *Iwańczak W.* Borders and borderlines in medieval cartography // Frontiers in the Middle Ages. Proceedings of the Third European Congress of Medieval Studies (Jyväskylä, 10–14 June 2003) / Ed. by O. Merisalo, with the collaboration of P. Pahta. Louvain-la-Neuve, 2008. P. 661–673.

Iwańczak 2008b — *Iwańczak W.* Kilka uwag o dawnej mapie jako źródle historycznym // Dawna mapa źródłem wiedzy o świecie / Red. S. Alexandrowicz, R. Skrycki. Szczecin, 2008. S. 51–61 (Z dziejów kartografii. T. 14).

Iwańczak 2010 — *Iwańczak W.* Obraz miasta w kartografii przełomu średniowiecza i czasów nowożytnych // Gospodarka, społeczeń-stwo, kultura w dziejach nowożytnych. Studia ofiarowane Pani Prof. Marii Boguckiej / Red. A. Karpiński, E. Opaliński, T. Wiś-licz-Iwańczyk. Warszawa, 2010. S. 195–203.

Iwańczak 2012 — *Iwańczak W.* La mer Baltique dans la cartographie médiévale // De la Mer du Nord à la Mer Baltique. Identités, contacts et communications au Moyen Âge / Red. A. Gautier, S. Rossignol. Lille, 2012. S. 27–45.

Iwaszkiewicz 1990a — *Teodozjusz.* O położeniu Ziemi Świętej / Tłum. P. Iwaszkiewicz // Meander. 1990. R. 45. Z. 7–9. S. 225–237.

Iwaszkiewicz 1990b — List biskupa Eucheriusza do Faustusa prezbitera z wysp o położeniu Jerozolimy / Tłum. P. Iwaszkiewicz // Meander. 1990. R. 45. Z. 10–12. S. 301–310.

Iwaszkiewicz 1991a — Pielgrzym z Burdigali i jego opis podróży z Burdigali do Jerozolimy / Tłum. P. Iwaszkiewicz // Meander. 1991. R. 46. Z. 1–2. S. 63–75.

Iwaszkiewicz 1991b — List ku czci błogosławionej Egerii napisany przez Waleriusza do braci mnichów z Vierzo / Tłum. P. Iwasz-kiewicz // Meander. 1991. R. 46. Z. 3–4. S. 147–153.

Iwaszkiewicz 1999 — Do Ziemi Świętej. Najstarsze opisy pielgrzymek do Ziemi Świętej (IV–VIII w.) / Red P. Iwaszkiewicz, przedmowa M. Starowieyski. Kraków, 1996 (Ojcowie żywi. T. 13).

Jackowski 1991 — *Jackowski A.* Zarys geografii pielgrzymek. Kraków, 1991.

Jakub z Paradyża 1978 — *Jakub z Paradyża*. Wybór tekstów dotyczących reformy Kościoła / Wyd. S. Porębski. Warszawa, 1978.

Jan z Mandeville 2013 — Podróże Jana z Mandeville / Przeł. B. Marcińczak, wstęp i komentarz B. Marcińczak, J. Sokolski. Wrocław, 2013 (Bibliotheca curiosa. T. 15).

Janczak 1979 — *Janczak J.* Zarys dziejów kartografii śląskiej do końca XVIII w. Opole, 1979.

Kajdański 1988 — *Kajdański E.* Michał Boym. Ostatni wysłannik dynastii Ming. Warszawa, 1988.

Kajdański 1999 — *Kajdański E.* Michał Boym. Ambasador Państwa Środka. Warszawa, 1999.

Kaliszuk 1998 — *Kaliszuk J.* Recepcja „Podróży" Johna Mandeville'a w Polsce późnego średniowiecza i u progu czasów nowożytnych // Przegląd Historyczny. 1998. T. 89. Z. 3. S. 343–359.

Kaliszuk 2004 — *Kaliszuk J.* Wschód w dziele Jana z Hildesheimu „Historia Trium Regum" // Przegląd Humanistyczny. 2004. T. 48. Nr 1. S. 9–26.

Kaliszuk 2005 — *Kaliszuk J.* Mędrcy ze Wschodu. Legenda i kult Trzech Króli w średniowiecznej Polsce. Warszawa, 2005.

Kamecka 2012 — *Kamecka M.* „Do cudzych krajów". Edukacyjne podróże szlachty polskiej do Francji w epoce saskiej. Białystok, 2012.

Karp 1982 — *Karp M.J.* Znajomość kulistości Ziemi w „Kronice" Kadłubka. Próba interpretacji toposu o piłce wysłanej Aleksandrowi przez Dariusza // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1982. Z. 1. S. 139–148, ill.

Katalog dawnych map 1978 — Katalog dawnych map Rzeczypospolitej Polskiej w kolekcji Emeryka Hutten Czapskiego i w innych zbiorach. Tom I: Mapy XV–XVI wieku / Oprac. W. Kret. Wrocław etc., 1978.

Kętrzyński 1903 — *Kętrzyński S.* Ze studyów nad Gerwazym z Tilbury (Mistrz Wincenty i Gerwazy — Provinciale Gervasianum) // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozo-ficzny. 1903. Ser. 2. T. 21. Ogólnego zbioru t. 45. S. 152–189.

Kieniewicz 1995 — Listy o odkryciu Ameryki / Oprac. J. Kieniewicz. Gdańsk, 1995.

Kijewska 1999 — *Kijewska A.* Księga Pisma i Księga Natury. Heksaemeron Eriugeny i Teodoryka z Chartres. Lublin, 1999.

Klinger 1948 — *Klinger W.* Arriana Flaviusa z Nikomedii Żegluga dookoła Pontu Euksińskiego (Morza Czarnego). Poznań, 1948.

Knapiński 1996 — *Knapiński R. Imago mundi.* Związek ikonogra-ficznych i literackich modeli świata w wyobraźni średniowiecznej // Wyobraźnia średniowieczna / Red. T. Michałowska. Warszawa, 1996. S. 27–45.

Knapowski 1958 — *Knapowski R.* Zagadnienia chronologii i zasięgu podróży odkrywczych Piteasa z Marsylii, Poznań, 1958 (текст на польском и немецком).

Koczy 1934 — *Koczy L.* Sklawanja Adama Bremeńskiego // Slavia Occidentalis. 1934. T. 12. S. 181–253 i nadb. Poznań, 1934.

Koczy 1969 — *Koczy L.* Die Vinlandkarte als ein Polarforschungs-problem // Polarforschung. 1969. B. 6. Jg. 39. Nr 1. S. 250–253.

Koczy 1970 — *Koczy L.* The Vinland Map // Antemurale. 1970. Vol. 14. P. 85–171.

Koczy 1971 — *Koczy L.* Die "Inventio Fortunata" und die Entdeckung des Nordpols // Polarforschung. 1971. B. 7. Jg. 41. Nr 1–2. S. 149–152.

Kolendo 1998 — *Kolendo J.* Świat antyczny i barbarzyńcy. Teksty, zabytki, refleksja nad przeszłością. Warszawa 1998. T. 1. (Сборник ранних работ данного автора).

Kolumb 1970 — *Kolumb Krzysztof.* Pisma / Przekł. i oprac. A.L. Czer-ny. Warszawa, 1970.

Kotarski 1978 — *Kotarski E.* U progu marynistyki polskiej XVI–XVII wiek. Gdańsk, 1978.

Kowalczyk 2005 — *Kowalczyk M.E.* Obraz Włoch w polskim piśmiennictwie geograficznym i podróżniczym osiemnastego wieku. Toruń, 2005.

Kowalenko 1954 — *Kowalenko W.* Bałtyk i Pomorze w historii kartografii (VII–XVI w.) // Przegląd Zachodni. 1954. T. 10. Z. 7/8. S. 353–389.

Kowalska 1973 — *Kowalska M.* Średniowieczna arabska literatura podróżnicza. Warszawa; Kraków, 1973.

Kowalska 1993 — *Kowalska Z.* Mikołaja Rozembarskiego traktat z roku 1499 o pochodzeniu Tatarów. Studium krytyczne i edycja traktatu. Kraków, 1993.

Krawiec 2004 — *Krawiec A.* Nie tylko curiositas — z dziejów ludzkiej ciekawości w średniowieczu // Przegląd Humanistyczny. 2004. T. 48. Nr 1. S. 27–44.

Krawiec 2008 — *Krawiec A.* Drugi rękopis „Historii Tatarów" autorstwa C. de Bridra // Roczniki Historyczne. 2008. T. 64. S. 157–163.

Krawiec 2009 — *Krawiec A.* Globalny obraz nie-globalnego świata. Obraz świata w kartografii uniwersalnej Średniowiecza i Rene-sansu // Kultura — Historia — Globalizacja. 2009. T. 5. S. 1–12.

Krawiec 2010a — *Krawiec A.* Ciekawość świata w średniowiecznej Polsce. Studium z dziejów geografii kreacyjnej. Poznań, 2010.

Krawiec 2010b — *Krawiec A.* Jerozolima jako środek świata w średniowiecznej geografii kreacyjnej // Studia Periegetica. 2010. T. 5. S. 85–125.

Krawiec 2010c — *Krawiec A.* Do Jerozolimy, na kraniec świata i dalej. Motyw drogi w „Księdze Jana Mandeville'a" // Mit początku, mit drogi. Analiza historyczna, społeczna i kulturowa / Red. B. Płonka-Syroka, E. Rudolf. Wrocław, 2010.

Kromer 1984 — *Kromer Marcin*. Polska czyli o położeniu, ludności, obyczajach, urzędach i sprawach publicznych Królestwa Polskiego księgi dwie / Przekł. S. Kazikowski, wstęp i oprac. R. Marchwiń-ski. Olsztyn, 1984.

Krzywy 2001 — *Krzywy R.* Od hodoeporikonu do eposu peregry-nackiego. Studium z historii form literackich. Warszawa, 2001.

Krzywy 2013 — *Krzywy R.* Wędrówki z Mnemozyne. Studia o topice dawnego podróżopisarstwa. Warszawa, 2013.

Książę Ernest 2013 — Książę Ernest / Przeł. i oprac. W. Kunicki, wstęp H. Brall-Tuchel. Wrocław, 2013 (Bibliotheca curiosa. T. 18).

Kuchař, Bochenek 1974 — *Kuchař K., Bochenek A.* Tabele współrzęd-nych geograficznych w rękopisie nr 560 Biblioteki Jagiellońskiej // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Geogra-ficzne. 1974. T. 35. S. 37–51.

Kucharski 2007 — *Kucharski A.* Hiszpania i Hiszpanie w relacjach Polaków. Wrażenia z podróży i pobytu od XVI do początków XIX w. Warszawa, 2007.

Kucharski 2014 — *Kucharski A.* Theatrum peregrinandi. Poznawcze aspekty staropolskich podróży w epoce późnego baroku. Toruń, 2014.

Kuczyński 1994 — *Kuczyński A.* Polskie opisanie świata. Studia z dziejów poznania kultur ludowych i plemiennych. T. I: Azja i Afryka. Wrocław, 1994.

Kürbisówna 1953 — *Kürbisówna B.* Kształtowanie się pojęć geogra-ficznych o Słowiańszczyźnie w polskich kronikach przed-długoszowych // Slavia Antiqua. 1953. T. 4. S. 252–282.

Labuda 1954 — *Labuda G.* Słowiańszczyzna pierwotna. Wybór tekstów. Warszawa, 1954 (2-е дополненное издание: Słowiańszczyzna starożytna i wczesnośredniowiecza. Antologia tekstów źródłowych. Poznań, 1999).

Labuda 1961a — *Labuda G.* Źródła, sagi i legendy do najdawniejszych dziejów Polski. Warszawa, 1961 (S. 11–90: Ziemie polskie i nadbałtyckie w opisie Europy króla Alfreda z IX w.).

Labuda 1961b — *Labuda G.* Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny. Warszawa 1961 (S. 5–118: Chorografia Orozjusza w anglosaskim przekładzie króla Alfreda).

Lassota, Beauplan 1972 — Eryka Lassoty i Wilhelma Beauplana opisy Ukrainy / Przekł. Z.Stasiewska, S.Meller, red., wstęp i koment. Z. Wójcik. Warszawa, 1972.

Latini 1992 — *Latini Brunetto.* Skarbiec wiedzy / Przeł. i oprac. M. Frankowska-Terlecka, T. Giermak-Zielińska. Warszawa, 1992.

Le Goff 1981 — *Le Goff J.* La naissance du purgatoire. Paris, 1981.

Le Goff 1997 — *Le Goff J.* Narodziny czyśćca. Warszawa, 1997.

Lelewel 1849–1857 — *Lelewel J.* Géographie du moyen âge. Bruxelles, 1849–1857 (пять томов и атлас) (Reed. Amsterdam, 1967).

Leszczycki 1981 — *Leszczycki S.* Links between Italian and Polish cartography in the 15th and 16th centuries. Wrocław etc., 1981 (Accademia Polacca delle Science. Biblioteca e Centro di Studi a Roma. Conferenze. T. 83).

Lewicka-Rajewska 1981 — *Lewicka-Rajewska U.* Arabskie opisanie Słowian. Źródła do dziejów średniowiecznej kultury. Wrocław, 2004 (Prace etnologiczne. T. 15).

Lewicki 1945–1954 — *Lewicki T.* Polska i kraje sąsiednie w świetle „Księgi Rogera" geografa arabskiego z XII w. al.-Idrīsī'ego. Kraków, 1945. Cz. I (Uwagi ogólne, tekst arabski, tłumaczenie). Warszawa, 1954. Cz. II.

Lewicki 1969 — *Lewicki T.* Arabic external sources for the history of Africa to the south of Sahara. Wrocław etc., 1969.

Liana 1996 — *Liana Z.* Koncepcja logosu i natury w szkole w Chartres. Heurystyczne funkcje chrześcijańskiej koncepcji Logosu w kształtowaniu się nowożytnego pojęcia natury. Analiza dorobku Szkoły w Chartres w perspektywie filozofii nauki. Kraków, 1996.

Liman 1987 — *Liman K.* „Graecia", „Latium", „Campania", „Ruthenia" i inne starożytne pojęcia geograficzne w łacińskich źródłach średniowiecznych // Meander. 1987. R. 42. Z. 9–10. S. 407–420.

Linderski 1964 — *Linderski J.* Alfred the Great and the tradition of ancient geography // Speculum. 1964. Vol. 39. S. 434–439.

Lipko 1973 — *Lipko S.* Nauczanie geografii w okresie Komisji Edukacji Narodowej. Warszawa, 1973.

List popa Jana 1823 — List popa Jana do Manuela Cesarza Greckiego. W wieku XII pisany, z Rękopisma Bibliotek Willanowskiéy // [Hipolit Kownacki]. Kronika Węgierska na początku wieku XII. Kronika Czeska na początku wieku XI. W Łacinskim języku pisane: z tłomaczeniem na Polski język. Tudzież ziemopismo Bedy wieku VIII.

List popa Jana wieku XIII [sic!]. Z rękopismow rożnych Bibliotek. W Warszawie, 1823. S. 146–165.

Łopatecki, Walczak 2011 — *Łopatecki K., Walczak W.* Mapy i plany Rzeczypospolitej XVII w. znajdujące się w archiwach w Sztokholmie. T. 1–2. Atlas Fryderyka Getkanta i atlas Wilhelma Thome: Utländske och Inländske Slott Städer och Fästen. Warszawa, 2011.

Łoposzko 1977 — *Łoposzko T.* Tajemnice starożytnej żeglugi. Gdańsk, 1977.

Łowmiański 1963 — *Łowmiański H.* Początki Polski. T. 1–2. Warszawa, 1963.

Maciej z Miechowa 1978 — *Maciej z Miechowa.* Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej / Wstęp H. Barycz, przekład i komentarz T. Bieńkowski, posłowie W. Voisé. Wrocław etc., 1978.

Malewicz 1980 — *Malewicz M.H.* Zjawiska przyrodnicze w relacjach dziejopisów polskiego średniowiecza. Wrocław etc., 1980 (Monografie z dziejów nauki i techniki. T. 123).

Małuszyński, Olszewicz 1967 — *Małuszyński M., Olszewicz B.* Maciej z Miechowa // Dziewięć wieków geografii polskiej — wybitni geografowie polscy / Red. B. Olszewicz. Warszawa, 1967. S. 25–51.

Małysz 2004 — *Małysz B.* Najstarsza czeska relacja podróżnicza. Poselstwo Jerzego z Podiebradów do Francji w roku 1464 w świetle dziennika Jarosława. Czeski Cieszyn, 2004.

Manikowska 2008 — *Manikowska H.* Jerozolima — Rzym — Compos-tela. Wielkie pielgrzymowanie u schyłku średniowiecza. Wrocław, 2008.

Marchwiński 1997 — *Marchwiński R.T.* Geografia Polski Marcina Kromera. Bydgoszcz, 1997.

Markiewicz 2011 — *Markiewicz A.* Podróże edukacyjne w czasach Jana III Sobieskiego. Peregrinationes Jablonovianae. Warszawa, 2011.

Marko Polo 1954 — *Marko Polo.* Opisanie świata / Przeł. A.L. Czerny, wstęp i przypisy M. Lewicki. Warszawa, 1954 (II wyd. 1975).

Masłowska-Nowak 1990 — *Masłowska-Nowak A.* Amazonki — greckie źródła literackie do historii mitu. Wrocław, 1990.

Mączak 1978 — *Mączak A.* Życie codzienne w podróżach po Europie w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1978.

Mączak 1984 — *Mączak A.* Peregrynacje, wojaże, turystyka. Warszawa, 1984.

Mączak 1998 — *Mączak A.* Odkrywanie Europy. Podróże w czasach renesansu i baroku. Gdańsk, 1998.

Mączak 2000 — *Mączak A.* Viaggi e viaggiatori nell'Europa moderna. Roma; Bari, 2000.

Mistrz Grzegorz 2012 — *Mistrz Grzegorz.* Cudowności miasta Rzymu / Przeł. i oprac. M. Wolf. Wrocław, 2012 (Bibliotheca curiosa. T. 10).

Modelska-Strzelecka 1974a — *Modelska-Strzelecka B.* Globus Jagiel-loński // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Geograficzne. 1974. T. 35. S. 9–35.

Modelska-Strzelecka 1974b — *Modelska-Strzelecka B.* Ze studiów geograficzno-historycznych nad *Liber beneficiorum* Jana Długosza // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Geograficzne. 1974. T. 35. S. 53–90.

Mokrzecki 1983 — *Mokrzecki L.* Początki wiedzy o morzu w dawnej Rzeczypospolitej. Problematyka morska w nauce gdańskiej doby baroku i oświecenia. Wrocław etc., 1983 (Monografie z dziejów nauki i techniki. T. 128).

Mruk 2001 — *Mruk W.* Pielgrzymowanie do Ziemi Świętej w drugiej połowie XIV wieku. Kraków, 2001.

Mruk 2004 — Loca peregrinationis terre sancte. Czternastowieczny przewodnik po Ziemi Świętej / Oprac. W. Mruk. Kraków, [2004].

Nosowski 1974 — *Nosowski J.* Polska literatura polemiczno-antyislamistyczna XVI, XVII i XVIII w. Wybór tekstów i komentarze. Z. 1–2. Warszawa, 1974.

Nowakowski 1965 — *Nowakowski S.* Historia rozwoju horyzontu geograficznego. Warszawa 1965 (I wyd. 1935).

O'Connor 2012 — *O'Connor B.* Historia Polski / Red. P. Hanczewski. Wilanów, 2012.

Obrycki 1984 — Opis świata starożytnego (Orosius, Historia adversum paganos I, 2) / Przeł. K. Obrycki // Vox Patrum. 1984. R. 4. Nr 6–7. 392–409.

Ochmański 1985 — *Ochmański J.* Nieznany autor „Opisu krajów" z drugiej połowy XIII w. i jego wiadomości o Bałtach // Lituano-Slavica Posnaniensia. 1985. T. 1. S. 107–114.

Olszewicz 1957 — *Olszewicz B.* Geografia polska w okresie Odrodze-nia. Warszawa, 1957. (Prace Geograficzne. T. 12).

Olszewicz 1967 — *Olszewicz B.* Joachim Lelewel // Dziewięć wieków geografii polskiej — wybitni geografowie polscy / Red. B. Olszewicz. Warszawa, 1967. S. 213–229.

Olszewicz 1971 — *Olszewicz B.* Dorobek polskiej historii geografii i kartografii w latach 1945–1969. Warszawa, 1971.

Olszewicz 2004 — *Olszewicz B.* Kartografia polska XV–XVII w. Przegląd chronologiczno-bibliograficzny / Do druku przygotował J. Ostrowski. Warszawa, 2004.

Orłowska 2000 — *Orłowska E.* Geografia regionalna w kulturze arabsko-muzułmańskiej (VIII–XIV w.). Wrocław, 2000.

Pawlak 1988 — *Pawlak M.* Studia uniwersyteckie młodzieży z Prus Królewskich w XVI–XVIII w. Toruń, 1988.

Pawłowski 1988 — *Pawłowski K.* Mistrz Grzegorz i jego „Narracio de mirabilibus urbis Romae" // Meander. 1988. R. 43. S. 411–436.

Pentek 2010 — *Pentek Z.* Arabskie piśmiennictwo podróżnicze doby klasycznej. Krótki przegląd // Studia Periegetica. 2010. T. 4. S. 43–52.

Peregrinationes 1995 — Peregrinationes. Pielgrzymki w kulturze dawnej Europy / Red. H. Manikowska, H. Zaremska. Warszawa 1995 (Colloquia Mediaevalia Varsoviensia. T. 2).

Pertek 1957 — *Pertek J.* Polacy na szlakach morskich świata. Gdańsk, 1957.

Pertek 1981 — *Pertek J.* Polacy na morzach i oceanach. Poznań, 1981. T. 1. Do roku 1795.

Petrarka 2009 — *Petrarka Francesco*. Pisma podróżnicze / Przeł. i oprac. W. Olszaniec. Warszawa, 2009 (Biblioteka Renesansowa. T. 2).

Pielgrzymki w kulturze średniowiecznej Europy 1993 — Pielgrzymki w kulturze średniowiecznej Europy. Materiały XIII Seminarium Mediewistycznego / Red. J.Wiesiołowski. Poznań, 1993.

Pietrzyk 1997 — *Pietrzyk Z.* W kręgu Strasburga. Z peregrynacji młodzieży z Rzeczypospolitej polsko-litewskiej w latach 1538–1621. Kraków, 1997.

Pietrzyk 2005 — Peregrynacja Jana Heidensteina przez Belgię, Francję i Włochy w roku 1631 zaczęta a w roku 1634 zakończona / Wyd. i oprac. Z. Pietrzyk, tłum. A. Golik-Prus. Kraków, 2005.

Pigafetta 1992 — *Pigafetta Antonio.* Relacja z wyprawy Magellana dookoła świata / Przeł. J. Szymanowska, oprac. B. Nowak. Gdańsk, 1992.

Pikus 1981 — *Pikus T.* Próba rekonstrukcji „Itinerarium" Egerii na podstawie „De locis sanctis" Piotra Diakona // Meander. 1981. R. 36. S. 495–507.

Pilsztynowa 1957 — *Pilsztynowa Regina Salomea z Rusieckich*. Proceder podróży i życia mego awantur / Red. R. Polak, oprac. M. Pełczyński. Kraków, 1957.

Pizkozub 1994 — *Pizkozub A.* Opływanie Ziemi. Gdańsk, 1994.

Pizarro 1995 — *Pizarro Pedro*. Relacja o odkryciu i podboju królestwa Peru / Przeł. Maria Mróz, oprac. Marcin Mróz. Gdańsk, 1995.

Platerowa 2013 — *Platerowa Katarzyna z Sosnowskich*. Moja podróż do Włoch. Dziennik z lat 1785–1786 / Przeł. A. Pikor-Półtorak, oprac. M.E. Kowalczyk. Łomianki, 2013.

Plezia 1952a — *Plezia M.* Neurowie w świetle historiografii starożytnej // Przegląd Zachodni. 1952. T. 8. Nr 5–6. S. 247–268.

Plezia 1952b — Greckie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów Słowian. Cz. I (do VIII w.) / Przekł. i oprac. M. Plezia. Poznań; Kraków, 1952.

Plezia 1959–1960 — *Plezia M.* Hekatajos über die Völker am Nordrand des skythischen Schwarzmeergebietes // Eos. 1959–1960. T. 50. Z. 1. S. 27–42.

Plezia 1970 — *Plezia M.* L'apport de la Pologne à l'exploration de l'Asie Centrale au milieu du XIIIe s. // Acta Poloniae Historica. 1970. T. 22. S. 18–35.

Podbielski 2005 — *Podbielski H.* Periegeza i jej przedstawiciele // Literatura Grecji starożytnej / Red. H. Podbielski. 2005. T. 2. S. 153–164.

Polska na starych mapach 1977 — *Krassowski B., Kublin L., Madej J., Szaniawska L.* Polska na starych mapach. Katalog wystawy. Warszawa, 1977.

Pomponiusza Meli Chorographia 2011 — Pomponiusza Meli Chorogra-phia czyli Opis Kręgu Ziemi / Red. S. Szarypkin, K.T. Witczak. Piotrków Trybunalski, 2011.

Poppe 1973 — *Poppe A.* Pielgrzymka ihumena Daniela do Ziemi Świętej. Uwagi na marginesie reedycji // Studia Źródłoznawcze. 1973. T. 18. S. 213–216.

Portolana 2007 — Portolana. Vol. 3. Mare apertum. Przepływ idei, ludzi i rzeczy w świecie śródziemnomorskim / Red. D. Quirini-Popławska. Kraków, 2007 (Studia Mediterranea).

Poselstwo Rafała Leszczyńskiego 1998 — Poselstwo Rafała Leszczyńskiego do Turcji w 1700 roku. Diariusze i inne materiały / Oprac. I. Czamańska (współpraca D. Zydorek). Leszno, 1998.

Prejs 1999 — *Prejs M.* Egzotyzm w literaturze staropolskiej. Wybrane problemy. Warszawa, 1999.

Przyboś 1977 — Podróż królewicza Władysława Wazy do krajów Europy Zachodniej w latach 1624–1625 w świetle ówczesnych relacji / Oprac. A. Przyboś. Kraków, 1977.

Przyboś 1985 — Wielka legacja Wojciecha Miaskowskiego do Turcji w 1640 r. / Oprac. A. Przyboś. Warzawa; Kraków, 1985.

Puckalanka — *Puckalanka U.* Nieznana mapka świata w polskim rękopisie XV wieku // Studia i Materiały z Dziejów Nauki Polskiej. Ser. C. 1968. T. 13. S. 3–10.

Quirini-Popławska 1993 — *Quirini-Popławska D.* Udział Wenecjan w odkrywaniu i poznawaniu nowych lądów (XIII–XV w.) // Europa-Ameryka od X do XX w. W pięćsetną rocznicę pierwszej wyprawy Krzysztofa Kolumba / Red. K. Baczkowski. Kraków, 1993. S. 19–34

(Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Historyczne. T. 108).

Radzikowski 1996 — Opisanie podróży Mikołaja von Popplau rycerza rodem z Wrocławia / Ed. P. Radzikowski. Kraków, 1996.

Radzikowski 1998 — Reisebeschreibung Niclas von Popplau, Ritters bürtig von Breslau. Kraków, 1998.

Roger Bacon 2006 — *Roger Bacon*. Dzieło Większe (Opus Maius) / Przeł. i oprac. T. Włodarczyk. Kęty, 2006.

Rostropowicz 1988 — *Rostropowicz J.* Apolloniosa z Rodos epos o Argonautach. Opole, 1988.

Rott 1993 — *Rott D.* Daniel Vetter i jego „Opisanie wyspy Islandyji". Studium z dziejów staropolskiego podróżopisarstwa. Katowice, 1993.

Rott 1995 — *Rott D.* Staropolskie chorografie. Początki — rozwój — przemiany gatunku. Katowice, 1995.

Rymar 2004 — *Rymar E.* Wielka podróż wielkiego księcia. Wyprawa Bogusława X Pomorskiego na niemiecki dwór królewski, do Ziemi Świętej i Rzymu (1496–1498). Szczecin, 2004.

Sajkowski 1973 — *Sajkowski A.* Włoskie przygody Polaków. Wiek XVI–XVIII. Warszawa, 1973.

Sajkowski 1991 — *Sajkowski A.* Opowieści konkwistadorów, pielgrzy-mów i innych świata ciekawych. Poznań, 1991.

Samotrzeć 2012 — Samotrzeć, w kompanii czy z orszakiem? Społeczne aspekty podróżowania w średniowieczu i w czasach nowożytnych / Red. M. Saczyńska, E. Wółkiewicz. Warszawa, 2012.

Schnayder 1955 — *Schnayder E.* O mapie antycznej // Meander. 1955. R. 10. Z. 6–7. S. 308–319.

Schnayder 1974 — *Schnayder E.* Mapa Vinlandu fałszem stulecia? // Polski Przegląd Kartograficzny. 1974. T. 4. S. 161–173.

Schnayder 1979 — *Schnayder E.* Mapy świata (mappae mundi) w łacińskich rękopisach średniowiecznych Biblioteki Jagiellońskiej w Krakowie. Wiadomość wstępna // Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej. 1979. T. 29. S. 19–42.

Schnayder 1982 — *Schnayder E.* Trzy polskie lub z Polską związane mapy świata („mappae mundi") na tle zawierających je łacińskich kodeksów średniowiecznych // Zeszyty Naukowe Akademii Górniczo-Hutniczej im. Stanisława Staszica. Geodezja. 1982. T. 74. S. 33–64.

Schnayder 1946 — *Schnayder J.* Periegeza w literaturze greckiej. Powstanie i rozwój gatunku. Kraków, 1946.

Schnayder 1950 — *Schnayder J.* De periegetorum Graecorum reliquiis, Łódź, 1950.

Schulz 1956 — *Schulz Fryderyk.* Podróże Inflantczyka z Rygi do Warszawy i po Polsce w latach 1791–1793 / Przeł. J.I. Kraszewski, oprac. W. Zawadzki. Warszawa, 1956.

Sielicki 1975 — *Sielicki F.* Podróż bojarzyna Borysa Szeremetiewa przez Polskę i Austrię do Rzymu oraz na Maltę 1697–1698. Z dziejów kontaktów kulturalnych Rusi Moskiewskiej z Polską i Zachodem. Wrocław etc., 1975.

Skylaks z Karyandy 2005 — Skylaks z Karyandy. Periplus / Przekład, wstęp i komentarz K. Głombiowski. Gdańsk, 2005.

Słabczyńscy 1992 — *Słabczyńscy W. i T.* Słownik podróżników polskich. Warszawa, 1992.

Słabczyński 1973 — *Słabczyński W.* Polscy podróżnicy i odkrywcy. Warszawa, 1973 (2 wyd. 1988).

Sokolski 1990 — *Sokolski J.* Staropolskie zaświaty. Wrocław, 1990.

Sokolski 1995 — *Sokolski J.* Pielgrzymi do piekła i raju. Świat średniowiecznych łacińskich wizji eschatologicznych. Wrocław, 1995. T. 1.

Soszyński 2001 — *Soszyński J.* Between the Middle Ages and the Renaissance: the Wilanów Manuscript Reconsidered // Mediaevalia Philosophica Polonorum. 2001. T. 34. S. 199–206.

Soszyński 2002 — *Soszyński J.* List Księdza Jana i jego średniowieczne przekazy rękopiśmienne w zbiorach polskich // Z badań nad polskimi księgozbiorami historycznymi. Studia i materiały. 2002. T. 20. S. 7–15.

Starowieyski 1978 — *Starowieyski M.* Itinerarium Egeriae // Meander. 1978. R. 33. S. 93–108, 133–145.

Starowieyski 1993 — *Starowieyski M.* Pielgrzymki do Ziemi Świętej w wiekach II–IV a Biblia // Bobolanum. 1993. T. 4. S. 146–160.

Starowieyski 1995 — *Starowieyski M.* Pielgrzymka Egerii // Peregrinationes. Pielgrzymki w kulturze dawnej Europy / Red. H. Manikowska, H. Zaremska. Warszawa 1995. S. 89–97 (Colloquia Mediaevalia Varsoviensia. T. 2).

Staszewski 1955 — *Staszewski J.* Nazwa Europy i Azji. Kartka z dziejów geografii starogreckiej // Przegląd Geograficzny. 1955. T. 28. S. 311–324, mapy.

Staszewski 1959 — *Staszewski J.* Rodowód miana geografii a Ptolemeusz // Przegląd Geograficzny. 1959. T. 31. S. 235–249.

Staszewski 1960 — *Staszewski J.* Środowisko geograficzne w nauce antycznej // Zeszyty Geograficzne WSP w Gdańsku. 1960. Z. 2. S. 7–44.

Staszewski 1960 — Chorografia Jerzego Joachima Retyka / Wstęp i przekład J. Staszewski // Zeszyty Geograficzne WSP w Gdańsku. 1961. T. 3. S.153–176.

Staszewski 1961 — *Staszewski J.* Początek idei kulistości Ziemi // Przegląd Geograficzny. 1961. T. 33. S. 187–201.

Staszewski 1962 — *Staszewski J.* Polska i Bałtyk na mapie świata z Ebstorfu // Zeszyty Geograficzne WSP w Gdańsku. 1962. T. 4. S. 229–236.

Staszewski 1966a — *Staszewski J.* Mappa mundi z Ebstorfu jako źródło wiedzy geograficznej średniowiecza // Przegląd Geograficzny. 1966. T. 38. S. 183–190.

Staszewski 1966b — *Staszewski J.* Historia nauki o Ziemi w zarysie. Warszawa, 1966.

Stebnowski 1960 — *Stebnowski J.* Rozwój kartografii wobec zagadnień wojskowych w starożytności // Studia i materiały do historii wojskowości. 1960. T. 6/2. S. 3–56 (первая публикация работы в: Wiadomości Służby Geograficznej. 1934. Z. 3).

Steffen 1964 — *Steffen W.* Stare i nowe elementy w „Wyprawie Argonautów" Apolloniusza z Rodos // Meander. 1964. R. 19. Z. 2–3. S. 77–87.

Stein 1969 — *Stein B.* Zwięzły opis Ziemi Śląskiej (Silesitane terre succincta descriptio) / Tłum., wstęp i komentarz F. Ilków // Rocznik Teologiczny Śląska Opolskiego 1968 (1969). T. 1. S. 11–60.

Stelmach 1991 — *Stelmach M.* Historia kartografii Pomorza Zachodniego do końca XVIII wieku. Szczecin, 1991.

Stopka 1987 — *Stopka K.* Misja wewnętrzna na Litwie w czasach Mendoga a zagadnienie autorstwa „Descriptiones terrarum" // Nasza Przeszłość. 1987. T. 68. S. 247–262.

Strzelczyk 1970a — *Strzelczyk J.* Odkrywanie Europy. Warszawa, 1970 (2 wyd. Poznań 2000; перевод на словацкий язык: Objavovanie Európy. Bratislava, 1975).

Strzelczyk 1970b — *Strzelczyk J.* Gerwazy z Tilbury. Studium z dziejów uczoności geograficznej w średniowieczu. Wrocław etc., 1970 (Monografie z dziejów nauki i techniki. T. 66).

Strzelczyk 1973 — *Strzelczyk J.* Dicuil (VIII–IX w.). Życie, działalność pisarska oraz miejsce w historii geografii średniowiecznej // Studia z dziejów geografii i kartografii / Red. J. Babicz. Wrocław, 1973. S. 263–288 (перепечатано в кн.: Strzelczyk 2004a. S. 113–137).

Strzelczyk 1974 — *Strzelczyk J.* Uwagi o kartografii średniowiecznej // Problemy nauk pomocniczych historii. Materiały na III konferencję

poświęconą naukom pomocniczym historii. Katowice, 1974. S. 97–118 (перепечатано в кн.: Strzelczyk 2004a. S. 48–64, 290–291).

Strzelczyk 1987 — *Strzelczyk J.* Święty Brendan i jego Żegluga // Nurt. 1987. Nr 5. S. 26–29; nr 6. S. 25–28 (перепечатано в кн.: Strzelczyk 2004a. S. 162–185, 294).

Strzelczyk 1988a — *Strzelczyk J. Opis krajów*: nowe źródło do dziejów wieków średnich i chrystianizacji ludów nadbałtyckich // Życie i Myśl. 1988. T. 36. Z. 3–4. S. 59–68 (перепечатано в кн.: Strzelczyk 2004a. S. 206–216, 296).

Strzelczyk 1988b — *Strzelczyk J.* Z nowszych prac o wiedzy geogra-ficznej w średniowieczu // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1988. T. 33. Z. 2. S. 439–483.

Strzelczyk 1988b — *Strzelczyk J.* Der Prozeß der Aktualisierung Polens und Osteuropas im Verständnis der gelehrten Kreise des 13. Jahrhunderts (mit besonderer Berücksichtigung der *Otia imperialia* des Gervasius von Tilbury und der Ebstorfer Weltkarte) // Ein Weltbild vor Columbus. Die Ebstorfer Weltkarte, Interdisziplinäres Colloquium 1988 / Hrsg. von H. Kugler; E. Michael. Weinheim, 1991. S. 146–166 (на польском языке в кн.: Strzelczyk 2004a. S. 186–205, 294–296).

Strzelczyk 1992 — Żegluga Świętego Brendana opata (Navigatio sancti Brendani abbatis) / Przeł. I. Lewandowski, oprac. J. Strzelczyk. Poznań, 1992.

Strzelczyk 1993a — *Strzelczyk J.* Drogi i bezdroża wiedzy o świecie w Europie wczesnośredniowiecznej. Aethicus z Istrii i jego *Kosmografia* // Kwartalnik Historyczny. 1993. T. 100. Z. 4. S. 5–25 (перепечатано в кн.: Strzelczyk 2004a. S. 65–84, 291–292).

Strzelczyk 1993b — Spotkanie dwóch światów. Stolica Apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku. Relacje powstałe w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongołów / Red. i ed. J. Strzelczyk. Poznań, 1993.

Strzelczyk 1994 — *Strzelczyk J.* Stolica Apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku // Bitwa legnicka. Historia i tradycja / Red. W. Korta. Wrocław; Warszawa, 1994. S. 55–82 (перепечатано в кн.: Strzelczyk 2004a. S. 217–242, 296–297).

Strzelczyk 1995 — *Strzelczyk J.* Społeczne aspekty iroszkockiej *peregrinatio* // Peregrinationes. Pielgrzymki w kulturze dawnej Europy / Red. H. Manikowska, H. Zaremska. Warszawa 1995. S. 39–50 (Colloquia Mediaevalia Varsoviensia, 2) (перепечатано в кн.: Strzelczyk 2004a. S. 36–47, 289–290).

Strzelczyk 1995 — *Strzelczyk J.* Granice wyobraźni na Wschodzie // Wyobraźnia średniowieczna / Red. T. Michałowska. Warszawa, 1996.

S. 65–103 (перепечатано в кн.: Strzelczyk 2004a. S. 85–112, 292–293).

Strzelczyk 1996 — *Strzelczyk J.* Willibalda podróż do Italii, Ziemi Świętej i Bizancjum // Meander. 1996. R. 51. Z. 11–12. S. 607–632 (перепечатано в кн.: Strzelczyk 2004a. S.138–161, 293–294).

Strzelczyk 2002a — *Strzelczyk J.* „Contra naturam?" Czwarty kontynent i problem antypodów w starożytności i średniowieczu // Czas kultury (Poznań), 2002. T. 18. Nr 2. S. 10–24.

Strzelczyk 2002b — *Strzelczyk J. Imago mundi Ebstorfiensis.* Wokół problematyki największej z średniowiecznych map świata // Imago narrat. Obraz jako komunikat w społeczeństwach europejskich / Red. S. Rosik, P. Wiszewski. Wrocław 2002 (recte: 2003). S. 11–27 (Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia. T. 161).

Strzelczyk 2004a — *Strzelczyk J.* Średniowieczny obraz świata. Poznań, 2004.

Strzelczyk 2004b — *Strzelczyk J.* Europa Środkowowschodnia w erudycji geograficznej średniowiecza // Kolory i struktury średniowiecza / Red. W. Fałkowski. Warszawa, 2004. S. 201–211; wydanie 1 poprawione s. 217–226.

Strzelczyk 2004c — *Strzelczyk J.* Mapa w średniowieczu. Uwagi o stanie badań i średniowiecznym pojmowaniu map // Ad fontes. O naturze źródła historycznego / Red. S. Rosik, P. Wiszewski. Wrocław, 2004 (recte: 2005). S.107–121 (Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia. T. 170).

Strzelczyk 2006 — W poszukiwaniu królestwa kapłana Jana / Oprac. J. Strzelczyk. Gdańsk, 2006.

Strzelczyk 2012 — *Strzelczyk J.* Sprawozdania z podróży nierzeczy-wistych // Historia narrat. Studia mediewistyczne ofiarowane prof. Jackowi Banaszkiewiczowi / Lublin 2012. S. 221–226.

Strzelecka 1960 — *Strzelecka B.* Odrodzenie „Geografii" Ptolemeusza w XV w. Tradycja kartograficzna // Czasopismo Geograficzne. 1960. T. 31. S. 343–355.

Studia Boymiana 2004 — Studia Boymiana / Red. A.W. Mikołajczak, M. Miazek. Gniezno, 2004.

Studia Periegetica 2008 — Studia Periegetica. Z. 2: Podróże, drogi i szlaki kulturowe / Red. A.M. Wyrwa. Poznań, 2008.

Studia Periegetica 2010a — Studia Periegetica. Z. 4: Dziedzictwo kulturowe, historyczne podróżowanie i współczesne aspekty turystyki / Red. A.M. Wyrwa. Poznań, 2010.

Studia Periegetica 2010b — Studia Periegetica. Z. 5: Turystyka w kraju i za granicą. Wybrane problemy / Red. R. Mielcarek. Poznań, 2010.

Studia z dziejów geografii i kartografii 1973 — Studia z dziejów geografii i kartografii / Red. J. Babicz. Wrocław etc., 1973 (Monografie z dziejów nauki i techniki. T. 87).

Szeliga 1982 — *Szeliga J.* Rozwój kartografii Wybrzeża Gdańskiego do 1772 r. Wrocław, 1982.

Szelińska 1980 — *Szelińska W.* Chorografia Regni Poloniae Jana Długosza. Kraków, 1980.

Szkice z dziejów polskiej orientalistyki 2010 — Szkice z dziejów polskiej orientalistyki. T. 5 / Red. T. Majda. Warszawa, 2010.

Szołdrski 1970 — Eteria, Pielgrzymka do miejsc świętych / Tłum. W. Szołdrski. Warszawa, 1970 (Pisma starochrześcijańskich pisarzy. T. 6).

Szulc 2006 — *Szulc A.* Anzelma Polaka pobożny obraz świata. O *Opisaniu Ziemi Świętej* jako zwierciadle późnośredniowiecznej mentalności // Cognitioni gestorum. Studia z dziejów średnio-wiecza dedykowane Prof. Jerzemu Strzelczykowi / Red. D.A. Si-korski, A.M. Wyrwa. Poznań; Warszawa, 2006. S. 561–569.

Ślęczka 2003 — *Ślęczka T.* Aleksander Macedoński w literaturze staropolskiej. Wrocław, 2003.

Tacyt 2008 — *Tacitus P. Cornelius*. Germania / Przekład T. Płóciennik, wstęp i komentarz J. Kolendo / Poznań, 2008.

Targosz 1985 — *Targosz K.* Jana Sobieskiego nauki i peregrynacje. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1985.

Tazbir 1973 — *Tazbir J.* Rzeczpospolita szlachecka wobec wielkich odkryć. Warszawa, 1973.

Tazbir 1997 — *Tazbir J.* Sarmaci o Abisynii: stereotypy i wiedza // Odrodzenie i Reformacja w Polsce 1997. T. 41. S. 89–110.

Tazbir 2001 — *Tazbir J.* Sarmaci i świat (Prace wybrane, 3). Kraków 2001.

Testimonia najdawniejszych dziejów Słowian 1989–2013 — Testimonia najdawniejszych dziejów Słowian. Ser. grecka. Z. 2: Pisarze z V–X w. / Wyd. A. Brzóstkowska, W.Swoboda. Wrocław etc., 1989; z. 3: Pisarze z VII–X w. / Wyd. A. Brzóstkowska, W. Swoboda. Warszawa, 1995; z. 4: Pisarze z VIII–XII w. / Wyd. A. Brzóst-kowska, W. Swoboda. Warszawa, 1997; z. 5: Pisarze z X w. / Wyd. A. Brzóstkowska. Warszawa, 2009; z. 6: Pisarze wieku XI / Tłum. i komentarz A. Kotłowska, współpraca A. Brzóstkowska. Warszawa, 2013.

Trzymajmy się morza 1985 — Trzymajmy się morza. Problemy morza w opinii Rzeczypopolitej XVIII wieku / Wybór i oprac. E. Kotarski. Gdańsk, 1985.

Tygielski 2000 — *Tygielski W.* Dyplomacja — informacja — propagan-da. Podróż Luigiego Bevilacqua, posła toskańskiego na dwory europejskie w 1609 r. Warszawa, 2000.

Tygielski 2005 — *Tygielski W.* Włosi w Polsce XVI–XVII wieku. Utracona szansa na modernizację. Warszawa, 2005.

Tymieniecki 1951 — *Tymieniecki K.* Ziemie polskie w starożytności. Ludy i kultury najdawniejsze. Poznań, 1951.

Tyszkiewicz 1990 — *Tyszkiewicz L.A.* Słowianie w historiografii antycznej do połowy VI w. Wrocław, 1990.

Tyszkiewicz 1991 — *Tyszkiewicz L.A.* Słowianie w historiografii wczesnego średniowiecza od połowy VI do połowy VII w. Wrocław, 1991.

Ulewicz 1950 — *Ulewicz T.* Sarmacja. Studia z problematyki słowiań-skiej XV i XVI w. Kraków, 1950 (II wyd. 2006).

Urbański 2007 — *Urbański R.* Tartarorum gens brutalis. Trzynasto-wieczne najazdy mongolskie w literaturze polskiego średniowiecza na porównawczym tle piśmiennictwa łacińskiego antyku i wieków średnich. Warszawa 2007 (Studia Staropolskie. Ser. nova. T. 15 [71]).

Velho 1996 — *Velho Alvaro*. Relacja z wyprawy Vasco da Gamy do Indii / Przeł. E. Milewska, oprac. J. Kieniewicz. Gdańsk, 1996.

Walaszek 1980 — Trzy relacje z polskich podróży na Wschód muzułmański w pierwszej połowie XVII wieku / Wyd. i oprac. A. Walaszek. Kraków, 1980.

Warnka 1878 — *Warnka S.* Joachima Lelewela zasługi na polu geografii. Poznań, 1878.

Wasilewska-Dobkowska 2006 — *Wasilewska-Dobkowska J.* Pióropusze i turbany. Wizerunek mieszkańców Azji w sztuce jezuitów polskich XVII i XVIII wieku. Warszawa, 2006.

Waśko 1993 — *Waśko A.* Czy koniec mitu Winlandii? // Europa-Ameryka od X do XX w. W pięćsetną rocznicę pierwszej wyprawy Krzysztofa Kolumba / Red. K. Baczkowski. Kraków, 1993. S. 7–18 (Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Historyczne. T. 108).

Wenta 2001 — *Wenta J.* Do Goga z Magog. Głos w sprawie autorstwa „Descriptiones terrarum" // Drogą historii. Studia ofiarowane prof. Józefowi Szymańskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Lublin, 2001. S. 31–39.

Wernerowa 1978 — *Wernerowa W.* Bibliografia polskiej historii geografii i kartografii 1970–1975. Wrocław, 1978.

Wernerowa 1982 — *Wernerowa W.* Bibliografia polskiej historii geografii i kartografii 1976–1980. Wrocław, 1982.

Wernerowa 1986 — *Wernerowa W.* Bibliografia polskiej historii geografii i kartografii 1981–1985. Wrocław, 1986.

Wernerowa 1992 — *Wernerowa W.* Bibliografia polskiej historii geografii i kartografii 1986–1990. Warszawa, 1992.

Wilczyński 1996 — *Wilczyński W.* Idea przyrody w historii myśli geograficznej. Wyd. II. Kielce, 1996.

Wilhelm z Rubruk 2007 — *Wilhelm z Rubruk.* Opis podróży. Przeł. M. Olszewski. Kęty, 2007.

Winiarczyk 2006 — *Winiarczyk M.* Das Werk *Peri Hyperboreon* des Hekataios von Abdera (FgrHist 264 F 7–14). Forschungsgeschichte (1848–2005) und Interpretationsversuch // Eos. 2006. T. 93. Z. 1. S. 26–54.

Winiarczyk 2009 — *Winiarczyk M.* Die indischen Weisen bei den Alexanderhistorikern // Eos. 2009. T. 96. Z. 1. S. 29–77.

Winiarczyk 2010 — *Winiarczyk M.* Utopie w Grecji hellenistycznej. Wrocław, 2010 (Acta Universitatis Wratislaviensis. Antiquitas. T. 32).

Wirski 1998 — *Wirski A.* Polska i Polacy w „Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum" Adama z Bremy // Szlachta, starostowie, zaciężni / Red. B. Śliwiński. Gdańsk; Koszalin, 1998. S. 375–395.

Witkowska 1974 — *Witkowska A.* Z zagadnień "peregrinationis religiosae" w średniowiecznej Europie // Roczniki Humanistyczne. 1974. Z. 2. S. 33–46.

Witkowska 2009 — *Witkowska A.* Sancti — Miracula — Peregrinatio-nes. Wybór tekstów z lat 1974–2008. Lublin, 2009.

Witkowski 1995 — *Witkowski G.* Opis wysp Północy Adama Bremeńskiego jako dzieło etnogeografii wczesnośredniowiecznej // Studia z dziejów Europy Zachodniej i Śląska / Red. R. Żerelik. Wrocław, 1995. S. 9–43.

Witkowski 2008 — *Witkowski R.* Księga podróży Beniamina z Tudeli z końca XII wieku // Studia Periegetica. 2008. T. 2. S. 33–54.

Witkowski 1927 — *Witkowski S.* Historiografia grecka i nauki pokrewne (chronografia, biografia, etnografia, geografia). Kraków, 1927. T.3.

Wolański 2002 — *Wolański F.* Europa jako punkt odniesienia dla postrzegania przestrzeni geograficznej przez szlachtę polską osiemnastego wieku w świetle relacji podróżniczych i geograficznych. Wrocław, 2002.

Wolska 1962 — *Wolska (Wolska-Conus) W.* La Topographie Chrétienne de Cosmas Indicopleustès. Théologie et science au VIe siècle. Paris, 1962.

Wolska-Conus 1968 — Cosmas Indicopleustès, Topographie Chrétienne / Introduction, texte critique, illustration, traduction et notes par W. Wolska-Conus. Paris 1968, 1970, 1973. 3 vols. (Sources Chrétiennes. T. 141, 159, 197).

Wolska-Conus 1973 — *Wolska-Conus W.* Deux contributions à l'histoire de la géographie. 1. La Diagnósis Ptoléméenne: date et lieu de composition; 2. La "carte de Théodose II": sa destination? // Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. Travaux et Mémoires. 1973. T. 5. P. 259–279.

Wolska-Conus 1976 — *Wolska-Conus W.* Geographie // Reallexikon für Antike und Christentum. Stuttgart, 1976. Bd. 10. Sp. 155–222.

Wolska-Conus 1990 — *Wolska-Conus W.* La „Topographie chrétienne" de Cosmas Indicopleustès: hypothèses sur quelques thèmes de son illustration // Revue des études byzantines. 1990. No. 48. P. 155–191.

Wróbel 2005 — *Wróbel M.* Geografia grecka // Literatura Grecji staro-żytnej / Red. H. Podbielski. 2005. T. 2. S. 123–152.

Wróblewski 1977 — *Wróblewski R.* Znajomość Ameryki w Polsce okresu Odrodzenia. Warszawa, 1977.

Wrześniak 2010 — *Wrześniak M.* Roma Sancta, Fiorenca Bella. Dzieła sztuki w diariuszach polskich podróżniuków do Włoch w XVI i XVII w. Warszawa, 2010.

Wrześniak 2013 — *Wrześniak M.* Florencja-muzeum. Miasto i jego sztuka w oczach polskich podróżników. Kraków, 2013.

Zaborski 1998 — Wspaniały świat Oceanu Indyjskiego Sulajmana Kupca Abū Zajda as-Sīrāfīego i Buzurga Ibn Šahrijāra. Od litera-tury faktu do przygody i fantastyki (IX–X w.) / Przekł i oprac. A. Zaborski. Kraków, 1998.

Zaborski 2008 — Ibrahim Ibn Jakub i Tadeusz Kowalski. Materiały z konferencji naukowej Kraków 10 maja 2006 r. / Red. A. Zabor-ski. Kraków, 2008.

Zalewska-Lorkiewicz 1997 — *Zalewska-Lorkiewicz K.* Ilustrowane mappae mundi jako obraz świata. Średniowiecze i początek okresu nowożytnego. Warszawa, 1997. Иллюстрации [Ilustracje] опубликованы отдельным томом.

Ziemia Święta w rzeczywistości i legendzie średniowiecza 1996 — Ziemia Święta w rzeczywistości i legendzie średniowiecza. Materiały XVI Seminarium Mediewistycznego / Red. J. Wiesio-łowski (współpraca J. Kowalski). Poznań, 1996.

Zientara 2001 — *Zientara W.* Sarmatia Europiana oder Sarmatia Asiana? Polen in den deutschsprachigen Druckwerken des 17. Jahrunderts. Toruń, 2001.

Zins 1974 — *Zins H.* Polska w oczach Anglików XIV–XVI w. Warszawa, 1974.

Żerelik 1995 — Bartłomieja Steina renesansowe opisanie Wrocławia. Die Beschreibung der Stadt Breslau der Renaissancezeit durch Bartholomäus Stein / Oprac. R. Żerelik. Wrocław, 1995.

Żołądź-Strzelczyk 1996 — *Żołądź-Strzelczyk D.* Peregrinatio academica. Studia młodzieży polskiej z Korony i Litwy na akademiach i uniwersytetach niemieckich w XVI i pierwszej połowie XVII w. Poznań, 1996.

Źródła arabskie 1956–1988 — Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław; Kraków 1956. T. 1 / Wyd. i oprac. T. Lewicki; Wrocław etc., 1969. T. 2. Cz. 1 / Wyd. T. Lewicki; Wrocław etc., 1977. T. 2. Cz. 2 / Wyd. T. Lewicki (współpraca M. Czapkiewicz, A. Kmietowicz, F. Kmietowicz); Wrocław etc., 1985. T. 3 / Oprac. A. Kmietowicz, F. Kmietowicz, T. Lewicki; Wrocław etc., 1988. T. 4 (Indeksy do tomów 2 i 3) / Oprac. T. Lewicki, M. Czapkie-wicz, F. Kmietowicz.

Źródła hebrajskie 1956 — Źródła hebrajskie do dziejów Słowian i niektórych innych ludów środkowej i wschodniej Europy. Wyjątki z pism religijnych i prawniczych XI–XIII w. / Oprac. i wyd. F. Kupfer, T. Lewicki. Wrocław; Warszawa, 1956.

А.В. Подосинов

ОСТРОВА В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ОТ ГОМЕРА ДО ИОРДАНА*

Аннотация: Статья посвящена анализу представлений античных авторов об островах в Балтийском море. Первый мифологический этап освоения Балтийского моря был связан с космологическими умозрительными теориями греков периода архаики, в которых Земля представлялась окруженной со всех сторон рекой-океаном. Именно во время океанических плаваний античных героев, в частности, Одиссея впервые описываются острова Северного Океана, которые еще имеют фантастический, сказочный характер и при этом оказываются вратами в иной мир (острова лестригонов, Кирки и киммерийцев). После плавания на север Европы греческого путешественника IV в. до н.э. Пифея из Массалии начинается настоящее знакомство с акваторией Балтийского моря, закончившееся открытием Скандинавии, правда, сначала как острова. В статье прослеживается освоение Балтики и ее островов вплоть до раннего средневековья (Иордан).

Ключевые слова: острова Балтики в античности, Гомер, Пифей из Массалии, Помпоний Мела, Плиний, Птолемей, Иордан.

Inmanis sinus, qui Codanus vocatur,
refertus insulis, quarum clarissima est
Scatinavia incopertae magnitudinis.
(Plinius, Historia Naturalis IV. 96[1])

* Статья написана при финансовой поддержке РНФ (проект № 14-18-02121).

[1] «…Огромный залив под названием Кодан, наполненный островами, из которых наиболее знаменита Скатинавия, неведомая по величине» (все переводы из Плиния Старшего и Помпония Мелы даются по книге: Подосинов, Скржинская 2011).

В приведенных в эпиграфе словах римского энциклопедиста второй половины I в. н.э. Плиния Старшего об островах в Балтийском море сказано практически все, о чем я собираюсь рассказать в данной статье, а именно: 1) в античности знали Балтийское море; 2) в Балтийском море было известно множество островов; 3) наиболее знаменитый из них — остров Скандинавия (Скатинавия) и 4) этот остров очень большой. Тем не менее представляется интересным хотя бы бегло проследить историю знакомства античных авторов с балтийскими островами от Гомера до Иордана.

Известно, что Балтийское море долгое время в античности и раннем средневековье воспринималось как часть Северного океана, который окружал всю Землю[2]. Именно западная часть этого океана, собственно европейская, а значит, Балтийская, была с древности объектом космологических и спекулятивных построений и — позже — реального изучения греками и римлянами.

***

Уже у Гомера Одиссей совершает океаническое плавание в Северном океане (конечно же — виртуальное!) и по пути ему встречаются три острова: остров лестригонов (великанов-людоедов), остров волшебницы Кирки Ээя и некая страна киммерийцев, где находится вход в Аид. Таким образом, все эти острова, как и подобает островам в Океане, имеют фантастический, сказочный характер[3] и при этом оказываются вратами в иной мир. Где же располагаются эти острова?

После шестидневного перехода от острова Эола в Средиземном море, неизвестно в каком направлении, Одиссей с товарищами высаживаются на острове лестригонов, где многие погибают от великанов-людоедов (Od. X. 80–86).

Где находилась страна лестригонов, совершенно неизвестно. Ее искали и на Корсике, и на Сицилии, и в Южной Италии, и в Адриатике, и даже на Пелопоннесе. Более того, одни локали-

[2] Подосинов 2015: 26–33.

[3] См. общие работы о так называемой «инсулярности» (представлениях об островах) в античности и средневековье: Gabba 1991: 106–109; Villate 1991; Prontera 1998: 312–328; Ceccarelli 2009: 31–50; Isolated Islands 2011; Chiai 2012: 45–56.

зовали лестригонов на крайнем севере ойкумены[4], другие — на крайнем востоке[5], третьи — в Южной Африке[6], четвертые — в Крыму, а именно, в Балаклавской бухте[7]. Согласно теории Кристины Пеллех, лестригоны обитали в Норвегии[8].

Мне представляется, что правы те исследователи, которые помещали страну лестригонов «где-то на севере», так как она находилась, согласно Гомеру, там, где «пути дня и ночи сходятся», что часто понимается как «в северных широтах»[9]. Уже в античности Гемин Родосский, приводя сведения путешественника Пифея из Массалии о коротких ночах на Британских островах, цитирует Кратета Малосского, который считал, что

---

[4] См., например: Ramin 1979: 126; Käppel 2001: 18.

[5] Sieberer в книге: Bichler, Sieberer 1996: 138.

[6] Dörpfeld, Rüter 1925: 256.

[7] Baer 1873; Herrmann 1926: 18; van Thiel 1988: 131–133; Мачинский, Мусбахова 2009: 347.

[8] Pellech 1983: 102–152. О других попытках локализовать плавание Одиссея в Атлантическом океане, на юге Африки, в Америке, у южного или северного полюса, во фьордах Норвегии или в Исландии, в Северном море, во Владивостоке, Корее, Японии и в Желтом море см. подробнее: Wolf 2009: 44–45, 253–257, 261, 268–269, 274–276, 282–284, 286–287, 293–294, 298–299.

[9] Так полагают Berger 1904: 15, 31; Hölscher 1988: 145–147; Frame 1978: 63; Ballabriga 1998: 123–124; Käppel 2001: 18–19. Л. Кеппель, вслед за У. Хёльшером, считает, что здесь мы имеем дело со смутными знаниями греков о полярной ночи в северных широтах, так как янтарь с берегов Балтики достигал Греции со II тысячелетия до н.э. Ср., впрочем: Андреев 1990: 132–133, который полагает, что имеется в виду восточный или западный край земли, где сходятся, сменяя друг друга, день и ночь. В. Берар помещает лестригонов в Сардинии, а остров Кирки и страну киммерийцев с входом в Аид — в Адриатике (Bérard 1928: II. 28, 75, 88). Ван Тиль считает, что в первоначальных вариантах «Одиссеи» ветер отнес героев в Черное море (van Thiel 1988: 131–133). В.П. Яйленко воспринимает близость дня и ночи на острове лестригонов как знание о северных «белых» ночах: «Этой реалией, введенной в мифическое повествование, Гомер акцентировал северное расположение лестригонов» (Яйленко 2013: 14). Критику «солнечного» объяснения «путей дня и ночи» см.: Heubeck 1989: 48; см. также: Wolf 2009: 45–46, который считает, что речь идет о ночном выпасе быков и дневном — овец. Ср. также: Vos 1963: 18–34; Arrighetti 1975: 149–154; Ballabriga 1986: 124–126; Rausch 2013: 45–47 с критикой «полярной» теории.

именно в этих местностях должна была находиться страна лестригонов[10]. Название города лестригонов — «Телепил» (*Τηλέπυλος*, букв. «Дальние [последние] ворота», то есть «ворота смерти, вход в иной мир, ворота на конце мира») — указывает на то, что Одиссей перемещается в мифологическое пространство Аида[11], а значит — за пределы ойкумены, что подтверждает выход Одиссея в океаническое, потустороннее пространство. Недаром на острове Одиссея и его товарищей поджидала смерть.

Таким образом, шестидневный переход из Западного Средиземноморья «куда-то на север» вполне мог быть выходом в Северный океан через Адриатику, которая виделась тогда не как залив Средиземного моря, а как пролив, соединяющий его с Внешним океаном[12].

Избежав гибели от лестригонов, Одиссей с оставшимися в живых спутниками вскоре оказывается у волшебницы Кирки, дочери бога Солнца Гелиоса и сестры колхидского царя Ээта, и это место снова оказывается островом, а именно, островом Ээя, расположенным на дальнем северо-востоке ойкумены (см. Od. X. 135–141 и XII. 1–4):

> Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
> Снова по многоисплытому морю пришли мы на остров
> Эю, туда, где в жилище туманнорожденные Эос
> Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит[13].

---

[10] Gemin. VI. 3. 21. См. об этом подробнее: Ballabriga 1998: 122–124.

[11] На это указывает Radermacher 1915: 17; см. также: Hölscher 1988: 145; Käppel 2001: 18. Недаром на острове Одиссея и его товарищей поджидала смерть. «Дальним Пилосом», по мнению исследователей, город был назван по принципу «дальний / ближний» в параллель с греческим Пилосом на юго–западе Пелопоннеса, где существовал культ Аида (см.: Strabo VIII. 3. 14–15) и протекала река под названием «Ахерон» (Hölscher 1988: 145–146; Wolf 2009: 51).

[12] Подробнее об этом см.: Подосинов 2015: 50–54.

[13] Αὐτὰρ ἐπεὶ ποταμοῖο λίπεν ῥόον Ὠκεανοῖο
νηῦς, ἀπὸ δ' ἵκετο κῦμα θαλάσσης εὐρυπόροιο
νῆσόν τ' Αἰαίην, ὅθι τ' Ἠοῦς ἠριγενείης
οἰκία καὶ χοροί εἰσι καὶ ἀντολαὶ Ἠελίοιο.

Русский перевод «Одиссеи» здесь и далее В.А. Жуковского.

По словам Страбона (I. 2. 40), уже греческий поэт VII в. до н.э. Мимнерм «помещает жилище Ээта в Океане на востоке, за пределами (ἐκτός) обитаемого мира…».

Прожив у Кирки целый год, Одиссей, по ее совету, плывет через Океан и попадает в страну киммерийцев (которые позже, как известно, локализовались в районе Черного моря = Северного океана) (XI. 1–22). В эту страну Одиссей прибывает за одну ночь, там он обнаруживает вход в царство мертвых Аид, где встречается с душами умерших и узнает от прорицателя Тиресия о своей будущей судьбе. О северном расположении страны киммерийцев свидетельствует характеристика ее как темной, туманной страны[14].

После этого путь ведет Одиссея опять в Западное и Центральное Средиземноморье.

Итак, мы можем констатировать, что уже в Гомеровскую эпоху существовало смутное представление о том, что на севере Европы есть море-океан, в котором находятся некие, пока еще мифологические, острова, маркирующие переход в царство мертвых.

Мифические и полумифические представления о нахождении Океана на севере Европы могли, впрочем, питаться вполне конкретными сведениями о балтийском янтарном побережье, ведь, как указано выше, янтарь оттуда поступал в средиземноморский мир еще в микенскую эпоху[15].

---

[14] См. Od. XI. 14–19:

Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

[15] См.: Щукин 1994: 190–201. Щукин 1998: 198–208; Kulakov 2005. Еще Х. Блюмнер (H. Blümner) отмечал в RE. 5. Hlbd. 1897. Sp. 298: “Aus altgriechischen Funden im Norden… hat man schliessen wollen, dass schon im 5. Jhdt. v. Chr. eine Handelsverbindung, die vornehmlich auch Bernstein betraf, zwischen der Ostsee und dem Schwarzen Meere bestand”. См. также: Navarro 1925: 481–503; Spekke 1957; Rausch 2013: 45.

***

Долгое время после Гомера мы не имеем никаких античных свидетельств о существовании островов севернее Европы. И только в IV–III вв. до н.э. интерес к этой части ойкумены заметно усилился; это была эпоха «великих географических открытий», инициированных походами Александра Македонского на востоке ойкумены. От этого времени до нас дошли первые свидетельства об островах в Северном океане (= Балтийском море), которые претендовали на историческую достоверность.

Впервые о реальной поездке в северные моря со сведениями о находящихся там островах мы узнаем в связи с деятельностью греческого путешественника IV в. до н.э. Пифея из Массалии (совр. Марсель). Страбон (II. 4. 1) сообщает, что Пифей во время плавания на север (это произошло около 325 г.) «посетил всю береговую линию Европы от Гадир (Гибралтара. — *А.П.*) до Танаиса (πᾶσαν ἐπέλθοι τὴν παρωκεανῖτιν τῆς Εὐρώπης ἀπὸ Γαδείρων ἕως Τανάιδος)».

В труде Пифея «Об океане», сохранившемся только во фрагментах, был, по-видимому, впервые описан остров Тиле (Туле или Фула)[16]. Исследователи по-разному определяют местонахождение этого острова[17], некоторые считают его даже не островом, а частью Скандинавского полуострова. С Фулой отождествляют либо остров Мейнленд, входящий в группу Шетландских островов; либо Фаросские острова; либо Исландию, где сам Пифей не побывал, но описал ее по слухам; либо Гренландию; либо район Тронхейма — фьорда в Западной Норвегии[18]. Плиний Старший в своей «Естественной истории» указы-

[16] См. издания фрагментов его труда «Об океане»: Mette 1952; Roseman 1994; Bianchetti 1998; о Пифее и его открытиях см.: Hergt 1893; Gisinger 1963: 314–365; Федотов 1982: 60–66; Chevallier 1984: 341–346; Рожанский 1988: 181–184; Bianchetti 1998; Magnani 2002; см. также: Käppel 2001: 11–27; Cunliffe 2002.

[17] См.: McPhail 2011: 160: “The true identity of Thule is a mystery. Various hypotheses have been put forward as to its location, including but not restricted to the Shetland Archipelago, the Faroe Islands, Iceland, the west coast of Norway and Greenland”.

[18] Из последних работ о местоположении Туле см.: Romm 1992: 157–158; Roseman 1994; Cunliffe 2002: 116–135; Roller 2006: 78–87; McPhail 2014: 247–257.

вает, что остров Туле, описанный Пифеем, находится в шести днях плавания на север от Британии[19] и там шесть месяцев продолжается день и шесть месяцев — ночь. Также и Страбон пишет, что «Туле, как говорит Пифей, отстоит от Бреттаники к северу на шесть дней плавания и находится подле замерзшего моря» (I. 4. 2)[20].

Как правильно заметил Д.У. Роллер, в римское время *Ultima Thule* превратилась в символическое обозначение далекой северной страны[21].

Хорошо известно, что в средние века Туле часто отождествляли с Исландией (об этом писала, в частности, Т.Н. Джаксон[22]). Из средневековых авторов упомяну лишь ирландского автора Дикуила в 825 г. (De mensura orbis VII. 2. 3); Адама Бременского (IV. 35: *Thyle nunc Island appellatur*); «Ландснамабук» (Landnâmabôk, prol.: *Îsland sê Thŷle kallat*) и Саксона Грамматика (7; 377; 420 et al.).

***

В IV и II вв. до н.э. жили историк Тимей из Тавромения и географ Ксенофонт Лампсакский, чьи труды до нас дошли также лишь во фрагментах. В конце I в. н.э. на них ссылается Плиний Старший, свидетельства которого мы теперь и рассмотрим.

В IV. 94 Плиний пишет:

> Затем следует выйти [из Понта], чтобы описать внешние [границы] Европы, и, перейдя Рипейские горы, плыть, [имея] слева берег Северного океана, до тех пор, пока не встретится Гадес. Говорят, что в этих местах много островов без названий; Тимей[23] рассказывает, что один из них, который называется Бавнония и на который в весеннее время приливами выносится янтарь, [расположен] против Скифии

[19] “Quod fieri in insula Thyle Pytheas Massiliensis scribit, sex dierum navigatione in septentrionem a Britannia distante…” (NH II. 186).

[20] Ср. также: Strabo II. 5. 8 and 43; Gemin. VI. 9.

[21] Roller 2006: 78–79: “Thoule has become not only a major geographical crux from Hellenistic to modern times but a significant cultural paradigm, beginning in the Roman period. It became the stock formula for remoteness...”.

[22] Jackson 2005: 12–24.

[23] О Тимее см.: Brown 1958; Baron 2013.

> и отстоит [от нее] на день пути; остальные берега неизвестны [24].

Название Бавнония (букв. «Бобовый остров» от прагерм. *Baunā-* «боб», ср. др.верх.нем. *bôna*, совр. нем. *Bohne*) больше нигде в античной литературе не сохранилось; более того, некоторые рукописи дают здесь чтение *Raunonia*. Остров трудно локализовать ввиду неясности описания его местоположения. Существуют точки зрения, что это, может быть, Эзель (совр. Сааремаа у побережья Эстонии), славившийся в древности обилием янтаря, или Скандинавия, или Гельголанд к северо-западу от Германии, возможно также Борнхольм, расположенный в Балтийском море юго-восточнее южной оконечности Швеции. В другом месте (XVIII. 121) Плиний рассказывает о «Бобовых» (*Fabaria*) островах в Северном океане, где растут бобы. Д. Детлефсен считает, что название *Fabaria* — это латинский перевод германского *Baunonia* и что прочие названия острова, который он идентифицирует с Гельголандом, были *Abalus*, *Baltia* и *Basilia*[25].

Далее Плиний говорит и о других островах Балтики, цитируя уже другого автора:

> Ксенофонт Лампсакский[26] передает, что в трех днях пути от скифского берега есть необыкновенной величины остров Балкия, его же Пифей называет Басилией (IV. 95)[27].

Речь в данном случае идет, по-видимому, уже о Скандинавском полуострове[28], который описан Плинием в следующей, 96 главе. Название Басилия (по-гречески *Βασίλεια* — «Царский остров»), которое после Пифея упомянуто также Диодором Сици-

---

[24] “Exeundum deinde est, ut extera Europae dicantur, transgressisque Ripaeos montes litus oceani septentrionalis in laeva, donec perveniatur Gadis, legendum. Insulae complures sine nominibus eo situ traduntur, ex quibus ante Scythiam quae appellatur Baunonia unam abesse diei cursu, in quam veris tempore fluctibus electrum eiciatur, Timaeus prodidit. reliqua litora incerta”.

[25] Detlefsen 1904: 42.

[26] Ксенофон Лампсакский — греческий географ II в. до н.э.

[27] Еще раз Плиний говорит о Басилии в NH XXXVII. 35, при этом ссылается на Тимея, который будто бы упомянул это название, а не на Пифея.

[28] Шелов-Коведяев 1994: 29.

лийским (V. 23[29]), вероятно, свидетельствует о том, что островом управлял независимый властелин[30]. Другое имя острова звучит у Плиния как *Balcia, Baltia* или *Abalcia*[31] (последний вариант приводит в III веке н.э. Гай Юлий Солин в *Collectanea rerum memorabilium* («Собрание достойных упоминания вещей»); в этом названии позволительно видеть отзвук позднего названия Балтийского моря. Й. Свеннунг отождествлял Балкию с современной Ютландией[32], существуют также иные локализации[33].

Последующий текст Плиния о Балтийских островах возвращает нас к баснословным временам Гомера:

> Сообщают и об Эонских [островах], на которых жители питаются птичьими яйцами и овсом; о других, где рождаются люди с лошадиными ногами, называемые гиппоподами; о других [островах] фанесиев, у которых их преогромные уши полностью покрывают их голые тела (IV. 95).

Об этих же фантастических племенах на Эонских островах сообщает римский писатель середины I в. н.э. Помпоний Мела, при этом он замечает, что эту информацию он находит «не только в баснях, но и у авторов, которым не зазорно следовать[34]» (III. 56). К. Мюлленхофф считает, что эти данные были позаимствованы Плинием у Пифея[35]. Ф. Гизингер[36] предполагает здесь в качестве источника того же Ксенофонта Лампсакского, которого упоминает в рассказе об этой местности Плиний (см. выше).

---

[29] “Τῆς Σκυθίας τῆς ὑπὲρ τὴν Γαλατίαν κατ' ἀντικρὺ νῆσός ἐστι πελαγία κατὰ τὸν ὠκεανὸν ἡ προσαγορευομένη Βασίλεια” (“Остров Скифии, находящийся за Галатией прямо напротив нее, лежит в море-океане, зовется он Басилея”).

[30] Хенниг 1961: 193.

[31] Подробный анализ соотношения источников Плиния относительно этого названия (Пифея, Тимея, Ксенофона Лампсакского, Диодора и других авторов) см.: Müllenhoff 1890: 476–484.

[32] Svennung 1974: 36.

[33] См. Ihm 1897: 42–43.

[34] “… Praeterquam quod fabulis traditur, <apud> auctores etiam (quos sequi non pigeat) invenio”.

[35] Müllenhoff 1890: 491–494.

[36] Gisinger 1952: 2381.

Следует заметить, что это фантастическое описание было повторено после Плиния Солином[37], а от него перешло к Исидору Севильскому, который, как известно, был источником античной мудрости для многих последующих поколений ученых. Так данные греческого географа IV в. до н.э. о Северной Европе дожили практически до эпохи Возрождения[38].

Гиппоподов (греч. *Ἱπποπόδες*, букв. «лошадиноногие») кроме Мелы и Плиния упоминают также греческий поэт Дионисий Периэгет (310) и латинский автор Юлий Гонорий (29). Предполагают, что под этим именем скрывались северные лаппы, передвигающиеся по снегу на лыжах, что и могло повлиять на возникновение образа лошадиноногих людей[39].

****

Подобные рассказы о фантастических существах на севере Европы вызывало понятный скепсис у людей ученых.

Еще в начале I в. н.э. Страбон писал о совершенной неизвестности северных пределов Европы:

> Из германцев, как я сказал, северные живут вдоль Океана: [нам] известны те, которые занимают область, начиная от устьев Рена вплоть до Альбия… [Народы] же по ту сторону Альбия у Океана неизвестны нам вовсе. Не знаем мы и никого из прежних, кто совершил бы плавание вдоль [этих мест] до восточных частей, то есть до устья Каспийского моря; римляне также еще не достигали заальбийских [областей]. Да и по суше никто не доходил туда (VII. 2. 4).

---

[37] См. Solin. XIX. 6–8: «Недалеко [от острова Абалкии] отделены [острова] Оеоны (Oaeones), жители которых питаются яйцами морских птиц и дико растущими злаками. 7. Далее другие, одинаково расположенные острова, туземные жители которых гиппоподы, у которых человекоподобные до следа телá оканчиваются лошадиными копытами. 8. Есть и [острова] фанесиев (Phanesiorum), у которых уши расширяются до такой огромной величины, что они закрывают ими все остальное тело и не имеют другой одежды, кроме того, что одевают члены кожей ушей» (перевод мой; см.: Подосинов, Скржинская 2011: 138).

[38] См. Lund 2001: 29–45, где автор анализирует континуитет в географических представлениях о Северной Европе в античности и средние века; см. также: Parroni 1984: 352–358.

[39] Svennung 1974: 13.

Отметим, что Балтийское море в этом описании воспринимается как Северный океан, простирающийся от берегов Германии до устья Каспия.

В другом месте (VII. 3. 1) Страбон прямо ополчается против фантастических описаний севера Европы, в том числе против Пифея, которого он считал самым большим лжецом: «Из-за неизвестности этих мест до сих пор пользуются успехом некоторые сочинители басен о Рипейских горах и гипербореях и то, что выдумал массалиот Пифей † об этом же побережье, прикрываясь [положениями] небесной и математической науки. Их следует оставить без внимания».

***

Новый этап в знакомстве античного мира с Северным океаном начинается после широкой экспансии римлян в этот регион. Несмотря на скепсис Страбона, как раз римляне императорского времени узнали много нового о местностях Северной Европы, в том числе об островах в Балтийском море[40].

Помпоний Мела, Плиний, Тацит, Птолемей и другие авторы донесли до нас смутные представления о существовании в Балтийском море нескольких островов, некоторые из которых мы, видимо, должны признать за южные ответвления Скандинавского полуострова.

Мела и Плиний (оба работали в I в. н.э.) впервые в античной географии сообщают некоторые сведения о Северной Европе, где Балтийское море представляется Северным океаном, а Скандинавский полуостров — островом среди других, более мелких. Парадоксально, но многие из этих сведений были почерпнуты из греческой географии; так, сам Плиний ссылается на труды Пифея, Тимея из Тавромения, Исидора Харакского, Ксенофона Лампсакского, Филемона[41]. Римские источники почти не названы, но Плиний явно использовал материалы, отражающие военные действия римлян на севере Европы, информацию куп-

[40] См. работы: Detlefsen 1904; Stechow 1948; Svennung 1963; Svennung 1974; Pekkanen 1980; Dilke 1984; Chevallier 1984; Neuhausen 1991; Zehnacker 2004.

[41] Возможно, именно греческий географ Филемон, написавший в первой половине I в. н.э. труд о морях и островах Северной Европы, был здесь основным источником Плиния (Detlefsen 1904: 26; Svennung 1974: 11).

цов (по его словам, *negatiatores et arma Romana*), а также «Хорографию» и карту мира Марка Випсания Агриппы, возникшие в конце I в. до н.э.[42].

Уже на рубеже эр римский флот впервые вошел в воды «Северного океана» и, по свидетельству Плиния, дошел до Ютландии, за которой римлянам открылось море, простирающееся до самой Скифии.

Вот как описывает Плиний вход в Балтику[43]:

> Северный же Океан в большей своей части пройден на кораблях благодаря заботам божественного Августа[44]: флот обогнул Германию до Кимврского мыса[45], и оттуда вплоть до Скифской страны[46] и обледенелых от чрезмерной влаж-

---

[42] Sallmann 1971: 75–84.

[43] Подробный разбор этого раздела «Естественной истории» Плиния см.: Svennung 1974; Zehnacker 2004: 167–186.

[44] Речь идет о походе римского флота в 5 г. н.э. под руководством Тиберия во время правления Августа. Перечисляя в автобиографии наиболее значительные события в годы своего правления, Август (RGDA 26) упомянул и об этом: «Мой флот проплыл от устья Рейна по океану до восточной области и пределов кимвров, в каковое море и землю никогда прежде не доходил никто из римлян» (перевод В.В. Латышева). Страбон сообщал о посольстве и дарах, принесенных Августу кимврами (VII. 2. 1). Римские источники рассказывают также о походе Друза Германика в 11 г. до н.э., который, возможно, дошел до оконечности Ютландии (см.: Tacit. Germ. 34; Vell. Paterc. II. 106. 3; Sueton. Claud. 1; Dio Cass. LIV). Ван Сон (van Son 1962: 146–152) считает, что Тиберий в 5 г. через мыс Скаген добрался до норвежского побережья, а Плиний использовал в этом своем сообщении какие-то архивы императорского флота. По мнению Л. Вейбюля, римский флот дошел только до устья Эльбы, где жили кимвры (Wiebull 1934: 80–143), другие исследователи (см., например, Melin 1960: 3–4) считают, что римляне доплыли до мыса Скаген в Ютландии, откуда им и открылся вид на Балтийское море. Е. Штехов думает, что в результате экспедиции 12 г. римляне проникли к устьям Одера (Stechov 1948: 240–241). О географических данных, добытых во время похода Тиберия, см.: Bernecker 1989.

[45] Кимврский мыс отождествляется с современным Ютландским полуостровом с мысом Скаген на севере; наиболее ясно он описан в NH IV. 97: мыс кимвров, выдаваясь далеко в море, образует полуостров, который Плиний называет Тастрис.

[46] Речь идет о северочерноморской Скифии, увиденной со стороны Балтийского моря. Как и Галлии, выходящие своими сторонами к побережьям двух морей (Средиземного и Северного), Скифия (или Сарматия)

ности [областей] было осмотрено, а также стало известно по рассказам огромное море[47] (NH II. 167).

Среди островов Северного океана Плиний называет также Скандинавию и некую Энингию (NH IV. 96):

…Вплоть до Кимврского мыса [простирается с востока от него] огромный залив под названием Кодан[48], наполненный островами[49], из которых наиболее знаменита Скатинавия50, неведомая по величине. Часть ее, насколько известно, населяет племя гиллевионов[51] в 500 округах; по этой причине ее [то есть Скандинавию] называют второй ойкуменой[52]. Не меньшей по величине считается Энингия[53].

воспринималась в римское время как расположенная на территории между двумя морями (см. подробнее: Подосинов, Скржинская 2011: 31; 123–124; 227).

[47] Вероятно, имеется в виду Балтийское море (Хенниг 1961: I: 364).

[48] Очевидно, под Коданским заливом подразумевается собственно Балтийское море (подробнее см. ниже).

[49] В Дании насчитывается приблизительно 406 островов, не считая Фарерские острова и Гренландию.

[50] Речь идет о Скандинавском полуострове, который выше (IV. 95) по другим источникам Плиний назвал Балкией и Басилией (см.: Kretschmer 1929: 148–151; Шелов-Коведяев 1994: 31). Плиний упоминает Скандинавию (Scadinavia) также в VIII. 39.

[51] Этноним является гапаксом. Исходя из этого обстоятельства, а также из важности этого племени, населяющего Скандинавию в 500 округах, исследователи предложили читать текст иначе, не *hilleuionum gente*, а *illa suionum gente*, то есть речь у Плиния могла идти о знаменитых обитателях Скандинавии — свеонах, которые засвидетельствованы здесь многими источниками, см., например: Tacit. Germ. 44 (Svennung 1974: 57–61).

[52] Обычно под вторым миром (*alter orbis terrarum*) подразумевали землю антихтонов, предположительно находящуюся в южном полушарии (ср. Mela I. 4; I. 54). Частью этого «иного мира» считали в основном острова, находящиеся в отдаленных уголках ойкумены — то Цейлон / Тапробану (Mela III. 70; Plin. NH VI. 81), то Британию (Vell. Paterc. II. 46. 1; Flor. III. 10. 16), то Скандинавию, как в нашем случае (ср. также Tacit. Germ. 2). Подробнее см.: Svennung 1974: 66–67; Borca 1998: 21–39.

[53] Загадочный остров Энингия с трудом находит себе место в реальности. К. Алениус предложил понимать это название как испорченное *Aestingia*, то есть страна эстиев, о которых писал Тацит в Germ. 45 (Ahlenius 1898–1899: 31), Й. Свеннунг — как испорченное *Feningia* (Svennung 1974: 67–70: Feningia > Aeningia), то есть страна лаппов–

Близкие данные сообщает об этом регионе Помпоний Мела (III. 54):

> В том заливе, который мы упомянули как Коданский[54], напротив Германии находятся семь Гемодских[55] [островов]; из них Скадинавия, которой доселе владеют тевтоны, превосходит прочие [острова] как плодородием, так и величиной.

Настоящее место считается первым в античной географии упоминанием Скандинавии, хотя и как острова. На самом деле *Scadinavia* Мелы — это конъектура К. Мюлленхоффа, принятая большинством издателей, а рукопись V дает здесь чтение *codannouia*, что, очевидно, связано с названием Коданского залива (*sinus Codanus*)[56]. Конъектура обосновывается параллельным местом у Плиния, NH IV. 96: *[sinus], qui Codanus vocatur, refertus insulis, quarum clarissima est Scatinavia*. Иордан в VI в.

финнов, упомянутых Тацитом (Germ. 46). Ф.В. Шелов-Коведяев (1994: 31) считает, что, судя по локализации и размерам, под Энингией может скрываться Висло-Одерское междуречье, принятое за остров из-за глубины Щецинского и Гданьского заливов и полноводности этих рек. Х. Ловмяньски полагает, что под Энингией должно подразумевать область Поморья (*Pomorze*) (Łowmiański 1964: 140–161; ср. Ditten 1989: 204–205). Согласно Д.А. Мачинскому (1976: 83–84), Энингия, населенная венедами, скирами и хиррами, находилась восточнее Вислы и может локализоваться на полуострове Курземе.

[54] Ср. Mela III. 31–32: «Над [устьем] Альбиса находится огромный Коданский залив (Codanus ingens sinus), наполненный большими и малыми островами. Из-за этого море, окруженное берегами, нигде не открывается широко и не похоже на море, но, поскольку его воды повсюду рассекают сушу и часто заходят на нее, раздробляется как бы на [отдельные] реки и выглядит изменчивым и многообразным... 32. В этом [заливе] живут кимбры и тевтоны, за ними — гермионы, самое дальнее из германских [племен]». Под островами, которыми наполнен Коданский залив, вероятно, имеются в виду фризское побережье, датские острова в юго–восточной части Северного моря (Ahlenius 1898–1899: 23–24; 27).

[55] Это название, кроме Мелы и Плиния (NH IV. 103), не зафиксировано ни у одного античного автора. По месту их расположения («напротив Германии») речь, скорее всего, идет о датских островах и юге Скандинавии.

[56] Против этой конъектуры см.: Ahlenius 1898–1899: 24, который считает, что под *Codanovia* следует понимать Ютландию (так же: Melin 1960: 33). Скептически относится к конъектуре Мюлленхофа и А. Лунд (Lund 2001: 41).

также указывал, что Мела помещал остров Скандзу в Коданском заливе (Iord. Get. 16).

После Мелы и Плиния остров Скандинавию (или Скандию) упоминают также Птолемей (II. 11. 35 в форме Σκανδία), Аноним из Равенны (I. 12; IV. 4; V. 30 в форме *Scanza*) и некоторые другие авторы[57]. Большинство современных исследователей помещают Коданский залив в Балтийское море (*Ostsee*)[58].

Интересно, что Мела был первым, кто высказал идею, хотя и в довольно расплывчатом виде, что эти острова могут быть частью материка; так можно трактовать его слова (III. 55):

> [Земли], лежащие напротив сарматов, иногда кажутся островами, а иногда единым материком, поскольку из-за смены приливов и отливов моря промежутки между ними то заполняются водой, то обнажаются[59].

Тот же Мела продолжает идею, высказанную еще Пифеем о полярной локализации острова Туле (III. 57):

> У берега бельков[60] лежит также [остров] Тиле, прославленный в эллинской[61] и нашей поэзии. Ночи там короткие, так как солнце, взойдя, долго не заходит, но, будучи зимой, как и везде, темными, летом они светлы, потому что в это время солнце поднимается так высоко, что хотя его самого не видно, оно освещает соседние [местности] своим близким отсветом; а во время солнцестояния [ночей] нет вообще, поскольку тогда солнце, уже видимое больше, показывает не только свое сияние, но и большую часть себя»[62].

---

[57] Подробнее см.: Svennung 1963; Svennung 1974.

[58] Svennung 1974: 49–51. Против этого мнения выступает Lund 2001: 41. Согласно Д. Детлефсену (1904: 30–31), *Codanus sinus* — это залив между Ютландией и Норвегией, который простирается сначала на восток, затем на юг.

[59] По мнению П. Паррони, описание Мелой побережья Балтийского моря от Коданского залива на восток к Сарматии и лежащим против нее островам восходит к какому-то периплу (Parroni 1984: 411).

[60] О бельках Мела пишет также в III. 36, где он причисляет их к скифским племенам.

[61] П. Паррони замечает, что у нас нет ни одного греческого текста с упоминанием острова Тиле в отличие от латинских; см.: Verg. Georg. I. 30; Sen. Med. 378–379; Stat. Silv. III. 597; Iuven. XV. 112 (Parroni 1984: 412).

[62] Э. Шведер отметил, что Плиний в NH II. 186 и IV. 102 почти таки-

Кстати, римские источники сообщают, что в 84 г. н.э. римляне пытались найти Туле (Tacit. Agric. 10), и остров, который они обнаружили к северу от Оркнейских островов (*Orcades*) и объявили Туле, был, скорее всего, Мэйнлендом, крупнейшим из Шетландских островов[63].

Важно отметить связь балтийского побережья и его островов с янтарем, впервые обозначенная Плинием, который сообщает, что «у берегов Германии[64] есть остров, который называется Серита, поросший породой кедра, откуда [янтарь] стекает на скалы» (XXXVII. 39) и немного ниже, обобщая, говорит (42):

> Известно, что [янтарь] образуется на островах Северного Океана и германцами называется глесум; поэтому наши назвали один из островов Глесарией, когда цезарь Германик действовал там с флотом[65]; варвары именуют [этот остров] Аустеравией»[66].

Слово *glaesum*, упомянутое Плинием, содержит германский корень, означающий нечто блестящее и прозрачное (ср. англ. *glass* и *glare*, нем. *Glas*). Это название янтаря у германцев засвидетельствовано также Тацитом (Germ. 45: *sucinum, quod ipsi [sc. Germani] glesum vocant*). О добыче янтаря в Северном море на острове Басилея писал и Диодор Сицилийский (V. 23).

Глесарию, «названную из-за массы янтаря», Плиний упоминает еще раз в IV. 97. Судя по его описанию, этот остров, наименование которого больше нигде не встречается, находился к западу от Ютландии, у побережья Фризии[67]. Более того, в другом месте (IV. 103) Плиний говорит о многих островах в *mare Germanicum* с именем *Glaesiae*, которые современные греки (*re-*

ми же словами описывает Британию и странности движения солнца; он считает, что Плиний исказил здесь общий с Мелой источник (Schweder 1897: 139).

[63] См. Müllenhoff 1890: 363; 388.

[64] Д. Детлефсен в своем издании Плиния предлагает читать здесь *Carmaniae* вместо рукописного *Germaniae*.

[65] Ср. сообщение Тацита (Ann. II. 86) о том, что римский флот в 16 г. н.э. под командованием Германика спустился по Рейну и достиг Океана.

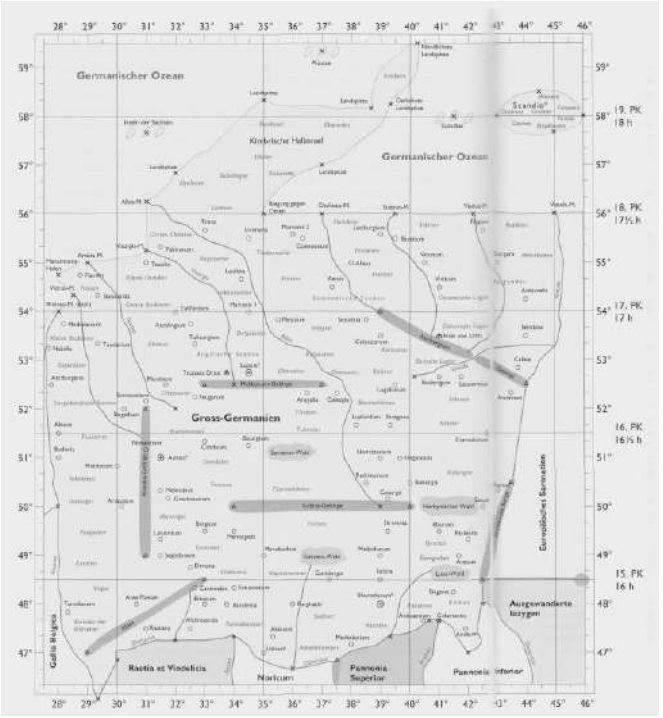
[66] В IV. 97 Плиний писал, что местные жители называют Глесарию Аустеравией или Актанией. Подробнее см.: Neuhausen 1991: 67–97.

[67] Detlefsen 1904: 42.

centiores Graeci) называют Электридами, поскольку там рождается янтарь (*electron*)[68].

***

Птолемей, который весьма детально описывает балтийское побережье Великой Германии от устья Рейна до Вислы, также сообщает об островах к северу от этого побережья (II. 11. 31–35: Илл. 1)[69].



Илл. 1.

Реконструкция карты Птолемея
с морем и островами на севере Европы
(по: Klaudios Ptolemaios 2006)

[68] "Ab adversa in Germanicum mare sparsae Glaesiae quas Electrides Graeci recentiores appellavere, quod ibi electrum nasceretur".

[69] Анализ этого текста см.: Svennung 1974: 198–230; Detlefsen 1904: 61–63.

У устья реки Альбис (Эльбы) Птолемей упоминает три острова саксонов (31 — *νῆσοι Σαξόνων*; возможно, острова в устье Эльбы[70]); севернее Кимбрского полуострова — еще три острова, называемые Алокии (32 — *Ἀλοκίαι*; возможно, Галлигенские острова, лежащие вдоль западного берега Шлезвига[71]); восточнее Кимбрского полуострова (Ютландии) — четыре острова, называемые Скандии, три из них маленькие (33 — *μικραὶ Σκανδίαι*; вероятно, датские острова Фюн, Зеландия и Лолланд[72]), у устья Вислы — один самый большой и самый восточный (34 — *μεγίστη καὶ ἀνατολικωτάτη*), он также называется Скандия (*αὐτὴ Σκανδία*) и на нем живет семь народов: на западе хайдейны, на востоке — фавоны и фирайсы, на севере — финны, на юге — гуты и давкионы, посреди — леуоны (35). Считается, что этот самый большой остров — южная оконечность Швеции[73].

***

Великое переселение народов, крушение Римской империи, появление на европейской авансцене новых северных, в основном германских племен имели следствием большее знакомство южноевропейских географов и историков с Северной Европой и ее островами. При этом средневековые авторы еще долгое время были ориентированы на повторение античных догм и представлений. Так, авторы VI–VII вв. Иордан и Равеннский Аноним, следуя в целом античным географическим канонам (например, Мелы и Птолемея), при этом знали и писали о мощном переселении германских народов, особенно готов, чьей прародиной были некие острова в Балтийском море.

Так, Равеннат в описании Северной Европы (Cosmographia I. 11) сообщает, что «в океане (*infra oceanum*) позади (*post terga*) страны франков» находится Британия, позади Германии и страны саксонов в океане — некоторые неназванные острова, а «по-

[70] Detlefsen 1904: 61.

[71] Detlefsen 1904: 61–62.

[72] Detlefsen 1904: 62–63. См. комментарий в: Klaudios Ptolemaios 2006: 235, n. 258: “Die drei kleinen Inseln sind wohl dänische Inseln; die grosse ist sicherlich Südschweden, das in der gesammten Antike nicht als Halbinsel erkannt wurde”.

[73] Detlefsen 1904: 63.

зади страны роксоланов далеко в океане находится большой остров Древняя Скифия, каковой остров многие ученые и историки прославляют; его и Иордан, ученейший космограф, называет Сканзой (*Scanza*). Из этого острова вышли западные племена; ведь мы читали, что в древности оттуда вышли готы и даны вместе с гепидами».

Ссылка на Иордана заставляет нас внимательнее присмотреться к его информации. Как известно, Иордан сделал в середине VI в. сокращение «Истории готов» (*Historia Gothorum*), написанной Кассиодором в 12 книгах за тридцать лет до Иордана[74]. Поскольку сочинение Кассиодора не сохранилось, Иорданов труд «О происхождении и деяниях гетов (= готов)» остается одним из важнейших источников по истории Европейского Севера.

В начале описания острова Скандзы Иордан в основном пересказывает античных авторов, ссылаясь на Помпония Мелу, Птолемея и Оросия:

> 9. Это же самое громадное море (океан) с арктической, то есть северной, стороны имеет обширный остров по названию Скандза. С него-то и надлежит нам, с божьей помощью, повести нашу речь, потому что то племя, о происхождении которого ты с нетерпением хочешь узнать, пришло на европейскую землю, вырвавшись подобно пчелиному рою из недр именно этого острова[75].

Несколько ниже Иордан подробно рассказывает о Скандзе, совершенно в духе античных авторов:

> 17. Скандза лежит против реки Вистулы, которая, родившись в Сарматских горах, впадает в северный океан тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию.

Но затем он начинает вводить новую информацию: оказывается, Иордан знает и северное побережье Скандзы:

> … С запада Скандза окружена огромным морем, с севера же охватывается недоступным для плавания широчайшим

[74] О соотношении трудов Кассиодора и Иордана см.: Svennung 1967: 136–156.

[75] Перевод Иордана здесь и далее Е.Ч. Скржинской. Географическое положение Скандзы Иордана было детально изучено в трудах: Weibull 1925; Svennung 1967: 13–28.

> океаном, 18. из которого, будто какая-то выступающая рука, образуется Германское море, вытянутое вроде залива. Говорят, что там расположены также какие-то мелкие, но многочисленные острова ….

Интересно, что Германское море, под которым мы должны понимать Балтийское море, становится, под пером Иордана чем-то вроде залива (*sinu distento*), и в этом, вероятно, можно видеть предвосхищение будущего открытия Адама Бременского.

Совершенно новым является этнографическое описание народов Скандзы в труде Иордана, который, сказав, что Птолемей упомянул только семь из них[76], добавляет еще 29 племенных названий, давая при этом краткое описание этих племен[77]. Как, например, это:

> 19. В северной части [острова Скандзы] живет племя адогит; рассказывают, что в местах его (обитания] в середине лета сорок дней и сорок ночей продолжается непрерывный свет, а в зимнее время в течение того же числа дней и ночей племя это не знает ясного света....

Итак, в описании Иордана мы находим не только эхо античной традиции о полярных днях и ночах, но и реальную информацию о далеком севере, даже если под Скандзой автор понимал весь Скандинавский полуостров. Иордан заканчивает описание Скандзы следующими словами:

> 24. …Все эти племена, превосходящие германцев как телом, так и духом, сражались всегда со звериной лютостью 25. С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготовляющей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза.

---

[76] «19. …Хотя на острове Скандзе, о котором идет речь, живут многие различные племена, но Птолемей упоминает названия лишь семи из них...».

[77] Подробный анализ этих названий и связанных с ними этносов см.: Weibull 1925: 224–246; Svennung 1967: 32–135; Pekkanen 1980: 80–85.

Примерно в это же время о готах писал греческий автор Прокопий Кесарийский, который рассказал об острове Туле (*Θούλη*) с его полярными днями и ночами, но поселил на нем скритифиннов-лаппов (*Σκριθίφινοι*) (Bell. Goth. II. 15). Описание их климата и образа жизни те же, что и у Иордана, который говорит о скререфенах (*Screrefenae* = скритифеннах), живущих однако на острове Скандза[78]. В то же время Прокопий апеллирует к людям, которые будто бы прибыли из Туле и снабдили Прокопия надежной и аутентичной информацией. Так знание о реальной Скандинавии и о мифической Туле сплетались друг с другом и были типичными не только для средних веков, но и, как мы видели, также для античности.

Мы могли также заметить, как острова, открытые впервые Пифеем и позднейшими греческими географами в Северном море, а затем римлянами на фризском побережье севернее устья Рейна, переносились затем после открытия Балтийского моря дальше и дальше на восток. Так, Скандии, которые локализовались Плинием почти у Британских островов, появляются у Птолемея уже напротив Вистулы, то есть в Балтике.

С другой стороны, следует учитывать, что Пифей в IV в. до н.э. не знал еще Германии и германцев, это имя появилось очень поздно, сначала в Риме около 80 г. до н.э. Так, Тацит пишет в своей «Германии» (2): *Germaniae vocabulum recens et nuper additum* («Название Германии недавнее и только что присвоенное»)[79]. Следовательно, для Пифея восточнее западноевропейских кельтов сразу располагалась Скифия. Поэтому, когда римляне помещали Скандию или Басилию, или Туле «напротив Скифии»[80], это вовсе не должно означать «напротив восточной части Балтики», где позже располагали эту Скифию, но вполне могло относиться и к германским частям балтийского побережья[81].

---

[78] Weibull 1925: 237–238; Svennung 1967: 41–44. Предполагается, что Прокопий и Иордан опирались здесь на один общий источник, возможно на Аблабия, которого часто цитирует Иордан (ср. Get. 28: “descriptor Gothorum gentis egregius”).

[79] См. Lund 2001: 30–31 о цезаревом «открытии» Германии и германцев.

[80] Diod. Sic. V. 23. 1; Mela III. 57; Plin. NH IV. 95.

[81] Detlefsen 1904: 18; 23; 26.

Кстати, многие историки считают, что Готланд был тем островом, откуда готы, согласно легенде, однажды пришли на континент под водительством своего короля Берига. Но, несмотря на сходство имен, которое было основой этого предположения[82], Иордан определенно свидетельствует, что это была Скандза, то есть Южная Швеция[83].

***

Я подхожу к концу моего краткого обзора античной и раннесредневековой традиции об островах в Балтийском море.

Древнее мнение, что Балтийское море — это не Северный океан, а внутреннее море, и Скандинавия (Скандза, Скандия, Скатинавия) — не полустров, а один из островов этого океана, продержалось в античной и средневековой науке и литературе вплоть до XI в., когда немецкий хронист Адам Бременский впервые опознал Скандинавию как полуостров, благодаря чему Балтийское море (*mare Balticum*) стало внутренним морем, а "terribilis visu et infinitus occeanus, qui totum mundum amplectitur", был расположен теперь "post Nortmannniam" (IV. 35).

Таким образом, мы видим, как острова Балтийского моря, будучи на заре античной цивилизации порождением космологических и мифолого-фантастических схем, к раннему средневековью превращаются в реальные географические объекты[84].

БИБЛИОГРАФИЯ

Андреев 1990 — *Андреев Ю.В.* Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990.

Мачинский 1976 — *Мачинский Д.А.* К вопросу о территории обитания славян в I–IV вв. // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 82–100.

---

[82] Ср. Kossina 1919: 19: "Der führende Stamm der Goten kam wahrscheinlich von der Insel Gotland, doch werden wohl auch festländische Schwedenstämme, insonderheit die Ost- und Westgauten im heutigen Götalande sich ihnen angeschlossen haben".

[83] Svennung 1967: 184–192, 208–216. Автор предполагает, что готы прибыли на остров Готланд от устья Вислы и дали свое имя острову.

[84] Хотя и в средние века идеи поиска — литературного или реального — неизвестных, фантастических, иногда райских островов оставались весьма актуальны, см. об этом сборник статей: Isolated Islands 2011.

Мачинский, Мусбахова 2009 — *Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т.* Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 2009. С. 319–355.

Подосинов 2015 — *Подосинов А.В.* Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М., 2015.

Подосинов, Скржинская 2011 — *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Рожанский 1988 — *Рожанский И.Д.* История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988.

Федотов 1982 — *Федотов В.В.* Античная традиция о крайнем Севере (проблема Туле) // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1982. № 5. С. 60–66.

Хенниг 1961 — *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. I.

Шелов-Коведяев 1994 — *Шелов-Коведяев Ф.В.* Плиний // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 18–36.

Щукин 1994 — *Щукин М.Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.

Щукин 1998 — *Щукин М.Б.* Янтарный путь и венеды // Проблемы археологии. СПб., 1998. Вып. 4. С. 198–208.

Яйленко 2013 — *Яйленко В.П.* Локализация Эи и страны киммерийцев в раннегреческой мифологической традиции // *Яйленко В.П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н.э. М., 2013. С. 11–21.

Ahlenius 1898–1899 — *Ahlenius K.* Die älteste geographische Kenntnis von Skandinavien // Eranos. Uppsala, 1898–1899. Bd. 3. S. 22–47.

Arrighetti 1975 — *Arrighetti G.* Cosmologia mitica di Omero e Esiodo // Esiodo: Letture critiche. Milano, 1975. Vol. 1. P. 146–213.

Baer 1873 — *Baer K. E. von.* Wo ist der Schauplatz der Fahrten des Odysseus zu finden? Historische Fragen mit Hülfe der Naturwissenschaften beantwortet // *Baer K. E. von.* Reden, gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen und kleine Aufsätze vermischten Inhalts. Sankt-Petersburg, 1873. 3. Teil (Nachdruck: Hildesheim, 2003).

Baron 2013 — *Baron C.A.* Timaeus of Tauromenium and Hellenistic Historiography. Cambridge; New York, 2013.

Ballabriga 1998 — *Ballabriga A.* Les fictions d'Homère. L'invention mythologique et cosmologique dans l'Odyssée. Paris, 1998.

Bérard 1927–1929 — *Bérard V.* Les navigations d'Ulysse. Paris, 1927–1929. Vol. I–IV.

Berger 1904 — *Berger H.* Mythische Kosmographie der Griechen // *Roscher W.H.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Supplement III. Leipzig, 1904 (Nachdruck: Hildesheim 1965).

Bernand 1985 — *Bernand A.* La carte du tragique. Le géographie dans la tragédie grecque. Paris, 1985.

Bernecker 1989 — *Bernecker A.* Die Feldzüge des Tiberius und die Darstellung der unterworfenen Gebiete in der Geographie des Ptolemaeus. Bonn, 1989.

Bianchetti 1998 — *Bianchetti S.* Pitea di Massalia. L'Oceano. Pisa; Roma, 1998.

Bichler, Sieberer 1996 — *Bichler R., Sieberer W.* Die Welt in Raum und Zeit im literarischen Reflex der episch-früharchaischen Ära // Wege zur Genese griechischer Identität: Die Bedeutung der früharchaischen Zeit / Chr. Ulf. Berlin, 1996. S. 116–155.

Borca 1998 — *Borca F.* Alius orbis: Percorsi letterari nell' "altrove" // Atene e Roma. 1998. Vol. 43. P. 21–39.

Brown 1958 — *Brown T.* Timaeus of Tauromenium. Berkeley, 1958.

Ceccarelli 2009 — *Ceccarelli P.* Isole e terraferma: la percezione della terra abitata in Grecia arcaica e classica // Immagine e immagini della Sicilia e di altre isole del Mediterraneo antico / Ed. C. Ampolo. Pisa, 2009. Vol. 1. P. 31–50.

Chevallier 1984 — *Chevallier R.* The Greco-Roman Conception of the North from Pytheas to Tacitus // Arctic. 1984. Vol. 37. No. 4. P. 341–346.

Chiai 2012 — *Chiai G.F.* Thinking Space: Insularity as Mental Model // Common Sense Geography and Mental Modelling / Ed. by K. Geus, M. Thiering. Berlin, 2012. P. 45–56 (Max Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte. Preprint 426).

Cunliffe 2002 — *Cunliffe B.* The Extraordinary Voyage of Pytheas the Greek. New York, 2002.

Detlefsen 1904 — *Detlefsen D.* Die Entdeckung des germanischen Nordens im Altertum. Berlin, 1904 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie, 8).

Dilke 1984 — *Dilke O.A.W.* Geographical Perceptions of the North in Pomponius Mela and Ptolemy // Arctic. 1984. Vol. 37. No. 4. P. 347–351.

Ditten 1989 — *Ditten H.* Zu Fragen des Siedlungsgebietes der Slawen in der Antike (1.–6. Jh.) nach den schriftlichen Quellen // Klio: Beiträge zur Alten Geschichte. 1989. Bd. 71. S. 202–210.

Dörpfeld, Rüter 1925 — *Dörpfeld W., Rüter H.* Die Heimkehr des Odysseus: Homers Odyssee in ihrer ursprünglichen Gestalt. München, 1925. Bd. I.

Frame 1978 — *Frame D.* The Myth of Return in Early Greek Epic. New Haven; London, 1978.

Gabba 1991 — *Gabba E.* L'insularità nella riflessione antica // Geografia storica della Grecia antica: Tradizioni e problem / Ed. F. Prontera. Roma; Bari, 1991. P. 106–109.

Gisinger 1952 — *Gisinger F.* Pomponius Mela // RE. 1952. Bd. XXI. T. 2. Col. 2360–2411.

Gisinger 1963 — *Gisinger F.* Pytheas von Massalia // RE. 1963. Bd. XXIV. T. 1. Col. 314–365.

Hergt 1893 — *Hergt G.* Die Nordlandfahrt des Pytheas. Halle a. S., 1893.

Herrmann 1926 — *Herrmann A.* Die Irrfahrten des Odysseus. Berlin, 1926 (Meereskunde, 169).

Heubeck 1989 — *Heubeck A.* Books 9–12 // A Commentary on Homer's Odyssey / Ed. by A. Heubeck, S. West, J.B. Hainsworth. Oxford, 1989. Vol. 2.

Hölscher 1988 — *Hölscher U.* Die Odyssee. Epos zwischen Märchen und Roman. München, 1988.

Isolated Islands 2011 — Isolated Islands in Medieval Nature, Culture and Mind / Ed. by T. Jørgensen, G. Jaritz. Budapest, 2011 (CEU Medievalia, 14).

Jackson 2005 — *Jackson T.* Ultima Thule in West European and Icelandic Traditions // Northern Studies. The Journal of the Scottish Society for Northern Studies. 2005. Vol. 39. P. 12–24.

Käppel 2001 — *Käppel L.* Bilder des Nordens im frühen antiken Griechenland // Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main et al., 2001. S. 11–27.

Klaudios Ptolemaios 2006 — *Klaudios Ptolemaios*. Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch. Einleitung, Text und Übersetzung, Index / Hrsg. von A. Stückelberger und G. Graßhoff. Unter Mitarbeit von F. Mittenhuber, R. Burri, K. Geus, G. Winkler, S. Ziegler, J. Hindermann, L. Koch, K. Keller. Basel, 2006. 1. Teil. Einleitung und Buch 1–4.

Kossina 1919 — *Kossina G.* Das Weichselgebiet. Danzig, 1919.

Kretschmer 1929 — *Kretschmer P.* Scandinavia // Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. Göttingen, 1929. Bd. 17. S. 148–151.

Kulakov 2005 — *Kulakov V.I.* Amber Lands in the Time of the Roman Empire. Oxford, 2005 (BAR International Series, 1359).

Lowmianski 1964 — *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e. I. Warszawa, 1964.

Lund 2001 — *Lund A.A.* Die Erfindung Germaniens und die Entdeckung Skandinaviens in Antike und Mittelalter // Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main et al., 2001. S. 29–45.

Magnani 2002 — *Magnani S.* Il viaggio di Pitea sull'Oceano. Bologna, 2002.

McPhail 2011 — *McPhail C.* Reconstructing Eratosthenes' map of the world: A study in source analysis. Thesis Dunedin, 2011.

McPhail 2014 — *McPhail C.* Pytheas of Massalia's route of travel // Phoenix. 2014. Vol. 68. No. 3/4. P. 247–257.

Melin 1960 — *Melin B.* Die Heimat der Kimbern. Uppsala, 1960 (Uppsala Universitets Årsskrift, 5).

Mette 1952 — *Mette H.J.* Pytheas von Messalia. Fragmenta. Berlin, 1952 (Kleine Texte für Vorlesungen und Übubgen, 173).

Müllenhoff 1890 — *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1890. Bd. I.

Navarro 1925 — *Navarro J.M. de.* Prehistoric Routes between Northern Europe and Italy Defined by the Amber Trade // The Geographical Journal. 1925. Vol. 66. No. 6. P. 481–503.

Neuhausen 1991 — *Neuhausen K.A.* Die Nordinsel Glaesaria = Austeravia bei Florus, Plinius Maior and Solinus: Neues zu den Feldzügen des Drusus in Germanien // ACD. 1991. T. XXVII. S. 67–97.

Parroni 1984 — *Parroni P.* Surviving Sources of the Classical Geographers through Late Antiquity and the Medieval Period // Arctic. 1984. Vol. 37. No. 4. P. 352–358.

Parroni 1984 — Pomponii Melae de Chorographia libri tres / Introduzione, edizione critica e commento di P. Parroni. Roma, 1984.

Prontera 1998 — *Prontera Fr.* Insel // RAC. 1998. Bd. 18. S. 312–328.

Pekkanen 1980 — *Pekkanen T.* Exegetical notes on the Latin sources of Northern Europe // Arctos: Acta philologica Fennica. 1980. Vol. 14. P. 79–89.

Pellech 1983 — *Pellech Ch.* Die Odyssee. Eine antike Weltumsegelung. Berlin, 1983.

Radermacher 1915 — *Radermacher L.* Die Erzählungen der Odyssee. Wien, 1915.

Ramin 1979 — *Ramin J.* Mythologie et Géographie. Paris, 1979.

Rausch 2013 — *Rausch S.* Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Darmstadt, 2013.

Roller 2006 — *Roller D.W.* Through the Pillars of Herakles: Greco-Roman Exploration of the Atlantic. New York, 2006.

Romm 1992 — *Romm J.* The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration and Fiction. Princeton, 1992.

Roseman 1994 — *Roseman Ch.H.* Pytheas of Massalia: On the Ocean. Chicago, 1994.

Sallmann 1971 — *Sallmann K.G.* Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. Berlin; New York, 1971 (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte, 11).

Schweder 1897 — *Schweder E.* Über die Weltkarte und Chorographie des Kaisers Augustus. 2. Die römische Chorographie als Hauptquelle der Chorographieen des Mela und des Plinius // Philologus. 1897. Bd. 54. S. 130–162.

Seibold 2005 — *Seibold E.*. Antike Vorstellungen und die Nordostpassage, Stuttgart; Mainz 2005 (Abhandlungen der Mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse / Akademie der Wissenschaften und der Literatur).

van Son 1962 — *van Son D.W.L.* Zur Deutung von Plinius N.H. II 167 // Mnemosyne. 1962. Vol. 15. S. 146–152.

Spekke 1957 — *Spekke A.* The Ancient Amber Routes and the Geographical Discovery of the Eastern Baltic. Stockholm, 1957.

Stechow 1948 — *Stechow E.* Zur Entdeckung der Ostsee durch die Römer // FuF. 1948. Bd. 24. S. 240–241.

Svennung 1963 — *Svennung J.* Scandinavia und Scandia. Lateinisch-nordische Namenstudien. Uppsala, 1963 (Scrifter utgivna av K. humanistiska vetenskapssamfundet i Uppsala, 44,1).

Svennung 1966 — *Svennung J.* Jordanes und Scandia. Kritisch-exegetische Studien. Stockholm, 1966 (Scrifter utgivna av K. humanistiska vetenskapssamfundet i Uppsala, 44.2 A).

Svennung 1974 — *Svennung J.* Skandinavien bei Plinius und Ptolemaios. Kritisch-exegetische Forschungen zu den ältesten nordischen Sprachdenkmälern. Uppsala, 1974 (Scrifter utgivna av K. humanistiska vetenskapssamfundet i Uppsala, 45).

Szabó 1990 — *Szabó Á.* Der Sechs Monate-Schlaf // ACD. 1990. T. XXVI. S. 19–22.

van Thiel 1988 — *van Thiel H.* Odysseen. Basel, 1988.

Villate 1991 — *Villate S.* L'insularité dans la pensée grecque. Paris, 1991 (Annales littéraires de l'Unviersité de Besançon, 446).

Vos 1963 — *Vos H.* Die Bahnen von Nacht und Tag // Mnemosyne. 1963. Vol. 16. S. 18–34.

Weibull 1925 — *Weibull L.* Scandza und ihre Völker in der Darstellung des Jordanes // Arkiv för Nordisk filologi. Lund, 1925. B. 41. S. 213–246.

Weibull 1934 — *Weibull L.* Upptäckten av den skandinaviska Norden // Scandia. Lund, 1934. Vol. 7. P. 80–143.

Wolf 2009 — *Wolf A.* Homers Reise. Auf den Spuren des Odysseus. Köln; Weimar; Wien, 2009.

Zehnacker 2004 — *Zehnacker H.* L'Europe du Nord dans l' "Histoire naturelle" de Pline l'Ancien (N.H. IV, 88–104) // REL. 2004. T. 82. P. 167–186.

А.Б. Целунов

СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ И ФЕНОМЕН ИНКАСТЕЛЛАМЕНТО В ПОСТВИЗАНТИЙСКОЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИТАЛИИ VIII–X ВЕКОВ

Аннотация: Настоящая статья ставит своей целью анализ письменных источников документального характера в контексте изучения характера и эволюции территориальной организации и структуры поселений в поствизантийской северо-восточной Италии, совпадавшей с границами бывшего Экзархата с центром в Равенне и длительное время находившейся под административным контролем влиятельной Равеннской архиепископии. На протяжении более чем трёх столетий после падения константинопольской власти историко-географическое единство региона определялось континуитетом в системе организации пространства и системы поселений, многое унаследовавшей от позднеримской эпохи, и набиравшие силу процессы инкастелламенто, синхронно зафиксированные во многих регионах северной Италии, не привели, тем не менее, к реорганизации пространства в сторону формирования альтернативных социально-политических и экономических центров власти, имеющих достаточный потенциал к значительной аккумуляции населения.

Ключевые слова: инкастелламенто, средневековая Романья, аграрный пейзаж, поселение, территориальная организация.

Статья посвящена проблеме эволюции поселений зоны бывших владений Византии в северо-восточной Италии в раннее Средневековье. Наше исследование выполнено на основе большого и малоизученного корпуса частных актов Архиепископского архива Равенны за 700–1000 гг., главным образом, документов экономического характера (аграрных контрактов). В нашу задачу входит критическое изучение топографической номенклатуры сравнительно унифицированного корпуса источников с целью выявления конкретных историко-географических

реалий региона в период между крахом византийского господства в середине VIII в. и радикальным преобразованием территориального устройства, системы поселений и организации пространства в XI–XII вв. Ряд поднимаемых нами вопросов был затронут в исследованиях итальянских медиевистов второй половины XX в. Некоторым из них, в частности, были посвящены статьи и специальные монографии В. Фумагалли, А. Кастаньетти, М. Монтанари, Дж. Паскуали, Э. Балдетти и других исследователей[1]. Тем не менее, изучение круга проблем, связанных с территориальной организацией региона в докоммунальную эпоху, стало возможным лишь в последние десятилетия благодаря появлению современного научного издания грамот, выполненного итальянским дипломатистом Р. Бенеричетти, а систематическое изучение области археологическими методами только начинается. Что же касается отечественной науки, то проблема эволюции территориальной организации северо-восточной Италии до последнего времени не попадала в поле зрения медиевистов, а частные акты Равенны привлекались в исторических исследованиях исключительно ретроспективно: хорошим примером могут служить исследования О.Р. Бородина. В свете всего вышесказанного актуальность изучения письменных источников и той информации, которая скрывается за лаконичными формулярами грамот, представляется неоспоримой.

В центре нашего исследования находится область адриатического побережья Северо-Восточной Италии — некогда высокоурбанизированный регион с центром в Равенне, до 751 г. пребывавший под все более номинальной властью Константинополя в рамках особой провинции — Экзархата, а после трансформировавшийся, по выражению Р. Савиньи, в «автономный политико-административный организм», на протяжении VIII–X вв. формально входивший в состав папских владений, Итальянского королевства и Священной Римской империи (Илл. 1). На всём протяжении изучаемого периода регион сохранял значительную самостоятельность, обусловленную внутренней слабостью этих политических образований и прочностью позиций архиепископии как крупнейшего собственника земли, присвоившего себе

[1] См.: Castagnetti 1979; Montanari 1988; Montanari 1994; Pasquali 1981; Baldetti 1983; Baldetti 2003.

имущества ликвидированного фиска, и фактического наследника равеннских экзархов. Архиепископия Равенны VIII–XI вв., по данным целого ряда источников, распространяла фактическую административную власть на часть территории бывшего Экзархата, частично совпадавшей с границами современной Романьи (от Феррары до Римини) и северной части анконской Марке (главным образом, Пентаполя Морского с центром в Римини). Последняя, охватывающая север римской провинции Пицен, в нынешних границах совпадает с современными провинциями Римини и Пезаро. Помимо прибрежных городов Пентаполя Морского, архиепископия располагала землями в пределах Иези, который был присоединен к Пентаполю в VIII в., в Умбрии, в частности, в округах Губбио и Перуджи, а также в округе Озимо (*Auximum*). Все эти города некогда входили в так называемый Внутренний (Сухопутный) Пентаполь. Романья (*Romània*), являвшаяся своеобразным «хартлэндом» равеннского патримония, представляет собой исторический регион с нестабильными и постоянно менявшимися с течением времени (вплоть до XXI в.) границами, однако на всем протяжении докоммунального периода сохранялось определенное представление о Романье (и северной Марке) как об особой зоне, охватывавшей не только территории компактного расположения архиепископского патримония, чьи административные границы совпадали с прежними владениями византийцев на побережье Адриатики в северо-восточной Италии, но и специфическую культурную зону, которую В. Фумагалли, и, вслед за ним, М. Монтанари, очевидно, преувеличивая, охарактеризовали как особую «цивилизацию»[2], находящуюся в постоянной оппозиции к «Лангобардии», комплексу территорий, вошедших в состав лангобардского королевства. В рамках этой зоны получили распространение специфические формы землепользования, определившие её хозяйственный облик и, в конечном счёте, саму структуру поселений. Здесь политический ландшафт (сфера публичной власти архиепископии и её институтов) совпадает с ландшафтом аграрным, поскольку сохранение римско-византийских поселенческих паттернов и регулярной топографической сети определялись прочностью позиций городов и практи-

[2] Montanari 1989: 598.

чески полным отсутствием более или менее независимых альтернативных политических и экономических центров (светских вотчин и монастырей).

Илл. 1.

Карта Романьи Дж. А. Маджини. 1598 г.

Территориальное устройство Романьи и северной Марке многое унаследовало от римских административных структур, основанных на «трехуровневой» системе *fundus* — *pagus* — *territorium civitatis*, просуществовавшей в неизменном виде, самое большее, до IV в. н.э.[3]. В изучаемый период (VIII–XI вв.)

[3] Castagnetti 1984: 59.

система в модифицированном виде представляла собой структуру *fundus — plebe — territorium civitatis*. Со второй половины VIII в. из традиционного формуляра грамот исчезает *pagus*, являвшийся, по данным алиментарных таблиц, территориально-административной единицей организации сельской местности, изначально связанный с реалиями лигурийского и кельтского населения, в том числе, с организацией культа[4]. В центре административного деления находился *civitas*, прямой наследник римского *municipium*, представляющий собой локализованный в пространстве и защищенный укреплениями населенный пункт, где располагался центр диоцеза под верховным управлением Равеннской метрополии. Система городов и административно подчиненных ей округов (*territoria*), начинавшихся сразу вслед за субурбием и приблизительно (хотя и далеко не всегда) совпадавших с границами городских диоцезов, сохранилась без изменений и, по данным археологии и ряда источников, сравнительно безболезненно пережила процессы деурбанизации, охватившие регионы Северной Италии. Городские округа раннего Средневековья продолжают находиться в зависимом положении по отношению к *civitas*, что свидетельствует о прочном континуитете с римским временем и является характерной чертой региона.

Civitas, будучи укрепленным поселением, играл центральную роль в организации социального пространства. Во-первых, он выполнял функции военно-административного и церковного центра для своей округи. Во-вторых, он служил местом постоянного проживания землевладельческой знати, церковных иерархов и управляющих, целого ряда должностных лиц, ремесленников и торговцев. В-третьих, он являлся местом аккумуляции натуральной ренты в пользу церковных и светских собственников: здесь располагались ректории архиепископии, большинство церквей и монастырей, выступавших, наравне с прочи-

[4] Marini 1805: № 130–32 (= Tjäder 1955: № 12); Marini 1805: № 114, 84. В последний раз в наших источниках он фигурирует в BER в регесте 34, датируемой временем правления архиепископа Сергия (744–769): речь идет о паге *Acervolano* (совр. Сантарканджело) в риминийском округе. Следы пагов угадываются в топонимии округа Фаэнцы конца IX в.: *Pago Inferiore*, *Pago Superiore* (Benericetti 2006: № 42).

ми, арендодателями для крестьян-колонов. Значение города практически не подрывалось ростом локальных экономических центров, таких, как *curtes* землевладельческой знати или монастырей, большинство которых, располагаясь в пределах Равенны, были достаточно слабы и политически несамостоятельны. Тем не менее, источники убедительно свидетельствуют в пользу процессов аграризации и инфраструктурной деградации, которые переживал город Романьи в раннесредневековый период. На *territoria civitatis* накладывается сеть новых церковно-административных единиц — приходов (*plebe*). Приходы появляются в документах сравнительно поздно, с конца VIII в., став повсеместным явлением лишь с X в. Историки давно обратили внимание на связь локальной церковной организации с кадастровой системой. Исчезновение пагов и появление приходов наводит некоторых исследователей на мысль (правда, не подкреплённую убедительными доказательствами) о континуитете между приходским устройством, виками (*vici*) и пагами, образовавшимися еще в доримскую эпоху. Формирование приходской сети, по данным археологии, приходится на VIII–IX вв.[5]. В источниках второй половины X в. мы встречаем уже сравнительно мало новых приходов, а после 1000 г. интенсивность их появления в источниках резко снижается.

Для понимания особенности территориальной организации Романьи и северной Марке крайне важно раскрыть содержание ключевых понятий, характеризующих аграрный пейзаж региона в раннее Средневековье: *fundus*, *casale*, *massa* (*curtes*), *locus*[6]. Эта топографическая сеть, известная нам по папирусам VI–VII вв., просуществовала вплоть до XI–XII вв. В основе кадастровой системы, основанной на центуриации, лежала утратившая свое первоначальное хозяйственное значение единица мелкой собственности республиканской эпохи — *fundus*, примерно соответствовавшая «классической» римской вилле. Многие *fundi* в фискально-административных целях сводились в *massae* и *curtes*, огромные комплексы земель, внешне напоминавшие латифундии эпохи Принципата и служившие инструментом аграрной колонизации округи. На локальном уровне в рамках сети *fundi*

[5] Augenti et al. 2010.
[6] Бородин 2001: 192–195.

развивались хутора и микропоселения с наделами (*casalia*), часто возникавшие в пограничных и слабо заселённых зонах для их дальнейшего хозяйственного освоения. Меньше всего ясности наблюдается в попытках интерпретации термина *locus* (*loco*), который в римскую эпоху мог означать фиксированную часть *fundus*. В широком смысле *locus* обозначал как местность, так и любой автономный земельный объект, включая *massa*, *curtis*, *casale* или их множества, однако чаще всего — *fundus*[7] или его фиксированную долю[8], а также, опять же в широком смысле, наделы, в силу разных причин (как правило, особенностей местности) отличавшиеся от *fundi*.

Было ли место деревне (или, шире, какому-либо типу компактного сельского поселения) и сопутствующей ей общинной организации в этой кадастровой системе? Система поселений в Экзархате (включая Пентаполь Морской) в VIII–XI вв. демонстрирует прочный континуитет с византийским временем и сохраняет децентрализованный характер, отвечавший потребностям мелких парцеллярных хозяйств непосредственных производителей[9]. В отличие от Эмилии, где те или иные земельные объекты локализуются по различным центрам (*curtes*, *vici*, *casalia*), от которых они зависели административно и к которым тяготели экономически, в Романье локализация земельного надела, помимо округа и прихода, ограничивается рамками кадастровой системы (*fundi*), а его демаркация — соседними *fundi*, а также искусственными или естественными границами безотносительно текущего собственника или арендатора, что также представляется неслучайным и, несомненно, свидетельствует в пользу не столько консерватизма нотариев и табеллионов, составителей аграрных контактов, сколько особого способа организации пространства. Даже сам способ эксплуатации земли, многое унаследовавший от римско-византийского времени, когда в производстве доминировали *coloniae*, предполагал высокую парцеллированность наделов, сравнительную автономность семейного держания как основной производственной единицы,

[7] Benericetti 2002: № 134, 156, 170; Benericetti 2002a: № 269; BER: № 86; cf. BER: № 89: “de fundo in integro qui vocatur Casa Vetere”.

[8] Benericetti 2002: № 165; Benericetti 2002a: № 269; Muzzioli 1987: № 14.

[9] Бородин 2001: 304.

«элементарной клетки» (по меткому определению А. Гийу), и, как следствие, отсутствие институтов общинной кооперации, а гарантом её существования выступают прочные позиции публичной власти архиепископов.

В рассматриваемый период эволюция в сторону концентрации домохозяйств в рамках полноценных деревень (*villae*) имеет маргинальный характер, а *curtes*, в отличие от Эмилии, являются лишь сводными земельными коплексами, аналогичными латифундиям (*massae*), и не обладают достаточным потенциалом к аккумуляции населения; скорее, как полагает А. Кастаньетти, речь идёт о поверхностном терминологическом заимствовании. Подобный аргумент *ex silentio*, конечно же, требует существенной корректировки, однако некоторые выводы можно сделать и на основе доступных нам письменных источников, где, на наш взгляд, происходит соприкосновение консервативного делопроизводственного лексикона, в котором мало что изменилось с позднеантичных времён, с конкретными топографическими реалиями. В документе середины X в. из Губбио в рамках существующей сети *fundi* и публичных дорог фигурируют *villae*[10]. С учетом того, что документ был составлен равеннским нотарием, мы можем, по крайней мере, допускать, что в изучаемый нам период грамотным людям был знаком спектр значений слова *villa*, и их отсутствие в равеннской документации, относящейся к Романье и северной Марке, отнюдь не случайно. В актах бывшего экзархата *villae* массово появляются значительно позже и лишь с XI в. Единичный случай упоминания *villa* до 1000 г. относится к *villa Taibano*, населенному пункту в фавентийском округе, упомянутому в акте 991 г. и выросшему, судя по всему, вокруг одноименного укрепления или замка[11]. Система поселений, таким образом, сохраняла рассеянный и децентрализованный характер, что предполагало слабость, а то и полное отсутствие общинных институтов. Ситуация изменяется в XI–XII вв. в связи с интенсивным ростом населения: под давлением демографического пресса распалась прежняя кадастровая система, вследствие чего основной единицей держания становится небольшая парцелла-пеция (*pecia*), размером от од-

[10] Benericetti 1999: № 55; BER: № 168.
[11] Muzzioli 1987: № 41.

ной до 10 торнатур, в массе либеллярных контрактов растет удельный вес многосемейных коллективов, а источники свидетельствуют о появлении полноценных поселений (*villae*) как фискальных единиц.

Важным исключением является зона нижнего течения р. По, охватывающая округ Феррары, а также Ровиго (Венето). Там еще со второй половины IX в. мы обнаруживаем поселения с характерным названием *vicus*[12], некоторые из которых, как, например, *Vico Aventino* (*Vicovencia*, совр. Вогьера) и *Vico Argento* (совр. Арджента) восходят к поздней Античности. *Vicovencia* была полноценным населенным пунктом и центром диоцеза, которому подчинялись приходы его округа[13]. Аграрные контракты здесь заключаются с крупными территориальными объединениями крестьянских семейств, часто заселявших целые *massae*, что предполагает постепенную концентрацию земледельческого населения, отвечавшую потребностям в обработке и освоении заболоченных почв. Неслучайно в XII–XIII вв. *massae* начинают фигурировать в источниках под термином *villae*, а *fundus* становится синонимом для сельского поселения[14]. Так, в папской привилегии 1259 г., опубликованной в Камальдонийских анналах, мы читаем об имуществах в феррарской епископии, расположенных «в *villa*, которая называется *Massa*»[15]. Масса *Cuparia* (совр. коммуна Коппаро) также впоследствии превратилась в полноценное поселение. У нас есть основания полагать, что известная нам *massa Fiscalia* была уже полноценным поселением в конце IX в.: она, в частности, фигурирует в перечне прочих населенных пунктов среди владений франкской графини Ингельрады в качестве *loco* наряду с Вогенцой, Корначервиной и Финале. Топоним *Tamara*, названный, в одном случае, *fundus*, который обрабатывает группа колонов и субарендаторов[16], наряду с *Caput Sandali* и *Curolo* в *placitum* 970 г. фигурирует под термином *locus*[17]. Впрочем, характер заселения, воз-

[12] Benericetti 2006: № 44; Benericetti 2002: № 91, 111, 118; CDP: № 18, 22.

[13] Benericetti 2002a: № 234.

[14] Castagnetti 1980: 209.

[15] Mittarelli 1760: 120.

[16] Benericetti 2002: № 155.

[17] Benericetti 2002: № 151.

можно, мог оставаться рассеянным, локализованным в отдельных домохозяйствах (*casale* — термин, в данном случае имеющий отличную от Романьи семантику), как обстоит дело в *massa Quartisana*[18]. Дважды (в либеллах 957 и 970 гг.) в перечне групп либеллариев мы встречаем кузнецов, табеллионов, один раз — священника, что, несомненно, говорит об относительно автономном характере этих поселений[19]. Кроме того, обращает на себя внимание обычай сортировки и молотьбы злаков на гумне (*area*), несомненно, предполагавший объединение трудовых усилий нескольких крестьянских хозяйств, и, таким образом, наличие определенной общинной кооперации. Тем не менее, несмотря на эти локальные особенности, мы, в целом, имеем дело с достаточно однородным регионом.

На микроуровне, конечно же, могли существовать и другие альтернативные формы поселений, но они были практически исключительно связаны с иным (неиталийским) этническим элементом. «Земля, обрабатываемая славянами», расположенная в непосредственной близости от Равенны, вероятно, могла представлять собой общину, арендующую землю у архиепископа и впервые фигурирующую в актовом материале начиная с 943 г.[20]. Скорее всего, она совпадает с локализованным в Равеннском округе топонимом *locum Sclavi*, впервые встречающимся в акте 966 г., потому что оба объекта граничат с местечком *Trisclo*[21]. В округе Римини документы фиксируют еще несколько топонимов, которые можно со всей долей осторожности соотнести с пришлым славянским или славянизированным тюрко-болгарским населением. Речь идет о местечках *Sclavrianum*, *Bulgaria Nova*, *terra Bulgarorum* и *fine Bulgarisca*[22]. В округе Сенигаллии в долине реки Чезано вплоть до XII в. можно встретить топоним «*vico Bulgarum*, которое называется *Sclavinorum*»[23]. Вероятно, нечто похожее существовало и на землях периферии, занятых лангобардскими поселенцами: так, с *fundus Longobaldi*, очевид-

[18] Benericetti 2002a: № 232.

[19] Benericetti 2006: № 48; Benericetti 2002: № 91, 155; Benericetti 2002a: № 232.

[20] Benericetti 1999: № 50.

[21] Benericetti 2002: № 124.

[22] Benericetti 2006: № 14; BER: № 43, 73.

[23] Polverari 1969: 11.

но, получившим своё название от лангобардских поселенцев, граничит *fundus Consortie*; не исключено, что топоним восходит к обработке имения коллективом совладельцев. Скажем, колон Леопард арендует землю в округе Озимо «со многими своими товарищами (*sociis*)»[24], что, теоретически, может предполагать наличие общинного объединения. Возможно, тесно связанные с лангобардами славяно-болгарские поселенцы обрабатывали землю сходным образом: неподалёку от *fundus Consortie* мы встречаем местечко *Oliva de Bulgari*.

Серьезные проблемы встают перед исследователем при изучении феномена инкастелламенто. Исторические условия перманентной войны с лангобардами наложили свой глубокий отпечаток не только на общество, но и на территориальное пространство Романьи. В византийский период вся структура поселений была приспособлена для обороны стратегически важных коммуникаций, в частности, Фламиниевой дороги и ее маркийского ответвления, связывавших Равенну с Римом. Наследием этой системы является сеть византийских крепостей (*castra*), некоторые из которых, как, например, *castrum Cesubeum*, позже стали крупными населенными пунктами. Документы доносят до нас упоминания о различных укреплениях (*castrum, castellum, turris*) и более мелких укрепленных хуторах (*tumba*) и поселениях. Семантические нюансы разграничить довольно трудно, а привлекающая своей простотой интерпретация богослова и учёного-энциклопедиста Исидора Севильского, полагавшего, что «небольшой *castrum* называется *castellum*», зачастую нерелевантна в связи с синонимичностью этих терминов. Некоторые из них, теоретически, могут восходить к довизантийскому времени. В частности, Чезена, расположенная в долине реки Савио, в период готской войны была серьезно укреплена и являлась важным стратегическим пунктом для обороны от византийской агрессии. Следы укреплений прослеживаются в городской топонимии Чезены: упоминающийся в источниках *Castro Superiore*, по-видимому, обозначает укрепленное пространство города Чезены, где расположены жилые постройки, объекты инфраструк-

[24] BER: № 149.

туры и придомные садовые участки[25]. Наличие укреплений прослеживается и в топонимии приходов чезенского округа.

Наличие сети византийских крепостей (*castra*), обеспечивавших стратегически важные коммуникации Экзархата после стабилизации границы в 642 г., наиболее рельефно выступает на пограничье[26], например, в пределах Болоньи[27], и, в особенности, в Пентаполе. Достаточно сказать, что Равеннский аноним (VII в.) и, вслед за ним, географ Гвидо (XII в.) назвали внутренний Пентаполь «провинцией крепостей (*provincia castellorum*)»[28]. Как бы то ни было, их назначение, по всей видимости, сильно различалось: от простых аванпостов до крупных укрепленных пунктов, некоторые из которых позже стали центрами будущих приходов и полнокровных поселений, а также целых городов: скорее всего, на базе таких *castra*, зафиксированных в грамотах не позже конца X в., возникли города Феррара и Комаккьо, известный нам как *castrum* из римской «Книги понтификов»[29], а также Чезена и Червия[30]. Серьезные изменения на рубеже Античности и Средневековья пережила Имола (*Forum Cornelii*), в пределах которой образовалось два укрепленных поселения. О.Р. Бородин полагает, что значение *castra* снизилось в связи с общей иррегуляризацией византийской армии: уже к началу VIII в. они уже не имели постоянных гарнизонов[31]. Можно предположить, что одним из таких *castra* являлся *Conke*, названный по одноименной реке, который, вероятно, служил резиденцией дукса Римини и, по всей видимости, в византийский период являлся территорией публичной власти. По крайней мере, факт наличия замка, расположенного в пределах владений дукса, сопоставляя документы, можно датировать приблизительно серединой IX в.[32] Об его стратегическом значении (он располагался южнее Римини,

[25] Benericetti 2006: № 46; Benericetti 1999: № 24; Muzzioli 1987: № 37.
[26] Diehl 1888: 58.
[27] Lazzari 1998: 28.
[28] Pinder, Parthey 1860: 247–248; 502.
[29] Duchesne 1886: 453.
[30] Бородин 2001: 304.
[31] Бородин 2001: 84.
[32] BER: № 76: “que loca sunt posita territorio castro Conke”. Многие топонимы, названные в регесте, упоминаются в грамоте, датируемой серединой IX в. (Benericetti 2006: № 14). BER: № 52: “in *loco* qui dicitur Conke”.

в зоне Каттолика, контролируя адриатическое побережье) говорит факт наличия воинских наделов в округе крепости, в частности, земель драконария и бандифора. К сожалению, точно датированное свидетельство наличия замка содержится лишь в дипломе Оттона I от 969 г., составленном «... в Романии близ замка (*castellum*), который называется Конка»[33]. Не позднее 996 г. (а скорее всего — гораздо раньше) он стал приходским центром[34].

О густой сети укреплений и аванпостов свидетельствуют и данные топонимии. В Пентаполе, в особенности в районе Римини, грамоты позволяют локализовать несколько топонимов *fundi*, образованных от *turris* (башня) и во многих случаях связанных с системой бывших воинских держаний. Это, в первую очередь, *Turicclas, Turris*, расположенный среди прочих воинских наделов в пределах замка *Conke*[35]*, Turriano, Turiano*; один такой топоним локализуется в пределах Озимо[36]. Воинский надел *fundus Turrita* в Умбрии, расположенный в непосредственной близости от Губбио, достался архиепископии от воина Петронакса[37]. Подобные агронимы встречаются также и в округах Чезены, Форли и трибунате *Decimo*[38]. Кое-какие данные указывают и на то, что некоторые топонимы в Экзархате, связанные с укреплениями, имели явно не византийское происхождение. Где-то в пределах Чезены, судя по оттоновскому диплому 981 г., располагался *armania de Turri*, по всей видимости, аванпост или пограничный воинский надел лангобардов[39], выделенный ариманнам (*exercitales*), скорее всего, в годы лангобардской оккупации.

Система крепостей в Романье могла служить интересам публичной власти архиепископии для укрепления фискально-административной власти над своим патримонием. Вероятно, архиепископия продолжала поддерживать ряд унаследованных от Экзархата крепостей для более эффективного контроля над

[33] Sickel 1879: 515.
[34] Fantuzzi 1804: № 10.
[35] BER: № 76.
[36] BER: № 115, 133.
[37] BER: № 169.
[38] Federici 1907: № 2.
[39] Muzzioli 1987: № 37.

территорией и противодействия росту сеньориальной власти феодалов, хотя некоторые из замков, возможно, пришли в негодность или были разрушены: такова судьба безымянного *castrum* в *fundus Antugnano*[40] в округе Чезены. Некоторые из них со временем оказались в руках светских феодалов. Также возможно, что какая-то часть *castra* была новооснованными укрепленными пунктами. К сожалению, источники VIII–X вв. могут рассказать нам сравнительно немного. Болонская *massa Ronke* (*Ponte*) в 972 г. включала, помимо прочего, *pogium*, очевидно, естественное возвышение, на котором была сооружена башня[41]. Похожая структура с *castrum* на возвышении описана в обменной грамоте 970 г.: ряд топонимических совпадений (*Caballis, Ponte*) наводят на мысль о тождественности этих объектов[42]. Если это так, то *castrum* представлял собой всего лишь башню (*turris*). В пределах церковной латифундии *corte Casa Ficaria* в Форли в 997 г. также был выстроен замок[43]. В папской булле 998 г. в перечне архиепископских владений в пограничье Пезаро, Римини и Монтефельтро названы замки *Ligabicci, Galiola, Granariola, Montecorbino, Crucis*[44]. Возможно, некоторые из них выполняли определенные хозяйственно-административные функции. *Castello Montelliano*, располагавшийся в округе Римини, служил в 60-х гг. X в. пунктом доставки сельскохозяйственной продукции[45]. Интересен либеллярный договор 957 г., где пунктом доставки вина для колонов является *castrum Rivassiano*, локализующийся в округе Чезены, в пределах владений церкви св. Захария и Иоанна Крестителя[46].

Нам неизвестно, служили ли эти крепости только в качестве убежищ или же являлись населенными пунктами, однако некоторые из них были достаточно вместительными и стали базой для дальнейшей аккумуляции населения. Главная башня (*turris maior*) расположенного на горе *Castrum Cesubeum*, приходского

[40] Federici 1907: № 8.
[41] Benericetti 2002: № 167.
[42] CDP: № 10.
[43] Benericetti 2002a: № 269.
[44] Benericetti 2002a: № 275.
[45] Benericetti 2002: № 139.
[46] CDP: № 7.

центра[47] и будущего крупного поселения Бертиноро, в 995 г. оказалась способной вместить огромное количество знати, прибывшей на судебное разбирательство[48]. Другие *castra* также могли служить приходскими центрами: например, приход св. Марии в Фаэнце располагался в *castro Rontano*[49], другой приход св. Марии находился *in castro Cipariano*[50], и здесь связь с населенным пунктом представляется более вероятной. В актах Архиепископского архива Равенны мы встречаем *castrum Tusiniano*, укрепленный, по всей видимости, сельский приход в округе Имолы, а из акта 953 г. узнаем о расположении имолийского прихода св. Марии «в замке (*castro*), который называется *Tiberiacus*»[51]: обе крепости упоминаются, наряду с городскими топонимами Романьи, в папском акте Льва VIII, что, несомненно, свидетельствует об их важном стратегическом значении. Весьма вероятно, что *castrum Tiberiacus* восходит к византийскому укреплению: он упоминается в римской «Книге понтификов» в договоре папы Стефана II с лангобардским королём Дезидерием[52].

В местечке *Castro Novo* локализуется приход св. Марии в районе Форлимпополи, а о его заселении постоянными обитателями, по меньшей мере, в 80–90-х гг. X в. свидетельствуют данные антропонимии[53]. Очень интересна ситуация с находящимся в собственности монастыря св. Марии *at Cereseo* замком *Taibano*[54], расположенном в фавентийском округе. Впервые он упоминается в императорском дипломе 981 г., но уже в 991 г. один из либеллярных контрактов был составлен в *villa Taibano*, в приходе св. Прокула[55]. Таким образом, не позднее 991 г. рядом с замком выросло небольшое поселение. Итак, *castrum*, являясь укрепленным пространством, возможно, крепостью византийского времени, не являясь альтернативным по отношению

[47] Muzzioli 1987: № 17; Federici 1907: № 2.
[48] Benericetti 2002a: № 265.
[49] Benericetti 2002: № 174.
[50] Muzzioli 1987: № 26.
[51] CDP: № 5.
[52] Duchesne 1886: 455.
[53] Benericetti 2002a: № 265.
[54] Muzzioli 1987: № 37.
[55] Muzzioli 1987: № 44.

к *civitas* центром организации пространства, имел определённый потенциал к аккумуляции земледельческого населения и мог служить даже приходским центром. В 991 г. группа крестьян арендует участок земли на территории *castrum Suripule* в пределах Чезены для сооружения там жилища с обязательством охранять и оберегать сам замок[56] — позже, в развитое Средневековье, из него вырастет бург. В феррарском округе в 970 г. группа ариманнов проживала в *castrum Ficariole*[57]. Из этого, кроме того, следует важный вывод, что инкастелламенто не обязательно был связан с инициативами крупных светских и церковных землевладельцев. Рядом с прежним городским центром Имолы (*Forum Cornelii*), сохранившим, в соответствии с центуриацией, свою квадратную планировку, на рубеже веков выросли два крупных укрепленных центра, *Castrum Ymolas* и *Castrum Sancti Cassiani*: последний, если верить документам, как минимум, с 1019 г. превратился в центр диоцеза. Находящийся в собственности имолийского диоцеза *monte castro Imola*, выросший в непосредственной близости от античного центра, имел на своей территории жилые постройки, которые могли сдаваться в субаренду, а рядом с ним уже в 964 г. находились держания священника и кузнеца, возможно, проживавших там же[58].

В условиях отсутствия классической «вотчинной системы» и маргинальности светских *curtes*, а также в силу урбаноцентризма крупных землевладельцев и прочных позиций архиепископской власти, феномен инкастелламенто в землях Романьи и северной Марке как социально-экономическое явление, связанное с формированием «замковой аристократии» и реорганизацией социального пространства и структуры поселений, приобрел ограниченные масштабы. Вместе с тем мы не можем согласиться с Д. Паскуали, полагавшим правомерным возводить инкастелламенто как явление строительства частных замков в Романье и северной Марке не раньше XII в.[59]. Равным образом нельзя согласиться и с А. Кастаньетти, сводившим функции романского замка, неспособного, по его мнению, стать центром аккуму-

[56] Benericetti 2002a: № 249.
[57] Benericetti 2002: № 151.
[58] Gaddoni, Zaccherini 1912: № 1.
[59] Pasquali 1984: 204–209.

ляции земельной собственности и земледельческого населения, исключительно к оборонительным задачам. Политическая нестабильность второй половины IX в., связанная с вооруженной борьбой между Беренгарием, Гвидо Сполетским и Ламбертом, питала инкастелламенто не в меньшей степени, чем внешняя угроза, связанная с вторжениями арабов и болгар. Специфически романская форма инкастелламенто закладывалась на базе существующей сети унаследованных от Экзархата укреплений, однако типологически находилась в русле социально-экономических процессов Северной Италии. Самое раннее упоминание частного замка относится к концу IX в. В 896 г. франкская графиня Ингельрада в числе прочего жалует своему сыну *curte Bubiano* с местечком Petra в округе Фаэнцы, где расположен безымянный *castellum*[60]. Сам выбор места, топоним которого (*Petra*) говорит сам за себя, равно как и связь с *curtis*, представляется неслучайной. Тем не менее, эти процессы получили довольно ограниченное распространение.

Неоспоримое свидетельство инкастелламенто относится лишь к 70-м гг. X века. Во владениях герцога Петра Траверсари в округе Форлипополи, в местечках *Monticellus* (характерное название) и *Castruciano* расположен замок со вспомогательной (*inchoata*) башней, отстроенный на средства герцогского рода[61], а в округе Сарсины в полной собственности Петра находился *curtis Alta* и *castrum Petrella*. В первом случае важно присутствие в пределах замка трех часовен, сооруженных на средства герцога, что может говорить в пользу центра поселения, коль скоро они могли служить не только личным нуждам сеньора, но и местом притяжения окрестных обитателей. Во втором случае важно подчеркнуть корреляцию *curtis* и *castrum*, что наводит на мысль о возникновении замка на базе вотчинных структур, что, в свою очередь, напоминает ситуацию с замком во владениях Ингельрады в 896 г. и является характерной особенностью Романьи и, шире, паданской долины[62]. П. Туберу удалось выяс-

[60] Benericetti 2006: № 54.

[61] Benericetti 2002: № 188. В пределах Форли этот аристократ в 976 г. арендует объекты с показательными названиями *Monte Bucca Fusici* и *Monte Arca*, возможно, также для строительства укреплений.

[62] Toubert 1983: 68.

нить, что в Лации *castra* никогда не создавались на базе ранее существующих вотчинных центров. В дальнейшем формула *curte cum castro suo* становится характерным атрибутом крупной собственности светских феодалов XI века[63].

Что касается Пентаполя, то почти все упоминания о замках, за одним лишь исключением[64], относятся к региону Озимо, где феномен инкастелламенто проявился наиболее рано. Можно предположить, что это связано с пограничным положением округа, часто являвшегося объектом военных агрессий лангобардских королей и герцогов Сполето, результатом которых стало проникновение германских элит: свидетельством тому служат такие топонимы, как *fundus Longobaldie, Salam Ruptam*, а также — косвенно — внушительная доля арендаторов с германскими именами (61% именного фонда против 19% в Римини и 33% в Сенигаллии). Многие из них, возможно, имели франкское и лангобардское происхождение. По всей видимости, наиболее интенсивное проникновение лангобардов наблюдалось в 726–774 гг., однако их присутствие прослеживается на всем протяжении X в. Вслед за ними с IX в. в регион устремились и франкские переселенцы. Регесты BER фиксируют наличие здесь трех замков — *Ofania, Ubaldo* и *Ernosto*[65]. Наиболее примечательна судьба замка Офания, расположенного на горе *Sentio* и являющегося собственностью архиепископии[66]. Сам топоним восходит к римскому времени, однако точно датировать появление замка невозможно. Он включал стены, рвы (*carbonarii*), некоторые постройки (*aedificiis*) и был окружен пахотными землями, а также соседними владениями *massa Ausimana*, неоднократно

[63] Fantuzzi 1801: № 109: “uti quartam partem integram de curte integra que vocatur Iuvidia una cum quarte parte sua integra de castro suo integro infra […]”.

[64] BER: № 54: “Imelperga religiosa ancilla Dei habitatrice in castello Felicitatis” (совр. Читта ди Кастелло, провинция Перуджа). Замок, завоёванный лангобардами, позже перешёл к Римской церкви (Duchesne 1886: 496).

[65] Эти замки известны нам и по документам позднейшего времени. В частности, они упоминаются в соглашении Анконы и Озимо конца XII в. Fantuzzi 1804: № 31: “et excepto castro Ubaldi et monte Cerno et Offagnia et civitate Senogallie”.

[66] BER: № 112.

менявшей своих владельцев. Очевидно, феномен инкастелламенто в Озимо связан со стремлением франко-лангобардских элит к укреплению власти в рамках собственных патримониев, чему немало (и не без успеха) препятствовала архиепископия: свидетельством тому является запутанная судьба упомянутой *massa*.

Таким образом, проанализированные нами письменные источники убедительно свидетельствуют в пользу того, что структура сельских поселений регионов поствизантийской Северо-Восточной Италии вплоть до X–XI вв. сохраняет континуитет с римско-византийской эпохой, несмотря на то, что в IX–X вв. здесь так же, как и в других областях Северной и Средней Италии, здесь (правда, в довольно ограниченных масштабах) набирает силу феномен инкастелламенто, связанный со строительством замков, и постепенное их превращение в центры поселений. Специфика Романьи по сравнению с остальными регионами Северной Италии заключается в том, что, наряду со светскими феодалами, одним из акторов этого процесса выступала влиятельная Равеннская архиепископия, рассчитывавшая на укрепление своей территориальной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бородин 2001 — *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб, 2001.

Augenti et al. 2010 — *Augenti A., Cirelli E., Fiorini A., Ravaioli E.* Insediamenti e organizzazione del territorio in Romagna (secoli X-XIV) // Archeologia Medievale. 2010. Vol. 37. P. 61–92.

Baldetti 1983 — *Baldetti E.* Per una nuova ipotesi sulla conformazione spaziale della Pentapoli // Istituzioni e società nell'alto medioevo marchigiano. Ancona, 1983. Vol. II. P. 779–894.

Baldetti 2003 — *Baldetti E.* La Pentapoli Bizantina d'Italia tra Romania e Langobardia // Atti e memorie della Deputazione di Storia Patria per le Marche. Ancona, 2003. Vol. 104. P. 5–107.

Benericetti 1999 — *Benericetti R.* Le carte del decimo secolo nell'Archivio arcivescovile di Ravenna. I. 900–957. Ravenna, 1999.

Benericetti 2002 — *Benericetti R.* Le carte ravennati del decimo secolo. Archivio arcivescovile. II (aa. 957–976). Faenza, 2002.

Benericetti 2006 — *Benericetti R.* Le carte ravennati dei secoli ottavo e nono. Faenza, 2006.

BER — Breviarium Ecclesiae Ravennatis (Codice Bavaro). Secoli VII–X / A cura di G. Rabotti. Roma, 1985.

Bocchi 1974 — *Bocchi F.* Note di storia urbanistica ferrarese nell'alto medioevo. Ferrara, 1974.

Castagnetti 1979 — *Castagnetti A.* L'organizzazione del territorio rurale nel medioevo. Circoscrizioni ecclesiastiche e civili nella "Langobardia" e nella "Romania". Torino, 1979.

CDP — *Federici P.* Codex diplomaticus Pomposianus / Idem. Rerum Pomposianarum historia monumentis illustrate. Roma, 1781. P. 397–591.

Diehl 1888 — *Diehl C.* Etudes sur l'administration byzantine dans l'Exarchat de Ravenne. Paris, 1888.

Duchesne 1886 — Le Liber Pontificalis / Texte, introduction et commentaire par L. Duchesne. Paris, 1886. T. 1.

Fantuzzi 1801 — *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti. Venezia, 1801. T. I.

Fantuzzi 1804 — *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti. Venezia, 1804. T. VI.

Federici 1907 — *Federici V.* Regesto di S. Apollinare Nuovo. Roma, 1907.

Gaddoni, Zaccherini 1912 — *Gaddoni S., Zaccherini G.* Chartularium Imolense. Imolae, 1912. Vol. 1: Archivium S. Cassiani (964–1200).

Lazzari 1998 — *Lazzari T.* "Comitato" senza città: Bologna e l'aristocrazia del territorio secoli IX–XI. Torino, 1998.

Marini 1805 — *Marini G.* I papiri diplomatici raccolti ed illustrati dall'abate Gaetano Marini. Roma, 1805.

Montanari 1988 — *Montanari M.* Contadini e città tra "Langobardia" e "Romania»". Firenze, 1988.

Montanari 1994 — *Montanari M.* Contadini di Romagna nel Medioevo. Bologna, 1994.

Muzzioli 1987 — *Muzzioli G.* Le carte del monastero di S. Andrea Maggiore di Ravenna. I (896–1000). Roma, 1987.

Pasquali 1981 — *Pasquali G.* Le forme dell'organizzazione del territorio rurale nella Pentapoli altomedievale // Agricultura e società nell'alto medioevo marchigiano. Bologna, 1981. P. 113–141.

Pasquali 1984 — *Pasquali G.* Pievi, massi e castelli nel Ferrarese nei secoli IX // *Pasquali G.* Agricoltura e società rurale in Romagna nel medioevo. Bologna, 1984. P. 204–209.

Sickel 1879 — Conradi I. Heinrici I. et Ottonis I. Diplomata / Ed. Th. Sickel. Hannover, 1879 (MGH DD K I / H I / O I).

Tjäder 1955 — *Tjäder J.-O.* Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700. Lund, 1955. Bd. I.

Toubert 1983 — *Toubert P.* Il sistema curtense: la produzione e lo scambio interno in Italia nei secoli VII, IX e X // Economia natural, economia monetaria (Storia d'Italia Einaudi. Annali 6) / A cura di U. Tucci. Torino, 1983. P. 25–94.

Uggeri 1975 — *Uggeri S.P.* Testimonianze archeologiche del "Castrum Comiaclum". Relazione preliminare degli scavi 1975 // Archeologia medievale, 3. 1976. P. 283–291.

А.С. Щавелев

ИЗВЕСТИЕ О «СЕВЕРНЫХ СКИФАХ» («РОСАХ») В ТРАКТАТЕ «ТАКТИКА» ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ЛЬВА VI МУДРОГО

Аннотация: В статье анализируется текст известия главы «Наумахика» из трактата «Тактика» императора Византии Льва VI Мудрого, в котором описываются корабли «северных скифов» в сравнении с кораблями сарацин. В одной из древнейших рукописей, *Ambros. B 119-sup.* (начало второй половины X в.), содержащих данное известие, есть уточнение, что эти «северные скифы» называются *Ῥῶς*. Сопоставление списков трактата «Тактика», стиля текста данного известия и исторических реалий, которые он содержит, говорит в пользу того, что в изначальном тексте трактата времени Льва VI этноним *Ῥῶς*, был. Таким образом, перед нами первое упоминание «росов» в византийской литературе, не связанное непосредственно с описанием набега руси в 860 г. Это известие «Тактики» вписывается в совокупность текстов, содержащих упоминания Руси, конца IX – начала X в. Это — «Житие патриарха Игнатия» Никиты Давида Пафлагона, протограф 42 главы трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, военно-канцелярские заметки о походах на Крит, вошедшие в трактат «О церемониях» Константина VII Багрянородного, сообщение хроники Псевдо-Симеона о «роса-дромитах». Можно говорить о небольшом, но вполне информативном комплексе известий о Руси и росах в текстах времени Льва VI Мудрого.

Ключевые слова: Византия, Русь, Лев VI Мудрый, Константин VII Багрянородный, патриарх Фотий, «Тактика», «Наумахика», средневековое мореходство, моноксил, акатия, текстология, греческие рукописи X века.

Текст «Наумахика» (*Ναυμαχικά*), пособия по искусству войны на море, является специальным разделом, изначально входившим в обширный трактат «Тактика» (*Τακτικά*), руководства по военному

искусству византийского императора Льва VI (886–912)[1]. Хотя эта глава о военно-морском деле включалась в различные компиляции текстов по мореходству отдельно от остального текста, выделять ее как самостоятельное произведение нет веских оснований[2]. В историографии приняты различные более или менее точные датировки составления трактата[3], но, объективно оценивая приводимые аргументы, текст можно датировать лишь приблизительно концом IX – началом X в. Скорее всего, текст был составлен в первые десятилетия X в., после 904 г. и до смерти императора Льва в 912 году[4].

В «Тактике» (Tact. 19.77) есть сообщение о небольших кораблях «северных скифов», которые приходят по рекам в Византию. Большинство исследователей считали, что под «северными скифами» в этом известии имелась в виду «русь» (росы)[5]. Однако, поскольку этноним «русь» (*Ῥῶς*) в изданных до последнего времени списках текста не фигурировал[6], определенные сомнения в отождествлении «северных скифов» и «руси» оставались. Например, В.В. Кучма считал, что под «северными скифами» следует понимать «славянское население Северного Причерноморья»[7]. Выход в свет критического издания «Тактики»[8] и комплекса текстов о военно-морском деле в Византии[9] показал, что в некоторых рукописях есть прямое указание на этническую идентификацию «северных скифов» как народа *Ῥῶς*. Благодаря этим новым изданиям на присутствие в тексте этнонима *Ῥῶς* обратил внимание А.М. Филипчук[10], который, впрочем, не заинтересовался вопросом, почему в одних случаях этноним *Ῥῶς* в тексте известия есть, а в других

[1] Leo VI // ODB-II: 1210–1211; См. о нем: Tougher 1997.

[2] Haldon 2014: 18, 389.

[3] См.: Кучма 2012 // Лев VI Мудрый. 2012: 14.

[4] Vasiliev 1951: 183; Кучма 2012: 14–17; Haldon 2014: 59–62.

[5] Vasiliev 1951: 183–184; Franklin, Shepard 1996: 91; Франклин, Шепард 2000: 139; Бибиков 2004: 333–335, 681; Бибиков 2005: 9; Pryor, Jeffreys 2006: Назаренко 2012 // РАП 2012: 17; Haldon 2014: 417.

[6] Лев VI Мудрый. 2012: 305

[7] Лев VI Мудрый. 2012: 305.

[8] TL-VI 2010: 532–533. См. особенно прим. 16.

[9] Pryor, Jeffreys 2006: 62–74.

[10] Филипчук 2012: 300–301; Филипчук 2013: 62–74.

его нет. Для разрешения этой коллизии необходимо коротко остановиться на рукописной традиции текстов, содержащих известие.

Есть три древнейшие рукописи, содержащие «Наумахику», они датируются серединой – второй половиной X в.[11]. Первая — Codex Mediceo-Laurentianus graecus 55,4 (Laur. 55,4) — датируется серединой X в. Она, как формально чуть более древняя, положена в основу издания «Тактики» Дж. Денниса, где маркирована литерой *M*[12]. Вторая рукопись, Codex Ambrosianus B 119 sup. (139) (Ambros. B 119-sup.), была сделана в начале второй половины X в. для паракимомена Василия Лакапина Нофа. Эта рукопись маркирована в издании Дж. Денниса литерой *A*. Третья — Codex Vindobonensis phil.graecus 275 (Vindob. phil. gr. 275) второй половины X в. маркирована в издании литерой *W*.

Текстологический анализ вариантов «Тактики» Дж. Хэлдона показывает, что стемма эволюции текстов распадается на три ветви[13]. Одна представлено рукописями *M* (Laur. 55,4) и *W* (Vindob. phil. gr. 275). Вторая — рукописью *A* (Ambros. B 119-sup.). Третья, так называемая “Mazoneus”, представлена тремя рукописями конца X – первой половины XI в. (маркированы литерами *V*, *B* + *P*, *E* + *N*), восходящими к одному протографическому экземпляру. Эта ветвь близка Ambros. B 119-sup., но в рукописях этой ветви трактат представлен в сокращенном виде, интересующая нас глава здесь отсутствует и не может служить контрольным вариантом для сравнения[14].

Иными словами, если не учитывать «ветвь» “Mazoneus”, где текста нужной главы нет, и учесть, что рукописи *M* и *W* восходят к одному протографу[15], то интересующий нас фрагмент дошел до нас *в двух независимых чтениях*. В первом случае (*M* и *W*) в дан-

[11] Mazzucchi 1978: 267–316; TL-VI 2010: IX–XIII.

[12] Аналогичные маркировки рукописей приняты в стемме Дж. Хэлдона (Haldon 2014: 65).

[13] Haldon 2014: 61–66, 389–392. См. стемму на стр. 65. Ср.: TL-VI 2010: IX–XII. Ср. также стемму: Mazzucchi 1978: 287.

[14] Haldon 2014: 58, 63; Mazzucchi 1978: 280–281. О соотношении передачи разных текстов в различных рукописях см.: Mazzucchi 1978: 282–284.

[15] Дж. Деннис в предисловии к изданию «Тактики» называет *Vindob. phil. gr. 275* «своего рода вторым изданием» *Laur. 55,4.* (TL-VI 2010: XI).

ном пассаже этнонима *Ῥῶς* нет, во втором, (*A*) — этноним *Ῥῶς* есть[16].

Поскольку рукописи первой ветви *M* и *W* восходят к одному протографу (маркирован литерой *γ* в стемме Дж. Хэлдона), именно в нем, судя по их сопоставлению текста интересующего нас эпизода, был какой-то дефект, вызвавший разночтения, несколько затемняющие смысл текста. Не исключено также, что рукопись *W* является просто копией *M*[17], тогда ее чтение вообще вторично. В любом случае расположение слова *οἱ βάρβαροι* варьируется в этих двух текстах странно, а смысл пассажа равным образом затемнен.

Вторая ветвь представлена рукописью Ambros. B 119-sup., которая датируется началом второй половины X в. В ней текст интересующего нас известия содержит упоминание этнонима *Ῥῶς*[18]. Обе ключевые для нас рукописи Laur. 55,4 и Ambros. B 119-sup. принадлежат практически одному периоду, середине или второй половине X в., они создавались в одном кругу высшей придворной аристократии Константинополя, поэтому, предполагать позднейшую вставку этнонима *Ῥῶς* в чуть более поздней рукописи Ambros. B 119-sup. в связи с какими-то новыми данными или впечатлениями византийцев о «росах» не приходится.

Сравним эти *два независимых друг от друга списка* для примерной реконструкции изначального текста протографа начала X века.

Laur. 55,4	Ambros. B 119-sup.
Μικροὺς δὲ καὶ μεγάλους δρόμωνας κατὰ τὴν ποιότητα τῶν πολεμίων ἐθνῶν κατασκευάσεις. οὐ γὰρ ὁ αὐτός ἐστιν στόλος τῶν πλοίων τῶν τε Σαρακηνῶν **βαρβάρων καὶ τῶν λεγομένων Βορείων Σκυθῶν.** οἱ μὲν γὰρ Σαρακηνοὶ κουμβαρίοις χρῶνται μείζοσι καὶ ἀργοτέροις οἱ δὲ οἷον ἀκατίοις ἐλάττοσι καὶ ἐλαφροτέροις	Μικροὺς δὲ καὶ μεγάλους δρόμωνας κατὰ τὴν ποιότητα τῶν πολεμίων ἐθνῶν κατασκευάσεις. Οὐ γὰρ ὁ αὐτός ἐστιν στόλος τῶν πλοίων τε Σαρακηνῶν **καὶ τῶν λεγομένων Ῥῶς** *ἤγουν* **βορείνων Σκυθῶν**. Οἱ μὲν γὰρ Σαρακηνοὶ κουμβαρίους χρῶνται μείζοσι καὶ ἀργοτέρις οἱ δὲ οἷον ἀκατίοις μικροῖς καὶ ἐλαφροτέροις

[16] TL-VI 2010: 532.
[17] TL-VI 2010: XI.
[18] Pryor, Jeffreys 2006: 512, 514.

καὶ ταχίνοις οἱ Σκύθαι. διὰ ποταμῶν γὰρ εἰς τὸν Εὔξεινον ἐμπίπτοντες πόντον οὐ δύνανται μείζοσι χρήσασθαι πλοίοις…	καὶ γοργοῖς, οἱ Σκύθαι· διὰ ποταμῶν γὰρ εἰς τὸν Εὔξεινον ἐμπλίμτοντες οὐ δύνανται μείζονα ἔχειν πλοῖα…
Малые же или большие дромоны в зависимости от вражеского народа надо снаряжать. Ибо не одинаково снаряжение кораблей *сарацинов варваров и называемых северных скифов.* Ибо если сарацины кумварии используют большие и медленные, скифы же малые акатии, легкие и быстрые, поскольку [они] по рекам в Евксинское море попадают, они не могут иметь большие суда …[19].	Малые же или большие дромоны в зависимости от вражеского народа надо снаряжать. Ибо не одинаково снаряжение кораблей *сарацинов и называемых росами северных скифов*. Ибо если сарацины кумварии используют большие и медленные, скифы же малые акатии, легкие и быстрые, поскольку [они] по рекам в Евксинское море попадают, они не могут иметь большие суда …[20].

С формально-текстологической точки зрения оба чтения теоретически вполне равноправны. Можно предполагать, и вставку этнонима *Ῥῶς* в рукописи Ambros. B 119-sup., и механический пропуск этого этнонима в Laur. 55,4. Но грамматически и по смыслу вариант рукописи Ambros. B 119-sup. гораздо логичней и понятней[21]. Здесь «корабли сарацинов» противопоставлены кораблям «северных скифов» иначе называемых «росами»: синтаксис вполне четкий. Понятна логика уточнения: общая категория «северные скифы» конкретизируется этнонимом *Ῥῶς* («северные скифы, которые называются росы»). В рукописи Laur. 55,4, напротив, эпитет *οἱ λεγόμενοι* с точки зрения смысла вообще излишен. В этом варианте в итоге получается странное противопоставление кораблей

[19] Текст Laur. 55,4 дан по изданию TL-VI 2010: 532.

[20] Текст фрагмента рукописи Ambros. B 119-sup. воспроизведен нами по изданию Pryor, Jeffreys 2006: 512, 514 и по разночтениям, приведенным в издании TL-VI 2010: 532. Единственное принципиальное отличие этих двух изданий в передаче текста — конъюнктив *ᾖγουν*, выделенный нами курсивом, который есть в TL-VI 2010, но отсутствует в Pryor, Jeffreys 2006. Если учесть эту глагольную форму, то фраза должна переводиться: «…[так] называемых росов, *или по-другому* северных скифов…».

[21] Сердечно благодарю за консультацию по этому поводу А.В. Подосинова.

«варваров сарацинов» и кораблей «называемых северными скифами».

Теоретически, опираясь на наблюдения о византийской двухчастной номенклатуре этнонимов, «родовых» и «видовых»[22], можно предположить, что в оригинальном тексте трактата было противопоставление на уровне родовых категорий «варваров» и «северных скифов», и одновременно на уровне видовых категорий сарацинов и «росов». А в обоих дошедших до нас вариантах предположить более правильную в Ambros. B 119-sup. и менее правильную в Laur. 55,4 адаптацию искаженного первичного чтения, которое гипотетически могло выглядеть так: *«…ибо не одинаково снаряжение кораблей варваров, называемых сарацинами, и северных скифов, называемых росами…». Это предположение, хоть и косвенно, но тоже подтверждает изначальное присутствие этнонима *Ῥῶς* в оригинальном тексте начала X века.

В пользу первичности варианта с этнонимом *Ῥῶς* говорит то, что в переработке данного фрагмента текста магистром Никифором Ураном, созданной около 1000/1001 г. (рукопись XIII в.), русь была упомянута в поновленной форме *οἱ Ῥῶσοι*[23]. В тексте Никифора Урана архаичная несклоняемая форма *Ῥῶς* заменена на новую, характерную для XI–XII вв., но общий смысл фрагмента полностью сохраняется[24].

Таким образом, мы считаем, что грамматически-корректное и логичное чтение Ambros. B 119-sup. было первичным, восходящим к оригиналу времени Льва Мудрого, а параллельное чтение возникло в связи с дефектом протографа Laur. 55,4 и Vindob. phil. gr. 275, или же с дефектом самого архетипического оригинала трактата. Если же дело все-таки обстояло наоборот, все равно, чрезвычайно важно, что вставка оборота *οἱ λεγόμενοι Ῥῶς* была сделана не позже начала второй половины X в. Это практически окончательно подтверждает то, что в тексте времени Льва Мудрого под «северными скифами» подразумевались именно «росы».

Необходимо специально обратить внимание на оборот *οἱ λεγόμενοι Ῥῶς* из Ambros. B 119-sup. Такой же оборот есть в рассказе

[22] Шукуров 2010: 144–152

[23] Pryor, Jeffreys 2006: 600. Рукопись Paris. gr. 1385 (XIII в.), передает текст конца X в.: Mazzucchi 1978: 284.

[24] Сравнение двух фрагментов см.: Филипчук 2013: 70–71.

о нападении на Византию 860 г. в «Житии патриарха Игнатия» Никиты Давида Пафлагонского[25], написанном *в начале X века*[26]. Поскольку в одном случае в этнониме облеченное ударение (*Ῥῶς*), а в другом — острое (*Ῥώς*), речь вряд ли может идти о прямом копировании фрагмента из «Жития Игнатия» в «Наумахику», или, что еще менее вероятно, наоборот[27].

Vita Ignatii	Ναυμαχικά
Κατ' ἐκεῖνον γὰρ τὸν καιρὸν τὸ μιαιφονώτατον **τῶν Σκυθῶν ἔθνος οἱ λεγόμενοι Ῥὼς διὰ τοῦ Εὐξείνου πόντου** προσκεχωρηκότες…	… **καὶ τῶν λεγομένων Ῥῶς βορείνων Σκυθῶν**… **οἱ Σκύθαι…** διὰ ποταμῶν γὰρ **εἰς τὸν Εὔξεινον** ἐμπλίμτοντες …
…Ибо в то время кровожаднейшее[28] племя скифов, так называемые росы, через Эвксинский Понт подступив…(перевод П.В. Кузенкова[29]).	...и называемых росами северных скифов… скифы… ибо по рекам в Евксинское море попадают … (перевод мой. — *А.Щ.*).

Совпадение фразеологизма *οἱ λεγόμενοι Ῥῶς* позволяет предполагать, что первичен в тексте «Тактики» как раз вариант Ambros. B 119-sup, содержащий этот целостный оборот *οἱ λεγόμενοι Ῥῶς*, бытовавший в литературе «круга Фотия», в том время как в рукописи Laur. 55,4 виден дефект.

Словосочетание *ὁι βόρεοι Σκύθοι* очень характерно именно для стиля литературной традиции времени Льва Мудрого. Это географо-этнонимическое определение используется в византийских текстах достаточно редко[30]. Ранние упоминания «северных народов»

[25] Nicetas David. 2013: 44.

[26] Jenkins-IX // Jenkins 1970: 239–247; Каждан 2012: 102–114; Кузенков 2003: 102–107; ВН-I: 116; ВН-II: 226–227;. На это совпадение мы уже обращали внимание: Щавелев 2014: 371–372, а чуть раньше его отметил А.М. Филипчук (Филипчук 2013: 72–73).

[27] Отметим, что этот аргумент несколько слабый, так как «Житие Игнатия» известно в рукописях 14–16 века (Nicetas David. 2013: XVII–XXVIII), ударение могло быть изменено при переписке. Ср.: Соловьев 1957.

[28] В оригинале дословно «запятнанные убийством».

[29] Кузенков 2003: 104.

[30] Бибиков 2004: 540–542. Поздние известия XII в. нами не учитываются, поскольку между текстами о «северных скифах» IX – первой полови-

или «севера» как страны обитания скифов есть у Фотия и Никиты Давида Пафлагона[31]. Это же словосочетание в письме, адресованном Льву Мудрому и датированном 910 г., использует Лев Хирофакт[32]; очень вероятно, что это обозначение как раз «росов»[33]. Затем оно есть в рассмотренном отрывке «Тактики» и в двух главах 13 и 42 трактата *De administrando imperio* Константина Багрянородного[34]. Причем глава 42 однозначно отнесена Дж. Ховардом-Джонстоном к слою текста, относящемуся ко времени Льва VI Мудрого[35]. Содержание известия главы 13, в свою очередь, находит явную параллель в тексте первой четверти X в. — в письме 921–924 гг. патриарха Николая I болгарскому царю Симеону с перечислением союзников Византии, которые будут угрожать Болгарии[36].

Обозначение Руси и росов как именно «северных скифов», а не просто скифов, характерно *именно для известий времени патриарха Фотия и императора Льва VI*. Уже в словаре «Суда» второй половины-конца X в. выделен отдельный подвид скифов: *Σκύθης ὁ Ῥῶς*, но уточнения, что они *северные* нет[37]. Можно предположить, что определение «северные» относительно руси отражало реальную картину конца IX – первой половины X в., когда русь обитала в основном именно на севере Восточной Европы, и севернее, условно говоря, «причерноморских» и «балканских» скифов. Но достаточно быстро во второй половине X в. это уточнение потеряло какую-либо актуальность и ушло из обихода, не отразившись в справочнике этого времени «Суда».

Важнейшая историческая деталь рассмотренного текста — упоминание специфики плавательных средств «северных скифов»,

---

ны X в. и XII в. лежит хронологическая лакуна более чем в 150 лет. Применительно к тюркским народам словосочетание используется только в трактате «Об управлении империей», причем в перечнях, в которых присутствуют и «росы» (Moravcsik 1983: 279–280).

[31] Бибиков 2004: 541–542.

[32] Kolias 1939: 103.

[33] Vasiliev 1951: 184.

[34] DAI-I: 66–67, 188–189.

[35] См. подробнее о проблему двух редакторских пластов в тексте: Howard-Johnston, 2000.

[36] Nicholas I 1973: 158, 536–537.

[37] Suidae 1854: 962.

«называемых росами». Для обозначения этих плавательных средств[38] в рассматриваемом фрагменте применен термин *ὁ ἀκατός μικρός*, то есть «маленькая “малая галера”» — *akation / akatos*[39]. В этом определении сконцентрированы практически плеонастичные семантические указания на небольшие размеры этого весельного плавательного средства.

Как раз при Льве Мудром росы впервые попали в состав императорских войск в 911–912 годах[40]. Семьсот росов участвовали в морской экспедиции логофета дрома патрикия Имерия на Крит[41]. В описании следующих экспедиций на Крит 934 и 935 гг. упомянуты семь кораблей росов: *τὸ Ῥώς καράβιον* — «военная галера» росов[42]. Еще одно упоминание этого типа кораблей есть в описании похода на Крит 949 г.[43]. В принципе, *ὁ ἀκατός* и *τὸ καράβιον* обозначают практически один вид весельного, «гребного» судна «галерного типа». Этот же ряд продолжает более позднее сообщение о *ὁ Σκυθικός ἀκατιός* из «Истории» Льва Диакона[44].

Примечательно, что в текстах второй половины IX – первой половины X в. не используется термин *τὸ μονόξυλον* применительно к кораблям росов (руси). Этот термин появляется только в середине X в. в трактате *De Administrando Imperio*[45] императора Константина VII Багрянородного, причем для обозначения плавательных средств *славян*, которые они продают росам (руси). Возможно,

---

[38] В этой связи, можно предполагать, что термину «лодия» в договорах с греками русских князей первой половины X в. Олега и Игоря могут соответствовать греческие выражения *ὁ ἀκατός μικρός* или *τὸ καράβιον*. Попутно заметим, что в договоре князя Игоря 944 г. Византии и Руси есть калька с греческого термина *τὸ κουμβάριον* — «кубара/кувара» для обозначения греческого торгового судна (ПРП-1: 33; PVL–I: 302). В свою очередь, греческая лексема является заимствованием из арабского языка, от *qunbār*, произносимого как qumbār (Pryor, Jeffreys 2006: 513). О слове «куб(/в)ара» см.: Фасмер 1909: 103; Срезневский 1983: Стб. 1356.

[39] Pryor, Jeffreys 2006: X, 164, 253.

[40] Васильев 1902:. 164–184; Jenkins–XIV // Jenkins 1970: 277–281.

[41] Haldon 2000: 202–205, 247.

[42] Pryor, Jeffreys 2006: 164–165, XLII. Название и сам тип корабля пришло в Византию из арабского мира.

[43] Haldon 2000: 212–213; 228–229.

[44] Leonis Diaconi 1828: 156. Параллельный текст Иоанна Скилицы этих подробностей не содержит (Ioannis Scylitzae 1973: 309–310).

[45] DAI-I: 56–63; DAI-II: 23–25; Havlíková 1991: 89–104.

термин *τὸ μονόξυλον* в трактате Константина Багрянородного — дань книжной традиции[46]. А военно-практическими терминами как раз были *ὁ ἀκατός* и *τὸ καράβιον*. В пользу такого варианта говорит несколько тавтологичное сочетание *τὸ μονόξυλον ἀκάτιον* в «Бревиарии» патриарха Никифора при описании атаки аваров на Константинополь в 626 г., в которой участвовали славяне[47].

Но, поскольку термин «моноксил» обозначал как минимум в подавляющем большинстве случаев (исключений для средневизантийского времени мы пока не нашли) только славянские суда-«однодревки», можно осторожно предположить, что в первой половине X в. русь использовала какой-то свой тип гребного судна (возможно, скандинавский?[48]), и только к середине X века перешла на славянские «однодревки», получаемые от «пактиотов»-славян.

Если не считать «антикварных» известий V–VII вв., «моноксилы» упоминаются в византийских источниках только *после* трактата *De administrando imperio*[49] во второй половине X–XI в. (прежде всего, в описании войн Святослава). Патриарх Фотий и авторы его круга термин «моноксил» не используют, хотя корабли росов (названные общими словами *τὸ πλοῖα* и *ἡ ναῦς*) — важная деталь их повествований о нашествии на Константинополь в 860 году[50]. Если в текстах Фотия это могло быть обусловлено условиями жанров (гомилий и официальных посланий), то в «Житии патриарха Игнатия» есть такие специфические детали как топоры (*ἡ ἀξίνη*) росов и детали кораблей — трохантиры (*ὁ τροχαντήρ πλίου*), поэтому обиходное название славянских «моноксилов» должно было бы им быть упомянуто, если бы оно было на слуху[51].

В рассмотренном известии из «Тактики» указано, что росы попадают в Черное море по нескольким рекам, поскольку в тексте употреблено *множественное число*. Возможно, что здесь имеются в виду водные пути по Днепру и по Дону, или же разные реки Вос-

[46] СДПИС-I: 84, 95, 469–470 (указатель); СДПИС-II: 585, 587 (указатель).

[47] Чичуров 1980: 152.

[48] OV 2007: 112–116; Glumlin-Pedersen 2009: 235–256.

[49] Можно предположить, что этот термин вернул в литературный обиход византийцев как раз Константин VII Багрянородный, хорошо знавший, например, сочинение Приска Панийского (Blockley 2007: 222–401).

[50] Кузенков 2003: 48, 59, 67–68, 104–105, 114, 117–118, 120.

[51] Nicetas David. 2013: 44; Кузенков 2003: 104–106.

точной Европы, впадающие в Днепр или соединенные с ним волоками.

Таким образом, в рассмотренном фрагменте трактата о военно-морском деле из «Тактики» сконцентрирована практически вся базовая стратегическая информация о руси — они обитают на севере, оттуда приходят по рекам в Черное море (Днепр и Дон?) и используют малые гребные суда[52].

Проведенные наблюдения над соотношением чтений списков, стилистикой текста и зафиксированными в нем историческими реалиями, позволяют сделать вывод, что фрагмент из раздела «Наумахика» трактата Льва VI «Тактика» изначально содержал этноним *Ῥῶς*. То есть это известие должно быть с минимальными оговорками датировано началом X в., временем последнего десятилетия правления императора Льва VI Мудрого и временем русского князя Олега. Таким образом, это одно из первых упоминаний этнонима *Ῥῶς*, не связанных с описанием нападения росов на Константинополь 860 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бибиков 2004 — *Бибиков М.В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004.

Бибиков 2005 — *Бибиков М.В.* Русь и византийская дипломатия: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 5–15.

Васильев 1902 — *Васильев А.А*. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI Философ и Константин Багрянородный (867–959 гг.) / Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1902. Ч. LXVI.

Каждан 2012 — *Каждан А.П.* История византийский литературы (850–1000 гг.). Эпоха византийского энциклопедизма. СПб., 2012.

[52] Известие в хронике Псевдо-Симеона, относящее, видимо, к началу X в. также содержит сообщение о быстром *передвижении* росов, возможно, с намеком на *быстрое морское передвижение* (Николаев 1981; Кузенков 2011: 15–24; ср. скептическую оценку: Карпозилос 1988). Обоснование значения лексемы «дромиты» как «команда корабля» см.: Chernyak 2005.

Карпозилос 1988 — *Карпозилос А.* Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // ВВ. 1988. Т. 49 (74). С. 112–118.

Кузенков 2003 — *Кузенков П.Ю.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000 г.: Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л.В. Столярова. М., 2003. С. 3–172.

Кузенков 2011 — *Кузенков П.В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. СПб., 2001. Вып. VIII. С. 7–35.

Кучма 2012 — *Кучма В.В.* «Тактика Льва» как исторический источник // Лев VI Мудрый 2012.

Лев VI Мудрый 2012 — Лев VI Мудрый. Тактика Льва. Leonis Imperatoris Tactica / Изд. подг. В.В. Кучма. СПб., 2012.

Назаренко 2012 — *Назаренко А.Н.* Русь IX века: обзор источников // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С.12–35.

Николаев 1981 — *Николаев В.Д.* Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // ВВ. 1981. Т. 42 (67). С. 147–153.

ПРП-I — Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Подг. изд. А.А. Зимина.

СДПИС-I — Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I: (I–VI вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин.

СДПИС-II — Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II: (VII–IX вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин.

Соловьев 1957 — *Соловьев А.В.* Византийское имя России // ВВ. 1957. Т. 12 (37). С. 134–155.

Срезневский 1983 — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1983. Т. I: А–К.

Фасмер 1909 — *Фасмер М.* Греко-славянские этюды. III. Греческие элементы в русском языке // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1909. Т. 86. С. 1–237.

Филипчук 2012 — *Филипчук А.М.* Систематизация прошлого: «досье» о росах императора Константина VII Багрянородного // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Мат-лы конф. М., 2012. С. 299–304.

Филипчук 2013 — *Филипчук О.* Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміниию Чірнівцы, 2013.

Франклин, Шепард 2000 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000.

Чичуров 1980 — *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Шукуров 2010 — *Шукуров Р.М.* Земли и племена: византийская классификация тюрок // ВВ. 2010. Т. 69 (94). С. 132–163.

Щавелев 2014 — *Щавелев А.С.* «В самых же верховьях реки Днепр обитают росы» (DAI. 42. 60-61)1: к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 369–373.

ARCBH-I — The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Burlington, 2011. Vol. I: Periods and Places / Ed. S. Efthymiadis.

ARCBH-II — The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Burlington, 2014. Vol. II: Genres and Contexts / Ed. S. Efthymiadis.

Blockley 2007 — *Blockley R.C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Cambridge, 2007. T. II: Eunapius, Olimpiodorus, Priscus, Malchus. Text, Translation and Historiographical Notes.

Chernyak 2005 — *Chernyak A.* Rôs-Dromitai et "veloces Dani" de Thietmar von Merseburg // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 2005. С. 84–91 (Византинороссика. Т. 3).

DAI-I — *Constantine Porphyrogenitus*. De Administrando Imperio. Washington, 1967. Vol. I: Greek Text and English Translation / Ed. R.G.H. Jenkins & Gy. Moravcsik.

DAI-II — *Constantine Porphyrogenitus*. De Administrando Imperio. London, 1962. Vol. II: Commentary / Ed. R.G.H. Jenkins.

Franklin, Shepard 1996 — *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus 750–1200. London; New York, 1996 (Longman History of Russia).

Glumlin-Pedersen 2009 — *Glumlin-Pedersen O.* Boats and ships of the Baltic Sea in the 9th and 10th centuries: the archaeological and iconographic evidence // Wulfstan's Voyage. The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard / Ed. A. Englert & A. Trakadas. Roskilde, 2009. P. 235–256.

Haldon 2014 — *Haldon J.* A Critical Commentary on the Taktika of Leo VI. Washington, 2014 (Dumbarton Oaks Studies, 44).

Haldon 2000 — *Haldon J.F.* Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chapter II, 44 and 45 of the *Book of Ceremonies* // Travaux et Mémoires. 2000. Vol. 13. P. 201–352.

Havlíková 1991 — *Havlíková L.* Slavic Shops in 5th–12th Centuries Byzantine Historiography // Byzantinoslavica: Revue international des etudes Byzantines. 1991, LII/1. P. 89–104.

Howard-Johnston 2000 — *Howard-Johnston J.* The *De administrando imperio*: a Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman. Paris, 2000. P. 301–336.

Ioannis Scylitzae 1973 — *Ioannis Scylitzae.* Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973 (Corpus fontium historiae byzantinae, vol. V).

Jenkins 1970 — *Jenkins R.J.H.* Studies of Byzantine History of the 9th and 10th centuries. London, 1970 (Variorum reprints).

Kolias 1939 — *Kolias G.* Léon Choerosphactès. Magistre, proconsul et patrice. Biographie. Correspondance. Athen, 1939.

Leonis Diaconi 1828 — *Leonis Diaconi.* Caloënsis Historiae / E rec. C.B. Hasii. Bonnae, 1828.

Mazzucchi 1978 — *Mazzucchi C.M.* Dagli anni di Basilio Parakimomenos (Cod. Ambr. B 119 Sup.) // Aevum. 1978. Vol. 52. P. 267–316.

Moravcsik 1983 — *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1983. Bd. II: Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen.

Naumachica 1943 — Naumachica partim adhuc inedita / Ed. A. Dain. Paris, 1943.

Nicetas David 2013 — *Nicetas David.* The Life of Patriarch Ignatius / Text and Translation by A. Smithes, notes by J. M. Duffy / Washington, 2013 (Dumbarton Oaks Studies, 51).

Nicholas I 1973 — Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek text & Trans. by R.J.H. Jenkins & L.G. Westerink. Washington, 1973 (Corpus fontium historiae byzantinae, vol. VI).

OV 2007 — Ohthere's Voyages. A late 9th-century account of voyages along the coasts of Noway and Denmark and its cultural context / Ed. J. Bately & A. Englert. Roskilde, 2007.

ODB — Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan. Oxford, 1992. Vol. I–III.

PG-CVII — Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca / Ed. J. P. Migne. Paris, 1863. T. CVII.

Pryor, Jeffreys 2006 — *Pryor J.H., Jeffreys E.M.* The Age of the ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500–1204. Leiden; Boston, 2006.

PVL 2003 — The Pověst Vremennych lět. An Interlinear Collation and Paradosis / Comp. & ed. D. Ostrowski. Harvard, 2003. T. I.

Suidae 1854 — Suidae Lexicon / Ex rec. I. Bekkery. Berlin, 1854.

TL-VI 2010 — The Taktika of Leo VI / Text, translation and commentary by G. Dennis. Washington, 2010 (Dumbarton Oaks Texts, 12).

Taugher 1997 — *Tougher Sh.* The Reign of Leo VI (886–912). Politics and People. Leiden; New York; Köln, 1997.

Vasiliev 1951 — *Vasiliev A.A.* The Second Russian Attack on Constantinople // Dumbarton Oaks Papers. 1951. Vol. 6. P. 162–225.

Т.Н. Джаксон

О «ПОТЕРЯВШЕМ ОРИЕНТАЦИЮ» АВТОРЕ «САГИ О КНЮТЛИНГАХ»*

Аннотация: Расположенная на полуострове Ютландия и большом числе островов Балтийского моря, Дания удивительно четко вписана в сетку координат север-юг, запад-восток. Однако, согласно «Саге о Кнютлингах», записанной в середине XIII в. и рисующей датскую историю с X до начала XIII в., всё пространство в пределах Дании повернуто так, словно некий квадратик извлекли, как в пазле, из географической карты и развернули на 90° против часовой стрелки, так что западная часть Дании, Ютландия, стала ее южной частью, а более восточные острова стали северными. Совокупный анализ материала источников приводит к выводу, что в картине мира древних германцев присутствовало представление о том, что датские земли делились на южные и северные, что южная область — это Ютландия, а северная — Фюн, Зеландия и Сконе (которая до середины XVII в. принадлежала Дании). В данной статье автор формулирует свое отношение к теории древнескандинавской «смещенной ориентации» и предлагает гипотезу, объясняющую, как эта географическая идея могла проникнуть в «Сагу о Кнютлингах».

Ключевые слова: Дания, древнескандинавские источники, «Сага о Кнютлингах», «смещенная ориентация», ментальные карты, географические идеи.

“Höfundur er hér áttavilltur; *suðr* væri nær lagi en *norðr*” («Автор здесь потерял ориентацию; правильнее было бы *suðr* “на юг”, чем *norðr* “на север”», — так пишет Бьярни Гуднасон в подстрочном примечании к весьма скупому на комментарии изданию «Саги о Кнютлингах»[1] в серии *Íslenzk fornrit*[2]. Саговый контекст, в кото-

* Работа выполнена по гранту РНФ (проект № 14-18-02121).

[1] «Сага о Кнютлингах» — история датских конунгов с X до начала XIII в., созданная по образцу «Круга земного» Снорри Стурлусона (около 1230 г.). Уступая «Кругу земному» как в литературном, так и в историческом

ром публикатору пришлось прокомментировать этот термин, таков: находящийся на пиру недалеко от местечка под названием Сэваренди конунг Кнут говорит своим приближенным: «я отправлюсь *на север на Фюн*, как я и собирался» (Knýtl 47)[3]. *Сэваренди* (дисл. *Sævarendi*), по словам саги, лежит «во внутренней части Лимфьорда (*í innanverðum Limafirði*)» (Knýtl 46). Сейчас это небольшой городок (ж/д станция) Шёрринг (датск. *Sjørring*) в западной трети Северо-Ютландского острова (*Nørrejyske Ø*). Итак, с севера Ютландии конунг собирается плыть на о. Фюн и называет это поездкой «на север».

Надо отметить, что еще 32 аналогичных словоупотребления оставлены издателем без комментария. В «Саге о Кнютлингах» на 172 случая использования пространственных терминов (*norðr*, *norðan*, *til norðrættar*, *á/í Norðrlǫndum*, *suðr*, *sunnan*, *austr*, *um/í austrveg*, *ór austrvegi*, *austan*, *vestr*, *vestan*) приходится 33 явных случая «потери» автором «ориентации». Эти последние можно объединить в две группы относительно описываемых с помощью ориентационных терминов объектов.

***

В первую группу попадают термины стран света, описывающие расположение и соотношение между собой четырех крупных

отношении, «Сага о Кнютлингах», однако, тоже распадается на три части, первая из которых посвящена предкам Кнута Святого, от Харальда Гормссона Синезубого (около 940–986), через Кнута Могучего до Харальда Свейнссона, правившего с 1074 по 1080 г.; вторая и основная часть повествует о Кнуте Свейнссоне Святом, датском конунге с 1080 по 1086 г.; заключительная часть говорит о потомках Кнута вплоть до Кнута Вальдемарссона, датского правителя с 1182 по 1202 г. Сага написана в середине XIII в., сохранилась в бумажных списках и фрагментах рукописей рубежа XIII–XIV вв. Автор ее неизвестен.

[2] Knýtlinga saga 1982. Bls. 177, n. 2.

[3] Текст саги приводится в статье по изданию: Knýtlinga saga 1919–1925. Во всех цитатах из «Саги о Кнютлингах» средневековые топонимы заменены на соответствующие современные, ежели таковые имеются (скажем, *Дания, Фюн, Ютландия, Зеландия, Сконе* вместо *Данмарк/Данарики, Фьон, Йотланд, Сьоланд, Скани*). Однако прозрачные географические названия, не имеющие аналогов (вроде *Свиавельди*), или мало понятные и требующие комментария (вроде *Сэваренди*), оставлены без изменения. Курсив в цитатах — мой. В скобках после цитаты следует указание на соответствующую главу.

частей Дании: полуострова Ютландия, островов Фюн и Зеландия и южной оконечности Скандинавского полуострова — Сконе. Сюда входит и тот пример, которым открывается статья (направление движения с Ютландии на Фюн).

Сразу оговорюсь, что во всем объеме саги (хотя за ее отдельными частями стоят разные источники) соотношение четырех поименованных частей Дании передается одним и тем же образом — с одинаковым отличием от реального (не буду использовать оценочный термин «с искажением»). Еще добавлю, что за пределами очерченной области ориентация «восстанавливается» и вновь соответствует показаниям компаса. Так, «конунг Свейн взошел на корабль (на о. Фюн. — *Т. Д.*) и держал путь *на восток вокруг Сконе* (*austr fyrir Skáni*), и сошел там на берег, и поехал так дальше *на восток в Свиавельди*» (Knýtl 22); «Борнхольм лежит в море *к востоку от Сконе* (*austr í hafit frá Skani*)» (Knýtl 32); некие купцы из Норвегии «поплыли сначала в Данию, а затем *на восток через Эресунн и дальше на восток к Борнхольму* (*austr í gegnum Eyrarsund ok svá austr til Borgundarhólms*)» (Knýtl 39).

Чтобы суть проблемы была яснее, надо сказать насколько слов о реальном географическом положении Дании и соотнесенности ее частей. Дания расположена на Ютландском полуострове, а также на большом количестве прилегающих островов Балтийского и Северного морей, крупнейшие из которых Зеландия, Фюн, Лоланд, Фальстер и лежащий в отдалении на востоке Борнхольм. Единственная сухопутная граница — на юге, с землей Шлезвиг-Гольштейн (Германия). В средние века эта граница проходила южнее, чем сегодня, — по реке Эйдер (совр. Айдер). На севере Дания омывается водами пролива Скагеррак, на юге — Балтийского моря, на западе — Северного моря, на востоке проливы Каттегат и Эресунн (Зунд) отделяют Данию от Швеции. Дания удивительно четко вписана в сетку координат юг-север, запад-восток. Самая большая ее часть — полуостров Ютландия — вытянута строго с юга на север. Два крупных острова Датского архипелага лежат непосредственно к востоку от Ютландии: за проливом Малый Бельт — остров Фюн, а еще восточнее, за проливом Большой Бельт — Зеландия. Восточнее Зеландии, за проливом Эресунн, лежит южная оконечность Скандинавского полуострова — с облас-

тями Сконе, Халланд и Блекинге, — которая в средние века (до середины XVII в.) принадлежала Дании (Илл. 1).

Илл. 1.

Дания.
Карта из кн.: Danakonunga sǫgur / Bjarni Guðnason gaf út.
Reykjavík, 1982 (Íslenzk fornrit. B. XXXV)
Печатается с любезного разрешения Тордура Инги Гудьонссона,
Арнамагнеанский институт, Рейкьявик.

Тем не менее в «Саге о Кнютлингах» именно для этих четырех территорий (Ютландия, Фюн, Зеландия,), а также для пролива Эресунн наблюдается весьма странный, но и весьма устойчивый ориентационный сдвиг. Я не оставлю без внимания в этой статье проблему так называемой «смещенной ориентации», дискутируемую на протяжении двух веков. Но сначала обратимся к полной

выборке примеров из саги. Хочу подчеркнуть, что в литературе есть специальная работа, посвященная направлениям по странам света в древней Дании[4], но даже в ней из интересующих нас текстов взяты *лишь отдельные примеры* (из «Саги о Кнютлингах» — всего 8), к тому же приведены они не в оригинале и/или переводе, а *в пересказе (= интерпретации) автора статьи*. Итак, Дания в «Саге о Кнютлингах».

Ютландия, согласно саге, расположена *на юге*. Собственно говоря, с этого утверждения начинается пространное описание Дании: «Дания — большое государство и лежит очень разъединенно. Самая большая часть Дании зовется Ютландия; она лежит всего южнее, у моря» (“þat liggr *et syðra með hafi*” — Knýtl 32). Открытое море, омывающее полуостров Ютландия на большой протяженности, это Северное море. У датской Ютландии в ее средневековых границах, конечно же, есть территории, лежащие на более южных широтах, чем Фюн и Зеландия, но вся совокупность примеров (которые будут приведены в этой статье) убеждает нас, что не нужно искать объяснений для каждого фрагмента в отдельности, нужно принять картину как она есть и попытаться объяснить ее в целом. Вот сага рассказывает о человеке по имени Рагнар: “hann var danskr maðr ok ættaðr *suðr á Jótlandi*” (Knýtl 33). Эту фразу можно перевести двояко: «он был датчанин и родился на юге Ютландии» и «он был датчанин и родился на юге, на Ютландии». Естественным образом текст прочитывается первым способом (“a Dane whose family belonged originally to South Jutland”[5], “han var dansk og stammede fra det sydlige Julland”[6]), и никаких вопросов к автору саги не возникает. Но ведь автор тут же говорит, что Рагнару «принадлежал хутор, который прозывают Рагнарсстадир, в епископстве Рибе», и Рибе — это далеко не юг Ютландии! О конунге Никуласе и его сыне Магнусе сага говорит, что как-то раз они «были на юге, на Ютландии» (“Þat var eitt sinn, at þeir Níkulás konungr ok Magnús, son hans, váru *suðr á Jótlandi*” — Knýtl 91), что у Никуласа в войске один из шести епископов был «с юга, с Ютландии» (“*sunnan af Jótlandi*” — Knýtl 95). После битвы у Фотвика (к югу от Лунда, то есть на Сконе) Никулас «взошел на корабль с какими-то людьми

[4] Ekblom 1941: 279–294.
[5] Knytlinga Saga 1986: 33.
[6] Knytlinge Saga 1977: 52.

и поплыл на юг, на Ютландию» (“komz á skip með nǫkkura menn ok fór *suðr til Jótlands*” — Knýtl 98). Правда, Никулас, по саге, добрался до Хедебю, расположенного на юге Ютландии, и тут опять возникает искушение и возможность объяснить употребление пространственного термина какими-то «объективными» причинами, ибо Хедебю лежит на юге Ютландии, но воздержимся от этого и попытаемся представить общую картину пространственных соотношений с точки зрения автора саги. Наконец, «когда конунг Эйрик был на юге на Ютландии (*suðr á Jótlandi*), он устроил тинг с бондами» (Knýtl 103). Где именно на Ютландии был конунг, из саги не следует, но я склонна считать, что «юг» и здесь относится ко всему полуострову, а не к его южной части.

Фюн, согласно саге, расположен *к северу* от Ютландии. С Фюном ситуация прозрачна, потому что пять раз употребленная с глаголами движения (*fara* «ехать», *koma* «прибывать», *stefna* «отправляться») конструкция *norðr til Fjóns* «на север на Фюн» не оставляет никаких сомнений. Это и смутившее Бьярни Гуднасона желание конунга Кнута отправиться из Сэваренди (Шёринга), с северной оконечности Ютландии, «на север на Фюн» (Knýtl 47); и упоминание о том, как «едет конунг до тех пор, пока не приезжает на север на Фюн» (Knýtl 47); и рассказ о том, как восставшие бонды уничтожают усадьбу конунга в Шёринге, узнают при этом, что Кнут «уплыл на север на Фюн» (Knýtl 49), и решают, что войску «следует отправиться на север на Фюн» (Knýtl 49), а для этого из Раннерса переправиться на кораблях «на север через Малый Бельт на Фюн» (Knýtl 51). Соответственно, используется конструкция *norðr á Fjóni* «на севере на Фюне»: это войско восставших бондов узнало, что там находится конунг Кнут (Knýtl 50). Любопытно восприятие в этом контексте промежуточного пункта — Раннерса (дисл. *Randaróss*, датск. *Randers*), лежащего на востоке Центральной Ютландии, севернее Орхуса, в устье реки Гудено, в верхней части Раннерс-фьорда, выводящего в Каттегат. Собираясь с севера Ютландии на Фюн, предводители войска бондов «отправились с этим войском *на север в Раннерс* и оставались там несколько ночей» (Knýtl 49). Этот «северный» Раннерс располагается несколько южнее и сильно восточнее отправной точки, но он лежит на пути «на север на Фюн» — в том, видимо, и дело. Обратное движение с Фюна на Ютландию обозначено как

suðr til Jótlands «на юг на Ютландию»: именно так плывет конунг Кнут после того, как провел тинг с бондами на острове Фюн (Knýtl 45). Стоит обратить внимание на то, что все приведенные выше примеры приходятся на единый рассказ, занимающий несколько глав саги (гл. 45–51), служащий преамбулой к повествованию о том сражении, в котором погибнет конунг Кнут, будущий Кнут Святой (1080 – 10 июля 1086). Эти главы относятся к центральной части «Саги о Кнютлингах», посвященной этому святому (гл. 25, 26, 28–64, 66–68, 72, 77). Можно думать, что представление о пространственно-географическом расположении острова Фюн попало в «Сагу о Кнютлингах» из какого-то одного источника.

Зеландия, согласно саге, тоже лежит *к северу* от Ютландии и, соответственно, от Фюна. В саге рассказывается, как конунг Свейн (Свен Эстридсен) слег и умер от болезни в «деревушке» *Suddaþorp*. Это — небольшое поселение Судеруп (датск. *Suderup*, нем. *Süderup*) на самом севере сегодняшней Германии. Тело его было перевезено в Рингстед (*Ringsted*, на Зеландии), и был он там похоронен. «Кальв Манасон так говорит в своей песни, которую он сочинил о Кнуте Святом, сыне конунга Свейна, что тело конунга Свейна было перевезено за тринадцать дней с юга, с Ютландии, на север, в Рингстед (*sunnan af Jótlandi ok norðr til Hringstaða*), с большими почестями и в сопровождении многих достойных людей» (Knýtl 25). Из сочинений Кальва Манасона, названного в “Skáldatal” скальдом конунга Кнута Святого и упомянутого в “Landnámabók”, ничего не сохранилось. Но если верить приводимому во фрагменте пересказу, места смерти Свейна скальд не называет. Обратим внимание на то, что, согласно «Кругу земному», являвшемуся непосредственным источником «Саги о Кнютлингах», в Судерупе умирает вовсе не Свейн, а норвежский и датский конунг Магнус Добрый, передающий перед смертью Данию Свейну, которого он считал своим ярлом (MGóð 28; КЗ 418). О месте смерти Свейна в «Круге земном» сведений нет. Вероятно, этот рассказ был создан автором «Саги о Кнютлингах» и словоупотребление (как и представление о пространстве) — тоже его. Можно в данном случае попытаться дать «рациональное» объяснение использованию терминов стран света: при том, что Судеруп и Рингстед лежат почти на одной широте, их соотношение могло обозначаться по направлению начального движения: тело конунга

несли по суше, и потому из Судерупа нужно было до первой переправы на Фюн двигаться на север. Хотя уже следующий пример возможности «рационального» объяснения не дает. Так, сага сообщает, что одной зимой «собрался конунг Никулас праздновать Рождество в Рингстеде на севере, на Зеландии (*á Hrings-töðum norðr í Sjólandi*)» (Knýtl 92). Поскольку Рингстед находится в самом центре, а никак не на севере острова, то «север» в этой конструкции однозначно относится к самому острову Зеландия. Да и обратное движение с Зеландии описывается в саге как движение на юг: «Поплыл конунг Кнут на юг, на Фюн (*suðr til Fjóns*)» (Knýtl 44).

Пролив *Эресунн*, по саге, расположен *к северу* от Фюна и Зеландии. Так, после битвы в районе Оденсе на Фюне «ярл Асбьёрн отправился на север в Эресунн (*norðr til Eyrarsunds*)» (Knýtl 61). В уже упоминавшемся описании Дании говорится, что «к северу от Зеландии (*fyrir norðan Sjóland*) проходит Эресунн, а к северу от Эресунна (*fyrir norðan Eyrarsund*) лежат Сконе и Халланд (Knýtl 32).

Сконе, как следует из предыдущей цитаты, лежит *к северу* от Эресунна. Эйрик из Роскилле (на Зеландии) «поплыл с большим войском на север на Сконе (*norðr á Skáni*)» (Knýtl 95). И Никулас пошел с войском туда же — «на север на Сконе (*norðr á Skáni*)» (Knýtl 95).

Итак, согласно «Саге о Кнютлингах», Ютландия лежит на юге, к северу от нее — Фюн, к северу от Фюна — Зеландия, к северу от Зеландии — пролив Эресунн, еще дальше к северу — Сконе и Халланд. Как возникло такое представление о расположении Дании? Из какого источника оно могло быть позаимствовано? Обратимся к ряду источников близких «Саге о Кнютлингах» жанрово, хронологически и тематически.

***

В «Круге земном» Снорри Стурлусона (около 1230 г.), который был одним из источников «Саги о Кнютлингах», эта схема не представлена (равно как и в предшествующих «Кругу земному» сводах королевских саг «Гнилая кожа» и «Красивая кожа», откуда Снорри нередко заимствует свой материал). Несколько словоупотреблений, которые могли бы смутить читателя при их изолированном рассмотрении, оказываются вполне логичными в рамках общих пространственных представлений Снорри. Основная пространственная конструкция в его тексте — деление ойкумены на

четверти с центром в области датских проливов. Дания, за ней Сакслaнд принадлежат Южной четверти. Норвегия и Финнмарк — Северной. Обширная Восточная четверть вбирает в себя земли по берегам Балтийского моря, Русь и Византию. Не меньшая Западная четверть — это Атлантика[7]. Дания фигурирует в сагах о норвежских конунгах по преимуществу в контексте противостояния и военных действий датских и норвежских правителей, а соответственно и перемещений конунгов и их людей.

Повторю: Дания лежит *на юге*, все ее части лежат *на юге*, принадлежат Южной четверти, и плыть к ним нужно *на юг*, а от них — *с юга*. Мне доводилось в своих работах рассматривать аналогичные перемещения саговых персонажей в пределах Восточной четверти: допустим, из района Беломорья — *на восток* в Суздальскую землю, оттуда — *на восток* в Новгородскую землю, а оттуда — еще *восточнее* по Днепру к Черному морю! и т.д. и т.п.[8]. Сочетание *suðr til Jótlands* приобретает в «Круге земном» характер чуть ли не стереотипного выражения. Туда плывут и из пределов Дании (Yngl 27), и из Вика в Норвегии (HákGóð 6), и с датских островов (MGóð 30), и просто из Норвегии (HarSig 32), и из Гаут-Эльва (HarSig 34). При этом Фюн и Зеландия лежат вовсе *не к северу* от Ютландии, как в «Саге о Кнютлингах», — они тоже относятся к Южной четверти; к ним можно плыть и *на юг* (из Норвегии на Фюн — MGóð 52), и *с юга* (с Ютландии на Зеландию — HákGóð 7; из пределов Дании на Зеландию — MGóð 31). Сконе, южную оконечность Скандинавского полуострова, Снорри воспринимает уже как часть Восточной четверти, и все плавания в Сконе или вдоль берегов Сконе обозначает термином *austr* (HákGóð 8, ÓTr 27, 149, 33; HarSig 26, 28). Эресунн воспринимается им как узловая магистраль между западом и востоком, как пролив между западными и восточными водами и землями: через него плывут на восток (ÓTr 27) и возвращаются с востока, чтобы, «миновав его, плыть на север в Норвегию» (ÓH 157, 173).

Саксон Грамматик в предисловии к «Деяниям датчан» (между 1208 и 1218 гг.) выстраивает последовательность частей Дании строго с запада на восток. Первая — самая большая и значимая — Ютландия: «…Отделенная от нее (Тевтонии) протекающей между

[7] Джаксон 1994.
[8] Джаксон 1997а.

ними рекой Эудор (Эйдер), она (Ютия) слегка расширяясь, тянется на север до Норийского (Норвежского) моря…» (Præfatio. II. 1). «За Ютией к востоку находится остров Фиония (Фюн), который отделен от континента только узкой полоской воды. Он (Фюн) обращен со стороны запада к Ютии, а со стороны востока к Сиаландии (Зеландии)…» (II. 3). «Вторжение моря отсекает от ее (Зеландии) восточного берега западный берег Скании (Сконе)…» (II. 4)[9]. У Свена Аггесена географическое положение Дании вообще не обсуждается. Датские хроники тоже на этом своего внимания не фиксируют.

Итак, источник особого пространственного видения, присущего «Саге о Кнютлингах», среди древнескандинавских сочинений не обнаруживается. Посмотрим на более ранние памятники, в которых отражена география Северной Европы.

***

Адам Бременский четвертую книгу («Описание северных островов») своего труда «Деяния архиепископов гамбургской церкви» (1070-е гг.) посвящает тому пространству, которое должно было быть охвачено северной миссией Гамбургско-Бременского архиепископства, то есть северным землям. Рассказ о Дании, естественно, начинается с Ютландии, которая, как следует из текста, от пограничной с Германией реки Эйдер протянулась на север: «…первая [от нас] область Дании, которая называется Ютландией, простирается *к северу от Эйдера* на три дня пути, если повернуть в сторону острова Фюн. Если же мерить ее по прямой дороге от Шлезвига до Ольборга, то путь составит пять-семь дней. Это дорога императора Оттона вплоть до последнего моря Вендилы, что по сей день в честь победы короля зовется Оттинсанд» (Adam. IV.1)[10]. Обратим внимание на то, что, в отличие от датчанина XIII в. Саксона Грамматика, Адам иначе представляет себе «сужения» и «расширения» Ютландии, и она приобретает геометрическую форму, ей не присущую, но напоминающую очертания земель в античных и раннесредневековых географических текстах: «Вдоль берега Эйдера Ютландия более широкая, а далее посте-

[9] Saxo 1931: 6 (перевод А.В. Подосинова).

[10] Адам 2012: 421 (с незначительными изменениями огласовки топонимов). Курсив здесь и далее в цитатах мой. — *Т. Д.*

пенно сужается наподобие языка в направлении того угла, который именуется Вендилой [и] где находится предел Ютландии. Оттуда кратчайшая переправа в Норманнию»[11]. В словоупотреблении Адама «к северу от Эйдера» никакой ошибки, искажения, сдвига, неточности как будто бы не содержится: речь идет о вытянутости Ютландии *в северном направлении* от реки Эйдер.

Интересно: как шел путь по Ютландии? Информации, современной Адаму, у нас нет, но есть сведения из древнейшего дошедшего до нас исландского итинерария — «Дорожника» аббата Николая, составленного им в 1150-х гг. после паломничества в Рим и Иерусалим[12]: «Из Норвегии сначала надо ехать в Данию в Ольборг. Ездившие в Рим сообщают, что от Ольборга два дня езды до Виборга, затем неделя езды до Хедебю, затем недалеко до Шлезвика, затем день езды до реки Эйдер»[13]. Николай не уточняет, какие промежуточные пункты были на недельном пути из Виборга в Шлезвик, но саги из мест, расположенных между этими двумя ориентирами, знают еще Судеруп (небольшое поселение на самом севере сегодняшней Германии, километров на 20 западнее Фленсбурга) и Соммерстед, лежащий на широте Рибе, но ближе к восточному побережью. Вполне очевидно из саг, что эти центры были связаны с транспортной магистралью того времени (как связаны они и с современной!). Если же мысленно двигаться от Эйдера в обратном направлении, то путь через Хедебю, Шлезвиг, Судеруп и Соммерстед будет лежать строго на север (да, собственно говоря, и на отрезке Виборг-Ольборг отклонение в восточную сторону минимально).

Есть одна точка на Ютландии, от которой расстояние через Малый Бельт до Фюна (в районе совр. Миддельфарта) не превышает трех километров. Здесь была основная переправа на Фюн. Вероятно, именно это отклонение от основного маршрута и имел

---

[11] Там же. Ср. описание «Бриттании» у Иордана: «…восприняли [сведения] о ней от греческих и латинских авторов. Большинство из них считают ее сходной с треугольником; она простирается к северо-западу и обращена бóльшим своим углом к устьям Рейна; сжимаясь затем по ширине, она вытягивается косо назад, заканчиваясь двумя другими углами; обеими дальнейшими сторонами она тянется вдоль Галлии и Германии» (Иордан 1997: 63).

[12] Lönnroth 1990; Мельникова 2001: 369–415.

[13] Мельникова 2001: 397 (с моими исправлениями).

в виду Адам, говоря: «если повернуть в сторону острова Фюн». Дополнительное основание так думать дает соотношение отрезков пути, как их определяет Адам: три дня пути до Фюна и пять-семь до Ольборга. Южнее этого места удобной переправы с Ютландии (и тем более с материка) на остров Фюн нет. А потому, чтобы попасть на Фюн, нужно достаточно долго двигаться по Ютландии именно в северном направлении. Таким образом, мы не должны заключать из IV.1 (как это делает Р. Экблум)[14], что Адам представляет Фюн лежащим *к северу* от Ютландии, тем более что далее в той же главе утверждается, что пролив, разделяющий Ютландию и Фюн (имеется в виду Малый Бельт), тянется *на север* вплоть до Орхуса: «[Орхус] отделяется от Фюна неким очень узким проливом, что вдается со стороны Восточного моря и тянется с многочисленными изгибами *на север* между Фюном и Ютландией вплоть до того самого города Орхуса, откуда плавают на Фюн, либо на Зеландию, либо в Сконе, либо вплоть до Норвегии» (Adam. IV.1)[15].

В устье Балтийского моря лежит, согласно Адаму, остров Фюн: «Фюн — это крупный остров, расположенный в устье Варварского залива *за* тем [островом,] который называется Вендилой (*Funis insula est non modica post eam, quae Wendila dicitur, in ostio barbari sinus occurrens*). Он соседствует с областью, которая называется Ютландия, [так что] на него можно очень быстро переправиться из любой части Ютландии» (Adam. IV.4)[16]. Здесь встает вопрос о том, как понимать в географическом смысле предлог *post* «за». Аналогии позволяют прочитать это место так, что расположенная «в устье» Балтийского моря Вендила лежит *ближе* к началу Балтийского моря, чем остров Фюн. Соответственно, Фюн лежит не севернее Ютландии, а именно так, как описывает Адам: «на него можно очень быстро переправиться из любой части Ютландии». Ничто не мешает нам понять в данном случае, что остров расположен *вдоль* Ютландии, восточнее ее, ибо пролив, их разделяющий (см. выше), «вдается со стороны Восточного моря и тянется с многочисленными изгибами *на север* между Фюном и Ютландией».

[14] Ekblom 1941: 283.
[15] Адам 2012: 422.
[16] Адам 2012: 423.

Второй большой остров Датского архипелага — Зеландия: «Во внутреннем заливе Балтийского моря расположен остров Зеландия, размером огромный. […] Этот остров удален от Фюна и Сконе на равные расстояния, [так что туда] можно попасть за [одну] ночь. *К западу [от Зеландии]* находятся Ютландия, город Орхус, Ольборг и Вендила, *с севера* же — там он пустынен — Норманнский пролив, *с юга* — вышеописанный [остров] Фюн и Склаванский залив (Кильская бухта. — *Т. Д.*). *К востоку* [от него в море] выступает Сконе, [а] в ней есть город Лундона (Лунд. — *Т. Д.*)» (Adam. IV.5)[17]. При разборе приведенного фрагмента возникают известные трудности. Остров действительно расположен между Фюном и Сконе и равно удален от них. По отношению к Ютландии можно определить его местоположение как восточное. Но вот что смущает при сопоставлении текста Адама с современной картой. В качестве находящихся к западу от Зеландии Адам называет Ютландию и местности, лежащие в ее северной половине, а именно — города Орхус и Ольборг и самую северную оконечность Ютландии Вендилу (мыс Скаген). В то же время западный по отношению к Зеландии Фюн Адам помещает к югу от нее. И, наконец, на севере от Зеландии он располагает *fretum Nortmanniae* «Норманнский (=Норвежский) пролив» (Саксон этим именем обозначает пролив Скагеррак). На основании этого конкретного текста можно было бы заключить, что Зеландия, в представлении Адама, расположена к востоку от Ютландии, но севернее Фюна. Однако этот вывод противоречит небольшому фрагменту предыдущей главы: «Следует иметь в виду, что если ты намереваешься попасть через Ютландию на Фюн, [нужно] держать путь *точно на север* (*si per Iudland in Funem tenderis, directam in septentrionem viam habes*). А тому, кто отправляется *с Фюна на Зеландию, [надо] двигаться лицом на восток* (*At vero per Funem transeunti ad Seland oriens in faciem currit*). Существуют две переправы на Зеландию: одна с Фюна, другая из Орхуса, отстоят же они [от Зеландии] на равные промежутки» (Adam. IV.4)[18]. В связи с первой фразой («держать путь *точно на север*») отошлю читателя к начальному рассуждению на основании фрагмента IV.1 о необходимости долгого (около трех дней) продвижения по Ютлан-

[17] Адам 2012: 424.
[18] Адам 2012: 423.

дии *в северном направлении*, чтобы попасть на Фюн. Движение через Фюн на Зеландию *в восточном направлении* («лицом на восток») подразумевает, что Зеландия все же лежит *восточнее* Фюна. В таком случае противоречие между IV.5 и IV.4 можно снять, предположив, что Адам видел Зеландию как остров, значительно превосходящий по размерам Фюн (а так он его и описывает!) и гораздо дальше, чем Фюн, вытянутый в северном направлении. Если, конечно, перед нами не контаминация (не слишком аккуратная) сведений различных источников, то *южное* расположение Фюна («неверное») и Кильской бухты («верное») в IV.5, скорее всего, связано с представляющейся Адаму излишней вытянутостью Зеландии в сторону севера и с известными ему местами переправ.

Итак, нам осталось посмотреть на описание последней крупной области Дании, а именно Сконе, лежащей, согласно Адаму, *к востоку* от Зеландии: «[Существует] много переправ с Зеландии в Сконе, кратчайшая [же] — в Гельсингборге, его даже можно видеть [с берега]. Сконе — [это] область Дании. […] Сконе представляет собой самую дальнюю область Дании, [это] почти остров, так как она со всех сторон окружена морем и лишь в одном месте соединяется с землей узкой полоской, которая отграничивает лежащую к востоку [от нее] Свеонию от Дании» (Adam. IV.7)[19]. Данное описание ошибочно в той части, где речь идет об узком перешейке, отделяющем Данию от Швеции, но в целом представление о пространственном соотношении Зеландии и Сконе верно, а отмеченная Адамом переправа актуальна и сегодня.

Таким образом, у Адама мы тоже не находим столь «искаженного» представления о соотношении Ютландии, Фюна, Зеландии и Сконе, как у автора «Саги о Кнютлингах». Надо сказать, что многие географические образы и представления Адама сформировались на основе античной традиции. Однако бременский каноник жил много севернее своих ученых предшественников, да и географические горизонты за разделяющие их века сильно раздвинулись, в частности в северном направлении. Северную Европу детально и последовательно Адам описал первым из известных нам авторов, и в его изображении Дании никаких особых «нарушений» нет.

[19] Адам 2012: 424–425.

***

Вторая группа ориентационных «ошибок» автора «Саги о Кнютлингах» связана с Северо-Ютландским островом и отделяющим его от Ютландии Лимфьордом. Принципиально важно, что речь об этом идет в тех же главах саги (Knýtl 32, 46, 47, 49), где описывается и соотношение основных частей Дании.

«Лимфьорд зовется [фьорд] на Ютландии; это большой фьорд и знаменитый; он тянется с севера на юг (*hann gengr af norðri til suðrs*)[20]», — говорится в описании Дании в Knýtl 32. В реальности фьорд (а ныне — пролив; но об этом чуть ниже) имеет широтную протяженность с востока на запад, однако он занимает «законное место» на той ментальной карте Дании, которую видит и описывает автор «Саги о Кнютлингах». «К западу от Лимфьорда (*fyrir vestan Limafjǫrð*), — говорится далее, — лежит то епископство, которое зовется Вендильскаги и которое протянулось в сторону северной четверти (*til norðrættar*)[21]». Это утверждение весьма любопытно — здесь соединились два несовместимых пространственных представления: автор осознает, что к северу от северной оконечности Ютландии лежит Северная четверть (которую составляет Норвегия), а значит, Дания входит в Южную четверть, но в пределах Дании всё пространство повернуто так, словно некий квадратик извлекли, как в пазле, из географической карты и развернули на 90° против часовой стрелки, так что западная часть Дании, Ютландия, стала ее южной частью, а более восточные острова стали северными.

Лимфьорд (дисл. *Limafjǫrðr*, датск. *Limfjorden*), как пишут сегодня, до 1825 г. был заливом, пока сильнейший шторм не размыл песчаную косу, отделявшую фьорд от Северного моря. Тем самым Лимфьорд превратился в пролив, а Северная Ютландия — из полуострова в остров, Северо-Ютландский остров (*Nørrejyske Ø*) или Венсюссель-Тю (*Vendsyssel-Thy*), состоящий из трех областей (*Thy, Han Herred, Vendsyssel*). Область Венсюссель, занимающая в реальности северо-восточную часть Северо-Ютландского острова, зовется в саге *Вендильскаги* (*Vandilskagi/Vendilskagi*, Knýtl 32, 46, 49) или *Вендиль* (*Vendill*, Knýtl 95). Финнур Йоунссон, справедли-

[20] Так (*af norðri*) в списках группы *A*, в частности в первом издании 1841 года. В списках группы *B* — «с северо-запада» (*útnorðri*).

[21] См. выше в тексте и примеч. 7 о четырехчастном делении мира.

во, на мой взгляд, рассматривает эти два топонима как одно имя[22], точнее было бы сказать — как имена, обозначающие один географический объект. У Адама Бременского Венсюссель называется *Wendila*, у Эльнота — *Wendel*, а в «Земельном кадастре» Вальдемара I (“Liber Census Daniæ”, “Kong Valdemars Jordebog”, около 1231 г.) — *Wændlesysæl, Wendelsysel, Wændil*.

В тексте саги топоним «Вендильскаги» неразрывно соединен с ориентационным термином «запад»: Торд и Толар охарактеризованы как «управляющие конунга Кнута на западе в Вендильскаги (*vestr á Vendilskaga*)» (Knýtl 46); из некоего местечка «во внутренней части Лимфьорда» конунг Кнут собирается отправить посланцев «на запад к жителям Вендильскаги (*vestr til þeirra Vandilsbúanna*)» (Knýtl 47); в войске восставших бондов, по словам саги, много людей, которые приплыли «с запада из Вендильскаги (*vestan af Vendilskaga*)» (Knýtl 49).

На одном фрагменте географического описания Дании остановимся подробнее: «От северной части Лимфьорда узкий перешеек ведет на запад к морю (*ór norðanverðum Limafirði er mjótt eið vestr til hafs*), он зовется Перешеек Харальда (*Haraldseið*)[23]; через него велел конунг Харальд Сигурдарсон перетащить свой корабль, когда он пытался избежать сражения с конунгом Свейном Ульвссоном, как говорится в саге о конунге Харальде» (Knýtl 32). Как понимать содержащиеся здесь пространственные указания? Ведь непосредственно перед этим заявлением говорится, что Лимфьорд «тянется с севера на юг», и этот «север» соответствует нашему востоку. Но там и находился всегда вход во фьорд, и там нет узкого перешейка, который нужно было бы преодолевать волоком. Сопоставление географических описаний Дании в «Саге о Кнютлингах» и «Саге о Хрольве Пешеходе»[24] привело меня к выводу о наличии у них общего письменного источника. Во второй са-

[22] Finnur Jónsson 1919: “som ét navn”.

[23] Не обратив внимания на наличие того же топонима в «Саге о Хрольве Пешеходе» (см. ниже), Финнур Йоунссон отмечает, что имя это помимо данной саги не известно, хотя и вполне прозрачно; возможно, — утверждает он — такого датского названия и не существовало, а использовалось оно только норвежцами (Finnur Jónsson 1919: “mulig har dette navn aldrig været dansk, men kun anvendt af Nordmændene”).

[24] См. выше и примеч. 23.

ге, где описание значительно короче, этой пространственной путаницы нет. Фьорд, как говорится в саге, «тянется с севера на юг, а внутри фьорда на запад к морю лежит перешеек Харальда (*en í innanverðum firðinum gengr Haraldseið vestr til hafsins*), ибо здесь конунг Харальд Сигурдарсон велел перетащить свои корабли, когда спасался от конунга Свейна» (GHS 37). Добавление о том, что перешеек идет «от северной части Лимфьорда», сделано автором «Саги о Кнютлингах», а вот его же упоминание «саги о конунге Харальде» — это не что иное, как ссылка на «Сагу о Харальде Сигурдарсоне» по «Кругу земному» (ни в «Гнилой коже», ни в «Красивой коже» этого эпизода нет), где рассказывается следующее: «…Харальд конунг двинулся в Лимфьорд и расположился внутри фьорда. Вход в Лимфьорд узок, как река, но когда плывешь по фьорду, то он подобен широкому морю. <…> Харальд конунг узнал от своих лазутчиков, что Свейн конунг приплыл к устью фьорда во главе большой рати. Он медленно входил во фьорд, потому что за раз только один корабль мог в него проникнуть. Харальд конунг продолжал плыть со своими кораблями по фьорду. Та часть, где он всего шире, называется Лусбрейд (*Lúsbreið*), и внутренняя часть залива отделена от моря на западе узким перешейком (*en þar ór víkinni innanverðri er eið mjótt vestr til hafs*). Туда вечером приплыл Харальд со своими кораблями. Ночью же, когда стемнело, они разгрузили корабли и перетащили их через перешеек, и до наступления дня они закончили работу и вновь приготовили корабли к плаванью, после чего отплыли на север вдоль Ютландии» (HarSig 58)[25]. Как было отмечено выше, у Снорри соотношение частей Дании не отличается от реального, так что под перешейком, ведущим на запад, он, без сомнения, понимает перешеек, ведущий на запад. Автор «Саги о Кнютлингах», вероятно, ошибочно заменил *innanverðum* на *norðanverðum*, но при этом позаимствовал у Снорри *западное* (в соответствии с показаниями компаса) расположение перешейка, создав тем самым невообразимую ориентационную путаницу, дополнительную к его искаженному представлению о расположении Дании.

[25] Перевод А.Я. Гуревича: Снорри Стурлусон 1980: 434–435 (с моими огласовками топонимов).

Бьярни Адальбьярнарсон[26] отмечает что самая широкая часть Лимфьорда носит сейчас название *Livø* и также зовется *Livøbredning* («расширение острова Лив»), а остров назывался в XIII в. *Lygh*, и *Lygs-* могло вполне стянуться в *Lús-*, из чего и возникло *Lúsbreið*. Он утверждает, что Снорри не рассматривал Лимфьорд как сквозной путь, а имел в виду, скорее всего, залив, идущий в северном направлении от самой широкой части Лимфьорда и заканчивающийся перешейком, отделяющим его от открытых вод к западу от скалы *Bulbjerg*. Мне кажется сомнительным, чтобы Снорри был так хорошо знаком с топографией этой местности, а не полагался на сохраненные традицией рассказы о Лимфьорде. Тем более, что, как подчеркивает и сам Бьярни Адальбьярнарсон, свидетельства наличия соединения Лимфьорда с Северным морем в XI в. есть в большом числе источников: у исландских скальдов XI в., у англо-саксонского монаха Эльнота (начало XII в.)[27], у датских историков начала XIII в. Свена Аггесена и Саксона Грамматика. Так, в «Тёгдрапе» Торарина Славослова говорится о том, что конунг Кнут Могучий, отправляясь из Дании в Англию (1026 г.), вывел свои корабли из Лимфьорда[28], а в «Драпе о Кнуте» Сигвата Тордарсона рассказывается, как Кнут вернулся (1028 г.) из этого славного похода с запада и вошел в Лимфьорд[29]. Эта последняя драпа подтверждает рассказ о возвращении конунга Кнута из Англии в своде королевских саг «Красивая кожа» (Fask 32). Небезынтересным комментарием сопровождаются строфы Торарина в «Круге земном» (ÓH 172): «Здесь говорится о том, что сочинивший эти стихи своими глазами видел то, о чем он рассказывает, ибо Торарин гордился тем, что, когда Кнут конунг приплыл в Норвегию, он был вместе с ним»[30]. Скальд тем самым позиционирует себя как очевидца этого похода. Свен Аггесен (гл. 11) сообщает, что Кнут, собравшись в поход на Англию, «отправился к Хумлуму, который в те дни был заливом, соединяющимся с морем; там он велел собраться войску». Как уточняет переводчик этого текста Э. Кристиансен, Хумлум (*Humlum; in Humla* S) Свена — это «не-

[26] Snorri Sturluson 1951. Bls. 140, n. 1.
[27] Ailnoth 1908–1912:104.
[28] Tøgdrápa 1.
[29] Knútsdrápa 8.
[30] Снорри Стурлусон 1980: 327.

большое поселение к югу от Оддесунна, в пятнадцати милях от западного выхода из Лимфьорда, в то время открытого»[31]. Саксон Грамматик (XI. 13), в свою очередь, сообщает, что, собирая флот, Кнут приплыл в Лимфьорд, «из которого узкий канал ведет к морю, некогда судоходный, но сейчас перекрытый наступающими песчаными отмелями»; в X. 2 Саксон также говорит, что Оттон дошел до Лимфьорда, «который *в ту пору* своими водами отрезал Вендсюссель»[32]. Таким образом, имеются свидетельства как наличия сквозного прохода из Северного моря в глубинную часть Лимфьорда, так и того, что к началу XIII в. этот проход отсутствовал. То же пишет в комментарии и Бьярни Гуднасон: «различные источники, вне всяких сомнений, демонстрируют, что Лимфьорд имел в XI в. выход для кораблей в западном направлении, в Северное море, но он был занесен песком в дни Саксона и Снорри»[33].

Итак, повторю, что Лимфьорд, в действительности протекающий с востока на запад и превращающий северную оконечность Ютландии в остров, описывается автором «Саги о Кнютлингах» в соответствии с его общим представлением о пространственном расположении Дании и приобретает тем самым на его ментальной карте вместо широтной меридиональную протяженность с севера на юг.

***

Случаи употребления терминов стран света при описании европейского севера, выглядящие ошибочными с современной точки зрения, давно обращали на себя внимание исследователей. Сначала это были вполне спорадические и попутно оброненные замечания отдельных ученых, пораженных тем или иным текстом. Первым, насколько можно судить по существующим публикациям, на рубеже XVIII–XIX вв. Х.Г. Портан отметил, что в переводе «Истории против язычников» Павла Орозия, выполненном англосаксон-

[31] Sven Aggesen 1992: 128, note 126. В прим. 132 переводчика и комментатора Э. Кристиансена читаем: «Винер-Нойштадтское Житие Св. Кнута, сочиненное около 1220 г., добавляет, что он перешел “через реку, которая зовется Лимфьорд, к острову Вендель. Поскольку тогда он был островом, включавшим в себя две провинции, *Тиута* и *Вендела* [Thy- и Vendsyssel]; сегодня его скорее называют мысом, чем островом” (VSD, 546)».

[32] Saxo 1980: 79, 6.

[33] Knýtlinga saga 1982. Bls. 151, n. 4.

ским королем Альфредом (конец IX в.), север иногда на 45° сдвинут в сторону востока[34]. В научной литературе не раз с тех пор высказывалось мнение, что в памятниках древнескандинавской письменности оказались зафиксированными и дошли до нас, наряду с традиционной ориентацией по странам света, реликты древней системы ориентации — так называемой «смещенной ориентации» (*shifted orientation*), — которая не тождественна современной. Термином *norðr* «север», по мнению ряда исследователей, обозначалось в древности направление, отличающееся от астрономического «севера» и отклоняющееся (от 45° до 60°) в сторону востока, то есть по часовой стрелке; соответственно, иное, нежели привычно современному человеку, значение имели термины *austr* «восток», *suðr* «юг» и *vestr* «запад». Подлинным основателем «теории отклонений» можно считать Л. Вейбулля[35], привлекшего к анализу пять незначительных фрагментов из текстов древнегерманского происхождения: из дополнений англосаксонского короля Альфреда к переводу хорографии Павла Орозия, включающих в себя географические представления самого Альфреда и донесение халогаландца Оттара о его плавании в землю бьярмов; из главы IV.3 «Деяний архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского; из географического сочинения последней четверти XII в., условно называемого сейчас «Описание Земли I»; из главы 32 «Саги о Кнютлингах». Вейбулль увидел в них «соединение» двух видов ориентации — «древней» и привычной современному человеку, — которое он объяснил постепенностью движения христианства на север. Он полагал, что древние скандинавы выстраивали ориентацию всего окружавшего их мира по той — священной для них — стороне, откуда приходило солнце, а свет шел к ним, по его мнению, с юго-востока. Древние скандинавы, полагал он, помещали восток на небосклоне близко к юго-востоку, где солнце вставало перед зимним солнцестоянием, и это как раз составляло отклонение в 45°. Р. Экблум[36] подверг толкование Вейбулля критике, хотя сам он увидел истоки древнескандинавской «смещенной» ориентации в сакрализации точки восхода солнца в начале года, правда в одной конкретной местности, а именно в районе Тронхейма, где,

[34] Porthan 1800.
[35] Weibull 1928.
[36] Ekblom 1938; Ekblom 1941; Ekblom 1960.

по его представлению, солнце восходит в начале января на 60° южнее реального востока. Осуществленный им пересмотр источников, на которых до него строил свою теорию Вейбулль, позволил Экблуму заключить, что и в них север помещался не на 45°, а приблизительно на 60° восточнее реального направления. Дискуссия, растянувшаяся на многие десятилетия, шла между исследователями, признававшими наличие специфической скандинавской «смещенной» ориентации, и теми, кто оспаривал это утверждение. К сожалению, нередкий в научных работах «авторитет имени» приводил к тому, что исследователи, не давая себе труда пересмотреть использованный Вейбуллем и Экблумом материал, а также привлечь дополнительный, просто принимали за некую данность то, что эти отдельные случаи «отклонения» представляют собой «*реликты* когда-то существовавшей, но уже почти исчезнувшей» «древнескандинавской системы ориентации»[37]. Без обращения к широкому материалу источников оставался незамеченным тот факт, что эти «следы древней ориентационной системы» в дошедших до нас текстах как раз имели вполне системный характер, относясь лишь к отдельным и повторяющимся из источника в источник регионам.

Число противников существования архаичной системы «смещенной» ориентации постепенно увеличивалось, а их аргументация все более оттачивалась[38]. Один из наиболее решительных оппонентов Вейбулля, Экблума и их сторонников, М. Корхаммер, задался вопросом о том, смещенная или несмещенная ориентация отразилась в дополнениях англосаксонского короля Альфреда к выполненному им около 890 г. переводу «Истории против язычников» Павла Орозия. Утверждая, что теория отклонений методологически непоследовательна, практически неприменима и исторически невероятна, он предложил рассматривать информацию с указанием направлений по странам света в «древнеанглийском Орозии» в пределах секторов, которые могут варьироваться от 90° до 45°. Если после этого — пишет он — останется ряд случаев, в которых направления все еще будут противоречить представлениям современной географии, то придется найти другие объясне-

[37] См., например: Подосинов 1999: 358–363.

[38] Beckman 1938; Reuter 1934; Ellegård 1954–1955; Ellegård 1960; Sköld 1963; Derolez 1971; Korhammer 1985; Valtonen 1988; Джаксон 1997б.

ния: такие как возможное влияние *mappa mundi*, как предложил Р. Деролез, как зависимость от итинериариев, как думал А. Эллегорд, либо, в крайнем случае, просто отсутствие достаточных знаний. Но в любом случае идея существования смещенной ориентационной системы должна, по его утверждению, быть отвергнута раз и навсегда[39].

***

Обратимся тоже к дополнениям короля Альфреда, из которых для нас важны его собственные взгляды на географическое положение Дании, описываемое им следующим образом: «К западу от *южных данов* — тот рукав океана, который окружает Британию, а к северу от них — тот рукав моря, который зовется Остсэ, а к востоку и к северу от них — *северные даны*, как на материке, так и на островах, а к востоку от них — афдреды (ободриты), а к югу от них — устье реки Эльбы и часть старо-саксонских земель. К северу от северных данов — тот же рукав моря, который зовется Остсэ, а к востоку от них — племя ости, и афдреды к югу»[40]. Соглашаясь с М. Корхаммером, что «двойные» направления в тексте Альфреда («к востоку и к северу») нельзя прочитывать как «сдвоенные» («на северо-востоке»)[41], не могу принять утверждение Экблума, что «южные и северные даны живут по соседству одни с другими в направлении юго-запад — северо-восток»[42]. Как можно видеть, даны, в представлении короля Альфреда, подразделяются на *южных* и *северных*, причем к первым он, как следует из описания границ, причисляет жителей Ютландии; к югу от них — устье Эльбы, к западу — Северное море («тот рукав океана, который окружает Британию»), а к востоку и северу — «северные даны, как на материке (на Сконе. — *Т. Д.*), так и на островах». Соответственно, «северные даны» — это и есть жители Фюна, Зеландии, Сконе. Такое разделение данов у короля Альфреда в конце IX в. полностью соответствует тому делению, которое мы наблюдаем в середине XIII в. в «Саге о Кнютлингах», но, увы,

[39] Korhammer 1985: 268.
[40] Two Voyagers 1984: 16–18.
[41] Korhammer 1985: 269, note 1.
[42] Ekblom 1941: 282.

никаких «каналов связи» между этими двумя источниками не установлено.

Действительно, следы разделения данов по пространственному признаку отразились еще в ряде ранних памятников. Так, в англосаксонской эпической поэме VIII в. «Беовульф»[43] наряду с многочисленными «данами» (*Dene* — passim) и «Скильдингами» (*Skyldinge* — passim) мы обнаруживаем такие обозначения жителей Дании, как «славные даны» (*Beorhtdene* — 427, 609), «кольцевые (украшенные кольцами) даны» (*Hringdene* — 116, 1279, 1768), «копьевые (вооруженные копьями) даны» (*Gardene* — 1, 601, 1856, 2494), «северные даны» (*Norðdene* — 783), «южные даны» (*Suðdene* — 463, 1996), «западные даны» (*Westdene* — 383, 1578) и «восточные даны» (*Ēastdene* — 392, 616, 828). Н. Лунд показал, что, «когда в тексте фигурируют северные, южные, восточные, вооруженные копьями и многие другие даны, причину всякий раз следует видеть в том, что автору требовалась определенная аллитерация»[44]. Эта взаимозаменяемость эпитетов, однако, еще не объясняет того, почему, наравне с описательными эпитетами, анонимный автор «Беовульфа» в том же качестве использовал именно названия стран света, если только эти термины не использовались применительно к данам в реальном обиходе. И если «западных» и «восточных данов» никто, кроме автора «Беовульфа», не упоминает, то «южных» и «северных» знают и он, и король Альфред. К тому же «южные даны» (*Suðrdanir*) фигурируют на руническом камне X в. с Лолланна[45].

Весь рассмотренный материал подводит нас к выводу о том, что в картине мира древних германцев присутствовало представление о том, что датские земли делились на южные и северные, что южная область — это Ютландия, а северная — Фюн, Зеландия и Сконе. Кстати, этому делению данов на «южных» и «северных» соответствует древнейшая известная граница диалектов (между ютскими и островными), проходящая по Малому Бельту. Однако трудно сказать, как это представление проникло в «Сагу о Кнютлингах».

---

[43] Beowulf and Judith 1953 (далее номер строки указан в тексте).
[44] Lund 1991: 168; ср.: Карпова 2002: 200–201.
[45] Danmarks runeindskrifter 1941–1942: 217.

***

Мы, к сожалению, недостаточно знаем об авторе «Саги о Кнютлингах» и его источниках. Вероятнее всего, эта королевская сага была написана в середине XIII в. на западе Исландии. Автор ее неизвестен, хотя не исключено, что им был Олав Тордарсон Хвитаскальд († 1259). Среди источников «Саги о Кнютлингах» называют прежде всего «Круг земной» Снорри Стурлусона (дяди Олава Тордарсона), кроме того — «Сагу о Йомсвикингах» и поэзию скальдов, а также не дошедшие до нас «*Жизнеописание Олава Святого» Стюрмира Карасона и труды Сэмунда Мудрого и Ари Мудрого. Предполагают, что в основе «Саги о Кнютлингах» лежит несохранившаяся «*Сага о Кнуте Святом». Отмечают связь саги с «Деяниями датчан» Саксона Грамматика и то, что ее автор использовал датские анналы и, возможно, устную традицию.

Кроме разрозненной географической информации, в саге есть уже упоминавшаяся выше отдельная глава, посвященная исключительно датской географии (Knýtl 32). Финнур Йоунссон полагал, что ее географическая информация происходит из устной традиции[46]. Г. Албек, напротив, утверждал, что нет сомнения в том, что в основе описания Дании лежал письменный источник, который включал в себя список епархий и перечень церквей, а также имена важнейших заливов, проливов и островов[47]. Автор саги, по его мнению, внес существенные изменения в этот материал. В другой своей работе[48] я высказала предположение, что письменных источников у Knýtl 32 было два: географическое описание Дании (с разделением ее на четыре основные части, с главными центрами, с островами и проливами, с географической соотнесенностью всех географических объектов) и перечень восьми диоцезов (с указанием епархиальных резиденций, количества церквей в них и числа поставляемых ими в королевский ледунг кораблей). Первым из этих двух источников явно воспользовался и автор «Саги о Хрольве Пешеходе», в которой содержится весьма схожее, но более краткое географическое описание. Подчеркну, что автор «Саги о Хрольве Пешеходе» нечасто использует ориентационные термины и в целом не фиксирует своего внимания на направлени-

[46] Finnur Jónsson 1900: 35.
[47] Albeck 1946: 110–111.
[48] Джаксон 2009.

ях движения своих героев или пространственной соотнесенности тех или иных географических объектов. Только его описание Дании наполнено ими, и его Дания опять же «повернута» в пространстве: «Ютландия… лежит к югу и граничит с морем. <…> Лимфьорд… тянется с севера на юг. <…> К западу от Лимфьорда лежит область Вендильскаги, простирающаяся в северном направлении. <…> К северу от Сьяланда находится пролив Эресунн. А еще севернее находится Сконе с главным городом Лундом». И лишь остров Борнхольм «лежит на востоке в море» (GHS 37)[49]. Рискну предположить, что из общего для двух саг гипотетического источника, в котором отразился древний северогерманский взгляд на географическое положение Дании, автор «Саги о Кнютлингах» и почерпнул свое представление о ее положении в пространстве. Не будучи знаком с географией Дании *de visu*, наш «кабинетный» автор при описании перемещений своих персонажей в пределах Дании (и только Дании!) последовательно указывал те направления движения, которые соответствовали описанию этой страны в источнике, легшем в основу 32-й главы саги.

Хотелось бы знать, как и на основании чего сформировалось означенное устойчивое древнегерманское представление о соотнесенности отдельных частей Дании, попавшее в конечном итоге и в две поименованные выше саги, но, боюсь, исследователям в этом вопросе придется остаться лишь на уровне гипотез. На мой взгляд, самым удовлетворительным подходом к «искажениям» ориентации в древнегерманских текстах является позиция А. Эллегорда, утверждавшего, что «географические описания древности должны были основываться большей частью на итинерариях», а при описании путешествий в древних текстах «достаточно было указать только два направления: к цели и от нее»[50]. В источниках «маршрутное» «оправдание» северного расположения Фюна по отношению к Ютландии, как мы видели, имеется у Адама Бременского, «смотревшего» на Данию с юга, со стороны ее южной границы — реки Эйдер: «…первая [от нас] область Дании, которая называется Ютландией, простирается к северу от Эйдера на три

[49] Сага о Хрольве Пешеходе 2008: 125–126 (с моими огласовками топонимов).

[50] Ellegård 1960: 242, 244; Ellegård 1954–1955: 9.

дня пути, если повернуть в сторону острова Фюн» (Adam. IV.1)[51]. При данном взгляде на нее Ютландия действительно выступала как самая южная часть разрозненно лежащей Дании; начальное же направление движения на Фюн было и впрямь северным. Отсюда логично вытекало и «еще более северное» расположение Зеландии и Сконе с Халландом и Блекинге, поскольку они лежат еще дальше от южной Ютландии, а значит, как бы севернее по отношению к отправной точке. Именно такая, вытянутая с юга на север Дания, скорее всего, была обнаружена автором «Саги о Кнютлингах» в некоем гипотетическом источнике, что и привело его к «потере ориентации» (по определению Бьярни Гуднасона).

БИБЛИОГРАФИЯ

Адам 2012 — *Адам Бременский.* Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012.

Джаксон 1994 — *Джаксон Т.Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 54–64.

Джаксон 1997а — *Джаксон Т.Н.* «Восточная часть мира»: ментальная карта средневекового скандинава // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 3. С. 62–66.

Джаксон 1997б — *Джаксон Т.Н.* К вопросу о древнескандинавской системе ориентации // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 254–265.

Джаксон 2009 — *Джаксон Т.Н.* Об источнике одного географического описания (Knýtl 32 и GHS 37) // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2009. С. 100–106.

Иордан 1997 — *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступит. статья, пер., комм. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997.

Карпова 2002 — *Карпова Е.А.* Интерпретация древнеанглийского поэтического текста: Опыт лингвокультурологического анализа наименований стран света в поэме «Беовульф» // Раннесредневековый текст: Проблемы интерпретации. Иваново, 2002.

Мельникова 2001 — *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую Землю // ДГВЕ. 1999 г.: Восточ-

[51] См. выше в тексте и примеч. 10.

ная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. Г.В. Глазырина. М., 2001. С. 363–436.

Подосинов 1999 — *Подосинов А.В. Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Сага о Хрольве Пешеходе 2008 — Сага о Хрольве Пешеходе / Пер. Ю.А. Полуэктова // Пряди истории. Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии. М., 2008. С. 11–128.

Снорри Стурлусон 1980 — *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Ailnoth 1908–1912 — *Ailnoth.* Gesta Swenomagni regis et filiorum eius et passio gloriosissimi Canuti regis et martyris // Vitae sanctorum Danorum / M.Cl. Gertz. Copenhagen, 1908–1912.

Albeck 1946 — *Albeck G.* Knytlinga. Sagaerne om Danmarks Konger. Kjøbenhavn, 1946.

Beckman 1938 — *Beckman N.* Nordbornas väderstreck // Fornvännen. 1938. Årg. 33. S. 252–255.

Beowulf and Judith 1953 — Beowulf and Judith / Ed. by E.V.K. Dobbie // Anglo-Saxon Poetic Records. New York, 1953. Vol. 4.

Danmarks runeindskrifter 1941–1942 — Danmarks runeindskrifter / L. Jacobsen og E. Moltke under medvirkning af A. Bæksted og K.M. Nielsen. København, 1941–1942. B. I–III.

Derolez 1971 — *Derolez R.* The orientation system in the Old English Orosius // England before the conquest. Studies in primary sources presented to Dorothy Whitelock. Cambridge, 1971. P. 253–268.

Ekblom 1938 — *Ekblom R.* Den forntida nordiska orienteringen och Wulfstans resa till Truso // Fornvännen. 1938. Årg. 33. S. 49–68.

Ekblom 1941 — *Ekblom R.* Väderstreksuppfattningen i det forntida Danmark // Fornvännen. 1941. Årg. 36. S. 279–294.

Ekblom 1960 — *Ekblom R.* King Alfred, Ohthere and Wulfstan: Reply to a Critique // Studia neophilologica. A Journal of Germanic and Romance Philology. 1960. Vol. XXXII. P. 3–13.

Ellegård 1954–1955 — *Ellegård A.* De gamla nordbornas væderstrecks-uppfatttning // Lychnos. 1954–1955. S. 1–20.

Ellegård 1960 — *Ellegård A.* The Old Scandinavian System of Orientation // Studia neophilologica. 1960. Vol. XXXII. P. 241–248.

Finnur Jónsson 1900 — *Finnur Jónsson.* Knýtlingasaga, dens Kilder og historiske Værd // Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab Skrifter. København, 1900. 6. Række, Historisk og filosofisk Afd. B. VI:1.

Finnur Jónsson 1919 — *Finnur Jónsson.* Danske stedsnavne i Knytlingasaga // Danske Studier. 1919. — Электронный ресурс [режим доступа: http://heimskringla.no/wiki/Danske_stedsnavne_i_Knytlingasaga, дата обращения — 30.10.2016].

Knútsdrápa 8 — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.abdn.ac.uk/skaldic/db.php?id=3818&if=default&table=verses&val= interact&view=, дата обращения — 30.10.2016].

Knýtlinga saga 1919–1925 — Knýtlinga saga // Sǫgur Danakonunga / C. af Petersens og E. Olson (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. B. XLVI). København, 1919–1925.

Knýtlinga saga 1982 — Knýtlinga saga // Danakonunga sǫgur / Bjarni Guðnason gaf út (Íslenzk fornrit. B. XXXV). Reykjavík, 1982.

Knytlinga Saga 1986 — Knytlinga Saga. The History of the Kings of Denmark / Tr. by Hermann Pálsson and P. Edwards. Odense, 1986.

Knytlinge Saga 1977 — Knytlinge Saga. Knud den Store, Knud den Hellige, deres Mænd, deres Slægt / Oversat af Jens Peter Ægidius med indledning og noter ved Hans Bekker-Nielsen og Ole Widding. København, 1977.

Korhammer 1985 — *Korhammer M.* The orientation system in the Old English Orosius: shifted or not? // Learning and literature in Anglo-Saxon England. Studies presented to Peter Clemoes on the occasion of his sixty-fifth birthday. Cambridge, 1985. P. 251–269.

Lönnroth 1990 — *Lönnroth L.* A Road Paved with Legends // *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. Göteborg, 1990. P. 17–34.

Lund 1991 — *Lund N.* ‘Denemearc’, ‘Tanmarkar but’ and ‘Tanmaurk ala’ // People and Places in Northern Europe, 500–1600: Essays in Honour of Peter Hayes Sawyer / Ed. by I. Wood and N. Lund. Woodbridge, 1991. P. 162–169.

Porthan 1800 — *Porthan H.G.* Försök att uplysa konung Aelfreds geografiska beskrifning öfver den Europeiska Norden // Kongelige Vitterhets Historie och Antiquitets Academiens Handlingar. Stockholm, 1800. B. VI. S. 42–106.

Reuter 1934 — *Reuter O.S.* Germanische Himmelskunde. Untersuchungen zur Geschichte des Geistes. München, 1934.

Saxo 1931 — Saxonis Gesta Danorum / A. Olrik, H. Ræder. Hauniæ, 1931.

Saxo 1980 — *Saxo Grammaticus.* Danorum Regum Heroumque Historia. Books X–XVI. The text of the first edition with translation and commentary in three volumes / E. Christiansen. Vol. I: Books X, XI, XII and XIII. Oxford, 1980.

Sköld 1963 — *Sköld T.* The Scandinavian *norðr* and the Lappish System of Orientation // Lapponica. Essays presented to Israel Roung on May 26, 1963 / A. Furumark et al. // Studia Ethnographica Upsaliensia. 1963. Vol. XXI. P. 267–283.

Snorri Sturluson 1951 — *Snorri Sturluson*. Heimskringla 3 / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út (Íslenzk fonrit. B. XXVIII). 1951.

Sven Aggesen 1992 — The works of Sven Aggesen, twelfth-century Danish historian / Tr. with introduction and notes by E. Christiansen. London, 1992.

Tøgdrápa 1 — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.abdn.ac.uk/skaldic/db.php?id=4522&if=default&table=verses&val=interact&view=, дата обращения — 30.10.2016].

Two Voyagers 1984 — Two Voyagers at the Court of King Alfred. The ventures of Ohthere and Wulfstan together with the Description of Northern Europe from Old English Orosius / Ed. by N. Lund, tr. by Chr.E. Fell. York, 1984.

Valtonen 1988 — *Valtonen I.* An Interpretation of the Description of Northernmost Europe in the Old English Orosius. Pro gradu thesis. Department of English. University of Oulu. August 1988.

Weibull 1928 — *Weibull L.* De gamle nordbornas väderstrecksbegrepp // Scandia. Tidskrift för historisk forskning. 1928. B. I. H. 1. S. 292–312.

С.С. Кутаков, Ю.В. Степанова

ГРАНИЦЫ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО УЕЗДА В XVI ВЕКЕ*

Аннотация: Статья посвящена территориально-административному устройству Тверского уезда XVI в. Источниками исследования являются писцовые описания и актовый материал XVI в., картографические материалы XVIII–XX веков. С использованием ГИС-технологий произведена локализация населенных пунктов Тверского уезда. Уточнены границы уезда. Изучено волостное деление уезда. Изучение территории Тверского уезда Московского государства важно для понимания особенностей формирования границ и структуры предшествовавшего уезду Тверского княжества — одного из важнейших государственных образований средневековой Руси.

Ключевые слова: Тверской уезд, волость, стан, сельское расселение, писцовые книги, ГИС.

Изучение границ территориальных образований средневековой Руси, в том числе Тверского уезда, в рамках комплексных исследований позволяет выявить связи между поселенческой, административной, хозяйственной и природно-географической организацией территории и в результате реконструировать культурный ландшафт. Обращение к материалам Тверского уезда Московского государства необходимо для понимания особенностей формирования границ и структуры предшествовавшего

* Исследование проведено при поддержке РФФИ и Правительства Тверской области, проект № 14-06-97501 «Сельское расселение в Тверском уезде по материалам писцовых описаний XVI в.: создание геоинформационной системы».

уезду Тверского княжества — одного из важнейших государственных образований средневековой Руси. Исследование волостного деления уезда дает материалы для понимания механизмов территориальной организации сельских сообществ, которая определялась поземельными отношениями, хозяйственной деятельностью, развитием сети дорог и этническими традициями. Тверской уезд в этом смысле представляется одним из наиболее интересных, поскольку географически он находился в центре Московского государства XVI в. Относительно позднее вхождение Тверского княжества в состав Московского государства способствовало сохранению местных политических институтов еще в первом десятилетии XVI в.[1], а земельных владений тверских служилых людей — до середины XVI века[2].

Верхневолжье занимает особое место на исторической карте Русской равнины. Историко-географической особенностью этой территории является сосредоточение здесь крупных водных путей. Северо-западные районы Верхневолжья через Западную Двину связаны с территорией Прибалтики, через верховья Днепра — с южными районами Русской равнины. Волга на всех этапах исторического развития являлась важнейшим водным путем. Ее притоки в верхнем течении делят территорию региона на несколько зон: северо-западную — бассейн Тверцы, прилегающий к бассейну Мсты; юго-западную — бассейны Вазузы и Шоши; юго-восточную — бассейн Нерли; северо-восточную — бассейн Медведицы. Благодаря пограничному положению Верхневолжья на территории Русской равнины здесь происходило смешение различных культурных традиций, начиная с эпохи первоначального освоения этой территории.

Территория Тверского уезда Московского государства в границах XVI–XVII вв. находилась практически на центральном участке верхнего течения р. Волга. Территория уезда вытянута с северо-востока на юго-запад примерно на 150 км. Общая площадь уезда составляла около 7,8 тыс. кв. км. Она занимала территории современных Калининского района, северо-восточной части Зубцовского, северо-восточной части Старицкого, южной части Рамешковского, западной части Конаковско-

[1] Флоря 1975: 281–290.

[2] Попов 2006: 3–4; Зинько 2012: 26–27.

го районов Тверской области, а также северо-западной части Лотошинского района Московской области.

Вопрос о территории средневекового Тверского уезда, его волостном делении и административный центрах неоднократно рассматривался в научной литературе. Ю.В. Готье составил карту административного деления Замосковного края XVII в., в который входил Тверской уезд[3]. Границы волостей и станов были установлены исследователем на основании писцовых описаний, однако далеко не все волости были им локализованы. Другой исследователь территории Тверского уезда, И.И. Лаппо, писал, что не успел к моменту издания своей работы подготовить карту Тверского уезда XVI в., составление которой было им начато[4].

Установить границы уезда XVI в. помогает изучение истории формирования территории Тверского княжества и его уделов в XIII–XV вв., поскольку именно древнее княжество являлось историческим ядром уезда. Характер административных границ и проблема возникновения и расположения городских центров Тверского княжества рассмотрены в трудах В.С. Борзаковского[5]. В.А. Кучкин в специальном исследовании уточнил и пересмотрел ряд выводов В.С. Борзаковского[6]. Им было определено местоположение некоторых волостей Тверской земли XIV–XV вв., которые в XVI в. входили в состав Тверского уезда и сохранились до более позднего времени.

Не так давно специальное исследование территории и границ Микулинского стана-уезда было проведено М.А. Зинько, однако проблема выделения отдельных волостей Микулинского стана специально ею не рассматривалась[7].

Сопредельные территории Московской земли — Волоколамские, Клинские, Можайские земли — были исследованы С.З. Черновым, им же была изучена историческая география волостей, переходивших от Тверского княжества к Московскому[8].

В.Н. Темушев при изучении московско-литовских рубежей отметил чересполосность владений на литовско-тверском по-

[3] Готье 1906.
[4] Лаппо 1893: 15–16.
[5] Борзаковский 1994.
[6] Кучкин 1984.
[7] Зинько 2011; Зинько 2012.
[8] Чернов 1998.

граничье в XIV–XV вв. и локализовал ряд смежных волостей. Исследователь определил также расположение холмских волостей, в XVI в. находившихся на границе с землями Тверского уезда[9].

Основными источниками для изучения территориальной организации Тверского уезда XVI в. являются писцовые материалы, представленные писцовой книгой И.П. Заболоцкого и М.И. Усова Татищева 1539/40 г., дозорной книгой 1551–1554 годов, писцовой книгой 1580 г. и отдельной книгой 1588 г. Эти описания опубликованы в 2005 г. А.В. Антоновым, причем отдельная книга 1588 г. — впервые[10].

Книги 1551–1554 гг. и 1580 г. уже издавались Н.В. Калачовым[11]. Стоит отметить также, что в начале XX в. предпринималась попытка публикации тверских писцовых материалов А.Н. Вершинским и И.П. Крыловым в журнале «Тверская старина»[12]. Исследователи намеревались исправить выявленные ими ошибки предыдущего издания и снабдить текст подробным указателем[13]. Однако полностью идея так и не была реализована: была напечатана лишь писцовая книга 1539/40 г., причем не полностью.

Писцовая книга И.П. Заболоцкого и М.И. Усова Татищева 1539/40 г. и дозорная книга 1551–1554 гг. дошли до настоящего времени в списке 1570-х гг. в составе одного сборника. Изготовление рукописи А.В. Антонов относит к 1576–1578 гг., и вероятно, что создание этих списков было связано с процессом образования удела Симеона Бекбулатовича в Тверском уезде[14]. Писцовая книга 1539/40 г. в основном описывает поместные земли. Существует мнение о том, что она является лишь частью книг письма И.П. Заболоцкого и М.И. Усова Татищева, так как известны упоминания о неких книгах тех же писцов 1543/44 г., описывающих вотчинные земли[15].

---

[9] Темушев 2007а; Темушев 2007б; Темушев 2008.

[10] Писцовые материалы Тверского уезда 2005.

[11] ПКМГ 1877: 40–140, 141–290, 291–403.

[12] Тверские писцовые книги 1911; Тверские писцовые книги 1912; Тверские писцовые книги 1913.

[13] Тверские писцовые книги 1911: 2.

[14] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 4.

[15] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 5.

Текст дозорной книги не имеет начала и конца. Вероятно, первые листы книги отсутствовали еще в 1576–1578 гг. Относительно датировки и атрибуции этой книги в историографии единой точки зрения нет, но ряд фактов свидетельствует, что она составлялась в течение нескольких лет, начало работ относится к 1551 г., а их окончание — к 1554 году. По мнению А.В. Антонова, составители книги не проводили самостоятельных писцовых работ с выездом на места, реально они занимались лишь сбором «сказок», их обработкой и сверкой с предыдущим письмом: неоднократно в тексте отмечено, что те или иные землевладельцы не дали «письма», иначе говоря, не предоставили «сказок», при этом описания соответствующих земель состоят только из сведений из прежних писцовых книг. Такой характер работ позволил А.В. Антонову определить книгу 1551–1554 гг. как дозорную[16].

Писцовая книга тверских владений князя Симеона Бекбулатовича 1580 г. сохранилась в подлиннике. Она также не имеет начала и конца. Время ее создания по фигурирующим в источнике датам определяется как весна-осень 1580 г.[17]. Отдельная книга 1588 г. М.А. Щербатова и дьяка А. Григорьева фиксирует массовую поместную раздачу бывших дворцовых и порожних земель Тверского уезда. Она сохранилась в подлиннике.

Как видно, ни одна из писцовых книг не описывает Тверской уезд полностью. Дозорная книга 1551–1554 гг. является наиболее полной, в ней есть характеристика как поместных, так и вотчинных земель. Однако, сравнивая описания поместных земель в дозорной книге и книге 1539/40 г., обнаружим, что вторая знает земли, не упомянутые в дозорной. В то же время, некоторые поместные села, названные в книге 1539/40 г., имеются в книге 1588 г. Поэтому для реконструкции внешних границ и волостной структуры уезда и динамики их развития необходимо привлечение различных письменных источников.

Данные писцовых материалов уточняются и дополняются тверскими феодальными актами конца XV – начала XVII в. Сбор и публикация их были начаты С.А. Шумаковым[18]. Тверские ак-

[16] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 6–7.
[17] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 9.
[18] Тверские акты 1896.

ты можно найти в составе публикаций актового материала[19] и исследований 1950–1970-х гг. по истории крупных духовных феодалов[20]. Большое количество тверских частных актов выявлено А.В. Антоновым. Им были изданы как сами акты, так и упоминания о них в различных письменных источниках, что существенно расширяет возможности исследования землевладения и сельского расселения в XVI в.[21]. Перечень феодальных актов, а также информация о некоторых населенных местностях Тверского уезда имеются в описной книге Старицкого Успенского монастыря 1607 года[22].

Для географической локализации средневековых местностей, известных из писцовых книг и актов, используются материалы Генерального и Специального межеваний второй половины XVIII–XIX вв.[23], в том числе уездные планы[24] и планы земельных дач, Генеральный алфавит Тверского, Старицкого, Корчевского и Зубцовского[25] уездов, а также топографический атлас, составленный А.И. Менде в середине XIX в.[26], статистические сборники XIX – начала XX в., содержащие информацию о населенных пунктах и храмах Тверской губернии, и современный атлас Тверской области[27].

Локализация средневековых топонимов производилась на основе методики А.М. Андрияшева и М.В. Витова[28], которая применялась и усовершенствовалась и в последние годы[29]. Авторы настоящей работы опирались на методический опыт

---

[19] АФЗХ 1959; АСЭИ 1964; АРГ 1975.

[20] Черкасова 1996.

[21] АСЗ 1997; АСЗ 2008; Антонов 2002; Антонов 2013: 440–489.

[22] Описная книга 1911; Описная книга 1912.

[23] РГАДА. Ф. 1354; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2/1678. Приносим искреннюю благодарность к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН А.А. Фролову, ознакомившему нас с материалами Генерального межевания Бежецкого уезда, собранными при создании ГИС «Источники по исторической географии Бежецкого Верха».

[24] Уездные планы.

[25] Генеральный алфавит.

[26] Топографический межевой атлас 1853.

[27] Список населенных мест 1962; ТЕСС 1901; Атлас Тверской области 2007.

[28] Андрияшев 1913; Витов 1956: 231–264.

[29] Селин 2003; Фролов, Пиотух 2008.

А.А. Фролова[30], накопленный им при изучении топонимов древнейшей русской писцовой книги (совместно с Н.В. Пиотух). Для определения местонахождения средневековых населенных пунктов авторами были использованы материалы Генерального межевания XVIII в., что стало важнейшим элементом методики исследования. Реконструкция границ Тверского уезда проводилась по результатам локализации топонимов XVI–XVIII веков.

Другим элементом методики стало применение ГИС-технологий, получившее распространение в отечественной исторической географии в последние годы[31]. В качестве программного обеспечения использовалась QGIS 2.4. В MS Access были созданы базы данных, включающие топонимический материал письменных источников XVI в.: четырех писцовых книг и актового материала. Применение информационных технологий в работе с историческими источниками позволило проводить сопоставление данных и выявлять разновременную информацию о пунктах и территориях.

Наиболее подробное описание волостного деления Тверского уезда содержит дозорная книга 1551–1554 гг. В ней названы в общей сложности 14 волостей (см. Карты 1–5 на с. 307–311). Пять волостей — Суземье, Воловичи, Захожье, Микулинский стан-уезд и Хорвач — полностью располагались на правобережье Волги. Суземье, Воловичи и Захожье, по-видимому, являлись собственно тверскими городскими волостями, тяготевшими к Твери. Их веерообразное расположение к югу от города имеет сходство с конфигурацией московских городских станов и станов окологородья Волока Ламского[32]. Микулинский стан-уезд образовался на основе бывшего удельного Микулинского княжества. Неясны исторические основы формирования волости Хорвач. Это название встречается в летописи под 1368 г. По мнению П.Д. Малыгина, его можно трактовать как обозначение территории[33]. Небольшой участок Шейского стана также располагался на правом берегу Волги.

---

[30] Приносим искреннюю благодарность А.А. Фролову за методическую помощь в проведении настоящего исследования.

[31] Фролов 2013: 447–458.

[32] Чернов 2005: 33–34.

[33] Малыгин 2007: 46–47.

Территория Тверского уезда на левом берегу Волги в середине XVI в. дробилась на девять волостей и станов, из которых наиболее крупным являлся Шейский стан-уезд. Во второй половине XVI в. волости Шестка, Кава (Кавь) и Чаглово (Чеглово) слились в одну волость. Шейский стан включил в себя волости Озера Спасские и частично Кушалино. Волость Кушалино включила в себя волостки Узкий Угол, и, вероятно, Видимлю. В XVIII в. вся эта территория разделилась между Тверским уездом, Бежецким уездом (Шейским и Кушальским станом, сохранившимся в его составе) и Корчевским уездом, включившим часть бывшего Шейского стана с с. Корачева (Корчева), во второй половине XVIII в. получившим статус города.

Северная граница Тверского уезда

Северная граница Тверского уезда была образована границами волостей Ракитна, Кушалино, Озера Спасские и Шейского стана.

Волость Ракитна

Первое упоминание Ракитны содержится в договорной грамоте 1375 г.[34], из которой ясно, что волость до 1375 г. входила во владения тверских князей. Описание волости содержится в дозорной книге 1551–1554 гг., судя по которой на ее территории располагались преимущественно владения псарей и сокольников[35]. Единичное упоминание волости содержится в отдельной книге 1588 г., из которого следует, что в конце XVI в. волость, вероятно, по-прежнему существовала[36].

Волость Ракитна была локализована В.А. Кучкиным на северо-западе Тверского уезда, на границе Тверского и Новоторжского уездов[37]. Сопоставление данных дозорной книги 1551–1554 гг. с материалами Генерального межевания второй половины XVIII в. в целом подтверждает правильность этой локализации. Надежными маркерами Ракитны являются дд. Терехово и Горки, известные по оброчной грамоте 1547–1551 гг.[38] и до-

[34] ДДГ 1950: 26 (№ 9).
[35] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 307–308.
[36] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 557.
[37] Кучкин 1984: 154.
[38] Антонов 2013: 462.

зорной книге 1551–1554 гг.[39]; д. Костюшино, существовавшая в XIX в.[40]. Однако дд. Кожухово и Мухино в бассейне р. Кава, отнесенные В.А. Кучкиным к Ракитне, скорее, находились в волости Кава и входили в вотчину В.П. Борисова-Бороздина[41]. Таким образом, небольшая территория Ракитны в XVI в. располагалась севернее верховий Кавы.

Волость Кушалино

Волость Кушалино располагалась в северной части Тверского уезда и граничила с Бежецким уездом. Описание волости в дозорной книге не сохранилось, однако ее местоположение реконструируется по описаниям 1539/40 г.[42] и 1580 г.[43]. Центром волости являлось с. Кушалино, которое, вероятно, еще в середине 1570-х гг. стало центром владений Симеона Бекбулатовича[44].

Северная граница волости проходила по рекам Медведица и Замок, небольшому притоку р. Кушалка. На западе территория волости доходила до течения р. Тресна.

На севере границу Тверского уезда маркировали с. Ладогино и погост Никольский «в Ладогинском конце», упомянутые в писцовой книге 1580 г.[45]. Севернее Никольского погоста находились уже бежецкие земли. Так, с. Замытье ниже по течению Медведицы входило в состав Бежецкого Верха[46].

По-видимому, восточнее Никольского погоста граница тверских и бежецких земель проходила между Медведицей и верховьями р. Замок. Здесь локализуются дд. Васильево, Бородино и пог. на Замке с церковью Иоанна Предтечи[47].

Восточная граница волости Кушалино находилась между болотом Оршинский мох и устьем р. Кушалка. Здесь располагалось с. Погорелец, отнесенное к волости Кушалино в писцовой книге 1580 года[48].

---

[39] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 307.
[40] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 308.
[41] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 303.
[42] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 58–59.
[43] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 472–493.
[44] Скрынников 1975: 73.
[45] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 438, 475.
[46] Кучкин 1984: 157.
[47] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 476.
[48] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 491.

Южнее граница между волостью Кушалино и Шейским станом в середине XVI в. проходила по р. Орша. Территория волости условно разделялась на северную и южную части, между которыми вклинивались земли волости Узкий Угол. Южная граница волости Кушалино проходиля к югу от с. Бели.

Материалы писцовой книги 1580 г. показывают, что земли Шейского стана и волости Кушалино, вероятно, располагались чересполосно. В книге 1580 г. волость Кушалино описана уже как часть Шейского стана, поскольку его территория теперь простиралась и к западу, и к востоку от земель, отнесенных к Кушальской волости. Так, земли в бассейне Тресны относились к Шейскому стану, в то время как с. Бели с прилегающими деревнями по-прежнему являлись территорией волости Кушалино.

Волостка Узкий Угол

Название небольшой волости между землями волостей Кава, Кушалино и Шейского стана отражает ее конфигурацию: на севере волость была вытянута вдоль Кушалки, преимущественно по ее правобережью, а к югу сужалась в районе с. Васильевское на р. Видемля.

Узкий Угол упоминается также в книге 1580 г., однако к этому времени территория волостки уже являлась частью Шейского стана[49]. Об этом свидетельствует описание деревень Шейского стана 1580 г., в дозорной книге включенных в состав описания Узкого Угла[50].

В северной части волости, вдоль течения Кушалки, располагался «сокольнич путь», в южной — вотчинные земли Никиты Васильевича Борисова-Бороздина[51] (см. Карта 2 на с. 308). Расположение «сокольнича пути» устанавливается на основании писцового описания 1551–1554 гг.[52] и материалов Генерального межевания Бежецкого уезда[53]. Ряд деревень пути локализуется в непосредственной близости от с. Кушалино, в частности, д. Самотын, местоположение которой устанавливается на осно-

[49] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 451.
[50] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 451–452.
[51] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 308–309.
[52] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 308–310.
[53] Планы дач; Экономические примечания.

вании плана дачи Генерального межевания на левом берегу Кушалки[54]. Во второй половине XVI в. земли «сокольнича пути» вошли в состав земель Симеона Бекбулатовича.

Волостка Видимля

Небольшая волость Видимля, описанная в дозорной книге 1551–1554 гг., вероятно, названа по р. Видимля (левый приток Тверцы). Возможно, что она находилась в составе волости Узкий Угол, или располагалась чересполосно с ней, поскольку отдельные фрагменты описания этих волостей в дозорной книге чередуются. В Видимле, согласно дозорной книге, находились деревни ловчего пути[55] (см. Карта 2 на с. 308).

Волость Кава (Кавь)

Волость Кава на северо-западе Тверского уезда была вытянута вдоль течения р. Кава, по ее обоим берегам. К северу от волости Кава локализуется волость Ракитна. На западе волость граничила с Новоторжским уездом. Одним из пограничных пунктов являлось с. Перватино, являвшееся вотчинным владением В.П. Борисова-Бороздина. Еще одним приграничным пунктом являлось с. Теребуни с принадлежащими к нему деревнями на правом берегу р. Теребинка (правый приток Кавы), упоминающееся в писцовой книге 1539/40 г. По данным книги, оно принадлежало Ф.Ф. и И.Ф. Гундоровым[56]. Местоположение этого села было определено В.С. Борзаковским[57]. Оно упоминается и в более ранних источниках — в летописи под 1389 г. и в Отводном списке новоторжских земель 1476 г., причем, согласно этим источникам, с. Теребуни в XIV–XV вв. было новоторжским[58]. Можно сделать вывод, что граница между новоторжскими и тверскими землями изменилась после 1476 г. Возможно, что земли с. Теребуни вошли в состав тверских земель еще до присоединения Тверского княжества к Московскому государству. Писцовая книга 1539/40 г. фиксирует тверско-новоторжский

[54] Планы дач. Д. 715.
[55] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 310.
[56] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 53–54.
[57] Борзаковский 1994: 51.
[58] Кучкин 1984: 152.

рубеж по р. Десенка и отмечает, что с. Теребуни относится к Тверскому уезду[59].

Южнее с. Теребуни граница волости Кава проходила в болотистой местности в районе современного болота Кулицкий мох. Южная граница волости Кава была образована р. Тверца. Юго-западная граница между Новоторжским уездом и волостью Кава проходила по р. Малица (левый приток Тверцы). Одним из приграничных пунктов являлось сельцо Троицкое в устье Малицы, принадлежавшее Вотмицкому монастырю[60]. Восточную границу волости Кава трудно восстановить. На востоке волость Кава граничила с небольшими волостями Узкий Угол и Видимля, которые во второй половине XVI в. слились с волостью Кушалино. По-видимому, восточная граница волости Кава располагалась в районе современных болот Казенный Мох и Святинский Мох.

Восточная граница Тверского уезда

Восточная граница Тверского уезда была образована волостью Озера Спасские и Шейским станом. На северо-востоке она захватывала сеть озер и болото Оршинский Мох, далее проходила по течению р. Созь до ее устья. Крайней восточной точкой Тверского уезда на Волге являлось село Карачева, согласно дозорной книге, принадлежавшее тверскому владыке. К югу от с. Карачева, на правом берегу Волги, граница Шейского стана проходила восточнее р. Сучок. Южная граница Шейского стана маркируется дд. Горбасьево и Полушкино[61]. Село Завидово располагалось уже на территории Клинского уезда.

Волость Озера Спасские

Эта волость описана только в дозорной книге 1551–1554 гг. Судя по книгам 1580-х гг., к этому времени она стала частью Шейского стана. Территория волости практически полностью приходилась на область Оршинского болота и Оршинских озер, таким образом, ее значительная часть была незаселенной. Населенные пункты волости были сосредоточены в ее южной части, в бассейне р. Созь. Граница между волостью Озера Спасские и Шейским станом маркируется по населенным пунктам Шей-

[59] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 58.
[60] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 306.
[61] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 286.

ского стана, в том числе владениям Оршинского и Савватьевского монастырей, описанных в дозорной книге 1551–1554 годов.

Единственным «живым» анклавом в центре волости являлись деревни вокруг Петровского погоста на островах оз. Конечное, упомянутые в книге 1580 года.

Восточная граница волости являлась кашинско-тверским рубежом, по-видимому, соответствуя древней границе между Тверью и Кашином в XIV–XV веках.

Шейский стан

Шейский стан являлся единственным в Тверском уезде, располагавшимся на обоих берегах Волги. На левом берегу он занимал обширную область от низовьев Тверцы и среднего течения Орши до Волги. На правобережье Волги к Шейскому стану относились земли в бассейне р. Сучок и в устье Шоши, на ее правом берегу. С востока, по р. Созь, Шейский стан и Тверской уезд граничили с Кашинским уездом.

Данные писцовой книги 1580 г. свидетельствуют о том, что земли волостей Узкий Угол и Видимля ко времени составления описания, скорее всего, вошли в состав Шейского стана. Таким образом, во второй половине XVI в. Шейский стан стал занимать огромное пространство от р. Тресна до р. Созь. На западе, в бассейне Тресны, локализуются дд. Вырец, Погара, Озерко, Горасимиха «на реке на Велье» и сц. Отстречково на Тресне, названные в книге 1580 года[62].

Крайней восточной точкой стана и всего Тверского уезда на Волге являлось село Корачева, согласно дозорной книге 1551–1554 гг. принадлежавшее тверскому владыке[63]. К югу от села Корачева, на правом берегу Волги, граница Шейского стана (с Кашинским уездом) проходила восточнее р. Сучок[64].

Южная граница Шейского стана маркируется дд. Горбасьево и Полушкино. Неясной остается граница стана к югу от р. Шоша. Известно, что с. Завидово располагалось уже на территории Клинского уезда.

В писцовых и актовых материалах первой половины XVI в. Шейский стан называется станом-уездом, в дальнейшем к нему

[62] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 438–439.
[63] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 281.
[64] Кучкин 1984: 162.

применялось название «стан». Согласно писцовым материалам 1580-х гг., во второй половине XVI в. в его состав вошла волость Озера Спасские и частично территория волостей Кушалино и Узкий Угол. Таким образом, во второй половине XVI в. Шейский стан стал самой обширной волостью Тверского уезда.

Южная граница Тверского уезда

Южная граница Тверского уезда была сформирована волостью Захожье, Микулинским станом-уездом и волостью Хорвач. Она захватывала правобережье реки Шоша и на границах волостей Захожье и Воловичи переходила на ее правый берег. Восточная граница Микулинского стана-уезда была образована течением р. Лобь, которая служила границей Тверского и Клинского уездов. Крайней южной точкой Микулинского уезда являлось село Лотошино, расположенное при устье р. Издетель. Юго-западная оконечность Тверского уезда формировала волость Хорвач. Ее южная граница находилась в верховьях Шоши и среднем течении Держи.

Территория Тверского уезда на правобережье Волги включала пять волостей: Захожье, Воловичи, Суземье, Микулинский стан-уезд и Хорвач.

Волость Захожье

Волость Захожье (или Захожский стан) располагалась на правом берегу Волги, между течением Волги и Шоши. В актовом материале она иногда именуется Захожским станом. Значительную часть волости занимает заболоченная низина, на которую приходится очень мало локализованных пунктов. В дозорной книге 1551–1554 гг. описание волости сохранилось не полностью, хотя на основании имеющихся данных очевидно, что обширная заболоченная территория на левобережье р. Инюха была слабо заселена.

На востоке граница Захожья проходила по Волге. На западе она доходила до Калининской гряды. Граница между волостями Воловичи и Захожье достаточно четко маркируется локализованными населенными пунктами волостей, наименьшее расстояние между которыми составляет от 1,3 до 2,5 км. Например, поместная д. Четвергово в Захожье располагалась в 1,3 км от владычного сельца Калистово в Воловичах.

Шейский стан и Захожье отделялись друг от друга Волгой и Шошей. В устье Шоши на территории Захожья находилась небольшая крепость Шоша, также известная как с. Городище[65]. С. Герберштейн упоминает пункт Шоша на пути от Твери до Клина, располагавшийся примерно в 20 км от с. Городня[66].

Еще одним крупным центром волости являлся г. Городня — древний Вертязин, в XVI в. утративший свое административно значение и превратившийся в большое село. Писцовые материалы содержат сведения о монастырях, находившихся в Городне, — Александровском, Троицком, Петровском и Афанасьевском[67].

К западу от устья Инюхи граница волости Захожье перемещалась на правобережье Шоши, захватывала устье р. Лама и ограничивалась устьем р. Лобь. Крайними юго-западными пунктами волости Захожье на правом берегу Шоши являлись деревни Никольского Дудина монастыря (Большие и Малые Горки, Пенцыно), располагавшиеся в устье Лоби, на ее правом берегу[68].

Волость Воловичи

Территория волости была вытянута в меридиональном направлении к югу от Твери, вдоль Калининской гряды, занимавшей центральную часть волости. Наивысшая точка Калининской гряды располагается в южной части волости, в верховьях рек Литожица и Скобра.

На севере волость включала деревни Желтикова монастыря. Ее южная граница проходила по рекам Вязьма и Шоша. В целом, на территории волости отмечается высокая концентрация населенных пунктов, она являлась одной из наиболее густонаселенных волостей Тверского уезда.

Волость Суземье

Волость Суземье локализовалась Ю.В. Готье в междуречье Волги и Тьмаки, между границей со Старицким уездом и г. Тверью[69].

---

[65] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 164.
[66] Герберштейн 1988: 239, 379.
[67] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 161–164.
[68] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 162–163.
[69] Готье 1906б: 52.

Территория волости Суземье была вытянута с юго-запада на северо-восток. Ее западная граница, отделявшая ее от волости Шестка и Иворовской волости Старицкого уезда, проходила по Волге. Крайней юго-западной точкой волости являлся погост на Верещеве (в районе современной д. Верхний Спас). Южная граница волости находилась в районе дд. Юрьевское, Понафидино, Афанасово, вниз по р. Вязьме, до д. Захарово. Сельцо Мясищево на правом берегу Вязьмы, по сведениям дозорной книги 1551–1554 гг., относилось к Старицкому уезду[70].

Восточная граница Суземья была образована течением р. Десна (д. Киселево на левом берегу Десны принадлежала волости Воловичи) от ее устья до д. Озерецкое в районе оз. Шейно, которая относилась к волости Воловичи. Севернее оз. Шейно она доходила до г. Твери в районе дд. Царево, Курово, Квакшино, Никулино, включая с. Мигайлово (современный район г. Твери Мигалово). Северная граница волости Суземье была образована землями Желтикова монастыря в нижнем течении Тьмаки[71].

Обращает на себя внимание название волости — Суземье. Слово «суземье» в словаре В.И. Даля — соседние земли, хотя и дальние, в пустых, незаселенных местах. Другое значение — глухой, сплошной, отъемный лес, волок, дремучие леса, дальний, но въезжий для тех, которые зовут его *суземком;* дорог и езды в суземок нет, ходят пеши, верхами, или на волочугах, на лесованье, или для заготовки лесного товара. Еще одно значение — «*волок,* протяженье леса: *сузём,* ширь, пространство, в *Сибири сузем* вообще дальняя тайга». Интересно, что словарь Даля отмечает и тверское значение этого слова: «Сузёмый, сузёмистый — *твер.* низкий, приземистый»[72]. Действительно, территория Суземья — это в основном низина, в том числе сильно заболоченная в долине Тьмаки.

М.В. Витов на основе изучения Северо-Западной и Северной Руси говорил об употреблении термина «суземье» для обозначения территории водораздела. Таким образом, значение этого термина подтверждается и тверским материалом. Вполне

[70] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 184.
[71] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 180–181.
[72] Даль 1882: 366.

возможно, что волости Тверского уезда, в данном случае Суземье, как области расселения, могли формироваться в естественных границах природно-географических зон.

Микулинский стан-уезд

Микулинский стан-уезд XVI в. — территория бывшего Микулинского удельного княжества, вошедшая в состав Тверского уезда Московского государства в конце XV в. В письменных источниках конца XV в., первой половины и середины XVI в. эта территория называется уездом или станом-уездом. В источниках конца XVI–XVII вв. используется термин «стан».

Границы Микулинского стана-уезда первой половины XVI в. изучались М.А. Зинько[73]. На северо-востоке граница стана-уезда были образована р. Вязьма (левый приток Шоши), захватывая практически ее среднее и нижнее течение, до впадения в Шошу. Здесь уезд граничил с другими административными единицами Тверского уезда — волостями Суземье и Воловичи. Восточная граница Микулинского стана-уезда проходила по р. Лобь, от ее устья до с. Лотошино[74], крупного центра Микулинского стана-уезда. Южная граница уезда локализуется не столь четко. Вероятно, она находилась в бассейне р. Издетель (левый приток Лоби), либо несколько севернее его. Во всяком случае, бассейн Руссы (левый приток Лоби) практически полностью входил в территорию Микулинского уезда. Западнее эта граница локализуется в междуречье Руссы и Шоши и захватывала устье р. Жабня (левый приток Шоши). Сельцо Полстелово и д. Ковризино в устье р. Жабня на ее левом берегу, упомянутые в дозорной книге 1551–1554 гг., расположены на территории Микулинского стана-уезда[75], тогда как д. Левоново на ее правом берегу относилась уже к Юрьевскому стану волости Хорвач[76]. Западная граница Микулинского стана-уезда с севера на юг включала в себя нижнее течение рек Жабня и Ржать (левый приток Шоши). Здесь у его западной границы, на правом берегу Ржати, располагались села Сытино и Лыткино, известные по дозорной книге 1551–1554 гг. и грамотам первой половины

[73] Зинько 2012: 22; Зинько 2011.
[74] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 384–386.
[75] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 199.
[76] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 244.

XVI в.[77]. Далее граница проходила по р. Жидоховка (левый приток Шоши), захватывая ее устье. На правом берегу Жидоховки располагались земли Юрьевского стана волости Хорвач. К северу граница Микулинского стана-уезда была образована рекой Черноручей (Черный ручей, левый приток Жидоховки). Одним из крайних западных пунктов Микулинского стана-уезда являлось с. Шишково в верховьях р. Черноручей, известное по дозорной книге 1551–1554 гг.[78]. Северо-западная граница проходила по условной линии, соединяющей верховья рек Долгуша (левый приток Шоши), Хвошня (правый приток Вязьмы) и Вязьма. К западу от этой линии располагались земли Старицкого уезда. Дозорная книга 1551–1554 гг. упоминает «погост на Старитцком рубеже на горках» с церковью Рождества Христова[79], предположительно, соответствующий современному с. Зиновьево. Здесь и в настоящее время граничат Калининский и Старицкий районы Тверской области.

Таким образом, территория бывшего удельного Микулинского княжества, Микулинский стан-уезд, в XVI в. являлся крупной территориально-административной единицей Тверского уезда, в котором располагался городской центр — г. Микулин.

Писцовые материалы XVI в. не выделяют отдельных территориальных единиц внутри Микулинского стана-уезда. Однако ряд актовых материалов XVI–XVII вв. называет волости, находившиеся в составе Микулинского стана-уезда (см. Карта 6 на с. 312).

Название волости Отъездец («в Отъеце») в составе Микулинского уезда фиксирует раздельная запись на раздел княгиней Ульяной Микулинской вотчин между своими детьми князьями Семеном, Дмитрием и Иваном 1534 г., согласно которой князь С.И. Микулинский получил с. Митцкое и Отъездецкие деревни и пустоши[80]. Село Митцкое (Мичково, Борисоглебское) локализуется на левобережье Жидоховки, оно упомянуто как принад-

[77] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 184; Антонов 2002: 377 (№ 3008); АФЗХ 1959: 192 (№ 191).

[78] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 188–189.

[79] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 203.

[80] РГБ. Ф. 303.I. Тр. 286.

лежащее С.И. Микулинскому в дозорной книге 1551–1554 гг.[81]. Отъездец фигурирует и в записи 1535 г. Якова, Константина, Ульяны и Дарьи Игнатьевых Булгаковых детей Ивонинского князю Ивану Ивановичу Микулинскому о сроках передачи проданной ими половины деревни Ивонина Старого Ясулишникова[82]. Упоминание той же деревни содержится в дозорной книге 1551–1554 гг., где указана принадлежность одной ее половины Матрене Григорьевой жене Епифанова, а второй — на оброке Константину Булгакову[83]. Из текста дозорной книги следует, что д. Ивонино находилась в пространственной близости с дд. Мостки и Другие Мостки, составляя с ними единый анклав. В свою очередь, дд. Мостки Большие и Мостки Меньшие имеются в перечне деревень, принадлежавших Старицкому Успенскому монастырю и тяготевших к селу Калицыно Микулинского уезда[84]. Село Калицыно расположено в южной части Микулинского уезда, на правом берегу Руссы, в ее среднем течении. Кроме дд. Мостки Большие и Мостки Меньшие к нему в описной книге Старицкого Успенского монастыря 1607 г. отнесено еще 18 деревень, которые расположены в пространственной близости от села, в междуречье Шоши и Руссы. Местоположение дд. Мостки устанавливается на основании сведений Генерального алфавита Тверского уезда[85].

Таким образом, сопоставление разновременных источников позволяет установить примерное расположение волости Отъездец на территории Микулинского уезда — от левобережья Жидоховки до бассейна Руссы.

Кроме записи 1535 г. о существовании волостей Старый и Новый Отъезд в составе Холмской волости свидетельствует меновная грамота царя Ивана IV 1566 г.[86]. Согласно В.Н. Темушеву, эти земли в районе чересполосного расположения литовско-тверских владений в XV в. входили в вотчину князей Крошинских. Исследователь помещает волость Отъезд в междуре-

[81] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 188.
[82] Перечень актов 2007: 424 (№ 474).
[83] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 195.
[84] Описная книга 1912: 55.
[85] Генеральный алфавит. Оп. 506. 1271.
[86] ДДГ 1950: 421.

чье Держи (правый приток Волги), Рузы и Яузы[87]. По его мнению, в XVI в. Холмский уезд с системой волостей исчез, а на его месте появилась Холмская волость в составе Старицкого уезда[88].

Таким образом, Отъезд, локализованный В.Н. Темушевым и волость Отъездец («в Отъеце») Тверского уезда XVI в., локализующаяся в междуречье Шоши и Руссы — разные территориальные образования. Однако оба они расположены в территориальной близости от наиболее вероятного местонахождения г. Холм (Погорелое Городище) (о Холме см. ниже). Вполне возможно, что наименования «Старый» и «Новый» Отъезд имеют отношение к обеим локализованным волостям.

Еще один топоним, «во Пневичах», среди местностей Тверского уезда фиксируется трижды. Прежде всего, это упоминание сельца Феодорино «во Тферском уезде во Пневичах» в жалованной грамоте Тверскому Афанасьевскому монастырю 1555 г.[89]. Деревня Пневичи названа также в перечне деревень в данной Василия Федоровича Воронцова властям Троице-Сергиева монастыря на вотчину в Тверском уезде 1575 г[90]. Сельцо Феодорино локализуется на левом берегу р. Шоша выше по течению г. Микулин. На противоположном берегу Шоши расположена д. Пенья, которая может быть отождествлена с топонимом «Пневичи».

Третье упоминание — это д. Бардино «во Пневичах» в составе земель Троице-Сергиева монастыря в конце XVI в.[91]. Деревня Бардино встречается дважды в тексте писцовой книги 1539/40 г. в составе Микулинского стана-уезда. Одна из деревень с таким названием входила в состав поместья Дмитрия Ивановича Микулинского[92], вторая — в поместье жены князя Василия Андреевича Микулинского Анны[93]. Владение княгини Анны локализуется в бассейне Руссы, в ее среднем и нижнем течении. Центром этого владения являлось с. Васильевское. Зем-

[87] Темушев 2007а: 92.

[88] Темушев 2007б: 138.

[89] Жалованная грамота Тверскому Афанасьевскому монастырю 1960: 223–224.

[90] РГБ. Ф. 303.I. Тр. 13, 908.

[91] Черкасова 1996.

[92] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 108.

[93] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 143.

левладение Дмитрия Ивановича Микулинского располагалось по течению Шоши, восточнее Микулина. Таким образом, местонахождение волости «во Пневичах» предположительно устанавливается в бассейне Шоши, в непосредственной близости от древнего Микулина.

Волость с названием «Пневичи» упоминается в завещании Дмитрия Донского среди можайских волостей[94]. В.Н. Темушев характеризует ее как приграничную можайскую волость на московско-литовском рубеже и помещает ее, отмечая приблизительность локализации, в верховьях Рузы[95]. Таким образом, и в данном случае следует говорить о двух разных волостях с одинаковыми названиями — тверской и можайской, расположенных на расстоянии около 80 км друг от друга. Примечательно, что одноименные волости, по-видимому, соединялись древней дорогой между Волоколамском, Тверью и Торжком и проходившей через Микулин и Лотошино.

Существование волости Загостенье (или Загостенской) зафиксировала описная книга Старицкого Успенского монастыря 1607 г. Описная книга указывает на грамоту царя Ивана Грозного 1567/68 г., жаловавшую Загостенскую волость монастырю[96], и содержит ее описание. Косвенное упоминание Загостенья, не сопровождающееся списком населенных пунктов, содержится также в писцовой книге Тверского уезда 1580 года[97].

В составе владения монастыря в начале XVII в. находились 35 «загостенских» деревень и 18 пустошей, которые тяготели к селу Калицыно. Еще 15 деревень и пять пустошей перечислены вместе с с. Калицыно, но не относятся к «загостенским»[98].

Нами была проведена локализация населенных пунктов и пустошей Загостенской волости, перечисленных в описной книге. Территория Загостенской волости располагается в южной и восточной частях Микулинского уезда, на левобережье Лоби. В южной части волости в Лобь впадает небольшая речка Часте-

[94] ДДГ 1950: 34.
[95] Темушев 2008: 193, рис. 1.
[96] Описная книга 1911и: 22.
[97] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 387.
[98] Описная книга 1912: 56–57.

на, в XVIII–XIX вв. называвшаяся Гостинкой[99]. Территория волости захватывала междуречье Лоби и Гостинки и простиралась к северу от Гостинки, включая нижнее течение Руссы. Точные границы волости установить трудно. Из текста писцовой книги 1580 г. ясно, что с. Лотошино не относилось к Загостенской волости, таким образом, южная граница Загостенья проходила между с. Лотошино и д. Шапково. Северную границу волости маркируют пустоши Афимьино и Безково, расположенные в бассейне рек Большая Лобца (левый приток Лоби) и Немка (правый приток Шоши). Западная граница волости, по-видимому, была образована течением Руссы. Реконструкция вотчины одного из микулинских князей — Василия Андреевича (ум. в 1540 г.) показывает, что она практически полностью совпадает с волостью Загостенье.

Каменский стан известен из грамот 1604 и 1605 гг. Троице-Сергиеву монастырю[100]. Пустоши Татариново, Покровское, Ласкино, Сущельниково и др. локализуются в бассейне р. Долгуша. Согласно дозорной книге 1551–1554 гг., они находились в вотчинном владении Василия Петровича Борисова-Бороздина[101].

Савинская волостка впервые упоминается в писцовой книге 1539/40 г.[102]. Она являлась владением князя Василия Андреевича Микулинского, а в писцовой книге описана как поместье его супруги княгини Анны. Она включала 39 пунктов, в том числе 35 деревень. Волостка упомянута и в писцовой книге 1588 г.[103] в числе порозжих земель. Локализуется в среднем течении Руссы, на ее левом берегу.

Таким образом, на основании писцовых и актовых материалов границы Микулинского стана-уезда устанавливаются достаточно точно, в сравнении с рядом волостей Тверского уезда. Выявляются также административные единицы внутри Микулинского стана. Возникновение некоторых из них, в частно-

[99] План Генерального межевания Старицкого уезда 1776–1778 гг. Б.м., б.г. // Старые карты — Электронный ресурс [режим доступа: http://oldmaps.ru, дата обращения — 30.10.2016]; Топографический межевой атлас Тверской губернии, 1853.

[100] Кириченко 2006: 170.

[101] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 188.

[102] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 141.

[103] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 617, 619, 627.

сти, волостей Отъездец и Загостенье, по-видимому, восходит к периоду существования Микулинского удельного княжества, что позволяет говорить о преемственности границ Микулинского удела XIV–XV вв. и стана XVI века.

Волость Хорвач

Волость Хорвач является самой южной волостью Тверского уезда и локализуется в бассейне левых притоков Шоша — рек Жидоховка, Ржать, Жабня. Южная граница волости проходила в бассейне Держи (правый приток Волги).

Первое упоминание топонима Хорвач относится к 1368 г. Н.Д. Квашнин-Самарин и В.А. Кучкин соотнесли его с Погорелым Городищем[104]. П.Д. Малыгин полагает, что из текста неясно, относится этот топоним к населенному пункту или территории волости[105].

В связи с проблемой определения южной границы Тверского уезда, следует обратиться к проблеме местонахождения одного из крупных политических центров Тверского княжества — Холм. В.С. Борзаковский, а вслед за ним В.А. Кучкин связывали средневековый Холм с селом Красный Холм на территории Зубцовского района Тверской области[106]. Именно там обозначил Холм и В.Н. Темушев, основываясь на локализации В.А. Кучкина[107].

По мнению П.Д. Малыгина, которое нам представляется более обоснованным, средневековому Холму может соответствовать только городище в с. Погорелое Городище[108]. В селе же Красный Холм отсутствуют археологические признаки средневекового городского поселения. Эту точку зрения обосновывает и В.В. Кузнецов на основании анализа «Сказания об Оковецкой иконе Божьей Матери»[109].

Таким образом, городище средневекового Холма в середине XVI в. располагалось на границе Тверского и Зубцовского уездов. Изучение писцовых описаний и локализация населенных

[104] Кучкин 1984: 176.
[105] Малыгин 2007: 148.
[106] Кучкин 1984: 176.
[107] Темушев 2008.
[108] Малыгин 1984: 148.
[109] Кузнецов 2010.

пунктов Хорвача показывает, что в XVI в. оно относилось к Зубцовскому уезду.

Крайние южные населенные пункты волости Хорвач Тверского уезда локализуются на расстоянии 2,5–3 км от Холма. Таким образом, граница Тверского уезда располагалась примерно в 2,5–3 км от городища Холма и включала течение небольшой речки Хорвач, впадающей в Держу в районе Погорелого Городища и давшей название волости.

Волость делилась на три стана — Воскресенский, Юрьевский и Горицкий (Городенский). Это внутреннее деление — единственное среди волостей Тверского уезда, которое отражено структурой писцовой книги 1539/40 г. и дозорной книги 1551–1554 гг. Оно зафиксировано также писцовыми материалами 1580-х гг. и упоминается в актовом материале. Воскресенский стан занимал западную часть, Юрьевский — северную, Горицкий — восточную часть волости Хорвач (см. Карта 7 на с. 313).

На западе граница между Зубцовским уездом и волостью Хорвач располагалась западнее течения Ржати, к северу от нее — по р. Малая Жидоховка. Локализация населенных пунктов Хорвача свидетельствует о высокой концентрации населенных пунктов вдоль западной границы Хорвача с Зубцовским уездом. На эту территорию приходится и наибольшее число упоминаний «доброй» земли в дозорной книге 1551–1554 гг. Границу Хорвача с Зубцовским уездом позволяет установить и сопоставление актового материала и писцовых описаний. Так, согласно духовной И.Ю. Поджогина и дозорной книге 1551–1554 гг., дд. Добрынино, Демьяново, Власьево и сц. Исаево, принадлежавшие Анне Поджогиной, находились в Хорваче, тогда как д. Мухино, входившая с ними в одно землевладение, располагалась уже в Зубцовском уезде[110].

Западная граница Тверского уезда

Западная граница Тверского уезда была образована западными границами волостей Кава, Чаглово, Шестка, Суземье и Микулинского стана-уезда.

[110] Антонов 2002: 125 (№ 961); Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1997: 41; Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 237.

Волость Шестка

Границы волости Шестка определялись Ю.В. Готье по р. Тьма и её притоку р. Шестка, на левом берегу Волги, выше г. Твери. Волость граничила с Новоторжским и Старицким уездами[111].

Граница между волостями Шестка и Суземье проходила по Волге. Западная граница волости Шестка, отделявшая её от Иворовской волости Старицкого уезда, устанавливается в районе дд. Пролежнево, Ивачево, ур. Новоямки и далее вниз по р. Шестка, до впадения в неё Корожи, затем вверх по Короже до д. Лопатино. Село Станишино принадлежало Иворовской волости. Эта граница, продолжаясь, пересекала р. Тьму в районе д. Матюково и проходила в местности от д. Матюково до урочища Селилово, уже на левом берегу Тьмы.

Северная граница локализуется в области от ур. Селилово до дд. Иванцово, д. Перехожее, ур. Лексино, д. Гнилицы, д. Спирково, д. Савино. Восточная граница начиналась от д. Савино, далее по течению Тьмы до ее впадения в Волгу. Вотмицкий монастырь, находящийся на левом берегу Тьмы, в ее устье, хотя имел земельные владения в Шестке, находился, судя по писцовым описаниям, в волости Чаглово.

Волость Чаглово

Волость располагалась в междуречье Тверцы и Тьмы, вследствие чего она достаточно надежно локализуется. На западе волость граничила с Новоторжским уездом, причем ее крайняя западная точка — д. Меньшая Речица, упомянутая в наказной грамоте 1538 г., — располагалась в 1 км от с. Медно, крупного торгово-ремесленного поселения Новоторжского уезда[112]. Село Медно было новоторжским и в конце XIV–XV в.[113]. Еще одним пунктом на новоторжско-тверском рубеже в XV в. являлось с. Кунганово[114], оно оставалось таким и в XVI веке.

Во второй половине XVI в. волость составила единое целое с волостями Кава и Шестка.

---

[111] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 52.
[112] Тверские акты 1896: 20; Черкасова 1996: 96.
[113] Кучкин 1984: 151.
[114] Кучкин 1984: 152.

Таким образом, в волости Кава западная граница, отделявшая Тверской уезд от Новоторжского, проходила западнее течения Кавы и пересекала нижнее течение Тверцы в районе сельца Троицкого Вотмицкого монастыря при впадение реки Малица в Тверцу. В волости Чаглово западной крайней точкой является д. Меньшая Речица Троице-Сергиева монастыря. Расположенное в 1 км к западу с. Медна относилось уже к Новоторжскому уезду.

В волости Шестка граница находилась на левобережье реки Тьма в междуречье Тьмы и Тверцы. Западной крайней точкой является д. Матюкова, расположенная при впадении р. Рачайна в Тьму. Южнее волость Шестка граничила с Иворовской волостью Старицкого уезда. Приграничным в Иворовской волости являлось село Станишино, принадлежавшее Троице-Сергиеву монастырю. Южнее граница Тверского и Старицкого уездов проходила по Волге между Иворовской волостью и волостью Суземье. К юго-западу от Суземья располагалась территория Старицкого уезда, узким клином отделявшая волости Тверского уезда — Суземье и Микулинский стан-уезд — друг от друга. Этот клинообразный выступ Старицкого уезда маркирует с. Мясищево, согласно дозорной книге 1551–1554 гг., являвшееся старицким[115].

Южнее граница Тверского и Старицкого уездов локализуется по достаточно точно устанавливаемой границе Микулинского стана-уезда. Она захватывала верховья левых притоков Шоши — рек Хвошня, Долгуша и Черноручей. В дозорной книге 1551–1554 гг. упоминается «погост на Старитцком рубеже на Горках», который отождествляется с современным с. Зиновьево Калининского района Тверской области. Следует отметить, что в этом районе современные границы между Старицким и Калининским районами Тверской области примерно соответствуют средневековому старицко-тверскому рубежу, восходя к средневековому административному делению.

Локализация территории волостей Тверского уезда XVI в. на основании комплекса письменных и картографических источников XVI–XX вв. позволила уточнить административные границы уезда, реконструкция которых была намечена Ю.В. Го-

[115] Писцовые материалы Тверского уезда 2005: 184.

тье на основании источников XVII в. Были также выявлены и локализованы волости внутри крупных административных единиц Тверского уезда. В частности, изучено внутреннее деление Микулинского стана-уезда. Отсутствие упоминаний ряда микулинских волостей в кадастровых материалах первой половины и середины XVI в., вероятно, свидетельствует о том, что Микулинский стан-уезд сохранял относительную стабильность в структуре землевладения уже после ликвидации самостоятельности Тверского княжества. Упоминания микулинских волостей присутствуют лишь в актах или писцовых описаниях второй половины XVI в., когда микулинские землевладельцы оказались в опале и лишились части своих владений[116].

Установление границ Тверского уезда позволяет уточнить также и границы города Твери XVI в., простиравшиеся от деревень Никольского монастыря на реке Малица на западе до д. Константиново на востоке, и от д. Батино на севере до владений Желтиковского монастыря на юге.

СПИСОК КАРТ

Карта 1. Схема расположения волостей Тверского уезда XVI века.

Карта 2. Карта Тверского уезда XVI в. Волости и наиболее крупные населенные пункты. Часть 1.

Карта 3. Карта Тверского уезда XVI в. Волости и наиболее крупные населенные пункты. Часть 2.

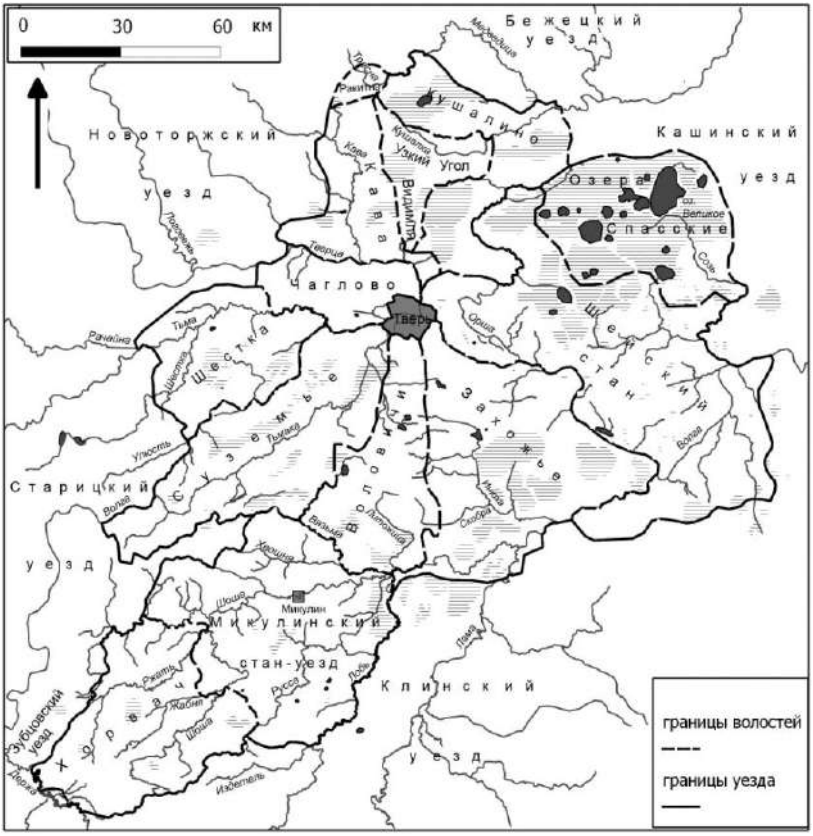
Карта 4. Карта Тверского уезда XVI в. Волости и наиболее крупные населенные пункты. Часть 3.

Карта 5. Карта Тверского уезда XVI в. Волости и наиболее крупные населенные пункты. Часть 4.

Карта 6. Волости Микулинского стана-уезда XVI века.

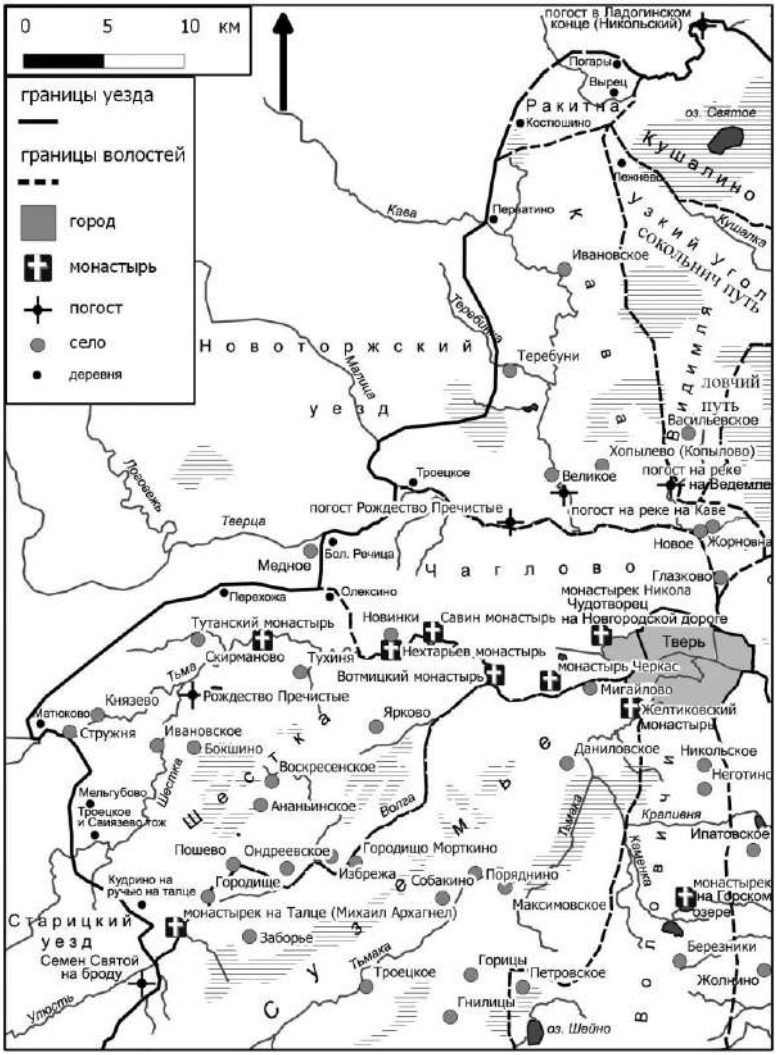
Карта 7. Деление на станы волости Хорвач Тверского уезда XVI века.

[116] Зинько 2012: 21–22.



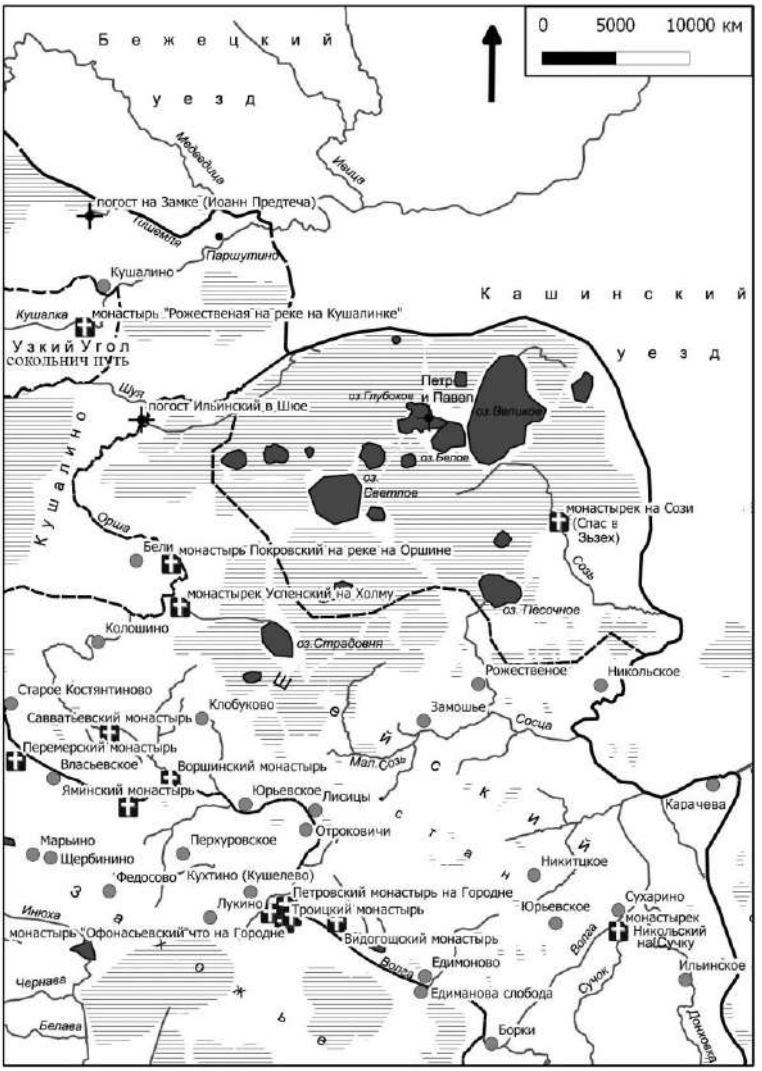
Карта 1.

Схема расположения волостей Тверского уезда XVI века.



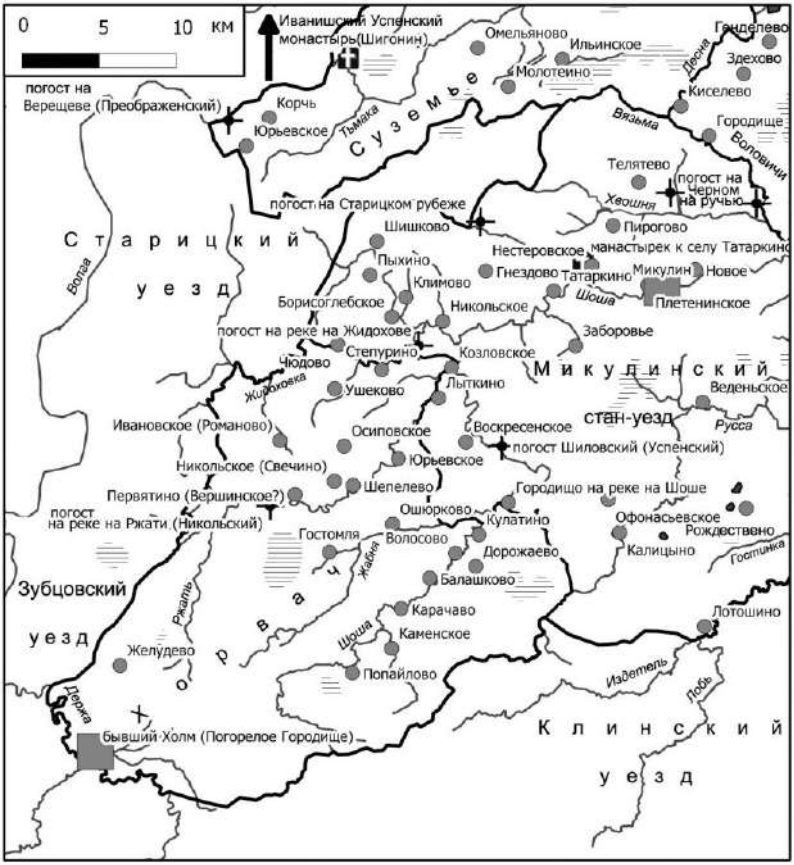
Карта 2.

Карта Тверского уезда XVI в.
Волости и наиболее крупные населенные пункты. Часть 1.



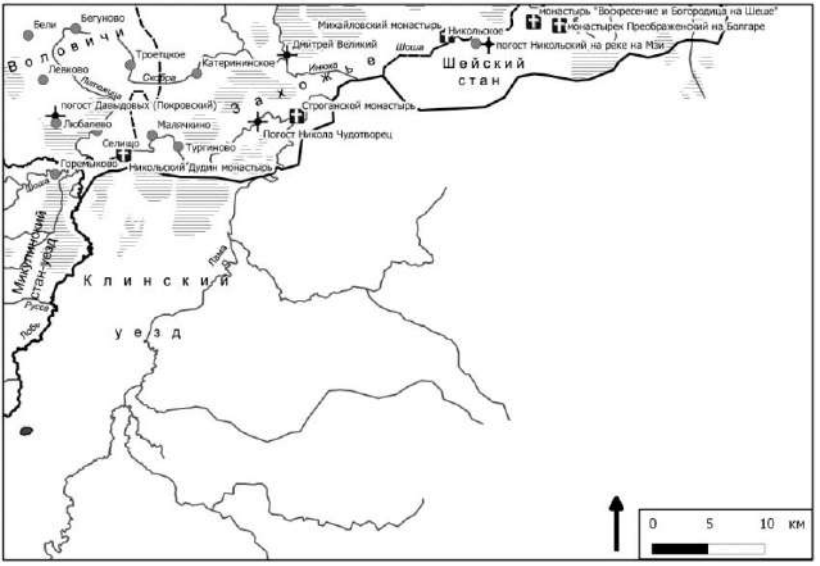
Карта 3.

Карта Тверского уезда XVI в.
Волости и наиболее крупные населенные пункты. Часть 2.



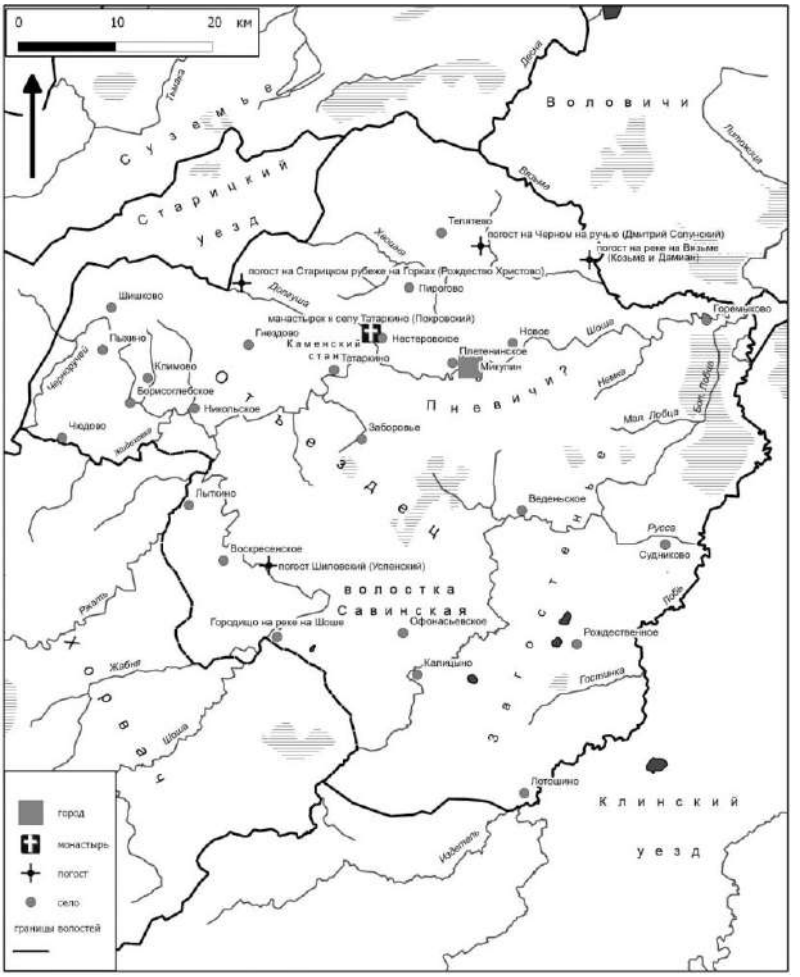
Карта 4.

Карта Тверского уезда XVI в.
Волости и наиболее крупные населенные пункты. Часть 3.



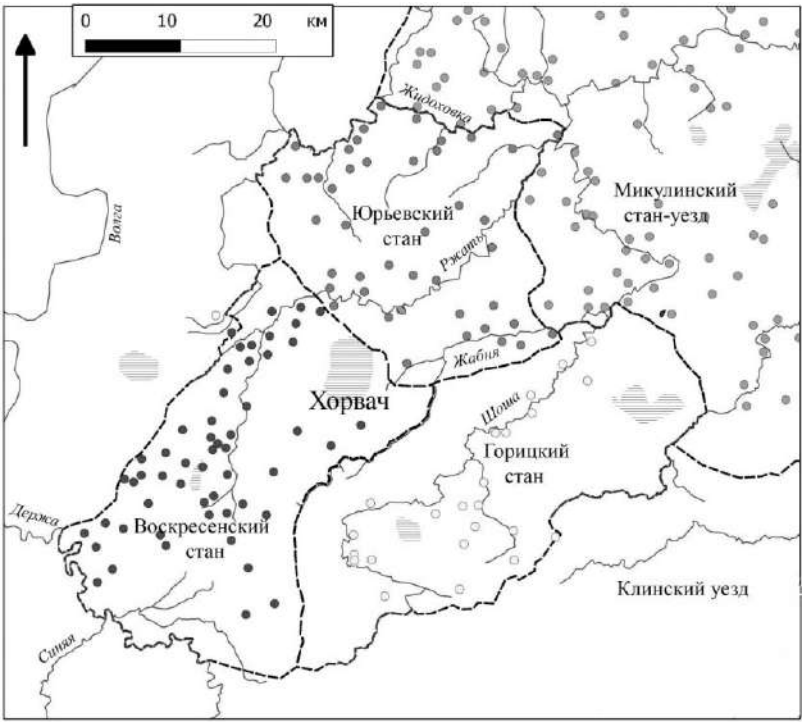
Карта 5.

Карта Тверского уезда XVI в.
Волости и наиболее крупные населенные пункты. Часть 4.



Карта 6.

Волости Микулинского стана-уезда XVI века.



Карта 7.

Деление на станы волости Хорвач Тверского уезда XVI века.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРГ 1975 — Акты Русского государства. 1505–1526. М., 1975.

АСЗ 1997 — Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997. Т. 1.

АСЗ 2008 — Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. М., 2008. Т. IV.

АСЭИ 1964 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3.

АФЗХ 1959 — Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1959. Т. 2.

Андрияшев 1913 — *Андрияшев А.М.* Материалы для исторической географии Новгородской земли. М., 1913. Ч. 1–2.

Антонов 2002 — *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века / Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8.

Антонов 2013 — *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. Дополнение // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. Вып. 17. С. 440–489.

Атлас 2007 — Атлас Тверской области. Масштаб 1:100000. Тверь, 2007.

Борзаковский 1994 — *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. Тверь, 1994.

Витов 1956 — *Витов М.В.* Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 231–264.

Генеральный алфавит — Генеральный алфавит Тверского, Старицкого Корчевского, Зубцовского уездов Тверской губернии // РГАДА. Ф. 1354 — Электронный ресурс [режим доступа: http://rgada.info-/poisk/index.php?fund_number=1354&fund_name=&list_name=&list_number=0&Sk=30&page=25, дата обращения — 30.10.2016].

Герберштейн 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

Готье 1906 — *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

Даль 1882 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб., 1882. Т. IV.

Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1997 — Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 года // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. С. 26–37.

ДДГ 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Жалованная грамота Тверскому Афанасьевскому монастырю 1960 — Жалованная грамота Тверскому Афанасьевскому монастырю 1555 г. // Исторический архив. 1960. № 1. С. 223–224.

Зинько 2012 — *Зинько М.А.* Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв. (на примере рода князей Микулинских). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 2012.

Зинько 2011 — *Зинько М.А*. Микулинский уезд в первой половине XVI в.: территория и структура землевладения // Мат-лы Международного молодежного научного форума Ломоносов-2011. М., 2011. CD-ROM.

Кириченко 2006 — Хронологический перечень актов Троице-Сергиева монастыря 1584–1641 гг. // *Кириченко Л.А*. Актовый материал Троице-Сергиева монастыря 1584–1641 гг. как источник по истории землевладения и хозяйства. М., 2006. С. 162–226.

Кузнецов 2010 — *Кузнецов В.В.* К вопросу о локализации города Холма Тверского княжества // Новоторжский сборник. Торжок, 2010. Вып. 3. С. 109–116.

Кучкин 1984 — *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лаппо 1893 — *Лаппо И.И.* Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения. М., 1893.

Малыгин 2007 — *Малыгин П.Д.* Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь, 2007.

Описная книга 1911 — Описная книга Старицкого Успенского монастыря 1607 г. // Тверская старина. 1911. № 1. С. 19–34; № 2. С. 33–36; № 3. С. 22–26; № 4. С. 20–25; № 5. С. 34–40; № 6. С. 28–34; № 7. С. 30–33; № 8. С. 43–47; № 9. С. 21–24; № 10–11. С. 35–40; № 12. С. 16–22.

Описная книга 1912 — Описная книга Старицкого Успенского монастыря 1607 г. // Тверская старина. 1912. № 1. С. 49–62.

Перечень актов 2007 — Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537 гг. М., 2007.

ПКМГ 1877 — Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Т. 2. С. 40–140, 141–290, 291–403.

Писцовые материалы Тверского уезда 2005 — Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Под. ред. А.В. Антонова. М., 2005.

Планы дач — Планы дач Генерального и Специального межеваний Бежецкого уезда Тверской губернии // РГАДА. Ф. 1354. Д. 1–735.

Попов 2006 — *Попов С.Н.* Тверская знать на московской государевой службе в конце XV – первой половине XVI вв. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. СПб, 2006.

РГБ — Российская государственная библиотека. Ф. 303. I.

Селин 2003 — *Селин А.А*. Историческая география Водской пятины Новгородской земли. СПб., 2003.

Скрынников 1975 — *Скрынников Р.Г*. Иван Грозный. М., 1975.

Список населенных мест 1862 — Тверская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862.

Тверские акты 1896 — Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией под редакцией Сергея Шумакова. Тверь, 1896. Вып. 1.

Тверские писцовые книги 1911 — Тверские писцовые книги XVI века. Первая писцовая книга (1539–1540 гг.) (Особым приложением, с отдельной нумерацией страниц) // Тверская старина. 1911. № 7, прил.: с. 1–6; № 8, прил.: с. 7–12; № 9, прил.: с. 13–16; № 10–11, с. 41–49; № 12, с. 31–37.

Тверские писцовые книги 1912 — Тверские писцовые книги XVI века. Первая писцовая книга (1539–1540 гг.) (Особым приложением, с отдельной нумерацией страниц) // Тверская старина. 1912. № 1, прил.: с. 38–44; № 2, прил.: с. 45–50; № 3, с. 73–78; № 4, прил.: с. 57–62; № 5, прил.: с. 63–68; № 6, прил.: с. 69–74.

Тверские писцовые книги 1913 — Тверские писцовые книги XVI века. Первая писцовая книга (1539–1540 гг.) (Особым приложением, с отдельной нумерацией страниц) // Тверская старина. 1913. № 1, прил.: с. 75–80; № 2, прил.: с. 81–84; № 3–4, прил.: с. 85–88; № 5–6, прил.: с. 89–92.

ТЕСС 1901 — Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь, 1901.

Темушев 2007а — *Темушев В.Н*. Литовско-тверская граница (вторая половина XIV – начало XVI в.) // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. «История». 2007. Вып. 4. С. 87–97.

Темушев 2007б — *Темушев В.Н.* Литовско-тверская граница (проблемы интерпретации источников) // Российские и славянские исследования: Науч. сб. Минск, 2007. Вып. 2. С. 135–142.

Темушев 2008 — *Темушев В.Н.* Литовско-московское пограничье в XV в. // Археалогія эпохі сярэднявечча. Да 80-годдзя з дня нараджэння Г.В. Штыхава / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2008. Вып. 15. С. 186–193.

Топографический межевой атлас 1853 — Топографический межевой атлас Тверской губернии, составленный в 1848 и 1849 гг. членами межевого корпуса и топографии военного ведомства под наблюдением ген.-майора Менде. М., 1853.

Уездные планы — Уездные планы Тверского, Старицкого, Корчевского, Бежецкого, Новоторжского, Зубцовского уездов // Старые карты — Электронный ресурс [режим доступа: http://oldmaps.ru, дата обращения — 30.10.2016].

Флоря 1975 — *Флоря Б.Н.* О путях политической централизации русского государства (на примере тверской земли) // Общество и государство феодальной России / Под ред. В.Т. Пашуто. М., 1975. С. 281–290.

Фролов 2013 — *Фролов А.А.* Геоинформационные технологии в современных историко-географических исследованиях отечественных историков // Вопросы исторической географии / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. М., 2013. С. 447–458 (Вопросы географии. Сб. 136).

Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли. М.; СПб, 2008. Т. 1–3.

Черкасова 1996 — *Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996.

Чернов 1998 — *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. 364 с. (Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. Т. 1).

Чернов 2005 — *Чернов С.З.* Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. М., 2005 (Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2).

Экономические примечания — Экономические примечания Бежецкого уезда // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2/1678.

А.Л. Грязнов

«В ПОШЕХОНЬЕ НА УХТОМЕ» И УХТОМСКАЯ ВОЛОСТЬ

XVI – НАЧАЛО XVII ВЕКА*

Аннотация: Статья посвящена подробной характеристике Ухтомской волости XVII в. и микрорегиона Ухтома в XV–XVI вв. На основе комплексного использования источников XVI–XVIII вв. определена территория Ухтомской волости XVII в. и выяснены границы Ухтомы XV–XVI вв., локализовано большинство поселений волости, определены границы родовых княжеских вотчин XV–XVI вв., картографированы вотчины и поместья первой трети XVII в., реконструирована динамика расселения, определено соотношение территории Ухтомы XVI в. и Ухтомской волости XVII в., установлена преемственность владельческих комплексов первой трети XVII в. с более ранним временем.

Ключевые слова: Феодализм, князья, родовое княжеское землевладение, волость, акты, писцовые книги.

Надежное определение географических объектов, упомянутых в документах, — один из краеугольных камней для понимания этих документов и оценки фиксируемых в них событий и процессов. В отечественной историографии накоплен значительный опыт в интерпретации географических данных источников XIV–XVI вв., произведено отождествление как крупных объектов — городов, княжеств, уездов, так и более мелких — волостей и сел[1].

Степень успешности отождествлений/локализаций очень вариативна и напрямую зависит от выбранной или выработан-

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ №14-11-35003.

[1] Барсов 1865; Дебольский 1901; Дебольский 1902; Старинные волости 1909; Любавский 1929; Примечания ко всем трем томам АСЭИ, АРГ, АСЗ.

ной автором методики. Наиболее оправданным на данный момент является практика монографического исследования отдельных территорий[2] или составления исторических карт княжеств или уездов[3]. Связано это, прежде всего, с возможностью комплексного сопоставления источников на исторически сложившейся территории. В ряде случаев не менее продуктивно изучение отдельных станов и волостей[4].

Одной из белозерских волостей, точнее одним из микрорегионов, ставшим позднее волостью, была Ухтома, по названию которой получила фамилию младшая ветвь белозерских князей (см. Карта 1 на с. 337). В актах середины XVI в. административная принадлежность родовых вотчин князей Ухтомских описывается довольно пространно: «в Романовском уезде в Пошехонье на Ухтоме». Судя по всему, синхронно с появлением в конце 1560-х гг. на территории Ухтомы поместий она стала именоваться Ухтомской волостью. Например, в сотной выписи из писцовых книг письма А.С. Караулова и Н.И. Переславцева на с. Погорелое Корнилиево-Комельского монастыря 1543/44 г. монастырская вотчина локализована именно на Ухтоме: «В Ухтоме село монастырское Погорелое»[5].

Соответственно, возникает закономерный вопрос о том, как соотносятся между собой Ухтома XV–XVI вв. и Ухтомская волость XVII в. Ответить на него можно, выяснив, существует ли преемственность территории и границ этих двух административных образований и восходят ли владельческие комплексы вотчинников и помещиков XVII в. к родовым княжеским вотчинам XV–XVI вв. Прояснить эти вопросы помогает значительный комплекс разноплановых источников, относящихся к территории Ухтомской волости.

Одним из важнейших источников по исторической географии региона является древнейшее из сохранившихся и сравнительно полное описание Ухтомской волости в писцовой книге

---

[2] Копанев 1951; Алексеев 1966; Витов, Власова 1974; Янин 1998; Чернов 1998; Селин 2003; Стрельников 2009; Фролов 2012: 110–154.

[3] Веселовский, Перцов 1993; Фролов, Пиотух 2008; Грязнов 2009.

[4] Алексеев 1960; Чернов 1985; Каштанов 1996; Каштанов 1997; Фролов 2002; Гамаюнов 2009; Дедук 2013; Фролов 2013.

[5] Грязнов 2014б: 29.

Пошехонского уезда писца Ю.А. Редрикова и подьячего П. Наумова 1626–30 гг. (далее — писцовая книга Ю.А. Редрикова)[6]. Книга отразила результаты «валового» письма, то есть кампании, охватившей всю территорию государства и все категории земельных владений. Кроме того, сохранился значительный массив актов XVI в., относящихся напрямую к Ухтоме. В общей сложности на данный момент выявлено 48 текстов актов, еще двадцать известны по упоминаниям или в кратком изложении[7]. В основной своей массе они происходят из архивов Кирилло-Белозерского и Корнилиево-Комельского монастырей и относятся к 10 княжеским вотчинным комплексам. В силу ряда причин наиболее обеспеченными актовым материалом оказались села, принадлежавшие младшей ветви Ухтомских, а наименее обеспеченными — старшей (Табл. 1).

Несмотря на то, что сохранившиеся акты составляют лишь незначительную часть от составленных в XV–XVI вв., совокупность располагаемых источников позволяет реконструировать территорию Ухтомской волости первой трети XVII в., локализовать населенные пункты и пустоши этого времени, определить границы и территорию вотчинных комплексов и поместий, реконструировать структуру расселения в XVI в., показать ее динамику, определить границы Ухтомы в XVI в. и ее территорию в XV веке.

Материалы валового письма 1620-х гг. — многогранный источник по истории первой трети XVII в. Причем потенциал писцовых книг даже по монографически исследованным уездам еще далеко не исчерпан.

Ухтомская волость, как и ряд соседних (Шелешпал, Согорза, Дябрино, Углеца Константинова), представляет собой наиболее показательный объект для исследования. Связано это с тем, что для нее характерно смешение различных форм земельной собственности: поместий, родовых и выслуженных вотчин, монастырских латифундий. Кроме того, значительный массив актов XVI–XVII вв. охватывает практически всю территорию волости, что является скорее исключением, чем правилом для большинства волостей соседних уездов. Исследование подоб-

[6] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1376–1602.

[7] Грязнов 2015б.

ных территорий помогает изучить процессы генезиса княжеского родового землевладения, его трансформации и разрушения, определить причины и время появления на его месте поместий и монастырских вотчин.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИЗВЕСТНЫХ АКТОВ XVI В.
ПО ВОТЧИННЫМ КОМПЛЕКСАМ НА ТЕРРИТОРИИ УХТОМЫ

Вотчинные комплексы	Сохранившихся текстов актов		Упоминания	Всего
	Ухтомских	других владельцев		
Старшая ветвь	**3**	**5**	**7**	**15**
Васильевское	2		2	**4**
Погорелое	1	2	3	**6**
Юрьевское		2	2	**4**
Катрино		1		**1**
Средняя ветвь	**10**	**4**	**5**	**19**
Карповское	3	1	1	**5**
Ескино	6	3		**9**
Новинки	1		4	**5**
Младшая ветвь	**24**	**2**	**8**	**34**
Борисоглебское	8	1	4	**13**
Семеновское	9		1	**10**
Никитино	7	1	3	**11**
Всего:	**37**	**11**	**20**	**68**
Доля:	54,4%	16,2%	29,4%	100%

Всего в Ухтомской волости по писцовой книге Ю.А. Редрикова насчитывалось 191 жилое поселение и 260 пустошей (в общей сложности 451)[8]. Они находились в 23-х поместьях, трех

[8] Начало описания волости в книге утрачено. Судя по отсылкам в описаниях нескольких поместий и вотчин, первым шло описание поместья Ивана Тимофеевича Ухтомского, а затем его брата Матвея. Состав этих поместий реконструируется на основе данных самой писцовой книги, ввозных грамот и переписных книг середины – второй половины XVII века.

светских вотчинах и 11 монастырских вотчинных комплексах. Доля жилых поселений в вотчинах в два раза превышала их долю в поместьях (52,63% против 24,4%). Доля светских владений составляла примерно $^1/_3$. В поместьях числилось 34 жилых селения и 105 пустошей, в светских вотчинах — 10 жилых и 9 пустошей, а в монастырских вотчинах — 147 жилых и 146 пустошей.

Среди владельцев в персональном плане на первом месте стояли князья Ухтомские — 7 человек. Из белозерских князей помещиками в Ухтомской волости были еще двое Вадбольских. Среди остальных фамилий выделялись Шипуновы — 5 человек и Плохово — 2 человека. Остальные фамилии помещиков в Ухтомской волости были представлены по одному человеку. Князьям Ухтомским принадлежало 40 селений[9] (19 жилых и 21 пустошь) из 158, находившихся во владении у служилых людей. Еще большей долей, но менее населенной, владели Шипуновы — 59 селений (8 жилых и 51 пустошь). Получается, что Ухтомские в конце 1620-х гг. владели менее 9% селений Ухтомской волости, а большинство представителей рода, живших в 1620-е годы, хотя и являлись пошехонскими помещиками, не обладали в родовом гнезде ни вотчинами, ни поместьями[10].

Сопоставление топонимической номенклатуры писцовой книги Ю.А. Редрикова с картами XVIII–XIX вв.[11], экономическими примечаниями к Генеральному уездному плану Пошехонского уезда[12] и актами XVI–XVII вв. позволило определить местоположение 179 жилых поселений и 185 пустошей, что составило 93,23% и 70,88% соответственно или 80,35% от их об-

[9] Здесь и далее термины «селение» и «поселение» используются для обозначения совокупности жилых населенных пунктов (сел, селец, деревень, починков) и запустевших (пустошей, селищ).

[10] По родословной и другим источникам XVII в. на момент составления писцовой книги Пошехонского уезда взрослыми были около двух десятков Ухтомских. В пошехонской десятне 1630 г. упомянуто 16 белозерских князей, служивших по Пошехонью (Ухтомских — 11 человек, Вадбольских — двое, Шелешпальских — трое) (ОР РНБ. Эрм. 550/16).

[11] Пошехонский уезд. Генеральный уездный план. 1792 г. Масштаб 1:42000 (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6665), Топографическая межевая карта Ярославской губернии. 1855–1857. Масштаб 1:42000. (РГАДА. Ф. 1357. Оп. 2. Д. 357–381).

[12] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2105.

щего числа. Опираясь на границы владений, зафиксированные материалами Генерального межевания, можно дать предварительные границы владельческих комплексов первой трети XVII в. на территории Ухтомской волости (Табл. 2).

Таблица 2

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ УХТОМСКОЙ ВОЛОСТИ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

	Поселений			жилых			пустошей		
	Всего	локализовано		всего	локализовано		всего	локализовано	
		шт.	%		шт.	%		шт.	%
В поместьях	140	114	81,4	36	33	91,7	104	81	77,9
В вотчинах	19	19	100	9	9	100	10	10	100
Всего в светских владениях	159	133	83,7	45	42	93,3	114	91	79,8
В монастырских вотчинах	294	231	78,6	147	137	93,2	147	94	64
Всего:	453	364	80,4	192	179	93,2	261	185	70,9

Карта 2 (с. 338–339)

Стоит отметить, что доля локализованных поселений в светских владениях несколько выше, чем в монастырских вотчинах — 83,65% против 78,57%. В первую очередь это связано с сильным дроблением светских владений к концу XVIII в., что и было зафиксировано материалами Генерального межевания. Благодаря этому мы имеем представление о местоположении и границах значительного числа пустошей, находившихся в XVII–XVIII вв. в руках светских землевладельцев. Монастырские же вотчины в XVII–XVIII вв. дроблению не подвергались, и, соответственно, о местоположении многих монастырских пустошей XVII в. можно судить только по косвенным признакам.

Обращает на себя внимание то, что Ухтомская волость в XVII в. не представляла собой единый массив. В нескольких местах в ее территорию имеются вкрапления земель соседних волостей, а довольно крупные вотчины Кирилло-Белозерского и Павло-Обнорского монастырей оторваны от основной территории волости.

Локализация поместий показывает, что все они, за исключением очень мелких, представляли собой единый комплекс, то есть деревни и пустоши одного владельца располагались компактно и, в большинстве случаев, граничили друг с другом. Указания писцовой книги Ю.А. Редрикова на статус поместий (в большинстве случаев «старое его поместье» или «старое его отца поместье», иногда приобретенное тем или иным способом) и вотчин, а также родственные связи помещиков и вотчинников (братья, дядья с племянниками) позволяет с определенной долей условности реконструировать структуру землевладения в Ухтомской волости в конце XVI и в начале XVII века.

Как правило, глухая ссылка писцовой книги на «старое отца его поместье» не дает точных хронологических ориентиров, но у нас есть возможность сопоставить эти сведения с материалами разбора о службе детей боярских при царе Василии Шуйском (так называемая «Книга сыскная дворян и детей боярских разных городов»). Среди документов «Сыска» сохранился «Список дворян и детей боярских пошехонцов. Списан с списка, каков список сыскан после московского разоренья 118-го году, что кому был поместной оклад при царе Василье»[13]. Сопоставив писцовую и «Сыскную» книги можно вполне уверенно реконструировать владельческую структуру в Ухтомской волости в 1609–1610 гг., определив личности владельцев поместий и вотчин в это время (Табл. 3).

Для первого десятилетия XVII в. можно говорить о 22-х светских владельческих комплексах. Выявлена достаточно высокая степень преемственности владельческой структуры. За почти два десятка лет в Ухтомской волости встречаем два раздела отцовского поместья (братья Шипуновы и Ухтомские).

[13] ОР РНБ. Эрм. №394. Л. 1–220. Об источнике см.: Павлов 2004: 203–209; Гневашев 2007: 184–196. Текст «Сыскной книги» подготовлен к печати и любезно предоставлен Д.Е. Гневашевым.

Таблица 3

СОСТАВ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ УХТОМСКОЙ ВОЛОСТИ
ПО ПИСЦОВОЙ КНИГЕ 1626–30 ГОДОВ И «СЫСКНОЙ КНИГЕ».

№ владения*	Владелец по писцовой книге Ю.А. Редрикова	История владения	В материалах разбора	№ владения в 1610 г.**
1а	князь Иван Тимофеев княж сын Ухтомский		нет (служил при Дворе)	1
1	князь Матвей княж Тимофеев сын Ухтомский	сдано в 1626 г. вдовой М.Д. Киреевой	Безчасной Давыдов сын Киреев	2
2	князь Юрий княж Михайлов сын Ухтомский	старое отца его поместье	нет (служил при Дворе)	3
3	князь Григорий княж Михайлов сын Ухтомский	предыдущий владелец князь Борис княж Иванов сын Ухтомский	нет (в сыскной отец и брат князя Бориса Иванови-ча Ухтомского)	4
4	Михаил княж Матвеев сын Вадбольский	старое его поместье	нет (служил при Дворе)	5
5	князь Андрей княж Афанасьев сын Вадболь-ский	старое отца его поместье	князь Афонасей княж Михайлов сын Вадбалской	6
6	Афанасий Елизарьев сын Кафтырев	тещи прожиточное пом. Анны Ивановой жены Вадбольского	нет (служил при Дворе)	7
7	Харитон Афанасьев сын Махов	из поместья Воина Шипунова	Воин Данилов сын Шипунов	8
8	Зиновий Васильев сын Сапогов	нет	Василей Посников сын Сапогов	9

9	Яков Корнильев сын Плюсков	из поместья Воина Шипунова	Воин Данилов сын Шипунов	8
10	Пинай Данилов сын Шипунов	старое его поместье	Пинай Данилов сын Шипунов	10
11	Воин Данилов сын Шипунов	старое его поместье	Воин Данилов сын Шипунов	8
		Пиная Шипунова	Пинай Данилов сын Шипунов	10
		Безчастный Давыдов с. Киреев	Безчасной Давыдов сын Киреев	2
		Долмат Сапогов	нет	11
12	Григорий Семенов сын Шипунов	отца его поместье	нет	12
13	Алексей Семенов сын Шипунов	отца его поместье	нет	12
14	князь Петр княж Захарьев сын Ухтомский	старое отца его поместье	нет (отец служил при Дворе)	13
15	князь Василий княж Захарьев сын Ухтомский	старое отца его поместье	нет (отец служил при Дворе)	13
16	Василий Данилов сын Шипунов	старое его поместье	Василей Данилов сын Шипунов. В его место брат его Ивашко	14
		было за братом Иваном Шипуновым		15
17	Четвертый Салмынов сын Плохово	старое его поместье	Четвертой Самойлов сын Плохово	16
18	Степан Рахманов сын Плохово	старое его поместье	Степанко Рахманинов сын Плохово	17
19	Сава Михайлов сын Денисьев	князья Юрий княж Михайлов сын Ухтомский	нет (служил при Дворе)	3

20	Василий Гаврилов сын Люткин	отца его поместье	Гаврило Степанов Люткин	18
21	Настасья Домашева жена Токмачева с детьми	мужа ее поместье	Домашней Суринов сын Токмачев	19
22	Ульяна Парфеньева жена Панова с сыном	старое мужа поместье	Парфенко Федоров сын Панов	20
23	князь Иван княж Тимофеев сын Ухтомский	пожалованная вотчина из его поместья	нет (служил при Дворе)	1
24	князь Иван и князь Григорий княж Ивановы дети Ухтомские	родовая вотчина	князь Иван княж Иванов сын Ухтомской. В его место сын его князь Иван. Князь Григорей княж Иванов сын Ухтомской	21
25	князь Матвей княж Тимофеев сын Ухтомский	родовая вотчина куплена у брата Ивана		22

* Номера владений даны в соответствии с порядком описания поместий и вотчин в писцовой книге Пошехонского уезда 1626–30 гг. Начало описания владения 1а утрачено.

** Нумерация владений в 1610 г. дана условно.

Еще два поместья появились в результате раздачи конфискованного поместья Воина Шипунова, а одно после покупки одной пустоши у Юрия Ухтомского. Фиксируется семь старых поместий, то есть и при Василии Шуйском, и во время составления писцовой книги Ю.А. Редрикова поместьем владел один и тот же человек. Четыре отцовских поместья не подвергались дроблению и были унаследованы сыновьями служилых людей 1610 г., а еще двумя поместьями владели вдовы с детьми (третье прожиточное поместье незадолго до составления писцовой сменило владельца в результате «сдачи»)[14]. Об одном из вдовьих прожиточных по-

[14] В 1626 г. вдова Марья Киреева сдала кн. М.Т. Ухтомскому свое прожиточное поместье сц. Кулсеево и пять пустошей (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 272. Д. 12540. Л. 170–171 об.).

местий имеются сведения за 1610 г.[15]. Более точные сведения имеются о поместье в начале XVII в. кн. Ивана Вадбольского[16]. О судьбе еще одного поместья начала XVII в. становится известно из указной грамоты пошехонскому воеводе кн. И.А. Болховскому (1674 г.)[17].

Поскольку в актах отсутствуют указания на какое-либо расширение монастырских латифундий в первой трети XVII в.[18], границы монастырских вотчин в это время, скорее всего, оставались без изменений. Во всяком случае, во второй половине XVII в. власти Кириллова монастыря провели почти со всеми своими соседями новое межевание, причем в каждой из грамот

---

[15] По писцовой книге за Ульяной Пановой в Ухтомской волости было две пустоши (Вереинское и Бадера). Там же указано, что получила она их из поместья своего мужа. Действительно, Парфения Панова обнаруживаем в сыскной книге среди городовых детей боярских с окладом в 150 четей (ОР РНБ. Эрм. № 394. Л. 58 об.). Однако в 1610 г. пустошью Вереинское владел не Парфений Панов, а кн. Афанасий Вадбольский. В расходной книге Кирилло-Белозерского монастыря указано, что старец Давыд Злобин «князь Афонасьеву человеку Молчанку за пустошь за Вереинское с пустошми кортомы дал рубль 8 алтын 2 деньги» (Приходные книги 2010: 42). Отсюда делаем вывод, что сын кн. Афанасия Вадбольского Андрей унаследовал только часть поместья отца, а другая часть после 1610 г. перешла П. Панову.

[16] В писцовой указано, что А.Е. Кафтырев владел бывшим прожиточным поместьем своей тещи Анны, вдовы кн. Ивана Вадбольского. Сам кн. И. Вадбольский как пошехонский помещик фигурирует на рубеже XVI–XVII вв. В 1598 г. он владел одним из крупнейших сел Пошехонья — Кодобоем (Кистерев 2007: 200–201), располагавшемся неподалеку от п. Вереинское.

[17] Воеводе предписывалось размежевать угодья Кирилло-Белозерского монастыря и поместье Б.С. Плохово. Причиной этого стал проигрыш Богданом Плохово иска к монастырю по поводу сенокосов по Согоже. Кроме отсутствия подкрепляющих позицию документов, одной из причин проигрыша стало то, что с иском ранее не обращался ни отец Богдана Степан, ни дед Рахман: РГАДА. Ф. 281 (далее — ГКЭ). № 9758. Л. 12. Следовательно, первым владельцем поместья в Ухтомской волости из семьи Плохово был Рахман. Ему наследовал сын Степан, упоминаемый в материалах разбора 1610 г. и писцовой книге.

[18] В архиве Кириллова монастыря хранилась меновная 1623 г. с кн. Д.И. Вадбольским на пуст. Семенково (ГКЭ. № 9710), но самой этой пустоши на момент составления писцовой книги в составе монастырской вотчины не было.

указывалось на существование старых межей, которые обновлялись там где это было возможно.

Данные о землевладении в начале XVII в. позволяют перекинуть своеобразный мостик во вторую половину предыдущего столетия. От XVI в. сохранилось две ввозных грамоты Даниле Шипунову 1577 и 1578 гг. на село Катрино и сельцо Юрьевское[19]. По писцовой книге этими комплексами владели дети Данилы.

В первой ввозной грамоте названы с. Катрино, шесть деревень, шесть починков и две пустоши, а во второй — сц. Юрьевское, две деревни, два починка и половина пустоши. Все эти поселения зафиксированы в писцовой книге Ю.А. Редрикова. Большую часть из них удается отождествить с деревнями и пустошами времени Генерального межевания, а местоположение остальных выясняется по актам XVI–XVII вв. В результате полностью реконструируются два владельческих комплекса, зафиксированные в ввозных грамотах 1577 и 1578 гг. Оба они делились на две части (на левом и правом берегу Ухтомы) и располагались рядом друг с другом.

Во ввозных грамотах сообщается, что до получения поместья Даниилом Шипуновым Катрино и Юрьевское были порожжими, но немногим ранее, по писцовой книге Ивана Курова 1573/74 г., Катриным владел Афанасий Большой Иванов сын Медведева[20], а сц. Юрьевским с деревнями — Петеля Тебеньков[21]. Следовательно, Катрино и Юрьевское как особые владельческие центры существовали уже в 1573/4 г. Это были поместья бывших белозерских вотчинников, причем к 1577–1578 годам по какой-то причине эти поместья лишились своих прежних владельцев. Кроме того, земли обоих поместий, располо-

---

[19] Акты 1997: 296–297. № 305–306. В 1581/82 г. Д.И. Шипунов уже как местный землевладелец выступает послухом меновной кн. Ф. Ф. Шелешпальского с властями Кирилло-Белозерского монастыря (Акты 1838: 140. № 106).

[20] Скорее всего, Афанасий был сыном Ивана Леонтьева сына Медведева (послух в купчей на с. Ескино в 1558/59 г. — ГКЭ. № 9689) и происходил из древнего белозерского рода Ильиных.

[21] Возможно, Петеля был сыном белозерца Тебенька Михайлова, упомянутого в 1543/44 г. (ОР РНБ. СПб. ДА AI/16. Л. 698 об., 701). В сыскной книге 1612/13 г. среди пошехонцев названы Ивашко Андреев сын Тебеньков (Л. 58 об.) и нарядчик Пинайко Иванов сын Тебеньков (Л. 59).

женные в окрестностях с. Катрино, можно соотнести с вотчинами князей Ухтомских, существовавшими в 1559 г. Селом Катрино и, по всей видимости, остальными поселениями в округе владел кн. Василий Семенович, а д. Дмитриевой и другими поселениями, тянувшими к ней (Холстово, Новый Короваевский и Андроновская) — Григорий Иванович Угримов-Ухтомский[22].

Топонимы, упоминаемые в ввозных грамотах и писцовой книге, практически совпадают. Поэтому можно предположить, что и другие поместья потомков Данилы Шипунова, расположенные в Ухтомской волости, также первоначально могли принадлежать ему (примерно с 1580–1590-х гг.). Кроме Юрьевского и Катрино это с. Юркино с несколькими деревнями и пустошами.

Карта 3 (с. 340)

Прямых свидетельств существования на территории Ухтомы в 1570–1580-х гг. других поместий в источниках не обнаруживается. Тем не менее, судя по родственным связям помещиков начала XVII в., можно предположить, что по крайне мере часть вотчин на территории Ухтомы могла попасть в поместную раздачу одновременно с Юрьевским и Катрино. Во всяком случае, поместья братьев Михаила и Захария Ухтомских в начале XVII в. располагались рядом друг с другом и, скорее всего, первоначально составляли одно поместье их отца Федора Петровича Ухтомского, жившего во второй половине XVI в. Соседними оказываются и поместья Ч.С. и С.Р. Плохово, причем отец последнего точно владел поместьем в Ухтомской волости уже в самом начале XVII века.

Более половины территории волости в XVII в. занимали монастырские вотчины. В силу сравнительно хорошей сохранности монастырских архивов XVI в. можно не только достоверно выяснить происхождение того или иного монастырского вотчинного комплекса, но уверенно определить его границы. Оказывается, что из 11 монастырских вотчин XVII в. только пять ранее принадлежали князьям Ухтомским и по актам XVI в. находились «в Пошехонье на Ухтоме». Это села Семеновское, Карповское, Погорелое, Мошенкино, Новинки. Еще три вла-

[22] Владельческая ситуация в этом районе Ухтомы в 1559 г. зафиксирована в разъезжей на сц. Никитино (ГКЭ. № 9820).

дельческих центра XVI века, упоминаемые в актах, к началу XVII в. потеряли административное значение и стали деревнями (Борисоглебское, Никитино, Ескино). Остальные села первоначально принадлежали другим ветвям белозерских князей и относились к соседним микрорегионам: Шелешпалу (сс. Никольское-Кукобой, Инжевар, Крутое), Согорзе (с. Тутаново), Дябрино (с. Зиновьевское), и Углеце Константиновой (с. Каргач). Сопоставив эти данные и учтя результаты исследования родового землевладения князей Шелешпальских[23] можно предварительно обозначить границы Ухтомы XVI в. В общей сложности на долю монастырских владений в собственно Ухтоме по писцовой книге приходилось всего 141 селение[24].

Определив это, видим, что в Ухтомскую волость из соседних волостей были приписаны все вотчинные комплексы Кирилло-Белозерского, Корнилиево-Комельского и Павло-Обнорского монастырей и несколько поместий. Причины такого административного новшества пока не ясны, но для монастырских вотчин, возможно, это было связано с оптимизацией их администрирования.

Соотнесение локализованных топонимов, упомянутых в писцовой книге, с топонимами, упоминаемыми в актах XVI в,. позволяет составить карту, на которой можно выделить территорию волости, обеспеченную актами XVI в., а также обозначить участки границы Ухтомы с соседними микрорегионами, описанные в актах. Всего таких участков получается пять:

1. Граница с вотчинами старшей ветви князей Шелешпальских проведена в 1508/1509 г. в разъезжей С.В. Ухтомского и В.И. Головина-Шелешпальского[25].

2. Граница с вотчинами Шелешпальских и Согорских по реке Копше определена в разъезжей на сц. Никитино (1559 г.)[26].

3. Граница с владениями старшей ветви князей Согорских на рубеже XV–XVI вв. зафиксирована в разъезжей кн. И.И. Вол-

[23] Грязнов 2014а.

[24] Карта монастырских вотчин на Ухтоме с датами включения каждой в состав монастырских владений опубликована ранее: Грязнов 2012: 46.

[25] Акты 1838: 164–165. № 146. Реконструкцию этого участка границы Шелешпала и Ухтомы см.: Грязнов 2014а.

[26] ГКЭ. № 9820.

ка Ухтомского и кн. И.В. Согорского[27], в обводной кн. Д.Д. Ухтомского на с. Карповское (1557 г.)[28] и межевой кнг. Ульяны Согорской с вотчиной Кирилло-Белозерского монастыря (1566 г.)[29].

4. Граница с Патробальской волостью проведена в отводной кн. Г.И. Ухтомского на сц. Ескино (1559 г.)[30] и разъезжей на этот же участок 1563/1564 года[31].

5. Граница с Водожской волостью описана в данной кн. Ф.И. Пенкина-Ухтомского в Корнилиево-Комельский монастырь на пуст. Кузьмищево[32].

Карта 4 (с. 341)

Сопоставление описания Ухтомской волости в писцовой книге, сведений актов XVI в. об отдельных участках границы Ухтомы и территории известных вотчинных комплексов в ее пределах позволяет вполне надежно определить территорию Ухтомы XVI в. и ее границы. В общей сложности в актах непосредственно описано около 40% границы Ухтомы. Оставшуюся часть можно восстановить на основании имеющихся сведений о составе и территории вотчинных комплексов XVI в. (сс. Семеновское, Новинки, Юрьевское и Погорелое). Южная граница Ухтомы в актах XVI в. не описана, но известно, что в этом районе располагался комплекс с. Михайловского, принадлежавший братьям Игнатию и Федору Заболоцким[33]. В XVII в. его земли делились между несколькими поместьями и довольно четко отделяются от соседних владений. Еще более надежно границу в этом районе маркирует болото, располагавшееся между зем-

[27] Стрельников 2012: 146–147. № 21.

[28] ГКЭ. № 9686.

[29] ГКЭ. № 9700. Подробнее см.: Грязнов 2012: 48–54 (на с. 51 и 53 представлены карты, составленные на основании разъезжей, обводной и межевой грамот).

[30] ОР РНБ. СПБ ДА. AI/17 Л. 147-148.

[31] Акты 1860: 217–219. № 77. Подробнее см.: Грязнов 2012: 54–59 (на с. 59 карта с реконструкцией границы с. Ескина).

[32] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 6. Д. 83. Л. 4.

[33] ОР РНБ. СПБ ДА. AI/17 Л. 147 об.; Акты 1860: 219. № 77. Скорее всего, братья Заболоцкие, как и многие их родственники, погибли в Опричнину или Смуту. Во всяком случае, эта ветвь Заболоцких пресеклась (см.: Родословная книга 1787: 47–48).

лями Ухтомы, Патробальской и Согорской волостей. Западная граница Ухтомы, скорее всего, шла по реке Согоже от впадения в нее Патры, поскольку на противоположном берегу находились земли Водожской волости[34].

По сохранившимся актам восстанавливается состав и границы большей части вотчинных комплексов Ухтомских середины XVI в. (Васильевское, Юрьевское, Борисоглебское, Семеновское, Катрино, Карповское, Ескино, Новинки). Тем не менее, если по известным источникам ясно происхождение монастырских вотчин и владельческая история большинства вотчинных комплексов князей Ухтомских до 1560-х гг., то источники совершенно умалчивают о том, каким образом на территории Ухтомы появились поместья, а князья Ухтомские потеряли большую часть вотчин, остававшихся до этого времени в их руках, и стали помещиками на территории своего родового гнезда. Определенный свет на эту проблему проливают рассмотренные выше ввозные грамоты Д. Шипунова на земли в Ухтомской волости. В них указано, что поместья, полученные Д. Шипуновым в 1577 и 1578 гг. еще раньше, по писцовой книге 1572 г., принадлежали другим помещикам. Кроме того, мы знаем, что в середине XVI в. эти села были вотчинами представителей старшей ветви Ухтомских (Катрино — Василия Семеновича Ухтомского, а Юрьевское — семьи Никиты Пенкина-Ухтомского)[35]. Именно по ввозным грамотам Д. Шипунову достоверно определяется и состав этих вотчин, и их точные границы. Кроме того, становится известно примерное время, когда родовые вотчины Ухтомских стали поместьями — между 1560 и 1572 гг. Еще в 1559 г. Катрино и соседние земли принадлежали Ухтомским, а по писцовой книге Ивана Курова 1573/74 г. — это уже поместья переселенных в Пошехонье белозерских детей боярских. Вполне оправданно будет предположить, что обнаруженные изменения во владельческом статусе некоторых вотчин связаны с опричниной, но стоит учитывать, что если княжеские вотчины на Ухтоме и подвергались конфискации, то, видимо, не все. Во всяком случае, имеется несколько примеров, демонстрирующих преемственность владельческой структуры на территории Ухтомы

[34] Грязнов 2009.

[35] ГКЭ. № 9820; ОР РНБ. СПБ ДА. AI/17 Л. 159–162; Грязнов 2014б: 30.

в 1570-е гг. с более ранним временем. Например, в 1570 г. братья Угримовы-Ухтомские (дети владевшего селом в 1559 г. Ивана Угримова) распоряжались частью земель с. Новинки, а в 1574/75 г. новинковской вотчиной, называя своей куплей, владел уже кн. М.И. Вяземский[36]. В 1570 г. внуки Д.Д. Ухтомского продали кн. Д.А. Кемскому часть земель с. Борисоглебского, а он через год передал эти земли в Кирилло-Белозерский монастырь[37]. К 1575/76 г. относится данная в Кириллов монастырь И.Ю. Ухтомского на луг на берегу Ухтомы, находившийся южнее с. Васильевского[38]. В начале XVI в. землями в этом районе владел его дед Семен Васильевич[39].

Сопоставление родословной Ухтомских и результатов картографирования вотчинных комплексов, описанных в актах XVI в., позволяет с большой долей уверенности реконструировать распределение земель Ухтомы в первых поколениях князей Ухтомских и дробление их родовых вотчин в последующем. Подробно методика такой реконструкции показана на примере средней ветви Ухтомских[40], но она продуктивна при исследовании старшей и младшей ветвей. В общей сложности, в соответствии с родословной, во втором поколении Ухтомских (вторая половина XV в.) появляются три вотчины, а в следующем (конец XV – начало XVI в.) их насчитывается уже 10 (4, 4 и 2 вотчины у старшей, средней и младшей ветвей соответственно). К середине XVI в. у Ухтомских уже было 15–20 вотчин разного размера[41].

Карта 5 (с. 342)

В силу хорошей сохранности монастырских архивов имеется возможность соотнесения топонимов XVI в. с топонимической номенклатурой писцовой книги Пошехонского уезда. Картографирование поселений, упомянутых в актах XVI в. и писцовой книге, позволяет вполне уверенно судить о количестве по-

[36] ОР РНБ. СПБ ДА. AI/17. Л. 342 об.–343, РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1594 об.–1595.

[37] ОР РНБ. СПБ ДА. AI/17. Л. 144–146.

[38] ГКЭ. № 9702.

[39] Акты 1838: 164–165. № 146.

[40] Грязнов 2012: 41–63; Грязнов 2013: 281–283.

[41] Грязнов 2015а: 176.

селений на большей части территории Ухтомы в середине XVI в. и о степени ее запустения в начале XVII в. По картам XVIII–XX вв. на территории Ухтомы обнаруживаем 134 селения (в том числе пустошей времени Генерального межевания). Сопоставление актов XVI–XVII вв. (в основном межевых и купчих грамот) помогает локализовать еще 106 поселений XVI в., запустевших к началу XVII в. Указания актов XVI в. о статусе поселения в это время (село/сельцо/деревня/починок/пустошь) помогают в первом приближении реконструировать динамику заселения Ухтомы, обозначив на карте починки. В том случае, если поселение не упоминается в актах, вполне возможно использовать указание писцовой книги о статусе деревни или пустоши в более раннее время (когда она еще была жилым поселением).

Карта 6 (с. 343)

Если осуществленная реконструкция границ Ухтомы верна, то ее общая площадь составляла около 380 км^2, а плотность поселений в середине XVI в. была примерно 0,65 на 1 км^2, сократившись к 1630-м гг. в два раза (Табл. 4).

Включение в состав Ухтомской волости XVII в. монастырских вотчин и нескольких поместий, ранее относившихся к другим уделам белозерских князей, свидетельствует, что волостная структура XVII в. в значительной степени отличается от административных границ XVI века.

Родовые княжеские вотчины у Ухтомских к началу XVII в. сохранились фрагментарно. Точнее, их было всего две, тогда как самих Ухтомских в это время насчитывалось около двух десятков человек. Часть бывших родовых вотчин Ухтомских находилась у них же в поместье, причем некоторые эти поместья образовались из вотчин, которые вышли из рода еще в первой половине XVI в., еще одна вотчина была дана за московское осадное сиденье.

Указания писцовой книги на предыдущих владельцев поместий позволяют реконструировать владельческие комплексы конца XVI в., а сохранившиеся ввозные грамоты и акты подтверждают правильность этих реконструкций. Таким образом, выясняется, что поместья 1570-х гг. восходят к родовым княжеским вотчинам более раннего времени. Соответственно, появляются все основания предполагать, что и в других волостях

Таблица 4

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ УХТОМЫ XVI В., УПОМЯНУТЫХ В ПИСЦОВОЙ КНИГЕ ПОШЕХОНСКОГО УЕЗДА 1626–30 ГОДОВ

	Поселений			Жилых			Пустошей		
	всего	локализовано		всего	локализовано		всего	локализовано	
		шт.	%		шт.	%		шт.	%
В поместьях	80	71	88,8	32	29	90,6	48	42	87,5
В вотчинах	19	19	100	9	9	100	10	10	100
Всего в светских владениях	99	90	90,9	41	38	92,7	58	52	89,7
В монастырских вотчинах	141	126	89,4	77	74	96,1	64	52	81,3
Всего:	240	216	90,0	118	112	94,9	122	104	85,3

владельческие комплексы первой трети XVII в. и их пространственное распределение могут восходить к более раннему времени — 70–80-м гг. XVI века. Выявленный состав землевладельцев Ухтомской волости в XVII в. довольно устойчив, поместья, как правило, передаются детям.

СПИСОК КАРТ

Карта 1. Белозерье в XV веке. Основные волости.

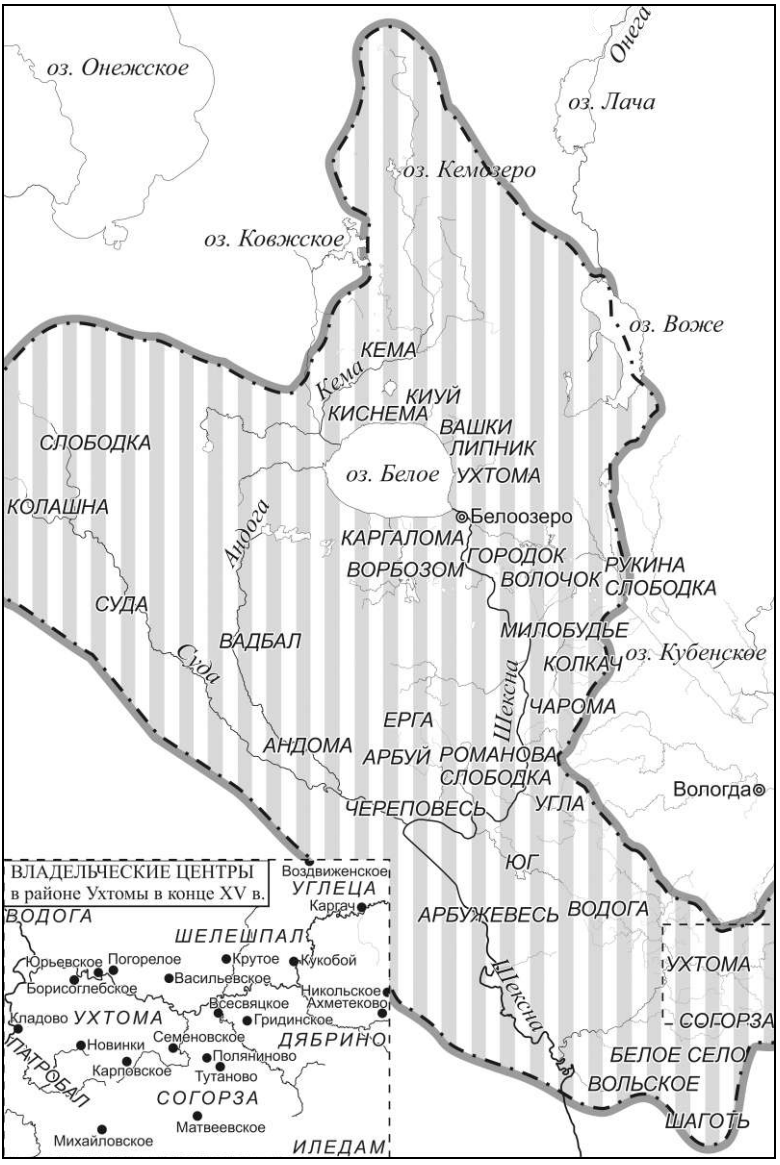
Карта 2. Ч. 1–2. Ухтомская волость по писцовой книге Пошехонского уезда 1626–1630 годов.

Карта 3. Владения Шипуновых в Ухтомской волости в XVI–XVII веках.

Карта 4. Границы Ухтомы по актам XVI в. и обеспеченность территории Ухтомы актами XVI века.

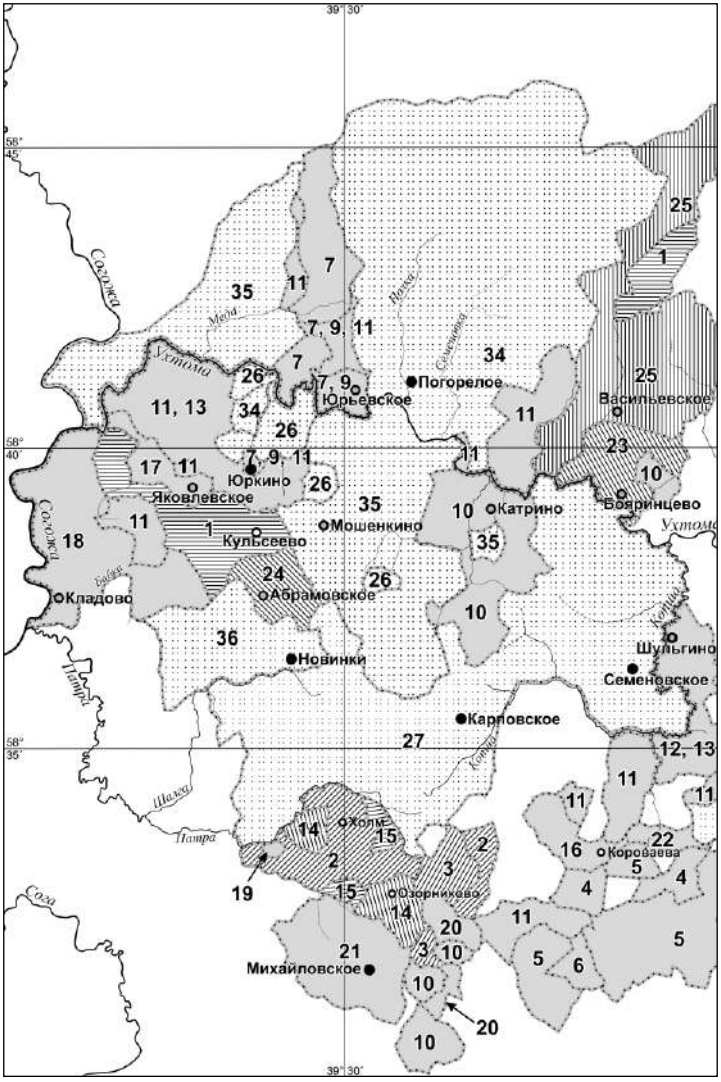
Карта 5. Вотчины Ухтомских во второй половине XV – первой половине XVI века.

Карта 6. Динамика расселения на территории Ухтомы в XVI веке.



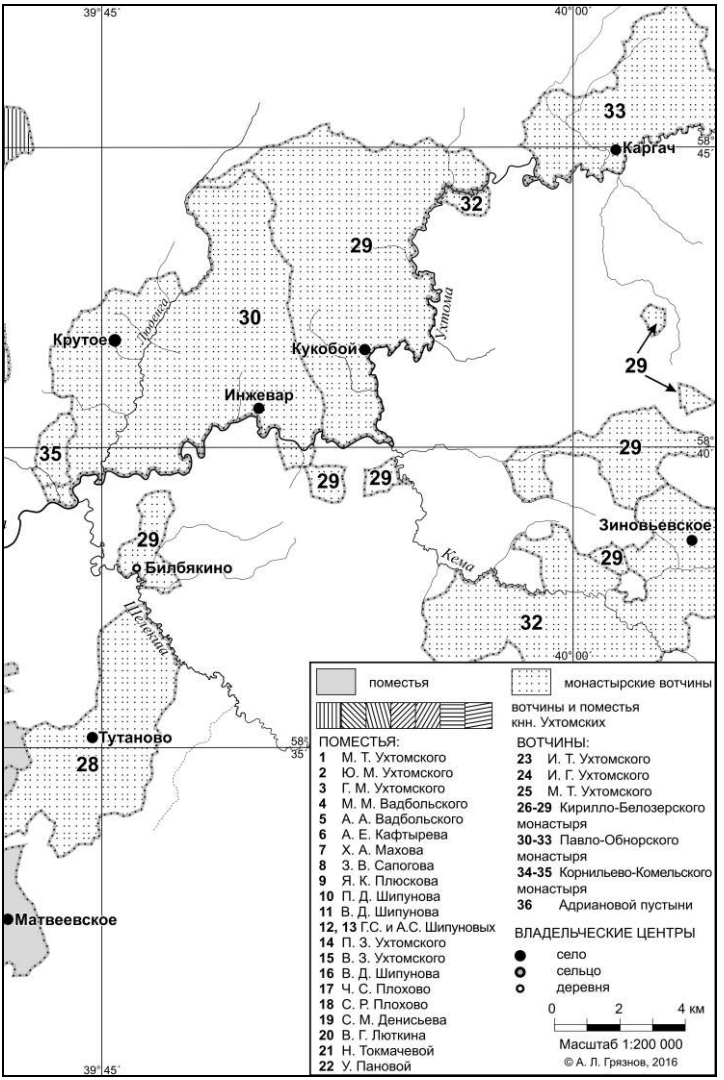
Карта 1.

Белозерье в XV веке. Основные волости.



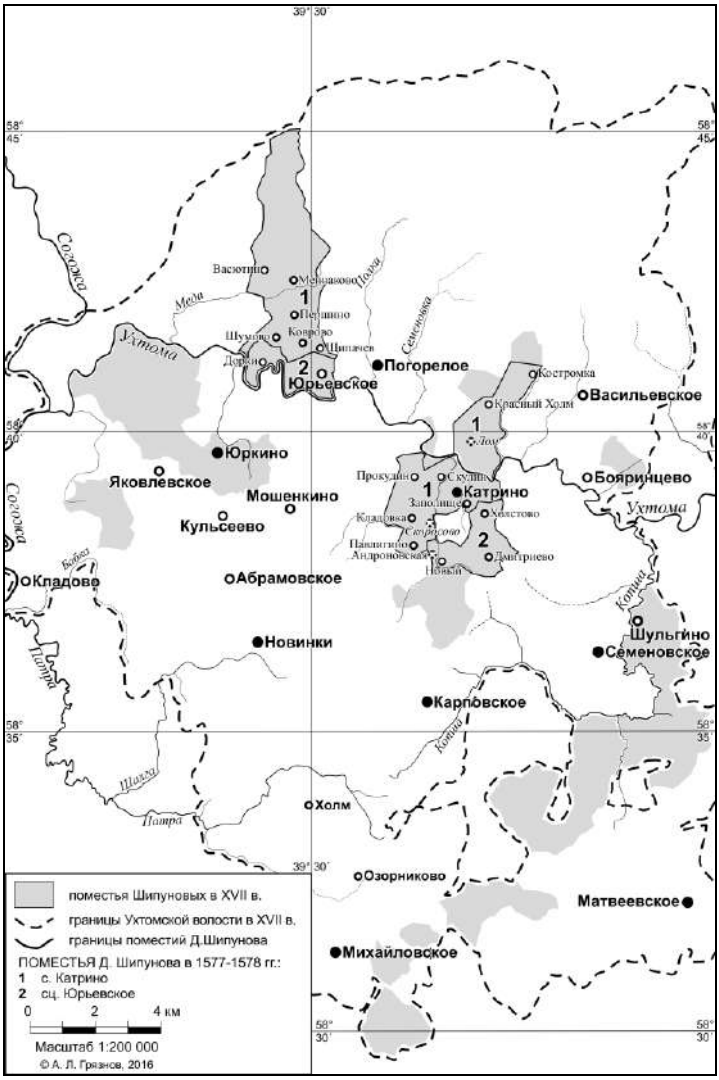
Карта 2. Часть 1.

Ухтомская волость
по писцовой книге Пошехонского уезда 1626–30 годов.



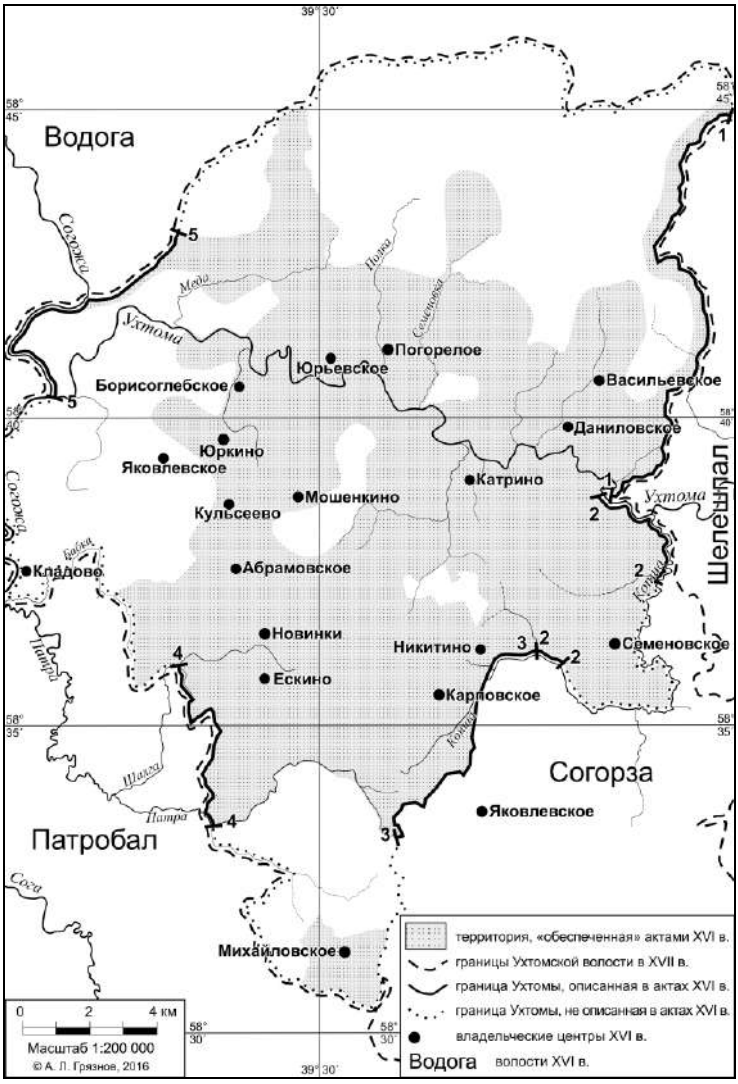
Карта 2. Часть 2.

Ухтомская волость
по писцовой книге Пошехонского уезда 1626–1630 годов.



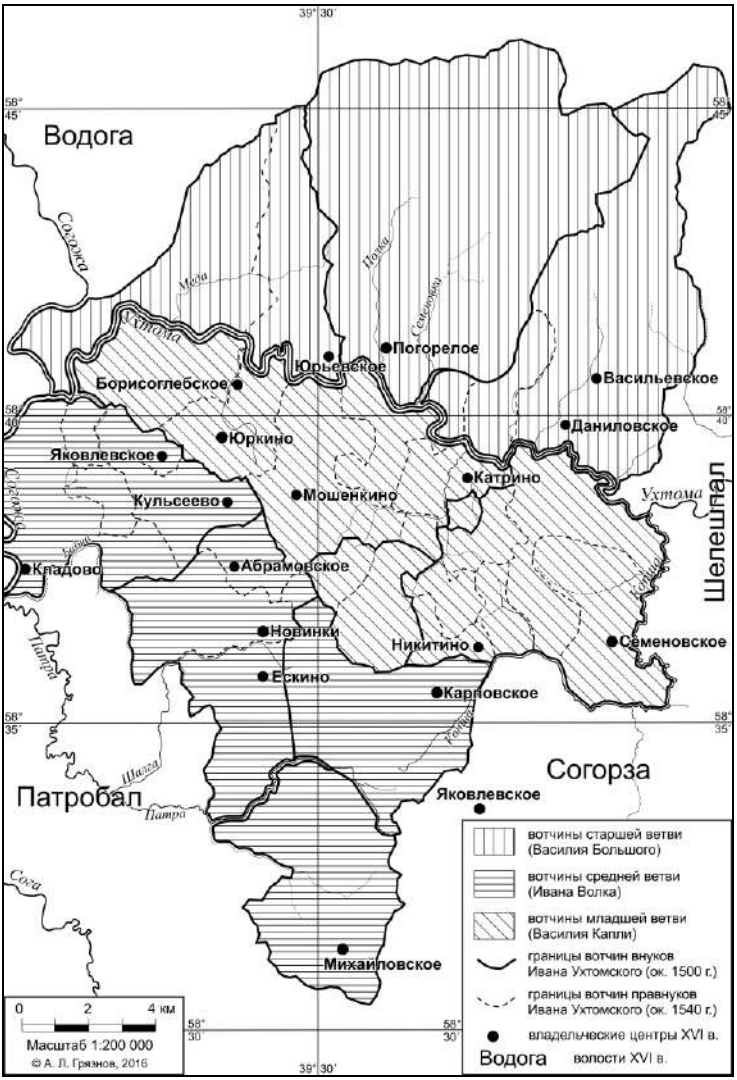
Карта 3.

Карта владений Шипуновых в XVI–XVII веках.



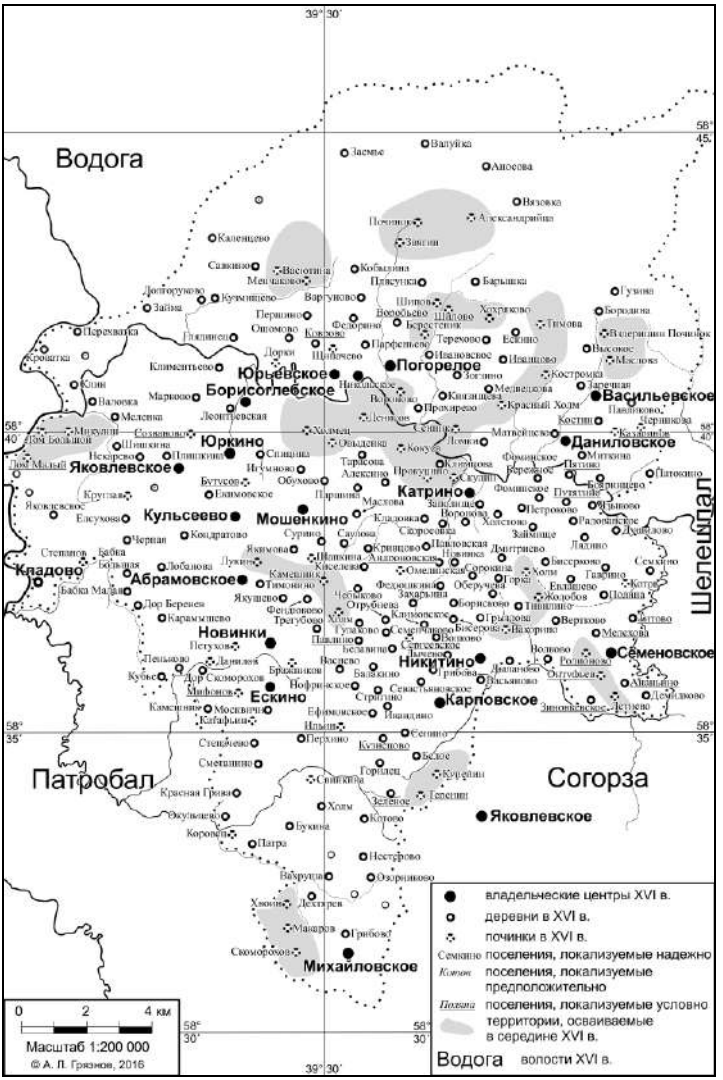
Карта 4.

Границы Ухтомы по актам XVI в.
и обеспеченность территории Ухтомы актами XVI века.



Карта 5.

Вотчины Ухтомских
во второй половине XV – первой половине XVI века.



Карта 6.

Динамика расселения на территории Ухтомы в XVI веке.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты 1838 — Акты юридические. СПб., 1838.

Акты 1860 — Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Т. 1. Киев, 1860.

Акты 1997 — Акты служилых землевладельцев. М., 1997. Т. I.

Алексеев 1960 — *Алексеев Ю.Г.* Волость в Переяславском уезде XV в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960 (Труды Ленинградского отделения Института истории. Вып. 2).

Алексеев 1966 — *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966.

Барсов 1865 — *Барсов Н.* Материалы для историко-географического словаря России. Вильно, 1865.

Веселовский, Перцов 1993 — *Веселовский С.Б. Перцов В.Н.* Исторические карты Подмосковья. М., 1993.

Витов, Власова 1974 — *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974.

Гамаюнов 2009 — *Гамаюнов А.И.* О становлении границ между уездами верхнего Подонья в период первого валового описания рубежа 20–30-х годов XVII века // Проблемы социально-политической истории России. М., 2009. С. 76–82.

Гневашев 2007 — *Гневашев Д.Е.* «Сыскные списки» вологодских дворян и детей боярских. 1606–1613 гг. // Исторический архив. 2007. № 5.

Грязнов 2009 — *Грязнов А.Л.* Карта «Вологодский уезд в XVII в.» 1:1000000 // Мой родной Вологодский район. Вологда, 2009. Цветная вклейка между с. 96–97.

Грязнов 2012 — *Грязнов А.Л.* Родовое землевладение князей Ухтомских. Вотчинные комплексы сел Карповское и Ескино // Вестник РГГУ. 2012. Сер. «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». № 21 (101). С. 41–63.

Грязнов 2013 — *Грязнов А.Л.* Землевладение средней ветви князей Ухтомских в XV–XVI вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXV Международной науч. конф. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. II. С. 281–283.

Грязнов 2014а — *Грязнов А.Л.* Родовое землевладение князей Шелешпальских в XV–XVI вв. // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 105–151.

Грязнов 2014б — *Грязнов А.Л.* Сотная на пошехонскую вотчину Корнильево-Комельского монастыря 1543/44 г. // История и культура Ростовской земли. 2013. Ростов, 2014. С. 25–32.

Грязнов 2015а — *Грязнов А.Л.* Принципы распределения родовых вотчин у князей Ухтомских в XV–XVI вв. // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Мат-лы XXVII Международной науч. конф. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 174–176.

Грязнов 2015б — *Грязнов А.Л.* Реконструкция вотчинных архивов князей Ухтомских // История и культура Ростовской земли. 2014. Ростов, 2015. С. 21–44.

Дебольский 1901 — *Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901. Ч. 1.

Дебольский 1902 — *Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1902. Ч. 2.

Дедук 2013 — *Дедук А.В.* К исторической географии Корницкого стана Соловского (Крапивенского) уезда // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2013. Вып. 3. С. 288–294.

Каштанов 1996 — *Каштанов С.М.* Формирование Ростовского уезда в XV–XVI вв. Часть I. Рождественский стан // История и культура Ростовской земли 1995. Ростов, 1996. С. 8–15.

Каштанов 1997 — *Каштанов С.М.* Формирование Ростовского уезда в XV–XVI вв. Часть II. Станы Лутский и Сотемский // История и культура Ростовской земли 1996. Ростов, 1997. С. 3–22.

Кистерев 2007 — *Кистерев С.Н.* Таможенные правила в Белозерском крае в середине XVI − начале XVII в. // Государство и общество в России XV − начала XX века. Сборник статей памяти Н.Е. Носова. СПб., 2007. С. 195–205.

Копанев 1951 — *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI веков. М.; Л., 1951.

Любавский 1929 — *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности, Л., 1929.

Павлов 2004 — *Павлов А.П.* «Сыскной» список тверских дворян и детей боярских 1613 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 203–222.

Приходные книги 2010 — Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. М.; СПб., 2010.

Родословная книга — Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. II.

Селин 2003 — *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

Старинные волости 1909 — Старинные волости и станы в Костромской стороне. Мат-лы для историко-географического словаря Костромской губернии. Кострома, 1909.

Стрельников 2009 — *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб., 2009.

Стрельников 2012 — *Стрельников С.В.* Грамоты XV – начала XVI века из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю.Г. Алексеева. М., 2012. С. 111–147.

Фролов 2002 — *Фролов А.А.* Новгородский городок Деман и Демянский погост: проблема преемственности // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6. С. 86–96.

Фролов 2012 — *Фролов А.А.* Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2012. Т. 1. С. 110–154.

Фролов 2013 — *Фролов А.А.* Волости Буйцы и Лопастицы: опыт соотнесения топонимов обыскной книги 1562 г. со сведениями письма 1495–1496 гг. и проблема «домосковского» земельного кадастра // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. Вып. 16. С. 54–104.

Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). М.; СПб., 2008. Т. 1–3.

Чернов 1985 — *Чернов* С.З. Историческая география Взвадского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 104–112.

Чернов 1998 — *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998 (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 1).

Янин 1998 — *Янин В.Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

М.Д. Бухарин

ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ АРАВИИ

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ПЕРВАЯ АРАВИЯ

Аннотация: «Перипл Эритрейского моря» содержит единственное во всех античной литературе упоминание о «Бывшей Первой Аравии»: “τῆς πρώτης γενομένης Ἀραβίας”. Анализ рукописной традиции показывает, что это понятие в оригинале следует читать и интерпретировать как «так называемая Счастливая Аравия».

Ключевые слова: «Перипл Эритрейского моря», рукописи, палеография, историческая география, Восточная Африка, Южная Аравия.

«Перипл Эритрейского моря» (далее — ПЭМ), уникальный исторический источник, представляет собой описание навигационных маршрутов торговых путей (как морских, так и сухопутных), составленное в римском Египте в середине I в. н.э. на основе предшествующих сведений и современных его автору данных. Авторство (и даже количество авторов) «Перипла» остается неустановленным[1].

Этот источник содержит немало загадок историко-географического содержания. Связано это обстоятельство, в первую очередь с тем, что многие местности, расположенные в Восточной Африке, Южной Аравии и Индии (Илл. 1, с. 362) описываются лишь в одном этом тексте. К таким неясностям принадлежит, например, упоминание о владениях неких «огромных мужей» в Азании (Юго-Восточная Африка), которые подчиняются так называемой «бывшей Первой Аравии», упоминаемой в современных изданиях «Перипла» в форме “τῆς πρώτης γενομένης

[1] См. Бухарин 2007; 2014: 46–60.

Ἀραβίας" (16: 6. 9). Ни первое, ни второе определение — «первая» и «бывшая» — до сих пор не имеют сколько-нибудь правдоподобного толкования. Однако существование колониальной метрополии под названием Первая Аравии, контролировавшей бы Азанию — значительный регион в Восточной Африке — будоражит умы нескольких поколений историков древней географии, арабистов, африканистов.

Данное обозначение, что бы за ним ни скрывалось, неизвестно из других источников, и попытки дать его трактовку породили несколько историографических традиций. Несмотря на то, что изложение возможного решения вопроса может оказаться существенно короче его истории, обойти молчанием длительную дискуссию было бы неверно. Иногда суждение представляющееся неточным, может вывести на новый, более плодотворный путь.

Исторический контекст

Подчиненность тех или иных областей Восточной Африки на территории современных Эфиопии и Эритреи царству Саба в первой половине I тысячелетия до н.э. — хорошо известный феномен. Свидетельства присутствия Сабы на территории Аксумского царства исследовались в течение всего XX столетия — Немецкой Аксумской экспедицией под руководством Э. Литтманна в начале прошлого столетия, с 1952 г. — Эфиопским институтом археологии[2], в конце XX – начале XXI столетия — усилиями французских и итальянских археологов под руководством Кр. Робена[3], а также их коллег из Германского археологического института, продолжающих работу и в настоящий момент. Основное внимание специалистов все эти годы привлекает храм сабейского божества Альмака[4] в Йеха, расположенном на севере Эфиопии в 580 км от Аддис-Абебы и в 30 км к северо-востоку от г. Адва. Храм занимает стратегически доминирующее положение: его расположение объясняется именно возможностью контроля над гористой территорией, а не иными причинами[5]. Вероятно, сабейское

[2] См. о результатах в частности: Contenson 1962: 64–87.

[3] Robin, de Maigret 1998: 737–798.

[4] Об идентификации Альмака как главного божества храма в Йеха см. Robin, de Maigret 1998: 794–795.

[5] См. подробнее: Asfawossen 2009: 1–10.

присутствие в Северной Эфиопии следует относить уже к концу II тыс. до н.э., а его закат — к VIII – началу VII в. до н.э.[6]. Сама область сабейских владений в Эфиопии именовалась царством Да‘мат, а его владыки — мукаррибами («объединителями») Сабы и Да‘мат. При этом Саба как метрополия осуществляла определенную гегемонию в Да‘мат[7]. Н. Небес находит возможным прямо говорить о подлинной сабейской иммиграции в Восточную Африку и основании царства Да‘мат[8]. Утверждается и наличие этио-сабейского симбиоза[9].

В Восточной Африке имеются и иные следы сабейского влияния — особый интерес представляет недавно открытый храм сабейского божества Альмака в Адди Акавех и ряд других (всего в области Тиграй известно четыре храма Альмака) сабейских святилищ[10]. Они все, однако, относятся к первой трети I тыс. до н.э. Тем интереснее исторические свидетельства начала н.э., проливающие на них новый свет.

Чтение фрагмента

Как известно, «Перипл Эритрейского моря» в составе корпуса сочинений «Малых греческих географов» сохранился в двух рукописях — Гейдельбергской и Лондонской, которые, судя по всему, имеют независимое происхождение[11].

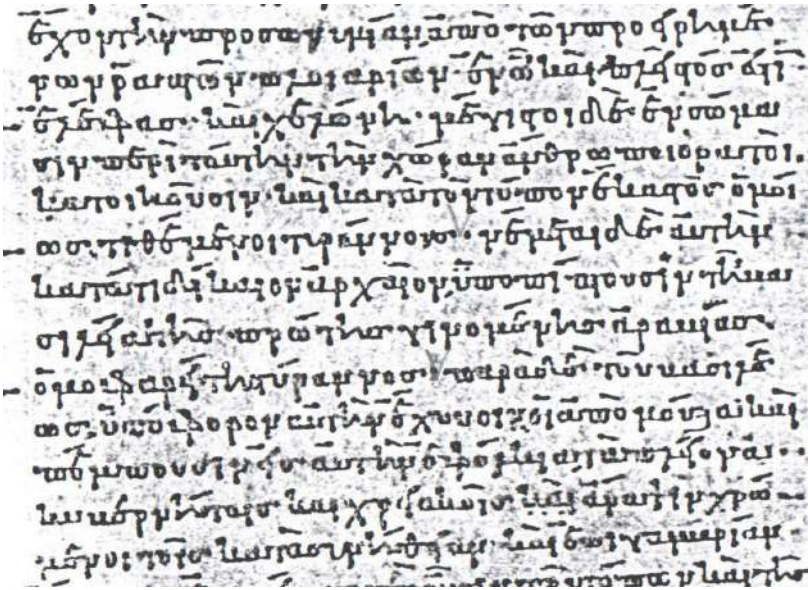
Гейдельбергская рукопись (Codex Palatinum Graecum 398. F. 43v/19–25; см. Илл. 1):

> Μέγιστοι δὲ ἐν σώμασιν περὶ ταύτην τὴν χώραν ἄνθρωποι ὁρατοὶ κατοικοῦσιν καὶ κατὰ τὸν τόπον ἕκαστος ὁμοίως τιθέμενοι τυράννοις. Νέμεται δὲ αὐτὴν, κατά τι δίκαιον ἀρχαῖον, ὑποπίπτουσιν τῇ βασιλείᾳ τῆς πρώτης γινομένης Ἀραβίας, ὁ Μοφαρείτης τύραννος.

В форме *ὑποπίπτουσιν* последняя *йота* поставлена вместо *альфы*, а в имени собственном *Μοφαρείτης* конечная *сигма* вставлена

[6] Robin, de Maigret 1998: 778, 783; Nebes 2010: 163.
[7] Robin, de Maigret 1998: 793.
[8] Nebes 2012: 246.
[9] Tsuge 1993: 71.
[10] См. Nebes 2010: 230.
[11] Бухарин 2015.

уже после того, как фраза была закончена. Менее очевидна ситуация с рукописной *йотой* в форме *γινομένης*.



Илл. 1.

Фрагмент Гейдельбергской рукописи «Перипла Эритрейского моря». Начало и конец предложения отмечены «галочками».

Лондонская рукопись (Add MS 19391. F. 10r. 18–19):

> Μέγιστοι δὲ ἐν σώμασι περὶ ταύτην τὴν χώραν ἄν<θρωπ>οι ὁρατοὶ κατοικ<ο>ῦσι καὶ κατὰ τὸν τόπον ἕκαστο<ς> ὁμοίως τιθέμενοι τυράννοις. Νέμεται δὲ αὐτὴν, κατά τι δίκαι<ον> ἀρχαῖον. Ὑπ<…> δὲ τῇ βασιλείᾳ τῆς πρώτης Ἀρραβί<α>ς γινομ<έν><ης>, ὁ Μοφαρείτις τύραννο<ς>.

Очевидно, что рукописный текст подвергся определенным искажениям. В его нынешней форме он не может быть внятно интерпретирован. Возможно, структуру рассматриваемых предложений следует изменить следующим образом:

> Μέγιστοι δὲ ἐν σώμασιν περὶ ταύτην τὴν χώραν ἄνθρωποι ὁρατοὶ κατοικοῦσιν καὶ κατὰ τὸν τόπον ἕκαστος ὁμοίως τιθέμενοι

τυράννοις, κατά τι δίκαιον ἀρχαῖον, ὑποπίπτουσιν τῇ βασιλείᾳ τῆς πρώτης γινομένης Ἀραβίας. Νέμεται δὲ αὐτὴν, ὁ Μοφαρείτης τύραννος.

Таким образом, этот фрагмент ПЭМ можно было бы интерпретировать следующим образом: «Огромные в теле видные мужи живут по той стране, и каждый на своем месте ведет себя подобно тиранам. Подчиняются же по какому-то древнему праву царству бывшей Первой Аравии. Правит же ей тиран Мофарит».

Таким образом, очевидно, что под «бывшей Первой» Аравией имеются в виду владения тирана Мофарита, то есть царя Ма‘афира — царства на крайнем юго-западе Аравии, упоминаемого и далее в ПЭМ (22: 7. 25; 31. 10. 19) как владыки Азании, региона, описываемого в §16, которым он владел вместе с царем Сабы Харибаилом.

История вопроса

Предлагавшиеся ранее толкования можно условно подразделить на две группы. Сторонники одной точки зрения рассматривали «первенство» Аравии как историко-хронологическое или политическое, сторонники другой — как «географическое».

Так, толкования Э. Штрёйбеля[12], В.Х. Шоффа[13], Р. Мони, который в анализируемом аспекте попросту перевел текст Шоффа на французский язык[14], Дж.У.Б. Хантингфорда[15] и Л. Кассона[16] предполагают, что подразумеваемое царство исторически «образовалось» первым или политически возобладало в Аравии. Данный подход подразумевал бы, что составитель «Перипла» не просто хорошо ориентировался в истории этого региона, а знал еще и «вторые» (образовавшиеся после первого) царства Аравии.

---

[12] “Doch besitzt der Mopharitische Tyrann nach einem uralten Rechte (als sein Eigenthum) das ganze Land; weil es sich der Herrschaft Arabiens, als dieses land noch im Entstehen war, unterworfen hatte” (Streubel 1861: 20).

[13] “…under some ancient right that subjects it to the sovereignty of the state that is become first in Arabia” (Schoff 1912: 28).

[14] “…le chef mapharitique gouverne le pays selon quelque droit ancien qui le place sous ls souzeraineté de l’État qui est devenue le premier en Arabie” (Mauny 1968: 29).

[15] “The Mopharitic chief rules it according to an ancient agreement by which it falls under the kingdom which has become first in Arabia” (Huntingford 1980: 30).

[16] “…since by some ancient right it is subject to the kingdom of Arabia as first constituted” (Casson 1989: 61).

А. Шпренгер и поддержавший его А. Дилльманн полагали, что «первенство» в данном случае — географическое понятие: раньше первым портом Аравии, который встречал торговцев и мореходов, была Счастливая Аравия (Аден), а затем, когда возросло значение Музы, лежащей ближе к пунктам отправления из Египта, Аден стал «второй Аравией», то есть в порт Счастливой Аравии заходили во вторую очередь[17]. Это толкование поддержал Х. Фриск[18], который (хотя и по другому поводу) отметил необычное значение наречия *πρῶτον* в «Перипле» — «ранее» (antérieurement)[19], что также могло бы свидетельствовать в пользу данной трактовки.

Дж. Кеннеди, рассматривая этот отрывок, ограничился весьма невнятным заявлением: «… на первый взгляд “Первая Аравия” имеет географический смысл… Слово *γενομένης* означает, что гомериты возобладали в Южной Аравии незадолго до того времени, когда был написан ПЭМ. Но это выражение — неясное»[20].

К выводу о «географичности» первенства Аравии в свое время пришел и Г.М. Бауэр. Он полагал, что «первой» Аравия является для тех, кто плывет не из Египта в Аденский залив, а наоборот. Основанием для этого послужили ссылки на Помпония Мелу, у которого описание строится именно таким образом[21]. Даже если принять «географическое толкование» *πρώτης γενομένης*, было бы странно, если бы в описании, построенном составителем «Перипла» с севера на юг и с запада на восток, вдруг оказалась вставка, основанная на маршруте в обратном направлении.

Однако вряд ли «первенство» в данном случае имеет географический смысл. Действительно, в ПЭМ говорится, что аравийская страна начинается деревнями ихтиофагов, затем идет побережье канраитов, которое торговцы стремятся избегать из-за угрозы грабежа, и только после этого начинается первое царство

[17] Sprenger 1875, 255; Dillmann 1880: 425.

[18] Frisk 1927: 109.

[19] Frisk 1927: 102.

[20] “At first sight we naturally incline to interpret the words the ‘First Arabia’ as a geographical expression … the word *γενομένης* implies that the Homerites had risen to the hegemony of Southern Arabia no very long time before the days of the Periplus. But the expression is obscure” (Kennedy 1916: 832).

[21] Бауэр 1981: 226.

Аравии — Харибаила и Холеба, которому и подчинена Азания (20: 7. 3 – 22: 7. 25). С другой стороны, трудно представить, что можно «стать» первым или оказаться «бывшим первым» в географическом смысле.

А.Ф.Л. Бистон — сторонник «политической» трактовки рассматриваемого фрагмента. Он выступил, однако, против принятого в историографии отождествления упоминаемого в данном отрывке царства как царства сабеев и гомеритов, то есть исторического царства Саба. По его мнению, под «первой» Аравией имеется в виду Катабан, доминировавший еще в III в. до н.э. в Юго-Западной Аравии, и которому должен был подчиняться и владыка Ма‘афира. Бистон полагал, что оборот «царству Аравии» (*τῇ βασιλείᾳ τῆς ... Ἀραβίας*) соответствует обозначение *Ἀραβία ἐμπόριον*, откуда следует, что «царством Аравии», по его мнению, яляется то, которое владело «рынком Аравии», то есть Аденом, а до Сабы и Химйара таким царством мог быть только Катабан[22]. Бистон не указал конкретной ссылки на цитируемый фрагмент, что вполне объяснимо: такого обозначения в тексте «Перипла» нет. Зато имеются «цари Аравии» (20: 7. 10), что само по себе подразумевает существование и «царства». Речь в данном фрагменте идет, скорее, о владыках центральной части Западной Аравии, которые вряд ли могли претендовать на контроль над восточно-африканским побережьем.

Авалит — «первый» порт

Далеко не все ресурсы «географического фактора» при рассмотрении происхождения названия «Первая Аравия» были использованы в предшествующих исследованиях. Так, «Перипл Эритрейского моря» (7: 3. 9, 15; 8. 3. 23) и другие источники (Ptol. Geogr. IV. 7. 10, 39) упоминают название порта и рынка *Αὐαλίτης*, от которого произошло название залива, а также народа *Αὐαλῖται* (Ptol. Geogr. IV. 7. 27, 30). Авалит, вероятно, следует отождествлять с районом современного порта Ассаб[23], лежащего там, где Баб-эль-мандебский пролив, как и указывает «Перипл» (7: 3. 9), наиболее узок, то есть древний Авалит должен был лежать рядом с землями царей Ма‘афира и Сабы.

[22] Beeston 1990: 128–129.

[23] Обзор дискуссии см.: Бухарин 2007: 81.

Греческий топоним, как кажется имеет достаточно ясную этимологию — он происходит от арабского *'awwalu* («первый»). И действительно, этот порт лежит первым при выходе из акватории современного Красного моря — Аравийского залива в терминологии составителя «Перипла» (7: 3. 8). Так он и пишет: "Πρῶτος μὲν ὁ λεγόμενος Αὐαλίτης" (7: 3. 13) — «первый же, именуемый Авалит».

Нельзя не отметить того, что оборот *τῆς πρώτης ... Ἀραβίας* в данном контексте имеет вполне очевидную параллель в тексте «Перипла» — "Ἀπὸ δὲ τῆς Εὐδαίμονος Ἀραβικῆς…" (27: 9. 1). Показательно, что ранее (26: 8. 26) составитель «Перипла» обозначает этот порт иначе — *Εὐδαίμων Ἀραβία*, а определение *Ἀραβική* в ПЭМ обозначает Аравию в целом (6: 3. 1 — рукописное чтение, исправленное издателями на *Ἀριακῆς*[24]; 7: 3. 14; 20: 7. 1, 11, 15; 25: 8. 14). Оба оборота можно рассматривать следующим образом: первое слово обозначает наименование порта, а второе — области (страны/царства), к которой он относится. Несмотря на то, что порт Авалит локализован на африканском побережье, распространение власти южноаравийских владык на «заморские территории», о чем говорит анализируемый отрывок «Перипла», делает возможным обозначение Авалита как «первого (порта) Аравии». В таком случае, оборот *τῆς πρώτης ... Ἀραβίας* мог бы гипотетически относиться к Авалиту.

О степени правдоподобия данного предположения судить затруднительно, так как ничего не известно об управлении Авалита, об отношениях Авалита с Ма'афиром и Сабой, которые, исходя из общих соображений, должны были быть очень тесными на протяжении многих веков, и о том, что из себя могло представлять «царство Авалита». Информаторы Клавдия Птолемея (IV. 7. 27) называют авалитов в одном ряду с адулитами — жителями Адулиса, однако распространять то немногое, что нам известно об управлении Адулисом в последующие несколько столетий (например, существование негуса Габаза — территории вокруг Адулиса, засвидетельствованное в аксумской надписи RIÉ 186/10), на Авалит I в. н.э. было бы неоправданно.

[24] См. Casson 1989: 54.

Язык составителя «Перипла»

В данной связи необходимо обратиться к характеристике языка составителя «Перипла», данной Х. Фриском: «Не имея литературных достоинств… Мы вынуждены предполагать априори, что язык “Перипла” демонстрирует многочисленные элементы сходства с самым расхожим койне… Однако, не стоит помещать “Перипл” среди образчиков наиболее вульгарной речи… нам удалось констатировать совпадение с самым изысканным языком»[25]. Целый ряд положений по прочтению тех или иных фрагментов «Перипла» был подвергнут критике английским филологом Дж. Джангранде; однако он пришел к еще более «радикальному» выводу: вместо того, чтобы вносить в рукописный текст исправления, нужно признать (для этого он приводит целый ряд наблюдений), что язык «Перипла» очень «авторский» и свойственный койне и поздней прозе[26]. Кроме того, среди характерных особенностей языка «Перипла» Фриск отметил использование *πρῶτον* в значении «ранее»[27]. Сложность понимания языка составителя «Перипла», представлявшего собой смесь литературного и «вульгарного» начал, отмечалась и Дж. Джангранде[28]. Вульгаризм языка составителя «Перипла» отмечал и такой авторитет в исследовании данного источника как Л. Кассон, охарактеризовавший его как “plain-spoken captain or merchant”[29]. Таким образом, мы вправе рассматривать тот или иной пассаж «Перипла», в том числе и те, в которых используются *πρῶτος* и его производные, с точки зрения разговорного, «народного» койне.

Определение *πρῶτος* в роли прилагательного, числительного и даже существительного имеет широкий спектр значений как в повествовательных источниках, так и в папирусных и эпиграфи-

[25] “N’ayant aucun mérite littéraire… Nous croyions devoir supposer a priori que la langue du Périple montrerait de nombreuses ressemblances avec la *κοινή* plus populaire… Cependant, il ne faut pas ranger le Périple parmi les spécimens de la langue la plus vulgaire... nous avons même pu constater des coincidences avec la langue plus littéraire” (Frisk 1927: 33, 102).

[26] Giangrande 1975: 293–295; 1976: 154–157.

[27] Frisk 1927: 102.

[28] Giangrande 1975: 293.

[29] Casson 1982: 204.

ческих[30]. Все эти значения, однако, группируются вокруг одного семантического поля: первенства в той или иной шкале измерений — в том числе и в сфере политического влияния[31], родовитости или накопленных богатств[32]. Оно используется не только для обозначения непосредственного фактического (физико-географического) расположения на первом месте, но и во многих более или менее метафорических, иносказательных оборотах. Некоторые из ссылок, кратко приведенных в лексиконе Лидделла и Скотта, могут служить иллюстрацией того, что оборот «Первая Аравия» также может рассматриваться в иных плоскостях, а не только как «расположенная первой» или «политически первенствующая».

Аравия Первая = первенствующая

Нельзя не признать, что выше представленные трактовки оборота *τῆς πρώτης γενομένης Ἀραβίας* являются «натянутыми» и малоубедительными уже потому, что усилия исследователей ориентированы на поиски «первого царства» или даже «первого порта» в Аравии, тогда как речь в источнике идет о «первой Аравии» (или «Аравии Первой»).

Так как в анализируемом отрывке «Перипла» говорится об Аравии, обычным обозначением которой в античной хоро- и географии являлось «счастливая», то обозначение «первая» может быть гипотетически рассмотрено как синоним «счастливой». Действительно, среди привычных характеристик данного региона присутствует и богатство, в особенности ценнейшими для античного миропонимания благовониями и специями, расположение на «краю света» (в этом контексте Счастливая Аравия вытеснила Индию), и обладание соответствующими характеристиками как «страны чудес», которые проявляются в самых разных сферах жизни. Так, например, самый высокий человек, известный в Риме,

[30] Liddell, Scott 1996: 1535.

[31] Напр.: “ἥ τε ἄλλη Ἑλλὰς ἅπασα μετέωρος ἦν ξυνιουσῶν τῶν πρώτων πόλεων” — «А вся остальная Эллада напряженно ожидала схватки двух самых могущественных полисов» (*Thuc*. Hist. II. 8. 1), перевод Г.А. Стратановского; цит. по: Фукидид 1993, 68; πρῶτοι … εἶναι (*Thuc*. Hist. VI. 28. 2).

[32] Напр.: “…ἄνδρες ὑμῶν οἱ πρῶτοι καὶ χρήμασι καὶ γένει…” — «…мужи ваши, первые по богатству и родовитости…» (*Thuc*. Hist. II. 65. 2).

происходил из Аравии[33]. Так как провинция Аравия, охватывавшая территорию Набатеи, появилась в составе Римского государства только в 106 г. н.э., можно предположить, что Аравия, упомянутая Плинием, относится к южной части Аравийского полуострова. Диковинки из Аравии были известны и в сфере флоры, фауны. Удивление жителей Средиземноморья, даже наиболее образованных, вызывали обычаи жителей Южной Аравии в политике и повседневной жизни. Особенно показательны в этом отношении рассказы о Счастливой Аравии Эратосфена (apud *Strabo*. XVI. 4. 3–4), Агафархида Книдского, в которых жители Южной Аравии оказываются владыками всяческого благополучия (*εὐδαιμονία*)[34]. Обращают на себя внимание также данные о к походе Элия Галла в Южную Аравию (*Strabo*. XVI. 4. 24–25) и описание сабеев — наиболее богатых жителей Аравии, обладателей плантаций благовонных деревьев, золота[35], меда и воска, данное Плинием Старшим (NH. VI. XXXII/161). Даже в «Перипле Эритрейского моря» нашли отражения данные такого рода, в частности в описании мест сбора

[33] “Procerissimum hominum aetas nostra Divo Claudio principe Gabbaram nomine ex Arabia advectum … vidit” [«Мы видели высочайшего из мужей по имени Габбара родом из Аравии при божественном Клавдии» (Plin. NH. VII. XVI/75)].

[34] Так, жители Южной Аравии, к которым Агафархид помимо сабейцев приписал и геррейцев, представлены как самые процветающие во всей ойкумене: “Οὐδὲν γὰρ εὐπορώτερον Σαβαίων καὶ Γερραίων εἶναι δοκεῖ γένος” (De mari. 104) Характерен, в частности, и следующий фрагмент, в котором сабейцы характеризуются как «величайший в Аравии» народ, «владыка всяческого благополучия»: “Ἑφεξῆς δὲ τὸ τῶν Σαβαίων ἐπισυνάπτει γένος, μέγιστον τῶν κατὰ τὴν Ἀραβίαν καὶ παντοίας κύριον εὐδαιμονίας. Καὶ γὰρ ἡ γῆ πάντα φέρει τὰ παρ’ ἡμῖν γινόμενα πρὸς βίον, καὶ τὰ σώματά ἐστι τῶν κατοικούντων ἀξιολογώτερα. Βοσκημάτων κεχορήγηνται πλήθεσιν ἀμυθήτοις…” — «Следуя по порядку, с ними соседствует народ сабейцев, величайший из (живущих) в Аравии и владыка всяческого благополучия. Ибо земля приносит всё, рождаемое у нас для жизни, и тела живущих (там) значительнее. Они владеют неисчислимыми множествами скота» (De mari. 99).

[35] Южная Аравия бедна золотом. В данном случае упоминание золота следует рассматривать как результат терминологической путаницы — древне-южноаравийские обозначения благородных металлов и благовоний (*ḏhb*, *ṯyb*) зачастую совпадали, что вызывало путаницу при попытке «перевести» на древнегреческий те или иные статьи южноаравийского импорта; подробнее см.: Бухарин 2009: 35–39, Бухарин 2010: 195–209.

и хранения ладана в порту Мосха Лимен на сахалитском побережье — совр. Дофаре (32: 11. 4–5).

Для более точного определения сути «благополучия» чрезвычайно показательно следующее высказывание Креза — героя Лукиана (Charon sive contemplantes. 10), в котором идея первенства выражена следующим образом: “Ἔστω· ἐχέτωσαν ἐκεῖνοι τὰ πρῶτα τῆς εὐδαιμονίας”[36] («Очень хорошо, пусть они первенствуют в благополучии»).

Соответственно, оборот «первая Аравия» мог являться обозначением «лучшей», «самой богатой», то есть «первенствующей в эвдаймонии» Аравии — такой, какой ее воспринимал античный мир под обозначением *Ἀραβία Εὐδαίμων*. Таким образом, если данная трактовка верна, оборот «Первая Аравия» является синонимом определению «Счастливая Аравия» и не заключает в себе иного географического или политического смысла.

Порт Счастливая Аравия или Эвдаймон Аравийский традиционно локализуется в районе современного Адена.

Наименование *ʻdn* в виде этнонима впервые встречается в древнеюжноараийской (ДЮА) эпиграфике в надписи MAFRAY-al-Miʻsāl 5/17 (*ḫyqn/ḏʻdnm*; 272–273 гг. н.э.). Современный аль-Миʻсаль расположен приблизительно в 150 км к юго-востоку от Саны и отождествляется с ДЮА топонимом WʻLN37, который, в свою очередь, фигурирует в античных источниках под именем *Pallon* (*Plin.* NH. VI XXXII/159). Вaʻлан являлся столицей области Радман и, как показывает анализ описания Западной и Юго-Западной Аравии в «Естествознании» Плиния Старшего, располагался на торговом маршруте — одной из ветвей «Пути благовоний», который вел из Восточного Средиземноморья в Южную Аравию[38].

Южная Аравия описывалась в древнегреческой хорографии как богатый и процветающий регион. Так, при описании Юго-Западной Аравии Агафархид Книдский отмечает, что Счастливая Аравия богата разного рода скотом: “βοσκήματα λευκὰ μέν ἐστι πάντα” (De mari Erythraeo. § 103). Приблизительно в этом же регионе может быть локализован ДЮА топоним ʻRWY, который, в свою очередь, мог быть отражен в латинском наименовании

[36] Цит. по: Lucian 1915: 416.
[37] Robin 1981: 319.
[38] См. подробнее: Бухарин 2009: 110, 113–119.

Caunaravi. К нему Плиний Старший (VI. XXXII/159) дает следующее пояснение: *quod significat ditissimos armento*, то есть «что означает "богатый стадами коров"». Вторая часть латинского топонима может быть при этом сопоставлена с ДЮА *ʾrwy*[39].

Для выяснения происхождения наименования Островов блаженных (применительно к Юго-Западной Аравии), Счастливой Аравии и Эвдаймона Аравийского важным представляется смысловое значение топонима ДЮА *ʿdn*. Данный топоним имеет то же значение, что и др.евр. *ʿēden*. Производные от этого корня встречаются в изобилии в древнееврейском, в древнеарамейском, в угаритском, а также в аккадском языках, а географические названия обозначают плодородный, орошаемый регион[40].

В данной связи напрашивается следующее предположение: познакомившись с Юго-Западной Аравией, древнегреческие географы интерпретировали местные топонимы так, как им диктовали собственные традиции. Расположение на «краю света», у выхода в мировой Океан, — во всяком случае, «на краю» знакомого мира, и значение местных наименований вызвало ассоциации с островами блаженных, ранее расположенных на крайнем западе ойкумены. Соответственно, Счастливая, Блаженная Аравия с точки зрения античной географии является *Interpretatio Graeca* местных географических обозначений.

«Бывшая» Аравия

Трудности в интерпретации оборота *τῆς ... γενομένης Ἀραβίας* привели к попыткам его исправления. Нужно напомнить, что чтение γενομένης само по себе является исправлением: в рукописи (л. 43v) совершенно отчетливо читается *γινομένης*, присутствующее в первых изданиях «Перипла» и комментариях к нему[41]. Рецензент

[39] "female mountain goat", "ibex" (Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans 1982: 7; vgl. Sima 2000: 25–26).

[40] Lemaire 1981: 325.

[41] Vincent 1809: 81 (царство *τῆς πρώτης γενομένης Ἀραβίας* в переводе обозначено как Sabêa); Schwanbeck 1850: 342; Müller 1855: 271 (в переводе Мюллер оказался непоследовательным: он попытался соединить рукописное чтение и исправление, предложенное ранее Б. Фабрициусом, трактуя при этом имя собственное как географическое — "Administrate am, antique quodam jure subjectam regno primae quae dicitur (*λεγομένης*) Arabiae, Mopharitidis regionis tyrannus"). Английский перевод латинского перевода Мюллера был

издания ПЭМ Х. Фриска согласился читать *γενομένης*, однако смыл фразы объявил «загадочным» (ratselhaft)[42]; так же «темным» (obscur) его характеризуют исследователи и полвека спустя[43].

«Загадочность» данного оборота вызывала к жизни попытки исправления рукописного текста и ранее. Б. Фабрициус предложил в первом издании «Перипла» читать *λεγομένης* вместо рукописного *γινομένης*[44], — то есть «так называемой первой Аравии». Это исправление остроумно и осмысленно, однако принятие такой правки без тщательного анализа «внутренних» ресурсов текста едва ли оправдано. В следующем издании «Перипла» сам Фабрициус отказался от такого чтения, первым предложив ныне утвердившийся вариант в виде аористного причастия *γενομένης*[45]. Дж. Джангранде и Э. Фрезул — едва ли не единственные, кто про-должает читать в данном фрагменте форму причастия настоящего времени *γινομένης*[46]. Дж. Джангранде вообще свойственно стремле-ние «освободить» текст «Перипла» от кажущихся ему ненужными издательских поправок. Именно с обозначения этой задачи начи-нается и другая его статья, посвященная текстологическом анализу «Перипла»[47].

Предложенная интерпретация понятия «Первая» Аравия еще более ставит под сомнение правильность исправления рукописной формы *γινομένης* в значении «бывший» на *γενομένης*. В I в. н.э. Счастливая Аравия продолжала считаться первенствующей по части «счастливости», и нет никаких причин полагать, что эта характеристика региона отошла в прошлое. Возможно, лучше понять смысл данного определения помогут аналогичные обороты из текста источника:

> Προχωρεῖ δὲ εἰς τοὺς τόπους τούτους ἱμάτια βαρβαρικὰ ἄγναφα τὰ ἐν Αἰγύπτῳ γινόμενα… (6: 2. 24);

дан Дж.У. МакКриндлом следующим образом: “The whole territory is governed by the despot of Mopharitis, because the sovereignty over it, by some right of old standing, is vested in the kingdom of what is called the First Arabia” (McCrindle 1879: 72).

[42] Roos 1932: 505.

[43] Frezouls 1984: 311.

[44] Fabricius 1849: 10.

[45] Fabricius 1883: 54.

[46] Giangrande 1975: 294; Frezouls 1984: 311.

[47] Giangrande 1976: 154.

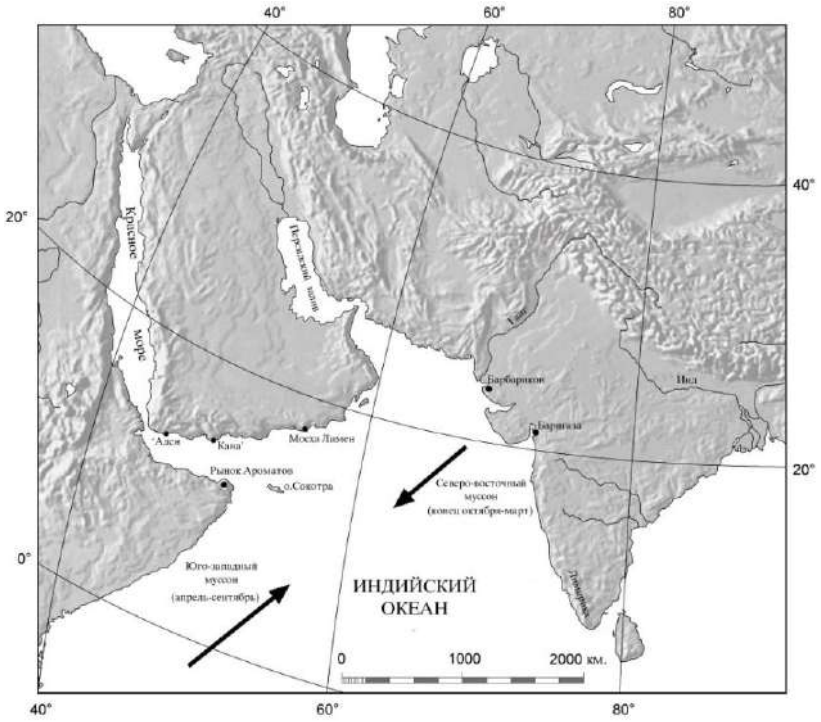
…καὶ δικρόσσια καὶ λιθίας ὑαλῆς πλείονα γένη καὶ ἄλλης μορρίνης, τῆς γινομένης ἐν Διοσπόλει (6: 2. 26);

Γινομένης γὰρ ὁρμῆς ἤδη περὶ τὴν πλήμην οὐδὲν παριεμένης οὐκ ἀντέχουσιν αἱ ἄγκυραι (46: 15. 22).

Нельзя не признать, что лишь в третьем из приведенных фрагментов значение данного причастия вполне однозначно: оно может быть интерпретировано как причастная форма от глагола «случаться», «происходить». Вероятно, в близком значении могут быть поняты соответствующие формы и в первых двух примерах: «случающиеся», то есть «встречающиеся», в Египте и «случающиеся», то есть «встречающиеся» в Диосполе. Однако и при такой интерпретации определение *γινομένης* в ороними *πρώτης γινομένης Ἀραβίας* выглядит лишним.

Неуместными выглядят обе формы: и *γινομένης*, и *γενομένης*. Вероятно, палеография — основной ресурс для понимания исходного смысла данного определения. Ранее[48] уже выдвигалось предположение о том, что в основе обеих рукописей «Перипла», имеющих независимое друг от друга происхождение, лежит унциальный текст. В связи с этим и следуя выше указанному предположению Б. Фабрициуса, соответствующее причастие должно было иметь в нем следующее написание: ΛΕΓΟΜΕΝΗΣ. Знаки *лямбда Λ* и *ню N* при переписывании могли быть легко перепутаны, и искажение формы ΛΕΓΟΜΕΝΗΣ в виде бессмысленного ΝΕΓΟΜΕΝΗΣ вполне возможно. Попытки придать ему смысл могли привести переписчика рукописи-протографа «Перипла» к ΓΙΝΟΜΕΝΕΗΣ/ΓΕΝΟΜΕΝΕΗΣ. Таким образом, появление данного определения — *γινομένης* или *γενομένης* — следует искать в области правописания и палеографии, а сам оборот *πρώτη γινομένη Ἀραβία* следует интерпретировать следующим образом: «(так) называемая первая (то есть Счастливая) Аравия».

[48] Бухарин 2015: 37–59.



Илл. 1.

Восточная Африка и Аравийский полуостров

БИБЛИОГРАФИЯ

Бауэр 1981 — *Бауэр Г.М.* О месте Южной Аравии в морской торговле второй половины I тысячелетия до н.э. // Мероэ. Проблемы истории и культурных связей. М., 1981. Вып. 2. С. 209–227.

Бухарин 2007 — *Бухарин М.Д.* Неизвестного автора “Перипл Эритрейского моря”. Текст, перевод, комментарий, исследования. СПб., 2007.

Бухарин 2009 — *Бухарин М.Д.* Южная Аравия, Средиземноморье и Восточная Африка: торговые и историко-культурные связи. М., 2009.

Бухарин 2010 — *Бухарин М.Д.* Южная Аравия и Восточное Средиземноморье в I тысячелетии до н.э. Диалог и взаимопонимание культур // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Вып. 7. С. 195–209.

Бухарин 2014 — *Бухарин М.Д.* «Перипл Эритрейского моря» и античная картография // ВДИ. 2014. № 1. С. 46–60.

Бухарин 2015 — *Бухарин М.Д.* Рукописная традиция «Малых греческих географов» (кодексы A и B) // ВДИ. 2015. № 1. С. 37–59.

Фукидид 1993 — *Фукидид.* История / Изд. подг. Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский. М., 1993.

Asfawossen 2009 — *Asfawossen A.* The Temple of Yeha: Geo-Inviromental Implications on Its Site Selection ad Preservation // Proceedings of the 16th International Conference of Ethipian Studies / Ed. S. Ege, H. Aspen, B. Terrefa, Sh. Bekele. Trondheim, 2009. P. 1–10.

Beeston 1990 — *Beeston A.F.L.* Rev.: Casson 1989 // Journal of the Royal Asiatic Society. 1990. No. 1. P. 127–131.

Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans 1982 — *Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary (English-French-Arabic). Louvain-la-Neuve; Beiruth, 1982 (Publication of the University of Sanaa. YAR).

Casson 1982 — *Casson L.* Periplus Maris Erythraei: Notes on the Texts // Journal of Hellenic Studies. 1982. Vol. 102. P. 204–206.

Casson 1989 — *Casson L.* The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton, 1989.

Contenson 1962 — *Contenson H. de* Les monuments d’art sud-arabe découverte sur le site de Haoulti (Ethiopie) en 1959 // Syria. 1962. Vol. 39. No. 1–2. P. 64–87.

Dillmann 1880 — *Dillmann A.* Zu der Frage über die Abfassungszeit des Periplus Maris Erythraei // Monatsberichte der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse. 1880. S. 413–429.

Fabricius 1849 — *Fabricius B.* Arriani Alexandrini Periplus Maris Erythraei. Dresdae, 1849.

Fabricius 1883 — *Fabricius B.* Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten. Lpz, 1883.

Frézouls 1984 — *Frézouls E.* Quelques enseignements de Périple de la Mer Érythrée // Ktema. 1984. Vol. 9. P. 305–325.

Frisk 1927 — *Frisk H.* Périple de la Mer Érythrée suivi d'une étude sur la tradition et langue. Göteborg, 1927 (Göteborgs Högskolas Årsskrift. Bd. 33).

Giangrande 1975 — *Giangrande G.* On the Text of the Periplus Maris Erythraei // Mnemosyne. 1975. Vol 28. No. 3. P. 293–295.

Giangrande 1976 — *Giangrande G.* Textual Problems in the Periplus Maris Erythraei // Journal of Hellenic Studies. 1976. Vol. 96. P. 154–157.

Kennedy 1916 — *Kennedy J.* Some Notes on the Periplus of the Erythraean Sea // Journal of the Royal Asiatic Society. 1916. Vol. 36. No. 4. P. 829–837.

Lemaire 1981 — *Lemaire A.* Le pays d'Eden et le Bit-Adini aux origines d'un mythe // Syria. 1981. Vol. 58. No. 3–4. P. 313–330.

Liddell, Scott 1996 — *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.

Lucian 1915 — *Lucian*. In Eight Volumes. Cambridge; London, 1915. Vol. II: The Downward Journey or The Tyrant. Zeus Catechized. Zeus Rants. The Dream or The Cock. Prometheus. Icaromenippus or The Sky-man. Timon or The Misanthrope. Charon or The Inspectors. Philosophies for Sale / Ed. A.M. Harmon (Loeb Classical Library. 54).

Mauny 1968 — *Mauny R.* Le périple de la mer Erythrée et le problème du commerce romain en Afrique au sud du Limes // Journal de la Société des Africanistes. 1968. Vol. 38. No. 1. P. 19–34.

McCrindle 1879 — *McCrindle J.W.* The Commerce and Navigation of the Erythraean Sea; Being a Translation of the Periplus Maris Erythraeai, by an Anonymous Writer and of Arrian's Account of the Voyage of Nearkhos from the Mouth of the Indus to the Head of the Persian Gulf. London; Bombay; Calcutta, 1879.

Müller 1855 — *Müller C.* ΑΝΩΝΥΜΟΥ [αρριανου, ως φερεται] ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ. Anonymi [Arriani, ut fertur] Periplus Maris Erythraei // Geographi Graeci Minores. E codocibus recognovit, prolegomenis, annotatione, indicibus instuxeit, tabulis aeri indicis illustravit Carolus Mullerus. Volumen Primum. Parisiis, 1855. P. 257–305.

Nebes 2010 — *Nebes N.* Die Inschriften aus dem ʾAlmaqah-Tempel in ʿAddi ʾAkawəḥ (Tigray) // Zeitschrift für Orientarchäologie. 2010. Bd. 3. S. 214–37.

Nebes 2012 — *Nebes N.* Südarabien // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie / Hrsg. M.P. Streck. Berlin, 2012. Bd. 13. Lief. 3/4. S. 243–248.

Robin 1981 — *Robin Chr.* Les inscriptions d'Al-Miʿsâl et la chronologie de l'Arabie méridionale au IIIe siècle de l'ère chrétienne // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1981. Vol. 125/2. P. 315–339.

Robin, Maigret 1998 — *Robin Chr., de Maigret A.* Le Grand Temple de Yéha (Tigray, Éthiopie), après la première campagne de fouilles de la Mission française (1998) // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1998. Vol. 142/3. P. 737–798.

Roos 1932 — *Roos A.G.* Rez.: Frisk 1927 // Gnomon. 1932. Vol. 8. P. 502–505.

Schoff 1912 — *Schoff W.H.* The Periplus of the Erythraean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean, by a Merchant of the First Century. New York, 1912 (repr. New Delhi, 1974, 1995).

Sima 2000 — *Sima A.* Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Eine lexikalische und realienkundliche Untersuchung. Wiesbaden, 2000 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. 46).

Sprenger 1875 — *Sprenger A.* Die alte Geographie Arabiens als Grundlage der Entwicklungsgeschichte des Semitismus. Bern, 1875.

Streubel 1861 — *Streubel E.* Des Pseudo-Arrians Umschiffung des Erythräischen Meeres — die ersten neun Kapitel vollständig, die übrigen in Ausgaben (Jahres-Bericht über die Stralauer höhere Bürger-Schule für das Schuljahr von Michaelis 1860 bis Michaelis 1861, womit einladet C. Hartung. Druck von Hickethier). Berlin, 1861.

Tsuge Yōichi 1993 — *Tsuge Yōichi.* On the South Arabian Inscriptions from Ethiopia // Bulletin of the Society for Near Eastern Studies in Japan. 1993. Vol. 36. No. 1. P. 71–88.

Vincent 1809 — *Vincent W.* The Voyage of Nearchus and the Periplus of the Erythraean Sea translated from the Greek. Oxford, 1809.

И.Г. Коновалова

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНЫХ ТОПОНИМОВ В АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИИ

СВЕДЕНИЯ ОБ ОЗЕРЕ *ṬИРМĀ* В СОЧИНЕНИЯХ АЛ-ИДРИСИ, ИБН САʿИДА И АБУ-Л-ФИДЫ*

Аннотация: В статье исследуются сведения арабских географов XII–XIV вв. ал-Идриси, Ибн Саʿида и Абу-л-Фиды об озере *Ṭирмā*, которое они локализуют на территории современной Восточной Европы. Рассмотрение этих известий в контексте античной географической традиции о Восточной Европе позволяет установить, что на формирование представлений арабских ученых о гидрографии региона большое влияние оказали исламские переработки географического сочинения Клавдия Птолемея (II в. н.э.), упоминавшего о городе Тирамба (*Τυράμβη*) на побережье Меотиды. Первоначально в арабской географии гидроним *Ṭирмā* служил наименованием Азовского моря и в этом качестве в X в. использовался параллельно с названием *Меотида* (араб. *Māйуṭис*). Впоследствии накопление новых знаний об Азовском море привело к тому, что оба гидронима стали обозначать разные объекты. Термин *Māйуṭис* продолжал применяться для наименования Азовского моря. Название же *Ṭирмā* в конечном счете сделалось обозначением воображаемого объекта — огромного озера в глубине континента.

Ключевые слова: ал-Идриси, Ибн Саʿид, Абу-л-Фида', гидронимия, Восточная Европа, античная география.

В средневековой арабской литературе сохранилось множество сообщений о физической и этнополитической географии Восточной Европы. Проникновение информации об этом регионе в исламский мир явилось прямым следствием разнообразных кон-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00262).

тактов, прежде всего, торговых, между Халифатом и его восточноевропейскими партнерами. Другим важнейшим источником сведений исламских ученых о Восточной Европе были данные античных географов, известные восточным авторам, прежде всего, по переводам на арабский язык сочинений Клавдия Птолемея. Осмысление этой информации и ее переработка с учетом новых сведений, передаваемых изустно, привели к формированию целого ряда географических образов, помещавшихся арабскими географами в пределах Восточной Европы. К числу таких образов относилось, в частности, представление об озере *Ṭирмā*, фигурирующее в целом ряде арабских сочинений X–XIV веков.

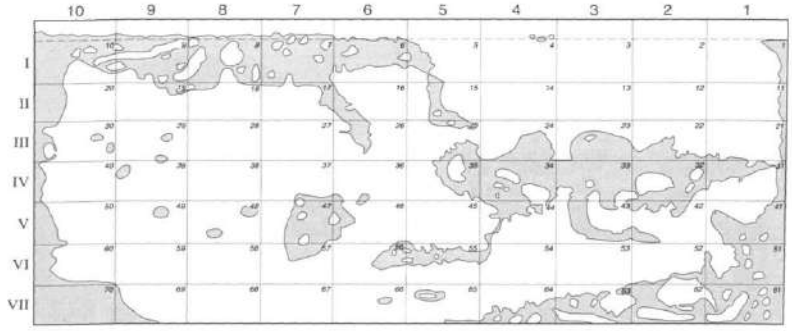
Наиболее полное описание озера, а также его картографическое изображение содержится в сочинении крупнейшего арабского географа ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Нузхат ал-муштāқ фī ẖтирāқ ал-афāқ*, 1154 г.)[1]. Сочинение ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной картой. Согласно традиции, идущей от античных географов, ал-Идриси разделил всю обитаемую землю на семь широтных зон-климатов[2]. Климаты у ал-Идриси превратились в зоны одинаковой широты, для выделения которых он, в отличие от античных ученых, не опирался на какие бы то ни было астрономические принципы[3]. Каждый климат ал-Идриси — и это явилось его нововведением, — в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*джуз'*), равных по длине и ширине. Описание стран и народов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов — по секциям, с запада на восток. Описанию каждой секции соответствует подробная карта. Таким образом, 70 секционных карт, будучи сложены вместе, образуют прямоугольную карту мира с изображением морей, озер, рек, гор, городов и политических образований (Илл. 1).

---

[1] Al-Idrīsī 1970–1984. Об ал-Идриси и его сочинении см.: Крачковский 1957: 281–299; Коновалова 2006: 7–74.

[2] Арабский термин *иқлīм* является передачей греч. *клίμα* («наклонение») и обозначает широтные зоны или географические области, на которые мусульманские географы разделяли земную поверхность.

[3] Honigmann 1929: 181.



Илл. 1.

Схема прямоугольной карты мира ал-Идриси (ориентация южная). Воспроизведено по: History of Cartography 1992: 162.

Описание озера *Ṭирмā* ал-Идриси поместил в рассказе о самых северных областях ойкумены — в седьмом климате:

> Воистину в этой пятой секции седьмого климата [дается описание] северной части земли ар-Рӯсиййа[4] и северной части земли ал-Ḳумāниййа[5]. Что касается страны ар-Рӯсиййа, то та ее часть, о которой говорится в этой секции, заключает в себе небольшую область, окруженную горами. И до нас не дошло ни одного достоверного названия [ее городов]. В этих горах берет начало множество рек, текущих в озеро Ṭирмā. Это очень большое озеро, а в середине его [находится] гора, на которой [обитают] знаменитые дикие козлы, а также животное, называемое ал-бабр[6]. И большая часть этого озера с восточной стороны простирается до страны ал-Ḳумāниййа. Напротив его

[4] Русь (о термине подробнее см.: Коновалова 2006: 134, 167–168, 211–212, 244–245).

[5] Кумания, Половецкая степь (Коновалова 2006: 168).

[6] Арабская передача древнерусского слова *бобръ* (*боборъ*, *бобрь*). Слово *ал-бабр* неоднократно встречается в сочинении ал-Идриси для обозначения животного, обитавшего на Руси и в Скандинавии, причем географ дважды указывает, что это озерное животное, а один раз — что речное (Al-Idrīsī 1970–1984: 952, 957, 958). Животному потому и дано такое описательное определение («животное, называемое ал-бабр»), что ал-Идриси, зная его местное название, по-видимому, не представлял себе, как это животное выглядит; в противном случае он, скорее всего, употребил бы арабское наименование бобра — *ḳундуз*.

тыльной части, посреди лугов и лесов, находятся истоки реки Данāбрис[7], которая называется там Балтас[8]. На ней из городов [стоят] Синӯбулӣ[9] и город Мӯнӣшқа[10]. Оба они — процветающие города, [относящиеся] к стране ал-Қумāниййа[11].

Об озере *Ṭирмā* ал-Идриси говорит также в шестой секции шестого климата, в связи с рассказом о Черном море и впадающей в него реке Днепр:

А все море, называемое Нӣṭас[12], доходит с южной стороны до страны Лāзиқа[13] и [простирается далее] пока не доходит до [города] Қусṭантӣна[14], и его длина — тысяча триста миль, а ширина — триста миль, самое широкое его место достигает четырехсот миль. С северной его стороны в него впадает река Данāбрис, она приходит от тыльной стороны озера Ṭирмā. Это большое озеро, его длина с запада на восток триста миль, а ширина сто миль. Мы расскажем о нем и изобразим его [на карте] таким, как оно есть, в [соответствующем] месте седьмого климата, с помощью силы Аллаха и его могущества[15].

---

[7] Арабская передача названия р. Днепр у ал-Идриси, восходящая к греч. *Δάναπρις* (Коновалова 2006: 135).

[8] Огласовка условная; возможна также огласовка *Балатас*. Другие варианты написания гидронима отличаются количеством точек при третьей букве и местом их постановки: *Б.л.н.с, Б.л.й.с*. О. Талльгрен-Туулио сопоставил этот термин со славянским словом «болото» в его неполногласном варианте «блато» либо с новогреческим βαλτος (Tallgren-Tuulio 1936: 164–165), Б.А. Рыбаков рассматривал его как «топонимический пережиток» гидронима «Борисфен» (Рыбаков 1952: 12). Скорее, можно предполагать связь с балтийской основой *bal/bel*, к которой восходят лит. и лат. *bala* (болото, мокрый топкий луг, мокрая низина), лат. *belute* — «лужа», лит. *baltas* — «белый» (Мурзаев 1984: 67–68.

[9] Смоленск (Коновалова 2006: 203–206).

[10] Арабская передача греческого наименования Смоленска *Μιλινίσκα* (Коновалова 2006: 269).

[11] Al-Idrīsī 1970–1984: 957 (пер.: Коновалова 2006: 127).

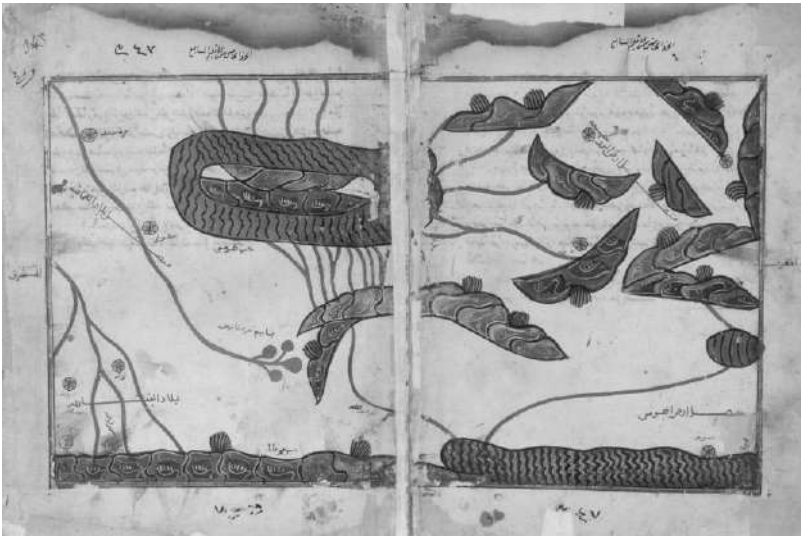
[12] Искаженная передача арабского наименования Черного моря *Бунṭус* (от греч. *Πόντος* — Понт), см.: Коновалова 2006: 129–130.

[13] Обозначение восточного побережья Черного моря у средневековых арабо-персидских авторов (Калинина 1988: 26, 46, 87).

[14] Один из вариантов арабской передачи наименования византийской столицы (Коновалова 2006: 135).

[15] Al-Idrīsī 1970–1984: 921 (пер.: Коновалова 2006: 122).

Изображение озера *Ṭирмā* на карте, где оно показано в глубине материка, близ истока Днепра, в пределах пятой секции седьмого климата (Илл. 2), в целом соответствует его текстовому описанию.



Илл. 2.

Изображение озера *Ṭирмā*
на карте пятой секции седьмого климата
(Bibliothèque Nationale, Arab. 2221/Suppl. ar. 892).
Ориентация южная.
Воспроизведено по: La Géographie d'Idrīsī, un atlas du monde au XIIe siècle: CD-ROM, Bibliothèque nationale de France, Montparnasse multimédia

Топонимия рассказа, посвященного озеру *Ṭирмā,* — «Русь», «Кумания», искаженные наименования города Смоленска, «Днепр» (ал-Идриси первым среди арабских географов использует данное название реки; авторы IX–XI вв. употребляли античный гидроним «Борисфен»), местное название верховья реки — недвусмысленно указывает на современные географу источники сведений об этом объекте. Это обстоятельство вкупе с указанием ал-Идриси на северное расположение озера решающим образом повлияло на высказанные предположения относительно его локали-

зации. По мнению К. Миллера, под озером *Ṭирмā* скрывается Ладожское оз.[16], а согласно Б.А. Рыбакову — Припятские болота[17]. Очевидным минусом обеих локализаций является то, что ни одна из них не позволяет объяснить наименование озера.

Между тем название озера восходит к античной топонимике Северного Причерноморья, что уже само по себе свидетельствует о сложном составе сообщения ал-Идриси, не сводимом к одной лишь современной географу информации. Арабское *Ṭирмā* представляет собой искаженную форму наименования города Тирамба (*Τυράμβη*), который в VI в. до н.э. – III в. н.э. предположительно находился к востоку от Фанагории, на южном побережье Азовского моря, около Кубанского гирла[18]. Этот город упоминается в «Географии» Страбона как одни из пунктов на побережье Меотиды в шестистах стадиях от Малого Ромбита близ устья реки Антикита (XI, 2, 4). Там же помещает его Клавдий Птолемей, который приводит и координаты Тирамбы — 69°40′ восточной долготы и 49°50′ северной широты (V, 9, 4).

В арабской географии топоним *Ṭирмā* впервые встречается в сочинении ученого первой половины IX в. ал-Хорезми, для которого географическое сочинение Птолемея было одним из основных источников[19]. Ал-Хорезми несколько раз говорит о городе *Ṭирмā* в разных частях своего сочинения, при этом его сведения отчасти расходятся с данными Птолемея — как координатными, так и некоторыми другими.

В разделе, посвященном населенным пунктам, которые лежат к северу от седьмого климата, ал-Хорезми приводит координаты города *Ṭирмā* и локализует его на побережье «водоема» (араб. *баṭīха*), неизвестного ему по имени, но по координатам отождествляемого с Меотидой: «*Ṭирмā на Баṭīхе*, 69°10′ восточной долготы и 52°50′ северной широты»[20].

Далее топоним *Ṭирмā* появляется при описании источников и рек седьмого климата. По словам ал-Хорезми, близ города *Ṭирмā* в *ал-Баṭīху* впадают две реки, берущее начало на горе *Ḳауḳа* (од-

[16] Miller 1927: 152.
[17] Рыбаков 1952: 12.
[18] Коровина 1963: 126.
[19] Крачковский 1957. С. 94–99; Калинина 1988: 11–18.
[20] Al-Ḫuwārizmī 1926: 37.

на из них безымянная, вторая — *Аḳсис*)[21]. Координаты безымянной реки соответствуют птолемеевской реке Вардан (V, 9, 5), под которой, по всей вероятности, скрывалась р. Кубань; координаты *Аḳсиса* — рекам Псатий (V, 9, 4) или Корак (V, 9, 10) у Птолемея[22].

В разделе, посвященном источникам и рекам, лежащим «за седьмым климатом», то есть в самых северных областях Земли, ал-Хорезми подробно характеризует реки, впадающие в водоем, на берегу которого стоит город *Ṭирмā*. Согласно ал-Хорезми, четыре реки, названия которых ему неизвестны, текут к *ал-Баṭīḫе* из безымянной горы; в водоем впадает еще одна безымянная река, а также река *Ṭānис*[23] и ее приток. Прочие впадающие в водоем реки были известны ал-Хорезми по названиям, которые — пусть и в искаженном виде — передают гидронимы, упоминаемые Птолемеем: *Марӯбис*, *Тӯфānис*, *Амбиṭис*, *Аṭиḳиṭīс* и *Анхārис*, берущие начало в горе *Ифīḳā*. Кроме того, две безымянные реки вытекали из *ал-Баṭīḫи* и впадали в Северное Внешнее море[24].

Ал-Хорезми приводит также описание *ал-Баṭīḫи*:

> Водоем (ал-Баṭīḫа) простирается от 58°45' долготы до 69°40' долготы. Он начинается в месте, куда стекают четыре реки, и его ширина равна ширине четырех рек…[25] по обеим сторонам до тех пор, пока не дойдет до одной из своих сторон, которая прилегает к морю около 68°30' долготы и 52°30' широты. Затем водоем поворачивает, подходит к городу[26], идет к пяти рекам, вытекающим из горы Ифīḳā и впадающим в него близ 69°0' долготы, пока не достигнет города Ṭānис, потом идет к месту, долгота которого равна 68°40', а широта — 57°40', затем — к месту, находящемуся на 62°0' долготы и 55°30' широты, затем — к месту, лежащему ниже русла четырех рек. Затем из

[21] Al-Ḫuwārizmī 1926: 141 (пер.: Калинина 1988: 49). Эти же сведения, но без указания координат, ал-Хорезми повторяет еще раз при описании *ал-Баṭīḫи* (см.: Al-Ḫuwārizmī 1926: 156; пер.: Калинина 1988: 53).

[22] Калинина 1988: 98–99.

[23] В рукописи — *Ṭāб.с*. По координатным данным река совпадает с птолемеевским Танаисом.

[24] Al-Ḫuwārizmī 1926: 154–157; пер.: Калинина 1988: 52–53 (см. там же коммент. на с. 103–105).

[25] В этом месте в рукописи пропуск.

[26] Наименование города пропущено; по координатам — это город *Ṭирмā* (см. перевод данного фрагмента Т.М. Калининой: Калинина 1988: 53).

> него выходят две реки и текут между двух морей до впадения в Северное море. А вот — изображение этого[27].

Некоторое представление о том, как могла выглядеть карта-оригинал водоема, дает сохранившийся в составе рукописи сочинения схематичный рисунок *ал-Баṭīха* и прилегающих к ней территорий, выполненный без координатной сетки[28].

И описание водоема, и его карта свидетельствуют о том, что ал-Хорезми не просто использовал данные Птолемея о Меотиде, но существенно переработал их. В его интерпретации *ал-Баṭīха* располагалась значительно севернее по сравнению с Меотидой Птолемея. О связи водоема с Черным морем сказано очень невнятно, зато говорится о его соединении посредством речных путей с Северным Внешним морем. Переработку ал-Хорезми птолемеевых сведений о Меотиде можно связать с поступавшей в исламские страны и, в частности, в Багдад, где работал ал-Хорезми, информацией о связях между Севером и Югом Восточной Европы, осуществлявшихся по речным путям. В северной локализации Меотиды у ал-Хорезми Т. Левицкий увидел намек на знание — пусть и весьма туманное — о днепровском отрезке летописного «пути из варяг в греки»[29]. О том, что современная ал-Хорезми информация о торговых путях Восточной Европы оказывала влияние на его представления о гидрографии региона говорит и переосмысление им античных данных о реке Борисфен[30].

Сочинение ал-Хорезми в первой половине X в. переработал Сухраб, составивший «Книгу чудес семи климатов» (*Китāб ʼаджāʼиб ал-аḳāлīм ас-сабʻа*, 902–945 гг.)[31]. Если ал-Хорезми обозначает именем *Ṭирмā* город на берегу водоема, то Сухраб употребляет этот топоним не только для обозначения города, но и как наименование самого водоема:

> Водоем Ṭирмā начинается в месте, долгота которого составляет от 58°45′ до 69°40′, а широта равна 52°30′. Он начинается

[27] Al-Ḫuwārizmī 1926: 156–157 (перевод мой).
[28] См.: History of Cartography 1992. Pl. 5.
[29] Lewicki 1949: 56.
[30] Подробнее см.: Коновалова 2015: 22–24.
[31] О сочинении Сухраба см.: Крачковский 1957: 97–99; Калинина 1988: 108–109.

при соприкосновении с морем[32], затем поворачивает и идет к городу Ṭирмā и городу Аṭāнис, затем — к месту, долгота которого составляет 62°00′, а широта — 55°30′, затем возвращается к своему началу. В этот водоем впадает множество рек[33].

Координатные данные Сухраба в целом совпадают с данными ал-Хорезми для *ал-Баṃīḫи*. Однако Сухраб вносит ряд новых деталей в описание водоема. В частности, в описании Сухраба более четко, чем у ал-Хорезми, обозначена связь водоема с Черным морем. Как и ал-Хорезми, Сухраб не был знаком с античным наименованием «Меотида» (араб. *Māйуṃис*), хотя другие арабские ученые X в. его использовали, например, ал-Баттани и ал-Мас‘уди[34].

Таким образом, в арабской географической литературе IX–X вв. бытовала традиция изображения Меотиды, существенно расходившаяся с информацией античных географов об этом объекте: название «Меотида» было утрачено, его заместило наименование водоема по имени прибрежного города; соединение водоема с Черным морем утратило прежнюю определенность; локализация водоема сместилась к северу; появилось представление о впадающих в него многочисленных реках, а также о связи водоема с Северным Внешним морем посредством речных путей.

Возвращаясь к сообщению ал-Идриси об озере *Ṭирмā*, отметим, что он не дает никаких ссылок на источники своей информации об озере. В содержащемся во Введении к сочинению перечне авторов, чьи труды ал-Идриси использовал при составлении своей книги[35], а также в основном тексте *Нузхат ал-муштāḳ* ни ал-Хорезми, ни Сухраб не фигурируют. Вместе с тем имеются убедительные свидетельства, указывающие на то, что ал-Идриси был так или иначе знаком с арабскими переработками Птолемея. Так, в списке своих источников ал-Идриси упоминает о некоей «книге Клавдия Птолемея»[36]; из других ссылок географа, где он называет сочинение Птолемея «Книгой географии» (*Китāб ал-джуғрāфīйа*), можно заключить, что речь идет о птолемеевом «Географи-

[32] Имеется в виду Черное море.
[33] Suhrab 1930: 80 (перевод мой).
[34] Dunlop 1960.
[35] Al-Idrīsī 1970–1984: 5–6.
[36] Al-Idrīsī 1970–1984: 6.

ческом руководстве»[37]. Ссылки на Птолемея встречаются и в других разделах сочинения ал-Идриси[38].

Определить, что представлял собой тот птолемеевский материал, которым пользовался ал-Идриси, довольно сложно. Прежде всего, рукописи «Географического руководства», которыми мог пользоваться ал-Идриси, до нас не дошли. Далее, неясно, были ли это греческие рукописи или одна из арабских переработок Птолемея[39]. И. Лелевель полагал, что ал-Идриси мог быть и непосредственно знаком с греческим текстом сочинения Птолемея, поскольку в списке своих источников он называет Птолемея и не упоминает ал-Хорезми[40]. Однако о знакомстве ал-Идриси не с греческим текстом, а именно с арабской переработкой сочинения Птолемея говорит одна из авторских ссылок на данные александрийского географа. В десятой секции шестого климата, сообщая об *Йāджӯдже* и *Мāджӯдже* (то есть библейских Гоге и Магоге), ал-Идриси пишет, что ничего не может прибавить к тому, что сказал на сей счет Птолемей[41]. Поскольку в книге самого Птолемея Гог и Магог не упоминаются, остается предположить, что ал-Идриси имел дело с какой-то арабской версией сочинения Птолемея.

В результате исследования различных частей сочинения ал-Идриси установлено, что влияние птолемеевского материала отчетливо прослеживается в изображении периферийных областей ойкумены. Работа Х. фон Мжика, изучившего изображение Южной Африки на карте ал-Идриси, показало, что материал об этом регионе ал-Идриси целиком заимствовал у Птолемея, причем речь могла идти не о греческом тексте, а о его арабской переработке ал-Хорезми[42]. К тому, что ал-Идриси был знаком с «Географическим руководством» Птолемея в версии ал-Хорезми, в настоящее время склоняется большинство исследователей, включая тех, кто анализировал сообщения ал-Идриси о Восточной и Северной Европе[43].

---

[37] Al-Idrīsī 1970–1984: 43, 939.

[38] Al-Idrīsī 1970–1984: 7, 17, 103, 221.

[39] Их перечень см.: Karamustafa 1992: 10.

[40] Lelewel 1852: 98.

[41] Al-Idrīsī 1970–1984: 939.

[42] Mžik 1912.

[43] Miller 1926: 13, 47, 49; Tallgren-Tuulio 1936: 194–196; Dubler 1965: 100–113; Бейлис 1984: 210, 213, 220–221, 227.

Следы того, что ал-Идриси использовал античные сведения об Азовском море, обнаруживаются и в картографическом изображении озера *Ṭирмā*, имеющего большое сходство с картой *ал-Баṭṭīхи* у ал-Хорезми, и в его описании в текстовой части сочинения. Размеры озера *Ṭирмā* у ал-Идриси точно соответствуют размерам моря *Māйуṭис* в сочинении арабского географа первой трети X в. ал-Баттани. Да и сама композиция сообщения о Черном море и озере *Ṭирмā*, с одной стороны, и рассказа о Черном и Азовском морях у ал-Баттани — с другой, обнаруживает несомненное сходство:

ал-Баттани	ал-Идриси
Море Бунṭус тянется от Лāзиḳи до великой ал-Ḳуснṭанṭīниййи. Его длина — тысяча шестьдесят миль, а ширина — триста миль.	А все море, называемое Нīṭас, доходит с южной стороны до страны Лāзиḳи и [простирается далее] пока не доходит до [города] Ḳуснṭанṭīна, и его длина — тысяча триста миль, а ширина — триста миль, самое широкое место на нем достигает четырехсот миль.
В него впадает река, которая называется Ṭанāйис. Она течет со стороны севера, от озера, которое называется Māйуṭис.	С северной его стороны в него впадает река Данāбрис, она приходит от тыльной стороны озера Ṭирмā.
Это большое море, хотя оно и называется озером. Его длина с востока на запад — триста миль, ширина — сто миль»[44].	Это большое озеро, его длина с запада на восток — триста миль, а ширина — сто миль»[45].

Как видно, сообщение ал-Идриси в части, касающейся озера *Ṭирмā*, отличается от текста ал-Баттани тремя деталями: во-первых, названием озера (*Ṭирмā* вместо *Māйуṭис*), во-вторых, наименованием реки (*Данāбрис* вместо *Ṭанāйис*) и в-третьих, определением длины озера не с востока на запад, как у ал-Баттани, а с запада на восток.

[44] Al-Battani 1907: 27 (перевод мой).
[45] Al-Idrīsī 1970–1984: 921 (пер.: Коновалова 2006: 122).

Указание ал-Баттани на то, что *Māйуṭис* на самом деле является большим морем и только называется озером, никак в его тексте не подкреплено, поскольку он ничего не говорит о связи *Māйуṭис* с другими морями Мирового океана. Поэтому ал-Идриси и не мог усомниться в том, что в данном случае речь должна идти именно об озере, пусть и очень большом. В выборе же им названия *Ṭирмā* сказалось влияние ал-Хорезми и его продолжателей.

Что касается реки, текущей в Черное море со стороны этого озера, то замена ее названия у ал-Идриси могла быть связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, возможна просто ошибка переписчиков — *Данāбрис* < *Ṭанāйис*, — тем более, что один из вариантов написания гидронима «Днепр» (*Данāбис*) в рассматриваемом фрагменте текста ал-Идриси графически очень близок к написанию названия *Ṭанāйис*. Во-вторых, нет полной уверенности в том, что в тексте ал-Баттани под именем *Ṭанāйиса* имеется в виду реальный Дон. Исследователи его сочинения не исключают, что этот гидроним являлся собирательным именем для многих рек Восточной Европы[46]. Вероятно, ал-Идриси мог именно так понять данные ал-Баттани и название *Данāбрис* внес в порядке уточнения сведений своего предшественника. В пользу последнего предположения говорит то, что гидроним *Ṭанāйис* не встречается в сочинении ал-Идриси — возможно, потому что мог быть не вполне ясен для него при чтении источников.

Ал-Идриси не ограничился простым перечислением книжных сведений об озере *Ṭирмā*. В его сообщениях об этом водоеме имеются детали, говорящие о том, что он пытался осмыслить данные, почерпнутые из книг, в контексте своих представлений о географии Восточной Европы. Прежде всего, это проявилось в локализации озера на карте. Ал-Хорезми помещал *ал-Баṭīху* в районе Северного Причерноморья. Сухраб даже отмечал, что это озеро начинается «при соприкосновении с морем». А вот по сведениям ал-Баттани можно было уже составить весьма противоречивое представление о местонахождении озера. С одной стороны, он говорит об озере *Māйуṭис* в связи с описанием Черного моря, что вроде бы должно свидетельствовать об их близком соседстве. С другой стороны, фразу ал-Баттани о том, что *Ṭанāйис* течет «со стороны севера от озера, которое называется Māйуṭис», можно понять в том

[46] Калинина 1988: 146. Прим. 4.

смысле, что само озеро находится где-то в северных районах, откуда и течет *Ṭанāйис*. Похоже, что такое понимание сообщения ал-Баттани наиболее полно согласовывалось с имевшимися у самого ал-Идриси данными об озерах Восточной Европы. Поэтому он уверенно локализует это озеро на севере Восточной Европы — об этом говорит и размещение озера на карте самого северного, седьмого, климата, и его описание, помещенное в пятой секции седьмого климата.

Сведения ал-Идриси об озере *Ṭирмā* были переработаны испано-арабским географом второй половины XIII в. Ибн Саʻидом ал-Магриби[47], сочинение которого, в свою очередь, послужило основой для многих сообщений сирийского географа первой трети XIV в. Абу-л-Фиды[48]. В отличие от ал-Идриси, Ибн Саʻид и Абу-л-Фида' имели в своем распоряжении много современных им данных об Азовском море, поэтому информация об озере *Ṭирмā* была переосмыслена ими в новом контексте.

Согласно Ибн Саʻиду, на севере Азовского моря в него

> …впадает река, текущая из огромного озера Ṭӯмā. На западном берегу этой реки лежит Рӯсийā — главный город рӯсов. Рӯсы — многочисленный народ, выделяющийся своей силой среди храбрейших народов Аллаха. Долгота этого города составляет 57 градусов 32 минуты, а широта — 56 градусов. На море Нйṭаш и Мāнйṭаш[49] ему принадлежит множество неизвестных [нам] городов. К востоку от него находится огромное озеро Ṭӯмā, длина которого с запада на восток составляет около 630 миль, а ширина с западной стороны — около 300 миль. В центре озера [находится] остров ал-Бабр длиной около 150 миль и шириной около 70 миль. На этом острове на горе стоит крепость Мāн.ʻа, где хранились сокровища султана страны аṭ-

[47] Об Ибн Саʻиде и его географическом сочинении см.: Крачковский 1957: 352–358; Коновалова 2009: 7–18.

[48] Об Абу-л-Фиде и его географическом сочинении см.: Крачковский 1957: 386–394; Коновалова 2009: 76–91.

[49] *Манйṭаш* (или *Манйṭас*) — распространенное в арабской географии наименование Азовского моря, восходящее к греч. Μαιῶτις (Меотида), искаженному в арабской передаче неверной постановкой диакритических знаков.

> Ṭӯмāнӣйна; сейчас там хранятся сокровища потомков Берке[50]. Координаты крепости — 66 градусов 30 минут долготы и 56 градусов 38 минут широты. Воистину, название этого острова связано с [животным] ал-бабр, так как они водятся на нем: это животное своим обликом похоже на льва, а тем, чем оно питается, и как рычит — напоминает леопарда. Говорят, что оно произошло от этих двух животных. В это озеро течет множество рек. Байхаḳӣ[51] утверждает, что их число превышает сотню. Самой большой из них является Ṭанāбрис — протяженная и полноводная река, текущая через земли булґāр и турок. По берегам этого озера имеется множество городов, возделанных земель и насаждений. Большая часть их жителей — булґāры, большинство из которых являются мусульманами, но есть среди них и христиане. Известным населенным пунктом в этой области является город Ṭӯмā, название которого связано с озером. Координаты города — 69 градусов долготы и 53 градуса 27 минут широты»[52].

Сопоставление сообщений ал-Идриси и Ибн Саʻида показывает как наличие общих черт в рассказах географов, так и существенные расхождения между ними. Об использовании Ибн Саʻидом данных ал-Идриси свидетельствует, прежде всего, наименование *Ṭӯмā*, представляющее собой искаженное *Ṭирмā* ал-Идриси[53]. Есть общие черты и в топонимической номенклатуре сообщений: и ал-Идриси, и Ибн Саʻид приводят в составе рассказа об озере топонимы *Данāбрис* (*Ṭанāбрис*) и *Рӯсиййа* (страна — у ал-Идриси; город — в написании *Рӯсийā* — у Ибн Саʻида). Наконец, оба автора пишут о большом количестве рек, впадающих в озеро, о расположенном в центре озера гористом острове и об обитающем там животном, называемом *ал-бабр*.

Цифровые данные Ибн Саʻида о размерах озера вдвое превышают сведения ал-Идриси и более ранних географов. Это говорит о том, что в распоряжении Ибн Саʻида имелись и какие-то иные

---

[50] Берке — внук Чингис-хана, третий сын Джучи-хана, хан Золотой Орды (1256–1266).

[51] Байхаḳӣ — персидский историк XI в.

[52] Ibn Saʻīd 1958: 136–137 (пер.: Коновалова 2009: 31).

[53] Приводимые Ибн Саʻидом координаты города — 69° восточной долготы и 53°27′ северной широты — почти не отличаются от данных ал-Хорезми о городе *Ṭирмā* (69°10′ и 52°50′ соответственно).

источники информации об озере, чем у ал-Идриси. Об этом же свидетельствует и наличие в рассказе Ибн Са‘ида целого ряда дополнительных деталей, отсутствующих у ал-Идриси, а также некоторые противоречия между сообщениями двух авторов.

Так, Ибн Са‘ид сообщает наименование острова, расположенного в центре озера, и объясняет его этимологию. Помимо названия острова, Ибн Са‘ид приводит также цифровые данные о его размерах и в дополнение к сведениям ал-Идриси сообщает о том, что на острове имелась крепость *Мāн.‘.а*. Упоминание Ибн Са‘ида о том, что в этой крепости «сейчас хранятся сокровища потомков Берке», позволяет предполагать, что в рассказе об озере *Ṭӯмā* географ мог опираться и на какие-то современные ему источники XIII века.

Кроме того, Ибн Са‘ид говорит о существовании по берегам озера множества населенных пунктов с булгарским населением, среди которых он выделяет названный по имени озера город *Ṭӯмā*. Несомненно, с именем озера и города связано и название страны *аṃ-Ṭӯмāнӣйна*, правитель которой хранил свои сокровища в расположенной на острове крепости. Учитывая же то обстоятельство, что данное сообщение Ибн Са‘ида не имеет аналогий в более ранних мусульманских источниках, можно полагать, что и хороним *аṃ-Ṭӯмāнӣйна* принадлежит самому Ибн Са‘иду.

Дополнения, сделанные Ибн Са‘идом, касаются и данных о реках, впадающих в озеро: по его словам, эти реки берут начало в горе *Ḳирмāнийā*, окружающей страну буртасов с севера и протянувшейся до реки *Ṭанāбрис* — самой крупной из текущих в озеро рек[54]. Последнее утверждение Ибн Са‘ида противоречит сведениям ал-Идриси, который близ озера помещал не устье, а исток реки *Данāбрис*. Об использовании Ибн Са‘идом собственных источников сведений о реке говорит и форма гидронима, отличающаяся от наименования, приводимого ал-Идриси, первой графемой (*Данāбрис/Ṭанāбрис*).

Представление о том, что *Ṭанāбрис* впадает в озеро *Ṭӯмā*, могло сформироваться у Ибн Са‘ида под влиянием сообщения ал-Идриси о том, что истоки этой реки лежат близ озера *Ṭирмā*. Из дальнейшего рассказа Ибн Са‘ида о реке *Ṭанāбрис* очевидно, что географ использовал информацию, относящуюся к двум разным

[54] Ibn Sa‘īd 1958: 139 (пер.: Коновалова 2009: 32).

рекам — Днепру и Волге. Именно этим можно объяснить помещение истоков реки *Ṭанāбрис* далеко на востоке[55].

Абу-л-Фида’ повторяет сведения Ибн Са‘ида об озере *Ṭӯмā*, не добавляя к ним ничего нового[56]. При этом в отличие от Ибн Са‘ида, который все-таки соединял озеро *Ṭӯмā* с Азовским морем посредством безымянной реки, текущей в него из озера, Абу-л-Фида’ уже не видел связи между этими объектами. Книжные известия об озере *Ṭӯмā* не вызвали у него никаких ассоциаций с довольно многочисленными современными данными о Северо-Восточном Причерноморье, имевшимися в его распоряжении: Абу-л-Фида’ приводит лоцию Азовского моря (известного ему под именами *Мāнӣṭаш* и *Баḥр ал-Азаḳ*, то есть «Море Азака», «Азовское море»)[57], рассказывает о крупнейшем портовом городе Приазовья — золотоордынском Азаке[58], знает о том, что в Азовское море впадает река Дон (*Тāн*)[59].

Таким образом, представления арабских географов X–XIV вв. об озере *Ṭирмā* претерпели существенные изменения. Возникнув на почве переработок «Географии» Птолемея, первоначально этот гидроним служил наименованием Азовского моря и в этом качестве в X в. использовался параллельно с названием *Меотида* (араб. *Мāйӯṭис, Мāнӣṭас, Мāнӣṭаш*). Впоследствии накопление новых знаний об Азовском море привело к тому, что оба гидронима стали обозначать совершенно разные объекты.

Термин *Мāйӯṭис* (*Мāнӣṭас, Мāнӣṭаш*) продолжал применяться для наименования Азовского моря, то есть относился к реальному физическому пространству. Название же *Ṭирмā* в конечном счете сделалось обозначением воображаемого объекта. Сначала ал-Идриси отказался от нейтрального термина *баṭӣḥа* («водоем»), введя в оборот понятие «озеро (*буḥайра*) Ṭирмā», которое и закрепилось за ним в дальнейшем. Кроме того, ал-Идриси, не имевший никаких данных о бассейне Азовского моря, но хорошо знавший от мореплавателей, что из Черного моря через Керченский пролив можно по речным путям добраться до северных рус-

[55] Ibn Sa‘īd 1958: 140 (пер.: Коновалова 2009: 33).
[56] Aboulféda 1840: 203–204, 222–223 (пер.: Коновалова 2009: 116, 128).
[57] Aboulféda 1840: 31, 33 (пер.: Коновалова 2009: 108, 109–110).
[58] Aboulféda 1840: 216–217 (пер.: Коновалова: 123–124).
[59] Aboulféda 1840: 64 (пер.: Коновалова: 114).

ских земель[60], прочно связал сведения об озере *Ṭирмā* с информацией о реке Днепр и русских землях. Это позволило ему переместить озеро из района Северного Причерноморья на север и локализовать его в глубине материка. Опиравшиеся на созданный ал-Идриси географический образ, Ибн Са‘ид и Абу-л-Фида’, которые, в отличие от ал-Идриси, располагали современными им данными об Азовском море, уже не видели никакой связи между ним и озером *Ṭирмā* и поэтому рассказывали о них как о параллельно существующих объектах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бейлис 1984 — *Бейлис В.М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГ. 1982 г. М., 1984. С. 208–228.

Калинина 1988 — *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий. М., 1988 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Коновалова 2001 — *Коновалова И.Г.* Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6. С. 192–219.

Коновалова 2006 — *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006.

Коновалова 2009 — *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст, перевод, комментарий. М., 2009.

Коновалова 2015 — *Коновалова И.Г.* Днепровский путь в текстах арабских географов IX–XIV веков // Взгляд в прошлое… Проблемы, методы, перспективы / Отв. ред. М. Петрова и Д. Свак. М., 2015. С. 20–42.

Коровина 1963 — *Коровина А.К.* Древняя Тирамба // ВДИ. 1963. № 3. С. 126–131.

Крачковский 1957 — *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.

Мурзаев 1984 — *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Рыбаков 1952 — *Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. //

[60] Об этом подробнее см.: Коновалова 2001.

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1952. Вып. 43. С. 3–44.

Aboulféda 1840 — Géographie d'Aboulféda: Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. Paris, 1840.

Al-Battani 1907 — Al-Battani sive Albatenii Opus Astronomicum. Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C. Nallino. Mediolani, 1907. Pt. III.

Dubler 1965 — *Dubler C.* Idrisiana Hispánica, I: Probables itineraries de Idrisi por al-Andalus // Al-Andalus. 1965. T. 30. Fasc. 1. P. 89–137.

Dunlop 1960 — *Dunlop D.M.* Bahr Māyuṭis // Encyclopaedia of Islam. 2nd edition. Leiden, 1960. Vol. I. P. 933–934.

History of Cartography 1992 — History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies.

Honigmann 1929 — *Honigmann E.* Die Sieben Klimata und die *πολεις ἐπίσημοι*. Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929.

Al-Ḫuwārizmī 1926 — Das Kitāb Ṣūrat al-arḍ des Abū Ga'far Muḥammed Ibn Mūsā al-Ḫuwārizmī / Hrsg. H. von Mžik. Leipzig, 1926.

Ibn Sa'īd 1958 — *Ibn Sa'īd al-Magribī.* Libro de la extensión de la tierra en longitud y latitud / Edición crítica y notas del Dr. J.Vernet Gines. Tetuan, 1958.

Al-Idrīsī 1970–1984 — *Al-Idrīsī.* Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant", consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX.

Karamustafa 1992 — *Karamustafa A.T.* Introduction to Islamic Maps // History of Cartography 1992. P. 3–11.

Lelewel 1852 — *Lelewel J.* Géographie du moyen âge. Bruxelles, 1852. T. I.

Lewicki 1949 — *Lewicki T.* Bałtyk w opisach autorów arabskich i perskich IX–XI w. // Przeglad Orientalisticzny. 1949. Zesz. 1. S. 52–67.

Miller 1926 — *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1926. Bd. I. H. 2.

Miller 1927 — *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1927. Bd. II.

Mžik 1912 — *Mžik H.* Idrisi und Ptolemäus // Orientalistische Literaturzeitung. 1912. Bd. XV. № 9. S. 403–406.

Suhrab 1930 — Das Kitāb Aǧā'ib al-Aqālīm as-Sab'a des Suhrab / Hrsg. H. von Mžik. Leipzig, 1930.

Tallgren-Tuulio 1936 — *Tallgren-Tuulio O.J.* Du Nouveau sur Idrīsī: Sections VII 3; VII 4; VII 5. Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusq'à la peninsule balkanique au Sud / Édition critique, traduction, études. Helsinki, 1936.

Ар. А. Улунян

«ЛИНИЯ ФЕОДОСИЯ I»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АЛБАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ*

Аннотация: Европейский вектор внешнеполитической ориентации албанского общества усилил общенациональную дискуссию об исторических причинах сложившихся различий между Западом и Востоком, которые повлияли на общественно-политическое и экономическое развитие Албании. Одним из элементов актуализации так называемой политической «архаики» было обращение к фактору исторической географии — произошедшему в 395 г. по завещанию императора Римской империи Феодосия I разделению его государства на западную и восточную часть, куда и вошла Албания. Проведение «линии Феодосия» обсуждается в современной албанской общественно-политической публицистике с целью определения места и роли исторического наследия Византийской и Османской империй, христианства и ислама, степени близости албанцев к Европе для обоснования или, наоборот, критики историко-географического аргумента в общенациональном дискурсе. Соседство в нем «линии Феодосия» с получившей распространение в кругах лингвистов и этнологов «линией Иречека», разделившей, по мнению этого чешского ученого конца XIX – начала XX в., Балканы на зоны влияния романоязычного и грекоязычного миров, а также апелляция к исторической роли Эгнатиевой дороги, проходившей на Балканах по линии, близкой к двум предыдущим, лишь подчеркивает значение «архаики» в форме политической географии для геопространственного конструирования новейшего времени.

* Работа выполнена по проекту «Геокартографическая концептуализация государственного пространства: От Средних веков до Новейшего времени» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Ключевые слова: Албания, албанизм, албанская общественно-политическая публицистика, Балканы, Византийская империя, геопространственное конструирование, историческая география, «линия Иречека», «линия Феодосия», неоалбанизм, «оксидентализм», «ориентализм», Османская империя, холодная война, Юго-Восточная Европа.

Одной из особенностей развития внешнеполитической мысли в бывших коммунистических государствах в XXI в. стал поиск приемлемого с точки зрения существующих реалий так называемого национального «геопространственного проекта», основывающегося на историко-культурных концепциях прошлого, и попытки, предпринимающиеся в этой связи, их модернизационной трансформации применительно к новым условиям после окончания холодной войны. Для посткоммунистических балканских стран, в общественно-политической традиции которых продолжает сохраняться высокая степень этничности и влияние культурно-исторического наследия времён национально-освободительного периода XIX – начала XX в., вопрос их позиционирования как в региональной, балканской, так и субконтинентальной, европейской системе международных отношений, приобретает особую значимость в силу изменения их статуса как новых членов или кандидатов в члены Единой Европы и Организации Северо-атлантического договора (НАТО). Одним из примеров этому может служить Албания, вступившая в НАТО, и ожидающая принятия в Европейское Сообщество. Актуализация историко-культурной и геоисторической «архаики» в албанском общественно-политическом дискурсе в XXI в. выразилась в обращении к категориям «рубежности» и «разделенности» геопространства, частью которого является Албания. Его конструирование и концептуализация имеют отчётливо выраженную эксплицитную цель, заключающуюся в стремлении использовать, помимо других, и культурно-историческую аргументацию, способную объяснить особенность положения страны после её сближения с Единой Европой или вхождения в неё. В тесной связи с вопросом европейского наследия в исторической судьбе албанцев и Албании находится её географическая расположенность на Балканском полуострове и принадлежность Албании традиционной региональной модели культурно-исторического и общественно-политического развития. На протяжении долго-

го времени, вплоть до окончания холодной войны, как отмечали албанские публицисты, «географические позиции Албании на Балканах часто оценивались как стратегические, из-за соединения Восток-Запад через Эгнатиеву дорогу / Шкумби, поэтому Албания рассматривалась как мост», однако с прекращением «существования каких либо намерений, исходящих с Апеннинского полуострова и отсутствия имперского образования на Балканах, превратили Албанию в периферийную территорию без какой-либо существенной важности»[1].

В определенной степени поиск геоисторической аргументации, позволяющей объяснить происходящее, стал отражением известных и подтверждаемых сложившимися в новейшей мировой истории условиями выводов о существовании «взаимосвязи пространственных практик (восприятия пространства), воспроизводства пространства (концепция пространства) и репрезентативного пространства (обитаемого пространства)»[2].

В новых условиях, когда как для внешнего мира, так и для собственно «внутрибалканского» дискурса образ Балкан ассоциируется, прежде всего, с традиционной нестабильностью, чреватой конфликтом, само обращение к этому региону как единому целому испытало в целом в формирующейся общественно-политической традиции государств полуострова и в албанском национальном дискурсе, в частности, серьезные изменения. Весьма симптоматичным стал тезис доцента Юго-Восточного Европейского Университета в г. Тетово (Республика Македония) Блерима Реки о том, что «даже в начале XXI в. Балканы обременены тяжёлым наследием истории. Мы доказали (и кто знает, сколько уже раз), что в столь малой географии используется так много истории. В конечном счёте, нельзя решить вопрос ни с географией, ни с соседями, ни поменять их, ни переделать. Нужно жить с ними и с реальностью»[3].

---

[1] Prifti 2013a.

[2] Подробнее см.: Gregorič Bon 2008 P. 29. Автор этой диссертации использовала категории известного французского учёного, относящегося к неомарксистской школе политической мысли и социологии А. Лефевра: Lefebvre 1991.

[3] Reka 2012.

В этой связи, с одной стороны, отречение от принадлежности балканскому геопространству и отказ от регионального культурно-исторического наследия являлись бы серьезным ударом по албанской национальной идентичности, но, с другой, подчёркивание этих факторов было неприемлемо уже для общественного мнения внутри Албании из-за усиливавшихся проевропейских устремлений, а также из-за крайне негативного восприятия внешним миром образа Балкан. В материалах, появляющихся в албаноязычной общественно-политической публицистике и посвященных региональным проблемам, их авторы придавали особое значение общественно-политическим и культурно-историческим характеристикам балканского геопространства, отмечая, как писал профессор Дж. Зейнели, что «в том случае, когда обращаются к слову “Балканы”, европейцы применяют его для обозначения варварского поведения и бескультурья, утверждая, что Балканы таковы. В этом же смысле славяне используют термин “балканство” и “балканщина”. Одновременно в том же значении задействуют термин “балканизация”, нечто полностью особое, раздробленное на части»[4].

Парадокс складывавшейся ситуации заключался в необходимости бесконфликтного объединения историко-географического и культурно-исторического фактов объективной реальности с получившими характер «общественного взрыва» в албанском обществе идеологически обусловленными и имевшими вполне материальную основу проевропейскими чувствами. В этой связи выявилось два основных вектора развития нового геоидеологического конструкта.

Первый из них ориентировался на сохранение традиционного использования понятия «Балканы» (*Ballkan*) и «Балканский полуостров» (*Gadishulli i Ballkanit*) и, не отрицая принадлежность Албании данному региону, «конституировал» европейский характер этого региона, провоцируя дискуссию между «оксидентализмом» и «ориентализмом»[5]. Последнее имеет особое

[4] Zejneli 2011.

[5] Эта тема является особым направлением не только в историографии балканских стран, но и в академических исследованиях ученых в государствах, находящихся за пределами полуострова: Fleming 2000; Hammond 2006; Hatzopoulos 2008.

значение, так как касается образа албанцев, сформированного у «внешнего мира». Профессор Дж. Зейнели давал историческое объяснение этому факту, заявляя о том, что «раздел албанских земель является прямым следствием правления Османской империи над албанцами. Огромная ответственность должна лежать, в первую очередь, на самих албанцах, что они не нашли время и сил порвать со временами Блестящей Порты. Позже, в истории хорошо известно, что христианская Европа будет считать албанцев не более как оставшимися на Балканах турками, проводниками интересов турок, арабов и персов на полуострове [Балканском] и людьми, которые существуют в восточной системе ценностей»[6]. Это заявление имело особую актуальность в связи с созданием «Комиссии по рассмотрению изображения истории, географии Османской Турции» (*Komisioni për Rishikimin e Prezantimit të Historisë, Gjeografisë dhe Kulturës Osmane e Turke*), образованной по запросу Турции (адресованному в Министерство образования и науки Республики Косово) относительно пересмотра в учебниках по истории негативных оценок Османской империи. Против такого подхода к албанской истории выступили ученые и общественные деятели Албании и Косово, а также албанцы, живущие за рубежом[7], увидевшие в подобных действиях попытку оправдания политики Османской империи на Балканах в целом и в отношении албанцев и Албании, в частности[8].

Второе направление в общественно-политическом дискурсе по вопросу позиционирования и определения места Албании в современном геопространстве ориентировалось на выявившуюся тенденцию представленческой трансформации Балкан с помощью придания им нового образа. Суть этого процесса была определена Бледаром Комини — известным современным албанским публицистом, специализирующимся по проблемам региональной политики, и автором книги «Современные конфликты»[9] — в его статье «Геополитика, Европа и *homo balcani-*

[6] Zejneli 2014.

[7] Peticioni 2013.

[8] См. подробнее: Komini 2013a. Данная проблема продолжает оставаться предметом дискуссий в албанских научных кругах: Jazexhi 2011.

[9] Komini 2012.

cus», который заявил: «то, что в большей степени сформировало Балканский полуостров в политическом смысле, так это позднейшая историческая тенденция европейской дипломатии, стремившейся видеть этот регион как приложение к Европейскому континенту. И данная этимология слова "Балканы" пробуждала в европейцах идею о горьком прошлом, которое в большинстве своём они ассоциируют как не с европейским, желая пренебречь им, и большинство выступает за использование вместо него термина "Восточная Европа". Переход от одного названия к другому указывает не только на терминологическую или этимологическую диалектику, но и окончание одного периода и переход к другому. Очевидно, что Европа желает смотреть сейчас за границы прошлого. Она стремится построить новые Балканы как часть старого континента, а не как бывшую часть Востока, отделить те времена, когда Римская империя стала жертвой варварских племён»[10]. Одновременно, при этом, начала происходить условная «ликвидация» их геопространственного единства и введение в оборот понятия «Западные Балканы» (*Ballkani Perëndimor*), куда оказались включены все ранее входившие в состав бывшей титовской Югославии республики, а также Албания и Косово, но были исключены Словения и Хорватия как государства, относящиеся к Центрально-Восточной Европе. Однако для современной албанской традиции употребление термина «Западные Балканы», за исключением случаев его перевода с европейских языков в официальных текстах, фактически малозаметно. Более всего оказалось востребовано имевшее уже давнюю традицию применения понятие «Юго-Восточная Европа», тем более что в этом термине сочетался топоним «Европа» с географическим позиционированием в её рамках целого региона, представляющего, наряду с другими европейскими регионами, естественную европейскую часть.

Изменение конъюнктуры системы международных отношений, являвшейся результатом ликвидации так называемого Восточного блока, самороспуска СССР с последующим расширением евро-атлантического сообщества, стало одним из важных направлений национальных дискурсов по вопросам внешней и международной политики в обществах большинства Бал-

[10] Komini 2013.

канских государств, прежде всего, посткоммунистических. Отличительной особенностью этого этапа было объединение традиционных представлений о национальной исторической географии, исторически обусловленном «национальном геопространстве», с формирующимися геопространственными концептами принадлежности соответствующих стран и народов европейскому историческому и геополитическому пространствам. Для Албании включенность в общеевропейское пространство стала особой темой общественно-политического дискурса[11]. В то же время, этнонациональный вопрос и проблема межгосударственных границ для Балканского полуострова, на протяжении второй половины XIX и всего XX в. являлись одним важных факторов нестабильности региона, что способствовало формированию представлению о нём как нестабильном и исключительно опасном для европейской и в целом мировой политики геополитическом пространстве, а также дало превратившееся в нарицательное для обозначения комплекса этнотерриториальных проблем определение — «балканизация». Именно поэтому европейские интенции посткоммунистических Балканских государств, рассчитывавших на вступление в евроатлантическое сообщество, оказывались в серьезном противоречии с их расположенностью в традиционно конфликтном геопространстве, что воспринималось в Европе с исключительной осторожностью и создавало серьезную проблему для стран региона, имея в виду, что распад одной из них — Югославии — сопровождался полномасштабной войной и вызвал необходимость вмешательства международных сил. Одновременно европейский вектор внешнеполитической ориентации этих стран потребовал представленческого «переформатирования» Балканского исторического геопространства. Этот процесс нашёл своё отражение в национальных дискурсах посткоммунистических государств, включая Албанию. Он базировался на нескольких важных для существования подобного конструкта элементах.

Первым из них является этно- и политогенез албанцев как европейского народа — представителя одной из древних европейских цивилизаций, имевших собственную государственность, распространявшую свою власть и на территории, ныне не

[11] Подробнее об этом: Sulstarova 2013; Qori 2013.

входящие в состав современной Албании и Республики Косово. Однако эта «историческая часть» элементов формирующегося в национальном дискурсе конструкта наименее значима по сравнению со ставшей традиционной для бытового сознания и используемого нередко в политической практике концепта «Этнической Албании» (*Shqipëria etnike*) или «Естественной Албании» (*Shqipëria natyrale*). Его суть заключается в признании исторического факта проживания албанского автохтонного населения не только в Республике Албании, в её современных государственных границах, но и за их пределами, на территориях соседних Балканских стран. Два вышеприведенных исторически сформировавшихся термина являются противоположностью термину «Великая Албания», широко используемому сторонниками конспирологической теории существования «тайного» плана объединения всех албанцев, рассчитанного на захват и отторжение территорий соседних государств в пользу Албании[12]. Основа концепта «Этнической Албании» / «Естественной Албании» формировалась на протяжении достаточно короткого периода с 70-х гг. XIX в. и до момента признания её государственности на международной Лондонской конференции 29 июля 1913 г., после того как она провозгласила свою независимость в ходе Первой балканской войны 28 ноября 1912 г. Сложные внешнеполитические перипетии процесса создания албанского национального государства на этом историческом этапе сопровождались борьбой великих держав как по вопросам самого международного статуса Албании, так и её границ.

Превалирующая роль внешнего фактора при решении обоих вопросов серьезно повлияла на конфигурацию границ нового государства таким образом, что часть населённых албанцами территорий была включена в состав соседних стран. Национальное видение как причин и последствий этого, так и необходимых политических действий решения проблемы, прошло достаточно долгий путь эволюции и после ликвидации коммунистического режима начало основываться на евроатлантическом

[12] См. работу Э. Ставилеци «Косова и албанский вопрос на перекрестке времён», в которой одна из тем так и сформулирована: «“Этническая Албания” — не “Великая Албания”» (“Shqipëria Etnike” nuk është “Shqipëri e Madhe”): Stavileci 2005.

векторе общественно-политических настроений, активно развивавшихся в албанском обществе. Последнее достаточно точно было сформулировано одним из известных албанских журналистов Эрвином Баку, писавшим о том, что «Албания и албанцы являются неотъемлемой частью сообщества стран и народов старого европейского континента. Общеевропейская принадлежность албанцев и успешная модель демократических стран Западной Европы усилили всенародное чувство того, что Албания не только просто естественная часть в географическом и историческом отношении, но и неотъемлемая часть современно сообщества и европейской идентичности. Около 95% албанцев хотят, чтобы Албания вступила в Европу как можно быстрее. Должно быть, мы среди самых еврофильски настроенных на старом континенте»[13]. В этой связи, имея ввиду поликонфессиональный характер албанского населения Албании и доминирование в процентном отношении, хотя и весьма формально по сути, его мусульманской части, вопрос о принадлежности Албании Европе в общенациональном дискурсе имеет конфессиональное измерение. Выход из создавшегося положения был найден в применении тезиса, сформулированного ещё в XIX в. известным албанским просветителем периода Национального Возрождения и политическим деятелем Османской империи В. Пашко и выражавшего общенациональные устремления албанцев: “Feja e shqiptarit është shqiptaria” («Религия албанцев — албанизм»). Особую значимость этому положению, а также дискуссионность в албанских СМИ придало в новейшее время одно из интервью президента США Дж. Буша-младшего, заявившего о том, что «албанцы — мусульмане, которые могут жить в мире». Исключительно острая полемика разгорелась после публикации статьи упоминавшегося выше Э. Баку, последовавшей как ответ Дж. Бушу, и носившей название «Религия албанцев — албанизм»[14]. В ней подчёркивалась принадлежность албанцев европейским ценностям. Несогласие с такой точкой зрения выразили мусульманские организации Албании, увидевшие в заявлении автора статьи и самом её содержании стремление подчерк-

[13] Baku 2013.
[14] Baku 2007.

нуть именно христианскую «составляющую» исторической традиции албанцев.

В определенной степени актуализация данной темы может условно считаться продолжением так называемого «неоалбанизма» (*neoshqiptarizma*), основы которого были сформулированы ещё в межвоенный период известным албанским публицистом и социофилософом Вангелием Кочи, выступавшим с тезисом европеизации албанцев и Албании[15]. Примечательным фактом стало обращение в современной албанской общественно-политической публицистике к утверждению, сделанному им о том, что «для лучшего понимания разницы между германской концепцией нации и латинской, албанцы могут обратиться к сравнению, которое касается нашей истории: Возрождение, начатое Призренской лигой, базировалось на германской концепции: земля, кровь и язык, однако, после больших неудач, оно перешло к латинской концепции: на основе национальных чувств должно быть национальное самосознание»[16].

Дискуссия о месте и роли европейской составляющей в общественно-политических традициях Албании выявила также значение историко-географической и «архаичной» политико-географической аргументации, использовавшейся в виде попытки объяснить причинно-следственные связи особенностей исторического развития народа и страны. Одним из таких аргументов, имеющих не только историко-географическое, но аллегорическое содержание, стал фактор «линии Феодосия» (*Vija e Theodhosit*) или «линия разлома Феодосия», названная в честь Феодосия I — последнего императора единой Римской империи. По его завещанию она была разделена в 395 г. между его сыновьями Гонорием и Аркадием на две части — Западную и Восточную, граница между которыми проходила по территории современной Албании, практически разделяя её на две неравные части, оставляя большую из них в Восточной империи. Именно этот факт стал в 90-е гг. XX в. предметом дискуссий в интеллектуальных кругах Албании, а затем использоваться и политиками для того, чтобы подчеркнуть сложность определения «цивили-

[15] Подробнее о «европейской идее» в межвоенном интеллектуальном дискурсе Албании см: Sulstarova 2009.

[16] Spahiu 2013.

зационного» позиционирования Албании как «западно-восточной» или «восточно-западной» страны, вынужденно оторванной от Европы в силу исторических традиций, сформировавшихся в далёком прошлом. Распад единой империи на западно-латинскую и восточно-греческую части с проведением границы по современной территории Албании имеет не только утилитарно-классификационное лингво-историческое значение как латино-греческая языковая граница, но и особый символичный смысл в современном албанском дискурсе. Впервые и в неофициальной обстановке он был озвучен кандидатом в президенты Албании Сали Беришей во время его поездки по стране в марте 1991 г. в беседе с журналистом Эдуардом Зальошньей. Будущий глава албанского государства выражал сожаление, что Албания и албанцы оказались в восточной, а не западной части от «линии Феодосия», что и наложило соответствующий негативный отпечаток на их историческую судьбу и в целом на взаимоотношения со всей Европой[17]. Эта тема, однако, как особый историко-географический аргумент была в более развернутом виде артикулирована в 1995 г. в публичном албанском общественно-политическом пространстве в книге «Линия Феодосия возникает вновь: какое направление выберут албанцы?» албанского филолога, писателя, переводчика и общественного деятеля Ауреля Плясари[18], сына Анастаса Плясари (известного коммунистического активиста, впоследствии репрессированного по личному указанию главы коммунистического режима Э. Ходжи[19]) и стала предметом острых споров в интеллектуальных и общественных кругах страны и в целом среди албанцев-интеллектуалов за пределами самой Албании, включая соседнее Косово. Особенно резко воспринимался ими фаталистский по своему характеру тезис предопределенности значения «линии Феодосия» для

[17] Zaloshnja 2011.

[18] Plasari 1995.

[19] Достаточно подробно этот эпизод описан в книге Бленди Февзиу «Энвер Ходжа — первая биография, основанная на архивных документах и личных историях тех, кто его знал»: Fevziu 2011.

культурно-исторического и общественно-политического развития страны[20].

Принципиальное значение для критики идеи Плясари имел избранный Албанией европейским вектор её внешнеполитической ориентации и сохранявшиеся в отдельных общественных кругах опасения по поводу возможной потери албанцами идентичности, интерпретация которой в общественном дискурсе строится на определенной совокупности взглядов, имевших особое значение и в годы существования коммунистического режима[21]. В этой связи, само обращение в дискурсе по вопросу роли «линии Феодосия» для Албании с точки зрения определения исторических причин социально-экономической отсталости страны, вызывало резкое неприятие объяснений их только лишь разделением Римской империи на западную и восточную части, и во многом обосновывалось противниками такого подхода долгим пребыванием страны под османским господством[22].

Свою роль в неприятии концепта «линии Феодосия» играл также и конфессиональный фактор: ряд представителей из числа мусульманских общественных активистов заявлял о возможной дискриминации мусульман Албании со стороны европейцев при решении вопросов, связанных с её внутри- и внешнеполитическим развитием. Особую остроту тема «линии Феодосия» приобрела осенью 2005 г., когда президент Албании Альфред Моисиу выступил в Оксфордском Университете с лекцией «Межрелигиозная терпимость в традиции албанцев». Обращаясь к теме Запад-Восток в истории Албании и албанцев, он также упомянул и о пресловутой «линии Феодосия», заявив о том, что «необходимо знать, что Албания располагалась в регионе, где встречались и разделялись две великие империи средневековья: Римская и Византийская. Одновременно Албания была местом, где встретилась и разделилась власть двух церквей: римской и византийской. Две империи и две церкви, несмотря на то, что были сильными противниками друг для друга и выступали друг

[20] См., например, критику со стороны известного философа и социолога косовара Шкельзена Маличи, который был впоследствии назначен советником премьер-министра Албании Э. Рама: Maliqi-Plasari 2013.

[21] Dani 2014; Shkëlzeni 2014.

[22] Prifti 2013.

против друга, для албанцев не создавали никогда конфликтов. "Линия Феодосия" разделила Албанию на две части с древнехристианской поры, оставив одну часть под римской политической и религиозной властью, а другую — под политической и религиозной властью Византии. Но это разделение никогда не превращалось в границу между самими албанцами. "Линия Феодосия" была правильной только на древних картах. На протяжении всей истории она была постоянно в движении: на Востоке когда-то в пользу Рима, на западе когда-то в пользу Константинополя. Албанцы сами по себе не являлись фактором этих подвижек. Они меняли свободно свои ритуалы с изменением политической и религиозной власти. Достаточно распространенным был факт того, что поколение албанцев в Средние века вырастало христианами-схизматиками, а следующее поколение вырастало приверженцами римской церкви и наоборот, потому что их сознание не было предметом божественности, для них это было просто делом конкуренции за власть»[23]. При этом, говоря об исламе, Моисиу подчеркнул, что он был привнесён в Албанию османской армией и не является местной религией. Эта часть выступления президента вызвала резкую критику мусульманского сообщества Албании, обвинившего главу государства в исламофобии[24].

Примечательным фактом было издание в 1996 г, то есть буквально на следующий год после публикации книги Плясари, под его же редакцией сборника статей одного из идеологов «неоалбанизма» Бранко Мерджани[25]. Впоследствии идеи А. Плясари были развиты им уже в начале XXI в. в программном интервью, появившемся в популярной "Gazeta shqiptare" под названием «Албанская идентичность или непонятая Европа: литератор участвует в дискуссии интеллектуалов Чосия-Кадаре и албанская культура»[26]. Фактически это было ответом на мысли Исмаила Кадаре — албанского интеллектуала, писателя и классика албанской литературы, хорошо известного в Европе, изложенные им в изданной в начале 2006 г. брошюре «Европейская идентич-

[23] Fjala 2014.
[24] The President of Albania 2005.
[25] Merxhani 1996.
[26] Plasari 2006.

ность албанцев»[27]. В ней заявлялось о том, что на европейское наследие могут претендовать все албанцы, независимо от их вероисповедания и что по своей сути албанцы всегда были европейцами со своей идентичностью. В свою очередь, Плясари выступал с позиций жёсткой критики и неприятия той части истории албанцев, которая была связана с периодом Османской империи и всем, что ассоциировало албанцев и Албанию с культурно-историческим и общественно-политическим «ориентализмом». В ряде других публикаций он выступал с позиций антиамериканизма. Идея судьбоносного характера раздела Римской империи на две части в 395 г. пользуется определенной популярностью и у части европейских исследователей истории Балканского полуострова[28]. Другие видят в ней лишь попытку найти аргумент в пользу конкретной точки зрения. Так, в частности, значение исторической географии как основы для объяснения складывавшейся в новейших условиях Балкан ситуации было отмечено британским политическим географом из Кембриджского Университета Алексом Джеффри, когда он писал, что «образ “линии распада” доминировал при анализе процесса фрагментации Югославии и, в частности, во время войны в Боснии и Герцеговине. Происходила череда исторических событий, которая поддерживала нарратив цивилизационной “линии разлома”. Историки отождествляли смерть императора Феодосия I и последующее разделение на Запад и Восток Римской империи с ключевым моментом в установлении цивилизационного раскола а Юго-восточной Европе». При этом, онтологические корни этой концепции, что упоминают практически большинство исследователей, можно найти в работах британского историка и политического деятеля Эдварда Гиббона, опубликовавшего в 70-х – 80-х гг. XVIII в. и впоследствии неоднократно переиздававшийся многотомный труд под названием «История заката и падения Римской империи»[29].

Взгляды Плясари на роль ислама были резко восприняты отдельными представителями мусульманских общественно-политических кругов. Концепцию автора критиковали и не связан-

[27] Kadare 2006.
[28] Weithmann 1993.
[29] Jeffrey 2013: 45.

ные с конфессиональными кругами и организациями публицисты и историки, в частности, Кастриот Мюфтарай, автор ряда книг и статей по истории и политике Албании, её месту в региональных, а также общеевропейских делах[30]. Выступив в довольно резком тоне буквально за два дня по появления интервью Плясари, Мюффарай заявил об авторе концепции «воссоздания линии разлома Феодосия» как о «лучшей иллюстрации странного феномена албанского общества переходного периода, когда люди выступают с экстравагантными и безосновательными утверждениями, заслуживают репутацию известных интеллектуалов и ученых в разных областях». Более того, его оппонент напомнил, что за сто лет до Плясари с идеей разделения балканского пространства на латиноязычный и грекоязычный сегменты выступал известный чешский славист Константин Иречек,[31] специалист по болгарской истории, автор первой научной «Истории болгар» и «Княжества Болгарии», занимавший после освобождения Болгарии пост министра народного образования на протяжении 1881–1882 гг. Будучи специалистом и в области балканской истории, лингвистики и культуры, в работе «История сербов», опубликованной в 1911 г. на немецком языке, он высказал идею лингвистического разделения Балкан до IV в. на две языковые сферы влияния — северную (латинскую) и южную (греческую)[32]. Рубежная линия между ними, получившая изначально название «языковой линии Иречека», впоследствии трансформировавшаяся в более упрощенную форму «линии Иречека», используемую в современной научной традиции.

В соответствии с выдвинутой Иречеком гипотезой, она проходила от албанского г. Лежа (Лач) к болгарскому г. София (Сердика), вдоль Балканских гор к прибрежному болгарскому г. Варна. В этой конфигурации разделения значительная часть Албании, за исключением небольшой её северной части, условно принадлежавшей к латинской сфере влияния, находилась в греческой зоне. В определенной степени, учитывая подвижный характер «линии Феодосия», на определенных этапах исто-

[30] Myftaraj 1998; Myftaraj 2001; Myftaraj 2008a; Myftaraj 2008b; Myftaraj 2011.

[31] Myftaraj 2006.

[32] Jireček 1911.

рии и применительно к албанским реалиям, эти две линии нередко совпадали. Примечательным фактом является и то, что в современной албанской общественно-политической публицистике нередко происходит апелляция как к этим двум «линиям» — Феодосия и Иречека, — так и к древней Эгнатиевой дороге (*Via Egnatia*), которая начиналась в современном албанском г. Дуррес и доходила до Константинополя, представляя собой также линию, проходящую от западной части Балканского полуострова к восточной, разделяющей современную Албанию, но, в то же время, подчеркивающей значение этого пространства как части большого древнего транзитного пути. В то же время, наиболее активно концепция К. Иречека обсуждалась и продолжает сохранять свою актуальность в румынской историографии, посвященной этногенезу и политогенезу румын.

Выступление Мюффарая, несмотря на его резкую тональность, не смогло повлиять на само использование в албанском общественно-политическом диспуте геопространственного конструкта «пограничной линии» между Западом и Востоком. Причина этого была в том, что концепция «линии Феодосия» являлась удачно сформулированной с точки зрения её отчётливости и созвучности настроениям в албанском обществе. В отчётливой форме это нашло своё выражение в формулировке члена Байроновской ассоциации Албании и преподавателя английского языка тиранского Университета Дориана Кочи, который отмечал: «Однако, если для умирающего императора это было только новым административным разделением с целью спасти великую империю и не оставлять источника конфликта между его сыновьями, которые правили бы после его смерти, то для разных стран и народов, которыми они правили, это оказалось фатальным. На многие навыки государственного строительства, уважение к закону, ментальность, религию и культуру, на которых они основывались, наложило свой отпечаток это разделение Запад-Восток, создав различия в этих регионах»[33]. Сама «линия Феодосия» рассматривалась им как контактная зона, позволившая тесно связать в духовном и культурном отношении албанцев с двумя христианскими направлениями — католицизмом и православием. Внутриэтническое разделение, существовавшее

[33] Koçi 2013.

до начала XX в. и закончившееся с формированием албанской нации, имело последствия, выражавшиеся в восприятии миром этого разделения, что нашло отражение в решениях, принятых на протяжении истории в ущерб албанцам.[34].

Актуализация историко-географической категории «линии Феодосия», отмечаемая в албанской общественно-политической публицистике и даже политических кругах страны на протяжении конца XX–XXI в., явилась закономерным процессом выработки «новой идентичности» в условиях расширения евроатлантического сообщества и усиления роли регионов в системе международных отношений. Для Албании, находившейся практически около полувека в самоизоляции, этот процесс, несмотря на имеющиеся исторические особенности, тем не менее, является закономерным с точки зрения аналогичных проявлений в общественно-политическом и научном дискурсе стран Балканского полуострова. Механизм конструирования самоидентификации, подчиняясь уже сформи-ровавшейся тенденции, включал как один из значимых и важных элементов модернизированную интерпретацию исторической географии, призванную объяснить причинно-следственные связи этнического, общественно-политического и социально-экономического развития и его результаты в интересах соответствующих политических сил.

БИБЛИОГРАФИЯ

Baku 2007— *Baku E.* Feja e shqiptarit është shqiptaria // Shqip. 07.06. 2007.

Baku 2013 — *Baku E.* Shqipëria në Europë, kur?// Gazeta Panorama ONLINE. 23.07.2013 — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.panorama.com.al/2013/07/27/shqiperia-ne-europe-kur/, дата обращения: 30.10.2016].

Dani 2014 — *Dani D.* Marxism and Nationalism in the Albanian Historiography School: The Position of the National Hero // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol 5. No 6. P. 251–254.

Fevziu 2011 — *Fevziu B.* Enver Hoxha — e para biografi e bazuar në dokumentet e arkivit personal dhe në rrëfimet e atyre që e njohën. Tiranë, 2011.

[34] Koçi 2013.

Fjala 2014 — Fjala e ish presidentit Alfred Moisiu në Forumin e Oxfordit (9 nëntor 2005 Londër-Angli) // EuroEmigrant. 13.04.2014 — Электронный ресурс [режим доступа: http://albemigrant2011.-wordpress.com/2014/04/13/fjala-e-ish-presidentit-alfred-moisiu-ne-forumin-e-oxfordit-9-nentor-2005-londer-angli/, дата обращения: 30.10.2016].

Fleming 2000 — *Fleming K.E.* Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography // The American Historical Review. 2000. Vol. 105. No. 4. P. 1218–1233.

Gregorič Bon 2008 — *Gregorič Bon N.* Contested spaces and negotiated identities in Dhërmi / Drimades of Himarë / Himara area, southern Albania. Dissertation. University of Nova Gorica. Nova Gorica, 2008.

Hammond 2006 — *Hammond A.* Balkanism in Political Context: From the Ottoman Empire to the EU // Westminster Papers in Communication and Culture. 2006. Vol. 3. No 3. P. 6–26.

Hatzopoulos 2008 — *Hatzopoulos P.* Balkans Beyond Nationalism and Identity: International Relations and Ideology. London, 2008.

Jazexhi 2011 — *Jazexhi O.* Depicting the Enemy: The Image of the Turk and the Muslim in Albania's High School Textbooks // Osmanlı Mirası ve Günümüz Balkan Müslüman Toplumları. Konferans tebliğleri / The Ottoman Legacy and the Balkan Muslim Communities Today. Conference proceedings / Osmansko Naslijede i Muslimanske Zajednice Balkana Danas. Zbornik radova. Saraybosna, 16–18 Ekim 2009. Balkanlar Medeniyet Merkezi. İstanbul, 2011. P. 59–87.

Jeffrey 2013 — *Jeffrey A.* The Improvised State: Sovereignty, Performance and Agency in Dayton Bosnia. Oxford, 2013.

Jireček 1911 — *Jireček K.* Geschichte der Serben. Gotha, 1911.

Kadare 2006 — *Kadare I.* Identiteti Europian i Shqiptarëve. Tiranë, 2006.

Koçi 2013 — *Koçi D.* Rënia e vijës së Teodosit dhe sfida e zgjedhjeve // Gazeta SHQIP. 08.06.2013.

Komini 2012 — *Komini B.* Konflikti modern: krizat, menaxhimi dhe ndërmjetësimi. Tiranë, 2012.

Komini 2013a — *Komini B.* Rishikimi i historisë dhe «fantazma turke në Ballkan» // E-Zani. 23.03.2013 — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.e-zani.com/2013/03/29/rishikimi-i-historise-dhe-fantazma-turke-ne-ballkan/, дата обращения:30.10.2016].

Komini 2013 — *Komini B.* Gjeopolitika, Evropa dhe Homo Balcanicus // Tirana Observer. 15.05.2013.

Lefebvre 1991 — *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford, 1991.

Maliqi-Plasari 2013 — Maliqi-Plasari, debat i fortë mbi Evropën dhe shqiptarët // Shekulli. 31.08.2013.

Merxhani 1996 — *Merxhani B.* Formula të neo-shqiptarismës. Përgatitur nga Aurel Plasari. Tiranë, 1996.

Milo 2013 — Milo: Historia të mos deformohet për qëllime gjeopolitike // Panorama. 29.03.2013.

Myftaraj 1998 — *Myftaraj K.* Një shejtnore për Reconquista-n Shqiptare. Tiranë, 1998.

Myftaraj 2001 — *Myftaraj K.* Nacional-islamizmi shqiptar. Tiranë, 2001.

Myftaraj 2008a — *Myftaraj K.* Gjyqi intelektual i Kadaresë. Prishtinë, 2008.

Myftaraj 2008b — *Myftaraj K.* Jeta e fshehur e Enver Hoxhës: 1908–1944. Tiranë, 2008.

Myftaraj 2011 — *Myftaraj K.* Ballkanadolli gjeostrategjik: Një histori e realiteteve strategjike, përplasja mes Neo-Otomanizmit dhe Neo-Bizantizmit dhe Shqiptarë. Prishtinë, 2011.

Myftaraj 2006 — *Myftaraj K.* Aurel Plasari i akuzon SHBA-të për genocid kundër njerëzimit dhe kombit shqiptar // Sot. 20.07. 2006.

Peticioni 2013 — Peticioni, intelektualët: Perandoria Osmane na ndau nga Europa // Revista Drini. 28.03.2013.

Plasari 1995 — *Plasari A.* Vija e teodosit rishfaqet: nga do t'ia mbajnë shqiptarët? Tiranë, 1995.

Plasari 2006 — *Plasari A.* Identiteti i shqiptarëve apo Europa e keqkuptuar: njeriu i letrave përfshihet në debatin intelektual Qose — Kadare dhe kultura shqiptare // Gazeta shqiptare. 23.07.2006.

Prifti 2013a — *Prifti L.P.* Gjeopolitika në historinë shqiptare// Rrethi i Ferrit. 23.09.2013 — Электронный ресурс [режим доступа: http://shinasi.wordpress.com/2013/09/23/ledjan-prifti-gjeopolitika-ne-historine-shqiptare, дата обращения — 30.10.2016].

Prifti 2013 — *Prifti P.* Linja e Theodosit versus Linja e Hutingtonit dhe Integrimi // Agjencia e Lajmeve SOT NEWS. 11.09.2013 — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.dev.sot.com.al/-opinione/linja-e-theodosit-versus-linja-e-hutingtonit-dhe-integrimi, дата обращения — 30.10.2016].

Qori 2013 — *Qori A.* The Idea of Europe as a Nodal Point of the Albanian Ideology // Albania and Europe in a Political Regard / Ed. by K. Beshku and O. Malltezi. Newcastle upon Tyne, 2013. P. 75–85.

Reka 2012 — *Reka B.* Një shekull pavarësi: përplasja e historisë me gjeografinë // Koha. 11.04.2012.

Shkëlzeni 2014 — *Shkëlzeni N.* How and Why is a Theory of Ideology of Importance for Media Representations of National Identity: Albanian Identity during the Communist Regime // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol 5. No 2. P. 289–296.

Spahiu 2013 — *Spahiu N.* Vangjel Koça — gjeniu shqiptar i shekullit XX // Gazeta Tema. 09.08.2013.

Stavileci 2005 — *Stavileci E.* Kosova dhe çështja shqiptare në udhëkryqet e kohës. Prishtinë, 2005.

Sulstarova 2013 — *Sulstarova E.* "I am Europe!": The Meaning of Europe in the Discourse of Intellectuals in Transitional Albania // Albania and Europe in a Political Regard / Ed. by K. Beshku and O. Malltezi. Newcastle upon Tyne, 2013. P. 63–75.

Sulstarova 2009 — *Sulstarova E.* In the Mirror of the Occident: The Idea of Europe in the Interwar Albanian Intellectual Discourses. Europolis. 2009. No 6. P. 687–701.

The President of Albania 2005 — The President of Albania, Alfred Moisiu, insults the Muslims // The Muslim forum of Albania. Press-release. 11.11.2005 — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.forumimusliman.org/english/pershtyp7.html, дата обращения: 30.10.2016].

Weithmann 1993 — *Weithmann M.W.* Der ruhelose Balkan — Die Konfliktregionen Südosteuropas Taschenbuch. München, 1993.

Zaloshnja 2011 — *Zaloshnja E.* Berisha dhe "Vija e Theodhosit" // Respublica. 04.08.2011.

Zejneli 2011 — *Zejneli Xh.* Ballkani dhe kundertheniet e fuqive te medha rreth tij // Revista Drini. 03.10.2011.

Zejneli 2014 — *Zejneli Xh.* Konferenca e Ambasadorëve në Londër (17 dhjetor 1912 – maj 1913) // Zemra Shqiptare. 21.01.2014.

В.В. Хапаев

ИСТОРИЯ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ В КРЫМУ
ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Аннотация: В статье изучена эволюция гипотез о причинах крымских землетрясений и их возможной связи с сейсмическими событиями, происходившими в других регионах планеты, в первую очередь, в окрестностях Константинополя. Показано, что ошибочные представления первых исследователей Крыма о том, что отдаленные сейсмические события могут иметь разрушительные последствия для Крыма, прочно укоренились в историографии и господствовали вплоть до конца XX в., и не только в среде историков и археологов, но и представителей естественных наук. Это приводило к значительным искажениям в описании древней и средневековой истории полуострова. Лишь в начале XXI в. начали формироваться представления о сейсмической истории Крыма, исходящие из того, что только землетрясения, происходившие в крымско-черноморском сейсмическом регионе, могли иметь разрушительные последствия для полуострова.

Ключевые слова: Крым, землетрясение, оползень, историография.

В феврале 1786 года, вскоре после присоединения Крыма к России, в деревне Кучук-Кой[1] на Южном берегу полуострова, произошла природная катастрофа, которая не только напугала местное население, лишив его крова и пахотной земли, но и поразила российские власти своим масштабом. Посланный правителем Таврической области Василием Васильевичем Каховским изучить ситуацию на месте прапорщик Абдулла Мемешев доносил: «С 31 декабря 1785 года[2] количество воды в источниках,

[1] Кучук-Кой (тюрк. Малая деревня). С 1948 г. с. Бекетово, ныне — часть пгт. Парковое муниципального округа Ялта Республики Крым.

[2] Даты в донесении приводятся по Юлианскому календарю.

фонтанах, колодцах в деревне стало убывать. 28 января 1786 года с полудня вода в протекавшем близ деревни, в одной версте от нее, ручье, совершенно иссякла… а через три дня, часу в 8-м утра, этот ручей начал течь снова с необычайной силой, мчался с небывалой прежде быстротой. Ручей разлился, вода была мутна, в ней было много песка и мелких камней. В то же время, 28 января, гора, с которой вытекал ручей, с утра начала почти незаметно обваливаться, земля стала оседать. Жители деревни, которых было 31 человек мужеского пола, поняли опасность, так как в 1751 году в этой деревне было землетрясение (подчеркнуто мною. — *В. Х.*), и перевезли свое имущество и запасы в соседнюю деревню Кикенеиз[3]. В течение семи дней "потихоньку" обваливались пригорки и скатывались вдоль деревни… Наконец, 13 февраля с сильным треском вся эта масса на протяжении 50000 сажен4 "провалилась и упала в море", уничтожив восемь дворов, сады и пахотные поля. Провал был разной глубины, до 20 аршин (14 м. — *В. Х.*), а шириной в версту и больше. Спустя 20 дней после обвала начала показываться вода, которая наполнила этот провал, "а дно моря шагов на двести возле обвалившейся горы поднялось на поверхность воды и почти соединилось с горою". При падении горы никакого шума в недрах земли не было слышно…»[5].

Брат В.В. Каховского, Михаил Васильевич Каховский, командовавший тогда войсками в Крыму, также направил своего эмиссара в зону бедствия. Это был майор Егерского полка де Рибас[6]. В его задачу входило не столько описание катастрофы (хо-

---

[3] Ныне с. Оползневое муниципального округа Ялта. И Кучук-Кой, и Кикенеиз находятся посредине оползневого склона, примерно на одинаковом расстоянии от южных отрогов Ай-Петри и берега моря.

[4] Около 106 км. Это — явная ошибка, так как, согласно сведениям П.С. Палласа, осмотревшего это место, ширина оползня составила около 900 сажен, то есть примерно 2 км (Паллас 1881: 146).

[5] Текст приводится в пересказе А.И. Маркевича по архивному делу 1786 г. (Маркевич 1915: 254–255).

[6] В документе отсутствует его имя, но речь, видимо, идет о брате Осипа де Рибаса (будущего основателя Одессы), формально командовавшего в 1786 г. Мариупольским легкоконным полком, а фактически служившего при штабе наместника Новороссии Г.А. Потемкина. На русской службе состояло трое братьев Осипа — Эммануил, Андрей и Феликс. Кто

тя он его и составил), сколько выяснение ее причин. Поскольку майор был потомственным военным, а не ученым, его гипотеза выглядела совершенно фантастической: «… причину же разрушения, кажется, приписать должно сильному трению находящихся в сем месте в великом количестве селитряных (кислотных. — *В. Х.*) и алкалических (щелочных. — *В. Х.*) частей»[7].

Де Рибас не смог определить, происходило ли во время оползня землетрясение, так как «никто же из жителей тамошних за страхом не мог приметить, было ли подлинно трясение земли в то время, когда сие разрушение учинилось»[8]. Местные жители рассказали ему и о том, что землетрясение случилось здесь раньше. Однако, если говоривший на крымско-татарском Абдулла Мемешев назвал точную дату этого события — 1751 год, то общавшийся через переводчика де Рибас понял эту информацию иначе: «старожил татарин Мегмед объявил мне, что тому лет с пятьдесят близ той деревни к морскому берегу было землетрясение»[9].

До Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора Г.А. Потемкина, видимо, дошел доклад де Рибаса (что логично, ибо его брат Осип служил при штабе светлейшего князя), так как в направленном Екатерине II 28 марта донесении Г.А. Потемкин, описывая Кучук-Койскую катастрофу, упомянул о землетрясении, случившемся «в той деревне лет за 50»[10]. Доклад произвел на императрицу сильное впечатление, и она распорядилась выдать пострадавшим семьям (их было всего лишь восемь!) 2000 рублей компенсации. 16 июля 1786 г. ее раздавал в Бахчисарае сам В.В. Каховский[11].

Так локальная природная катастрофа в Крыму впервые получила широкий резонанс, который долго не утихал. В 1793–1794 гг. академик П.С. Паллас, путешествуя по Крыму, посетил место происшествия и внимательно осмотрел его. С местными жителями он, видимо, не разговаривал, ибо повторил почти сло-

---

из них находился в 1786 г. под командованием М.В. Каховского, установить пока не удалось.

[7] Цит. по: Маркевич 1915: 255.

[8] Цит. по: Маркевич 1915: 255.

[9] Цит. по: Маркевич 1915: 255.

[10] Цит. по: Маркевич 1915: 256.

[11] Маркевич 1915: 256.

во в слово сообщение Г.А. Потемкина о землетрясении: «По сведениям, собранным у старожилов этой деревни[12], я узнал (видимо, собирал сведения не Паллас, это было сделано до него. — *В. Х.*), что за 50 лет перед этим здесь было сильное землетрясение, оставившее следы и произведшее большие разрушения»[13]. Но, будучи естествоиспытателем, академик попытался дать более научное объяснение случившемуся, чем то, которое предложил де Рибас: «… и замечательно, что во время последнего обвала здесь произошло землетрясение в Шлезвиге и особенно в Венгрии»[14]. П.С. Палласу, видимо, очень хотелось верить в землетрясение как причину оползня, но у него недоставало для этого данных: «В ночь на 28 февраля было слышно два меньших удара землетрясения, отчего исчезнувшая в речке вода вновь появилась, но совсем в другом направлении, и образовались ручьи и источники в трещинах, вдоль берега. Сопровождало ли этот обвал землетрясение, напуганные катастрофой татары не заметили»[15]. Поэтому, он пришел к совершенно верному (и впоследствии многократно подтвержденному новыми оползнями) выводу, что «много больших обвалов происходит в этих отвесных горах, при посредстве действия подземных ключей, и обвалы эти никак нельзя приписать, как часто предполагали, вулканическому влиянию»[16].

Для того чтобы сделать столь очевидный вывод, достаточно было простой наблюдательности. В 1817 г. произошел очередной оползень, разрушивший участок дороги от деревни Мшатка до Кучук-Коя. Направленный на место происшествия симферопольский земский исправник (простой чиновник, не ученый) констатировал: «Причина падения оной, не от чего другого произошла, как от родников, которые внутри земли мало помалу распространяясь, произвели от протоков своих рыхлость земли, даже самую пустоту, отчего поверхность, не имея силы сдержать тяжести огромных камней, на ней лежащих, вдруг об-

[12] Любопытно, как мифологизировался этот сюжет. У де Рибаса фигурирует один старожил Мегмед, а у Г.А. Потемкина и П.С. Палласа уже множество старожилов.

[13] Паллас 1881: 146.

[14] Паллас 1881: 146.

[15] Паллас 1881: 146.

[16] Паллас 1881: 147.

рушилась, и всё то, что не могло ей противостоять, унесла с собою»[17]. Однако, ученое сообщество предпочло «поднять на щит» более эффектную гипотезу о землетрясении.

П.И. Сумароков, пообщавшись с П.С. Палласом в Петербурге и прочитав его «Путешествие по Крыму», также описал оползень в Кучук-Кое в вышедшем в 1805 г. втором томе «Досугов крымского судьи», добавив в пересказ эмоциональных подробностей: «Сначала земная поверхность расседалась, катилась к морю, встреча каменьев производила треск, слышен был сокровенный рев, и встревоженные жители, преследуемые блеющими стадами, с плачем удалялись из своих домов. Сие продолжалось несколько дней, после чего вдруг дома, сады, пашни провалились, на местах их явились страшные пропасти, насыпные горы, и на немалом расстоянии последовало исковерканное превращение»[18]. П.С. Паллас, как сообщает Сумароков, по прибытии в Петербург, высказывал два предположения о причине оползня: «1) или закравшиеся в недра земли воды, разрушая понемногу связь слоев, приготовили обрушение, 2) или скопление тут пиритов тому виною, однако, при нем надлежало быть серному испарению»[19]. Далее, пересказывая гипотезу Палласа о связи между Кучук-Койским оползнем и землетрясениями в Европе, П.Н. Сумароков путает предполагаемую причину с гипотетическим следствием: «Как то ни есть, но землетрясение, примеченное в то же время в Силезии и Венгрии, окончательным последствием того полагать должно»[20].

Так, с легкой руки П.С. Палласа родилась, а благодаря П.Н. Сумарокову была широко распространена гипотеза о том, что разрушительные крымские землетрясения являются отголосками сейсмических событий, происходящих за сотни и даже тысячи километров от полуострова или, как думал Сумароков, даже провоцируют их. Постепенно она превратилась в историографическую догму и просуществовала около 200 лет.

Новые, с его точки зрения, доказательства этой гипотезы обнаружил авторитетный историк и археолог XIX в., директор

[17] Цит. по: Маркевич 1915: 259.
[18] Сумароков 1805: 189.
[19] Сумароков 1805: 193.
[20] Сумароков 1805: 193.

одесского Ришельевского лицея Николай Никифорович Мурзакевич. В опубликованном в 1837 г. исследовании «История генуэзских поселений в Крыму», на страницах 26 и 27, вне связи с основным текстом, он поместил следующее примечание: «Кедрин III, 91 под 1341 г. упоминает следующее происшествие: “в продолжение сего (то есть 1341 года. — *Н. М.*) Византия подвержена была страшному и долговременному землетрясению, которое досязало самого Крыма. В то же время случился там необыкновенный потоп, при коем свирепствующее море выступило из своих берегов на десять вёрст и причинило вред неописанный”. — Вот эпоха естественных переворотов южного берега Крыма»[21].

Спустя полвека эту гипотезу поддержал и развил автор десятитомного «Универсального описания Крыма» В.Х. Кондараки: «По рассказу Кедрина, в 1341 году страшное землетрясение, доходившее до Константинополя и сопровождавшееся потопом от выступления Черного моря из берегов на 10 верст, в особенности сильно было в Крыму. Кроме этого, мы можем подмечать из жизнеописания священномученика Климента, что в первых веках христианства в Крыму море почти ежегодно, в течение нескольких лет, отступало на значительное расстояние от Херсонесского полуострова. После присоединения Крыма к России, по рассказу Палласа, первое землетрясение было в 1786 году 10 февраля, одновременно замеченное в Силезии и Венгрии, а второе последовало чрез 18 дней, то есть 28 февраля»[22]. Автор труда, по сей день весьма востребованного краеведами, исказил гипотезы обоих своих предшественников: у Н.Н. Мурзакевича «страшное» землетрясение в Византии «досязало» самого Крыма, а у Кондараки наоборот; в 1786 г. в Крыму, оказывается, случилось землетрясение, а не оползень. А от себя автор добавил, что описываемое сказанием «О чудесе святаго Климента» отступление моря от берега на 6 миль — тоже доказательство сейсмической активности на полуострове.

Примечательно, что в своем рассказе о «крымском» землетрясении 1341 г. оба автора (и Н.Н. Мурзакевич, и В.Х. Конда-

[21] Мурзакевич 1837: 26–27.
[22] Кондараки 1875.

раки, а следом за ними уже в XX в. краевед А.И. Маркевич[23], геологи М.В. Смирнов[24] и Л.В. Фирсов[25], археолог А.И. Романчук[26]) опираются на «данные» византийского историка Георгия Кедрина, который жил на рубеже XI–XII вв.[27], и ничего о событиях 1341 г. писать не мог. Понятно, что представители естественных наук могли этого не знать, но вызывает удивление, что мимо этой очевидной нелепости десятилетиями проходили историки и археологи, слепо доверившиеся авторитету Н.Н. Мурзакевича. Но откуда он почерпнул свои сведения?

Вышеприведенную цитату Мурзакевич приводит со ссылкой на третью часть труда «Деяний церковных и гражданских от Рождества Христова до половины пятагонадесять столетия, собранных Георгием Кедриным и другими…»[28], изданного в 1794 г. в Петербурге, а в 1802 г. переизданного в Москве. Представленный в нем текст не является переводом. Это — вольный пересказ ромейской истории, выполненный на основе ряда византийских исторических сочинений. Источников информации переводчик И. Иванов не указывает, какими изданиями или рукописями он пользовался для перевода, также не сообщает. Рубрикация выполнена по столетиям. Интересующий нас текст о землетрясении помещен в раздел «столетие четвертоенадесять» в контексте событий, связанных со смертью Андроника III Палеолога в 1341 г. и начавшейся борьбой за власть между Иоанном VI Кантакузином и сторонниками Иоанна V Палеолога.

Поскольку автор «Деяний церковных…» пишет о Кантакузине исключительно в комплиментарном ключе, ясно, что именно «История» этого императора-мемуариста легла в основу данного раздела «Деяний…»[29]. Сообщение о землетрясении в контексте событий 1341 г. автор приводит в абзаце, отделенном от

---

[23] Маркевич 1928: 65.

[24] Смирнов1931: 24.

[25] Фирсов 1976: 160.

[26] Романчук 2004: 39.

[27] Бибиков 1998: 141.

[28] Деяний… 1794: 81. Кстати, страницу издания, на которую ссылается Н.Н. Мурзакевич, он указал неправильно: 91 вместо 81. Поскольку нумерация страниц выполнена в издании полууставными кириллическими буквами, ее расшифровка, видимо, вызвала у исследователя затруднения.

[29] Ioannis Cantacuzeni 1831: 13–15.

остального текста широкими пробелами, и плохо соотносящемся по смыслу с содержанием текста, расположенного выше и ниже. Поэтому, не исключено, что в данном случае И. Иванов воспользовался иным источником информации. О землетрясении в Константинополе (Визáнтии) как знамении, предвещавшем смерть Андроника III, пишет современник, бывший друг, а затем политический противник Кантакузина Никифор Григора. Сравним текст из «Деяний…» и «Римской истории» Григоры.

Текст о землетрясении 1341 г. из «Деяний церковных…»: «В продолжение сего Византия подвержена была страшному и долговременному землетрясению, которое досязало самого Крыма. В то же время случился там (где — в Крыму или Византии? — *В. Х.*) необыкновенный потоп, при коем свирепствующее море выступило из своих берегов на десять верст и причинило вред неописанный»[30].

Текст о землетрясении 1341 г. из «Римской истории» Никифора Григоры: «IX.14.: Но пора нам сказать и о смерти старика царя, которую предвестили многие предзнаменования. Они были следующие. Во-первых — затмение солнца, предупредившее его кончину на столько дней, сколько лет протекло всей его жизни. Затмение солнца было сменено затмением луны; а это затмение — землетрясением, случившимся в тот самый вечер, в который христиане, по древнему обычаю, совершали память соименного царю Антония. Потом, двенадцатого февраля, в тот самый день, который вечером имела последовать его неожиданная кончина (Андроника III. — *В. Х.*), подул сильнейший южный ветер, и море так разъярилось, что, выступив из своих границ, оно разбило волнами во многих местах восточные стены Византии (Константинополя. — *В. Х.*), обращенные к морю, расшибло на этой стороне много ворот и, ворвавшись в город, точно неприятель, затопило здесь много домов. Тогда же попадало много железных крестов, водруженных на храмах, — так были сильны порывы ветра. В то же время упала и колонна, с давних пор стоявшая пред храмом Сорока Мучеников; будучи от пожара по-

[30] Деяний… 1794: 81.

вреждена у основания, она заставляла проходящих бояться, что вот-вот упадет, и наводила на них страх недаром»[31].

Отрывок из трактата Григоры повествует о землетрясении в ряду нескольких природных явлений, из которых первые были просто «зловещими» (солнечное и лунное затмения), а последние (буря и наводнение) оказались по-настоящему разрушительными. К какой категории причислить землетрясение? Принесло ли оно реальные бедствия или только напугало? Вероятнее второе предположение, так как о разрушениях в связи с подземным толчком автор не сообщает. Кроме того, землетрясение и буря были не одновременными. Сейсмический толчок произошел 17 января («в день св. Антония»), а буря — 12 февраля. Падение храмовых крестов и колонны также произошло из-за порывов ветра, а не от подземных толчков.

Откуда И. Иванов почерпнул информацию о разрушительном воздействии этого землетрясения на Крым? Вероятно, из другого пассажа Григоры, размещенного не в IX, а в XIV книге его труда, в котором идет речь о разрушительном землетрясении, случившемся в Константинополе и регионе Мраморного

[31] Никифор Григора 1862: 454–455. Опубликованный в 2013 г. новый перевод труда Никифора Григоры в данном фрагменте не содержит существенных отличий от представленного выше и осуществленного бакалавром П. Шалфеевым в 1862 г.: «Но пора уже нам сказать и о кончине старого императора, которую предвестили многие знамения от Бога, а именно следующие. Во-первых, затмение солнца, случившееся за столько дней до его кончины, сколько и он всего прожил лет. За этим солнечным затмением последовало затмение лунное; а сразу за ним — землетрясение, случившееся в вечер, в который христиане совершали ежегодную память соименного императору Антония. А в самый день двенадцатого февраля, за которым имел последовать вечер его неожиданной кончины, подул шквальный ветер из гиблых мест юга, и на море поднялись волны столь сильные, что, выступив из своих границ, разбили во многих местах восточные стены Византия, обращенные к морю, взломали на этой стороне много ворот и, ворвавшись в город, словно какие-то враги, затопили довольно много домов. Тогда же попадало и много водруженных на храмах железных крестов, не выдержавших сильных порывов ветра. Упала также и колонна, давным-давно поставленная пред храмом Сорока мучеников, которая, будучи от пожара повреждена у основания, [и раньше] внушала прохожим опасения, что вот-вот упадет, и наводила на них страх, не вполне беспочвенный» (Никифор Григора 2013: 352–353).

моря тремя годами позже — во второй половине октября 1344 г., и действительно сопровождавшемся цунами, которое залило пологий берег, правда, не крымский, а фракийский: «XIV.2: Примерно в это время против Византия и его пригородов разразились страшные землетрясения и морские бури, и на плоды земли, как из камнеметного орудия, с яростью посыпался град, и случилось, как сказано в Писании, что солжет дело масличное и поля не сотворят пищи, смоковница не принесет плода и не будет урожая на лозе, исчезнут с пастбища овцы и не будет волов в яслях. Начало этого трясения и смятения земли пришлось где-то на середину осени, когда Солнце только что прошло начало Скорпиона. И в первый день Бог дважды потряс землю — настолько сильно, что многие от страха не надеялись уже и выжить. Стали обрушиваться здания и большая часть стен Византия, а уж об оградах виноградников и садов нечего и говорить. Все они едва не развалились до основания, так что все улицы стали труднопроходимыми для пешеходов, будучи забросаны кучами обломков. Одновременно с этим и морские воды хлынули далеко на материк — особенно там, где земля была ровной и плоской, — даже до десяти стадий (то есть около 1,8 км., а не «десять верст» как пишет И. Иванов). Они сорвали здесь и там несколько лодок, которые были в гаванях и в других местах на побережье, и разбили их вдалеке от моря, а также затопили многие поля с людьми, стадами и вьючными животными. А когда вода, спустя достаточное время, возвратилась в свое обычное место, можно было видеть все полным ила и мертвых рыб. Говорят, что это колебание и землетрясение чувствовалось до самой Лисимахии и даже немного за Херсонесом, но не так же [сильно]: взяв начало от Византия как от некоей отправной точки и корня, оно по мере продвижения постепенно и понемногу ослабевало, так что следующие села и города были затронуты им гораздо меньше, пропорционально расстоянию [от эпицентра]. Это продолжалось до самого лета, день и ночь, иногда более, иногда менее заметно. Год спустя, следующей осенью, в тот же самый день, такие же землетрясения снова начали сотрясать и колебать землю. От череды этих землетрясений [повредилась] стоявшая на прямоугольной колонне бронзовая статуя ангела, а также [другая, изображавшая] побежденных силой прежде царствовавшего Палеолога. У первой голова склонилась на одно

плечо, а другая уронила к ногам модель города, которую держала в руках. На основании этого некоторые люди строили определенные гипотезы и усматривали в этом признак того, что падение царства Палеологов не за горами. Кроме того, ослабленная прежними повреждениями восточная апсида церкви Премудрости Божией постепенно все больше разрушалась и теряла много выпадавших из нее камней и кирпичей, пока не рухнула полностью…»[32].

Указание источника на то, что землетрясение ощущалось «немного за Херсонесом» могло ввести И. Иванова в заблуждение относительно направления распространения сейсмических волн. Однако древний Херсонес Таврический византийские авторы называли исключительно Херсоном. Так его именует и Григора: *Χερσῶνος* (XVIII.2)33. Херсонесом (*Χερσόνησος*34) он называет полуостров Галлиполи (Херсонес Фракийский) и упоминает его четырежды связи с географически близкими топонимами Фракия и Геллеспонт (II.3; VII.10; VIII.15; XI.4). Дополнительным доказательством того, что сейсмические волны землетрясения 1344 г. приносили разрушения к востоку, а не к северо-западу от эпицентра, является указание Григоры на то, что землетрясение ощущалось вплоть до Лисимахии — города, находившегося на берегу Меланского (Сарасского) залива, примерно в пяти километрах к северу от перешейка, соединяющего полуостров Галлиполи с материком. Расстояние от Константинополя, близ которого располагался эпицентр землетрясения, до Лисимахии — около 185 км, а до города Галлиполи (ист. Каллиполь, Херсонес Фракийский) — около 200 км[35]. Тот факт, что на расстоянии 200 км от эпицентра землетрясение уже не приносило разрушений, свидетельствует о том, что оно было мелкофокусным, и никак не могло причинить разрушений в Крыму[36].

Таким образом, выводы для авторов и сторонников гипотезы о «разрушительном» землетрясении 1341 г. неутешительны.

---

[32] Никифор Григора 2014: 102–103.

[33] Никифор Григора 2014: 255.

[34] Nicephori Gregorae 1830: 538.

[35] Все расстояния приводятся по данным Интернет-сервиса *Google Earth*.

[36] Никонов 1984: 76.

Информация о «страшном долговременном землетрясении, досязавшем самого Крыма», является следствием некачественного перевода или, точнее, недобросовестного пересказа И. Ивановым информации из труда Никифора Григоры «Римская история», ничего общего с «Обозрением историй» Георгия Кедрина не имеющего. «Переводчик» механически соединил информацию о разных природных явлениях (землетрясении и буре 1341 г. и землетрясении 1344 г.) в одно событие. При этом он явно не имел в виду, что потоп «в то же время» случился в Крыму. Слово «там» в тексте «Деяний…» относится к Византию (то есть Константинополю), что согласуется с информацией подлинного источника о буре 1341 г. и землетрясении 1344 г. Упоминание И. Ивановым Крыма связано с неправильным пониманием им географического смысла топонима Херсонес, использованного Никифором Григорой в связи с другим, действительно разрушительным сейсмическим событием, которое, тем не менее, Крыма не достигало и, по законам геофизики, не могло достичь.

Однако ни в XIX, ни в XX веке никто не обратил внимания ни на нелепость текста И. Иванова, ни на некорректную ссылку Н.Н. Мурзакевича на него. Казалось, что гипотеза П.С. Палласа об «иноземных» причинах крымских землетрясений получила новое подтверждение. Поэтому, исследователи истории и археологии Крыма продолжали следовать в ее русле. В 1888 г. военный инженер, авторитетный историк и археолог-любитель Александр Львович Бертье-Делагард опубликовал статью «Надпись времени императора Зенона»[37], в которой доказывал, что знаменитая мраморная плита, повествующая о ремонте в 487/488 году н.э. городской стены, которая с 1787 г. хранилась в селении Чоргунь под Севастополем в имении естествоиспытателя Карла Габлица, происходит из Херсонеса, а не из Фессалоники, как утверждал бывший французский посланник в этом городе Кузинери[38]. Приведя действительно неоспоримые доказательства своей точки зрения[39], А.Л. Бертье-Делагард осторожно предположил, что ремонт городской стены, о которой идет

[37] Бертье-Делагард 1888: 55–88.
[38] Бертье-Делагард 1888: С. 47–48.
[39] См.: Хапаев 2012: 186-187.

речь в надписи, мог быть произведен после разрушительного землетрясения: «Самая необходимость в восстановлении стен могла оказаться в Херсонесе вследствие огромного землетрясения, продолжавшегося в течение 40 дней, в сентябре 480 г. по Р.Х.; быть может, не только в Константинополе, но и в других городах многое было повреждено; таким образом, посылка комита Диогена (от имени которого составлена надпись. — *В. Х.*) могла быть общею мерою, касавшеюся многих городов, почему и в нашей надписи, вероятно, не напрасно, выражено, что милость оказана Херсонесу "наравне с другими городами"»[40] (подчеркнуто мною. — *В. Х.*).

Действительно, византийский историк IX в. Георгий Амартол сообщал о разрушительном (судя по описанию, девятибальном[41]) землетрясении в Константинополе и его ближайших окрестностях в 480 году: «Землетрясение, которое продолжалось 40 дней; в Троаде обрушилось два портика, а на Бычьем рынке — статуя Феодосия Великого»[42], но он ни слова не сказал о том, что оно распространилось далее черноморских проливов. Однако, осторожную гипотезу А.Л. Бертье-Делагарда об очередном «константинопольском» землетрясении в Крыму, столь удачно вписавшуюся в парадигму, выстроенную П.С. Палласом, П.Н. Сумароковым, Н.Н. Мурзакевичем и В.Х. Кондараки, долгое время принимали на веру даже геологи и сейсмологи[43], не говоря уже об историках и археологах[44].

В 1928 году, вскоре после разрушительного Ялтинского землетрясения 11 сентября 1927 г., известный крымский геолог профессор П.А. Двойченко «развил» гипотезу Бертье-Делагарда: «В Константинополе с IV и до XV столетия зарегистрировано 49 землетрясений, из которых 8 достигли разрушительной силы и должны были ощущаться в Крыму. А именно: в 447 году, 25.9.478 года, 480 год (40 дней), 11.07.555 года, 14.12.558 года, 26.10.740 года, в 865 году, в 975 году и в 1296 году. Эпифокаль-

[40] Бертье-Делагард 1888: 81–82.

[41] Опрокидывание статуй и колонн по шкале MSK–64 является признаком девятибального землетрясения. См.: Seismic… 1964: 4–5.

[42] Muralt 1855: 96.

[43] Двойченко 1928: 125; Смирнов 1931: 24; Никонов 1983: 72.

[44] См. например: Суров 1961: 61.

ные области этих землетрясений располагались преимущественно в северной части Мраморного моря» (подчеркнуто мною. — *В. Х.*)[45]. К сожалению, П.А. Двойченко не сослался на источники информации, которые он использовал. Поэтому, с точки зрения дат комментировать его список сложно.

Вопрос о том, почему ни одно из катастрофических землетрясений с эпицентром в районе Мраморного моря, случившихся в новое и новейшее время, не вызывало в Крыму разрушительных и, более того, ощутимых сейсмических колебаний, в статье П.А. Двойченко не затрагивался[46].

А между тем это действительно так (см. Табл. 1–2, с. 420–423).

Никто из отечественных ученых (историков, археологов или естествоиспытателей) до XXI в. не задумывался о том, почему катастрофические землетрясения в Турции (в том числе в регионе Мраморного моря), связанные со встречным движением Черноморской и Анатолийской плит[47], происходившие при жизни этих исследователей, не оказывали никаких разрушительных воздействий на Крым. Авторитет мэтров прошлого довлел над учеными безраздельно.

Поэтому геолог М.В. Смирнов в опубликованном им в 1931 г. «Каталоге землетрясений в Крыму» включил в их число и «крымское» землетрясение 480 года, и сейсмическое событие 1341 г., «досязавшее самого Крыма»[48]. Правда, гипотетический список П.А. Двойченко М.В. Смирнов включить в свой перечень не решился.

В 1979 г. геолог, поэт и археолог-любитель Л.В. Фирсов решил «усовершенствовать и расширить» список исторических землетрясений Крыма[49]. К исследованию, посвященному методике радиоуглеродных измерений и изучению конкретных проб с раскопок херсонесского городища, автор присовокупил «Приложение II “О землетрясениях в Крыму”», вне какой-либо связи с основным текстом книги. Приведенные в «Приложении II»

[45] Двойченко 1928: 125.
[46] Подробнее об этом см: Хапаев 2012: 189.
[47] Никонов 1999а: 4.
[48] Смирнов 1931: 24.
[49] Фирсов 1976: 160–161.

данные автор никакими доказательствами не подкрепляет. Тем не менее, на эту публикацию, как на авторитетный источник с тех пор стали ссылаться маститые археологи, геологи, гидрологи и др.[50].

Далее привожу текст Л.В. Фирсова с моими комментариями.

Л.В. Фирсов: «Ниже приведены краткие данные об исторических землетрясениях в Крыму, заимствованные в основном из работы А.И. Маркевича[51]. По-видимому, это далеко не все сейсмические катастрофы. Статистика инструментальных наблюдений за последние 50 лет и ее экстраполяция в прошлое дает основание считать, что повторяемость землетрясений с магнитудой 7–8 (катастрофических) составляет для Крыма около одного за 100–150 лет. Это подтверждают землетрясения XIV–XX столетий».

Комментарий: Данный тезис вызывает следующие вопросы:

1. Как на основе статистики наблюдений за последние 50 лет можно сделать вывод о повторяемости землетрясений каждые 100–150 лет?

2. На каком основании автор полагает, что в Крыму случаются землетрясения с магнитудой 7–8? Ее вообще невозможно измерить для событий, произошедших в далеком прошлом, так как магнитуда измеряется инструментально.

3. Магнитуда самого сильного достоверно известного черноморско-крымского землетрясения 11.09.1927 г. составляла 6,8 (см. Табл. 1, с. 420–421), а энергия, выделяемая при землетрясении с магнитудой 8 в 30 раз больше энергии, выделяемой землетрясением с магнитудой 7[52].

Л.В. Фирсов: «Античность — Геродот упоминает землетрясения в Скифии».

Комментарий: Геродот. История. IV. 28.: «Гроза зимой вызывает изумление, как чудо; так же и землетрясения (летом или

[50] См. например: Шнюков, Митин, Цемко 1994: 8; Романчук 2004: 39; Сорочан 2005: 754, прим. 268.

[51] Маркевич 1928.

[52] Магнитуда не определяется визуально, а вычисляется как десятичный логарифм амплитуды наибольшего колебания грунта. Поэтому, разница магнитуд в 1 единицу соответствует различию энергии в 30 раз (Никонов 1984: 20–22).

Таблица 1

СИЛЬНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В РЕГИОНЕ МРАМОРНОГО МОРЯ, СЕВЕРО-АНАТОЛИЙСКОГО РАЗЛОМА И В КРЫМУ

Сильнейшие землетрясения нового и новейшего времени в регионе Мраморного моря и Северо-Анатолийского разлома[1]					
Дата	Широта N град.	Долгота E град.	Глубина	M (Магнитуда)	Баллы (MSK–64)
25.05.1672	41.00	30.00	14	6.1	8–9
25.05.1719	40.80	29.40	14	6.1	8–9
19.04.1878	40.70	30.00	17	6.5	8–9
20.06.1943	40.80	30.50	18	6.5	8–8
26.05.1957	40.70	31.00	100	7.1	10
26.05.1957	40.8	30.8	10	6.0	8–9
27.05.1957	40.70	31.00	36	6.2	7–7
22.07.1967	40.67	30.69	9	7.1	10

[1] Исторические сведения 1999.

[2] По сообщению очевидца — армянского писателя Хачатура Кафаеци (Никонов 1986: 79–85).

[3] Маркевич 1915: 254–259.

[4] Маркевич 1928: 6. Эпицентр землетрясения находился в Карпатах. Подробнее о воздействии карпатских землетрясений на Крым и другие регионы Восточной Европы см.: Никонов 1984: 78.

[5] Маркевич 1928: 73.

[6] Маркевич 1928: 73.

Сильнейшие землетрясения нового и новейшего времени в Крыму		
Дата	Ближайший к эпицентру населенный пункт	Баллы (MSK–64)
1615[2]	Каффа	8(+1)
1751[3]	ЮБК	7–8
23.01.1838[4]	Крым	7
11.10.1869[5]	Судак	7
20.03.1872[6]	Ялта	6
1873[7]	Бахчисарай	7
25.07.1875[8]	Севастополь	7
26.06.1927[9]	Ялта	7
11.09.1927[10]	Ялта	8
30.08.1949[11]	Ялта	6
18.03.1957[12]	Севастополь	6
12.07.1966[13]	Анапа, Керчь, Новороссийск	6
06.08.1972[14]	Севастополь	6

[7] Маркевич 1928: 73. Это известие основано на тексте из дневника мудериса Зинджирлы-медресе Абибулы-эфенди. Возможно, что перепутан год, и речь идет о землетрясении 1872 года.

[8] Маркевич 1928: 73.

[9] Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун 1989: 42–55.

[10] Никонов 2002: 13–20.

[11] Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун 1989: 56.

[12] Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун 1989: 56–57.

[13] Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун 1989: 57–58.

[14] Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун 1989: 58–59.

Таблица 2

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ В ТУРЦИИ В 1999–2011 ГОДАХ
И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КРЫМ

Землетрясения в Турции в 1999–2011 гг.					
Дата	Широта N град.	Долгота E град.	Глубина	M (Магни-туда)	Баллы (MSK–64)
Измит (Никомедия)					
17.08.1999[15]	41.01	30.07	15	7.4–7.8	10
Орта					
06.06.2000[17]	40.41	32.59	10	5.5–6.1	7
Кютахья					
19.05.2011[18]	39.22	29.09	10	5.8–6.1	7
Ван					
23.10..2011[19]	38.6	43.3	15	7.3	8

[15] Никонов 1999а. – С. 3–9.
[16] Макросейсмические сведения 1999.
[17] Землетрясение 2000.
[18] Информационное сообщение 19.05.2011.

Воздействие на Крым		
Дата	Ближайший к эпицентру насел. пункт	Баллы (MSK–64)
17.08.1999[16]	весь Крым	2–3
06.06.2000	–	Не ощущалось
19.05.2011	–	Не ощущалось
23.10.2011	–	Не ощущалось[20]

[19] Информационное сообщение 23.10.2011.

[20] Ближайшим к Крыму населенным пунктом, где это землетрясение ощущалось силой в 1–2 балла, был Краснодар (Информационное сообщение 23.10.2011: рис. 4).

зимой) в Скифии считаются диковиной»[53]. Из приведенной цитаты (и контекста источника) нельзя понять, где конкретно в Скифии, простиравшейся в V в. до н.э. от Дона до Дуная, происходят «диковинные» землетрясения. Однако, ясно, что землетрясения в этих краях — большая редкость.

Л.В. Фирсов: «II в. н.э. — Флегонт Траллийский (ссылаясь на сочинение Феопомпа Синопского) упоминает внезапное землетрясение на Боспоре (возможно, извержение грязевых вулканов)».

Комментарий: В вопросе о природе этого землетрясения мнение авторов совпадает (обращаю при этом внимание на ошибочную датировку Л.В. Фирсовым этого сообщения, которое на самом деле относится к IV в. до н.э. и принадлежит Феопомпу Синопскому, а Флегонт всего лишь пересказал его информацию)[54].

Л.В. Фирсов: «480 г. — сорок дней продолжалось сильнейшее землетрясение во всей Византийской империи. Возможно, именно оно привело к обрушению стен и башен Херсонеса (это предположение высказано А.Л. Бертье-Делагардом, В.В. Латышевым, А.И. Маркевичем). Оборонительные сооружения города, в частности, круглую угловую башню цитадели восстановил комит Роман Диоген по повелению византийского императора Зенона (надпись 488 г.)».

Комментарий: «Вся Византийская империя», точнее, Восточная Римская империя во времена императора Зенона простиралась от Египта и Западных Балкан до Ефрата и Закавказья. Вопрос о статусе Херсонеса в тот период (как младшего союзника империи или входящего в ее состав города) пока еще дискутируется[55]. Пространства Византии столь огромны, что предполагать землетрясение на всей ее территории невозможно. Если же речь идет конкретно о константинопольских землетрясениях, связанных с подвижками геологической структуры Северо-Анатолийского разлома (а именно это вытекает из данных, приводимых Амартолом), то их воздействие в Крыму можно зафиксировать только инструментально (см. Табл. 1, с. 420–421).

[53] Геродот 1972: 193–194.
[54] Хапаев 2008: 3–4 .
[55] Зубарь, Сорочан 1998: 118–132.

Роман Диоген — это не херсонский комит, живший в V в., а византийский император, правивший в 1067–1071 годах. В «Надписи императора Зенона» упоминается «светлейший комит Диоген». Имя «Роман» в тексте не фигурирует.

Л.В. Фирсов: «1292 г. — землетрясение в Судаке. В русских летописях землетрясения на Руси упомянуты под 1108, 1170, 1198, 1230, 1446 и др. годами. Может быть, это были отголоски крымских землетрясений»[56].

Комментарий: Информации о разрушительном характере судакского землетрясения у нас нет[57]. Что же касается отголосков разрушительных крымских землетрясений на Руси, то отмечу, что крымское землетрясение 11.09.1927 г. в Харькове ощущалось силой 2 балла[58] (то есть только инструментально), севернее — почти совсем не чувствовалось. Приведенные автором даты землетрясений, зафиксированных на Руси, (особенно учитывая их частоту в XII в.) позволяют предположить скорее их «карпатский» характер, связанный с так называемой «зоной Вранча».

Л.В. Фирсов: «1341 г. — страшное землетрясение в Крыму (по свидетельству византийского историка Кедрина), море выступило из берегов, сильно изменился рельеф прибрежья».

Комментарий: История о «разрушительном землетрясении» 1341 г. является вымышленной (см. выше). Отмечу лишь, что осторожную гипотезу А.И. Маркевича об изменении рельефа крымского побережья вследствие этого «землетрясения»[59] Л.В. Фирсов преподносит как факт.

Л.В. Фирсов: «Конец XV в. — землетрясение в Ялте, обрушилась гора с крепостью; запустение Ялты продолжалось около столетия (по упоминанию польского путешественника Хоецкого; цитировано по П.А. Сумарокову)».

Комментарий: Сообщения путешественников XVIII–XIX вв. о разрушении Ялты в результате землетрясения действительно

---

[56] Впервые эта идея была высказана краеведом А.И. Маркевичем, несведущим в вопросах геологии, в 1928 году (Маркевич 1928: 65).

[57] Хапаев 2008: 6–7.

[58] Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун 1989: 55.

[59] Маркевич 1928: 65.

достаточно многочисленны[60]. Имеются и археологические подтверждения этого события. Археологи В.П. Кирилко и В.Л. Мыц датируют это землетрясение 1423 годом (подробнее об этом см. далее).

Л.В. Фирсов: «1625 г. — сильное землетрясение; точных данных нет».

Комментарий: Точные данные об этом землетрясении есть — в дневнике очевидца катастрофы поэта Хачатура Кафаеци, а датируется землетрясение 1615 годом. За основным событием последовали многочисленные афтершоки[61].

Л.В. Фирсов: «1751 г. — землетрясение на Южном Берегу».

Комментарий: Как было показано выше, информация об этом землетрясении была получена со слов «старожилов», и оказалась весьма противоречивой.

Л.В. Фирсов: «1786 г. — сильный оползень на Южном Берегу у деревни Кучук-Кой (ныне Бекетовка; описано П.А. Сумароковым, П.С. Палласом) вызван землетрясением».

Комментарий: Л.В. Фирсов умалчивает о том, что речь идет о землетрясении 1751 г., факт которого остался недоказанным. И создается впечатление, что оползень был спровоцирован сейсмическим событием, произошедшим непосредственно перед ним, то есть в 1786 г., что не соответствует действительности, и вводит читателя в заблуждение.

Л.В. Фирсов: «1790 г. — землетрясение, охватившее весь Крым».

Комментарий: Источник информации неизвестен.

Л.В. Фирсов: «Далее локальные и региональные землетрясения разной силы и с разными последствиями отмечались в 1793, 1799, 1802, 1811, 1814, 1821, 1823, 1829, 1832, 1838, 1844, 1855, 1859, 1869, 1872, 1873, 1875, 1878, 1892, 1893, 1897, 1900, 1901, 1902, 1908, 1919 и 1920 гг… После 1927 г. сейсмостанции Крыма регистрируют подземные толчки разной силы (чаще 1–2 балла), случающиеся каждый год и неоднократно».

---

[60] Chojecki 1845: 40–43; Хоєцький 2008: 31–34; Сумароков 1803: 202–203; Броневский 1822: 68–69.

[61] Никонов 1986: 81–82.

Комментарий: См. информацию о сильных землетрясениях XIX в. в Крыму в Табл. 1 на с. 420–421 (слабые в ней не упоминаются).

Л.В. Фирсов: «В промежутке между 480 и 1229 гг. могло быть, по крайней мере, пять крупных сейсмических катастроф: около 600 г., в середине VIII в., около 900 г., в середине XI в., около 1200 г. Но сведений об этом в источниках нет».

Комментарий: Названные даты фантастичны и взяты произвольно на основании гипотетически выведенной автором периодичности. Выше мною было отмечено, что в 480 г. землетрясение случилось не в Крыму, а в регионе Мраморного моря, а в 1292 г. (не в 1229, как у Л.В. Фирсова) землетрясение в Судаке ощущалось силой всего в 5 баллов[62]. То есть даже граничные даты «периодичности разрушительных землетрясений по Л.В. Фирсову» иллюзорны, не говоря уже о самой «периодичности». В результате, историки и археологи, пытаясь отыскать в пределах установленных Л.В. Фирсовым дат следы разрушительных землетрясений в Крыму, выстраивали одну мифологему на основе другой.

Л.В. Фирсов: «С сейсмическими катастрофами глубокой древности связаны колоссальные обрушения скал и каменные лавины в Батилимане, Ласпи, Тессели, Форосе, у Чертовой лестницы, Алупки и других пунктов Южного Берега. Землетрясения XIV–XV столетий вызвали обвалы на Аю-Даге, в Качи-Кальене и в других местах».

Комментарий: Следов сейсмического воздействия на геологические структуры в Крыму действительно много, но мы, как правило, не можем их датировать в пределах исторического периода.

Из вышесказанного видно, что большинство утверждений Л.В. Фирсова некорректны с методологической точки зрения, что привело автора к неверным выводам и оказало негативное воздействие на изучение истории крымских землетрясений.

Интерес к исторической сейсмике Крыма вновь возрос в 80-е годы XX века. В этот период в СССР создавалась новая научная дисциплина — историческая сейсмология. Ее пионером стал московский геофизик А.А. Никонов. Его работа «Землетря-

[62] Хапаев 2008: 6–7.

сения. Прошлое, современность, прогноз»[63] стала первым в отечественной литературе пособием по сейсмологии и исторической сейсмологии. Среди других регионов мира, в книге рассматривается и Крымский полуостров. В частности, автор предпринял попытку привлечь местные предания в качестве сейсмоисторического источника.

Эта тема увлекла исследователя: целый ряд публикаций он посвятил мифологии народов мира как возможному источнику по сейсмической истории. Среди них была и крымская легенда о Медведь-горе. Впервые автор попытался привлечь ее в качестве сейсмоисторического источника в статье «Землетрясения в легендах и сказаниях»[64], затем в вышеупомянутой книге[65], позднее развил свою гипотезу в статье «Цунами на берегах Черного и Азовского морей»[66].

Суть высказанных автором идей такова. Легенда об огромном медведе, в порыве ревности топтавшем крымское побережье, вызывая оползни и обвалы, сформировавшем современный рельеф Ялтинской котловины, вызвавшем цунами в районе Фороса, на самом деле является мифологизированным отражением конкретного исторического факта — землетрясения: «Легенда точно отражает реальные приметы сильнейшего землетрясения на Южном берегу Крыма: цунами (по-видимому, неоднократное), сплошные разрушения поселений, срывы и оползни на склонах, обвалы и камнепады, крупные изменения рельефа, последующие толчки — афтершоки. Мы видим здесь все признаки землетрясения и цунами необычайного масштаба»[67].

На основании заметок путешественников В. Броневского и Э. Хоецкого, автор выдвинул гипотезу, что землетрясение произошло в XV в. и предложил две более точные даты. Вначале он полагал, что землетрясение случилось в 1471 г. (незадолго до турецкого завоевания)[68], затем выдвинул иную датировку: 1427 ± 10 лет. Эту версию исследователь не аргументировал[69].

---

[63] Никонов 1984.
[64] Никонов 1983.
[65] Никонов 1984: 41–44.
[66] Никонов 1997.
[67] Никонов 1984: 42.
[68] Никонов 1984: 44.
[69] Никонов, 1999б.

Сопоставив данные легенды и реальную тектоническую обстановку, А.А. Никонов предположил, что сейсмическая картина землетрясения XV в. схожа с картиной землетрясений 1927 г., в том числе и по разрушительной силе — около 8+1(?) баллов[70]. К этой гипотезе позитивно, как к достаточно обоснованной, отнеслись и другие сейсмологи[71].

В конце 80-х гг. XX в. появилась гипотеза о сейсмических причинах разрушения византийского города Херсона (в античности именовавшегося Херсонесом) в XI в. С тех пор херсонесское городище стало объектом наиболее пристального внимания исследователей (историков, археологов, сейсмологов), занимающихся сейсмоисторической тематикой.

Археолог и многолетний директор Херсонесского музея И.А. Антонова (поддержанная А.А. Никоновым, на рубеже XX–XXI вв. работавшим с ней в творческом тандеме) предположила, что Херсонес был разрушен землетрясением в III, V и XI вв.[72], что, по мнению исследовательницы, нашло отражение в перестройке оборонительных сооружений юго-восточной части города.

В подтверждение гипотезы о землетрясении III в. И.А. Антонова и А.А. Никонов привели следующие аргументы.

1. Античные ворота Херсонеса в 16-й куртине оборонительной стены были заложены, так как покрылись сейсмическими трещинами, и горожане утратили веру в их надежность. В III в. прекратились захоронения в пристроенных к той же куртине склепах. С внутренней стороны III куртины (в Портовом квартале I) обнаружен не использованный в строительстве запас новых черепиц II–III вв.[73].

2. В первой половине III в. оказались полностью разрушенными здания римского претория в Цитадели между 18, 19, 20 и 21 куртинами[74].

---

[70] Никонов 1984: 43.

[71] Пустовитенко, Кульчицкий, Каменобродский 1995; Дублянский, Амеличев, Вахрушев 1995.

[72] Антонова 1995а; 1995б; 1999; 2009.

[73] Антонова, Никонов 2009: 18.

[74] Антонова, Никонов 2009: 19–20.

3. 245 г. н.э. датируется херсонесская надпись о постройке башни, а 250 г. н.э. — надпись центуриона Марка Ратина Сатурнина, который «воздвиг от основания за свой счет обвалившуюся схолу принципалов» (то есть помещение для младших офицеров)[75].

4. В античном некрополе на правом берегу Карантинной бухты А.К. Тахтаем в 40-е гг. XX в. обнаружены каменные завалы от обрушения стен, потолков и подпорных столбов поверх захоронений II–III вв.[76].

Предполагаемое землетрясение III в. исследователи датировали 238–244 гг., а его разрушительную силу — 7–9 баллами[77].

Аргументированной критики данной гипотезы в историографии пока не появилось[78]. На мой взгляд, она в наибольшей степени подкреплена доказательствами (по сравнению с гипотезами о землетрясениях V и XI вв.), причем, разнообразными: данными эпиграфики, археологии, нумизматики. Поэтому предположение о разрушительном землетрясении III в. в Юго-Западном Крыму нуждается в дальнейшей тщательной разработке.

Доказательная база гипотез о землетрясениях V и XI вв., приведенная в совместной статье И.А. Антоновой и А.А. Никонова, опубликованной через девять лет после ухода исследовательницы из жизни и существенно дополненной А.А. Никоновым, не только намного слабее, но и в значительной степени недостоверна, за что авторов неоднократно и обоснованно критиковали[79].

С.Б. Сорочан в монографии «Византийский Херсон. Очерки истории и культуры»[80] высказал предположение, что массовое строительство храмов, реконструкция оборонительных стен, перепланировка кварталов, прекращение функционирования многих рыбозасолочных цистерн в Херсоне VI–VII веков, также

[75] Антонова, Никонов 2009: 21.
[76] Антонова, Никонов 2009: 21–24.
[77] Антонова, Никонов 2009: 21–24.
[78] Зубарь, Сорочан 2001.
[79] См.: Завадская 2010а; 2010б; Хапаев 2011.
[80] Сорочан 2005: 753–756.

было вызвано разрушительным землетрясением «с магнитудой не меньше 5–6 баллов»[81].

Предположение С.Б. Сорочана интересно, но спорно. Мною, в частности, была выдвинута гипотеза об иной причине массового строительства христианских храмов на рубеже VI–VII вв., в том числе — на месте жилых усадеб и хозяйственных комплексов. К отчуждению под общественные нужды земельных участков, которые ранее принадлежали частным хозяевам, мог привести массовый мор, унесший целые семьи, которые остались без наследников, — так называемая «Юстинианова чума» 541 г.[82]. Обе гипотезы нуждаются в дополнительных обоснованиях и научном оппонировании. Отмечу лишь, что в доказательство своей гипотезы о землетрясении VI в. С.Б. Сорочан приводит спорные с естественнонаучной точки зрения аргументы.

1. Автор утверждает, что Херсонес находится в зоне 9-балльных разрушительных землетрясений с периодичностью примерно в 500 лет, ссылаясь при этом на монографию Л.В. Фирсова «Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического»[83], хотя, как было показано выше, Л.В. Фирсов пытался обосновать значительно более краткую периодичность разрушительных землетрясений в Крыму.

2. Далее автор гипотезы сообщает о разрушительных землетрясениях в Нижней Мезии (то есть в совр. Болгарии), Вифинии и Константинополе в 553, 554, 556 и 557 годах, ссылаясь на

---

[81] Сорочан 2005: 753. Отмечу в этой связи, что магнитуда (исчисляемая по так называемой «Шкале Рихтера») не измеряется в баллах. А.А. Никонов дает ей следующее определение: «Шкала Рихтера — это устанавливаемая по инструментальным записям энергетическая характеристика (от 1 до 9 усл. ед.), определяющая количество энергии, высвобождающейся в очаге, то есть на глубине. Это магнитуда. Ее показатель позволяет сравнивать энергии разных сейсмических толчков. Шкала балльности (от 1 до 12 баллов) характеризует степень воздействия землетрясения на поверхность в конкретном месте. Балльность даже в эпицентральной области зависит не только от энергии очага, но и от его глубины, механизма и грунтово-геологических условий. Именно балльность — величина, определяемая визуально, используемая в строительных нормах независимо от магнитуды, наиболее доступна пониманию неспециалистов» (Никонов 1999а: 4).

[82] Люттвак 2010: 131–140. См. также: Хапаев 2011.

[83] Сорочан 2005: 753.

труды Иоанна Малалы, Агафия и Феофана[84]. Тот факт, что землетрясения очень близки хронологически, может говорить как об описании одного и того же события из-за трудностей датировки, так и о серийном землетрясении (форшоки, главное событие, афтершоки). Но попытка перенести эти события на крымскую почву не имеет естественнонаучных перспектив, о чем было сказано выше.

3. С.Б. Сорочан обращается к данным письменных источников и археологическим находкам, относящимся к европейскому и азиатскому Боспору. Согласно приведенным им сведениям, Китей в VI в. перестал существовать из-за нарушения водоносных слоев; разрушению подверглись Фанагория, Зенонов Херсонес, Илурат и Кепы. В пожаре погибло Ильичевское городище, в 90-е годы VI в. восстанавливаются общественные здания города Боспор. Традиционно эти несчастья связывали с набегами гуннов и тюрок, а С.Б. Сорочан полагает, что виной всему землетрясение[85]. Гипотеза о землетрясении на Боспоре нуждается в специальных исследованиях, чтобы быть подтвержденной или отвергнутой. Однако, доказательствами того, что, «боспорские» землетрясения с эпицентрами в сейсмозонах 4 (Феодосийской) и 5 (Керченско-Анапской) могут достигать разрушительной силы в Юго-Западном Крыму, наука не располагает.

Таким образом, гипотеза С.Б. Сорочана пока не подкреплена убедительными доказательствами.

Гипотеза И.А. Антоновой и А.А. Никонова о разрушительном землетрясении V в. в Херсонесе также пока не может считаться доказанной. Она подвергается жесткой и аргументированной критике[86].

В начале XXI в. парадигма изучения истории крымских землетрясений стала, наконец, меняться. Историки и археологи перестали искать следы крымских землетрясений в сообщениях иноземных хроник об отдаленных сейсмических событиях, а сделали, наконец, попытку опереться на местный фактический материал. В качестве примера исследования, корректного как с историко-археологической, так и с естественнонаучной точек

[84] Сорочан 2005: 754, прим. 269.
[85] Сорочан 2005: 754–755.
[86] См. например: Завадская 2010б: 464–467.

зрения, приведу монографию археолога и историка архитектуры В.П. Кирилко, посвященную строительной истории крепости Фуна на склоне горного массива Демерджи[87].

В своих рассуждениях автор отталкивается от обнаруженной при раскопках Фуны картины разрушений первого строительного периода крепости. Они предстают, во-первых, очень масштабными, а во-вторых — весьма специфичными по облику. Стены разрушались пластично, порой винтообразно изгибаясь, без разрывов, как будто были построены не из бута на известковом растворе, а из пластилина[88]. Этот парадокс автор объясняет тем, что между возведением крепости и ее первым разрушением прошло очень мало времени: настолько мало, что известь раствора еще не успела должным образом «схватиться» и оставалась очень пластичной. То есть связующий раствор к моменту разрушения был таковым пока лишь условно: от момента возведения крепости до ее разрушения прошло (по версии автора) менее года[89].

Автор отмечает, что разрушения, в том числе и катастрофические, обнаружены и на других памятниках южного побережья Крыма[90]: Каламите[91], Аю-Даге (монастырь в бухте Панаир)[92], Святой горе[93], Чембало[94].

В.П. Кирилко, изучив историографическую традицию о землетрясении XV в. (от сообщений путешественников начала XIX в. до изысканий А.А. Никонова), утверждает, что об этом землетрясении известно давно, и источники информации заслуживают доверия.

Сопоставив данные письменных источников о ходе войны 1423 г. между княжеством Феодоро и генуэзцами, В.П. Кирилко приходит к выводу, что ее внезапное прекращение в разгар боевых действий, склонявших чашу весов в пользу феодоритов, и предпринятое затем обеими сторонами конфликта масштабное

---

[87] Кирилко 2005: 49–59.
[88] Кирилко 2005: 49–51.
[89] Кирилко 2005: 59.
[90] Кирилко 2005: 57.
[91] Никонов 1994: 26.
[92] Адаксина 2002: 7, 10–11, 13–15.
[93] Фирсов 1990: 70.
[94] Кирилко 2005: 58.

строительство, было вызвано тем самым землетрясением, о котором сообщают легенды и объективные данные археологических раскопок. Его разрушительную силу А.А. Никонов предположительно оценивал в 8–9 баллов (для региона Большой Ялты)[95].

На основании изложенных выше фактов и их сопоставления В.П. Кирилко предположил, что разрушительное землетрясение в регионе Южного Крыма произошло в октябре-ноябре 1423 года.

Предпринятое В.П. Кирилко исследование является важным шагом на пути создания методики сейсмоисторических изысканий. Автор опирается на материалы археологического изучения (тщательно документированных раскопок) широкого круга памятников, расположенных в трех тектонически зависимых друг от друга сейсмических районах Крымско-Черноморского региона: 1 (Севастопольском), 2 (Ялтинском) и 3 (Алуштинском).

Изучены признаки разрушений, обнаруженные на этих памятниках на предмет их сейсмического происхождения, с опорой на специальную литературу в области сейсмологии. Привлекаются средневековые письменные источники и записки путешественников нового времени, относящиеся именно к изучаемому региону, а не к отдаленным местностям. Поэтому, оценка полученных В.П. Кирилко результатов и предложенная на их основе датировка выглядят достаточно аргументированными.

По итогам изучения источников и историографии истории крымских землетрясений, считаю необходимым подчеркнуть:

1. Письменные источники позволяют уверенно говорить лишь о двух средневековых крымских землетрясениях: 1292 г., которое не было разрушительным; и о катастрофическом, сопровождавшемся многочисленными афтершоками землетрясении 1615 г. Оба эти события произошли в сейсмозоне 4 (Феодосийской) и вряд ли могли иметь разрушительные последствия в Юго-Западном Крыму.

2. Сопоставление данных крымских легенд, записанных путешественниками XVIII–XIX вв., и данных археологии, позволяет отнести к разряду достоверных сейсмических событий разрушительное землетрясение XV в. в сеймозоне 2 (Ялтин-

[95] Никонов 1984: 43.

ской), имевшее также разрушительное воздействие на сейсмозону 1 (Севастопольскую).

3. Гипотезы о «херсонесских» землетрясениях V и VI вв. весьма сомнительны и пока не доказаны.

4. Гипотеза о «херсонесском» землетрясении III в. является перспективной, но нуждается в дальнейшем изучении и проверке.

5. Гипотеза о разрушительном землетрясении 1341 г. недостоверна.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить лишь о трех достаточно поздних крымско-черноморских землетрясениях, которые были разрушительными: XV в. (1423(?) г.), 1615 г. и 1927 года. Предполагать разрушительное воздействие на Крым землетрясений с очагами в других регионах Земли оснований нет, и тем более у нас нет фактических оснований говорить о том, что крымские землетрясения (или оползни) могли спровоцировать землетрясения в Венгрии или Шлезвиге, как наивно полагал 200 лет назад П.А. Сумароков.

Что же касается Кучук-Койского оползня, который дал первый толчок к изучению истории крымских землетрясений, то он и по сей день активен, и продолжает разрушать старую и новую дороги, ведущие из Севастополя в Ялту. Кроме того, он превратился в одну из главных природных достопримечательностей Южного Берега Крыма.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адаксина 2010 — *Адаксина С.Б.* Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг. СПб., 2002.

Антонова, Никонов 1995а — *Антонова И.А., Никонов А.А.* Следы сейсмических воздействий на оборонительных сооружениях Херсонеса // Проблемы сейсмобезопасности Крыма: Сборник материалов конференции. Севастополь, 1995. С. 36.

Антонова, Никонов 1995б — *Антонова И.А., Никонов А.А.* Следы сейсмических воздействий на оборонительные сооружения Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье. СПб, 1995. С. 55–56.

Антонова 1999 — *Антонова И.А.* Следы сильных землетрясений в Херсонесе // Фундаментальные и прикладные проблемы мони-

торинга и прогноза стихийных бедствий: Тез. докл. Севастополь, 1999. С. 9.

Антонова, Никонов 2009 — *Антонова И.А., Никонов А.А.* Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье // Очерки по истории христианского Херсонеса. СПб., 2009. С. 14–51.

Бертье-Делагард 1888 — *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времени императора Зенона // ЗООИД. 1888. Т. 16. С. 55–88.

Бибиков 1998 — *Бибиков М.В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998.

Броневский 1822 — *Броневский В.Б.* Обозрение Южного берега Таврида в 1815 г. Тула, 1822.

Геродот 1972 — *Геродот*. История в девяти книгах / Отв. ред. С.Л. Утченко. Л., 1972.

Двойченко 1928 — *Двойченко П.А.* Черноморские землетрясения в Крыму. Симферополь, 1928.

Деяний… 1794 — Деяний церковных и гражданских от Рождества Христова до половины пятагонадесять столетия, собранных Георгием Кедриным и другими (в 3 кн., кн. 3) / Пер. И. Иванова. СПб., 1794.

Дублянский, Амеличев, Вахрушев 1995 — *Дублянский В.Н., Амеличев Г.Н., Вахрушев Б.А.* Палеосейсмическая активность горного Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1992 г. Симферополь, 1995. С. 118–123.

Завадская 2010а — *Завадская И.А.* Катастрофа в Херсоне на рубеже тысячелетий: источники гипотезы о землетрясении // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : «Империя» и «полис». Тез. докл. и сообщений II Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05–04.06.2010). Севастополь, 2010. С. 11–13.

Завадская 2010б — *Завадская И.А.* Катастрофа в Херсоне в конце X–XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2010. Вып. XVI. С. 456–487.

Землетрясение 2000 — Землетрясение 6 июня 2000 года. — Электронный ресурс [режим доступа: http://seismograph.ru/-5561.html, дата обращения — 30.10.2016].

Зубарь, Сорочан 1998 — *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX. С. 118–132.

Зубарь Антонова 2001 — *Зубарь В.М., Антонова И.А.* О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсоне-

са // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 118–132.

Информационное сообщение 19.05.2011 — Информационное сообщение о разрушительном землетрясении в Турции 19 мая 2011 г. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.ceme.gsras.ru/-cgi-bin/info_quake.pl?mode=1&id=172, дата обращения — 30.10.2016].

Информационное сообщение 23.10.2011 — Информационное сообщение о разрушительном землетрясении в Турции 23 октября 2011 г. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.ceme.-gsras.ru/cgi-bin/info_quake.pl?mode=1&id=181, дата обращения — 30.10.2016.

Исторические сведения 1999 — Исторические сведения о сейсмичности района землетрясения 12 ноября 1999 г. — Электронный ресурс [режим доступа: http://zeus.wdcb.ru/wdcb/sep/strong/-19991112/hist.html, дата обращения — 30.10.2016].

Кирилко 2005 — *Кирилко В.П.* Крепостной ансамбль Фуны 1423–1475 гг. Киев, 2005.

Кондараки 1875 — *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. Т. 4 — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.krimo-ved.crimea.ua/kondaraki.html, дата обращения — 30.10.2016].

Люттвак 2010 — *Люттвак Э.Н.* Стратегия Византийской империи. М., 2010.

Макросейсмические сведения 1999 — Макросейсмические сведения о землетрясении 17 августа 1999 г. — Электронный ресурс [режим доступа: http://zeus.wdcb.ru/wdcb/sep/strong/ 19990817/macro.-html, дата обращения — 30.10.2016].

Маркевич 1915 — *Маркевич А.И.* К появлению оползней Яйлы близ дер. Кучук-Кой, Ялтинского уезда, в марте 1915 года (архивная справка) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1915. № 52. С. 254–259.

Маркевич 1928 — *Маркевич А.И.* Летопись землетрясений в Крыму // Черноморские землетрясения 1927 года и судьбы Крыма. Симферополь, 1928. С. 64–73.

Мурзакевич 1837 — *Мурзакевич Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.

Никифор Григора 1862 — *Никифор Григора*. Римская история / Пер. под ред. П. Шалфеева. СПб., 1862.

Никифор Григора 2013 — *Никифор Григора*. История ромеев / *Ρωμαϊκή ἱστορία* / Пер. с греч. Р.В. Яшунского, вступит. ст. Л. Герд. СПб., 2013. Т. I.

Никифор Григора 2014 — *Никифор Григора*. История ромеев / *Ρωμαϊκή ἱστορία* / Пер. с греч. Р.В. Яшунского, вступит. ст. Л. Герд. СПб., 2014. Т. II.

Никонов 1983 — *Никонов А.А.* Землетрясения в легендах и сказаниях // Природа. 1983. № 11. С. 73–78.

Никонов 1984 — *Никонов А.А.* Землетрясения... Прошлое, современность, прогноз. М., 1984.

Никонов 1986 — *Никонов А.А.* Землетрясения XVII века в Восточном Крыму // Известия АН СССР. Физика Земли. 1986. № 6. С. 79–85.

Никонов 1994 — *Никонов А.А.* Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли. 1994. № 11. С. 20–31.

Никонов 1997 — *Никонов А.А.* Цунами на берегах Черного и Азовского морей // Физика земли. 1997. № 1. С. 86–96.

Никонов 1999а — *Никонов А.А.*Сейсмическая катастрофа в Турции // Природа. 1999. № 11. С. 3–9.

Никонов 1999б — *Никонов А.А.* Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение существующих карт и параметров реальных событий // IV Науково-технічна конференція «Будівництво в сейсмічних районах України»: Доповіді. Ялта, 18–21 травня 1999 р. С. 181–186.

Никонов 2002 — *Никонов А.А.* Крымские землетрясения 1927 года: неизвестные явления на море // Природа. 2002. № 9. С. 13–20.

Паллас 1881 — *Паллас П.С.* Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 г. // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62–210.

Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун 1989 — *Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В.* Землетрясения Крымско-Черноморского региона (инструментальный период наблюдений). Киев, 1989.

Пустовитенко, Кульчицкий, Каменобродский 1995 — *Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Каменобродский А.Г.* Об изучении исторических землетрясений Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1992 г. Симферополь, 1995. С. 104–111.

Романчук 2004 — *Романчук А.И.* Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.

Смирнов 1931 — *Смирнов М.В.* Каталог землетрясений в Крыму. Симферополь, 1931.

Сорочан 2005 — *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.

Сумароков 1803 — *Сумароков П.И.* Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1.

Сумароков 1805 — *Сумароков П.И.* Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805. Ч. 2.

Суров 1961 — *Суров Е.Г.* Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.

Фирсов 1976 — *Фирсов Л.В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976.

Фирсов 1990 — *Фирсов Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.

Хапаев 2008 — *Хапаев В.В.* Письменные источники по истории крымских землетрясений античного и средневекового периодов // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 3–15.

Хапаев 2011 — *Хапаев В.В.* О причинах генеральной перестройки византийского Херсона на рубеже VI–VII вв.: землетрясение или чума? // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2011 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2011». Севастополь, 2011. С. 105–107.

Хапаев 2012 — *Хапаев В.В.* Историография XIX–XX вв. об истории крымских землетрясений античного и средневекового периодов // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». 2012. Т. 25 (64). № 1. С. 185–198.

Хоєцький 2008 — *Хоєцький Е.* Спогади з подорожі по Криму / Пер. С польської О.О. Тищенко-Монастирська. Сімферополь, 2008.

Шнюков, Митин, Цемко 1994 — *Шнюков Е.Ф., Митин Л.И., Цемко В.П.* Катастрофы в Черном море. Киев, 1994.

Chojecki 1845 — *Chojecki E.* Wspomnienia z podróży po Krymie. Warszawa, 1845.

Ioannis Cantacuzeni 1831 — *Ioannis Cantacuzeni* eximperatoris historiarum libri quattuor. Ed. L. Schopen. Bonn, 1831. Vol. II.

Muralt 1855 — *Muralt M.E.* Essai de Chronographie Byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slavons de 395 à 1057. SPb., 1855.

Nicephori Gregorae 1830 — *Nicephori Gregorae*. Byzantina historia / Cura Ludovici Schopeni. Bonnae, 1830. Vol. 1.

Seismic… 1964 — Seismic intensity scale version MSK 1964 — Электронный ресурс [режим доступа: http://unesdoc.unesco.org/-images/0015/001545/154508eb.pdf, дата обращения — 30.10.2016].

А.А. Фролов, А.А. Голубинский

ВЕБ-КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ РЕСУРС «ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ БЕЖЕЦКОГО ВЕРХА»*

Аннотация: В статье публикуется описание технологии создания исторической геоинформационной системы, доступной пользователю через сеть Интернет (веб-ГИС), которая визуализирует историко-географические данные основных источников по исторической географии Бежецкого Верха: картографических материалов Генерального межевания конца XVIII в., писцовых, переписных и межевых книг, чертежей XVII в., актов феодального землевладения и дозорных епархиальных описаний XV–XVI вв. Бежецкий Верх — регион, в верхнем течении р. Мологи, где интересы Новгорода сталкивались с притязаниями великих и удельных князей. Многие вопросы, важные для изучения русской истории XI–XVIII вв. в целом, могут решаться только при обращении к исторической карте данного региона. Предлагаемый вниманию пользователя ресурс призван способствовать научному изучению региона, а также развитию образовательного потенциала всех, кто интересуется русской историей и историей края.

Ключевые слова: Бежецкий Верх, источниковедение, историческая география, интеграция исторических источников, геоинформационная система.

В XIII–XIV веках исторический регион, известный как Бежецкий Верх, занимал пограничное положение между Новгородской землей и княжествами Северо-Восточной Руси. Здесь практиковались формы так называемого «сместного управле-

* Работа выполнена в Лаборатории исторической геоинформатики ИВИ РАН при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-12011в).

ния», в рамках которого властные прерогативы тем или иным способом были распределены между представителями новгородских элит и князьями Владимирскими. Уже в первой половине XV в. новгородцы утрачивают фактический контроль над этими землями. В XV–XVI вв. регион часто оказывается в составе владений удельных князей Московской Руси. История административного деления региона, распределение в нем различных территориальных юрисдикций — интересная и сложная проблема, дальнейшее исследование которой возможности только путем актуализации географической информации, скрытой в исторических источниках.

Работа по созданию геоинформационной системы (ГИС), интегрирующей сведения основных историко-географических источников XV–XVIII вв. по истории Бежецкого Верха, была начата в 2013 г. Целью проекта являлось не столько локализовать максимально точно и полно каждый элемент поселенческой структуры региона, сколько визуализировать в целом ту географическую информацию, которую содержат известные источники: материалы Генерального межевания (далее — ГМ), писцовые описания XVI–XVII вв., актовый материал XV–XVI вв. Таким образом, проект обращен, в первую очередь, к географии исторических источников, во вторую — к исторической географии. При этом с самого начала ГИС была задумана как картографический ресурс, доступный любому пользователю в сети Интернет посредством обычного браузера и не требующий специальных знаний в области геоинформационных технологий (то есть веб-ГИС). В настоящей статье публикуется описание данного ресурса, которое состоит из несколько частей, соответствующих различным логическим этапам работы.

Технология локализации объектов исторических источников по Бежецкому Верху

Давно доказавший свою эффективность метод ретроспективного картографирования, изложенный в трудах А.М. Андрияшева[1] и М.В. Витова[2], определил порядок работы с историко-географическим материалом: от тех, что содержат древней-

[1] Андрияшев 1913; Андрияшев 1914.
[2] Витов 1956: 231–264.

шую картографическую информацию, но по времени создания относятся к числу позднейших в списке привлекаемых источников (планы дач ГМ XVIII в.), через писцовые описания XVII в. к материалам более ранним. Применение современных цифровых технологий для развития этой методики в формате исторического атласа уже было апробировано на материалах соседней с Бежецким Верхом Новгородской земли[3].

Для отбора исторических источников, которые необходимы проекту в первую очередь, была проведена работа по определению общих границ Бежецкого Верха по историческим данным — материалам опубликованных источников и историко-географических исследований. Установлено, что исторический Бежецкий Верх, описанный в документах XIV–XVII вв., в конце XVIII–XIX в. был в значительной степени занят территорией трех уездов Тверского наместничества (с 1796 г. — Тверской губернии): Бежецкого, Краснохолмского и Весьегонского. Позднее, по ходу работы с конкретными топонимическими материалами, были выявлены несколько микрорегионов, вышедших за пределы этих административных единиц: Кашинского уезда Тверского наместничества (район с. Кесова Гора), Мышкинского и, возможно, Мологского уезда Ярославского наместничества (район с. Воскресенское). Данные историко-географических источников по этим небольшим окраинным участкам Бежецкого Верха остались пока вне поля зрения разработчиков ГИС.

Базовым картографическим источником послужили так называемые уездные атласы последнего десятилетия XVIII в. Каждый уездный атлас (мсш. 2 версты в дюйме, то есть 1:84000) подразделяется на несколько частей, представляющих собой отдельные архивные дела, хранящиеся в РГАДА[4]. Как правило, достоинством этих карт является изображение на них границ земельных дач ГМ с указанием соответствующей нумерации. Однако заметным недостатком стало то, что уездные карты представляют собой результат генерализации картографической информации планов дач. Если планы дач снимались путем промера длины и угла поворота участка межи и могут быть доста-

[3] Фролов, Пиотух 2008.

[4] РГАДА. Ф. 1356. Дд. 5952–5956. Бежецкий уезд; дд. 5989–5992. Краснохолмский уезд; дд. 5959–5962. Весьегонский уезд.

точно точно привязаны к современной карте[5], то уездные карты составлялись без математической картографической основы путем монтажа уменьшенных в масштабе контуров дач[6]. При этом как контуры дач, так и очертания природных ландшафтов при переносе с крупномасштабных планов могли подвергаться весьма существенной трансформации. Карты уездных атласов не приспособлены для сколько-нибудь точной привязки к современной карте. Этот недостаток, малозаметный при традиционных методах работы с материалами ГМ, стал более ощутим при работе в ГИС, поэтому в процессе локализации исторических объектов их во многом заменил Атлас генерала А.И. Менде середины XIX века.

Важную роль в локализации исторических объектов сыграли крупномасштабные планы земельных дач ГМ. Опыт работы со многими тысячами планов дач свидетельствует, что они несут информацию о топонимике, которая отсутствует в Экономических примечаниях. Выборочная проверка подтвердила верность этого тезиса и для изучаемых уездов. Поэтому для создания базы данных топонимов ГМ был предпринят просмотр всех планов дач (более 3300) Бежецкого, Краснохолмского и Весьегонского уездов Тверского наместничества.

Источниками по истории XVII в., которые были использованы в проекте, являются:

а) межевая книга 1627–1629 гг. поместных и вотчинных земель в станах Городецком, Каменском, Пироговском, Ивановском, Мещерском, Березовском, Онтоновском, Верховском, Полянском, Есеницком и волости Лесоклинской письма и межевания Д.П. Свечина и подъячего Федора Второго[7];

б) писцовая книга 1627–1629 гг. поместных, вотчинных и порозжих земель в станах Городецком и Каменском письма и меры Д.П. Свечина[8];

в) переписная книга 1646–1647 гг. посадских дворов в г. Городецке и поместных и вотчинных селений и дворов в станах

[5] Фролов 2008: 363–372.

[6] Гедымин 1998: 83-90; Golubinsky, Alyabina, Shalashova, Khitrov 2013: 250; Фролов, Пиотух 2008: 41.

[7] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 23.

[8] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 24, части 1–2.

Городецком, Пироговском, Ивановском, Мещерском, Каменском, Березовском, Онтоновском, Верховском, Полянском, Есеницком и Лошинском и в волости Клинской дозора и переписи И.Д. Колычева и подьячего Я. Федорова[9];

г) переписная книга 1677 г. посадских дворов в г. Городецке и поместных и вотчинных селений и дворов в станах Городецком, Каменском, Пироговском, Ивановском, Мещерском, Березовском, Онтоновском, Верховском, Полянском, Есеницком и Лошинском и в волостях Дорской и Сулешской, Лесоклинской, присельях Максимовском и Есьском переписи Д.Г. Тютчева и подьячего В. Яковлева[10];

д) список с писцовой и межевой книги 1686/87 г. Городецкого стана письма и межеванья Федора Петровича Поленова и подьячего Тимофея Павлова[11];

е) русские чертежи XVII в., относящиеся к территории Бежецкого Верха (нумерация по Каталогу В.С. Кусова)[12]:

№ 445 — «Чертеж земель по реке Могоче с деревней Машиха Антонова монастыря»[13];

№ 448 — «Чертеж земель Бежецкого и Кашинского уездов по дороге в село Кесову Гору»[14];

№ 449 — «Чертеж земель по дороге в село Кесову Гору»[15];

№ 451 — «Чертеж земель по реке Корожешне у села Кузнецово»[16];

№ 455 — «Чертеж досмотра пустоши Стребухи в Бежецком уезде в Мещерском стане»[17];

№ 457 — «Чертеж Ястребухе — спорной пустоши Городецкого стану»[18];

№ 458 — «Чертеж Стребухе — спорной пустоши в Мещерском стану»[19];

---

[9] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 25.
[10] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11440.
[11] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 279. Л. 507-525.
[12] Кусов 2007.
[13] РГАДА. Ф. 1209. Стлб., Торжок. 27005. Ч. 1. Л. 61-63.
[14] РГАДА. Ф. 1209. Стлб., Торжок. 27015. Ч. 1. Л. 133.
[15] РГАДА. Ф. 1209. Стлб., Торжок. 27015. Ч. 1. Л. 132.
[16] РГАДА. Ф. 1209. Стлб., Торжок. 27049. Ч. 2. Л. 229—230.
[17] РГАДА. Ф. 1209. Стлб., Торжок. 27438. Ч. 2. Л. 411.
[18] РГАДА. Ф. 1209. Стлб., Торжок. 27438. Л. 497, 498.

№ 477 — «Чертеж земель по речке Баскаковке»[20].

Ценным источником по исторической географии Бежецкого Верха XVI в. является дозорное описание храмов Городецкой десятины, выполненное Долматом Тишневым в середине 1570-х годов[21].

Привлечены к работе и данные 57 бежецких грамот, опубликованных в Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века[22].

Общая логика примененного метода локализации исторических объектов заключается в том, чтобы находить соответствия между уже геокодированными объектами и теми, которые должны быть локализованы. Простейшим примером является обнаружение топонима писцовой книги среди деревень на карте ГМ или Менде. Возможна локализация и опосредованно — через соотнесение с пустошью ГМ, положение которой устанавливается пределами соответствующей земельной дачи, или по указаниям писцовой книги о топографии (например, в устье реки), или по нахождению в числе межевых ориентиров на меже и т.п. Критерием правильности отождествления может служить нахождение среди других топонимов, локализованных в той же местности, и принадлежность к той же административной единице.

Для облегчения работы по локализации селений исторических источников были составлены карты принадлежности к станам и волостям земельных дач ГМ XVIII в., посредством чего удалось подробнее реконструировать историю административного деления в регионе в конце XVIII в. Административная история региона в период проведения ГМ сложна, а формулировки, встреченные в картушах планов дач, разнообразны — в связи с тем, что составление планов происходило в те же годы, когда происходили изменения в административном устройстве. В 1776 г. северная часть территории Бежецкого уезда при создании Тверского наместничества была преобразована в Краснохолмский уезд, который, однако, был упразднен уже в 1796 г. — при преобразовании наместничества в Тверскую губернию. На

[19] РГАДА. Ф. 1209. Стлб., Торжок. 27438. Л. 411.
[20] РГАДА. Ф. 1209. Стлб., Торжок. 27031. Л. 177.
[21] Писцовые книги 2001: 195–239.
[22] Акты 1952.

территории Краснохолмского уезда ГМ проходило в основном до 1776 г., поэтому в картушах почти всех планов, хранящихся в архивных папках по Краснохолмскому уезду, указана принадлежность к Бежецкому уезду. В 1778 г. из части бывших земель Углицкой провинции образован Весьегонский уезд Тверского наместничества. Но в 1796 г. он также оказывается упразднен с последующим восстановлением в 1803 г. — уже включая заштатный город Красный Холм. Кроме того, имели место и передачи приграничных дач от одного уезда к другому.

Как правило, факты передачи земли фиксировались соответствующей записью в картуше плана дачи. В коллекциях планов, сгруппированных по уездам, есть не только дачи, добавленные из состава других уездов (например, «Вышневолоцкого, что ныне Бежецкого уезду»), но и дачи, отданные другим уездам (например, «Бежецкого, что ныне Тверского уезду»). Однако формулировки картушей не всегда позволяют судить об административной принадлежности дачи на момент составления ее плана. К примеру, в коллекции планов Бежецкого уезда есть планы, где указана принадлежность дачи к Тверскому уезду. Вероятно, в таких случаях следует подозревать принадлежность к Тверскому уезду уже в прошлом, поскольку на карте многие из таких дач оказываются окружены со всех сторон дачами Бежецкого уезда.

Чем позже датируются планы, тем реже в них упоминается о принадлежности дачи к стану. Всего в пределах трех уездов в конце XVIII в. планы характеризуют земли 19 станов (некоторые иногда назывались волостями): Антоновский, Белетовский, Верховский, Городецкий, Есеницкий, Ивановский, Калининский, Каменский, Лесоклинский, Лошецкий, Мещерский, Осеченский, Пироговский, Полянский, Раевский, Сосницкий, Сулежский, Удомельский, Шейский (Шейский и Кушальский), а также Максимовское «приселье». Многие планы западных земель региона запечатлели также былую принадлежность их к погостам Новгородской земли: Богородицкому Павскому, Богородицкому Рыбенскому, Волдомицкому, Залазенскому, Михайловскому, Никольскому Смердынскому, Покровскому Мирогожской Дубровы, Покровскому Слезкинскому, Сарагожскому. Существование отдельных «обрывков» и единичных дач, представляющих тот или иной стан, свидетельствует о том, что

ко времени ГМ одни станы целиком или частично поглотили другие, а данные о других сохранились уже в качестве элемента исторической памяти. Из состава земель Устюжны была присоединена, видимо, целиком, Белетовская (Велетовская) волость, именуемая также станом. Вновь созданными были Удомельский и Раевский станы — получившие свои названия от топонимики новгородских погостов. Возможно, по случайности оказались совмещены Есеницкий стан, расположенный в основном в Весьегонском уезде, и Еськое приселье, названное также Есеницким станом, в Бежецком уезде.

Селения и пустоши из разновременных книг XVII в. легко соотносятся между собой благодаря возможности проследить владельческую историю микрорегиона. Если хотя бы один из этих топонимов может быть сопоставлен с геокодированным объектом на карте ГМ, карте Менде или на современной карте, все остальные, соответственно, также получают свои координаты. Топонимика пустошей ГМ конца XVIII в., которая насчитывает несколько тысяч названий, была при этом задействована лишь отчасти — максимально полная локализация всех объектов, упомянутых в исторических источниках, в задачи проекта не входила.

Определение расположения значительной части селений и пустошей XVII в. позволило выполнить и локализацию межевых границ, описанных в межевой книге 1627 г.[23]. Для отображения этих границ в ГИС были использованы очертания земельных дач ГМ, если содержимое дачи не противоречило составу земель, описанных в межевой книге. Но в ряде случаев дачи ГМ объединяли несколько участков, межеванных в 1620-е гг. Отметим, что межевая книга в качестве топографических ориентиров использует огромное количество пустошей и служит, тем самым, надежным источником для их локализации, существенно дополняя результаты реконструкции сети расселения XVI–XVII веков.

Совокупное знание о топографии селений и пустошей XVII в., их владельческой и административной истории облегчило процесс локализации объектов из более ранних источников

[23] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 23.

— бежецких актов XV–XVI вв., дозора храмов середины 1570-х годов.

Технология создания «настольной» ГИС

Технология работы с ГИС, реализованная в историческом атласе Деревской пятины[24], была модифицирована под задачи проекта и получила дальнейшее развитие. Накоплен также и опыт использования ГИС-технологий в микрорегиональных историко-географических исследованиях.

Прежде всего, мы отказались от работы с ArcView (ныне превращенной в ArcGIS), которая является достаточно популярной проприетарной ГИС. Предпочтение отдано программе QuantumGIS или QGIS[25]. Ее преимуществами является доступность (она распространяется бесплатно), открытость кода (это дает возможность постоянно совершенствовать ее силами заинтересованного сообщества и создавать модули для решения конкретных задач), простота использования, русифицированный интерфейс, сходство «архитектуры» с ArcView и использование одного из самых популярных в цифровой картографии формата *shape*. Принималась также во внимание распространенность Quantum GIS и ArcView и среди зарубежных историков, и среди тех немногочисленных отечественных исследователей, кто применяет в своих работах методы исторической геоинформатики.

В начале работы использовалась версия QuantumGIS 1.7.4. Более поздние версии, существовавшие к моменту принятия решения (версия 1.8 и 1.9), имели проблемы с изменением кодировок символов в библиотеках GDAL, интегрированных в ядро Quantum GIS, вследствие чего кириллические символы в атрибутивных таблицах отображались некорректно, а растры формата GeoTIFF не всегда корректно перепроецировались. Позднее, в 2015 г., мы перешли на более новую версию QuantumGIS — 2.8.3, усилиями разработчиков избавленную от проблем с кодировкой кириллицы в библиотеках GDAL. ГИС-проект создавался первоначально в системе координат EPSG:3785, Popular Visualisation CRS / Mer-cator, а основные растровые слои — в EPSG:28406,

[24] Фролов, Пиотух 2008.

[25] Электронный ресурс [режим доступа: http://qgis.org, дата обращения — 30.10.2016].

Pulkovo 1942 / Gauss-Kruger zone 6, векторные слои — в EPSG:4326, WGS84. Позднее, для нужд онлайн-оболочки, большинство слоев было переконвертировано в EPSG:4326, WGS84.

Картографическая привязка полигонов, соответствующих земельным дачам ГМ, и точек, соответствующих населенным пунктам ГМ, а также растровых изображений уездных планов ГМ осуществлялась в ГИС с использованием в качестве «подложки» карты Тверской губернии генерала А.И. Менде середины XIX в. Привязка карты Менде к современной системе координат (в проекции EPSG:3785 — Popular Visualisation CRS / Mercator) выполнена исследовательской группой В.Г. Щекотилова (www.boxpis.ru). Для удобства работы с мелкомасштабной картой использован также Атлас 1821 г.[26]. Полигональный слой, отображающий положение земельных дач ГМ, насчитывает: по Бежецкому уезду — 771 полигон, по Краснохолмскому уезду — 1042 полигона, по Весьегонскому уезду — 1448 полигонов. Векторный точечный слой с населенными пунктами Бежецкого, Краснохолмского и Весьегонского уездов по данным уездных планов конца XVIII в. и Экономическим примечаниям к ним насчитывает 2370 точек. Выделен отдельный точечный слой с селениями, существовавшими на момент составления Атласа Менде (2521 точка).

Для характеристики земельных дач ГМ созданы атрибутивные таблицы, которые включили сведения о топонимах картушей планов дач, их принадлежности к земельной даче, административной принадлежности дачи и архивном шифре соответствующего плана. Привязка записи атрибутивной таблицы к соответствующему полигону в *shape*-файле осуществляется по общему ID в ключевом поле.

Атрибутивные таблицы были созданы и для каждого из исторических источников, интегрированных в ГИС. Присвоение объекту из атрибутивной таблицы того ID, который имеет точка на карте, автоматически связывает с этой точкой пространства все поля данной записи. Таким образом, в настоящее время установлено положение 1047 объектов писцовой книги 1627–

[26] Привязка осуществлена в рамках следующего проекта — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Departments/RusHis19/maps/, дата обращения — 30.10.2016].

1629 гг.; 905 объектов переписной книги 1646–1647 гг.; 1000 объектов переписной книги 1677 г.; 105 объектов писцовой и межевой книги 1686/87 г. В межевой книге 1627–1629 гг. локализованы границы 70 владений из 81-го, положение небольших восьми владений пока не удалось установить, еще три относятся к территории за пределами Бежецкого, Краснохолмского и Весьегонского уездов конца XVIII в. В дозоре храмов Городецкой десятины содержится описание 244 объектов с указанием административной принадлежности храма, его статуса (приходная, ружная, выставочная от другого храма), текущего состояния (дозорщик отмечал факт пустоты), посвящения, расположения в селе, топографической привязки (на реке, в волостке), входящих в приход храма селениях и их владельцах. Пока что локализовать путем сопоставления с топонимами XVII–XX вв. удалось лишь 99 храмов. В ходе локализации данных 57 бежецких актов XV–XVI вв. было определено положение 130 географических объектов. Созданная ГИС включила также и растровые слои с восемью чертежами XVII в. русского производства, относящимися к территории Бежецкого Верха (уже упоминавшиеся ранее №№ 445, 448, 449, 451, 455, 457, 458, 477 по Каталогу В.С. Кусова)[27].

Технология создания веб-ГИС и ее возможности

Создание онлайн-оболочки для представления материалов по Бежецкому Верху производилось главным образом на основе системы хранения и предоставления информации Geoserver версии 2.6. Эта программа позволяет максимально удобно организовать загрузку и хранение картографических файлов. В некоторых случаях, особенно тогда, когда было необходимо загружать большой объем растровых данных, более удобным оказалось применение продуктов компании NextGIS — NextGIS Web и NextGIS Manager. Обе эти программы являются бесплатными и распространяются свободно. Они установлены на также являющуюся бесплатной операционную систему Ubuntu версии 14.04 LTS. Для функционирования Geoserver применена среда разработчика Tomcat.

[27] Кусов 2007.

По мере накопления практического опыта работы с веб-ГИС были рассмотрены различные варианты картографической проекции, в которой может существовать проект. Распространенным вариантом является хранение векторных слоев в проекции EPSG:4326 / WGS84, а растровых — в EPSG: 3785 Popular Visualisation CRS / Mercator или EPSG:3857 WGS 84 / Pseudo Mercator. Первоначально, когда основная работа шла в настольной QuantumGIS, приемлемым было любое решение, поскольку программа любую проекцию способна преобразовать «на лету» в проекцию, назначенную всему проекту. Более актуальным вопрос стал, когда началась активная работа с онлайн-оболочкой: перепроецирование «на лету», выполняемое Geoserver, поглощает дополнительные ресурсы сервера и время выдачи результата. Поэтому в конечном итоге был сделан выбор в пользу EPSG:4326 как основной проекции. Она вполне подходит для отображения в электронной форме как атласа 1821 г., так и более позднего атласа А.И. Менде. Полностью избежать искажений пока не представляется возможным, так как для картографических памятников середины XVIII – середины XIX в. говорить о строгой математической основе сложно, можно лишь выбрать более или менее подходящую, но не идеальную проекцию.

Отображение картографической информации в браузере реализовано с помощью новой, третьей версии инструментария Openlayers. В связи с тем, что значительное количество функций предыдущей, второй версии, в современной не было сохранено, и в связи с недостатком соответствующих примеров программного кода, при создании инструментов отображения слоев приходилось писать управляющий код заново.

При отображении картографических элементов доступна возможность выбора слоев. В качестве подложки использована карта OpenStreetMap. В варианте по умолчанию включены почти все слои (кроме трех уездных планов конца XVIII в., которые по умолчанию отключены), сам пользователь в дальнейшем может менять настройки, отключая и подключая слои по своему выбору.

Вся текстовая и статистическая информация отображается в форме всплывающих окон, получаемая либо из *shape*-файлов, обращение к которым осуществляется через Postgresql, либо, в тех случаях, когда вступает в силу ограничение на длину запи-

си в сопутствующих *shape*-файлам *dbf*, через самостоятельную базу данных SQL с размещением файлов через PHPMyAdmin и запросами по Ajax.

Наиболее сложной проблемой оказалось предоставление пользователю возможностей текстового поиска по карте. К сожалению, до сих пор эта опция работает нестабильно.

Важнейшие для отображения и ознакомления с картографическими материалами инструменты — это увеличение или уменьшение, а также перемещение по полю карты. Пользователь может выбрать любой из уровней увеличения, которых в имеющимся варианте реализовано порядка десяти, используя кнопки «+» и «–» в левом верхнем углу экрана. Увеличение до выбранных пользователем пределов также возможно. Для этого необходимо, пользуясь компьютерной мышью или устройством типа *touchpad* и держа нажатой клавишу Shift, указать сначала один угол прямоугольного контура вида (нажать левой кнопкой мыши), затем второй угол, расположенный по диагонали от первого (отпустить левую кнопку мыши).

У каждого слоя имеются свои границы видимости. Вспомогательную роль играют изображения атласа 1821 г., хорошо иллюстрирующие общую конфигурацию Тверской губернии и трех рассматриваемых уездов. Они отображаются только для режима небольшого масштаба. В противоположность этому, материалы атласа Менде середины XIX в. уместно было показать для двух самых крупных режимов масштаба. Наибольшее увеличение требуется для просмотра растровых графических материалов по Тверской губернии XVII в. Подобно этому только в случаях сильного увеличения становятся видными полигоны границ дач и точечные обозначения населенных пунктов, в противном случае карта была бы переполнена значками и была бы крайне неудобной для восприятия.

Специфические условные обозначения были выработаны для разграничения уездов — они выделены для наглядности разными цветами. Для различения объектов, которые принадлежат к разным временным срезам (по описаниям XVII в.), а географическое положение совпадает, использованы квадраты разного размера и цвета с общим принципом — чем древнее, тем меньше становится условный знак. Это позволило даже при включении всех слоев достигать наглядности и информативности.

Для получения атрибутивных данных о точечных объектах, отображаемых в ГИС, необходимо при включенном слое «Информация по селениям (пустошам) ГИС» нажать щелчком мыши значок «i», расположенный в месте нахождения соответствующего объекта на карте. Для получения атрибутивных данных о земельных дачах Генерального межевания необходимо при включенном слое «Информация о полигонах Генерального межевания» нажать щелчком мыши значок компаса, помещенный в центре соответствующего полигона.

Некоторые перспективы развития проекта

Необходимо отметить, что процесс ретроспективного картографирования поселенческой структуры крупного региона распадается на серию итераций, поскольку не только локализация относительно поздних поселений открывает возможности для выяснения расположения относительно ранних, но и наоборот — раннее описание может содержать уточняющую информацию о положении селения (например, в связи с прохождением межи или благодаря наличию более подробных сведений о топографии), которая позволяет найти ранее не локализованное селение из разных описаний последующего периода. До относительно полной реконструкции поселенческих структур Бежецкого Верха остается еще несколько итераций. Общая перспектива увеличения доли локализованных исторических селений Бежецкого Верха и менее масштабная перспектива — корректировки координат уже локализованных — достижимы по мере вовлечения в процесс анализа новых топонимических свидетельств из новых исторических источников и более полного использования данных о топонимике пустошей ГМ. Дополнить уже привлеченную информацию теоретически возможно по материалам полевых записок ГМ — мы отнюдь не исключаем возможности, что некоторое количество пустошей, упомянутых в исходных документах межевания, не было зафиксировано при составлении планов дач. Кроме того, говоря о территориальной полноте представляемой картины, следует еще раз отметить, что относительно небольшие участки Бежецкого Верха оказались не охвачены работой в рамках завершенного проекта.

Все описанные возможности предоставлены пользователю в версии ГИС, опубликованной на сайте РГАДА[28]. Чаще обновляемая «лайт»-версия описанной веб-ГИС, обладающая ограниченными возможностями, но более оперативно обновляемая, доступна на сайте Центра исторической географии Института всеобщей истории РАН[29].

Благодарности

Авторы выражают благодарность тем, кто способствовал созданию ГИС «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» своим прямым участием в подготовительной работе или косвенной поддержкой этого начинания: Е.Е. Воробьевой (Москва), С.С. Кутакову (Тверь), А.И. Савиновой (Тверь), Ю.В. Степановой (Тверь), а также сотрудникам коммерческой компании ООО «NextGIS».

В качестве картографической подложки для облегчения навигации по карте использованы карты проекта OpenStreetMap © участники проекта OpenStreetMap, CC-BY-SA

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты 1952 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. I.

Андрияшев 1913 — *Андрияшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М., 1913. Вып. 2: Карты.

Андрияшев 1914 — *Андрияшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М., 1914. Вып. 1: Списки селений.

Витов 1956 — *Витов М.В.* Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 231–264.

Гедымин 1998 — *Гедымин А.В.* Генеральное межевание — важный источник информации при почвенных исследованиях // Региональные проблемы экологии, географии и картографии почв. М.; Смоленск, 1998. С. 83–90.

[28] Электронный ресурс [режим доступа: http://rgada.info/index.php?page=12, дата обращения — 30.10.2016].

[29] Электронный ресурс [режим доступа: http://bezhetsk.histgeo.ru/map.html, дата обращения — 30.10.2016].

Кусов 2007 — *Кусов В.С.* Московское государство XVI – начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007.

Писцовые книги 2001 — Писцовые книги Новгородской земли. М., 2001. Т. 3: Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в. / Сост. К.В. Баранов. С. 195–239.

Фролов 2008 — *Фролов А.А.* Дополнительные возможности использования материалов Генерального межевания для изучения исторических ландшафтов русского Средневековья // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008. С. 363–372.

Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). М.; СПб., 2008. Тт. 1–3.

Golubinsky, Alyabina, Shalashova, Khitrov — *Golubinsky A.A., Alyabina I.O., Shalashova O.V., Khitrov D.A.* From Survey Plans to Land Cover Maps: Data Generalization in the Cartographic materials of the General Land Survey in Russia (1765–1800) // 26th International Cartographic Conference. Dresden, Germany, August 25–30, 2013. Proceedings. — Электронный ресурс [режим доступа: http://icaci.org/files/documents/ICC_proceedings/ICC2013/_extendedAbstract/365_proceeding.pdf, дата обращения — 30.10.2016].

***Koelsch W.A.* Geography and the Classical World. Unearthing Historical Geography's Forgotten Past. London; New York: I.B. Tauris, 2013. 352 p. (Tauris Historical Geography Series).**

В 2013 г. Уильям Кёлш, эмерит университета Кларк в Бостоне, опубликовал большую книгу, посвященную «древней географии» (*Ancient Geography*), феномену культуры Нового времени, на который сравнительно недавно обратили внимание историки исторической географии.

Кажется, впервые это явление было описано другим заслуженным профессором, йельским античником и медиевистом Уолтером Гоффартом (Walter Goffart), который в 2003 г. издал книгу «Первые триста лет исторических атласов»[1]. Одним из ее сюжетов было исследование восходящего к началу XV в. деления гуманистической картографии на «древнюю» и «новую». По мысли Гоффарта, после того, как в 1406–1407 гг. вывезенный из Константинополя в Италию текст «Географии» Клавдия Птолемея, сопровождавшийся картами, был переведен на латынь, в ренессансной географии стала проблемой ситуация сосуществования двух систем знания о Земле — древней (*geographia vetus*), основанной на текстах классических авторов, и новой (*geographia nova*), порожденной плаваниями эпохи Великих географических открытий. Статус этих двух систем знания был разным. Как известно, например, из эссе Монтеня «О каннибалах», классическая географическая традиция, обладавшая высочайшим авторитетом, влияла на мировоззрение его современников сильнее, чем рассказы путешественников и очевидцев, еще не обладавшие особым ученым статусом. Так, пишет Гоффарт, присущее птолемеевской картографической традиции неправильное изображение побережья Каспийского моря доминиро-

[1] Goffart 2003.

вало в европейской картографии до экспедиций, осуществленных при Петре I[2]. Степень влияния «новой» географии быстро росла. Страсбургское переиздание птолемеевского атласа в 1513 г. включало в себя двадцать «новых карт» (*tabulae novae*), удваивавших его объем, но уже к 1570-м гг. ситуация стала обратной. Авраам Ортелий, автор атласа *Theatrum Orbis Terrarum* (1570 г.), полностью состоявшего из карт по «новой географии», уступая просьбам своих коллег-гуманистов, добавил к нему двадцать шесть карт «древней географии» (*Parergon Orbis Terrarum, sive veteris geographiae tabulae*, 1579 г.)[3]. По этой причине Ортелия принято считать отцом исторического атласа, отмечает Гоффарт, однако же, при всей правоте этих слов, нужно помнить, что сам он в данном случае использовал словосочетание *geographia vetus*, и, хотя его карты полезны для изучающих историю, они мыслились точно такой же отраслью географии, как «новые» карты из основной части его атласа[4].

С этой особенностью гуманистической «древней географии», возможно, связан и ее парадоксальный «антиисторизм»: карты атласов делились на два разряда, в одном из которых все карты были просто «древними», как правило, воспроизводившими карты из Птолемея, в другом — просто «новыми», без уточнения хронологии. Карты атласа Ортелия, посвященные конкретным историческим событиям, например, восточному

---

[2] Goffart 2003: 14.

[3] Goffart 2003: 15. См.: «Вслед за Птолемеем, древние авторы (*antiqui*) продолжали считаться ценным источником информации даже после того, как великие открытия показали, что в мире существует много такого, чего не было им известно… Практикующие географы опирались на информацию из этих источников, чтобы дополнить современные наблюдения, чье недавнее происхождение отнюдь не добавляло им веры. “Древняя география” продолжала изучаться с великим пиететом до XVIII века; она рассматривалась в качестве более высокой по статусу науки…. При этом “древняя география” не рассматривалась в качестве вспомогательной для истории; это была важнейшая составляющая географической науки как таковой» (здесь и далее сокращенный перевод везде мой. — *Ф. К.*).

[4] Goffart 2003: 30: «“Древняя география” была особенной отраслью учености (*authentic scholarly pursuit*), а не старомодным или эвфемистическим способом сказать “исторический”. Это была наука о мире с точки зрения классических авторов, таких как Страбон, Плиний, Птолемей и Солин… Будучи прологом или приложением, “древние” атласы не были принципиально другим типом карт, нежели основной атлас; и то и другое было географией, но одна была современная, другая — древняя».

путешествию Александра Македонского, делались таковыми при помощи одних только надписей на соответствующем листе, восходящем к Птолемею (итинерарий, места битв и тому подобные привычные нам элементы современной исторической карты отсутствовали)[5]. Хронология событий не интересовала авторов «древних» карт, атласы «древней географии» были построены по территориальному признаку, часто давались в сопоставлении с «новыми картами» территории: на одном листе располагалась «Древняя», а на другом — «Новая Галлия». Кроме того, до поры до времени, тематика этих «анахронистических» карт ограничивалась только классической и библейской древностью, которая позволяла картографам «несколько отдохнуть от Птолемея»[6].

Эпоха «древней географии» в ее картографическом виде закончилась в первой половине XVIII в. Гоффарт связывает это с французскими и немецкими атласами первых десятилетий XVIII века[7]. К. Хоффман показала, что во Франции «анахронистическая» традиция картографии уходит на задний план на протяжении одного десятилетия XVIII в. (1760–1770 гг.), уступая место новой манере *révolutions séculaires* (изображения динамики политических и административных границ), преимущественно на материале средневековой и новой истории Европы[8]. Труд Гоффарта, касавшийся только картографической стороны проблемы, оставлял открытыми многие вопросы — «древняя география», безусловно, не была исключительно картографическим феноменом. То же самое разделение на «древнюю» и «новую» географические традиции было свойственно и для широкого круга текстов, лежавших в жанровом пространстве между географией и историографией.

Именно в этом отношении представляется интересной новая книга У. Кёлша. Кёлш с самого начала расширяет содержание понятия «древней географии», указывая на то, что два термина — *ancient geography* и *classical geography* — с середины XVIII до конца XIX в. использовались как синонимы (с. xxi), обозначавшие весьма популярную область штудий. Между тем, как явствует из предисловия к работе, сильный интерес, кото-

[5] Goffart 2003: 24.
[6] Goffart 2003: 35.
[7] Goffart 2003: 135–139.
[8] Hoffman 2000.

рый «долгий девятнадцатый век», породивший географию в ее современном виде, испытывал к «древней географии», практически никогда не привлекал внимания историков науки.

Во введении к работе Кёлш вспоминает историю поисков истоков Дуная. Фактически эта задача допускает множество решений. Такова же, по мнению автора, и история современной географии, берущей начало из множества истоков, течение некоторых из которых проследить довольно сложно. Одним из таких истоков современной географии была «древняя география» в широком смысле — ученые штудии классической географии, составлявшие неотъемлемую часть университетской науки Нового Времени. По мысли Кёлша, «древняя география» влияла на складывание современной посредством нескольких традиций — в первую очередь, имеется в виду уже известная нам картографическая «древняя география», эволюционировавшая затем в учебный исторический атлас (с. 4–5); затем птолемеевская география как наука о размещении объектов; страбоновская география как *world cultural geography* (что бы это ни значило); павсаниевская периэгетическая традиция ученого путешествия (с. 6–7).

Основное содержание десяти глав книги — институциональная, биографическая и книжная история *classical geography* в Великобритании и США в период «долгого девятнадцатого века». В общих чертах суть процесса ясна с самого начала — восходящая к гуманистической учености «древняя география», в университетской практике XIX в. представлявшая собой специальное приложение к курсам по истории и филологии, в конце периода уступает место новой географии, превращающейся в самостоятельную дисциплину с позитивистскими методами. Читатель приступает к чтению, ожидая, что эта картина будет уточнена и расширена.

Кёлш начинает отсчет истории классической географии с деятельности «Общества дилетантов» XVIII в. (1-я глава), отмечая, что экспедиции и штудии *dilettanti* не были наукой в современном смысле слова, но представляли собой конгломерат протонаучных исследовательских практик, включавший в себя элементы еще не выделившихся в отдельные науки классических археологии, архитектуры, искусствоведения и географии. Вслед за самими дилетантами автор предпочитает именовать эту

деятельность «археографией» (*archaeography*), понимая под ней синтетический подход исследования древностей (*antiquities*) в их природном и социальном контексте, предполагающий фиксацию наблюдений в виде путевых дневников, карт, планов и чертежей. Эта синкретическая практика породила современные исследования классической древности, как Гондвана — современные континенты (с. 14–15). Часть экспедиций, осуществленных «Обществом дилетантов», внесла важный вклад в развитие классической географии. Таковы, например, исследования Троады, предпринятые Робертом Вудом в 1750-х гг. (Robert Wood, "Essay on the Original Genius and Writings of Homer", 1769, 1775). Кёлш отмечает, что в этих экспедициях формировались базовые модели эмпирического исследования территории, включавшие в себя записи, измерения и картографирование (с. 30–31). Топографический метод дилетантов, который отличался вниманием к пространственному контексту древностей и предполагал попытки реконструкций географических условий прошлого (Вуд, например, открыл тот факт, что равнина Трои весьма изменилась со времен Гомера по причине речных намывов), ушел на второй план в XIX в. с развитием классической археологии, с ее интересом к раскопкам и собиранию коллекций. Вместе с тем, нельзя недооценивать роль этих ранних работ в истории исторической географии, отмечает автор (с. 46–47).

Вторая и третья главы открывают американскую часть книги, посвященную в основном месту классической географии в американском образовании. История внедрения в программы американских колледжей европейской модели «древней географии» была непростой и не всегда успешной. У этой модели было достаточно конкурентов. В колониальный период (2-я глава) география, преподававшаяся в американских колледжах, чаще всего была частью курсов по натуральной философии (*natural philosophy*) и включала в себя элементы математики, астрономии и картографии (с. 51). Концепция «древней географии», которая должна была преподаваться классиками в составе курсов по классической истории и филологии, появилась на американском континенте в революционный период, вместе с классическими интересами отцов-основателей, искавших в древности модели для развития республиканского государства (с. 50). Однако, несмотря на значительные усилия Бенджамина Франклина и его

соратников, к концу XVIII в., эта концепция отнюдь не одержала безоговорочной победы в американском образовании, и в большинстве мест преподавалась по традиционным образцам (с. 67–68, 73). Примером удачного внедрения гуманитарной «древней географии» в программу колледжа был Виргинский университет, где эта концепция появляется усилиями Томаса Джефферсона, и укореняется к 1824 г. (3-я глава, с. 85–90).

Английские авторы, которым посвящены четвертая и пятая главы книги, символизируют собой первую ступень перехода от программы «древней географии» к институционализации географии как независимой дисциплины. Джеймс Реннел (James Rennell, 1742–1830) и Генри Фэншоу Тоузер (Henry Fanshawe Tozer, 1829–1916), при всей разнице их биографий (Реннел был сотрудником Ост-Индской компании в Бенгалии, а Тоузер — оксфордским тьютором) имели много общего в своих подходах к классической географии (4-я глава). Для обоих этих авторов был характерен интерес к сравнительной географии. При таком подходе наблюдения за современной географической средой (в частности, полевые, Тоузер провел много времени в путешествиях по Малой Азии и Греции) использовались для описания и реконструкции географических условий древности, составления сравнительных карт, сопоставлявших географию одного и того же района в древности и в наши дни. То, насколько высок был в культуре XIX в. статус античной древности, подтверждает пример английского премьер-министра Уильяма Гладстона, который на протяжении всей жизни посвящал свой досуг исследованиям в области классической географии (5-я глава). На склоне лет, в 1886 г. Гладстон признавался, что за свою жизнь прочел «Одиссею» 25, а «Илиаду» — 30 или 35 раз (с. 142). Между 1847 и 1892 гг. он издал пять книг, посвященных Гомеру (с. 143). В них, в частности, вводилось представление о двух типах географического знания, присущих автору этих эпических поэм, — реальном, опиравшемся на непосредственные знания земной поверхности, и воображаемом, отражавшем широко разделяемые в его эпоху представления об устройстве мира (с. 147), что открывало возможности для построения ментальных карт гомеровского мира (с. 149). Штудии Гладстона отмечают собой финальный момент той эпохи, когда исследования классической древности (и классической географии, в частности) еще были

предметом универсального интереса всего образованного сословия, а не только специалистов (с. 161–162).

Шестая и восьмая главы продолжают и завершают английскую тему. Свою роль в утверждении географии как независимой дисциплины сыграли труды целого ряда историков и филологов-классиков, которые начались примерно за полвека до того момента, как Хэлфорд Маккиндер (1861–1947) начал читать в Оксфорде курс по географии (1887). В шестой главе книги рассматриваются биографии и сочинения Томаса Арнольда (Thomas Arnold, 1795–1842), Артура Стэнли (Arthur Penrhyn Stanley, 1815–1881), Эдварда Фримана (Edward Augustus Freeman, 1823–1892), ставших первыми оксфордскими преподавателями и исследователями *Modern History*. Такое наименование предполагало, что они будут заниматься темами, не связанными с античной историей, но в действительности каждый из этих авторов уделял античности весьма много времени (с. 164–172). Инерцию «древней географии» было довольно трудно преодолеть. В восьмой главе показано, с какими трудностями сталкивался Маккиндер, основавший в Оксфорде школу географии (1899). Лекции по физической географии практически не посещались оксфордскими студентами-гуманитариями, видевшими в географии лишь инструмент для исследований в области истории и классической филологии (с. 242). Кёлш отмечает, что классическая география в Оксфорде практически пришла в упадок к 1915 г., не указывая для этого никаких причин, кроме биографий конкретных ученых (с. 266).

В седьмой и десятой главах тот же самый процесс показан на примере американских колледжей. В седьмой главе рассматриваются попытки внедрить «древнюю географию» в программы Гарварда, относящиеся к середине XIX в., и в целом завершившиеся неудачей к 1880 г. (с. 239). Программы «новых» американских университетов, основанных между 1865 и 1892 годами (Беркли, Джонс Хопкинс, Кларк, Чикаго, Корнелл, Стэнфорд) исходили уже из других принципов, не были ориентированы на знание классиков, полагали географию самостоятельной дисциплиной с собственным предметом, а не приложением к курсу античной литературы. Приводимые Кёлшем апологетические цитаты из американских географов начала XX в., отдававших должное знанию классиков, только подтверждают ос-

новную мысль главы — классическая география в духе гуманистов, дилетантов и викторианских эллинистов была для этих исследователей уже весьма периферийным и специализированным знанием.

Откровенно говоря, в этих последних главах историографический метод Кёлша вызывает серьезные вопросы. Описание последнего периода истории классической географии везде подменяется описанием упадка классического образования как такового. Обещавшая быть весьма интересной девятая глава, посвященная классической географии в школе XIX в., сводится к описанию проблем, ассоциирующихся с кризисом классического образования. Так, на примере школ Шотландии и Англии последовательно обсуждаются известные риторические доводы противников классического образования — трудность изучения древних языков, «непрактичность» самой модели, не делающей из учеников узких специалистов, даже телесные наказания (с. 273–280). О проблемах классической географии в этом контексте практически не говорится. Анализ американского школьного опыта, демонстрирующий множество форм классической географии, более последователен, но здесь автор садится на своего другого любимого конька, превращая работу в последовательность библиографических справок…

Многообещающая на первый взгляд книга в действительности не представляет собой целостной истории классической географии. В отличие от трудов Р. Батлина и А. Бейкера[9], в которых раннему этапу развития исторической географии было уделено не так много места, как хотелось бы, книга практически не встроена в метанарратив, описывающий развитие «больших» истории и географии в ту эпоху, когда они превращались в науки современного типа. Этим достоинством, например, отличается, в целом не менее склонная к эссеистичности, книга Дэвида Ливингстона[10]. Особенно сильно этот недостаток ощущается при чтении глав, посвященных университетской истории классической географии, — исполненные эрудиции и подробностей описания того, как складывались традиции преподавания предмета в Гарварде, Оксфорде и «новых» американских универси-

[9] Butlin 1993; Baker 2003.
[10] Livingstone 1992.

тетах, при отсутствии обобщающей концептуальной рамки разваливаются на последовательность многочисленных событий, связь между которыми очень трудно уловить. В этих главах, как и в остальной книге, описываются обильные институциональные последствия каких-то важных процессов, остающихся за кадром, обозначаются результаты конфликтов, причины которых не ясны, упоминаются многочисленные имена, приходящие из ниоткуда и вновь исчезающие в никуда, приводятся выводы исследований, интеллектуальный контекст которых не обозначен. Вообще, акцент на книжной истории для этой работы очень важен. Том напоминает скорее библиографический справочник[11], насыщенный обстоятельными примерами исследовательских и повествовательных методов каждого автора, чем очерк эволюции научного направления, связанный общими идеями и единым сюжетом. Автор эссеистичен, ограничен частностями, и сам сравнивает себя с шекспировским Автоликом, «прикарманивающим мелкую дребедень» (с. 360, “a snapper-up of unconsidered trifles”). Но читатель не должен быть разочарован. Эти сюжеты, порой увлекающие его с магистральной линии повествования далеко в страну биографии и библиографии, в сущности, конгениальны предмету, течения и обличья которого, как истоки Дуная, очень трудно сосчитать.

Ф.С. Корандей

БИБЛИОГРАФИЯ

Baker 2003 — *Baker A. H. R.* Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge, 2003.

Butlin 1993 — *Butlin R.A.* Historical Geography: Through the Gates of Space and Time. London, 1993.

Goffart 2003 — *Goffart W.* Historical Atlases: The First Three Hundred Years, 1570–1870. Chicago, 2003.

Hoffmann 2000 — *Hofmann C.* La genèse de l’atlas historique en France (1630–1800): pouvoirs et limites de la carte comme “œil de l’histoire” // Bibliothèque de l'école des chartes. 2000. Vol. 158 (1). P. 97–128.

Livingstone 1992 — *Livingstone D.N.* The Geographical Tradition: Episodes in the History of a Contested Enterprise. London; New York, 1992.

[11] Из 453 страниц книги примечаниям и библиографии посвящены 74 страницы мелкого шрифта.

Seegel, S. Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire. Chicago; London: University of Chicago Press, 2012. 368 p.[1]

Название книги Стивена Сигела, профессора истории Университета Северного Колорадо, содержит ключевые слова — «Европа», «бордерленды», «картография» и «империя», сигнализирующие о теоретических и методологических принципах автора, но несколько затуманивающие предмет исследования.

Под бордерлендами Европы в книге понимается цивилизационное пограничье империй — Австро-Венгрии и Пруссии, с одной стороны, и России — с другой стороны. Пограничье между Россией и Османской империей, а также между Россией и Швецией и Норвегией, специально не рассматривается. Иными словами, речь в книге идет в основном о территории исторической Речи Посполитой до ее первого раздела и непосредственно прилегающих к ней землях, а в нынешних терминах — о большей части Польши и Украины, Литве, Латвии, Беларуси и части России. Именно эта территория разделяла и объединяла не только реальные империи, но и — во вневременном идеологическом контексте — Европу и Россию как идеи или образы. Темой книги является роль картографии в развитии таковых идей и образов, а также групповой идентичности и национального самосознания на территории разделенной исторической Польши. Книга охватывает период от XVIII века до Парижской мирной конференции 1919 г., закрепившей национально-государственный принцип в виде структурной основы политической географии и картографии.

В предисловии книга позиционируется как развернутый комментарий к десятой главе «Перепись, карта, музей» знамени-

[1] По сравнению с первой публикацией рецензии (Чекин 2015) текст содержит исправления и дополнения.

той книги Б. Андерсона[2]. Автор не приемлет марксизм Андерсона и его бинарные схемы, да и его основной тезис о том, что нации являются продуктом воображения и конструирования. По мнению Сигела, ситуация более сложная, а раскрыть эту сложность поможет обращение к имперским и национальным картографиям, как российским (в самом широком смысле — в книге повествуется и о польской, украинской, литовской, белорусской картографиях, развивавшихся на территории Российской империи), так и австрийским.

Сигел — не картограф, но профессиональный историк, и его понимание истории картографии соответствует относительно новым веяниям в истории и «критической теории» последних десятилетий. В 1980-х–1990-х гг. британско-американскому географу Дж. Б. Харли и его единомышленникам и последователям удалось осуществить беспрецедентный маркетинг карт среди обществоведов, предложить картоцентрический взгляд на историю общества и способствовать «пространственному» и «визуальному» поворотам современных исследователей истории и культуры. Теперь картография предстает как инструмент контроля и управления, и даже создания территориального пространства. Вместо путешественников-открывателей, картографов и геодезистов на первый план выходят государственные институты, властные отношения между социальными группами. Новые критики карт в самых «научно-объективных» документах прошлого и настоящего (в основном создаваемых центральной властью) выявляют стремление использовать и контролировать территории за счет маргинализации и исключения мнений других претендентов (например, местного населения). Как верно отмечает Сигел, политизированными оказываются любые, в том числе геологические карты.

Отказ от линейного прогрессистского взгляда на историю карт позволил вводить в научный оборот такие категории источников, как школьные учебники географии и карты, исторические атласы, разнообразные образцы картографической пропаганды, и книга Сигела также содержит много подобного нового и свежего материала. Намеренно искаженные и заведомо вторичные карты играют свою важную роль в передаче информа-

[2] Андерсон 2001.

ции о пространственных соотношениях объектов и явлений, в формировании и навязывании схемы окружающего пространства.

Одной из областей, где новый картоцентрический взгляд на общество и культуру оказывается наиболее плодотворным, как раз и является формирование наций — основной предмет, занимающий Сигела как историка. Пользуясь ограниченным числом символов, карты редуцируют комплексную динамическую ситуацию, превращают хаотическое и разнообразное пространство в четкую и управляемую структуру, которая редко допускает двусмысленность и неопределенность. Реальный мир представляет собой хаос подвижных лояльностей и идентичностей, в особенности на территории контактных зон, где лояльности и идентичность — предмет торга и договоров. Наиболее эффективным способом внести порядок в этот мир является этнографическая карта. Даже между заклятыми врагами, противоборствующими империями и растущими национальными элитами, постепенно установился консенсус о том, что человечество состоит из этнических общностей, которые могут быть подвергнуты точным дефинициям и классификации.

Надо сказать, что Сигел не является первопроходцем в изучении российской этнографической картографии, развитие которой было хорошо описано в диссертации В. Петрониса о роли карт в формировании этнического и национального пространства Литвы[3]. Конечно, у Сигела шире рассматриваемая территория, временные рамки и круг источников, но основная канва исследования та же. Книга Петрониса Сигелу известна, однако цитирует он ее только по частным вопросам и не находит для нее места в своем обширном методико-теоретическом предисловии. Возможно, книга Петрониса попала в разряд трудов «национальных» школ (австрийской, польской, украинской, российской, литовской), которые Сигел отвергает как неизбежно зашоренные и тенденциозные, страдающие от «империо- или национентризма» и «прогрессистских историко-научных парадигм» (с. 11–12, 288–289).

Однако в том, что касается истории именно российских этнографических карт, книга Петрониса остается очень обстоя-

[3] Petronis 2007.

тельным и пока не превзойденным исследованием, по сравнению с которым работа Сигела является шагом назад. Достаточно сравнить главы о П.И. Кеппене, создателе первой в XIX в. этнографической карты России. Сигел неправомерно представляет его как последователя П.Й. Шафарика; но взгляды Шафарика и Кеппена развивались параллельно (для карты Шафарика Кеппен также предоставлял информацию); эволюция лингвистических и картографических идей Кеппена хотя и не исчерпывающе, но на более высоком уровне затронута в книге Петрониса.

Следует отметить, что глава об основоположнике этнографической картографии написана Сигелом небрежно. Примечания 23 и 29 повторяют информацию, которая заново вводится в тексте вне связи с этими примечаниями; архивные ссылки даны глухие — очень любопытны, по-видимому, впервые найденные Сигелом впечатления Кеппена от встречи с К. Риттером, но ссылка лишь на «рукописную записную книжку» в обширном личном фонде Кеппена в Архиве РГО, без номера дела и листа, сделает проверку этих данных очень трудоемкой (с. 117 и примеч. 24, ср. примеч. 20, 28). Цитата из «сына» П.И. Кеппена (без ссылки) показывает, что Сигел путает два труда Кеппена, «Этнографический атлас Европейской России» 1848 г. (существующий только в трех экземплярах) и популярную «Этнографическую карту Европейской России» 1851 г. (с. 118–119). Главная цель автора подчеркнуть, что Кеппен — слуга власти, развернувший пространство России перед имперским «взглядом». При этом аргументация выстраивается по классическим лекалам, над которыми иронизировал Маяковский (1958: 107):

— Шампанское пил?
Выпивал, допустим.
Налет буржуазный густ.

Труд Кеппена был в личной библиотеке императора? Был. Что и требовалось доказать…

В целом, в книге Сигела недостает подробного исследования собственно карт. Отношения власти анализируются на уровне институтов, традиционная же основа истории карт, то есть история технических методов передачи пространственных отношений, сознательно отброшена. Среди часто встречающихся терминов книги — не «проекция» и «масштаб», но восходя-

щие к М. Фуко «взгляд» (*gaze*) и «говернментальность» (*governmentality*). Карты же в основном представлены в виде многочисленных иллюстраций, но большинство из них мелкие и выполнены в слабом разрешении, то есть практически не читаются даже с увеличительным стеклом. Провести собственный анализ таких карт невозможно. При знакомстве с иллюстрациями складывается впечатление, что и сам автор изучал их не очень тщательно. Уже первая иллюстрация изображает четырех европейских монархов, среди которых автор почему-то назвал Марию-Терезию Австрийскую, хотя Австрию там явно представляет Иосиф II, и остальные монархи, кроме Екатерины II — мужчины (с. 24).

Настораживает наивный лингвистический анализ карт 1793 и 1795 гг., на которых Сигел находит грамматические ошибки и опечатки. Так, «явную опечатку» Сигел видит во фразе «коренный России народ»; по его мнению следовало писать «коренной России народ». Варианты слов «русский», «российский», «славяне», «славены» также сравниваются с некоей нормой; албанцы, по мнению Сигела, «ошибочно» названы «новые славяне»; казаки, к его удивлению, определяются не как донские и запорожские, а малороссийские (с. 78). Автор, по-видимому, не вполне осознает, что на протяжении 300 лет в русском языке и орфография, и грамматические правила менялись, не говоря о лингвистических и этнических номенклатурах, и что разбор с точки зрения теперешних норм и представлений в корне противоречит декларируемому антипрогрессистскому и антинормативному пафосу книги. Столь же наивна попытка «поймать» П.И. Кеппена на том, что на франкоязычной карте 1853 г. он использовал «нестандартизированные» термины *Petits Russiens* и *Blancs Russiens*, что якобы противоречит современному французскому стандартному правописанию *Russes* (с. 118). На деле наименование *Petits Russiens* в современном французском столь же устарело, как и *Petits Russes*, поскольку нормой в отношении современных украинцев является, конечно, *Ukrainiens*; что же касается наименования белорусов, в настоящее время Французская академия рекомендует форму *Biélorusses*, хотя в литературе встречаются и наименования *Bélarusses*, *Biélorussiens*, *Biélarussiens*. Терминология у Кеппена была вполне строгая, и изучать

ее структуру следует изнутри, а не только в сопоставлении с якобы современными нормами.

Сила автора — не в детальном анализе, не в лингвистике и методике картографирования, но в умении взглянуть на общую картину пограничья как контактной зоны картографий. В книге детально описаны военные и гражданские топографические службы, учебные заведения, географические общества и другие институты модернизирующихся государств, занятые картографированием, а значит — обоснованием государственного суверенитета и классификацией своего населения и ресурсов. В ней показаны механизмы взаимодействия между имперскими картографиями, а также их связь и преемственность с новыми национальными образованиями, использовавшими тот же инструментарий и ту же таксономию для переписывания истории и выдвижения собственных территориальных претензий.

Лучшие страницы книги посвящены польской подпольной и эмигрантской картографической культуре, нацеленной на восстановление «исторической справедливости». Очень поучительно сопоставление русских и польских исторических карт, начиная с переработок французского атласа Лесажа: тогда как в русских переработках, например, в картах, основанных на «Истории» Карамзина, происходит конструирование автократической «Европейской России», в трудах поляков, таких, как Лелевель, поддерживается романтическая идея о гражданах-патриотах, собирающих свои исторические земли на воображаемом пространстве. Этнонациональные и конфессиональные классификации стирали историческую Польшу с карты как цивилизационное единство, и польские картографы, пока это было возможно, сопротивлялись этносхематизации, противопоставляя историческое определение народа лингвистическому и этнокультурному. На фоне противостояния имперской и польской картографии происходит глубокая национализация карт, появляются украинские и литовские карты, включившиеся в культурные войны в конце XIX в. Власть и протест объединяются в одном картографическом жесте; становится не всегда понятно, кто империалист, кто жертва колониализма, кто потенциальный завоеватель.

Сигелу удалось восстановить многие этапы этого пути. Например, археологам и лингвистам, специалистам по Новгороду следует обратить внимание на полностью забытую книгу И.К. Ра-

зумова «Общие основания земле-науки» (1859), где новгородцы выделены как одна из семи этнолингвистических групп восточных славян (с. 127). О Ю.П. Кузнецове, который предпринял в 1870-х годах попытку систематизировать этнографические сведения о литовском и латышском населении Северо-Западного края, известно больше, благодаря, в частности, диссертации В. Петрониса. Но в главке, написанной о нем Сигелом, хорошо показано, как Кузнецов потерпел неудачу, безнадежно запутавшись в концепциях национальности (с. 191–193).

Главное достоинство книги Сигела — в разнообразии используемых языков, источников и традиций. Книга ставит вопрос о необходимости картоцентрического взгляда на историю Восточной Европы в XIX в., вводит в научный оборот новые материалы, в частности, учебники и исторические карты и атласы. Она достоверно излагает историю институтов и отдельных деятелей, связанных с картами, однако сами карты в ней играют в основном иллюстративную роль и редко задействуются при формулировании постулатов и выводов книги.

Л.С. Чекин

БИБЛИОГРАФИЯ

Андерсон 2001 — *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [1983] / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001.

Маяковский 1958 — *Маяковский В.В.* Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот! // *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. 7: Вторая половина 1925–1926. С. 106–110.

Чекин 2015 — *Чекин Л.С.* Карты народов: взгляд на новую историю Восточной Европы // Новое литературное обозрение. 2015. № 131. С. 387–390.

Petronis 2007 — *Petronis V.* Constructing Lithuania: Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914. Stockholm, 2007.

Historical atlas of Poland in the 2nd half of the 16th century : voivodeships of Cracow, Sandomierz, Lublin, Sieradz, Łęczyca, Rawa, Płock and Mazovia / Ed. by Marek Słoń, transl. by A. Staszewska and M. A. Brozyna. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2014. 4 vol., xxix + 1597 p. (Geschichte — Erinnerung — Politik, 6).

В рецензируемом четырехтомнике опубликованы и обобщены результаты многолетних работ по картографированию сведений огромного количества источников по исторической географии Польши XVI века. Идея создания исторического атласа, который отразил бы в серии разновременных карт научные знания о положении селений, земельных владений, о прохождении дорог, границ административного и церковного деления Польши, постепенно складывалась с конца XIX в.: Атлас Польши XVI в. должен был служить приложением к изданию источников "Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym" («Польша XVI века в статистическом и географическом отношениях») из серии "Źródła dziejowe" («Исторические источники»), подготовленному А. Павиньским (A. Pawiński) и А. Яблоновским (A. Jabłonowski), однако тогда работа завершена не была.

В 20–30-е годы XX в. концепция такого Атласа была разработана Комитетом по историческому атласу Польши при Польской академии искусств и наук и даже начала воплощаться в жизнь, однако трагические события Второй мировой войны в целом и гибель ценных исторических источников во время Варшавского восстания 1944 г., в частности, отсрочили момент выпуска томов издания и вынудили пересмотреть концепцию Атласа. После выхода ряда «пробных» работ конца 1950-х – начала 1960-х гг., подготовленных силами Сектора исторического атласа Института истории Польской академии наук, и обсуждения в среде историков и географов в 1964 г. концепция Историче-

ского атласа Польши второй половины XVI в. была окончательно скорректирована и утверждена, сформирована нумерация томов.

Исследование по Люблинскому воеводству (авт. С. Войцеховский/S. Wojciechowski, ред. В. Палуцкий/W. Pałucki) изначально готовилось по несколько отличной от остальных методике, но в результате долгого обсуждения оно было включено в серию под номером три и напечатано в Варшаве в 1966 г. на польском языке. Следом стали печататься остальные тома серии, написанные авторскими коллективами и полностью соответствующие концепции Атласа: в 1973 г. — том по Мазовии (т. 7, ред. В. Палуцкий), в 1993 г. — по Сандомирскому воеводству (т. 2, ред. В. Палуцкий), в 1998 г. — по Серадзскому и Ленчицкому воеводствам (т. 5, ред. Х. Рутковский / H. Rutkowski), в 2008 г. — по Краковскому воеводству (т. 1, ред. Х. Рутковский).

Английское издание, рецензируемое здесь, представляет материалы этих пяти уже вышедших томов, хотя в стадии подготовки находятся еще три тома, посвященные Познанскому и Калишскому воеводствам, Куявии и Подляшскому воеводству (оставшиеся тома создатели предполагают опубликовать в дальнейшем и в английском переводе). Оно не повторяет разбивку польского издания по томам, которые были посвящены исторической географии отдельных воеводств, а состоит из четырех томов, в которых материал по всей охваченной территории сгруппирован по тематическим разделам, а уже внутри них изложен, когда это возможно, по воеводствам. В целом структура издания такова: т. 1 — карты; т. 2 — введение, источники, метод и результаты; т. 3 — результаты (продолжение), список приложений, список таблиц, список карт в тексте, список карт первого тома; т. 4 — библиография, географический и именной указатели. Изложение материала по воеводствам оправдано тем, что положенные в основу источники часто комплектовались по воеводствам. Критическое замечание относительно общей манеры этого изложения состоит в том, что текст содержит значительное число повторов, когда речь идет об одних и тех же вещах (методы работы, алгоритмы расчета и т.д.), описанных в каждом воеводстве отдельно.

Вероятно, это объясняется тем, что, несмотря на значительную трансформацию структуры, английское издание не является переработанным вариантом польского. В предисловии, написан-

ном Мареком Слонем (M. Sloń), отмечается, что карта и текст комментариев отражают тот уровень знаний, который был достигнут на момент завершения соответствующего тома польского издания. Лишь в единичных случаях были внесены минимальные коррективы.

Работа, проделанная большим коллективом авторов под редакцией В. Палуцкого, С. Травковского (S. Trawkowski), Х. Рутковского и М. Вильской (M. Wilska), вне всякого сомнения, достойна подробного разбора с точки зрения фактографической и конкретно-исторической, но в данной рецензии основное внимание хотелось бы уделить главным образом ее оценке с точек зрения методической и источниковедческой.

Первый том состоит из 24 карт. Сюда входят общая карта всего исследованного региона в конце XVI в., разделенная на четыре листа, — в масштабе 1:250 000, карта основных дорог, карта границ административных и церковных округов, карта землевладения, карта протестантских коммун в Краковском и Сандомирском воеводствах в конце XVI в. — в масштабе 1:500 000, планы-реконструкции городов (Краков с предместьями, Беч, Ченстохова, Люблин, Ленчица, Новы-Сонч, Пётркув, Плоцк, Рава, Сандомир, Серадз, Севеж, Варшава, Величка, Велюнь) второй половины XVI в. — в масштабе 1:10 000, а также картографические материалы других масштабов, посвященные специальным темам: Краков в 1598 г., Вавельский холм в конце XVI в. — в масштабе 1:2000, округа г. Лодзь во второй половине XVI в. — в масштабе 1:125 000.

При изготовлении карт были задействованы современные геоинформационные технологии, позволившие унифицировать представляемые данные. Остается сожалеть, что никаких сведений о том, какое именно программное обеспечение помогло решать поставленные задачи, в издании нет. Ведь использование ГИС не просто облегчает работу технически, но и предоставляет расширенные возможности пространственного анализа данных.

Основные результаты отражены, конечно, на общей карте региона. При достаточно высокой насыщенности ее информацией, отображаемые данные представлены наглядно благодаря продуманной системе условных обозначений. Наряду с административными границами государства, воеводств, земель и поветов здесь нанесены также и границы церковных округов разных

уровней: диоцезов, архидиаконств, приходов. Исходя из того, что в позднем средневековье любые расположенные рядом селения соединялись дорогой, авторы ограничились нанесением на карту только важнейших дорог (*public roads, highways*), отличаемых от дорог местного значения. На мой взгляд, это разумное ограничение, тем более что состояние источников не позволяет нанести дороги на карту точно, и даже важнейшие дороги картографировались методом ретроспекции — на основе карт XVIII–XIX веков.

Знаки, обозначающие населенные пункты, различаются по цвету — в зависимости от их владельческой принадлежности (Корона, церковь, светский владелец, город), геометрии — в зависимости от их статуса и размера (крупный город, небольшой город, крупное сельское поселение, небольшое сельское поселение или хутор). Различные формы крестов венчают основные знаки в случае наличия у населенных пунктов функций церковной администрации (центр католических диоцеза, архидиаконства, диаконства, прихода, центр православного прихода). Отдельными знаками изображены мельницы, кузницы, шахты, фольварки, монастыри и замки. Шрифт сопровождающей надписи позволяет читателю различать селения по их функциям в административной системе (центр воеводства, центр земли, центр повета, город без административных функций, сельское поселение с функциями приходского центра, крупное сельское поселение, небольшое сельское поселение или хутор). При этом различные типы линий, которыми подчеркнуты названия селений, сообщают о пребывании в них различных чиновников и служб (городского старосты, сеймика и генерального сеймика, кашт еляна, коронного трибунала).

В целом система обозначения исторических границ и поселений, использованная при составлении карты, является весьма информативной и гибкой, способной адекватно передать присутствие у одного объекта различных признаков. Впрочем, само по себе отображение территориальных границ и местонахождения исторических поселений и прочих объектов составляет основное содержание любой историко-географической карты — наряду с речной сетью и озерами. Гораздо реже можно встретить другие элементы исторического ландшафта, которые, несомненно, во многом предопределяли и расположение селений

и хозяйственных сооружений, и трассировку дорог, и прохождение границ. На общей карте Атласа нанесены границы ландшафтных зон — лесов, кустарников, болот и переувлажненных низин. Впрочем, сохранившиеся исторические карты дают возможность реконструировать эти границы на момент не древнее рубежа XVIII–XIX вв., но и такая экстраполяция на ситуацию XVI в. весьма полезна.

Еще более ценным представляется использование на карте специальных обозначений для селений, локализованных неточно. Причем для этого используются значки двух видов: один для деревень, идентификация которых с позднейшими селениями не может быть обоснована, но вероятна в силу сходства топонимов, последовательности описания ряда селений в источнике и т.д. (*village with linked localization*), другой — для деревень, расположение которых определяется на карте лишь с ошибкой, превышающей 1 км или 4 мм на карте (*village with approximate localization*). В российской историографии такое различение двух видов неточно локализованных селений не практикуется до сих пор, хотя попытки отделить на карте все неточно локализованные пункты от точно локализованных известны по нескольким работам.

Рассуждая об особенностях основной карты Атласа мы постепенно перешли к характеристике исследовательского метода, которому уделено внимание во втором томе после раздела о привлеченных исторических источниках. Использование картографических источников XVI в. оказалось не очень продуктивно в связи с их неточностью и недостаточной подробностью. Наиболее информативны оказались три документа, в большей или меньшей степени восходящие к карте Польши и Великого княжества Литовского Бернарда Ваповского 1526 г.: карта Вацлава Гродецкого, изданная около 1562 г, карта Анджея Пограбка 1570 г. и карта Герарда Меркатора 1585 г. Для Краковского воеводства использована древнейшая польская печатная карта герцогств Освенцим и Затор, изданная в Венеции в 1563 г. Остальные привлеченные к работе карты относятся к последним десятилетиям XVIII – XX в., так что основным методом работы над Атласом стало ретроспективное картографирование, при котором данные о положении объектов XVI в. экстраполируются по позднейшим материалам. Этот метод типичен для локализации

позднесредневековых селений любой страны, в том числе и России, за неимением ничего лучшего.

Круг письменных источников, привлеченных для работы, впечатляет: некоторые разновидности скарбовых книг (*tax registers*), книги канонических визитаций (*bishops' visitations of parishes in each diocese*), книги бенефициев (*inventories of Church property*), инвентари королевских земель (*inspections of royal property*), книги Коронной метрики, «ревизия листов», то есть проверка привилеев, инспекции дорог, таможен и лесов и др. Помимо документов второй половины XVI в. привлечены также более ранние и более поздние источники, сыгравшие вспомогательную роль в исследовании.

При реконструкции поселенческой структуры задачей авторов Атласа было сделать это с максимальной полнотой. Мобилизация широкого круга картографических и текстовых источников дала свой результат. Во-первых, им удалось значительно расширить список поселений исследуемого периода — по сравнению с теми, о которых науке было известно после публикации в 1883–1895 гг. А. Павиньским скарбовых книг этого времени. Во-вторых, из 15698 селений, учтенных, по моим подсчетам, составителями Атласа, локализовать им удалось 15553, то есть не получили географической привязки хотя бы по косвенным признакам менее 1% всех известных селений. Наиболее полно картографировано Сандомирское воеводство (99,7%), наименее полно — Мазовия и Люблин (98,7%), но эта разница ничтожна.

Авторы Атласа отдают себе отчет в том, что содержащаяся в источниках историческая топонимика может быть весьма вариативна, поскольку сборщики налогов и писцы не уделяли специального внимания передаче названий на письме, равно как могли небрежно фиксировать и приходскую принадлежность селений. Однако сопоставление показаний разных источников внутри одной группы и из разных групп позволяет выявить наиболее соответствующие действительности варианты.

Отражение на карте историко-географических реалий сразу пяти десятков лет порождает методическую проблему, которая не была бы заметна на карте, представляющей какой-то один исторический момент (например, год). На протяжении полувека в масштабе уже попавших в Атлас воеводств происходили сотни

или даже тысячи изменений, связанных с возникновением новых селений, превращением деревень в города, запустением старых селений, сменой их владельческого статуса и места в административной или церковной иерархии, перетрассировкой дорог. Возможно ли передать все эти изменения на одной карте, а если невозможно, то какие из них следует отображать?

С момента принятия концепции Атласа в 1960-х гг. авторы придерживались следующей точки зрения: в случае основания нового селения или превращения деревни в город, случившихся в пределах отражаемого периода, на карте показано его позднейшее состояние. Однако если оно к концу столетия исчезает, то на карте, тем не менее, показано. Несколько иное правило применено для Люблинского воеводства. Карта отражает наиболее точно ситуацию 1564 г., но случившиеся позднее изменения во владельческой принадлежности и прохождении границ оговорены в комментариях. Такое решение, конечно, небезупречно, однако трудно требовать еще более дробного представления на карте столь значительного пласта историко-географической информации. В международной практике, по-видимому, пока что нет общепринятого способа решения данной проблемы.

Уже в ходе работы над томами Атласа авторы встали перед дилеммой, нужно ли в комментариях к картам подробно описывать не только основания для локализации тех или иных объектов на карте, но и оценку информативных возможностей источников, землевладельческую структуру, характер и размер поселений, административное деление. Не следует ли вывести подробное освещение этих вопросов за пределы издания? Вопрос был решен все же в пользу расширенного понимания содержимого издания, что затянуло работу над ним, однако предоставило несомненные удобства для читателя.

Результаты работы над Атласом изложены по темам во втором и третьем томах. Здесь размещены разделы о географической среде, административном делении, поселенческой структуре региона, сети дорог, планах городов и гербах воеводств, земель и городов. Отмечу лишь некоторые моменты, представляющие интерес, в частности, для сопоставления историко-географических реалий Польши и Московии.

В Атласе характеристика региона начинается с физико-географического районирования и краткого описания рельефа,

ландшафтных зон, гидрорежима, преобладающих типов почв и растительности, микроклиматических условий. Данные о прохождении русла рек скорректированы по показаниям карт XVIII–XIX вв. К реконструкции ландшафтов привлечены и показания письменных источников XVI века.

После общего обзора территориальных изменений в регионе следует очерк об основах административной системы — делении воеводств на поветы и приходы, сборах в пользу казны с подвластной территории и ответственных за это должностных лицах. Церковные приходы характеризуются как низовая ячейка административной структуры, которая служила не только в качестве церковного округа, но и использовалась властями для сбора налогов. Весьма сходная ситуация наблюдается, например, и на землях Новгорода Великого — по данным писцовых книг конца XV–XVI века.

Граница церковного прихода (точнее приходская аффилиация селений) не всегда может быть определена однозначно как по причине недостаточной педантичности писцов и сборщиков налогов, фиксировавших эти данные в документах, так и в связи со спорами, существовавшими между пасторами соседних приходов. Тем не менее, в целом Атлас предлагает детальную реконструкцию состава прихода с учетом изменений, связанных с переходом храмов к протестантам.

Для изучения поселенческой структуры важно знать не только то, с какой точностью удалось локализовать исторические поселения, но и то, какие локализованы не были. Данные об этом сведены в отдельные таблицы. Отдельными списками представлены различные объекты хозяйственной структуры, обозначавшиеся особыми названиями: мельницы, кузницы, фольварки, стекольные мастерские, постоялые дворы, города, сельские поселения численностью более 200 человек, замки. Изображению распределения некоторых из этих категорий объектов соответствуют карты-схемы, в таблицах отражена также плотность сети поселений в различных поветах — с учетом их владельческого статуса (Корона, церковь, светские землевладельцы).

Специфической для Польши поселенческой структурой, которая известна еще в Подляшье, обладает Мазовия — вследствие своеобразия социальной, демографической и землевла-

дельческой структуры. Она характеризуется относительно высокой плотностью поселений, значительная доля которых принадлежала мелким землевладельцам, которые не имели крепостных и работали на земле сами. Специфичны также номенклатура и топография этих поселений. Новые деревни, основанные членами одной семьи, располагались неподалеку от «материнской» и получали двойное название, первая часть которого соответствовала топониму «материнского» селения, а вторая — имени или прозвищу хозяина. Сборщики налогов констатировали существование, например, в одном из приходов 11-ти деревень Гадомичи, где каждый дом составлял отдельную деревню. Интересно, что русским источникам конца XV – XVII в. подобная система также известна. Она была весьма распространена, например, на Русском Севере, в Торопецкой и Ржевской землях.

Специальный раздел посвящен характеристике структуры землевладения. В таблицах представлена статистика распределения земель по владельцам: Корона, церковь, города, крупные и мелкие землевладельцы. Комментарии содержат и скрупулезную реконструкцию не только объемов земель различных категорий, но и объемов земельной собственности конкретных владельцев. При этом значительная работа проделана авторами по препарированию свидетельств источников, например, сопоставлению показаний скарбовых книг нескольких лет для отделения землевладельцев от арендаторов. Отдельные небольшие очерки посвящены округу Спишского старосты и району возле города Лодзь.

Чрезвычайный интерес вызывает раздел о планах крупнейших городов Польши. При их создании были учтены не только показания исторических источников, но и специальные работы по истории архитектуры, фортификации, топографии храмов и монастырей и прочая научная литература. Специальный раздел посвящен Кракову в 1598 г. Этот хронологический срез на редкость хорошо обеспечен источниками, такими как один из древнейших планов Кракова, городские налоговые регистры, книги войтов и лавничи книги (*acta scabinalia*), книги городского совета, завещания горожан, книги Высокого суда магдебургского права Краковского замка, книги землемеров, городской земельный кадастр XIX в., содержащие подробности о постройках и именах домовладельцев. Сохранность материала

такова, что составленные таблицы приводят современные номера краковских домов, стоящих на месте идентифицированных по источникам исторических построек, имена и род занятий домовладельцев или их должность на службе, герб (для шляхты). Характеризуя другие крупные города Польши, исследователи привлекают иногда не только комплекс письменных источников, но и, в некоторых случаях, результаты археологических раскопок. Планы исторических городов не настолько детальны, как план Кракова 1598 г., однако читатель получает представление об их топографии, элементах инфраструктуры и окружающих ландшафтах.

Разделом о гербах воеводств, земель и городов завершается содержательная часть Атласа. В нем приведены не столько их специальные геральдические описания, сколько краткая характеристика и исторические сведения о гербах.

Последний том английского издания — библиография и указатели исторических поселений и природных объектов. Здесь тоже есть своеобразные черты, которые хотелось бы отметить. Указатель поселений содержит данные не только о названии из источников XVI в. (вместе с вариантами), но и современный топоним, данные об административной и приходской принадлежности, типе объекта и владельческой принадлежности. Своеобразие заключается в том, что, помимо этого, мы находим еще информацию о точности локализации и ее особенностях, а также приблизительные географические координаты селения (в отличие от польского издания, где содержалось указание на литеру и цифру листа карты). Последнее, как можно догадываться, есть следствие использования ГИС-технологий. В российской историографии такой набор данных в указателях пока не получил распространения, хотя примерными координатами снабдил свой каталог погостов-округов еще К.А. Неволин в своей монографии 1853 г. Координаты указаны и для природных объектов во втором указателе: начала и конца для протяженных объектов, центра — для площадных.

Рецензируемый Атлас — большое событие в исторической географии стран мира. Отмеченные выше дискуссионные моменты имеют частный характер, в целом же он может рассматриваться как один из редких примеров работы, объединяющей в масштабе огромного региона профессиональную и детальную прора-

ботку сведений исторических источников с современной формой представления на географической карте. Закономерно, что собранные в Атласе данные составили важную часть исторической ГИС Польши, созданной недавно и уже получившей онлайн-измерение[1].

А.А. Фролов

[1] Электронный ресурс [режим доступа: http://www.atlasfontium.pl/index.php?article=korona, дата обращения — 30.10.2016].

Историја и географија: Сусрети и прожимања. Тематски зборник радова / Главни и одговорни уредник др Софија Божић. Београд: Colorgrafx, 2014. 840 с. (Библиотека «Зборници радова» / Институт за новију историју Србије, бр. 11).

Рецензируемый сборник статей был подготовлен в рамках двух научных проектов Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия («География Сербии» и «Сербы и Сербия в югославском и международном контексте: внутреннее развитие и положение в европейском / мировом сообществе») и вышел под тройным грифом Института географии Сербской академии наук и искусств (Географски институт «Јован Цвијић» САНУ), Института новейшей истории Сербии (Институт за новију историју Србије) и Института славяноведения РАН. Хотя тематически сборник получился весьма разнообразным, его исследовательским фокусом является историко-географическая проблематика во всем своем многообразии. Оставив в стороне концептуализацию взаимоотношений истории и географии, составители сборника предлагают читателю широкую панораму исторического и географического подходов к изучению различных аспектов взаимоотношений людских сообществ с окружающим миром. В этом плане показательно само название сборника — «История и география: встречи и взаимовлияния», — которое апеллирует не к часто декларируемому, но на практике труднодостижимому синтезу этих дисциплин, а к возможностям двух разных наук в исследовании общей проблематики.

Авторами статей, помещенных в сборнике, являются преимущественно географы, в меньшей степени — историки, а также представители других специальностей — философы, обществоведы, урбанисты, культурологи, сотрудники музеев и институтов различного профиля из Сербии, России, Великобритании, Македонии, Чехии, Болгарии. Половина статей сборника написаны на

сербском языке, остальные (за исключением одной русскоязычной) — по-английски. Каждая статья сопровождается достаточно развернутым резюме на двух языках, что, безусловно, облегчает для читателя знакомство со всеми материалами тома.

Преобладание профессиональных географов в составе авторского коллектива в значительной степени предопределило хронологические рамки включенных в сборник статей — в подавляющем большинстве они построены на материалах XIX–XXI вв., а источники по более ранним периодам, за редким исключением, привлекаются лишь попутно.

Сборник содержит 42 статьи, распределенных по следующим разделам: «Пространство», «Границы», «Население», «Урбанизация», «Природа и общество», «Картография», «Образование, наука, культура». Самыми объемными являются разделы «Население» и «Пространство» (одиннадцать и девять статей соответственно), в разделеах «Урбанизация» и «Образование, наука, культура» помещены по шесть статей, в разделе «Природа и общество» — четыре статьи, в разделах «Границы» и «Картография» — по три статьи. Распределение статей по тематическим блокам в 800-страничном сборнике — непростое дело, и надо отдать должное составителям, которым в целом удалось сгруппировать статьи таким образом, что материалы каждого раздела по-своему раскрывают особенности исторического и географического подходов в исследовании взаимодействия общества с его природным и антропогенным окружением.

Если говорить о географии статей, то большая их часть по понятным причинам посвящена Сербии и Балканскому региону в целом, в том числе в международном и глобальном контексте. Одна статья касается стран Европейского союза, еще одна — средневекового исламского мира. Благодаря сотрудничеству с географами и учеными других специальностей из Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета в сборнике присутствуют также несколько статей, посвященных России в целом и двум ее регионам — Республике Мордовия и Московской области.

Статьи, помещенные в открывающем сборник разделе «Пространство», в проблемно-тематическом отношении распадаются на три группы. Первая посвящена историко-географическим вопросам изучения тех или иных территорий в пределах Балканского региона от позднего Средневековья до наших дней (А. Крстич «Сербское Подунавье и Посавье в позднем Средневековье: Историко-географические аспекты исследования», с. 23–39; В. Божинов «Административное деление вилайета Битолия / Монастир», с. 41–52; М. Милкич «Социально-географические и экономические характеристики югославской зоны Джулийска краина в 1945–1954 годах», с. 105–122; Ж. Ондржей, З. Кучера «Поляризация пространства Сербии и ее периферийных областей», с. 155–179) и основана на детальном анализе больших комплексов источников, в том числе архивных. Вторая группа статей касается проблем европейской истории: в работе А. Йованович и Д. Вуковича «Историческое развитие и региональные модели в странах Европейского союза» (с. 193–221) дано всестороннее рассмотрение феномена регионализма в Евросоюзе, а в статье А. Стояновича и Д.Б. Баягича «Коллаборационизм в оккупированной Европе 1939–1945 годах: сравнительный анализ французского, греческого и сербского опыта» (с. 53–88) на богатом архивном и историографическом материале демонстрируются современные подходы к проблеме коллаборационизма. Наконец, третья группа статей имеет прямое отношение к сфере геополитических исследований (Н. Вукович, М. Вемич «Место сербских земель в глобальных геополитических концептах — к осмыслению исторической судьбы сербов в XX и XXI веках», с. 123–154; Т. Махмутефендич «“Независимое Косово” в контексте угасающей американской гегемонии», с. 181–192; А. Животич «Военно-географическое положение Югославии в начале Холодной войны в 1945–1954 годах», с. 89–104).

Следующий раздел сборника — «Границы» — получился внутренне однородным. Все составляющие его статьи посвящены анализу тех или иных пограничных ситуаций. В работе Д. Тасича «От демаркационной линии к международно признанной границе: Армия и дипломатия в борьбе за южные границы Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1919–1920 годах» (с. 225–239) на архивном материале прослежена обстановка вокруг южных границ этого государства в контексте международной обстановки и ди-

пломатической борьбы того времени. А.В. Милетич в статье «Милован Джилас и разграничение между Сербией и Хорватией в 1945 году» (с. 241–261) детально анализирует ситуацию, складывавшуюся в 1945 г. на современной границе между Сербией и Хорватией, которая в принципе исторически была весьма подвижной из-за неоднородного этнического характера данной территории. Не столько барьерная, сколько контактная функция границы рассматривается в статье В. Цветковича «Собрания на югославо-болгарской границе в 1956–1958 гг.» (с. 263–276), в которой речь идет о трансграничном сотрудничестве двух стран и об использовании этой исторически сложившейся практики для ведения идеологической пропаганды в указанный период времени.

Раздел «Население», который является самым большим в сборнике, отличается особенно широким проблемно-тематическим репертуаром. Часть помещенных в нем статей посвящена исследованию этнодемографической ситуации того или иного региона в различном контексте: Т. Лукич, Н. Чурчич «Этнодемографическое положение населения Косово и Метохии в начале XX века» (с. 281–298); Ж. Бьеляц, А. Терзич «Страдания населения Бачки и Бараньи в 1941–1942 годах» (с. 319–341); М. Маджевик, б. Апостоловска Тошевска «Изменения в национальной структуре Республики Македония» (с. 343–357); Л. Живкович, С. Йованович «Территориально-демографическая и функциональная организация сети поселений Неготинской Краины» (с. 407–421); С.М. Малхазова, Н.В. Шартова «История и география здравоохранения в Московском регионе» (с. 451–467). Более общий характер имеет работа М.Б. Живковича и Б. Джечана «Демографические изменения в Королевстве сербов, хорватов и словенцев и Королевстве Югославия» (с. 299–317), в которой рассмотрены не только соответствующие источники 1918–1940 гг., но и прослежены исторические предпосылки этих изменений с конца XVIII века. К гендерному аспекту демографических исследований обращается В. Гудац Додич в статье «Место обитания как судьба: жизнь женского населения в городских и сельских районах Сербии во второй половине XX века» (с. 395–406). Работа С. Селенича «Национальные меньшинства в Сербии в 1945–1961 гг.: политический аспект» (с. 369–394) посвящена анализу архивных источников по истории национальных меньшинств Сербии — албанцев, венгров, румын,

словаков, болгар и турок — в контексте международных отношений того времени. О значении миграций населения для развитии рынков труда идет речь в статье Н. Логиновой, К. Зазулиной, О. Черновой, Ю. Шукшина и А. Акашкина «Роль миграций населения в формировании трудового потенциала региона» (с. 359–368), где этот вопрос рассматривается на примере входящей в Российскую Федерацию Республики Мордовия, демографическая история которой прослеживается авторами с начала XVIII века. И наконец, две статьи раздела касаются такой важной проблемы демографической истории как идентичность. В работе Д. Лазаревич «Изобретение балканских идентичностей: поиски отцов-основателей и мифов о происхождении — случай Черногории» (с. 423–443) обсуждается процесс нациестроительства на территории бывшей Югославии и его особенности на примере Черногории, а также дается анализ попыток использования исторических источников в политических целях. В статье Ю.В. Филиппова и А.М. Фирсовой «Сельское хозяйство как историко-географическая основа идентичности русских» (с. 445–450) поднимается вопрос о роли хозяйственного уклада в формировании идентичности, однако раскрыта эта тема весьма поверхностно, о чем говорит и небольшой объем самой статьи.

Насыщенным в проблемно-тематическом плане оказался раздел «Урбанизация». В ряде статей на широком круге источников, включая архивные, рассматриваются процессы урбанизации в том или ином регионе (И. Добривоевич «К вопросу об изучении урбанизации в Сербии после Второй мировой войны», с. 499–517; О. Добривоевич, Ж. Бьеляц «Образование пригородных территорийНови Сада на примере Ветерника», с. 557–578; В. Махаев, Л. Лемайкина «Города Мордовии в структуре Российской империи», с. 471–479). Две статьи посвящены изучению городского пространства: Н. Милиджевич в работе «Идеология и городское пространство: переименование городов и улиц в Сербии в 1944–1950 годах» (с. 481–497) обращает внимание на роль господствующей идеологии в преобразовании городских пространств, а в статье Н.С. Баич и А. Майдаревич «Реальные и символические историко-географические приметы белградского Бульвара: случай вырубки платанов» (с. 535–555) показывают, как менялся облик самой протяженной из белградских улиц. Проблемы столиц каса-

ется Н.Д. Христич в статье «Проблемы столичной урбанизации в условиях изменчивости» (с. 519–533), где рассматривается развитие Белграда как столичного центра.

В следующий раздел — «Природа и общество» — включены четыре статьи. Две из них посвящены анализу воздействия природных условий и катастроф на историко-географическое развитие тех или иных людских сообществ. В статье В. Юрченкова «Влияние природных условий на историческое развитие региона (на примере мордовских земель в XVII веке)» (с. 583–593) на обширном источниковом и историографическом материале показано, как неблагоприятные природные условия, напрямую сказывающиеся на сельскохозяйственном производстве и уровне жизни людей, тем самым оказывают косвенное воздействие и на социальную жизнь, порождая социальное напряжение. Работа М. Радовановича и Р. Поповича «Историко-географический анализ влияния извержения вулкана Кракатау в 1883 г. на погодные условия в Сербии» (с. 595–610) представляет результаты исследования разнообразных данных о погодных условиях в Сербии в первой половине 80-х годов XIX в., которые свидетельствуют о том, что влияние на погоду в Сербии оказывало не извержение вулкана, а иные природные факторы.

Картографические материалы так или иначе используются во многих помещенных в сборнике статьях, однако три работы, где именно карты составляют основу исследования, были выделены в раздел «Картография». Его открывает статья И.Г. Коноваловой «Мировые империи на средневековых исламских картах» (с. 661–671), в которой раскрывается религиозно-политическая и культурная подоплека изображения мировых империй на картах мира из так называемого «Атласа ислама» и в сопутствующих им описаниях арабских географов X века. Исследование М. Вемича и С. Лович «Европейские карты Косово и Метохии как сердцевины Старой Сербии с XVI по XX век» (с. 673–699) построено на сравнительном анализе 40 географических, этнографических, политических, военных и других карт голландских, венецианских, французских, австрийских, немецких и сербских картографов, четко показывающих, что Косово и Метохия в рассматриваемый период воспринимались как сербская, но не албанская земля. Самостоятельную ценность имеет приведенный в статье перечень исследован-

ных авторами карт. В статье Н. Чурчич, В. Гарача и М. Йовановича «Историографический анализ изображений Нови Сада на топографических картах» (с. 701–722) проанализированы карты конца XVIII – второй половины XX века и объяснены те или иные особенности изображения города на каждой из них.

Завершает сборник раздел «Образование, наука, культура». Две из шести включенных в него статей посвящены истории преподавания географии в Сербии в XIX–XX веках (С. Анджелкович, С. Йованович «Преподавание географии в начальных школах в Сербии в XIX веке», с. 727–742; Д. Бонджич «Преподавание географии в Белградском университете с 1945 по 1960 год», с. 773–789). В исследовании Д.Р. Баягича «Исторические, географические, политические и правовые пространства и деятельность министров образования в Королевстве сербов, хорватов и словенцев» (с. 743–771) на обширном архивном материале рассматривается вклад министров образования от югославской демократической партии в развитие высшего (в том числе университетского) образования в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Статья З.С. Петрович и С. Анджелкович «Сербские школы в Румынии как средство сохранения национальной идентичности» (с. 791–806) поднимает вопрос о поддержании национальной идентичности в условиях диаспоры и о роли специализированного школьного образования в этом процессе на примере деятельности сербских школ в Тимишоаре, основанных еще в конце XVII века. И.Б. Миятович в статье «Влияние научных дисциплин “военная история” и “военная география” на развитие военных планов в Королевстве Сербия» (с. 807–823) привлек внимание к такой отрасли образования, как военное образование, и показал его влияние на военную элиту Сербии в 1878–1918 годах. Небольшая статья А.М. Фирсовой и Ю.В. Филиппова «Историко-географические предпосылки возникновения народных промыслов и ремесел в нижегородском регионе» (с. 825–829) дает общее представление о традиционных промыслах Нижегородского края, в частности — о хохломской росписи.

Необходимо отметить прекрасное оформление сборника. Многие статьи сопровождаются иллюстративным материалом, в том числе картами (как историческими, так и картами-реконструкциями самих авторов), диаграммами, таблицами, фотографиями.

Подавляющее большинство статей рецензируемого сборника являются фундаментальными научными исследованиями, основанными на анализе обширного круга источников, в том числе архивных, и на применение всего арсенала историко-географических методов. Рассмотрение авторами статей тех или иных проблем, как правило, ведется в широком контексте — историко-географическом, этнополитическом, социокультурном, историографическом. В совокупности помещенные в сборнике исследования дают представление об особенностях историко-географического развития Сербии и основных вехах его изучения.

И.Г. Коновалова

XVI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ЛОНДОН, 5–10 ИЮЛЯ 2015 ГОДА

Международные конференции по исторической географии (International Conference of Historical Geographers, ICHG), проводящиеся один раз в три года, — это крупнейший форум, объединяющий историко-географов из различных научных сообществ[1]. В июле 2015 г. в Лондоне состоялась шестнадцатая конференция, которая совпала с двумя знаменательными юбилеями: сорокалетием британско-канадского симпозиума по исторической географии в Кингстоне (США) — фактически первой международной историко-географической конференции, которая и положила начало регулярным международным встречам историко-географов, и сорокалетием со дня основания «Журнала по исторической географии» (*Journal of Historical Geography*). И прошедшие с 1975 года пятнадцать конференций, и журнал сыграли большую роль в интернационализации историко-географических исследований, так как благодаря им у представителей различных национальных историко-географических школ появилась постоянная авторитетная площадка для обмена мнениями.

Лондонская конференция по исторической географии собрала более 700 участников из 40 стран мира. Конференционные заседания проходили в аудиториях Королевского Географического общества (*Royal Geographical Society, RGS-IBG*), а также в расположенной поблизости Королевской Горной школе (*Royal School of Mines*). Более половины всех участников представляли страну-хозяйку, то есть Великобританию, а на англоязычные страны в целом пришлось около двух третей от приехавших на

[1] Хронику XV конференции в Праге (Чехия) см. в: Коновалова, Проскурякова, Рассказов, Фролов 2014.

конференцию исследователей (см. Табл. 1). Российское участие в конференции стало куда более заметным по сравнению с предыдущими конференциями в Гамбурге (2006), Киото (2009) и Праге (2012) — если девять лет назад в Гамбурге было всего двое российских участников, то в Лондоне только зарегистрировавшихся было 14 человек, а с не сумевшими приехать соавторами докладов — и того больше.

Страна	Участники	Страна	Участники
Великобритания	300	Финляндия	4
США	102	ЮАР	4
Канада	51	Австрия	3
Япония	31	Аргентина	3
Франция	24	Бельгия	3
Австралия	22	Польша	3
Китай	21	Португалия	3
Германия	19	Тайвань	3
Италия	19	Швейцария	3
Чехия	19	Эстония	3
Израиль	14	Индия	2
Россия	14	Норвегия	2
Ирландия	11	Сингапур	2
Бразилия	10	Гонконг	1
Швеция	8	Латвия	1
Венгрия	5	Мальта	1
Испания	5	Новая Зеландия	1
Нидерланды	5	Словакия	1
Греция	4	Словения	1
Румыния	4	Южная Корея	1

Таблица 1.

Распределение по странам участников ICHG 2015
(по официальным данным Оргкомитета)

На пленарном заседании, открывавшем конференцию, был заслушан доклад профессора Кембриджского университета Алана Бейкера (Alan R.H. Baker) «Историческая география как международная дисциплина», в котором докладчик проследил историю становления наднациональных институтов исторической географии, прежде всего регулярных международных конфе-

ренций, а также показал роль национальных школ исторической географии в международном сотрудничестве в этой области. По докладу была проведена содержательная дискуссия с участием представителей историко-географических школ Бразилии, Великобритании, Канады, США и Японии, каждый из которых говорил о развитии исторической географии в своей стране. И из обсуждения этого доклада, и по итогам конференции в целом совершенно очевидно, что национальные школы исторической географии по-прежнему играют важную роль и во многом сохраняют свою специфику, но на их международное взаимодействие большое влияние оказывают проблемно-методологические подходы и концепты, вырабатываемые англо-американским сообществом историко-географов, что в общем неудивительно, так как все наднациональные институты исторической географии являются их детищем и имеют только английский язык в качестве рабочего.

Всего на конференции было сделано около 550 докладов (из них 27 — постерных), объединенных в 147 тематических сессий, проходивших параллельно, что — как это бывает на многих крупных конференциях — делало невозможным посещение большинства из них. Общий проблемный спектр докладов был по традиции таких конференций чрезвычайно широк, но при этом выделялись магистральные темы, составляющие мейнстрим современных историко-географических исследований: обсуждение ключевых историко-географических понятий («пространство», «место», «территория», «регион» и др.) и подходов; нация, государство и территория; империя и колониализм; миграции и диаспоры; поселенческие структуры; городские и аграрные ландшафты; наследие и современность; окружающая среда и климат; коммуникации и инфраструктура в целом; демография; географические образы и воображаемая география; религиозная география; топонимика и т.п. Значительное внимание было уделено истории географических знаний и истории картографии, историческим ГИС, а также разнообразным источникам, используемым в историко-географических исследованиях, в том числе архивным и картографическим.

Большая часть докладов была основана на материалах XIX–XX веков — это напрямую связано с преобладанием на конференции представителей географического сообщества, для

которых связь предмета их исследований с современностью является почти обязательной.

Лишь немногие докладчики ставили вопросы, имеющие более или менее общий характер, то есть обращались либо к исследованиям сравнительно-исторического плана, либо рассматривали какой-то вопрос во всемирном масштабе, либо поднимали теоретические, методические, терминологические проблемы. В частности, одна сессия была посвящена рефлексии по поводу взаимоотношений истории и географии, однако эти вопросы рассматривались не в теоретическом плане, а на примере *case-studies*, построенных главным образом на материалах англо-американской и европейской истории.

Если говорить о географии тем, которым посвящались выступления, то она в большинстве случаев совпадала со страной докладчика. Представители Великобритании и Франции, чьи страны в прошлом были колониальными державами, часто обращались также к своей исторической географии в колониальном контексте.

Как правило, доклады группировались по проблемному признаку, однако часть выступлений прозвучала на сессиях, посвященных той или иной стране или региону. Так, на четырех сессиях обсуждались проблемы исторической географии США, три сессии касались Китая, две — Великобритании, еще две — России, по одной — Канады, Турции, Австралии и Венгрии. В региональном плане обсуждались только Европа и Америка. Кроме того, одно из заседаний было посвящено европейским столицам, а еще два — Лондону и Шанхаю, что, конечно, отражает роль этих мегаполисов в современном мире.

Обе сессии, на которых рассматривались вопросы исторической географии России, были организованы российскими участниками. Одна из них касалась образа Скифии в Античности и в Средние века, другая первоначально планировалась как обсуждение литературных и картографических образов Сибири XVI–XX вв., но после того, как Оргкомитет присоединил к ней доклад об исторической динамике и пространственном аспекте моделей этнического расселения в России в XX–XXI вв., она получила от организаторов название «Проблемы исторической географии России и Сибири».

Охарактеризовать все выступления на конференции не представляется возможным. Тезисно их содержание изложено в изданном организаторами сборнике[2]. Приведем лишь краткие заметки о тех докладах, на которых удалось присутствовать лично.

Несколько секций были посвящены вопросам создания и использования геоинформационных систем в историко-географических исследованиях. На секции «Исторические ГИС: инструментарий и исследовательские подходы» А.А. Фролов рассказал о работе по созданию в Лаборатории исторической геоинформатики Института всеобщей истории РАН (совместно с Российским государственным архивом древних актов) исторической ГИС «Русские картографические источники XVI–XVII веков», которая предоставит онлайн доступ к коллекции из примерно 850 древнейших русских чертежей[3]. Им был рассмотрен ряд методических вопросов геокодирования картографических изображений и их публикации с помощью веб-ГИС.

Особенностям работы по геокодированию исторических данных и соотнесению друг с другом адресов из разновременных исторических документов (24 млн. адресов Шотландии, по данным 1855–1974 гг.) посвятили доклад британские ученые К. Дарас (Konstantinos Daras), К. Диббен (Chris Dibben) и Ж. Фенг (Zhiqiang Feng).

Секция завершилась докладом теоретического плана исследовательницы из Нидерландов С. Виссер (Sophie Visser) о терминологии исторической геоинформатики и проблемах выбора источника, метода и программного обеспечения.

На секции «Электронные атласы исторических источников Средневековья и Нового времени» были освещены работы по созданию двух новых национальных исторических ГИС: польской и итальянской. Т. Звёнзек (Tomasz Związek) рассказал о возможностях ГИС *AtlasFontium.pl*. Многолетние усилия польских ученых по локализации топонимики, в первую очередь, кадастровых документов XVI–XVII вв. демонстрируют чрезвычайно высокую результативность (около 24 000 топонимов, 90% упомянутых в источниках названий).

---

[2] См.: ICHG 2015.

[3] Данная работа ведется при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (проект № 14-18-02121).

Трое докладчиков из Италии с разных сторон осветили результаты разработки ГИС по истории Италии периода Средневековья и Нового времени. О методике интеграции сведений исторических источников в базу данных налоговых регистров королевства Неаполь середины XV в. рассказали Г. Минини (Guido Minini), Д. Каррьон (Daniela Carrion) и Ф. Мильяччо (Federica Migliaccio). Отдельно обсуждался способ учета точности локализации облагаемых объектов, которая, в силу специфики исторических источников, не всегда может быть определена однозначно. «Книга церковной десятины» королевства Неаполь как исторический источник середины XV в. была охарактеризована в докладе С. Пиццуто (Simona Pizzuto), Л. Вантаджьято (Lorenza Vantaggiato) и М.Р. Вассалло (Maria Rosaria Vassallo). Представлены были и возможности по раскрытию информационного потенциала источника с помощью ГИС-технологий. На базе той же ГИС выполнена работа, подготовленная Ф. Сомайни (Francesco Somaini) и Ф. Ченгарле (Federica Cengarle), которая, по определению авторов, относится к жанру «мотивационной географии» (*motivational geographies*), уделяющей особое внимание пространственному аспекту политической борьбы. В их докладе речь шла о распределении в середине XVI в. сфер влияния между крупнейшими политическими игроками в Италии — согласно их собственным представлениям — и о претензиях на пограничные территории противоборствующих сторон.

На секции «Переосмысление территории через ГИС» геоинформационные технологии были представлены как средство, позволяющее извлечь новые данные из исторических источников. В докладе исследователя из США А. Тэйлора (Andrew Taylor) таковым был древнейший подробный план г. Лиона (1544–1553 гг.), оцифрованные копии 25 частей которого были смонтированы докладчиком и адаптированы для навигации пользователя в среде, подобной *Bing Maps* или *Google Maps*.

Итальянские историки А.Л. Денитто (Anna Lucia Denitto), М. Романо (Michele Romano), Э. Кароппо (Elisabetta Caroppo) и А.П. Паладини (Anna Pina Paladini) представили результаты интеграции с помощью ГИС сведений комплекса источников по истории и географии одного из регионов Южной Италии (провинция *Terra d'Otranto*) в XIX–XX веках. Проект рассчитан не

только на профессиональных исследователей, но и на широкий круг пользователей.

Предварительные результаты поиска и анализа географической информации исторических источников 1600–1927 гг., касающихся одного из крупнейших центров Китая в торговле шелком — города Пуян (Puyuan), — были представлены в докладе И.М. Лим (Ivy Maria Lim).

На сдвоенной секции «Цифровая картография и историко-географические исследования» первым был доклад коллектива авторов — Л. Исаксена (Leif Isaksen), Р. Симона (Rainer Simon), П.С. Каньямареса (Pau de Soto Cañamares), Э. Баркера (Elton Barker) во главе с профессором Х. Саутхоллом (Humphrey Southall) о новой версии портала *www.oldmapsonline.org*, давно известного пользователям сети Интернет в качестве одного из крупнейших онлайн-ресурсов с историческими картами. Докладчики рассказали о расширении возможностей и ресурсной базы этого портала в рамках развития существующего второй десяток лет проекта национальной исторической ГИС Великобритании.

Созвучным этой тематике оказался и доклад немецких исследователей Р. Смоларски (Rene Smolarski) и Н. Хеннигес (Norman Henniges) о подготовке к онлайн-публикации крупной коллекции карт XIX–XX вв. (около 185 000 экз.) — *Perthes Collection*, хранящейся в Эрфурте (Германия). Речь шла не только об оцифровке и геокодировании карт, но и предоставлении исследователям дополнительных инструментов их анализа.

Коллеги из Чехии Е. Ходейовска (Eva Chodejovska), Я. Пацина (Jan Pacina) и Я. Попелька (Jan Popelka) рассказали о ходе работ над ГИС, открывающей широкому кругу пользователей онлайн-доступ (*http://oldmaps.geolab.cz*) к коллекции австрийских карт Богемии — так называемому Первому военному межеванию (*First Military Survey*), — изготовленных после Семилетней войны во второй половине XVIII века.

Остальные доклады секции касались картографирования исторических объектов средствами ГИС. Бельгийский исследователь Б. Ванньивенхёйзе (Bram Vannieuwenhuyze) рассказал о картографировании 50 000 исторических дорог Фламандии, отметив методические сложности, с которыми столкнулись исполнители проекта в ходе нанесения диахронных объектов, су-

ществовавших в течение протяженных отрезков времени. В качестве перспектив для дальнейшего развития исследователь указал на возможность интеграции в созданную ГИС новых источников и создание ее онлайн-версии.

Французские ученые Б. Готье (Bernard Gauthiez) и О. Зеллер (Olivier Zeller) рассказали о том, как для г. Лиона была выполнена реконструкция истории городской застройки за период с 1600 до 1890 г. ГИС-технологии позволили исследователям, опираясь на разнообразные источники, вплоть до строительных чертежей, городских кадастровых планов и налоговых списков, проследить процесс роста города в динамике.

Ирландская исследовательница Р. Мерфи (Rachel Murphy) проанализировала с помощью ГИС структуру землевладения Ирландии в 1870–1930 гг. Структура сахарных плантаций 1670 – 1680-х годов на острове Барбадос реконструирована ученым из США П. Коуби (Peter Koby). Организация рынка медицинских услуг Англии и Уэльса в 1500–1715 гг. стала предметом изучения методами просопографии и геоинформатики английского исследователя Дж. Колсона (Justin Colson).

Канадские исследователи Д. Лер (John C. Lehr) и Б. Макгрегор (Brian McGregor) картографировали движение на запад населения по территории Канады в 1870–1930 гг. Индикатором этого движения послужили школы, учреждение которых, согласно действовавшему законодательству, было обязательным для местностей с установившейся поселенческой структурой (критерии таковой включали минимальное число детей школьного возраста, проживающих на расстоянии не более допустимого). Результатом работы стала серия карт с интервалом в один год, отражающих динамику процесса.

Несколько секций были посвящены проблеме истории географических представлений и презентации их на исторических картах.

Для докладов, представленных на секции «Скифия: История географического образа (Античность и Средние века)»[4], общим является демонстрация того, что образ Скифии, порожден-

[4] Прозвучавшие на секции доклады Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова были подготовлены при финансовой поддержке РНФ (проект № 14-18-02121).

ный античной географической традицией, не имел какого-то раз и навсегда определенного места в пространстве. Его «локализация» постепенно менялась — по мере расширения географических знаний об ойкумене и в зависимости от места проживания носителей той или иной ученой традиции. А.В. Подосинов проанализировал развитие географических представлений о Скифии у древних греков от Гомера и Гесиода до Птолемея. Эволюции образа в арабской традиции посвятила доклад И.Г. Коновалова, проследившая, как заимствованные арабами из античной литературы представления по мере развития собственных географических знаний переосмысливались и корректировались новыми. Т.Н. Джаксон показала, как Адам Бременский интерпретировал образ Скифии, перенеся ее еще дальше на север и распространив на циркумбалтийский регион. В древнеисландской религиозной литературе середины XIII–XIV в. образ Скифии совмещался с легендарными представлениями скандинавов, о чем рассказала Г.В. Глазырина.

Секция «Историко-географические исследования России и Сибири» объединила доклады главным образом о восприятии Сибири в исторических источниках. С.В. Рассказов выступил с докладом о «Старой Сибири» — регионе, который именовался Сибирью в XVI–XVII вв., по данным исторических карт. Ф.С. Корандей проанализировал описание Тюменского региона в путевых записках путешественников XVII – начала XX века. В.В. Пестерев рассмотрел угрозы внешнего вторжения и внутреннего мятежа как реалии жизни русских поселений Западной Сибири 1580–1660-х гг. сквозь призму «оборонной психологии». Вместе с тем, открыта секция была докладом, касающимся не только Сибири, но и России в целом: В.Н. Стрелецкий сделал обзорный доклад об исторической динамике и пространственном аспекте моделей этнического расселения в России в XX–XXI веках.

На секции «Карты как исторический источник» Ц. Мизогучи (Tsunetoshi Mizoguchi) по историческим картам проследил динамику развития столичного города Нагоя и его инфраструктуры за 400 лет (с начала XVII в.). О тесной связи кадастрового картографирования с системами землепользования на материале шведских карт XVIII в. доложила К. Халльгрен (Karin Hallgren). Д. Бо (Dominique Baud) рассмотрел возможности геоисториче-

ского подхода к анализу карт XIX–XX вв. для реконструкции эволюции ландшафтов и систем землепользования в Альпийском регионе. Роль картографических материалов советского периода в преемственном использовании системы пастбищ в Кыргызстане в XX–XXI вв. продемонстрировал М. Мурзабеков, представлявший на конференции Швецию.

На секции «Ландшафт и расселение в Европе» прозвучали доклады, посвященные исторической географии Эстонии, Венгрии, Чехии и России. В докладе А.Б. Глебовой и К.В. Чистякова был предложен анализ структуры расселения на Горном Алтае в эпоху бронзы и железа по археологическим данным — в связи с ландшафтом и изменениями климатических условий. А.С. Щавелев и А.А. Фетисов изложили результаты сопоставления археологических данных о древностях Восточной Европы IX–X вв. с летописными известиями о «племенах» и описанием их в трактате «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного. Исследователи констатировали лишь частичное соответствие «племен» реалиям материальной культуры этого времени. По их мнению, процесс формирования этносоциальных общностей, именуемых «племенами», продолжался и в конце X–XI веках. Диалектику соотношения прав собственности и эволюции ландшафтов в Эстонии на протяжении 1600–2000 гг. проследил исследователь из Швеции Й. Хоппе (Göran Hoppe). Ф. Янко (Ferenc Jankó) проанализировал особенности обсуждения проблем истории окружающей среды в венгерской академической науке середины XIX – середины XX века. З. Кучера (Zdenek Kučera) и М. Кашкова (Magdalena Kašková) рассказали о трансформациях региональных идентичностей в пограничных районах Чехии в XX веке.

В целом состоявшаяся конференция может быть охарактеризована как чрезвычайно интересная и плодотворная. Следующая конференция состоится в 2018 г. в Варшаве (Польша).

И.Г. Коновалова, А.А. Фролов

БИБЛИОГРАФИЯ

Коновалова, Проскурякова, Рассказов, Фролов 2014 — *Коновалова И.Г., Проскурякова М.Е., Рассказов С.В., Фролов А.А*. XV международная конференция по исторической географии: Прага, 6–10 августа 2012 г. // Историческая география. М., 2014. Т. 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. С. 520–525.

ICHG 2015 — International Conference of Historical Geographers 2015: Royal Geographical Society (with IBG), London 5 to 10 July 2015. London, 2015. Preprint. См. также электронный ресурс [режим доступа: http://www.ichg2015.org/wp-content/uploads/ICHG-2015-Programme-Book.pdf, дата обращения — 30.10.2016].

26th INTERNATIONAL CONFERENCE ON THE HISTORY OF CARTOGRAPHY

ANTWERP, JULY 12 TO 17, 2015

From July 12 to 17 of 2015, the 26th International Conference on the History of Cartography (ICHC) took place in Antwerp, with the theme "Theatre of the World in Four Dimensions: Space, Time, Imagination, Spectacle". This iteration of the biennial conference was organized by the City of Antwerp, the University of Antwerp, and Imago Mundi Ltd., and was directed by Joost Depuydt of the FelixArchief. The last few conferences have set a high standard in terms of both organization and presentation of the host city's cultural riches, and this conference more than lived up to expectations.

The conference was preceded on July 11 by a meeting of the International Society of Curators of Early Maps, which included a report from the new Map and Geo-Information Curator Group (MAGIC), which has replaced the European LIBER Groupe des Cartothécaires. There was also a meeting of the International Society for the History of the Map in which Sarah Tyacke was approved as the new Honorary Chair.

The conference, which had 237 registered attendees from 36 countries, included 69 papers (up from 58 in 2013) and 22 posters (down from 26 in the previous conference). Both the short-format Pocket Programme of the conference and the Full Programme with the abstracts of the papers were available in PDF via the conference website (http://www.ichc2015.be/en/conference-programme/). In addition to the PDF of the full program, conference attendees received the printed volume titled simply *ICHC 2015 Antwerp* (Antwerp: FelixArchief, 2015).

Noteworthy talks of the conference include the following (discussed in the order of their delivery at the conference):

Joaquim Gaspar gave an eye-opening presentation "Revisiting Mercator's World Map of 1569: An Assessment of Navigational Accu-

racy", in which he showed that although the map's title proclaims that it was made *ad usum navigantium*, "for use by navigators," in fact it was not at all well suited for such use, either in terms of its accuracy or in terms of its physical format.

An electrifying paper, one of the highlights of the conference, titled "What the Map Readers Saw: Writing and Cartography in Tang Dynasty China (618–907 CE)", was delivered by Linda Rui Feng. Virtually no Chinese maps survive from the Tang Dynasty, but the literary elite left fascinating accounts of their experiences viewing and designing maps that give important information about the place of maps in Tang culture.

Mirela Altić in her talk on "Dalmatia and the Southern Ottoman Borderland in the Eyes of Jan Janssonius" gave a careful and engaging analysis of Janssonius's pioneering map of northern Dalmatia in his *Atlas Maritimus* of 1650. Altić showed how Janssonius made use of Croatian maps and both Venetian and Ottoman reports about the border in creating a map that was unrivaled for almost forty years.

In her paper "An Untraceable Border: Cartographic Projects during Habsburg-Parmesan Negotiations (1750–1790)", Madalina Veres set out, on the one hand, the Habsburg Empire's border commissary, corps of surveyors, and strong interest in mapping borders; and on the other, its failure over the course of four decades to map its border with the Duchy of Parma, Piacenza and Guastalla. This failure was the result of political maneuvering by the Infant of Parma, who transformed what should have been a bilateral negotiation between Parma and Vienna into an endless four-way discussion that involved the kings of France and Spain.

Hirotada Kawamura in a presentation titled "On the General Maps of Japan Compiled by the Tokugawa Shogunate (1608–1867)" set forth the process by which the Shogunate produced a national map of Japan (*nihon-sozu*) by combining provincial maps (*kuni-ezu*) that it ordered each of the major feudal lords to supply. In particular, he corrected misunderstandings about the national maps of Japan made during the early Edo period (1624–1643).

Zef Segal ably took on an important subject in his paper "Geopolitics and the Territorial State: The Representation of New States in German Atlases (1800–1939)". Analyzing the numbers of maps that delineated each new state, how these depictions changed over time, and the

symbols used to indicate statehood, he showed that German cartographers treated states differently in Europe, South America, Africa, the Middle East, and Southeast Asia, and that the borders of colonized areas or imperial possessions were often more important than those of new states.

In "Picturing the World: American Pictorial Maps (1920–1970)", Stephen Hornsby examined the proliferation and development of pictorial maps in the US, maps to amuse, to instruct, to portray industry, to show the progress of wars, and to increase knowledge of the country after World War II. This proliferation represents a remarkable popularization of maps, and creating the maps posed interesting design challenges to their cartographers.

Katarina Kosonen in "Passive Resistance and Raging Propaganda: Pictorial Maps in the Finnish Popular Press (1900–1942)" examined the development of political caricature maps, particularly relating to Finland's relationship with Russia, but also for satirizing domestic political opponents. These maps retained conventional cartographic symbols and styles, combining them with pictorial elements.

I would not mention my own paper had it not been well received. In "'Let There be Multispectral Light': Imaging the c. 1491 World Map by Henricus Martellus at Yale" I described the use of multispectral imaging to reveal texts and other details on a world map whose importance had been recognized for decades, but which was an essentially unstudyable object as almost all of the texts on it had faded to illegibility. This technology is very promising for the study of other damaged maps.

A striking late sixteenth-century combination of cartography and family history was analyzed by Barbara Uppenkamp in her paper "Space, Time, and Spectacle in the Rantzau Plate (c. 1587)". The map, made by Daniel Frese (c. 1540–1611), shows parts of Schleswig and Holstein together with the genealogical tree of the Rantzau family; throughout the landscape important political and military events in the family's history are portrayed, and in the border there are images of the family's seventy noble houses.

Gilles Palsky in "The Philosopher's Map: Cartography, Earth Theory, and Spirit of Enlightenment" discussed Nicolas-Antoine Boulanger's distinctive map, the *Nouvelle mappemonde dédiée au progrès de nos connaissances*, first published in 1753. Rather than showing the

Old World and the New World in separate hemispheres, and many contemporary maps did, Boulanger set the hemisphere of land opposite the hemisphere of waters, and used metaphors of light and dark and maritime navigations to illustrate the advancement of science.

The conference's poster session was held on July 15. Highlights included Emmanuelle Vagnon's poster "Describing and Illustrating Maritime Spaces: An Illuminated Portolan Text at the Court of François I", on the anonymous isolario at the Bibliothèque Nationale de France, MS Français 2794; Nataliya Vinogradova's poster "Peoples of the Russian Empire: How They Appear on Old Russian Maps", and Dániel Segyevy, "Map Twins: The 1:200,000 Ethnographical Maps of Hungary (1918) in the Shadow of Trianon".

The conference's cultural program was excellent, particularly the map exhibition at the Museum Aan de Stroom (MAS) titled "The World in a Mirror" and curated by Jan Parmentier. The exhibition gathered from Belgian institutions maps that any scholar or collector visiting the country would want to see, and these were judiciously complemented with maps borrowed from foreign collections. A checklist of the maps displayed is available via the exhibition's webpage[1], and a printed catalog of 192 pages, edited by Parmentier and with the same title as the exhibition, was published by BAI in Antwerp (ISBN 978-90-8586-693-0). The conference also included visits to the famous Museum Plantin-Moretus, the Hendrik Conscience Heritage Library for an exhibition titled "The Seven Seas", and the Rockoxhuis for the exhibition "Abraham Ortelius Under the Spell of Classical Antiquity".

The next ICHC will be held in Belo Horizonte, Brazil, July 9–14, 2017, with the theme "The Cartographic Challenge of the New" (the conference website — www.ichc2017.ufmg.br).

Chet Van Duzer

[1] http://www.mas.be/nl/Museum_MAS_EN/MASEN/On-Display/The-world-in-a-mirror.html, visited 30.10.2016.

ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ПРАГА, 31 АВГУСТА – 2 СЕНТЯБРЯ 2016 ГОДА

Центрально-Европейская конференция по исторической географии (*Central-European conference of historical geographers, CECHG*) была организована Исследовательским центром по исторической географии Института истории Чешской Академии наук, факультетом естественных наук Карлова университета в Праге и Секцией по исторической географии и истории окружающей среды Чешского географического общества. Целью конференции являлось обсуждение новейших тенденций в развитии историко-географических исследований, к участию в котором приглашались не только собственно историко-географы, но и представители других смежных дисциплин — историки и географы различного профиля, ландшафтоведы, специалисты в области истории окружающей среды и культурной антропологии и т.п. Единственным условием было преимущественное внимание к региону Центральной Европы.

В конференции приняли участие ученые из восемнадцати стран. Примерно половина участников представляла Чехию, что давало отличную возможность непосредственного знакомства с ключевыми фигурами чешской исторической географии. Конференция собрала исследователей практически из всех стран Центральной и Восточной Европы — уже упомянутой Чехии, Польши, ФРГ, Словакии, Венгрии, Австрии, Швейцарии, России, Украины, Латвии. Она вызвала интерес также у историко-географов из Балканских стран (Румынии и Хорватии), а также у ученых из Бельгии, Швеции, Финляндии, Израиля, Канады и Турции.

Программа конференции получилась очень насыщенной. На восемнадцати заседаниях было заслушано более шестидесяти уст-

ных докладов. Состоялась и постерная сессия, на которой было представлено пятнадцать работ. Кроме того, были прочитаны две лекции: В. Шенк (Winfried Schenk) рассказал о «стратегиях выживания» в качестве историко-географа в Германии в последние десятилетия, а П. Йордан (Peter Jordan) остановился на проблеме евроинтеграции в контексте культурного разнообразия Европы. Тезисы обеих лекций и всех докладов — как устных, так и постерных — опубликованы в 60-страничном сборнике, доступном в сети Интернет[1].

Проблемно-тематический репертуар докладов наглядно продемонстрировал всю широту исследовательского поля современной исторической географии. Докладчики обращались к таким темам, как изучение ландшафтов в прошлом и настоящем, история окружающей среды (включая историю климата и природных катастроф), урбанистика, границы, идентичность, топонимика, география религий, туризм, карты и исторический ГИС, источниковедческие аспекты историко-географических исследований, вклад тех или иных личностей в развитие историко-географического дискурса разных стран. Обсуждались и важнейшие концепты исторической географии — «пространство», «место», «регион», «граница» и другие. Если говорить о хронологии докладов, то большая их часть основывалась на материалах XIX–XX вв., однако следует отметить как немалое количество выступлений, посвященных периоду Средних веков или XVII–XVIII вв., так и ряд докладов, авторы которых рассматривали те или иные проблемы на протяженном отрезке времени.

Большое внимание участников конференции привлекли различные аспекты исторической географии ландшафтов, которым были посвящены три заседания. На одном из них обсуждались трансформации аграрного ландшафта Чехии и Венгрии в XVI–XX веках. Второе касалось проблем, связанных с изучением культурного ландшафта в контексте источниковедения и междисциплинарных исследований. На третьем заседании поднимались вопросы реконструкции ландшафтов прошлого, в том числе с помощью геоинформационных методов. Еще на одном заседании ландшафты прошлого обсуждались в связи с ролью в их формиро-

[1] Central European Conference 2016.

вании представителей высших слоев общества в странах Центральной Европы в Средние века и Новое время. В рамках постерной сессии были представлены доклады о типологии и феноменологии культурного ландшафта (на примере Словакии и Чехии), о ландшафтных архетипах как маркерах региональной идентичности, а также о системах землепользования в Словакии и Чехии в XIX–XXI веках.

Заметное место в программе заняло обсуждение истории климата и окружающей среды. Одно из заседаний было целиком посвящено докладам о климате Чехии в последние пятьсот лет. На двух других рассматривались — на материалах Чехии, Словакии, Венгрии и Бельгии — историко-географические аспекты природных рисков и катастроф и способов их предотвращения в XVI–XXI веках. Во время постерной сессии можно было познакомиться с историей наводнений и борьбы с ними в польской Силезии.

Два заседания были отведены на обсуждение исторической географии религий, где в ряде выступлений снова прозвучала тема ландшафта. Докладчики рассмотрели такие вопросы, как трансформация религиозных структур в польской исторической области Мазурия с XVI в. до наших дней; религиозный ландшафт Киева в исторической ретроспективе; новые тенденции в эволюции чешского религиозного ландшафта; соотношение национального и религиозного на примере польской и литовской католических общин Вильнюса; был затронут и гендерный аспект пространственного восприятия. На заседании также был представлен ценный электронный ресурс — база данных о религиозной принадлежности жителей из пятидесяти европейских стран за последние два десятилетия (*Swiss Metadatabase of Religious Affiliation in Europe, SMRE*; www.smre-data.ch). Географии религий был посвящен и один из постерных докладов, в котором рассматривались возможности геоинформационных технологий для реконструкции административной структуры Римской католической церкви в Чехии в XVIII–XIX вв. на основе нарративных и картографических источников. Еще в одном постерном докладе о религиозном ландшафте говорилось в контексте урбанистических исследований на примере польского г. Белостока в XX–XXI веке.

В центре внимания многих докладчиков оказалось изучение городских пространств. Хотя специальных заседаний по данной

проблематике не проводилось, историческая география городов так или иначе обсуждалась на ряде заседаний. Трансформации концепта «место» (*place*) были рассмотрены на примере столичных городов — Лондона, Берлина и Праги. Коллеги из Финляндии представили результаты работы по совместному проекту Академии Финляндии и Российской академии наук «Многозначность городского пространства в прошлом и настоящем», где модельным объектом послужил современный российский город Выборг, история которого в прошлые времена была тесно связана со Швецией и Финляндией, что естественным образом наложило отпечаток на архитектурный облик городского центра. Иссследование базируется на широком круге источников — от архивных документов и карт до интервью — с использованием геоинформационных технологий. Способы символического присвоения публичных городских пространств было проанализировано на примере пограничного румынского г. Орадя (венг. Надьварад), треть населения которого в настоящее время составляют этнические венгры. В контексте географии туризма рассматривались парковые зоны Киева (с середины XVIII в. по сегодняшний день), а также индустриальное наследие Праги конца XIX – начала XX века. Роль городских пространств в формировании идентичности обсуждалась на примере наименований улиц в шести польских городах. Среди постеров следует отметить материалы о г. Злин из «Атласа исторических городов Чехии».

Пограничной проблематике было посвящено заседание «Институализация регионов и границ», на котором были представлены доклады об оформлении шведско-русской границы в 1743 г., об особенностях формирования пограничных идентичностей в многоэтничных и мультикультурных районах, а также о значении национализма для институализации регионов.

Вопросы, связанные с теми или иными типами разграничения, обсуждались и в контексте исследований идентичности. Так, одно из выступлений касалось роли этнического картографирования, осуществлявшегося в Российской империи во второй половине XIX в., в формировании национальной идентичности латышей и эстонцев. Еще в одном докладе шла речь о возможностях эмблематики для изучения территориальных идентичностей (на примере Либерецкого края Чехии). На двух заседаниях были рассмотрены

проблемы исследования географических названий и, в частности, такая важная функция топонима, как маркер идентичности. Доклады, сделанные на эту тему, охватывали материал от Средних веков до современности.

Еще одним значительным вопросом для обсуждения стало использование карт в историко-географических исследованиях, причем речь шла и об исторических картах, и о современных картах-реконструкциях, произведенных с помощью информационных технологий. В рамках данной проблематики были заслушаны доклады о моделировании исторических ландшафтов в археологии, о собственно картографических аспектах создания карт-реконструкций, об исторических и современных ментальных картах Центральной Европы, о таких интересных источниках как глобусы и этнические карты, а также травелоги — беллетризованные аналоги ментальных карт.

Отдельное заседание было посвящено ученым, которые внесли большой вклад в развитие историко-географических исследований и в преподавание географии, — П.Й. Шафарику, Л.С. Багрову, Д.Д. Рудневу и Э. Реклю.

Получили освещение и историко-географические вопросы, связанные с развитием туризма. В теоретическом плане они были рассмотрены в рамках постерной сессии в коллективном докладе чешских коллег «Туризм и рекреация в исторической географии». На других заседаниях данная проблематика затрагивалась применительно к Киеву, Праге и региону Восточного Причерноморья.

Наряду с заседаниями в программу конференции входила интересная выставка «Регионы в пространстве и времени», на которой были представлены исследовательские темы и текущие проекты, выполняемые в Центре по исторической географии Института истории Чешской Академии наук. Кроме того, участники конференции в ходе увлекательной экскурсии смогли познакомиться с историческим зданием Карлова университета в Праге (Каролинум).

В заключении следует сказать, что формат конференции полностью себя оправдал. Она прошла на высоком профессиональном уровне и дала прекрасную возможность прямого контакта и обмена мнениями со многими специалистами по исторической географии Центральной Европы и ряда других стран. Особенно хотелось

бы отметить царившую на конференции коллегиальную дружескую атмосферу и выразить надежду на то, что такого рода конференции историко-географов будут проводиться и в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ

Central European Conference 2016 — Central European Conference of Historical Geographers. Prague, Czechia / August 31 – September 2, 2016. Abstract Book / Ed. Michal Semian & Kamila Klingorová. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.historickageografie.cz/files/files/CECHG2016_AbstractBook.pdf, дата обращения — 30.10.2016].

ПЕРВАЯ ВСЕМИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИГРАНИЧЬЯ

9–13 июня 2014 года в финском городе Йоэнсуу и российском Санкт-Петербурге прошла первая всемирная конференция Ассоциации исследований приграничья (*Association for Borderlands Studies*, *ABS*) «Границы после холодной войны. Глобальные тенденции и региональные ответы» (“Post-Cold War Borders: Global Trends and Regional Responses”)[1]. Ассоциация, учрежденная около сорока лет назад небольшой группой единомышленников, на современном этапе объединяет несколько сотен исследователей и специалистов, представляющих академические институты, органы исполнительной власти и некоммерческие организации десятков стран. Первая всемирная конференция *ABS* обеспечила возможность этому сообществу собраться вместе и обсудить, какими стали границы после окончания холодной войны[2]. При этом в первую очередь ставилась цель выявить факторы, оказывающие влияние на состояние границ и прилегающих к границам областей, и проанализировать меры, принимаемые в разных странах мира, в ответ на существующие угрозы.

Организаторами конференции *ABS* стали Университет Восточной Финляндии, Европейский университет в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургский Центр независимых социологических исследований. В духе основной тематики конференции

---

[1] Место и время проведения конференции было анонсировано в предыдущем выпуске «Исторической географии». См. подробнее: Проскурякова, Кайсто 2014.

[2] См. подробнее: Post Cold-War Borders 2014. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.uef.fi/en/abs2014world/etusivu, дата обращения — 06.04.2015].

часть заседаний была проведена в Финляндии, а часть — в России. После двух дней работы конференции в Йоэнсуу участники сели в автобусы и пересекли границу, по пути посетив финский город Иматра и российский Выборг. В этих городах представители местных администраций встретили ученых и рассказали про перспективы экономического и культурного развития пограничных территорий. Всего в конференции приняли участие более 420 человек из 53 стран. Однако далеко не у всех из них была возможность успешно пройти паспортный контроль на границе и участвовать в мероприятиях и в Финляндии, и в России. По словам организаторов семинара, — это конкретное доказательство того, что, несмотря на глобализацию, границы продолжают оказывать влияние на людей, их планы, возможности и мобильность.

Пленарные доклады на конференции представили профессора Оскар Дж. Мартинес из Университета Аризоны (США), Пол Ньюджент из Университета Эдинбурга (Великобритания), А.Ф. Филиппов из ВШЭ (Россия), Анн-Лор Амильхат Жари из Университета Жозефа Фурье (Франция) и Ансси Пааси из Университета Оулу (Финляндия). Стоит отметить, что в выборе основных докладчиков ключевую роль сыграло внимательное отношение организаторов к истории Ассоциации, преемственности знания и поиску новых идей и решений. Если профессор Оскар Дж. Мартинес известен как основатель и бывший председатель *ABS*, а его работы можно считать классическими для исследования границ и приграничных сообществ, то Анн-Лор Амильхат Жари представляет молодое поколение ученых и новые веяния в этой области знания.

Каждый из ученых, выступивших с пленарным докладом, неоднократно напоминал участникам конференции, что исследование границ в настоящее время, не только интересно, но актуально и даже необходимо. В их докладах красной нитью проходила мысль, что живя в эпоху глобализации и геополитической напряженности, важно понимать, что границы — это не только формальные политические маркеры суверенитета государств, а комплексные социальные конструкции.

Уже на пленарных заседаниях были предложены новые оригинальные методики изучения границ. Так, нельзя не упомянуть выступление профессора Жари, которая вместе со своей

исследовательской группой организовала мастерские для африканских беженцев. В них при поддержке и помощи профессиональных художников они рисовали свой маршрут вынужденной миграции, делились пережитым опытом и чувствами: страхом и радостью. Такие мастерские, утверждает профессор, дают намного более богатый материал нежели традиционные интервью.

В рамках конференции было проведено 113 секционных заседаний. Среди них следует особо отметить работу секций по следующим направлениям: «Между Востоком и Западом» (“Between the East and the West”); «Язык и граница: Дискуссия о значении границ между Россией и Скандинавскими странами» (“Language and Border: Negotiation of Meanings on and around Russian-Scandinavian Borders”); «От постсоветсткого к евразийскому: Реконфигурация границ и пространства» (“From Post-Soviet to Eurasian: Reconfiguring Borders and Space”); «Трансформация ментальных карт постсоветского пространства» (“Changing Mental Maps of Post-Soviet Space”). Авторы большинства докладов рассматривали границы через призму геополитики или трансграничного сотрудничества. Однако наряду с этими довольно традиционными подходами к изучению границ, докладчики нередко затрагивали темы миграции, границ в повседневной жизни людей, а также вопросы теории и методов изучения границ.

Стоит отметить, активное участие в конференции представителей научных центров северо-запада России и восточной Финляндии, благодаря которому русско-шведская и русско-финляндская граница оставалась в фокусе внимание на протяжении всей конференции. Профессор Санкт-Петербургского филиала ВШЭ А.А. Селин обратился к истории XVII в. и опыту установления Русским царством жестких правил пересечения границы со Швецией. С 1629 г. в связи с эпидемией чумы, поразившей Европу, стал действовать запрет на свободный переход границы. Право на въезд в Россию давала лишь проезжая грамота, выданная государственной администрацией. Однако со времени введения запрета стала развиваться практика нелегального пересечения границы из-за случаев взяточничества отдельных новгородских чиновников.

Другой специалист по истории русско-шведских отношений — А.В. Толстиков (Петрозаводский государственный уни-

верситет) выступил с призывом создать творческий коллектив ученых России, Швеции и Финляндии для систематизации достижений национальных историографий, всестороннего анализа сохранившихся письменных источников на нескольких языках и выработки концептуального подхода к исследованию истории русско-шведской границы в Раннее Новое время. Историк считает правильным сосредоточиться на комплексном и системном изучении русско-шведских контактов в XVII в. в двух ключевых регионах — Ингрии и Кексгольмском лене.

Несомненный интерес для исследователей России и Финляндии также представляет восприятие современниками истории Выборга. Стоит отметить работу Хлои Уэллс из Университета Восточной Финляндии, которая посвятила свой доклад Выборгу — «городу памяти» и «городу, который был потерян». С точки зрения Уэллс память о Выборге в Финляндии основана на мифологизированном образе города, образе который не претерпевает изменений с течением времени и старательно оберегается. Подчеркивая открытость физической границы между Россией и Финляндией и широкие возможности финнов для посещения Выборга, Уэлсс усматривает наличие в сознании финнов ментальной границы, которая отдаляет финнов от современного города. Выборг для них — это город с открытки, где над башней Святого Олафа развивается синекрестный флаг. Выводы, прозвучавшие в докладе Уэллс, тем более интересны, что некоторые из финляндских коллег подчеркнули их спорность в отношении молодых поколений финнов.

Города северо-западного приграничья России в последние годы оказались в сфере интересов и российских ученых. Кронштадт, Выборг и Санкт-Петербург были выбраны группой исследователей из МГИМО для изучения мифов о роли этих городов в прошлом страны и их положении в настоящем. Несмотря на схожесть истории Кронштадта, Выборга и Санкт-Петербурга и их географического расположения, мифы, сложившиеся в городах отличаются. В докладе, представленном И.Ю. Окуневым и А.О. Домановым, Кронштадт предстает крепостью, стоящей на страже интересов России, Выборг — мостом, соединяющим Восток и Запад, а Санкт-Петербург оказывается «русской мечтой о Европе». Результаты были получены исследователями путем проведения опросов жителей названных городов, работы с фо-

кус-группами, изучения письменных источников и источников картографического и топонимического характера.

На конференции много обсуждалась и современная российско-финляндская граница. Сотрудники Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) А. Андронова, О. Бредникова, О. Ткач и Е. Никифорова представили результаты полевых исследований, в которых они наблюдали за поведением российских туристов, посещающих пограничные города Финляндии с целью туризма и шопинга. Ученые смогли показать, каким образом туристы используют и «осваивают» эту территорию, и в результате «наше» пространство как будто простирается через государственную границу в Финляндию. Благодаря туризму в русский язык внедряются новые слова и выражения такие, как «кипушник» (от финского слова *кирппутори* — рынок поношенных вещей), а на финляндской стороне идет «руссификация» физического, культурного и языкового пространства.

Данное исследование является одним из многих, которые в последние годы реализовались в рамках больших европейских проектов по изучению границ, таких как *EUBORDERREGIONS*, *EUBORDERSCAPES* и *Unfamiliarity*. Многие из участников конференции имеют опыт подобной работы, что позволяет им судить о недостатках подобных исследований и их перспективах. Одним из вызовов масштабных проектов, посвященных границам и пограничным территориям, оказывается сложность сопоставления отдельных случаев, существенно отличающихся друг от друга по ряду характеристик, и обобщения полученных данных. Этот вопрос был поднят в ходе дискуссии между исследователями из Университета Восточной Финляндии, Университета Тромсё (Норвегия), Варшавского университета (Польша) и Университета Фессалии (Греция). Свою точку зрения по теме высказала организатор секционного заседания «Приобретая знания путем изучения отдельных пограничных регионов ЕС: Сопоставляя несопоставимое?» (“Learning from Case Studies on EU Border Regions: Comparing the Incomparable”) Шаролта Немет, подчеркнувшая в выступлении, что характерный для изучения границ метод «кейс-стади» позволяет обнаружить местную (либо региональную) специфику, но без сопоставления и синтеза, результаты таких исследований остаются значимыми только для изучаемой территории.

Другой популярной сферой исследований стали границы и пограничные территории постсоветского пространства. Два секционных заседания были посвящены языковой политике и политике идентичности в бывших советских республиках. В них рассматривались вопросы государственного планирования и то, как на языковую политику реагируют в пограничных регионах, в которых живут большие группы языковых меньшинств. Ведущий российский исследователь границ В.А. Колосов из Института географии РАН со своей исследовательской группой рассказал об итогах изучения статей, опубликованных в «Независимой газете» в 1994–2012 годах. Ученый проанализировал характер высказываний об отношениях России с бывшими советскими республиками и Европейским союзом, а именно как в статьях формируются границы между «нами» и «ими» и какой оказывается роль государственной границы (например, она может выступать в качестве регулятора миграции).

Особое внимание на конференции было уделено африканским границам. Сеть исследования африканских пограничных территорий (*The African Borderlands Research Network, ABORNE*) оказала конференции научную и финансовую поддержку и организовала презентацию книг и семь секционных заседаний, посвященных африканским границам. Пол Ньюджент, глава африканских исследований в Университете Эдинбурга и один из создателей *ABORNE*, в пленарном докладе рассказал о специфике африканских границ, которые определились еще во время колонизации и стали своего рода «ящиком Пандоры», открытым в момент получения африканскими странами независимости. Так, яркой особенностью африканских границ является расположение вдоль них экономически значимых городов. Если пограничные города в Европе или Америке — это периферийные и деградирующие населенные пункты, то в Африке они представляют собой центры развития. Колониальные столицы африканских стран, как правило, находились на побережье, феномен, способствовавший миграции людей вглубь материка, на пограничные территории. Целью такого переезда становилось стремление избежать налогов или подневольного труда и воспользоваться возможностями, которые граница им предлагала, в том числе в виде контрабанды. До сих пор эти города растут благодаря трансграничной торговле — легальной и нелегальной.

В целом же успех первой всемирной конференции, проведенной в Йоэнсуу и Санкт-Петербурге, не вызывает сомнений. По всей видимости, встречи в таком формате войдут в программу научных мероприятий *ABS* и станут традиционными наряду с европейскими и американскими конференциями[3]. Меняющаяся карта современного мира подталкивает исследователей социогуманитарных специальностей к более глубокому и вдумчивому изучению границ и приграничных территорий.

В. Кайсто, М.Е. Проскурякова

БИБЛИОГРАФИЯ

Проскурякова, Кайсто 2014 — *Проскурякова М.Е., Кайсто В.* Конференция «Границы и приграничье. Проблемы сегодняшнего дня и завтрашние перспективы» // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 530–536.

[3] См. подробнее: Assosiation for Borderland Studies. — Электронный ресурс [режим доступа: http://absborderlands.org, дата обращения — 06.04.2015].

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ»

25–26 сентября 2015 г. в Алтайском государственном университете (Барнаул) прошла конференция по исторической геоинформатике, собравшая не только профессиональных историков, применяющих ГИС-технологии в своей работе, но и специалистов из смежных областей знания и, конечно, ГИС-картографирования. География участников была представлена не только городами России (Барнаул, Екатеринбург, Ижевск, Москва, Пермь, Тверь), но и норвежским городом Тромсё.

Общий формат конференции был задан выступлениями на пленарном заседании. Организатор форума, В.Н. Владимиров, открыл научную часть конференции докладом о прошлом и будущем исторической геоинформатики. По его мысли, новыми тенденциями современности являются повышение интереса к историческому материалу специалистов-геоинформатиков и становление *digital history* с акцентом не на мобилизацию аналитических возможностей компьютерных технологий, а на визуализацию исторических источников. Развиваясь на российской почве с некоторым хронологическим отставанием от зарубежного опыта, эта дисциплина в то же время получила здесь ряд особенностей. Помимо информатизации науки и образования на ее формирование в России оказали сильное влияние традиции исторической картографии и исторического источниковедения.

Подробнее на особенностях применения ГИС-технологий в рамках двух современных направлений зарубежной историографии, берущих общее начало в “History and Computing” 1960–1980-х гг., остановилась И.М. Гарскова. По мнению докладчицы, современное разделение на *Digital Humanities* и *History and*

Computer (в зарубежной науке представленного почти целиком в рамках *Social History Science*) проистекает, соответственно, из развития двух традиций, первая из которых делает акцент на ресурсной компоненте, а вторая — на аналитической. ГИС-технологии и шире, историческая информатика, почти полностью оказались в сфере деятельности *Social History Science* и значительно слабее представлены в *Digital Humanities*.

Ряд пленарных докладов был посвящен крупным проектам, отличающимся значительным территориальным или тематическим охватом материала: о технологиях ГИС в изучении занятий населения Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (Е.А. Брюханова, Е.П. Крупочкин); об интеграции сведений различных научных коллективов из разных стран в историческом атласе Большого Алтая (И.Н. Ротанова, А.А. Тишкин, В.С. Тикунов, Г.А. Ефремов); о крупномасштабных картах и списках населенных мест Российских губерний как системообразующем элементе электронных коллекций и геопорталов библиотек и архивов (В.Г. Щекотилов, О.В. Лазарев, О.С. Лазарева). В.И. Дурновцев рассказал о взаимосвязях исторической географии и экологической истории.

Секционные доклады могут быть разделены на несколько тематических групп. Первая объединяет выступления об особенностях работы с историческими источниками на базе ГИС-технологий: об исторических источниках для ГИС (М.В. Рыгалова), о ГИС-технологиях в контексте госзаказов и госзакупок в области сохранения историко-культурного наследия (И.Г. Силина), о путях определения с помощью ГИС информативных возможностей картографирования исторических объектов (А.А. Фролов).

Вторая группа — это доклады, целью которых является описание созданной авторами ГИС и ее возможностей: о геопортале «Историко-культурное наследие Пермского края» (С.И. Корниенко, А.С. Круглова, С.В. Пьянков), о ГИС «Пермская губерния накануне введения земства» (А.С. Пьянков), о геоинформационной поддержке кадастра историко-культурных ресурсов туризма (И.Н. Ротанова, Н.Ф. Харламова), об адаптации советских и германских карт периода Великой Отечественной войны на геопортале архивных карт XVIII–XXI вв. (В.Г. Щекотилов).

Наиболее многочисленной оказалась третья группа докладов. Она представлена серией докладов о результатах, полученных с помощью ГИС в изучении массовых источников XIX–XX вв.: о картографировании религиозных сообществ Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. (Е.М. Главацкая, Г. Торвальдсен, Ю.В. Боровик, А.А. Заболотных), об изучении освоения территории Алтайского края на основе архивных картографических источников (И.Н. Ротанова, М.М. Силантьева, Н.Ю. Курепина, В.В. Гайда), об инфраструктуре сельской поселенческой сети Алтая середины 1920-х гг. (Д.В. Колдаков), о пространственной структуре крестьянских переселений в России / СССР по материалам переписи населения 1926 г. (Л.И. Бородкин), о географии политического террора на Алтае в 1935–1937 гг. (Е.М. Мишина), о пространственном анализе социально-экономических данных переписи 1897 г. на примере уездов Сибири (Е.А. Брюханова, О.И. Чекрыжова). В представленных докладах, помимо возможностей картографирования средствами ГИС, продемонстрированы и аналитические возможности информационных технологий: корреляционный, регрессионный и кластерный анализы данных.

Четвертая группа докладов была посвящена изучению взаимодействия антропогенной среды и ландшафтов: о географическом анализе и картографировании археологических памятников Юго-Восточного Алтая (Е.П. Крупочкин), о моделировании дорожной сети средневекового региона (северная Удмуртия) с учетом ландшафтных особенностей в сравнении с данными об археологических объектах (И.В. Журбин, Д.В. Груздев, Р.П. Петров, О.Т. Чиркова), об изучении изменений русла Верхней Камы по картографическим и архивным источникам (Е.С. Черепанова).

После секционных заседаний состоялся круглый стол «Историческая геоинформатика: вчера, сегодня, завтра» (модератор — С.И. Корниенко). После запланированных выступлений И.В. Журбина, С.В. Пьянкова и А.А. Фролова многие участники форума выступили со своими соображениями о перспективах развития этого направления в России. В частности, обсуждались возможности расширения междисциплинарности исследований путем привлечения специалистов неисторического профиля, активизации образовательной деятельности и обмена опытом на базе Ас-

социации «История и компьютер», сотрудничества с другими организациями геоинформационной направленности, интеграции исторических данных в инфраструктуры пространственных данных, дальнейшей разработки исторических веб-ресурсов. Одной из важных перспектив, выводящих на новый уровень историческую геоинформатику в России, может стать создание репозитория пространственных исторических данных для стимуляции взаимовыгодного обмена ими между разными исследовательскими группами. Предметом обсуждения на круглом столе стали и основные трудности, стоящие на пути к реализации этой перспективы.

А.А. Фролов

XIX ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПИСЦОВЫЕ КНИГИ И ДРУГИЕ МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ XVI–XXI ВЕКОВ»

1–4 июля 2015 г. в Санкт-Петербурге проходила XIX Всероссийская научная конференция «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI веков», организованная Санкт-Петербургским институтом истории и Санкт-Петербургским филиалом Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» и приуроченная к 100-летию со дня рождения Александра Ильича Копанева.

Три доклада пленарного заседания были посвящены творчеству и наследию А.И. Копанева (Е.Н. Швейковская, З.В. Дмитриева, Н.Ю. Бубнов). Затем С.Г. Кащенко выступил с обзорной характеристикой массовых источников по крестьянской реформе 1861 г., А.В. Сиренов рассказал о проекте по описанию архивного наследия Тихвинских монастырей XVII века.

После пленарного заседания работа конференции разделилась на две секции, в общей сложности прозвучало 50 докладов. Много внимания было уделено вопросам источниковедения и археографии исторических источников — главным образом массовых.

Значительное место в программе конференции заняли и доклады по исторической географии. Одно из направлений этой тематики было представлено группой докладов о топонимике исторических источников, поселенческой структуре и землевладении. М.С. Черкасова предложила вниманию слушателей сводку упоминаний топонимов, которые обозначают термины, связанные с налогообложением в писцовых книгах. О.А. Абеленцева изучила последовательность описания объектов налогообложения в Шунгском погосте Обонежской пятине в книге 1620-х годов в связи с их пространственным расположением и с поряд-

ком списания тех же объектов в более ранних писцовых книгах. В.С. Курмановский рассказал об истории формирования территориальных структур средневековой Смоленской земли и динамике их развития. С.С. Кутаков охарактеризовал возможности ныне утраченных записных книг Старицкого Успенского монастыря 1607 г. (известных только по публикации начала XX в.) как источника по исторической географии Тверского уезда. Княжеское землевладение второй половины XVI – начала XVII в. в Ярославском уезде было исследовано А.В. Сергеевым. О поместном землевладении в Белозерском уезде в первой четверти XVII в. сделал доклад С.А. Алексеев. Н.В. Башнин выступил с докладом о поселенческой структуре вотчины вологодского архиерейского дома Лежский Волок — по данным сотной грамоты 1624 года.

Другим направлением историко-географической тематики на конференции стали доклады, в которых основное внимание было уделено источниковедческим аспектам изучения исторических источников. А.И. Филюшкин привел данные русско-литовских посольских книг XVI в., которые свидетельствуют, что в первой четверти XVI в. появляется практика составления росписи приграничных земель местными властями. Эти росписи, по мнению докладчика, не имели официального характера но использовались в центральных учреждениях как источник «географических сведений» для решения многих вопросов, касающихся прохождения границы.

Комплекс документов на земли, переданные от Новгорода ко Ржеве Володимерове, по-видимому, в годы «царствования» Симеона Бекбулатовича, выделен в составе архива Новгородской съезжей избы и исследован методами кодикологии в докладе А.А. Фролова. Специфика этого комплекса заключается в том, что создавался он в Москве и только в 1580-е годы был доставлен в Новгород.

Научная часть конференции завершилась круглым столом под названием «Реконструируют ли исследователи архивы прошлого?». Выступившие по данной проблеме исследователи (З.В. Дмитриева, О.А. Абеленцева, Н.В. Башнин, О.А. Дроздик, А.Б. Постников, А.А. Селин, Н.В. Соколова, Л.А. Тимошина, Е.Б. Французова и др.) высказались за необходимость работы по реконструкции архивных комплексов и продемонстрировали

многие результаты, полученные в этом направлении для монастырской, частновладельческой и приказной документации, а также других видов исторических источников.

В завершение работы круглого стола А.В. Сиренов, О.А. Абеленцева., А.Е. Жуков, И.А. Поляков выступили с докладами о предварительных итогах работы с документами из архивов тихвинских монастырей.

А.А. Фролов

СОКРАЩЕНИЯ

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
ВВ — Византийский временник. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М.
ДГВЕ — Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
ACD — Acta classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis. Debrecen
FuF — Forschungen und Fortschritte. Berlin
RAC — Reallexikon für Antike und Christentum / Hrsg. von Th. Klauser et al. Stuttgart
RE — Paulys Real-Enzyclopädie der classischen Alterstumwissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von Kroll. Stuttgart
REL — Revue des Études Latines. Paris

ABSTRACTS

MIKHAIL D. BUKHARIN

The History of the Names of Arabia: The So Called Arabia the First

The *Periplus of the Erythraean Sea* contains a mention of the "Former First Arabia" (*τῆς πρώτης γενομένης Ἀραβίας*), which is unique for the entire Classical literature. An analysis of the manuscript tradition demonstrates that this Greek notion should be read and understood as "the Arabia known as Blessed (Fertile)".

Periplus of the Erythraean Sea, manuscripts, palaeography, historical geography, East Africa, South Arabia.

LEONID S. CHEKIN

The Geography of Salvation and Astronomical Geography: The Northeast of the Known World in Western European Geographical Literature and on Maps from the Ninth through the Thirteenth Centuries

The article systematizes information about the land of the Rus' and neighboring territories in medieval geographical and cartographical sources that presented it within one of the two major contexts, either while discussing the history of humanity's salvation or while establishing the relationship between the celestial sphere and the terrestrial globe. Traditional ideas that went back to the geographical literature of Late Antiquity variously interacted with new knowledge about the geographical and ethnographical situation of the times of Kievan Rus'.

Paulus Orosius, Gervase of Tilbury, Bartholomeus Anglicus, Roger Bacon, Ebstorf Map, Scythia, toponyms, archaization, variation.

ALEXEI A. FROLOV, ALEXEI A. GOLUBINSKY

"Sources on the Historical Geography of the Bezhetsk Upland": A Geographic Information System

The article describes the technology behind a historical geographic information system available to users via the Internet. This web-GIS visualizes historical and geographical data from fundamental sources on the historical geography of the Bezhetsk Upland: the cartographic materials of the General Survey (late 18th century), the cadaster, census and survey books, drawings from the 17th century, and feudal acts and diocesan inquiries of the 15th–16th centuries. The region of the Bezhetsk Upland lies in the upper reaches of the Mologa river, where the interests of Novgorod could be at odds with claims of the great and appanage princes. Many of the issues that are important for the study of Russian history of the 11th–18th centuries in general can only be discussed with reference to the historical map of the Bezhetsk Upland. This web resource could facilitate historical studies of the region and may be useful for educational purposes.

Bezhetsk Upland, historical source study, historical geography, integration of historical sources, geographic information system.

PATRICK GAUTIER DALCHÉ

Scholarly Geographic Representations, Construction and Practices of Space in the Middle Ages

The article considers several examples, from various periods of the Middle Ages, of how scholarly geographical representations were employed. These images and ideas, often going back to the geographers of Antiquity, were used for a variety of occasions: the definition of national identities, the delimitation of ecclesiastical or political territories, the affirmation of effective sovereignty over recently acquired territories or symbolic supreme power over the whole known world, the development of iconographic programs for ecclesiastical or secular monumental buildings, and predication. Far from being purely bookish phenomena, ideas about physical and human geography shaped the contexts for deliberating and acting in a variety of practical areas.

Geography, Middle Ages, national identity, delimitation of territories, sovereignty, preaching.

ANATOLII L. GRIAZNOV

"In the Poshekhonie on the Ukhtoma" and the Ukhtomskaia *volost'* in the Sixteenth – Early Seventeenth Centuries

The article gives a detailed characteristic of the Ukhtomskaia *volost'* in the 17th century and of the Ukhtoma microregion in the 15th–16th centuries. A comprehensive study of 15th–18th-century sources was helpful in defining the territory of the Ukhtomskaia *volost'* in the 17th century and the borders of Ukhtoma in the 15th–16th centuries, localizing the majority of the settlements of the *volost'*, establishing the borders of the princely estates of the 15th–16th centuries, mapping the patrimonies and manors of the first third of the 17th century, reconstructing settlement dynamics, defining the correlation between the territories of Ukhtoma in the 16th century and the Ukhtomskaia *volost'* in the 17th century, and determining the continuity of the land possessions of the first third of 17th century with an earlier time.

Feudalism, *kniaz'*, ancestral landownership of princely dynasties, *volost'*, acts, census books.

TATJANA N. JACKSON

On the "Disoriented" Author of *Knýtlinga Saga*

The geographical position of Denmark, situated on Jutland and several islands in the Baltic Sea, strictly corresponds to the system of north-south and east-west axes. However, according to the *Knýtlinga saga*, written down in the mid-thirteenth century and dedicated to Danish history from the tenth to the early thirteenth century, the entire space of Denmark looks as if a square piece, with Denmark on it, had been removed from a cartographic jigsaw puzzle and then rotated by 90° counter-clockwise, so that the western part of Denmark, Jutland, became the southernmost one while the more easterly islands took up position to the north of it. Analysis of the overall source material leads to the conclusion that the early North Germanic picture of the world included an idea of the Danish lands

divided into southern (Jutland) and northern (Funen, Zealand, and Skåne that was part of Denmark until the mid-seventeenth century). In this paper the author expresses her attitude towards the theory of a shifted Scandinavian orientation and proposes a hypothetical explanation of how the aforementioned geographic idea could have penetrated the *Knýtlinga saga*.

Denmark, Old Norse sources, *Knýtlinga saga*, shifted orientation, mental maps, geographic ideas.

VADIM V. KHAPAEV

The History of the Crimean Earthquakes: The Evolution of Historiographic Paradigms

The paper is devoted to the analysis of the evolution of the hypothesis about the causes of the Crimean earthquakes and their possible connection with seismic events in other regions, primarily in the environs of Constantinople. The author shows that the misconceptions of the first investigators about the influence of the remote seismic events on the destructions in the Crimea were firmly rooted in historiography and prevailed up to the end of the 20th century among historians and archaeologists as well as among natural scientists. It led to significant distortions in writings on the ancient and medieval history of the Crimean peninsula. The beginning of the 21st century finally saw the emergence of the idea that great destructions on the peninsula could have been caused only by the earthquakes that took place in the Crimean-Black Sea region.

Crimea, earthquake, landslide, historiography.

IRINA G. KONOVALOVA

The Reception of Ancient Toponyms in Arab Geography: Information about Lake *Ṭirmā* in the Works of al-Idrīsī, Ibn Saʿīd, and Abū al-Fidā'

The paper investigates the information provided by the Arab geographers of the 12th–14th centuries al-Idrīsī, Ibn Saʿīd, and Abū al-Fidā' about Lake *Ṭirmā*, located by them in Eastern Europe. Examination of their reports in the context of ancient geographical traditions regarding Eastern Europe demonstrates that these Arab

scientists elaborated their ideas about the region's hydrography under the strong influence of Islamic adaptations of the geographical work of Claudius Ptolemy (2nd century AD), who had mentioned a city called *Tiramba* (*Τυράμβη*) on the shore of the Maeotis. In Arab geography, the hydronym *Ṭirmā* initially served as the name of the Sea of Azov; in the 10th century it was used alongside the name Maeotis (Arab. *Māyuṭis*). Subsequently, the accumulation of new knowledge about the Sea of Azov led to the differentiation of the two hydronyms. The term *Māyuṭis* continued to be applied to the Sea of Azov, while the name *Ṭirmā* eventually came to designate an imaginary object, a great inland lake.

al-Idrīsī, Ibn Saʿīd, Abū al-Fidā', hydronymy, Eastern Europe, geography of antiquity.

SERGEI S. KUTAKOV, JULIA V. STEPANOVA

The Borders and Administrative Structure of the *uezd* of Tver' in the Sixteenth Century

The article is devoted to the territorial and administrative structure of the *uezd* of Tver' in the 16th century. The research is based on the analysis of the census books and acts of the 16th century, and cartographic materials of the 18th–20th centuries. GIS-technologies allowed the authors to localize the rural settlements of the *uezd* of Tver', specify the borders of the *uezd*, and investigate the structure of its *volosti*. The study of the territory of the *uezd* of Tver' is important for the understanding of the development of the borders and structure of the Principality of Tver', one of the most important political entities in medieval Russia.

Uezd of Tver', *volost'*, *stan*, rural settlement, census books, *GIS.*

NATALIA V. NIKOLENKOVA

Russian Geographical Terminology in the *Vvozhdenie v kosmografiiu:* A Linguistic Perspective

The paper describes an introductory text to the Russian translation of the 1645 Blaeu Atlas created in the circle of Epifany Slavinetsky in Moscow in the 1650s. In several manuscripts this

introductory text is entitled *Vvozhdenie v kosmografiiu*. The text is a valuable source on the history of the language and deserves more attention from linguists. The article demonstrates that a range of Russian scientific terms (including the term *geograf*, "geographer") is 40 or more years older than it has been previously assumed, as those terms, usually dated to the early eighteenth century, had already appeared in the *Vvozhdenie v kosmografiiu*. Besides that, Slavinetsky and his associates had anticipated the development of scientific terminology, having suggested different Russian variants for the foreign lexemes.

Cosmography, geography, Church Slavonic language, seventeenth century, the language of science, terminology, translation.

ALEKSANDR V. PODOSINOV

Islands in the Baltic as Reflected in Ancient Literature from Homer to Jordanes

This article analyzes the ideas of ancient authors about the islands in the Baltic Sea. The first mythological stage of the exploration of the Baltic Sea has been linked to speculative cosmological theories of the Greek archaic period, in which the Earth was perceived as surrounded on all sides by the river-ocean. It was during oceanic voyages of ancient heroes, in particular of Odysseus, that the islands of the Arctic Ocean were described for the first time. All these islands have a fantastic, fabulous nature and at the same time they are the gateway to another world (the island of the Laestrygonians, the island of Circe, and the land of the Cimmerians). The real acquaintance with the Baltic Sea begins after a sailing voyage of the fourth-century B.C. Greek traveler Pytheas of Massalia, which ended with the discovery of Scandinavia, albeit identified as an island. The article discusses the exploration of the Baltic Sea and its islands until the early medieval time (Jordanes).

Baltic islands in antiquity, Homer, Pytheas of Massalia, Pomponius Mela, Pliny the Elder, Ptolemy, Jordanes.

ALEXEI S. SHCHAVELEV

The Fragment on the "Northern Scythians" (*Rhos*) in the *Taktika* of Byzantine Emperor Leo VI the Wise

The paper presents an analysis of the text-fragment describing the ships of the "Northern Scythians" in comparison with the ships of the Saracens, as found in the *Naumachika* chapter of the Byzantine treatise *Taktika*, composed under the supervision of Emperor Leo VI the Wise. In one of the oldest manuscripts *Ambros. B 119-sup.* (third quarter of the tenth century) there is a clarification that the "Northern Scythians" are called Ῥῶς. Comparison of different variants of the text, analyses of its stylistic peculiarities, and study of the historical realities mentioned therein demonstrate that the ethnonym Ῥῶς was most likely present in the *Taktika* from the very beginning of its manuscript tradition. Thus, it becomes the first mention of the "Rhos" in Byzantine literature not directly related to the description of their raid in 860. This information fits into a very useful set of texts containing references to Rus' at the end of the ninth century and in the early tenth century. These are *The Life of Patriarch Ignatius* by Nicetas David, the protograph of the 42nd chapter of the treatise *De administrando Imperio* by Constantine VII Porphyrogenitus, military administrative notes on campaigns against Crete included in the treatise *De cerimoniis*, and a notice in the *Chronicle* of Pseudo-Symeon. Together they constitute a small but quite informative complex of data about Rus' and the Rhos in the time of Leo VI the Wise.

Byzantium, Rus', Leo VI the Wise, Constantine VII Porphyrogenitus, Patriarch Photios, *Taktika*, *Naumachika*, Medieval naval science, *τὸ μονόξυλον*, *akation*, text critics, tenth-century Greek manuscripts.

JERZY STRZELCZYK

From Recent Polish Studies in the History of Geography

This review article deals with the most important developments and achievements of Polish historians of ancient and medieval geography and cartography. In a less detailed manner, it also touches upon the history of geography of later periods (through the eighteenth century).

Poland, historiography, cartography, travel writing, the history of discoveries.

ALEXEI B. TSELUNOV

Settlement Structure and the Phenomenon of *incastellamento* in the Post-Byzantine Northeast Italy (Eighth – Tenth Centuries)

The article considers the development of territorial structures, settlement patterns, and *incastellamento* in early medieval Northeast Italy (8th–10th centuries A.D.), mostly within the boundaries of the former Byzantine province of the Exarchate with its center in Ravenna. There seems to have been only marginal population growth and land redistribution. The continued strong public authority of the influential archbishopric of Ravenna resulted in marginal and underdeveloped local power centers (monasteries and *curtes*, that is, private lay patrimonies), which also explains why the implementation of *incastellamento*, a typical feature of neighboring areas, was "delayed" and took place on a lesser scale.

Incastellamento, Medieval Romagna, agrarian landscape, settlement, territorial organization.

ARUTIUN A. ULUNIAN

The "Line of Theodosius I": Historical Geography in Modern Albanian Social and Political Journalism

The European vector of the foreign policy orientation of Albanian society has intensified the national debate about the historical reasons for the existing differences between East and West and their impact on the socio-political and economic development of Albania. The new relevance of the so-called "archaic" political tradition included an appeal to historical geography, namely to the division of the Roman Empire in 395 A.D., in accordance with the testament of the emperor Theodosius I, into western and eastern, with the inclusion of the territory of modern Albania into the latter. The "Line of Theodosius" is invoked in current Albanian social and political journalism in order to discuss the role and place of the historical heritage of the Byzantine and Ottoman empires and of

Christianity and Islam in determining the degree of Albanians' closeness to Europe, and to either justify or repudiate the historical-geographical argument in their national discourse. The juxtaposition of the "Line of Theodosius" with "the Line of Jireček", which, according to this Czech scholar of the turn of the 20th century, had split the Balkans into zones of influence of the Roman- and Greek-speaking worlds, and which has gained acceptance by linguists and anthropologists, with an appeal to the historical role of the Via Egnatia, a Balkan route that passed close to the two lines, underscores the importance of "archaic" political geography for modern geospatial constructions.

Albania, Albanism, Albanian social and political journalism, Balkans, Byzantine Empire, geo-spatial design, historical geography, the Line of Jireček, the Line of Theodosius, neoalbanism, Occidentalism, Orientalism, Ottoman Empire, Cold War, Southeastern Europe.

CONTENTS

HISTORY OF GEOGRAPHY AND CARTOGRAPHY

PATRICK GAUTIER DALCHÉ
Scholarly Geographic Representations, Construction and Practices of Space in the Middle Ages …… 8

L.S. CHEKIN
The Geography of Salvation and Astronomical Geography: The Northeast of the Known World in Western European Geographical Literature and on Maps from the Ninth through the Thirteenth Centuries ……..... 43

N.V. NIKOLENKOVA
Russian Geographical Terminology in *Vvozhdenie v kosmografiiu*: A Linguistic Perspective ……... 108

JERZY STRZELCZYK
From Recent Polish Studies in the History of Geography ……. 146

PRIMARY SOURCES

A.V. PODOSSINOV
Islands in the Baltic as Reflected in Ancient Literature from Homer to Jordanes…….. 187

A.B. TSELUNOV
Settlement Structure and the Phenomenon of *incastellamento* in the Post-Byzantine Northeast Italy (Eighth – Tenth Centuries)……..... 215

A.S. SHCHAVELEV
The Fragment on the "Northern Scythians" (*Rhos*) in the Taktika of Byzantine Emperor Leo VI the Wise……. 236

T.N. JACKSON
On the "Disoriented" Author of *Knýtlinga Saga*……..... 251

HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE RUSSIAN MIDDLE AGES

S.S. KUTAKOV, JU.V. STEPANOVA
The Borders and Administrative Structure of the *uezd* of Tver' in the Sixteenth Century…….. 280

A.L. GRIAZNOV
"In the Poshekhonie on the Ukhtoma" and the Ukhtomskaia *volost'* in the Sixteenth – Early Seventeenth Century …… 318

HISTORICAL TOPONYMY

M.D. BUKHARIN
The History of the Names of Arabia: The So Called Arabia the First…….... 347

I.G. KONOVALOVA
The Reception of Ancient Toponyms in Arab Geography: Information about Lake *Ṭirmā* in the Works of al-Idrīsī, Ibn Sa'īd and Abū al-Fidā'….... 366

HISTORICAL GEOGRAPHY AND THE PRESENT

AR.A. ULUNIAN
"The Line of Theodosius I": Historical Geography in Modern Albanian Social and Political Journalism ……. 385

ENVIRONMENTAL HISTORY

V.V. KHAPAEV
The History of the Crimean Earthquakes: The Evolution of Historiographic Paradigms……... 405

GIS-TECHNOLOGIES IN HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL STUDIES

A.A. FROLOV, A.A. GOLUBINSKY
"Sources on the Historical Geography of the Bezhetsk Upland": A Geographic Information System……. 440

REVIEWS

Koelsch W.A. Geography and the Classical World. Unearthing Historical Geography's Forgotten Past. London; New York: I.B. Tauris, 2013. 352 p. (Tauris Historical Geography Series) (*F.S. KORANDEI*)……. 456

Seegel, S. Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire. Chicago; London: University of Chicago Press, 2012. 368 p. (*L.S. CHEKIN*)……. 465

Historical atlas of Poland in the 2nd half of the 16th century : voivodeships of Cracow, Sandomierz, Lublin, Sieradz, Łęczyca, Rawa, Płock and Mazovia / Ed. by Marek Słoń, transl. by A. Staszewska and M.A. Brozyna. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2014. 4 vol., xxix + 1597 p. (Geschichte — Erinnerung — Politik, 6) (*A.A. FROLOV)* 472

Историја и географија: Сусрети и прожимања. Тематски зборник радова / Главни и одговорни уредник др Софија Божић. Београд: Colorgrafx, 2014. 840 с. (Библиотека «Зборници радова» / Институт за новију историју Србије, бр. 11) (*I.G. KONOVALOVA*)……... 483

CHRONICLE

16th International Conference of Historical Geographers. London, July 5 to10, 2015 (*I.G. KONOVALOVA, A.A. FROLOV*)……..... 491

26th International Conference on the History of Cartography. Antwerp, July 12 to 17, 2015 (*CHET VAN DUZER*)……. 502

Central European Conference of Historical Geographers. Prague, August 31 to September 2, 2016 (*I.G. KONOVALOVA*)……..... 506

First World Conference of Association for Borderland Studies (*M.E. PROSKURIAKOVA, V. KAISTO*)……. 512

International Scientific Conference "Geoinformational Systems and Technologies in Historical Studies" (*A.A. FROLOV*)…….. 519

19th All-Russian Scientific Conference "Cadaster Books and Other Mass Sources of the 16th–21st Centuries" (*A.A. FROLOV*)…… 523

ABBREVIATIONS……. 526

ABSTRACTS……. 527

CONTENTS…….. 536

AUTHORS…… 539

ОБ АВТОРАХ

БУХАРИН Михаил Дмитриевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий Центром истории древнего Востока Института всеобщей истории РАН, vdi@igh.ras.ru

ВАН ДУЗЕР Чет (Chet VAN DUZER) — член совета директоров *The Lazarus Project*, проекта по созданию многоспектральных изображений Рочестерского университета, chet.van.duzer@gmail.com

ГОЛУБИНСКИЙ Алексей Алексеевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, специалист первой категории Российского государственного архива древних актов, lexus.gol@gmail.com

ГОТЬЕ-ДАЛЬШЕ Патрик (Patrick GAUTIER DALCHÉ) — доктор, профессор историко-филологического отделения Практической школы высших исследований (Сорбонна) и ведущий научный сотрудник французского Национального центра научных исследований, p.gautierdalche@free.fr

ГРЯЗНОВ Анатолий Леонидович — научный сотрудник некоммерческого партнерства «Научно-исследовательский центр “Древности”», rubicon@vologda.ru, rubicon-2@yandex.ru

ДЖАКСОН Татьяна Николаевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Tatjana.Jackson@gmail.com

КАЙСТО Вирпи (Virpi KAISTO) — научный сотрудник Технического университета Лаппеенранты, соискатель докторской степени Университета Восточной Финляндии, Virpi.Kaisto@lut.fi

КОНОВАЛОВА Ирина Геннадиевна — доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, irina_konovalova@mail.ru

КОРАНДЕЙ Федор Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторической географии и регионалистики Института истории и политических наук Тюменского ГУ, brecht_1@mail.ru

КУТАКОВ Сергей Сергеевич — аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук, k_sergei_s@mail.ru

НИКОЛЕНКОВА Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, natanik2004@mail.ru

ПОДОСИНОВ Александр Васильевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, podossinov@mail.ru

ПРОСКУРЯКОВА Мария Евгеньевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, соискатель докторской степени Университета Восточной Финляндии, maria.proskuriakova@uef.fi

СТЕПАНОВА Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета, m000142@mail.ru

СТШЕЛЬЧИК Ежи (Jerzy STRZELCZYK) — Prof. Dr. Hab., заслуженный профессор Университета имени Адама Мицкевича в Познани, dorotagata@op.pl

УЛУНЯН Артём Акопович — доктор исторических наук, заведующий сектором балканских, южно-кавказских и центрально-азиатских исследований Института всеобщей истории РАН, mirditahavlar21@gmail.com

ФРОЛОВ Алексей Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, npkfrolov@rambler.ru

ХАПАЕВ Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, khapaev007@mail.ru

ЦЕЛУНОВ Алексей Борисович — редактор ОАО «Большая Российская Энциклопедия», аспирант кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, celunov_a@mail.ru

ЧЕКИН Леонид Сергеевич — доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра «АИРО-XXI», chekinls@gmail.com

ЧЕКИН Петр Леонидович (Peter CHEKIN) — аспирант кафедры французской литературы Университета Виргинии, chekinpl@gmail.com

ЩАВЕЛЕВ Алексей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, alexis-schavelev@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ

В сборнике «Историческая география» публикуются различные материалы по историко-географической проблематике: исследовательские статьи и сообщения (включая публикацию источников), историографические и тематические обзоры, рецензии, научная хроника. К рассмотрению принимаются материалы по всем аспектам исторической географии, без ограничений по хронологии и региону исследования.

Объем каждого выпуска сборника — более 30 а.л.

Все материалы, присланные в редколлегию ежегодника, проходят внутреннюю рецензию.

Прием статей и других материалов для публикации в ежегоднике осуществляется круглый год по адресу: konovalova@igh.ru или konovalova@igh.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Объем статьи до 1 а.л. (40 000 знаков, включая пробелы между словами).

Гарнитура текста — Times New Roman. Просьба избегать шрифтов, не входящих в основной комплект Times New Roman. Если Вам необходимо использовать особые символы, пожалуйста, пришлите дополнительные шрифты одновременно со статьей.

Знаки переноса не используются.

Сноски даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Образец оформления сносок: Иванов 2008: 34.

В конце статьи необходимо привести список использованных источников и литературы в алфавитном порядке, а также список сокращений.

Вместе со статьей нужно прислать:

• краткую (один абзац до 1000 знаков) аннотацию на русском и английском языках с заголовком;

• ключевые слова (до 10 слов) на русском и английском языке;

• информацию об авторе (Ф.И.О., уч. степень и звание, место работы, должность, контактный телефон, e-mail).

Образец оформления библиографии в списке источников и литературы:

• КНИГА — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название. Место издания. Год издания.

Мурзаев 1996 — *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996.

Barber, Harper 2010 — *Barber P., Harper T.* Magnificent Maps: Power, Propaganda and Art. London, 2010.

• СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название статьи (без точки), две косые черты, название сборника, косая черта, редактор (инициалы, затем фамилия). Место издания. Год издания. Страницы.

Пьянков 2010 — *Пьянков И.В.* Согдиана Птолемея // Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010. С. 318–324.

Lafrenz 2010 — *Lafrenz J.* The metrological analysis of town-plans of Early Modern Times // Proceedings of the 14th International Conference of Historical Geographers, Kyoto 2009 / Ed. A. Kinda et al. Kyoto, 2010. P. 133–134.

• СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название статьи (без точки), две косые черты, название журнала (полное или аб-

бревиатура, вынесенная в общий список сокращений). Год издания. Том. Номер. Страницы.

Чернов 2009 — *Чернов С.З.* О комплексных методах в русской средневековой археологии // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2009. Вып. 70 (3). С. 98–131.

Painter 2010 — *Painter J.* Rethinking Territory // Antipode. 2010. Vol. 42. N. 5. P. 1090–1118.

• Источник — Автор и год издания. Тире. Автор (курсивом). Название (без точки), косая черта, издатель (инициалы, затем фамилия, прямым шрифтом, без точки), две косые черты, серия (или сборник), точка. Место издания. Год издания. Страницы. В скобках — указание на серию.

Геродот 1993 — *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. М., 1993.

Чекин 1999 — *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Miller 1926 — *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1926. Bd. I.

• Иллюстративные материалы (карты, схемы, рисунки, фотографии) предоставляются в формате *.jpg (предпочтительно) или *tif, *bmp, *gif.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 3

●

Ответственный редактор
Ирина Геннадиевна Коновалова

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано в печать 18. 12. 2016
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 34. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924 97 30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, Технополис МОСКВА
Телефон: +7 (495) 545 37 10
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru

ISBN 978-5-906578-20-4